

**Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение
«Институт законодательства и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации»**

На правах рукописи

Сазонова Кира Львовна

**МЕЖДУНАРОДНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА
ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ**

5.1.5. Международно-правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Научный консультант:

доктор юридических наук, профессор
Холиков Иван Владимирович

Москва – 2024

Оглавление

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	4
ВВЕДЕНИЕ	6
Глава 1 ТЕМАТИКА МЕЖДУНАРОДНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПРАВЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:	
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ	41
1.1. Концептуальное содержание категории «преступления против мира и безопасности».....	41
1.2. Нормативно-правовое содержание категории «преступления против мира и безопасности».	55
1.3. Международно-правовая ответственность за преступления против мира и безопасности.....	73
1.4. Этапы развития и становления тематики международной ответственности за преступления против мира и безопасности.	82
Глава 2 ОСНОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ	123
2.1. Нарушение норм <i>jus cogens</i> и обязательств <i>erga omnes</i> как основание международной ответственности.	123
2.2. Критика ключевых концепций неправомерного применения силы как средства защиты прав человека.....	138
2.3. Международная ответственность за нарушения государственного суверенитета.	148
2.4. Право государств на индивидуальную и коллективную самооборону как правомерное исключение из оснований международной ответственности.	157
Глава 3 МНОЖЕСТВЕННОСТЬ СУБЪЕКТОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	169
3.1. Правовые предпосылки возникновения множественности субъектов международной ответственности.	169
3.2. Соотношение вопросов международной ответственности государств, международных организаций и индивидов.	176
3.3. Проблемы квалификации применения силы частными военными и охранными компаниями.	197
3.4. Проблема привлечения государств и международных организаций к ответственности за нарушения норм международного гуманитарного права.....	215

Глава 4 РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ	236
4.1. Виды и формы международной ответственности государств за преступления против мира и безопасности.	236
4.2. Юрисдикция органов международного правосудия в отношении международной ответственности государств.	262
4.3. Контрмеры в праве международной ответственности: понятие, значение, условия применения.	275
4.4. Санкции и международная ответственность государств в доктрине международного права и в практике международного взаимодействия. ..	291
Глава 5 ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ	318
5.1. Международная организация как субъект международной ответственности.	318
5.2. Имплементация международной ответственности международных организаций.	326
5.3. Ответственность за силовые злоупотребления и превышение мандата при осуществлении миротворческих операций Организацией Объединенных Наций.	335
5.4. Ответственность за силовые злоупотребления при осуществлении миротворческих операций региональными организациями коллективной безопасности.	345
Глава 6 МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ИНДИВИДА КАК ОСНОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	377
6.1. Эволюция системы международного уголовного правосудия	377
6.2 Основные проблемы деятельности международного правосудия в отношении международных преступлений индивидов.	381
6.3. Проблема формирования системы «универсальной юрисдикции» в отношении международных преступлений индивидов.	395
6.4. Проблема привлечения к международной ответственности высших должностных лиц государства.	402
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	421
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	431
Приложения	486

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АС – Африканский Союз

БПЛА – беспилотные летальные аппараты

ВВС – Военно-воздушные силы

ВМС - Военно-морские силы

ГА ООН – Генеральная Ассамблея ООН

ДНЯО – Договор о нераспространении ядерного оружия

ЕСПЧ – Европейский суд по правам человека

ЕКМП - Ежегодник Комиссии международного права ООН

ЗЕС – Западно-Европейский Союз

КМП ООН – Комиссия международного права ООН

ЛАГ – Лига арабских государств

МИД России – Министерство иностранных дел Российской Федерации

МС ООН – Международный суд ООН

МГП – Международное гуманитарное право

МККК – Международный Комитет Красного Креста

МНПО – международная неправительственная организация

МО РФ - Министерство обороны Российской Федерации

МТБЮ – Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии

МУС – Международный уголовный суд

МУП – международное уголовное право

НАТО – Организация Северо-Атлантического Договора,
Североатлантический Альянс

ОАГ – Организация американских государств

ОБСЕ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе

ОИС - Организация исламского сотрудничества

ОДКБ – Организация договора о коллективной безопасности

ООН – Организация Объединенных Наций

ОПМ – операции по поддержанию мира

ПСОГ – Проект статей об ответственности государств за международно-
противоправные деяния

ПСОМО – Проект статей об ответственности международных организаций

РЕМП - Российский ежегодник международного права

СБ ООН – Совет Безопасности ООН

СБСЕ – Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе

СЕМП – Советский ежегодник международного права

ЧВОК – частные военные и охранные компании

ЧВК – частные военные компании

R2P – Responsibility to Protect [концепция «ответственности за защиту»]

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Увеличение числа вызовов и угроз действующей системе универсальной коллективной безопасности обуславливают необходимость нормативно-правового анализа существующих положений международного права в области военно-силового взаимодействия, а также поиск новых принципов международно-правового регулирования, которые могли бы обеспечить большую стабильность и управляемость современной системы международных отношений.

Можно констатировать, что стабильность и управляемость любой правовой системы обеспечивается механизмом ответственности. Именно перспективы реализации ответственности, а также понимание их оснований, играют существенную превентивную и профилактическую функцию в работе правовых систем. В международном праве вопросы ответственности изначально отличаются определенным своеобразием, особенно, когда речь заходит об ответственности за наиболее серьезные и грубые нарушения международных обязательств, которые можно обозначить как «преступления против мира и безопасности». Ввиду «неоднозначности существующих в современной правовой науке России подходов к общим проблемам имплементации международных норм»,¹ выработка единой концепции по вопросам международной ответственности за наиболее серьезные нарушения международного права, имеет большое стратегическое значение.

В последние годы сильно изменился внешнеполитический вектор Российской Федерации. Сильнейшее противостояние со странами Североатлантического альянса, серьезные вызовы экономике из-за беспрецедентного санкционного воздействия, парализация многих дипломатических каналов, а также разрыв некоторых договоров в области

¹ Холиков И.В. Правовое обеспечение международного сотрудничества в области военной медицины и здравоохранения: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 20.02.03/ Холиков Иван Владимирович. – М., 2005. С.4.

безопасности² актуализирует необходимость разработки положений, которые могли бы остановить дальнейшую деградацию межгосударственного взаимодействия.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что развитие тематики международной ответственности отнюдь не является отражением идеалистического взгляда на развитие международных отношений. Напротив, именно акцент на международной ответственности означает вполне реалистичное понимание того, что «сила, точнее сказать, прежде всего – сила, структурирует и поддерживает организацию человеческого сообщества»³, причем как государственного социума, так и международного сообщества.

Актуальность разработки вопросов международной ответственности за серьезные нарушения международно-правовых норм и обязательств определяется следующими факторами:

Во-первых, с учетом функции Российской Федерации как одного из гарантов действующей системы универсальной коллективной безопасности, формирование и концептуальное оформление российской позиции по вопросам, связанным с международной ответственностью за преступления против мира и безопасности, приобретает всё возрастающее значение.

Во-вторых, многолетний геноцид русскоязычного населения на территории ЛНР и ДНР остро ставит вопрос о возможностях привлечения к международной ответственности государства Украина, а также украинского руководства⁴.

В-третьих, именно в вопросах, регламентирующих международную ответственность, существует беспрецедентное количество противоречивых

² Например, выход США из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 г. и Договора по открытому небу 1992 г.

³ Малеев Ю.Н. Реабилитация адекватного и пропорционального применения силы // Московский журнал международного права. №3. 2004. С.31.

⁴ Сазонова К.Л., Холиков И. В. Проблемные вопросы реализации международной ответственности международных организаций за нарушения норм международного гуманитарного права // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 4(297). – С. 110.

трактовок различных юридических категорий. Можно констатировать, что отработанный и четко функционирующий механизм реализации международной ответственности государств, международных организаций и индивидов может стать тем сдерживающим фактором, который сможет ограничить количество совершаемых преступлений против мира и безопасности.

В-четвертых, в последнее время существенно возросла актуальность разработки вопросов международной ответственности государств за неоднозначные исторические события. Несмотря на прошествие значительного количества времени, такие явления, как геноцид армян в Османской империи; колониальная экспансия и эксплуатация; атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки; война во Вьетнаме и прочее, продолжают оставаться предметом острого обсуждения, связанного, прежде всего, с вопросом признания вины государствами и квалификацией данных событий⁵. В частности, набирает обороты практика реституции культурных ценностей бывшим колониям со стороны экс-метрополий⁶.

В-пятых, все возрастающее значение приобретает изучение вопросов распределения различных форм международной ответственности между различными субъектами международных преступлений, в том числе, между должностными лицами и государствами, а также между государствами и международными организациями.

В-шестых, «беспрецедентная интенсивность использования санкций в последние годы даёт основания полагать, что «мир вступил в эпоху "санкционного помрачения"»⁷. Очевидно, что агрессивное экономическое

⁵ См., например, Сазонова К.Л. Ответственность государств за колониальную эпоху как важнейшая тенденция современного международно-правового дискурса// Международное право. 2020. № 4. С.25-41.

⁶ Подробнее см.: Сазонова К.Л. Долгая дорога домой: возвращение культурных ценностей бывших колоний как важный политический тренд//Международная жизнь. №10. 2020. С.62-75.

⁷ Капустин А.Я., Хабриева Т.Я. Международное право и санкции. Поиск границ допустимого // Вестник Российской академии наук. №1(89). 2019. С. 3.

давление сегодня активно используется в качестве способа принуждения к политическим изменениям. В доктрине крайне запутан вопрос о том, являются ли санкции разновидностью международной ответственности государств, или же представляют собой отдельный самостоятельный институт. С учетом того санкционного давления, с которым Россия столкнулась после 2014 года, крайне важно определить международно-правовое значение санкций и контрмер, а также определить их соотношение с формами международной ответственности.

Состояние научной разработанности темы исследования.

В ходе исследования автору не удалось обнаружить комплексные работы монографического характера именно по тематике международной ответственности за преступления против мира и безопасности. В то же время, имеются исследования, в которых рассматриваются отдельные аспекты изученной автором темы, например, проблема неправомерного применения силы; международные преступления государств и индивидов; содержание категорий «агрессия» и «геноцид»; вопросы, касающиеся конкретных форм и субъектов международной ответственности, а также вопросы, находящиеся на стыке указанных тем.

Процесс становления и развития тематики международной ответственности неразрывно связан с развитием международного права как такового, в особенности, его военных аспектов. Ценный материал по изучаемой проблематике содержится в трудах таких выдающихся мыслителей, как К. Биркиншоек, Э. де Ваттель, Ф. де Виттория, Т. Гоббс, Г. Гроций, К. фон Клаузевиц, Н. Макиавелли.⁸

⁸ Bynkershoek C. De Foro Legatorum Liber Singularis. 1744; Ваттель Э. Право народов. М., 1980; Vitoria F. De Indis et de Ivre Belli Relectiones. Carnegie Institution of Washington, 1917; Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 1936; Гроций Г. О праве войны и мира. Репринт. с изд. 1956 г. М., Ладомир, 1994; Клаузевиц К. О войне. М., Госвоениздат, 1934; Макиавелли Н. Военное искусство. М., Воениздат, 1939.

В XIX в. ряд авторов, в частности, А. фон Булмеринг, Г. Еллинек, Дж. Лоример в своих трудах,⁹ посвященных, большей частью, общей теории права, начали тезисно развивать тематику международной ответственности государств, во многом предопределив тот вектор, в рамках которого отрасль будет развиваться в первой половине XX в. Среди отечественных ученых конца XIX в., уделявших внимание в своих исследованиях международно-правовым аспектам войны и мира, необходимо отметить В.Н. Александренко, П.Е. Казанского, Л.А. Камаровского, Ф.Ф. Мартенса.¹⁰

На рубеже XIX-XX вв. тематика международной ответственности государств стала развиваться в работах исследователей рубежа XIX-XX вв. С. Вишнера, А.-В. Гефтера, Ж. Дюма, К. Иглтона, Х. Лаутерпахта, А. Ротта, Э. Рута, П. Фиори, П. Шоена, К. Штруппа.¹¹ Отдельно хотелось бы отметить существенный вклад в развитие тематики международной ответственности Д. Анцилотти и Х. Кельзена¹².

⁹ Von Bulmering A. Die Staatsstreitigkeiten und ihre Entscheidung ohne Krieg// Handbuch des Völkerrechts. F. von Holtzendorff (ed.), Vol. 4, 1889; *Jellinek G.* Die rechtliche Natur der Staatenferfrage. Berlin, 1880; Lorimer J. Institutes of the Law of Nations. Edinburgh and London, Blackwood, 1883.

¹⁰ Александренко В. Н. Конспект лекций, читанных по международному праву в 1893–94 гг. Варшава, 1894; Казанский П.Е. Введение в курс международного права. 1901; Камаровский Л. А. Международное право. М., 1897; Мартенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. I. СПб. 1895.

¹¹ De Visscher C. La responsibility des États. Brill. 1924; Lauterpacht H. Private Law Sources and Analogies in International Law. Longmans, Green & Co., Ltd. 1927; Гефтер А.-В. Европейское международное право. С.-Пб.: Тип. В. Безобразова и Компании, 1880; Dumas, J., De la responsabilité internationale des États. Paris, Sirey. 1930; Eagleton C. The Responsibility of States in International Law. N.Y., 1928; Lauterpacht H. Private Law Sources and Analogies in International Law. Longmans, Green & Co., Ltd. 1927; Roth A. Das volkerrechtliche Delikt vor und in der Verhandlungen auf der Haager Kodifikations Konferenz 1930. Leipzig, 1932; Root E. The Sanction of International Law// Proceedings of American Society of International Law. Vol. 2. No. 14. 1908; Fiori P. Sul problema internazionale della società giuridica degli stati. Stamperia reali di Torino. 1878; Schoen P. Die volkerrechtliche Haftung der Staaten aus unerlaubten Handlungen// Zeitschrift für Völkerrecht. Bd. X. 1917; Strupp K. Das volkerrechtliche Delikt// Handbuch des Völkerrechts. Bd. III. Stuttgart. 1920.

¹² Anzilotti D. Teoria generale della responsabilità dello Stato nel diritto internazionale. Firenze. 1902; *Anzilotti D.* Corso di diritto internazionale. Vol. I. Cedam-Padova, 1928; Kelsen H. General Theory of Law and State. Transaction Publishers, 1945; Kelsen H. Principles of International Law. 1952.

Среди ученых советского периода наибольший вклад в изучение проблематики международной ответственности внесли Э.С. Александрова, В. Вадапалас, В.А. Василенко, Л.Н. Галенская, Г.В. Игнатенко, Ю.М. Колосов, П.М. Курис, Д.Б. Левин, В.А. Мазов, А.В. Мелешников, В.И. Менжинский, М.В. Митрофанов, Л.А. Моджорян, Н.Н. Полянский, Э.А. Пушмин, С.Б. Раскалей, Э.И. Скакунов, В.К. Собакин, А.Н. Трайнин, О.И. Тиунов, М.Х. Фарукшин, Г.В. Шармазанашвили.¹³ С учетом проблематики, рассматриваемой в диссертации, особо хотелось бы выделить труды Ю.М. Решетова и Н.А. Ушакова, так как в своих работах они делали акцент именно на международную ответственность за преступления против мира и безопасности.¹⁴

¹³ Александрова Э.С. ООН: объединенные действия по поддержанию мира. М., 1978; Вадапалас В. Д. Развитие института международно-правовой ответственности // Международное право в современном мире. М., 1991; Василенко В.А. Ответственность государства за международные правонарушения. Киев, 1976; Галенская Л.Н. Международные преступления и международно-правовая ответственность//Правоведение. 1965; Игнатенко Г. В., Тиунов О. И. Международное право. М., Москва, 1999; Колосов Ю. М. Ответственность в международном праве. М., Юридическая литература, 1975; Курис П.М. Международные правонарушения и ответственность государств. Вильнюс, 1973; Левин Д.Б. Ответственность государств в современном международном праве. М., 1966; Мазов В.А. Ответственность в международном праве: проблемы кодификации и прогрессивного развития норм и принципов международно-правовой ответственности. М., 1979; Мелешников А.В., Пушмин Э.А. Международно-правовая ответственность // СГП. 1988. № 8; Менжинский В.И. Неприменение силы в международных отношениях. М., 1976; Митрофанов М.В. О международно-правовой ответственности международных организаций // Правовое регулирование общественных отношений. М., 1977; Моджорян Л. А. Ответственность в современном международном праве. – Советский ежегодник международного права, 1970. М., Наука, 1972; Полянский Н.Н. Доказательства в иностранных уголовных процессах. Вопросы и тенденции нового времени, М., 1946; Полянский Н.Н. Международный суд .М., 1951; Раскалей С.Б. Объективная ответственность государств в международном праве. Киев, 1985; Скакунов Э.И. Самооборона в международном праве. М., Международные отношения, 1973; Собакин В.К. Коллективная безопасность — гарантия мирного сосуществования. М., 1962; Трайнин А.Н. Кто должен нести уголовную ответственность за фашистские злодеяния//Война и рабочий класс. 1943. № 6. С. 13; Трайнин А.Н. Об уголовной ответственности гитлеровских преступников// Война и рабочий класс. 1944. №1. С.19; Трайнин А.Н. Международный трибунал//Социалистическая законность. 1945. №9; Фарукшин М.Х. Международно-правовая ответственность государств // Международная правосубъектность. М., 1971; Шармазанашвили Г.В. Понятие самопомощи в международном праве// Советский ежегодник международного права- 1959. М. 1960.

¹⁴ Решетов Ю.А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. М., Международные отношения, 1983; Ушаков Н. А. Основания международной ответственности государств. М., Международные отношения, 1983.

Среди трудов представителей современной российской доктрины международного права неоценимую помощь при написании данной работы оказали монографии и научные статьи Ю.Г. Барсегова, И.Ю. Белого, Ю.П. Давыдова, Р.А. Каламкаряна, В.А. Карташкина, В.С. Котляра, И.И. Лукашука, Ю.Н. Малеева, А.А. Моисеева, Б.Р. Тузмухамедова, А.В. Федорова, С.В. Черниченко и других.¹⁵ Среди российских ученых, уделявших особое внимание тематике международной ответственности, необходимо отметить Г.И. Курдюкова и Р.Л. Хачатурова.¹⁶ Значительное влияние на развитие

¹⁵ Абашидзе А.Х. Участие государств в Статуте Международного уголовного суда — обязательство *erga omnes* // Международное право. № 1. 2007; Барсегов Ю.Г. Геноцид армян – преступление по международному праву. М., 2000; Белый И.Е. Производство по делам о военных преступлениях в органах международного правосудия (проблемы становления и перспективы развития). М., «За права военнослужащих», 2011; Бордачев Т.В. Новый интервенционизм и современное миротворчество. Издательский центр научных и учебных программ. М. 1998; Котляр В.С. Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО. М., 2008; Давыдов Ю.П. Норма против силы. Проблема мирорегулирования. М, Международные отношения, 2002; Каламкарян Р. А. Господство права в международных отношениях. М., Наука, 2004; Карташкин В.А. Защита прав человека: от гуманитарной интервенции к использованию механизмов ООН// Обозреватель – Observer. №9. 2012; Котляр В.С. Концепция ответственности за защиту как проект кодекса проведения гуманитарных интервенций // Международное публичное и частное право. № 3. 2005; Лукашук И.И. Концепция права международной ответственности//Государство и право. М., 2003. №4; Малеев Ю.Н. Реабилитация адекватного и пропорционального применения силы // Московский журнал международного права. № 3. 2004; Моисеев А.А. Об ответственности сторон конфликта на Украине. // Международная жизнь. 2014. № 7; Моисеев А.А. Современное звучание нюрнбергских принципов международного права. // Международная жизнь. 2016. № 13; Тузмухамедов Б.Р. К вопросу об управлении силой // Московский журнал международного права. 2006. № 1; Федоров А.В. Международно-правовое регулирование вопросов уголовной ответственности юридических лиц//Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 3 (52). С. 367-381; Черниченко С.В. Сфера действия принципа неприменения силы: возможные ответы на некоторые вопросы // Основные тенденции развития современного международного права. LIBER AMICORIUM в честь профессора Г.И. Курдюкова. Казань, 2010; Черниченко С.В. Нарушения прав человека как международное преступление// Международное право. № 3 (43). 2010; Черниченко С.В. Нарушения прав человека как международное преступление (окончание)//Международное право. № 4 (44). 2010; Черниченко С.В. Взаимосвязь императивных норм международного права (*jus cogens*) и обязательств *erga omnes*//Московский журнал международного права. Т. 3. № 87. 2012.; Черниченко С.В. Нескончаемая дискуссия о международной правосубъектности индивидов// Евразийский юридический журнал. №1 (92). 2016.; Черниченко С.В. Нюрнбергские принципы: опыт современного толкования// Международный правовой курьер. № 3 (15). 2016.

¹⁶ Курдюков Г. И. Ответственность за нарушение норм международного гуманитарного права // Российский ежегодник международного права. Специальный

современной российской доктрины оказала монография И.И. Лукашука 2004 года,¹⁷ посвященная вопросам международной ответственности.

Вопросы, связанные с международным уголовным судопроизводством, а также вопросы ответственности за военные преступления и деятельности органов международной уголовной юстиции нашли свое отражение в работах Р.А. Адельханяна, Х.М. Ахметшина, Е.В. Прокоповича, В.А. Батыря, И.Ю. Белого, И.П. Блищенко, А.Г. Волеводза, И.В. Фисенко, О.В. Дамаскина, А.Е. Епифанова, Н.И. Костенко, С.В. Маликова, Н.Г. Михайлова, С.Я. Розенблита, А.Н. Трайнина.¹⁸

Отдельные аспекты, связанные с изучением ответственности за конкретные виды правонарушений, совершаемых государствами, периодически рассматривались в научных статьях отечественных юристов, в частности, В.М. Абдрашитова, Н.Н. Миняйленко, В.Д. Дзидзоева, И.В. Рачкова, А.С. Орбеяна и других.¹⁹

выпуск. 2005; Хачатуров Р. Л. Ответственность в современном международном праве. Тольятти, 1996.

¹⁷ Лукашук И.И. Право международной ответственности. М., Волтерс Клувер, 2004.

¹⁸ Адельханян Р.А. Военные преступления в современном праве. М., 2003; Ахметшин Х.М., Прокопович Е.В. Воинские преступления. М., 1978; Батырь В.А. Имплементация норм международного гуманитарного права в законодательстве Российской Федерации. М., 2000; Белый И.Ю. Производство по делам о военных преступлениях в органах международного правосудия (проблемы становления и перспективы развития). М., из-во «За права военнослужащих». 2011; Блищенко И.П., Фисенко И.В. Международный уголовный суд. М., 1998; Волеводз А.Г. Международное уголовное правосудие: от идеи к современной системе // Вестник МГИМО-Университета. №2. 2009; Дамаскин О.В. Актуальные военные проблемы международного права и международной уголовной юрисдикции // Право в Вооруженных Силах. № 1. 2011; Епифанов А.Е. Ответственность гитлеровских преступников и их пособников в СССР (историко-правовой аспект). Волгоград, 1997; Костенко Н.И. Международная уголовная юстиция. Проблемы развития. М., 2002; Маликов С.В. Расследование преступлений в районах вооруженного конфликта. М., Военный университет, 2005; Михайлов Н.Г. Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии: компетенция, источники права, основные принципы деятельности: Монография. М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2006; Розенбит С.Я. Процесс главных японских военных преступников. М., 1950; Трайнин А.Н. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. М., 1956; Трайнин А.Н. Защита мира и уголовный закон. М., 1969; Фисенко И.В. Борьба с международными преступлениями в международном уголовном праве. Минск, 2000.

¹⁹ Абдрашитов В.М. Ответственность государств за международные преступления и защита прав человека // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. №4. 2005; Миняйленко Н.Н. Ответственность агрессора за

В 2000-х годах в Российской Федерации было защищено несколько кандидатских диссертаций на базе казанской школы международного права, в частности, Р.Р. Батршина, А.Д. Пашиной и М.В. Кривенковой,²⁰ посвященные отдельным вопросам международной ответственности государств.

Ответственность международных организаций является гораздо менее изученной темой по сравнению с вопросами, связанными с ответственностью государств, и количество диссертационных исследований сравнительно невелико.²¹

При подготовке настоящего исследования автор также изучил кандидатские и докторские диссертации последних лет, связанные с тематикой международной ответственности и международных преступлений²².

нарушение норм международного права на примере югоосетинского вооруженного конфликта в августе 2008 года // Военно-юридический журнал. № 36, 2010; Дзидзоев В.Д. Ответственность государства за геноцид в международном праве (на примере независимой Грузии и осетин Южной Осетии // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. №3, 2009; Рачков И.В. Ответственность государства за международно-противоправные деяния международной организации // Международное публичное и частное право. № 3, 2005; Орбелян А.С. Становление и развитие института самообороны в международном праве // Ереван: Издательство ЕГУ, 2010.

²⁰ Батршин Р.Р. Ответственность государства и применение контрмер в современном международном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Батршин Роман Ринатович. – Казань, 2005. – 211 с.; Пашина А.Д. Применение силы в международном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Пашина Аделя Дмитриевна. – Казань, 2008; Кривенкова М.В. Нематериальная ответственность государств в современном международном праве. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Кривенкова Мария Витальевна. – Казань, 2009. – 201 с.

²¹ Замятин В.Ю. Ответственность международных организаций: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Замятин Виталий Юрьевич. – Москва, 2005. – 212 с.; Белалова Б.Ш. Международно-правовая ответственность международных межправительственных организаций: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10/ Белалова Белла Шариповна. – М., 2002. – 178 с.

²² Тарасова Л.Н. Применение силы в международных отношениях и защита прав человека: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10/ Тарасова Людмила Николаевна. – М., 2007. – 201 с.; Сырхаев А.А. Ответственность частных военных и охранных компаний в международном гуманитарном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10/ Сырхаев Алан Артурович. – М., 2013. – 179 с.; Измайлова П.Р. Уголовная ответственность должностных лиц государства за преступления по международному праву: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10/ Измайлова Пери Расимовна. – М., 2015. – 162.; Лобанов С.А. Международная уголовная ответственность за военные преступления: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.10/ Лобанов Сергей Александрович. – М., 2018. – 495 с.; Банис П.А. Присвоение ответственности в современном международном праве: дис. ... канд. юрид. наук:

Необходимо отметить, что значительный вклад в развитие тематики международной ответственности внесли представители зарубежных правовых школ. Среди представителей западной доктрины второй половины XX в., активно изучавших проблематику международной ответственности государств, необходимо отметить работы И. Витта, Б. Греффрата, П.-М. Дюпюи, Г. Карелла, Д. Карона, Дж. Перкинса, Р. Прово.²³ Неоценим вклад и влияние на отрасль права международной ответственности итальянского юриста Р. Аго, который не только в качестве Специального докладчика Комиссии международного права ООН обобщил огромное количество материалов по тематике ответственности, но и предложил к включению в Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния термин «международные преступления государств»²⁴.

В зарубежной доктрине международного права вопросы, связанные с проблематикой диссертационного исследования, получили наибольшее развитие благодаря трудам таких авторов, как Г. Аби-Сааб, Э. д'Амато, А. Аренд, Д. Авант, Т. Бек, Н. Блоккер, Н. Боббио, И. Бонафэ, Й. Броунли, Т.Гаццини, Дж. Гайя, К. Грей, Э. Давид, Л.Камерон, А. Кассезе, М. Коскьеннами, Дж. Кроуфорд, А.Ниссель, А. Ноллкампер, П.Пальчетти, А. Пелле, М. Рагацци, Б. Зимма, М. Спинеди, С. Тальмон, Э.Уайлер, М.

12.00.10/Банис Павел Андреевич. – М., 2022. -189 с.; Афхазава Д.Г. Реализация принципа неприменения силы и угрозы силой в международном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10/ Афхазава Дурмишхан Гивиевич. – Казань, 2022. – 292 с.; Кешнер М.В. Институт реализации международной ответственности государств: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.10/Кешнер Мария Валерьевна. – Казань, 2023. -374 с.

²³ Vitta E. *Responsabilita internazionale dello stato per atti legislativi*. Milano, 1953; Greafraht B. *Responsibility of States*. Thessaloniki, 1993; Dupuy P.-M. *The International Law of State Responsibility: Revolution or Evolution?*//Michigan Journal of International Law. No.1. 1990; Carella G. *La responsabilita dello Stato per crimini internazionali*. Naples. 1985; Caron D. *The Basis of Responsibility: Attribution and Other Trans-Substantive Rules*//The Iran-United States Claims Tribunal: Its Contribution to the Law of State Responsibility. Irvington-on-Hudson, 1998; Perkins J. *The Changing Foundations of International Law: From State Consent to State Responsibility*//Boston University International Law Journal. Vol. 15. No. 2. 1999; Provost R. *State Responsibility in International Law (Libraries of Essays in International Law)*. Ashgate Pub Ltd. 2002.

²⁴ Ago R. *Le délit international*//Recueil des cours. Vol. 68. 1939; Ago R. *Scritti sulla responsabilita internazionale degli stati*. Naples. 1986.rom

Финнемор, Ф. Франчиони, Л. Хенкин и других²⁵. Среди наиболее ценных публикаций, связанных с проблематикой представленной диссертации, отличающихся глубиной анализа, необходимо отметить объемный труд

²⁵ Abi-Saab G. *The Uses of Article 19*//European Journal of International Law. Vol. 10. No.2. 1999; D' Amato A. *It's a Bird, It's a Plane, It's Jus Cogens!* //Connecticut Journal of International Law. Vol.6, No.1. 1990; Arend A. T. C., Beck R.J. *International Law and the Use of Force*, London: Routledge, 1993; Avant D. *The Market for Force: the Consequences of Privatizing Security*. 2005; Becker T. *Terrorism and the State-Rethinking the Rules of State Responsibility*. Oxford, Hart. 2006; Blokker N.M. *Preparing articles on responsibility of international organizations: Does the International Law Commission take international organizations seriously? A mid-term review/ Research Handbook on the Law of International Organizations*. J. Klabbers and A. Wallendahl (eds.). Cheltenham and Northampton. 2011; Bobbio N. *Una gueira giusta? Sul conflitto del Colfo*. Venezia: Marsilio. 1991; Bonaifé I. *The Relationship Between State and Individual Responsibility for International Crimes*. Leiden: Nijhoff. 2009; Brownlie I. *State Responsibility*. Oxford University Press, 1983; Gazzini T. *The Changing Rules of the Use of Force in International Law*. Manchester University Press, 2005; Gaja G. *Obligations Erga Omnes, International Crimes and Jus Cogens: A Tentative Analysis of Three Related Concepts/International Crimes of State*. Weiler J. H. H., Cassese A., Spinedi M. (eds.) 1989; Gray C. *International Law and the Use of Force*. 3rd Edition. Oxford University Press, 2008; Давид Э. *Принципы права вооруженных конфликтов*. ICRC. 2011; Cameron L., Chetail V. *Privatizing War: Private Military and Security Companies Under Public International Law*. Cambridge University Press, 2013; Cassese A. *The Current Legal Regulation of the Use of Force*. Dordrecht, Nijhoff. 1986; Cassese A. *International Criminal Law*. Oxford University Press, 2003; Koskeniemi M. *Solidarity Measures: State Responsibility as a New International Order?* // British Yearbook of International Law. Vol. 71. 2001; Crawford J. *The Creation of States in International Law*, 2nd ed. Oxford University Press. 2006; Nissel A. *The ILC Articles on State Responsibility: Between Self-Help and Solidarity*//New York University Journal of International Law & Politics. Vol. 38. 2006; Nollkaemper A. *Systemic Effects of International Responsibility for International Crimes*//Santa Clara Journal of International Law 313, 2010; Palchetti P. *Armed Attack against the Military Force of an International Organization and Use of Force in Self-Defence by a Troop-Contributing State: A Tentative Legal Assessment of an Unlikely Scenario*// International Organizations Law Review. Vol. 7. Issue 2. 2010; Pellet A. *Can a State Commit a Crime? Definitely, Yes!* // European Journal of International Law (1999) Vol. 10. №2. 1999; Ragazzi M. *The ILC Draft Articles and International Financial Institutions: Select Considerations*// American Society of International Law Proceedings. Vol. 105. 2011; Simma B. *NATO, the UN and the Use of Force: Legal Aspects*// European Journal of International Law. Vol.10. No.1.1999; Spinedi M. *La responsabilità dello stato per comportamenti di private contractors/ La codificazione della responsabilità internazionale degli stati alla prova dei fatti*. Milano, 2006; Talmon S. *A Plurality of Responsible Actors: International Responsibility for Acts of the Coalition Provisional Authority in Iraq. The Iraq war and International Law*. P.Shiner, A.Williams (eds). Hart, Oxford and Portland. 2008; Wyler E. *From "State Crime" to Responsibility for "Serious Breaches of Obligations under Peremptory Norms of General International Law"*//European Journal of International Law. Vol. 13. No.5. 2002; Finnemore M. *The Purposes of Intervention*. Ithaca, NY: Cornell University Press. 2003; Francioni F. *The Responsibility of the PMSC's Home State for Human Rights Violations Arising from the Export of Private Military and Security Services. Academy of European Law, Project "Regulating Privatisation of "War": The Role of the EU in Assuring the Compliance with International Humanitarian Law and Human Rights"*, 2009; Henkin L. *Right v. Might: International Law and the Use of Force*. 2nd ed., New York: Council on Foreign Relations Press, 1991.

«Право международной ответственности» 2010 года²⁶, а также монографии Д. Рота, М. Цваненбурга, Н. Кроуфорд, М. Рагацци²⁷.

В целом, в представленном диссертационном исследовании был проанализирован значительный объем материалов, который не был исследован ранее представителями отечественной доктрины. Исследование написано с привлечением большого количества материала на английском, французском, испанском и итальянском языках, который никогда не переводился на русский язык. Автор самостоятельно осуществлял перевод данных текстов и несет ответственность за возможные ошибки и неточности. Диссертационное исследование содержит весьма обширный библиографический перечень по многим вопросам, связанным с проблематикой международной ответственности и международных преступлений против мира и безопасности.

Хронологические рамки исследования позволили проследить зарождение и становление отдельных вопросов, связанных с международной ответственностью за преступления против мира и безопасности на протяжении различных исторических эпох, а также проанализировать современное состояние данной тематики.

Объектом диссертационного исследования является совокупность общественных отношений, возникающих между государствами, международными межправительственными организациями и индивидами по вопросам реализации международной ответственности за совершение преступлений против мира и безопасности.

Предметом диссертационного исследования выступает совокупность договоров, обычаев, решений судебных органов, затрагивающих вопросы

²⁶ The Law of International Responsibility. J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson (ed.). Oxford University Press, 2010.

²⁷ Rothe D.L. State criminality: The crime of all crimes. Lexington Books, 2009; Zwanenburg M. Accountability of Peace Support Operations. Martinus Nijhoff Publishers, 2005; Crawford N. Accountability for Killing. Oxford University Press, 2013; Responsibility of International Organizations. Essays in Memory of Sir Ian Brownlie. M. Ragazzi (ed.) Martinus Nijhoff Publishers, 2013.

международной ответственности; документы международных организаций и Комиссии международного права ООН, а также международно-правовая доктрина по тематике международной ответственности за преступления против мира и безопасности.

Целью диссертационного исследования является разработка концепции развития института международной ответственности за преступления против мира и безопасности в рамках права международной безопасности, которую можно определить как комплексную, междисциплинарную, целостную теоретическую систему, имеющую важное научное и практическое значение, и объединяющую совокупность идей, теоретических положений и норм, определяющих правовые основы установления формата международной ответственности органами международного правосудия и последующей ее имплементации. Сформулированные по результатам исследования выводы и предложения должны, по замыслу автора, способствовать дальнейшему прогрессивному развитию тематики международной ответственности, которая, в свою очередь, является важнейшим показателем эффективности международного права.

Для достижения указанной цели планируется решение следующих **задач:**

- систематизировать основные историко-правовые стадии становления международного сотрудничества в сфере международной ответственности,
- рассмотреть генезис международной ответственности за преступления против мира и безопасности как особого института современного права международной безопасности;
- дать авторскую трактовку понятия «преступления против мира и безопасности», а также установить ее содержание;
- выявить особенности связей между государствами, международными организациями и индивидами в вопросах международной ответственности за преступления против мира и безопасности;

- установить наиболее часто реализуемые формы международной ответственности государств, международных организаций и индивидов за преступления против мира и безопасности;

- обосновать возможность использования нарушения обязательств *erga omnes* в качестве основания международной ответственности;

- представить правовую оценку правовых коллизий, возникающих в результате привлечения государствами и международными организациями частных военных и охранных компаний к осуществлению военно-силовых операций;

- дать авторскую классификацию санкций и контрмер, а также установить их соотношение с видами международной ответственности;

- подготовить предложения практического характера для обеспечения прогрессивного развития тематики, связанной с международной ответственностью за преступления против мира и безопасности.

Методология исследования основывается на применении комплекса общенаучных и специально-юридических методов, используемых с целью раскрытия исследуемой темы.

Из общенаучных методов автор использовал методы как теоретической, так и экспериментальной групп. Теоретические методы, например, метод идеализации, метод формализации и другие, позволили вычлнить категории и понятия, связанные с международной ответственностью, из общего массива знаний, составляющих корпус действующего международного права, а также определить их видовую и институциональную принадлежность.

Автор применял логический метод для совершения концептуальных обобщений, сравнительный метод, который позволил проанализировать отношение к одним и тем же явлениям со стороны представителей различных научных школ, а также методы индукции и дедукции.

Поскольку при написании работы автор опирался на многочисленные документы и судебные решения, в работе широко применялся эмпирический

метод исследования, а также формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Состояние международной ответственности неразрывно связано с текущей ситуацией в международных отношениях и с конкретными вводными, обуславливающими специфику межгосударственного взаимодействия на определенном этапе, поэтому автор задействовал различные методы изучения международных отношений. Например, историко-компаративный подход позволил вычленить и оценить ключевые этапы развития международной ответственности и связать их с изменениями в глобальных политических процессах.

Кроме того, поскольку сравнительный анализ положений различных национальных доктрин, связанных с вопросами ответственности, занимает важное место в перечне поставленных автором научных задач, знание различных иностранных языков позволило использовать лингвистические приемы при написании диссертации.

Теоретическая основа исследования сформирована научными работами представителей как отечественной, так и зарубежных школ международного права.

Автором изучены фундаментальные научные труды признанных отечественных специалистов в области теории международного права, права международной ответственности, права международной безопасности и международного уголовного права: Л.Н. Галенской, О.В. Дамаскина, Д.К. Бекашева, И.П. Блищенко, А.Н. Вылегжанина, Л.А. Камаровского, В.А. Карташкина, А.Я. Капустина, А.И. Ковлера, Ю.М. Колосова, А.В. Кудашкина, Г.И. Курдюкова, И.И. Лукашука, В.А. Мазова, Л.А. Моджорян, Ю.Н. Малеева, Ю.А. Решетова, Ю.С. Ромашева, Ю.А. Тихомирова, О.И. Тиунова, А.Н. Трайнина, Б.Р. Тузмухамедова, Н.А. Ушакова, С.В. Черниченко, Т.Я. Хабриевой, И.В. Холикова, В.М. Шумилова и др.

При подготовке диссертационного исследования также использовались научные работы ведущих зарубежных юристов-международников по тематике

международной ответственности и международной безопасности: R. Ago, G. Abi-Saab, D. Anzilotti, I. Brownlie, G. Carella, A. Cassese, E. David, J. Dumas, C. Eagleton, G. Gaja, L. Henkin, M. Koskenniemi, A. Nissel, A. Nollkaemper, A. Pellet, E. Root, R. Provost, M. Ragazzi, B. Simma, M. Spinedi, C. De Visscher, E. Vitta, J.H. Weiler, M. Zwanenburg.

Нормативно-правовую основу исследования составили документы Организации Объединенных Наций, в том числе, Устав ООН 1945 года; декларации и резолюции Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности разных лет, связанные с военно-силовой проблематикой и вопросами международной ответственности; доклады Генерального Секретаря ООН, письма и записки представителей государств на имя Генерального Секретаря; протоколы заседаний различных органов, в том числе, шестого комитета Генеральной Ассамблеи и Комиссии международного права ООН. К нормативно-правовой основе исследования относятся международные договоры и конвенции, регламентирующие тематику, связанную с международными преступлениями против мира и безопасности, а также учредительные документы различных органов международного правосудия.

Эмпирическую основу исследования можно разделить на несколько категорий. Важной частью эмпирической базы исследования стал экспертный опрос (анкетирование), проведенный автором для верификации положений как предложенной им концепции в целом, так и отдельных авторских выводов и предложений по вопросам международной ответственности государств, международных организаций и индивидов за преступления против мира и безопасности, изложенных в работе.

В отдельную группу можно выделить судебную практику, связанную с установлением конкретных форм международной ответственности, представленную в решениях различных органов международного правосудия, в частности, международных судов и трибуналов. Кроме того, для изучения отдельных вопросов, связанных с особенностями соотношения международного и внутреннего права в различных государствах, автор

использовал решения национальных судов, в том числе, Российской Федерации, США, Великобритании, Франции, Испании, Бельгии и др.

В отдельную категорию эмпирической базы также можно выделить материалы пресс-конференций, выступления и интервью по тематике диссертационного исследования различных политических деятелей и должностных лиц.

Научная новизна исследования заключается в проведении комплексного исследования теоретических и прикладных аспектов установления и реализации международной ответственности за преступления против мира и безопасности с учетом междисциплинарных особенностей данной тематики.

В диссертационном исследовании разработан ряд теоретических положений и практических рекомендаций, совокупность которых может быть квалифицирована как решение крупной научной проблемы:

- осуществлен комплексный научный анализ правового регулирования вопросов, связанных с установлением и имплементацией международной ответственности за преступления против мира и безопасности;
- выявлены особенности реализации международной ответственности в случае множественности субъектов ответственности, в том числе, государств, международных организаций, индивидов;
- определен статус индивида как объекта международной ответственности, с учетом межгосударственной природы международного права, а также выявлена связь между индивидом и государством в случае, если индивиды совершают преступные действия в качестве должностных лиц;
- введена в научный оборот категория «преступления против мира и безопасности», которая позволяет обозначить совокупность понятий «международные преступления государств» (агрессия, геноцид, апартеид, экоцид, государственный терроризм); «международные преступления индивидов» (агрессия, геноцид, военные преступления, преступления против человечности), а также международно-правовые деяния международных

организаций, связанные с присвоением международной ответственности государств (затрагивает те международные организации, которые обладают военно-силовой компетенцией);

- выявлено, что вопросы, связанные с привлечением к ответственности частных военных компаний, а также их сотрудников, фактически, не регулируются действующим международным правом и представляют собой «серую зону»;

- установлены ключевые возможности привлечения государства к международной ответственности за совершение преступления против мира и безопасности, а также выявлены основные способы ухода государств от международной ответственности;

- научно обосновано, что категория «применение силы», понимаемая исключительно в военно-силовом контексте (как «применение вооруженной силы»), не отвечает всем современным вызовам и угрозам, особенно с учетом беспрецедентного экономического давления отдельных государств, а также роста киберугроз, а также с усилением невоенного вмешательства отдельных государств в дела, по существу входящих во внутреннюю компетенцию современных государств;

- выявлены наиболее часто реализуемые формы международной ответственности организаций, их основания и условия, а также выявлены ключевые препятствия для развития международной ответственности международных организаций;

- проанализированы особенности реализации международной ответственности индивидами, в частности, связанные с ключевыми сложностями данного процесса и наличием должностных иммунитетов;

- предложено разделение санкций на «санкции *de jure*» и «санкции *de facto*», а также выявлено соотношение между санкциями и формами международной ответственности государств.

Диссертация имеет межотраслевой характер, поскольку затрагивает важнейшие сферы как права международной безопасности, так и права

международной ответственности, а также международного уголовного права и международного гуманитарного права.

Использование автором большого количества научного материала на иностранных языках также позволило исследовать различные терминологические коллизии, связанные с тематикой международной ответственности.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту, отражают новизну научного исследования и результаты решения поставленных задач:

1. Существует объективная необходимость формирования концепции международной ответственности за неправомерные действия, которые Комиссия международного права ООН обозначила как «серьезные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права», и которые в доктрине чаще всего обозначают термином «международные преступления»²⁸ или же «преступления против мира и безопасности человечества»²⁹. Поскольку в действующем международном праве отсутствует единый правовой механизм привлечения к международной ответственности государств, международных организаций и индивидов за преступления против мира и безопасности, целесообразно объединить все связанные с этим вопросы в отдельный институт права международной безопасности, в котором будут объективированы обособившиеся диалектически взаимосвязанные между собой совокупность научных представлений и правовых норм, оформляющих международно-правовой механизм, в том числе, способы и порядок привлечения к указанной ответственности виновных государств, международных организаций и индивидов. Предлагаемая диссертантом концепция предполагает объединение фрагментарных теоретических и правовых конструктов, касающихся

²⁸ Фисенко И. В. Ответственность государств за международные преступления // Белорусский журнал международного права, №3. 1998. С.17-22.

²⁹ Федоров А. В. Преступления против мира и безопасности человечества: без срока давности//Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 1. С. 19-29.

вопросов международной ответственности за преступления против мира и безопасности, которые находились в разных международно-правовых отраслях, в единую систему знаний, которой свойственны собственные терминология, закономерности становления и развития, свойства, функции и механизм реализации.

2. Для концептуального обоснования нового института права международной безопасности, посвященного международной ответственности за наиболее серьезные международно-правовые нарушения, необходимо ввести термин, который бы отражал сложную юридическую конструкцию, архитектуру которой образуют понятия «международные преступления государств» (агрессия, геноцид, апартеид, экоцид, государственный терроризм); «международные преступления индивидов» (агрессия, геноцид, военные преступления, преступления против человечности), а также международно-правовые деяния международных организаций, связанные с присвоением международной ответственности государств (затрагивает те международные организации, которые обладают военно-силовой компетенцией). Автор предлагает объединить наиболее серьезные международно-правовые нарушения, которые могут служить основанием международной ответственности и предметом серьезной озабоченности мирового политического, правового и экспертного сообщества, термином «преступления против мира и безопасности». Данный вариант представляется компромиссным в свете совершенно несинхронизированного терминологического аппарата данной тематики, где наиболее серьезные нарушения международно-правовых обязательств, совершаемые государствами, называются «международными преступлениями государств», противоправные действия индивидов, посягающие на международный мир и безопасность, называются «международными преступлениями индивида» или «преступлениями против мира и безопасности человечества», а нарушения международного права международными организациями вообще не имеют устоявшегося в доктрине названия, хотя термин «международные

преступления организаций» также встречается. Таким образом, существенные нарушения международного права, непосредственно затрагивающие международный мир и безопасность и совершаемые государствами, международными организациями и индивидами, могут быть обозначены как «преступления против мира и безопасности», а международные последствия их совершения формируют институт международной ответственности за преступления против мира и безопасности, который автор предлагает выделить в особый институт права международной безопасности.

3. Следуя положениям авторской концепции, привлечение государства к международной ответственности за международные преступления должно сопровождаться привлечением к международной ответственности должностных лиц данного государства, санкционировавших и способствовавших проведению подобную политику. Например, геноцид является осознанной политикой государства, поскольку предполагает наличие государственных средств принуждения и контроля. Именно осознанное намерение (*dolis specialis*) совершить геноцид является обязательным условием установления международной ответственности государств в отношении преступления геноцида. При этом, индивиды данного государства (прежде всего, должностные лица) также должны быть привлечены за санкционирование политики геноцида в рамках того же исторического эпизода.

4. Проекты статей о международной ответственности государств (2001 год), а также международных организаций (2011 год), разработанные Комиссией международного права ООН, имеют весьма общий характер, и не соответствуют международно-правовым задачам, встающим перед тематикой международной ответственности и международной безопасности, что негативно сказывается на развитии международного права в целом. Одним из негативных последствий является возможность уклонения государств от международной ответственности за счет того, что критериальные различия

между «обычными» и «серьезными» нарушениями международных обязательств не определяются ни в одном международно-правовом документе. Показательным моментом также является тот факт, что, несмотря на то, что Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния оперировал термином «серьезные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права» еще в 2001 году, комментарии правительств к Проектам выводов в отношении идентификации и правовых последствий императивных норм общего международного права (*jus cogens*), полученные в 2022 году, демонстрируют, что никакого консенсуса за двадцать лет по императивным нормам так и не произошло, и поляризация мнений все еще довольно серьезна.

Нарушения обязательств *erga omnes* редко могут выступать в качестве оснований международной ответственности ввиду их чрезмерно широкой трактовки, а также отсутствия соответствующих международных механизмов, однако иск ЮАР к Израилю о геноциде палестинцев и нарушении Израилем положений Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него, поданный ЮАР в Международный суд ООН в конце 2023 года, позволяют сделать вывод о том, что концепция обязательств *erga omnes* имеет перспективы. Принятие отдельными государствами нормативных правовых актов во исполнение своих международно-правовых обязательств на внутригосударственном уровне существенно ускорило бы процесс дальнейшего развития концепции обязательств *erga omnes*.

5. В диссертации рассматриваются вопросы международной ответственности за преступления против мира и безопасности, совершаемые государствами, международными организациями и индивидами. При этом, данные субъекты находятся в сложной взаимосвязи друг с другом. Например, очевидна связь между государствами и индивидами в вопросах международной ответственности³⁰ за преступления против мира и

³⁰ Например, апартеид может быть противоправной политикой государства, и при этом индивиды, осуществляющие ее, будут также совершать преступление апартеида,

безопасности. Классическая международно-правовая доктрина отрицает правосубъектность индивида в международном публичном праве. Однако, поскольку подсудность индивида международному правосудию наступает только после совершения государством, гражданином которого он является, определенных международно-правовых действий (например, подписания и ратификации Римского статута МУС 1998 года), можно констатировать, что вопросы международной ответственности индивида вовсе не противоречат межгосударственной природе международного права. При этом, когда индивиды совершают преступные действия в качестве должностных лиц, вина за их совершение вменяется также государству. Безусловно, ответственность физических лиц и ответственность государств имеют принципиально разную природу: ответственность индивидов криминализована, в то время как ответственность государства связана с политическими ограничениями и материальной компенсацией пострадавшей стороне.

При этом, в ситуации, когда члены международной организации санкционируют проведение военно-силовых операций под эгидой данной организации, в ходе которой совершаются военно-силовые злоупотребления, должна одновременно наступать международная ответственность как данной международной организации, так и её государств-членов, а также должностных лиц, голосовавших за принятие подобных решений. Однако, поскольку представленные в 2011 году Комиссией международного права ООН Статьи об ответственности международных организаций демонстрируют результат перенесения *mutatis mutandis* положений, которые уже были зафиксированы в Проекте об ответственности государств 2001 года, с фактической заменой слова «государства» на словосочетание «международная организация», вопросы международной ответственности международных организаций все еще крайне слабо разработаны. Более того,

подсудное п. j) ст. 7 Римского статута Международного уголовного суда. Вопросы международной ответственности за преступление агрессии, совершенное государством, будет рассматриваться в Международном суде ООН, а преступление агрессии, совершаемое индивидом – в Международном уголовном суде или на трибунале, и так далее.

при подходе, реализованном Комиссией, неизбежно стираются особенности различных международных организаций, которые характеризуются не только отличающейся организационной структурой, но и существенно отличающейся компетенцией (скажем, вопрос о международной ответственности за военно-силовые злоупотребления ВТО вряд ли уместен, поскольку ВТО попросту не обладает подобной компетенцией, в то время как вопрос о международной ответственности НАТО весьма актуален)

б. Практика расширения правомерных оснований самообороны по смыслу ст. 51 Устава ООН путем ссылки на «борьбу с международным терроризмом», сложившаяся за последние нескольких лет, является юридическим обоснованием преступления агрессии и грубого нарушения международного права. Если действия террористов не связаны с поддержкой и контролем со стороны государства, на территории которого располагаются террористические формирования, применение силы против данного государства не может быть оправдано ссылкой на право на индивидуальную и коллективную самооборону. Подобная деятельность также не может считаться обстоятельством, исключающим международную ответственность. Кроме того, подобные действия, сопровождающиеся уничтожением значительного количества гражданского населения, являются подрывом не только буквы международного права, но и его духа. В 2001 году американской стороной были приняты серьезные попытки расширить основания правомерной самообороны ссылками на борьбу с терроризмом в качестве оправдания военных операций в Ираке и Афганистане. В дальнейшем, данные основания были расширены еще существенней, за счет объявления «террористической организацией» какой-либо официальной структуры иностранного государства посредством принятия соответствующего закона в рамках национального законодательства. Таким образом, официальное признание в 2019 году иранского подразделения «Корпус стражей исламской революции» террористической организацией позволило США оправдать

убийство иранского генерала Касема Сулеймани в 2020 году ссылкой на «борьбу с терроризмом».

Представляется крайне опасным интерпретация категории «применение силы» исключительно в военно-силовом контексте, как «применение вооруженной силы» (по смыслу резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Определение агрессии» 1974 года), поскольку это не отвечает современным реалиям. Очевидно, что за полвека, прошедшие с момента принятия указанной резолюции, военно-силовое противостояние государств претерпело существенные изменения. Ключевыми аспектами данных изменений стал, во-первых, преимущественно дистанционный характер противостояния, во-вторых, активное применение беспилотных систем, в-третьих, постепенная милитаризация пространств, которые долгое время были демилитаризованы (прежде всего, киберсфера и космос). Помимо этого, участились случаи неправомерного применения государствами вооруженной силы, которые могут быть охарактеризованы как международное преступление, именуемое «государственный терроризм», в рамках которого может осуществляться воздействие на объекты критической инфраструктуры без реальной возможности атрибуции ответственности государствам, осуществившим подобную практику³¹. Анализ прецедентной практики по привлечению государств к международной ответственности позволяет сделать вывод о том, что из всех международных преступлений государств, именно «государственный терроризм» доказывается наиболее сложно, поскольку сопряжен с секретной деятельностью специальных служб.

7. Невозможность построения на текущем этапе развития международного права эффективной системы привлечения государств, международных организаций и индивидов к международной ответственности

³¹ Например, диверсия 26 сентября 2022 года на российских газопроводах «Северный поток-1» и «Северный поток-2». Во время «Прямой линии» 14.12.2023 года В.В. Путин высказал предположение о том, что за взрывом газопроводов стоят США. URL: <https://ria.ru/20231214/potoki-1915826277.html>

за преступления против мира и безопасности постепенно делают всё более актуальной идею экстерриториального правосудия, а также способствуют увеличению попыток расширения государствами пространственной сферы собственной юрисдикции. Сложившаяся к настоящему времени система организации международных специальных судов и трибуналов является столь несовершенной, что государства все чаще обращаются к национальной, а не к международной юрисдикции, в том числе, пытаясь ограничить действие суверенных иммунитетов государств³².

8. Очевидна многократная интенсификация использования государствами и международными организациями при проведении военно-силовых операций такими структурами, как частные военные и охранные предприятия, что актуализирует вопросы ответственности, возникающие при изменении параметров взаимодействия обязательных инструментов правовой регламентации и механизмов саморегулирования. Это можно охарактеризовать как скорее негативную тенденцию, поскольку позволяет, во-первых, подменять субъекты ответственности (а также уходить от нее полностью), а, во-вторых, сохранять положительное реноме государств и международных организаций, нанимающих частные предприятия. Данная практика меняет композицию регуляторной международно-правовой модели, связанной с присвоением международной ответственности, и проявляет черты тенденции, которая в перспективе может претендовать на устойчивый тренд в международно-правовом воздействии на рассматриваемую сферу, связанную с привлечением в военно-силовую сферу негосударственных субъектов.

³² Довольно часто к национальному правосудию при решении международно-правовых вопросов прибегают США. В 2016 году американский Конгресс принял Закон о борьбе со спонсорами терроризма (JASTA), на основании которого сотни американских граждан, пострадавшие или потерявшие близких в ходе атак 11 сентября, подали иски против королевства Саудовская Аравия. Примером указанной ситуации может также служить принятое в марте 2016 года решение окружного суда г. Нью-Йорка о необходимости выплаты Ираном компенсации более \$10,5 млрд. жертвам терактов 11 сентября 2001 года. Было очевидно, что подобная практика будет воспринята и другими государствами. Например, в 2023 году Тегеранский суд объявил, что правительство США, а также несколько десятков американских граждан признаны виновными в убийстве генерала и должны выплатить 49,7 миллиардов долларов за это преступление.

9. Исследование показало, что отсутствие императивов об ответственности международных организаций в нормативном определении их международно-правового статуса приводит к эксцессам, связанным с невозможностью определения конкретного субъекта ответственности за преступления против мира и безопасности. В практике сформировалась и периодически воспроизводится юридическая модель, создающая возможность своеобразного транзита вменения обязанности претерпеть меры международно-правовой ответственности от международной организации к участвующим в ней государствам и конкретным индивидам. Можно констатировать, что учредительные акты действующих органов международного правосудия не предусматривают возможности привлечения к ответственности международных межправительственных организаций, что затрудняет дальнейшее развитие связанной с этим тематики.

10. Схожая ситуация характерна и для взаимоотношений индивида и государства. Выявлена проблема неэффективности имеющихся механизмов судебной защиты индивидов, пострадавших от действий государств, например государств – членов НАТО, на национальном и международном уровнях. Физические лица не обладают процессуальной правоспособностью в отношении иностранных государств в случае силовых злоупотреблений с их стороны³³. Свидетельства последних лет указывают на недостаточную эффективность международных судебных институтов.

Чаще всего иски индивидов о привлечении государств к ответственности за военно-силовые злоупотребления отклоняются на том основании, что государство-ответчик защищено иммунитетом от судебного разбирательства в национальных судах. При этом государства-члены НАТО, в стремлении избежать международной ответственности, нередко прибегают «платежам соболезнования» (*condolence payments*), которые осуществляются

³³ За редким исключением, например обращением в суд американских граждан, действовавших на основании закона JASTA 2016 года.

ex gratia и не являются международно-правовой формой возмещения, признанием вины или небрежности, поскольку устанавливаются в одностороннем порядке государством или международной организацией, и не сопровождаются признанием государством собственной вины. Реализация подобной практики подрывает правовые основы международной ответственности и существенно тормозит их эффективное функционирование. С целью повышения эффективности отправления международного правосудия представляется целесообразным поставить задачу ревизии субъектного состава данных правоотношений, пересмотра субъектно-функциональных и процессуальных связей между реальными участниками этих отношений и установления критериев дифференциации соответствующего субъектного взаимодействия, а также допустимости признания конкретных лиц (в широком смысле слова) субъектами рассматриваемых отношений.

11. К ключевым сложностям, препятствующим развитию института международной ответственности индивидов, относятся: дисбаланс соотношения и взаимодействия процессуальных моделей различных правовых систем, что проявляется при работе органов международного правосудия; нарушения прав обвиняемых в международном уголовном процессе (право на медицинскую помощь, право на последнее слово, возможность осуществлять защиту лично и т.д.); отсутствие эффективных механизмов, обеспечивающих выдачу и вопросы экстрадиции лиц, получивших политическое убежище³⁴; политическая ангажированность судей международных судов и трибуналов, особенно ярко проявившаяся в деятельности МТБЮ³⁵; отсутствие перспектив формирования системы «универсальной юрисдикции» в отношении преступлений против мира и безопасности человечества; проблема трансформации МУС к современным потребностям права международной

³⁴ Например, экс-президент Туниса Зин эль-Абидин Бен, заочно приговоренный судом Туниса к тюремному заключению, с 2011 г. имеет убежище в Саудовской Аравии.

³⁵ Шестьдесят процентов подсудимых трибунала составили представители Сербии и Черногории. Почти всем представителям хорватского командования были вынесены оправдательные приговоры.

безопасности и ключевым принципам системы универсальной безопасности; вопрос об ответственности лиц, совершивших международные преступления по приказу вышестоящих лиц; определение оснований и критериев для учреждения международного трибунала или возбуждения дела в МУС в зависимости от количества пострадавших от международных преступлений³⁶, а также проблема привлечения к ответственности глав государств³⁷.

Одним из наиболее проблемных аспектов при реализации международно-правовой ответственности индивидов в данной сфере служат объективные различия правовых культур и правовых систем национальных государств, которые, несмотря на определенную интегрированность в систему международного взаимодействия, реагируют на конкретные юридические ситуации исходя из национальных правоустановлений, а также собственного юридического толкования и особенностей юридической техники.

12. В настоящее время сложилась устойчивая практика обозначения односторонних ограничительных мер понятием «санкции», что детерминирует необходимость терминологического разделения данного понятия на «санкции *de jure*» и «санкции *de facto*». «Санкции *de jure*» связаны исключительно с действиями Совета Безопасности ООН на основании Главы VII Устава ООН. «Санкции *de facto*» — это действия, реализуемые как

³⁶ Цифры по количеству жертв, которые указывали в отчетах специальные комиссии ООН по расследованию обстоятельств различных конфликтов, весьма разнятся:

- Война в Камбодже (1967-1975) – более 2 млн. человек
- Югославская война (1991-2001 гг.) - более 127 тыс. человек
- Война в Сьерра-Леоне (1991—2002 гг.) – более 75 тыс. человек
- Геноцид в Руанде (1994 г.) – более 1 млн. человек
- Война в Восточном Тиморе (1975-1999) — более 200 тыс. человек.

³⁷ Историческая ретроспектива свидетельствует о том, что существуют несколько возможных вариантов имплементации ответственности глав государств, обвиняемых в преступлениях против мира и безопасности:

- Выдача обвиняемого специальному международному трибуналу [С. Милошевич, Ч. Тейлор] или Международному уголовному суду [Л. Гбагбо];
- Бегство обвиняемого за рубеж [З. эль-Абидин Бен, Иди Амин];
- Внутригосударственный военный трибунал или специальный суд [Н. Чаушеску, С. Хуссейн];
- Внутригосударственная расправа над лидером без суда и следствия [Р.Т. Молина, М. Каддафи].

государствами (индивидуальные санкции), так и международными организациями (коллективные санкции), которые состоят из мер невоенного характера и являются демонстрацией реакции на действия государства, которые квалифицируются эмитентом санкций как нарушение международного права.

Подобное разделение позволит сформировать более объективное понимание происходящих в международных отношениях процессов, связанных с санкционной тематикой, а также позволит привести в соответствие международно-правовой базис с реальными действиями государств, выходящими за его пределы.

1. Появление новых форм агрессии ведет к расширению оснований международной ответственности за преступления против мира и безопасности. В частности, интенсификация санкционного давления как инструмента внешней политики западных государств позволяет говорить о такой форме агрессии, как «экономическая агрессия», которая ставит целью существенный подрыв экономики того государства, против которого вводятся данные меры. Кроме того, данный подход грубо нарушает принцип *smart sanctions*, или «умных санкций», который неоднократно заявлялся важным принципом при введении санкций ООН. Кроме того, индивидуальные санкции экономически сильных государств имеют несравнимо больший эффект по сравнению с санкциями более слабых государств, которые просто не в состоянии осуществить экономически равнозначные действия. В условиях мировой финансовой системы, в значительной степени основанной на долларе США, экономические санкции Соединённых Штатов, как государства-эмитента этой валюты, особенно ощутимы. В результате подобные меры становятся инструментом экономического влияния ограниченной группы стран. Целью подобного воздействия становится не только задача изменения политики соответствующего государства, но и получение конкретных экономических преференций, а также установление контроля над рынками. В текущих условиях квалификация данной практики

на международном уровне в качестве общественно опасной и противоправной может способствовать восстановлению необходимых параметров порядка в сфере международно-правового регулирования, а также оказать положительное влияние на всю систему современную международных отношений. Данные меры можно начать реализовывать как посредством казуального регулирования (через решения соответствующих органов международного правосудия), так и посредством нормативного (через принятие международно-правовых актов на универсальном (ООН) или региональном (БРИКС, ШОС) и других уровнях. При этом, указанные способы являются не взаимоисключающими, а взаимодополняющими.

2. Учащаются случаи применения государствами таких мер воздействия, как «контрмеры», которые Комиссия международного права ООН относит к действиям, исключаящим противоправность, и не предполагающих наступление международной ответственности. Чаще всего контрмеры связаны с нарушением договорных отношений³⁸ и являются реакцией государства на действия другого государства, воспринимаемые как противоправные. При этом, государства, прибегающие к «контрмерам», определяют действия другого государства как нарушения международного права самостоятельно, а не на основании решения органа международного правосудия. В свою очередь, государства, против которых вводятся такие рестрикции, принимают собственные ответные меры, что запускает цепочку действий, в основе которой лежит односторонняя предвзятая оценка тех или иных действий как противоправных, что способствует эскалации международной напряженности и порой превращает контрмеры в меры карательного воздействия.

³⁸ В качестве примера контрмер можно привести действия Франции, расторгнувшей в 2015 году контракт с Россией на поставку двух вертолетоносцев «Мистраль» в качестве реакции на вхождение Крыма в состав Российской Федерации, которое Париж считал неправомерным. Франция вернула Москве всю сумму, выплаченную российской стороной по контракту.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в разработке института международной ответственности государств, международных организаций и индивида за преступления против мира и безопасности как самостоятельного института права международной безопасности; в обосновании его значимости для международного права и права международной безопасности, а также в авторской трактовке вопросов, связанных с международной ответственностью, не нашедших достаточно полного отражения в международно-правовой литературе. Автор предлагает свое видение конкретного содержания категории «преступления против мира и безопасности», исходя из анализа императивных норм действующего международного права, категории обязательств *erga omnes* и категории «международные преступления государства», которая не вошла в итоговые тексты статей об ответственности, однако продолжает активно использоваться в доктрине. Автор уделяет значительное внимание концептуальным основам международной ответственности, анализируя как достаточно популярные концепции, которые уже рассматривались с различных позиций отечественными авторами, например, концепцию «гуманитарной интервенции» или «ответственности за защиту», так и сравнительно малоизученные в отечественной доктрине концепции, например, концепцию «государственного терроризма», концепцию «справедливой войны», концепцию обязательств *erga omnes*, концепцию *actio popularis* и другие.

Результатом диссертационной работы стало решение крупной научной проблемы, имеющей важное значение для отечественной доктрины международного права, а также имеющей стратегическое значение для укрепления действующей системы универсальной коллективной безопасности, одним из гарантов которой, в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН, является Российская Федерация. В соответствии с полученными в ходе исследования результатами, предлагаются выводы и

рекомендации, позволяющие по-новому взглянуть на проблему ответственности государств и международных организаций за неправомерное применение силы, что позволит скоординировать международное взаимодействие в вопросах, связанных с обеспечением безопасности.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности дальнейшего практического использования высказанных в диссертации предложений, рекомендаций и теоретических обобщений. Разработанная диссертантом концепция взаимодействия государств, международных организаций и индивидов в сфере международной ответственности за преступления против мира и безопасности, а также материалы и рекомендации диссертации, могут быть использованы:

- в практической деятельности органов международного правосудия, российских государственных органов, учреждений и организаций;

- при разработке внешнеполитической позиции Российской Федерации по вопросам совершенствования действующей системы международного права, укреплению законности и дальнейшему нормативно-правовому совершенствованию сферы международной ответственности государств, международных организаций и индивида за неправомерное применение силы;

- при выработке более совершенного и эффективного механизма регулирования международного сотрудничества в вопросах, связанных с тематикой санкций и контрмер, а также отдельных форм международной ответственности;

- в учебном процессе российских ВУЗов, а также положены в основу научных публикаций, учебно-практических работ и монографической литературы.

Апробация результатов исследования.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на совместном заседании кафедры международного права и центра международного права и сравнительно-правовых исследований федерального государственного

научно-исследовательского учреждения «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации».

Апробация результатов исследования осуществлялась автором диссертации во время чтения курсов «Международное публичное право», «Актуальные проблемы международного права», «Правовое обеспечение международного сотрудничества» в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, а также в процессе разработки одноименных учебно-методических комплексов.

Положения диссертационного исследования опубликованы в рецензируемых научных изданиях, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (перечень ВАК Минобрнауки России), а также в монографиях, научных статьях, учебных и научно-практических пособиях.

Основные положения и выводы диссертации прошли апробацию в рамках всероссийских и международных научно-практических конференций, в частности, ежегодного собрания Российской ассоциации международного права; на ежегодной международной научно-практической конференции РАНХиГС «Российское государство и социально-экономические вызовы современности», (Москва, 2013-2024 гг.), на Конгрессе сравнительного правоведения, проводимом Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Москва, 2023-2024); на конференции «Россия и мир: научный диалог» (Москва, 2022); на международной научно-практической конференции «Демократические идеалы и плюрализм правовых систем», (Москва, январь 2014); на международной научно-практической конференции «Взаимоотношения Европейского Союза, России и славянских стран: экономические, юридические и геополитические аспекты» (Ницца, май 2014); на V и VI «Кутафинских чтениях» (Москва, ноябрь 2013 г. и апрель 2014 г.); на X, XI и

XII ежегодных международных научно-практических конференциях «Актуальные проблемы современного международного права», посвященных памяти профессора И.П. Блищенко (Москва, Российский университет дружбы народов, 2012-2014); на международной научно-практической конференции «Проблемы и перспективы развития государства и права в XXI веке» (Йошкар-Ола, Приволжский научно-исследовательский центр, февраль 2013 г.); на международной научно-практической конференции «Источники частного и публичного права» (Тамбов, май 2013 г.); на международной научно-практической конференции «Россия в современной международной системе координат: новые вызовы и возможности» (Москва, май 2013); на II, III, IV международных научно-практических конференциях «Политика и право в социально-экономической системе общества» (Москва, научно-информационный издательский центр «Институт Стратегических Исследований», апрель, июнь, октябрь 2012 г.); на VII Конвенте Российской ассоциации международных исследований «Внешнеполитические ресурсы модернизации: возможности и пределы международного контекста» (Москва, сентябрь 2012 г.); на международной научно-практической конференции «Современная юриспруденция: правовая мысль и практика правоприменения» (Йошкар-Ола, октябрь 2012 г.); на VI международной научно-практической конференции «Научная дискуссия: вопросы юриспруденции» (Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет, октябрь 2012); на международной научно-практической конференции «Право и политика: теоретические и практические проблемы» (Рязань, ноябрь 2012).

Структура и объем диссертации обусловлены представленными целями и задачами. Работа состоит из введения, шести глав, включающих двадцать четыре параграфа, заключения, библиографического перечня, а также приложений.

ГЛАВА 1

ТЕМАТИКА МЕЖДУНАРОДНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПРАВЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

1.1. Концептуальное содержание категории «преступления против мира и безопасности».

В последние годы происходят серьезные изменения в терминологическом аппарате права международной безопасности. Запрещение Уставом ООН агрессивных войн привело к тому, что уже в 1960-е годы термин «война» стал гораздо реже употребляться в международных документах: «Сегодня термин война вышел из моды, обращение к вооруженному насилию расширяется, и вооруженная сила постоянно применяется, но никто не хочет назвать это войной»³⁹.

Швейцарский юрист Д. Шиндлер еще в 1960-х гг. объяснял подобные изменения терминологии тем, что объявление войны влечет за собой вполне определенные правовые последствия, в том числе международно-правовую ответственность за развязывание агрессивных войн.⁴⁰ Отечественный специалист В.П. Панов также полагает, что подобные тенденции связаны с тем, что «необъявленная война – это не война в юридическом смысле этого слова»⁴¹. Кроме того, в последние тридцать лет очевидно абсолютное превалирование внутренних вооруженных конфликтов над конфликтами межгосударственными.

³⁹ См.: Odgers F.J. The legal effects of war. 4th ed. by lord McNair. Cambridge, 1966. XLIX. P.476-477.

⁴⁰ См.: Schindler D. Die Anwendung der Genfer Rotkreuzabkommen seit 1949. – Zurich, 1968. S.75-120.

⁴¹ См.: Панов В.П. Международное военное право, М. 2000 г. С.131.

Известный советский юрист А.Н. Трайнин еще в 1937 году отмечал, что ответственность государства за агрессию «ни в какой мере не исключает ответственности тех лиц, которые вопреки международным обязательствам фактически объявили и повели агрессивную войну»⁴². Определенные правовые сложности также связаны с идентичными названиями противоправных деяний, которые совершаются различными субъектами. Преступление агрессии может быть атрибутировано государству, международной организацией, индивиду. Преступление геноцида может совершаться как государством, так и индивидом. Нарушения международного гуманитарного права совершаются индивидами, однако обязательства по соблюдению норм гуманитарного права берут на себя государства. Соответственно, за одни и те же исторические эпизоды уместно говорить о разных субъектах ответственности, хоть они и будут рассматриваться в разных судах. Например, за один и тот же эпизод геноцида вопрос международной ответственности государства может рассматриваться в Международном суде ООН, а ответственность индивидов, развязавших геноцид, на международном уголовном трибунале или в Международном уголовном суде. Помимо государств и индивидов, возможно также говорить о международной ответственности международных межправительственных организаций. Безусловно, прецедентной практики в отношении организаций гораздо меньше, и они, в целом, гораздо реже совершают противоправные действия.

Еще сто лет назад румынский юрист Веспасиан Пелла выделял три группы противоправных действий: деликты ординарные общеуголовные; деликты национально-политические; деликты интернациональные.⁴³ Субъектами последних, весьма похожих на современную категорию «международных преступлений», он называл государства, физических лиц,

⁴² Трайнин А. Н. Защита мира и уголовный закон. Под редакцией и с предисловием А.Я. Вышинского. Москва, Юридическое издательство НКЮ Союза ССР, 1937. С.111.

⁴³ Pella V. La Criminalité Collective des États et le Droit Penal de L'Avenir. Bucharest: Imprimerie de l'Etat, 1925

юридических лиц и другие организованные внутри государства или имеющие международный характер коллективы.

В связи с вышеизложенным, представляется необходимым введение специального современного термина, который бы отражал сложную юридическую конструкцию, архитектуру которой образуют понятия «международные преступления государств» (агрессия, геноцид, апартеид, экоцид, государственный терроризм); «международные преступления индивидов» (агрессия, геноцид, военные преступления, преступления против человечности), а также международно-правовые деяния международных организаций, связанные с присвоением международной ответственности государств (затрагивает те международные организации, которые обладают военно-силовой компетенцией). Автор предлагает объединить наиболее серьезные международно-правовые нарушения, которые могут служить основанием международной ответственности и предметом серьезной озабоченности мирового политического, правового и экспертного сообщества, термином «преступления против мира и безопасности». Данный вариант представляется компромиссным в свете совершенно несинхронизированного терминологического аппарата данной тематики, где наиболее серьезные нарушения международно-правовых обязательств, совершаемые государствами, называются «международными преступлениями государств», противоправные действия индивидов, посягающие на международный мир и безопасность, называются «международными преступлениями индивида» или «преступлениями против мира и безопасности человечества», а нарушения международного права международными организациями вообще не имеют устоявшегося в доктрине названия, хотя термин «международные преступления организаций» периодически встречается.

В 1976 году Роберто Аго, Специальный докладчик Комиссии международного права ООН по вопросам ответственности государств, пришел к выводу о необходимости разделить правонарушения государств на две категории по степени тяжести содеянного, обозначив их как

«международные деликты» и «международные преступления». Необходимо отметить, что Р. Аго впервые предложил подобное разделение еще в 1939 году.⁴⁴ Впоследствии профессор назвал такое разделение «нормативной дифференциацией»⁴⁵. Логика подобного разделения достаточно очевидна – нарушение торговых обязательств, с одной стороны, и проведение политики геноцида, с другой стороны, представляют собой одинаково противоправные явления, однако второе действие имеет значительно большую общественную опасность. Например, правительство Испании, которое в период обсуждения статей об ответственности государств выступало за введение термина «международные преступления государства», также указывало на то, что «международная практика показывает, что правовые последствия, вытекающие, например, из нарушения таможенного соглашения, отличаются в количественном и качественном отношении от последствий, которые имеют место при совершении акта агрессии одним государством против другого или при совершении актов геноцида»⁴⁶. Как отмечал известный немецкий юрист-международник Бруно Зимма, «подобная дифференциация могла бы сдвинуть нынешнюю ситуацию в праве международной ответственности с мертвой точки»⁴⁷.

В Комментариях к ПСОГ 2001 года, Комиссия международного права ООН указывает на то, что «государство является реально организованным образованием, юридическим лицом, имеющим все полномочия действовать в соответствии с международным правом. Однако признание этого не означает отрицания той элементарной истины, что государство может действовать само по себе»⁴⁸.

⁴⁴ См. Ago R. *Le délit international*//Recueil des cours. Vol. 68. 1939.

⁴⁵ Ago R. *Fifth Report on State Responsibility*. 1976. P.32.

⁴⁶ Ответственность государств. Комментарии и замечания, полученные от правительств. Документ ООН A/CN 4/515. 19 марта 2001. С. 52.

⁴⁷ Simma B. *Universality of International Law from the Perspective of a Practitioner*//*The European Journal of International Law*. 2009. Vol. 20 no. 2. pp. 265-297.

⁴⁸ См. п.5 Комментария к докладу Комиссии международного права ООН «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» 2001 г.

Само словосочетание «международные преступления», предложенное Р. Аго, вызвало бурную дискуссию среди государств, поскольку очевидна прямая аналогия с уголовным правом и национальным законодательством. Тем не менее, была сформулирована Статья 19 «Международные преступления и деликты», в которой содержалось определение «международного преступления государства» как «международно-противоправного деяния, возникающего в результате нарушения государством международного обязательства, столь основополагающего для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества, что его нарушение рассматривается как преступление международным сообществом в целом»⁴⁹.

Эпохальную девятнадцатую статью впоследствии назовут «концептуальной революцией».⁵⁰ Она бурно обсуждалась в течение двадцати пяти лет, с 1976 по 2001 год, и, в результате, было принято решение о ее исключении из итогового текста Проекта.

Большой теоретический интерес для осмысления и понимания проблемы имеют комментарии и замечания, полученные по данному вопросу от правительств в разные годы: «Комментарии правительств обозначили различные степени удовлетворения и неудовлетворения проектом: ряд правительств были категорически против упоминания «преступления» и считали его способным уничтожить проект статей в целом»⁵¹. Р. Аго в своем пятом докладе по вопросу международной ответственности государств отмечал, что «традиционная концепция ответственности уже содержит не только идею возмещения в буквальном смысле этого слова, но и идею наказания»⁵². Правительство Великобритании яростно отрицало саму

⁴⁹ Yearbook of International Law Commission. Vol. 2. P.2. 1976. P. 110.

⁵⁰ Wyler E. From 'State Crime' to Responsibility for 'Serious Breaches of Obligations under Peremptory Norms of General International Law//The European Journal of International Law .Vol. 13 № 5. 2002. P. 1152.

⁵¹ Yearbook of the International Law Commission, 1998. Vol.1. Para 242 (f).

⁵² Fifth report of the Special Rapporteur Mr. Roberto Ago. 28th session of the ILC, 1976. P. 34.

возможность наказания государств: «В целом, наказывать государство как таковое не может какое-то отдельное государство или группа государств либо даже трибунал. Ответственность государства предусматривает возмещение вреда, а не наказание за проступки»⁵³.

Среди стран, также осудивших введение термина, были Австрия, Нидерланды, Словакия, Китай, Япония, республика Корея. Отдельно можно отметить позицию США, которые настаивали не просто на исключении термина «международные преступления государства», но и выражали сомнения относительно «целесообразности проведения различия между нарушениями и серьезными нарушениями». По мнению США, статьи об ответственности ни в коем случае не должны обозначать новый уровень правового регулирования, единственная их цель – обобщить нормы обычного права и не более.⁵⁴ Великобритания также всячески подчеркивала, что Проект должен основываться исключительно на сложившейся практике и не привносить в международно-правовую систему ничего нового.⁵⁵

В итоге, термин «международные преступления государств» в итоговом тексте Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния термин заменен на довольно объемную и спорную конструкцию «серьезные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права». При этом, Комиссия международного права ООН еще в 1970-х годах отмечала, что «категория международных обязательств, не допускающих отклонений, намного шире, чем категория обязательств, нарушение которых составляет международное преступление государства».⁵⁶

Рассмотрим принцип обязанности государств сотрудничать друг с другом, являющийся императивным принципом международного права и

⁵³ Ответственность государств. Комментарии и замечания, полученные от правительств. Документ ООН A/CN.4/515. 19 марта 2001. С. 53.

⁵⁴ Там же. С.14.

⁵⁵ Там же. С.16.

⁵⁶ Yearbook of International Law Commission. Vol. 2. P.2. 1976. P. 120.

закрывающийся в обязанности государств осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера». «Однако возможно ли сравнить нарушение данного обязательства с, например, развязыванием агрессивной войны или геноцидом? Таким образом, нарушение норм *jus cogens* и международные преступления государств, не представляют собой «две стороны одной медали», хотя и пересекаются в ряде положений, связанных с поддержанием международного мира и безопасности»⁵⁷.

По мнению А. Пелле, одного из ведущих исследователей данной проблематики, приравнивание нарушения нормы *jus cogens* к международному преступлению существенно облегчило бы понимание сложившейся в международном праве ситуации, поэтому «было бы проще и удобнее признать нарушение нормы *jus cogens* международным преступлением»⁵⁸. Тем не менее, поскольку содержание концепции *jus cogens* также не отражено в едином нормативно-правовом документе, ни о каком «приравнивании» одной до конца не определенной с точки зрения содержания категории к другой не менее неопределенной не может идти и речи.

Исходя из анализа практики Международного суда ООН, а также комментариев юристов, участвовавших в разработке ПСОГ, можно сделать вывод о том, что наиболее тесную связь с категорией «международные преступления государства» из императивных принципов международного права имеют следующие: принцип неприменения силы и угрозы силой; принцип невмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государств; принцип равноправия и самоопределения народов; принцип суверенного равенства государств; принцип нерушимости государственных

⁵⁷ Сазонова К.Л. К вопросу о соотношении норм *jus cogens*, обязательств *erga omnes* и международных преступлений государства//Право и политика. 2013. №9. С. 1178-1179.

⁵⁸ Pellet A. Can a State Commit a Crime? Definitely, Yes! // European Journal of International Law. Vol. 10. No. 2. 1999. P. 428.

границ; принцип территориальной целостности государств; принцип уважения прав человека и основных свобод⁵⁹.

Итальянский профессор Дж. Гайя, который много занимался данной проблематикой, в 1984 году на Флорентийской конференции по ответственности государств, предложил так называемую «концепцию трех кругов»,⁶⁰ согласно которой, обязательства *erga omnes* представляют самый широкий условный круг. Внутри него находится более узкий круг – это нормы *jus cogens*. И, наконец, третий, самый узкий круг составляют международные преступления государств.⁶¹ Таким образом, согласно данной концепции, в случае признания какого-либо действия или бездействия государства международным преступлением, данное действие или бездействие будет одновременно считаться нарушением норм *jus cogens* и обязательств *erga omnes*. Таким образом, нормы, нарушение которых составляет содержание «международного преступления государства», представляют собой верх нормативной иерархии⁶².

Профессор Н. Йоргенсен, автор монографии об ответственности государств за международные преступления, выделяет три аспекта, объединяющих международные преступления государств, нормы *jus cogens* и обязательства *erga omnes*: «Все они призваны защищать общие интересы государств и базовые моральные ценности; классические примеры деяний, составляющих содержание каждой концепции, во многом совпадают; и словосочетание «международное сообщество в целом» появляется в описании каждой из концепций»⁶³.

⁵⁹ Сазонова К.Л. К вопросу о соотношении норм *jus cogens*, обязательств *erga omnes* и международных преступлений государства//Право и политика. 2013. №9. С. 1179.

⁶⁰ См. Приложение №5 диссертации.

⁶¹ Gaja G. Obligations *Erga Omnes*, International Crimes and *Jus Cogens*: A Tentative Analysis of Three Related Concepts/ International Crimes of State. Weiler J. H. H., Cassese A., Spinedi M. (eds.) 1989. P. 160.

⁶² Сазонова К.Л. К вопросу о соотношении норм *jus cogens*, обязательств *erga omnes* и международных преступлений государства//Право и политика. 2013. №9. С. 1179.

⁶³ Jorgensen N.H.V. The Responsibility of States for International Crimes. Oxford, 2000. (reprinted 2005). P.P. 96.

Можно констатировать, что категории «норм *jus cogens*», «обязательств *erga omnes*», а также «международные преступления государств» тесно связаны между собой, в особенности те, что связаны с нарушениями прав человека: «Нормы и принципы, касающиеся защиты прав человека, не только имеют характер *erga omnes* и даже *jus cogens*, но и их нарушения систематически квалифицируются как международные преступления»⁶⁴.

Кроме того, очевидно, что с развитием интеграционных процессов и усилением взаимозависимости государств, право международной ответственности также расширяет сферу своего охвата, так как «ответственность стала более диверсифицированной и более сложной в результате событий, которые повлияли на международное сообщество»⁶⁵.

Многолетние усилия членов Комиссии международного права ООН по внедрению термина «международные преступления государств» не увенчались успехом, прежде всего, из-за колоссальной политизированности любых вопросов, связанных с международной ответственностью. В результате, как сказал Ф. Аллот, «международные преступления государств» были сведены к весьма размытому «применению силы» с правом его оценки «международным сообществом в целом»,⁶⁶ хотя задача концепции «преступления государств» состояла не в том, чтобы абсолютизировать идею наказания, а в том, «чтобы гарантировать международный правопорядок»⁶⁷. Правительство Нидерландов при обсуждении ПСОГ задавалось вопросом, «не слишком ли высока цена, которую приходится платить за снятие термина «международное преступление»? Нидерланды считают, что эти изменения

⁶⁴ Vaurs-Chaumette A.-L. Peoples and Minorities. In The Law of International Responsibility, ed. J. Crawford, A. Pellet and S. Olleson, Oxford University Press, 2010. P.999.

⁶⁵ Pellet A. The Definition of Responsibility in International Law/ The Law of International Responsibility. Crawford J., Pellet A., Olleson S. (eds.). 2010. P. 3.

⁶⁶ Allott P. State Responsibility and the Unmaking of International Law//Harvard International Law Journal. Vol. 29. №1. 1988. P. 6.

⁶⁷ Wyler E. From 'State Crime' to Responsibility for 'Serious Breaches of Obligations under Peremptory Norms of General International Law//The European Journal of International Law.Vol. 13 № 5. 2002. P. 1150.

являются шагом назад по сравнению с предыдущим проектом, и призывают Комиссию международного права пересмотреть их».⁶⁸

Можно констатировать, что Проект скорее проиграл, нежели выиграл от «изъятия» термина «международные преступления государства». Кроме того, совершенно очевидно, что, как справедливо отмечал профессор С.В. Черниченко, «международное преступление государства – это метафора. Оно не означает преступления в уголовно-правовом смысле, а подчеркивает особую тяжесть, опасность данной категории международных правонарушений»⁶⁹.

Между категориями «международные преступления государства» и термином в итоговой версии ПСОГ «серьезные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права» имеется сильное сходство, поэтому «терминологически, «серьезные» и «несерьезные» нарушения международного права рассматриваются некоторыми авторами согласно прежней схеме»⁷⁰. Данная схожесть была очевидна еще на стадии рассмотрения текста Проекта статей. Например, Япония открыто указывала на то, что «серьезные нарушения — это всего лишь плохо замаскированный синоним понятия международного преступления»⁷¹. При этом, как отмечало уже 2022 году правительство Великобритании в комментариях к Проекту КМП ООН относительно императивных нормы общего международного права, совершенно неясно, что понимается под «серьезным нарушением» либо под «грубым или систематическим невыполнением» обязательства»⁷².

⁶⁸ UN Doc. A/CN.4/515. 19 марта 2001 С. 71.

⁶⁹ Черниченко С.В. Контуры международного права. Общие вопросы. М., Научная книга. 2014. С.565.

⁷⁰ Wyler E. From 'State Crime' to Responsibility for 'Serious Breaches of Obligations under Peremptory Norms of General International Law'//The European Journal of International Law .Vol. 13 № 5. 2002. P. 1160.

⁷¹ UN Doc. A/CN.4/515. 19 марта 2001. С.56.

⁷² Императивные нормы общего международного права (*jus cogens*) Замечания и соображения, полученные от правительств. Комиссия международного права ООН. 2022. <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n22/230/57/pdf/n2223057.pdf>

Еще одна формулировка, встречающаяся в доктрине и обозначающая наиболее грубые нарушения международно-правовых обязательств — «преступления против международного права». Например, А.Н. Трайнин полагал, что данный термин является современным продолжением латинского термином *delicta juris gentium* — «преступления против международного права, общечеловеческие преступления иной политики». Профессор С.В. Черниченко отмечал, что «следует видеть различие между международным преступлением и преступлением против международного права»⁷³.

Можно констатировать, что сегодня в академической среде отсутствует единство относительно понимания термина «преступление государства». Само слово «преступление», применительно к государству, воспринимается как «проблемный термин»⁷⁴. При этом характерной особенностью «преступлений государств» является то, что каждый автор пытается дать свою дефиницию данной категории. Например, бывший председатель Комиссии международного права ООН А. Пелле определяет преступление государства «как нарушение нормы *jus cogens*».⁷⁵ Э. Уайлер весьма метафорично называет «преступление государства» «карликом, закованным в цепи, звон которых едва ли может напугать государства»⁷⁶.

Вынесение «международных преступлений государств» в особую категорию международных правонарушений поддерживали Г.И. Тункин, Д.Б. Левин, П. Курис, А. Н. Трайнин в советской доктрине международного права⁷⁷, а также М. Бартош, А. Таммес, Р. Аго и другие

⁷³ Черниченко С.В. Нюрнбергские принципы: опыт современного толкования// Международный правовой курьер. № 3 (15). 2016. С.28.

⁷⁴ Combacau J., Sur S. Droit international public. 3th ed., Montchrestien, 1997. P. 523.

⁷⁵ Pellet A. Can a State Commit a Crime? Definitely, Yes! //European Journal of International Law. Vol. 10. №2. 1999. P. 428.

⁷⁶ Wyler E. From 'State Crime' to Responsibility for 'Serious Breaches of Obligations under Peremptory Norms of General International Law//European Journal of International Law. Vol. 13 № 5. 2002. P. 1148.

⁷⁷ См. Левин Д.Б. Ответственность государств в современном международном праве. М., 1966; Трайнин А.Н. Защита мира и уголовный закон. М., 1969; Тункин Г.И. Теория международного права. М., 1970; Курис П. Международные правонарушения и ответственность государства. Вильнюс, 1973.

в зарубежной доктрине международного права.⁷⁸ Как справедливо отмечал профессор С.В. Черниченко, «тот факт, что в статьях об ответственности нет понятия международного преступления, не означает утраты им своего значения в доктрине и практике»⁷⁹. Советский юрист А.Н. Трайнин еще в 1935 году использовал термин «ультрамеждународные» посягательства», которые характерны тем, что «острием своим они обращены не против той или иной политической формы и тем более против отдельных лиц, а против всякого культурного общежития, против самого существа современного цивилизованного государства»⁸⁰.

Противником концепции «международных преступлений государств» выступает известный итальянский юрист А. Кассезе, полагающий, что «международными преступлениями» следует наименовать только те противоправные деяния, которые могут повлечь за собой индивидуальную уголовную ответственность совершивших их лиц. По мнению Кассезе, к таким деяниям относятся военные преступления, преступления против человечности, преступление геноцида, преступление пытки, агрессию, а также «некоторые экстраординарные формы терроризма (серьезные проявления поощряемого государством или терпимого государством международного терроризма)»⁸¹. Классификация А. Кассезе, тем не менее, не получила широкого признания в доктрине. Кроме того, Кассезе утверждает, что «суды, устанавливающие индивидуальную ответственность вместо коллективного наказания за вину, показывают, что не все немцы были ответственны за

⁷⁸ См. Левин Д.Б. Ответственность государств в современном международном праве. М., 1966; Трайнин А.Н. Защита мира и уголовный закон. М., 1969; Тункин Г.И. Теория международного права. М., 1970; Курис П. Международные правонарушения и ответственность государства. Вильнюс, 1973.

⁷⁹ Черниченко С.В. Контуры международного права. Общие вопросы. М., Научная книга. 2014. С.565.

⁸⁰ Трайнин А. Н. Уголовная интервенция. Под редакцией А.Я. Вышинского. Москва, из-во «Советское законодательство», 1935. С.27.

⁸¹ Cassese A. International Criminal Law. Oxford University Press, 2003. P.36.

Холокост, не все турки за геноцид армян, не все сербы, мусульмане, хорваты или хуту, – не все, а отдельные виновники»⁸².

Тематика, связанная с международными преступлениями государства, весьма активно изучается в западной доктрине. Особо необходимо отметить публикации таких авторов, как Н. Йоргенсен, Э. Уайлер, М. Спинеди и другие.⁸³ В целом, тот факт, что концепция «международного преступления» государства продолжает активно дискутироваться в западной доктрине, свидетельствует о том, что она далеко не исчерпала свой потенциал развития, несмотря на исключение данной формулировки из текста Проекта статей об ответственности государств.

Можно согласиться с одним из самых известных сторонников концепции «международных преступлений государств», французским юристом-международником А. Пелле, что, хоть «термин «преступление» может ввести в заблуждение, сама концепция международных преступлений государства абсолютно необходима в современном международном праве».⁸⁴ Кроме того, А. Пелле указывает на то, что использование термина «преступления государств» в современных условиях «вполне оправдано, так

⁸² Cassese A. Reflections on International Criminal Justice// The Modern Law Review.Vol.1. №1. 1998. P. 6.

⁸³ Jorgensen N.H.B. The Responsibility of States for International Crimes. Oxford, 2000. (reprinted 2005) P. 89; Wyler E. From 'State Crime' to Responsibility for 'Serious Breaches of Obligations under Peremptory Norms of General International Law'// The European Journal of International Law Vol. 13, No. 5, 2002; Spinedi M. State Responsibility v. Individual Responsibility for International Crimes: Tertium Non Datur?// The European Journal of International Law, Vol.13, No. 4, 2002; Gilbert G. The Criminal Responsibility of States//International and Comparative Law Quarterly, Vol. 39, No. 2, April 1990; Dupuy P.-M. Dionisio Anzilotti and the Law of International Responsibility of States Vol. 3, n.1, 1992; De Hoogh A. Obligations Erga Omnes and International Crimes: A Theoretical Inquiry Into the Implementation and Enforcement of the International Responsibility of States. Martinus Nijhoff Publishers, 1996. P. 465; Cryer R. International Criminal Law vs. State Sovereignty: Another Round? //The European Journal of International Law Vol. 16, n.5 2006; Nollkaemper A. Systemic Effects of International Responsibility for International Crimes//Santa Clara Journal of International Law 313, 2010.;

⁸⁴ Pellet A. Can a State Commit a Crime? Definitely, Yes! //European Journal of International Law (1999)Vol. 10. No. 2. 1999. P. 434.

как приобрело свою легитимность с 1976 года и очень широко используется»⁸⁵.

В целом, для дальнейшего развития проблематики «международных преступлений государств» необходимо принятие соответствующих политических решений. Как отмечает К. Шмитт, «концептуальное содержание международного права не может быть отделено от конкретных отношений государств, связанных с силой и пространством»⁸⁶. Можно констатировать, что «инструменты существуют, но должны срочно получить политическую поддержку»⁸⁷.

Согласно ст. 3 ПСОГ, «квалификация деяния государства как международно-противоправного определяется международным правом»⁸⁸. Учитывая то, что особенностью международного права является его способность меняться в ответ на изменения международных отношениях, можно предположить самые различные варианты развития тематики международно-правовой ответственности государств за силовые злоупотребления и грубые международно-правовые нарушения.

Можно констатировать, что «международные преступления государств» и «серьезные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права» сегодня, фактически, используются как термины-синонимы. Тем не менее, более размытая формулировка позволяет государствам в определенных случаях уходить от ответственности, так как разделение между «обычными» и «серьезными» нарушениями международных обязательств не определяется ни в одном международно-правовом документе.

⁸⁵ Pellet A. Can a State Commit a Crime? Definitely, Yes! //European Journal of International Law (1999)Vol. 10. No. 2. 1999. P. 434.

⁸⁶ Schmitt C. The Nomos of the Earth in the International Law of Jus Publicum Europaeum. Pt. IV, chap. 1. 2003.

⁸⁷ Hüls V. State Responsibility for Crimes under International Law: Filling the Justice Gap in the Congo, 2004. P. 24. URL: lawanddevelopment.org

⁸⁸ Доклад Комиссии международного права. 56 сессия, 2001. С. 27.

1.2. Нормативно-правовое содержание категории «преступления против мира и безопасности».

Категория «международные преступления государств».

Согласно ст. 1 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 года, «каждое международно-противоправное деяние государства влечет международную ответственность этого государства». Таким образом, можно констатировать, что основанием международно-правовой ответственности сегодня является любое деяние государства, противоречащее нормам международного права. Ситуация осложняется, когда в качестве основания ответственности выступает не просто любое правонарушение, а «серьезное нарушение обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права» (Глава 3 ПСОГ), поскольку разница между противоправными деяниями в зависимости от степени их «серьезности» не столь очевидна.

Можно предположить, что к наиболее «серьезным нарушениям обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права», относится неправомерное применение силы, нарушающее п.4 ст.2 Устава ООН. Существует два основных вектора интерпретации данного положения. В рамках первого, запрет на применение силы мыслится как абсолютный и не допускающий двусмысленных трактовок. В рамках второго вектора предполагается, что в Уставе идет речь лишь о том, чтобы воздерживаться [англ. *refrain from*] от применения силы, что не исключает ее применения в отдельных случаях.⁸⁹

Проблема применения силы интересовала многих отечественных юристов, среди которых особо можно отметить труды Г.И. Тункина, Д. Донского, Ю.П. Давыдова, В.И. Менжинского, Н.А. Ушакова и др.⁹⁰ Среди

⁸⁹ Малеев Ю.Н. Реабилитация адекватного и пропорционального применения силы// Московский журнал международного права. № 3, 2004. С. 37.

⁹⁰ Тункин Г.И., Мюллерсон Р.А. Принцип неприменения силы в современную эпоху// Советское государство и право. М., 1987. № 9; Донской Д. Агрессия вне закона. Об общепризнанном определении агрессии. - М.: Изд-во «Международные отношения», 1976; Менжинский В.И. Неприменение силы в международных отношениях. М., 1976; Ушаков

диссертационных исследований по проблематике применения силы, защищенных в XXI веке, необходимо отметить работы Л.Н. Тарасовой, А.Д. Пашиной, А.С. Орбеляна.⁹¹

Западная доктрина международного права также традиционно уделяет значительное внимание вопросам, связанным с применением силы.⁹² У представителей европейской и американской школ международного права сохраняется традиционно высокий интерес к проблематике границ и особенностей применения силы.⁹³

Определений категории «сила» в доктрине чрезвычайно много, однако, на сегодняшний день, существует два глобальных вектора – либо понимание силы исключительно в военно-силовом контексте, то есть «вооруженной силы», либо же расширительная трактовка, согласно которой «в сфере межгосударственного общения понятие «сила» охватывает насильственные меры главным образом военного, политического и экономического порядка»⁹⁴. Одним из наиболее сложных моментов является изменение категории «применение силы» с развитием технических возможностей, систем

Н.А. Правовое регулирование использования силы в международных отношениях. М., 1997; Давыдов Ю.П. Норма против силы. Проблема мирорегулирования. М, Международные отношения. 2002.

⁹¹ Пашина А.Д. Применение силы в международном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 /Пашина Аделя Дмитриевна. – Казань, 2008; Тарасова Л.Н. Применение силы в международных отношениях и защита прав человека: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10/ Тарасова Людмила Николаевна. – М., 2007. – 201 с.; Орбелян А.С. Право государств на применение вооруженной силы в условиях современных международных отношений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10/Орбелян Арам Смбагович. – Москва, 2008. -153 с.

⁹² Antonopoulos C. *The Unilateral Use of Force by States in International Law*. Athens, A.N. Sakkoulas, 1997; Arend, A. T. C., Beck R.J. *International Law and the Use of Force*, London: Routledge, 1993; Butler W. E. (ed.). *The Non-Use of Force in International Law*, Dordrecht: Nijhoff, 1989; Cassese A. (ed.), *The Current Legal Regulation of the Use of Force*, Dordrecht, Nijhoff. 1986; Simma B. NATO, the UN and the Use of Force: Legal Aspects// *European Journal of International Law*. Vol.10. No.1. 1999\$ Weisburd A.M. *Use of Force: The Practice of States since World War II*, Pennsylvania, Pennsylvania State University. 1997.

⁹³ Gazzini T. *The Changing Rules of the Use of Force in International Law*. Manchester University Press, 2005; Gray C. *International Law and the Use of Force*. 3rd Edition. Oxford University Press, 2008.

⁹⁴ Кешнер М.В. Применение мер принуждения в международном праве//*Вестник ТИСБИ*. №2(50). 2012.

слежения и спутниковой связи, активной эксплуатацией беспилотных летательных аппаратов, а также с ростом киберпреступности.

В действующих нормативно-правовых документах основной акцент делается на применение именно вооруженной силы. Согласно резолюции «Определение агрессии», принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1974 году, агрессией является любое «применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства»⁹⁵. Анализ статьи 3 «Определения агрессии», раскрывающей более подробно содержание данного понятия, позволяет сделать вывод о том, что агрессия подразумевает обязательное применение именно вооруженной силы, так как этот термин фигурирует в шести из семи пунктов, раскрывающих содержание термина.

Серьезные дискуссии вызывают также категории «угроза применения силы» и «угроза миру». Содержательное наполнение данных терминов имеет огромное значение, поскольку определенная трактовка может быть воспринята Советом Безопасности ООН как сигнал к началу миротворческой операции, или же может быть воспринята государством как начало реализации права на самооборону.

Можно констатировать, что категория «применения силы» значительно шире категории «агрессии». Целый ряд важнейших международно-правовых документов также связан с категорией «неправомерное применение силы». В 1948 году была принята Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 года,⁹⁶ а в 1973 г. после событий в ЮАР была принята Международная конвенция о пресечении преступлений апартеида и наказании за него, анализ которых позволяет отнести геноцид и апартеид к категории «международные преступления государств».

⁹⁵ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3314 (XXIX) «Определение агрессии» от 14 декабря 1974 г.

⁹⁶ Геноцид как международное преступление, совершаемое как государствами, так и индивидами, подробно рассмотрен в п.5.5 Главы 5 диссертационного исследования.

Очевидно, что перечень случаев противоправного применения силы должен становиться шире по мере того, как возникают новые прецеденты и формы нарушения международно-правовых норм. В последние годы все чаще звучит идея того, что экоцид, как целенаправленное неблагоприятное воздействие на природную среду в особо крупных масштабах, также является вариантом неправомерного применения силы.

Примерами подобной деятельности является применение дефолиантов на основе диоксина войсками США в период войны во Вьетнаме, а также целенаправленные поджоги нефтяных скважин в ходе войны в Персидском заливе. Реакцией международного сообщества на войну во Вьетнаме стало принятие в 1977 году Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду, которая запрещает использование в вооруженных конфликтах любых средств, способных вызвать землетрясение, цунами, нарушение экологического баланса какого-либо района, изменения в элементах погоды, климата, в состоянии озонового слоя и ионосферы.⁹⁷

При этом необходимо отметить, что в практике международного взаимодействия практике экоцид обычно является составной частью преступления агрессии. Воздействие на окружающую среду является не самоцелью, а лишь средством для военной победы над противником. Одним из немногих примеров реализации международной ответственности, когда в качестве основания ответственности фигурировал именно экологический ущерб, можно считать резолюцию Совета Безопасности ООН 687 от 3 апреля 1991 года, в которой Ирак был объявлен ответственным перед иностранными государствами, физическими и юридическими лицами за ущерб, нанесенный окружающей среде. Для хотя бы частичной компенсации ущерба был создан специальный фонд, который пополнялся за счет нефтяных доходов Ирака.

⁹⁷ Международное право в документах. М., 1982, с. 595 – 599.

Международные преступления индивидов

Вопросы, связанные с дефинициями и классификацией преступлений против мира и безопасности человечества, традиционно вызывают массу споров в доктрине международного права. Подобная ситуация частично объясняется почти столетней эволюцией данного явления, результате чего неизбежно было возникновение терминологических расхождений. Кроме того, языковые расхождения и переводы терминов с одного языка на другой также сыграли свою роль.

Кроме того, определенную терминологическую путаницу также вносят документы национального права, связанные с данной тематикой. Например, есть глава 34 Уголовного кодекса РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ «Преступления против мира и безопасности человечества»,⁹⁸ которая регламентирует преступления индивидов, подсудные российской юрисдикции, и содержит 10 пунктов состава, в том числе, планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны; публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (в том числе, реабилитацию нацизма); разработку, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения; применение запрещенных средств и методов ведения войны; мародерство; геноцид; экоцид; наемничество; нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой, либо угроза его совершения; акт международного терроризма. Документ уже не национального, а международного права - Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 года - содержит ту же самую формулировку «преступлений против мира и безопасности человечества», однако формулирует 12 различных составов подобных деяний,⁹⁹ в том числе,

⁹⁸ К данным преступлениям отнесены планирование, подготовка, развязывание, призывы к развязыванию и ведение агрессивной войны, реабилитация нацизма, разработка, накопление и сбыт оружия массового поражения, применение запрещенных средств и методов ведения войны.

⁹⁹ См. Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. Комиссия международного права ООН. 1996.

агрессию; угроза агрессией; вмешательство во внутренние и внешние дела государства; колониальное господство и другие формы иностранного господства; геноцид; апартеид; систематическое и массовое нарушение прав человека; исключительно серьезные военные преступления; вербовка, использование, финансирование и обучение наемников; международный терроризм; незаконный оборот наркотических средств; преднамеренный и серьезный ущерб окружающей среде. Используя терминологию Комиссии международного права, правомерно говорить о «преступлениях против мира и безопасности человечества по международному праву» и «преступлениях против мира и безопасности человечества по национальному праву». Кроме того, в отечественной доктрине права категория «преступлений против мира и безопасности человечества» иногда используется как синоним «преступлений по общему международному праву»¹⁰⁰. ***Важно отметить, что в настоящей работе речь идет именно о международной ответственности, которую реализуют индивиды.*** Также необходимо упомянуть, что международная ответственность индивида не наступает за так называемые «транснациональные преступления» или «преступления международного характера», к которым относятся пиратство, контрабанда, фальшивомонетчество, наркотрафик, и которые наказуемы согласно нормам национального уголовного законодательства. Проведение разграничения между международными преступлениями индивида и преступлениями международного характера просто необходимо, потому что, если его не делать, «торговля порнографией и агрессия оказываются в одной группе международных преступлений, в то время как не поддается сравнению опасность этих деяний для международного сообщества»¹⁰¹.

Советский правовед А.Н. Трайнин еще в 1935 году отмечал, что систему международных санкций, проектируемых за международные преступления,

¹⁰⁰ Военные преступления в современном праве. М., Институт государства и права РАН, 2003. С.49.

¹⁰¹ Блищенко И.П., Фисенко И.В. Международный уголовный суд. М., Институт международного права. 1994. С.30.

необходимо разделить на две группы: наказания в отношении физических лиц и наказания в отношении государств¹⁰².

Что касается конкретных международных преступлений индивида, влекущих международную ответственность, в их отношении можно констатировать определенную терминологическую эволюцию. Так, в статье 6 Устава Нюрнбергского военного трибунала говорилось о таких подлежащих его юрисдикции преступлениях, как преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности. На заседании Комиссии международного права в 2013 года было отмечено, что юрисдикцию международных уголовных трибуналов обычно составляют три основных преступления: военные преступления, геноцид и преступления против человечности. В юрисдикцию Международного уголовного суда входят агрессия, геноцид, военные преступления и преступления против человечности. В 2022 году Комиссия международного права ООН приняла в первом чтении Проект статей об иммунитете должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции¹⁰³, в котором к международным преступлениям индивида относятся также апартеид, пытки и насильственные исчезновения¹⁰⁴.

Рассмотрим подробнее конкретное содержание категории «международных преступлений индивида».

«Военные преступления»: история и современное содержание

Впервые термин «военные преступники» был употреблен в документах Союзнической Комиссии от 11 ноября 1918 года. Российский ученый С.А. Лобанов указывает на то, что впоследствии также использовался термин «преступники войны», под которым понимались лица, ответственные за

¹⁰² Трайнин А. Н. Уголовная интервенция. Под редакцией А.Я. Вышинского. Москва, из-во «Советское законодательство», 1935. С.55.

¹⁰³ Проект статей об иммунитете должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2022/russian/chp6.pdf> (дата обращения 05.09.2024)

¹⁰⁴ Там же.

нарушения законов и обычаев войны.¹⁰⁵ Термин также использовался в 1919 году на судебном процессе по итогам Первой мировой войны, где рассматривались вопросы ответственности Вильгельма II и его военачальников. Данный термин изначально являлся собирательным, и в версии судебного процесса в Лейпциге в 1919 году включал в себя такие деяния, как убийства и резня; систематический террор; убийство заложников; пытки гражданского населения; сознательное обречение гражданского населения на голодную смерть; изнасилование; похищение девушек и женщин и принуждение их к проституции; высылка и интернирование гражданского населения; принудительный труд и принудительная мобилизация для гражданского населения в связи с военными операциями противника; попытки истребить население оккупированной территории; мародерство; конфискация имущества; бессмысленное уничтожение собственности; обстрел незащищенных районов; беспричинное разрушение исторических, религиозных и культурных сооружений и памятников; потопление рыболовных и спасательных судов; сознательный обстрел госпиталей и потопление госпитальных судов; использование удушливых газов; использование разрывных пуль и других бесчеловечных средств; указание не давать пощады; отравление колодцев и прочее.

Дальнейшее развитие тематики «военных преступлений» связано с деятельностью Нюрнбергского и Токийского международных военных трибуналов, к юрисдикции которых были отнесены военные преступления, преступления против мира и преступлениями против человечности. Статья 6 Устава Нюрнбергского трибунала относит к «военным преступлениям» «убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников;

¹⁰⁵ Лобанов С.А. Уголовное судопроизводство по делам о военных преступлениях (международно-правовые аспекты): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 20.02.03/ Лобанов Сергей Александрович. - М., Военный университет, 1997.

ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления»¹⁰⁶.

Ст. 5 Устава международного военного трибунала для Дальнего Востока содержала формулировку о «военных преступлениях, предусмотренных конвенциями, а именно: преступлениях против законов и обычаев войны». С учетом того, что Женевские конвенции были приняты чуть позже, опора шла на «право Гааги», а не на «право Женевы», а также на ряд конвенций, подписанных после первой мировой войны. Как отмечает Г.А. Королев, из всех международных преступлений именно «категория военных преступлений подпадает под регулирование множества документов»¹⁰⁷. Действительно, данное понятие содержится во многих важных международных документах. Например, в Декларации о территориальном убежище от 14 декабря 1967 года¹⁰⁸ была зафиксирована норма, согласно которой на право искать убежище и пользоваться им «не может ссылаться никакое лицо, в отношении которого существуют серьезные основания полагать, что оно совершило преступление против мира, военное преступление или преступление против человечности». В конвенции «О неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества» от 26 ноября 1968 года установлено, что военным преступлениям не применяются сроки давности, причем к числу лиц, на которых не распространяется срок давности за совершенные преступления, относятся представители государственных властей. В 1973 году резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3074 призвала государства сотрудничать при расследовании военных преступлений. Следующим этапом кодификации категории «военные преступления» стало ее включение в число деяний,

¹⁰⁶ Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. Лондон, 8 августа 1945 г.

¹⁰⁷ Королев Г. А. Универсальная юрисдикция: определение, основания применения//Журнал российского права. № 1. 2009. С. 108.

¹⁰⁸ Декларация Генеральной Ассамблеи ООН 6912 «О территориальном убежище» от 14 декабря 1967 г.

составляющих предметную юрисдикцию Международного уголовного суда (ст.8 Римского статута МУС 1998 года).

Отечественная доктрина относит военные преступления к категории преступлений против мира и безопасности человечества (преступлений по общему международному праву)¹⁰⁹. А.И. Белый определяет военное преступление по международному праву как «предусмотренное в акте международного уголовного права виновно совершенное общественно опасное деяние, посягающее на установленные основополагающими принципами международного права и международным гуманитарным правом правила ведения вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера»¹¹⁰.

Существуют различные доктринальные классификации военных преступлений. Например, В.И. Серегин выделяет «серьезные преступления; исключительно серьезные нарушения законов и обычаев войны; военные преступления международного характера и воинские преступления в районе военных действий»¹¹¹. В.М. Корякин классифицирует преступления, в зависимости от субъекта преступления, на «преступления, основным субъектом которых являются военнослужащие», а также на «преступления, субъектом которых в основном являются отдельные политические лидеры»¹¹².

Кроме того, в доктрине также используется термин «обычные военные преступления» для обозначения военных преступлений, которые рассматриваются не в органах международного правосудия, а по национальному праву, и представляют собой такую практику, «когда лица, виновные в военных преступлениях, преследовались не только враждебной

¹⁰⁹ Адельханян Р.А. Военные преступления в современном праве. М., 2003. С.49.

¹¹⁰ Белый И.Ю. Международное уголовное судопроизводство по делам о военных преступлениях: проблемы становления и перспективы развития. Диссертация д.ю.н. 20.02.03. Москва, 2009. С. 89.

¹¹¹ Военное право. Курс лекций. Под общ. Ред. Н.А. Петухова. М., Прогресс, 2002. С.203.

¹¹² Корякин В.М. Уроки Нюрнберга в зеркале военно-правовой науки// Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. № 2(22)2011. С. 138.

стороной в случае их пленения, но и самим государством, в состав вооруженных сил которого они входили»¹¹³. В качестве примеров обычных военных преступлений С.А. Лобанов приводит «процессы над советскими военнослужащими, совершившими военные преступления в Афганистане; уголовные дела рассматривались, соответственно, американским и советскими военными судами»¹¹⁴.

Вызывает противоречивые мнения в доктрине возможность отнесения к категории «военных преступлений» такого явления, как наемничество. По мнению И.Ю. Белого, наемничество не является ни военным преступлением, ни преступлением по общему международному праву, поскольку ни в одном из уставов органов международного уголовного правосудия не предусмотрена ответственность за наемничество. И.Ю. Белый полагает, что уместнее отнести данное деяние к международным конвенционным преступлениям.¹¹⁵ Многие государства, однако, не присоединились к Конвенции ООН о запрещении вербовки, использования, финансирования и обучения наёмников 1989 г., которая устанавливает уголовную ответственность за наемничество. При этом, согласно российскому уголовному законодательству (ст. 359 УК РФ), наемничество является «преступлением против мира и безопасности человечества».

Категория «геноцид» как международное преступление индивида

История знает множество фактов массового уничтожения определенных групп людей в зависимости от их этнической или религиозной принадлежности, однако сам термин «геноцид» появился после Второй мировой войны. Несмотря на факт массового истребления евреев и цыган

¹¹³ Oppenheim L. International Law, 7th ed. London: Longmans, Green & Company. 1952. P.566.

¹¹⁴ Лобанов С.А. Уголовное судопроизводство по делам о военных преступлениях (международно-правовые аспекты): дисс. ... канд. юрид. наук: 20.02.03/ Лобанов Сергей Александрович. - М., Военный университет, 1997. С.55.

¹¹⁵ Белый И.Ю. Международное уголовное судопроизводство по делам о военных преступлениях: проблемы становления и перспективы развития: дисс. ... докт. юрид. наук: 20.02.03/ Игорь Юрьевич Белый. М., 2009. С.184.

нацистской Германией во время Второй мировой войны, термин «геноцид» не звучал в решениях послевоенных трибуналов. Случаи геноцида попали в категорию «преступлений против человечности», к которой относились «убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам»¹¹⁶.

Автором термина «геноцид» (от греч. *genos* — род, племя и лат. *cedere* — убивать), считается Р. Лемкин (1900-1959 гг.), американский юрист еврейского происхождения, который в 1944 г. использовал данный термин,¹¹⁷ а в 1948 году он вошел в название Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Объектом геноцида, согласно ст.2 Конвенции, является «национальная, этническая, расовая и религиозная группа как таковая». Объективная сторона геноцида может выражаться в убийстве членов данной группы; либо в причинении им серьезных телесных повреждений или умственного расстройства, а также предумышленное создание таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение данной группы. Конвенция также относит к геноциду меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде представителей определенной группы, например, принудительную стерилизацию, либо насильственную передачу детей из одной человеческой группы в другую. Важной особенностью геноцида является то, что он может совершаться как в военное, так и в мирное время. Ст. 6 Римского статута Международного уголовного суда идентична ст. 2 Конвенции по геноциду 1948 г.

Специалист в области международного уголовного права Ш. Бассиуни указывает на недочеты Конвенции по геноциду: «Например, убийство одного

¹¹⁶ Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. Лондон, 8 августа 1945 г. Ст.6.

¹¹⁷ Lemkin R. Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation - Analysis of Government - Proposals for Redress. Washington, Carnegie Endowment for International Peace. 1944.

человека в сочетании с намерением «уничтожить, полностью или частично», как указано ст. 2 Конвенции по геноциду, является достаточным для того, чтобы назвать единичный акт геноцидом. Но убийство, по разным оценкам, двух миллионов камбоджийцев – это не геноцид, потому что это не действие против этнической, религиозной или национальной группы, а действие внутри национальной, религиозной, и этническая группа против своих собственных членов по политическим причинам»¹¹⁸.

Л. Оппенгейм указывал, что международные правонарушения «могут быть совершены по отношению к столь различным объектам, что перечислить их невозможно»¹¹⁹. Однако в случае с преступлением геноцида, это является огромным недостатком нормативного регулирования: «До тех пор, пока политические и социальные группы, исключаются из защищенных групп по Конвенции о геноциде, массовое убийство не считается геноцидом, так как нет четкого разделения между преступником и жертвами. Таким образом, единичное убийство можно считать геноцидом и нарушением императивных норм, в то время как 2 миллиона убийств нельзя»¹²⁰.

Например, из-за указанной специфики Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 года, долгое время не ставился вопрос о признании геноцидом действий, совершенных нацистами в годы Великой отечественной войны, в отношении советского народа. Ситуация стала меняться буквально в последние годы в связи с принятием Государственной Думой России заявления «О геноциде народов Советского Союза Германией и ее пособниками в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» 22 марта 2023 года, а также признанием геноцида советского народа со стороны фашистов в формате судебных решений на

¹¹⁸ Bassiouni M. C. *International Crimes, Jus Cogens and Obligation Erga Omnes*// *Law and Contemporary Problems*. Vol. 59.No. 4. 1996. P.69.

¹¹⁹ Oppenheim L. *International Law*, 7th ed. London: Longmans, Green & Company. 1952. P. 215.

¹²⁰ Bassiouni M. C. *International Crimes, Jus Cogens and Obligation Erga Omnes*. *Law and Contemporary Problems*. Vol. 59.No. 4. 1996. P.69.

уровне отдельных областей Российской Федерации, в том числе, Брянской, Белгородской, Ростовской, Московской, Новгородской и других областей. Как отмечает А.В. Федоров, «признание в Российской Федерации судебными решениями фашистских зверств на территории оккупированных регионов преступлениями против человечества, геноцидом населения Советского Союза, – носит обезличенный характер, ибо судами устанавливается только факт совершения преступлений».

Советский юрист Ю.А. Решетов в отношении Конвенции о геноциде отмечал, что она во многом носит декларативный характер и недостаточно эффективна, причем в качестве одной из причин малой эффективности данного документа он полагал «недостатки имплементационного механизма самой конвенции»¹²¹.

Некоторые авторы выделяют сразу несколько форм ответственности индивидов за геноцид, а именно уголовную; материальную; политическую; моральную.¹²² Тем не менее, можно констатировать, что единственной формой ответственности за геноцид на международном уровне является уголовная ответственность, которая также может содержать элемент материального ответственности в виде штрафа и конфискации имущества.

Случаи геноцида, обсуждавшиеся на уровне органов международного правосудия, связаны со следующими историческими событиями: геноцид евреев и цыган в период второй мировой войны; геноцид в Камбодже в 1975-1979 гг. в период режима «красных кхмеров»; геноцид в Руанде в 1994 году; геноцид боснийских мусульман в Сребренице в 1995 году. Впервые Совет Безопасности ООН установил факт совершаемого «убийства членов какой-либо этнической группы с намерением уничтожить, полностью или частично,

¹²¹ Решетов Ю.А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. М., 1983.

¹²² Дебряков К.И. Проблема ответственности за геноцид// Российский военно-правовой сборник. №8. 2006.

такую группу» 17 мая 1994 года в отношении ситуации в Руанде.¹²³ Один из специалистов, возглавлявший расследование действий ООН в связи с геноцидом в Руанде, указывал на то, что даже небольшое количество предотвращенных жертв стоило того, чтобы заниматься данной проблемой.⁷⁹

Кроме того, термин «геноцид» часто используется в отношении событий, которые не стали причиной международно-правового разбирательства и отрицаются государствами, проводившими подобную политику, а также вызывают большое количество межгосударственных противоречий: политика США по отношению к коренному индейскому населению с XV в. по настоящее время (во второй половине XX в. появился даже особый термин «американский Холокост»)¹²⁴; геноцид армян в Османской империи в 1915-1923 гг.; геноцид курдов в Ираке в 1987-1989 гг.

Категория «преступления против человечности»

Одно из первых упоминаний геноцида относится к 1915 году, когда вышла совместная декларация стран Антанты, посвященная геноциду армян, в которой действия Османской империи были охарактеризованы как «преступления против человечности и цивилизации». В 1945 году «преступления против человечности» вошли в предметную юрисдикцию Нюрнбергского трибунала, в 1946 году – Токийского трибунала.¹²⁵ При этом, данная формулировка вызвала негативную реакцию немецкого юридического сообщества, которое считало, что «преступления против человечности» также

¹²³ Резолюция 918 Совета Безопасности ООН от 17 мая 1994 года URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n94/221/89/pdf/n9422189.pdf> (дата обращения 05.09.2024)

¹²⁴ Stannard D. American Holocaust: The Conquest of the New World. Oxford University Press, 1993; Churchill W. A Little Matter of Genocide. Holocaust and the Denial in the Americas 1492 to the Present. San Francisco: City Lights, 1997.

¹²⁵ К подобным преступлениям были отнесены «убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет».

совершались и представителями держав-победительниц, например, бомбардировки Дрездена британской и американской авиацией.¹²⁶

В Декларации ООН о принципах международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества 1973 года вновь прозвучала формулировка «преступления против человечности»¹²⁷. Следующим этапом нормативного закрепления термина стал Римский статут международного уголовного суда 1998 года, где «преступления против человечности» фигурируют в седьмой статье, а к их предметному составу отнесены «убийство; истребление; порабощение; депортация или насильственное перемещение населения; заключение в тюрьму или другое жестокое лишение физической свободы в нарушение основополагающих норм международного права; пытки; изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность, принудительная стерилизация или любые другие формы сексуального насилия сопоставимой тяжести; насильственное исчезновение людей; преступление апартеида».

Наиболее характерной особенностью «преступлений против человечности» является то, что в отношении их конкретного предметного содержания отсутствует международный договор или конвенция, «поэтому право международных договоров не предусматривает осуществление принципа универсальности в отношении подобного вида международных преступлений».¹²⁸ Последовательным и активным сторонником разработки международной конвенции по «преступлениям против человечности» являлся

¹²⁶ Binder G. Epoche der Entscheidungen. Eine Geschichte des 20 Jahrhunderts mit Dokumenten in Text und Bild// Sechste Auflage 40.-48. Tausend / Tübingen.: Seewald Verlag. 1960. S. 491.

¹²⁷ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3074 «Принципы международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества» от 3 декабря 1973 г.

¹²⁸ Королёв Г. А. Универсальная юрисдикция: определение, основания применения//Журнал российского права. № 1. 2009. С. 108.

известный египетский юрист М.Ш. Бассиуни, который предлагал принять подобную конвенцию еще в 1994 году¹²⁹. Комиссия международного права ООН в 2014 году постановила включить тематику «преступлений против человечности» в текущую программу работы и назначить Специального докладчика Ш.Д. Мерфи, который в 2015 г. представил первый доклад по данной проблеме. В результате, в 2019 году Комиссия международного права приняла Проект статей о предупреждении преступлений против человечности и наказании за них, представила его на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН, и рекомендовала разработать на его основе международную конвенцию. В декабре 2022 года Генеральная Ассамблея начала двухлетний процесс для дальнейшего рассмотрения рекомендации КМП.

Далее представлены термины, встречающиеся в международном праве в контексте «международных преступлений индивида», однако довольно редко используемые в настоящее время:

Категория «преступления против человечества»

С английского языка термин *crimes against humanity* может быть переведен и как «преступления против человечества», и как «преступления против человечности», поскольку английский термин *humanity* является многозначным, и переводится как «человечество, человечность, гуманность, человеколюбие». Однако в русском языке «человечность» и «человечество» — это два различных термина, и в контексте русского языка к «преступлениям против человечества» по смыслу относятся, например, агрессия и колониализм, а к «преступлениям против человечности» - пытки и геноцид.

Непосредственно термин «преступления против человечества» встречается в Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 года, первая статья которой относит к подобным преступлениям «преступления против мира», как они определяются в Уставе Международного военного трибунала от 8 августа

¹²⁹ Bassiouni M.C. Crimes against Humanity: The Need for a Specialized Convention//Columbia Journal of Transnational Law. Vol. 31. 1994. P. 457.

1945 г., а также изгнание в результате вооруженного нападения или оккупации и бесчеловечные действия, являющиеся следствием политики апартеида, а также преступление геноцида, даже если эти действия не представляют собой нарушения внутреннего законодательства той страны, в которой они были совершены.¹³⁰ Важно отметить, что США, Канада, Великобритания, Франция, Италия и Япония не участвуют в Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 года, при том, что именно на их территориях нашли пристанища многие деятели нацистской Германии. В последние годы, термин «преступления против человечества» используется довольно редко.

Категория «преступления против мира».

Советский юрист А.Н. Трайнин еще в 1937 году полагал, что «необходимо поставить вопрос о включении в действующие уголовные кодексы специального раздела, предусматривающего «преступления против мира»¹³¹. Данный термин появился в Уставах послевоенных Нюрнбергского и Токийского военных трибуналов. Поскольку ранее термин не использовался, его включение в уставы объясняется тем, что «масштабы совершенных преступлений требовали качественно новых подходов; категории, которыми были вынуждены пользоваться юристы в этом процессе, выходили за рамки общепринятых уголовно-правовых положений»¹³².

По смысловому содержанию данной категории «планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого

¹³⁰ Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества. Принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 2391 от 26 ноября 1968 г.

¹³¹ Трайнин А. Н. Защита мира и уголовный закон. Под редакцией и с предисловием А.Я. Вышинского. Москва, Юридическое издательство НКЮ Союза ССР, 1937. С.161.

¹³² Конярова Ж.К., Решетова Н.Ю. Нюрнбергский процесс: зарождение международных стандартов, гарантирующих право на справедливое судебное разбирательство// Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. № 2(22)2011. С.19.

из вышеизложенных действий», она максимально близка к действующему определению «агрессии», принятому в 1974 году Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН.

Категория «серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 года»

В Уставе Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии, появилась формулировка «серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 года» (ст.2), а также формулировка «нарушение законов и обычаев войны» (ст.3), которые составили сферу предметной юрисдикции трибунала.¹³³

П. 5 ст. 85 Дополнительного протокола I определяет «серьезные нарушения гуманитарного права» как «военные преступления», поэтому данные категории, во многом, являются взаимозаменяемыми.

1.3. Международно-правовая ответственность за преступления против мира и безопасности.

Стабильно высокая актуальность вопросов, связанных со сферой военно-силового взаимодействия государств, обуславливает тот факт, что все возрастающее значение приобретают правовые задачи, направленные на превентивную роль международного права, связанную с предотвращением наиболее грубых нарушений. Одной из возможностей улучшить существующее положение в сфере представляется выделение вопросов, связанных международной ответственностью за преступления против мира и безопасности, совершаемые государствами, индивидами и

¹³³ В перечень подобных нарушений вошли: умышленное убийство; пытки и бесчеловечное обращение, включая биологические эксперименты; умышленное причинение тяжелых страданий или серьезного увечья или нанесение ущерба здоровью; незаконное, произвольное и проводимое в большом масштабе разрушение и присвоение имущества, не вызываемые военной необходимостью; принуждение военнопленного или гражданского лица служить в вооруженных силах неприятельской державы; умышленное лишение прав военнопленного или гражданского лица на беспристрастное и нормальное судопроизводство; незаконное депортирование, перемещение или арест гражданского лица; взятие гражданских лиц в качестве заложников.

международными организациями, в особый институт права международной безопасности, что обеспечит всесторонний охват вопросов, связанных с ответственностью за наиболее серьезные международные правонарушения, совершаемых различными субъектами.

В связи с вышесказанным, автор предлагает рассмотреть концепцию международной ответственности за преступления против мира и безопасности, которую можно определить как комплексную, междисциплинарную, целостную теоретическую систему, имеющую важное научное и практическое значение, и объединяющую совокупность идей и теоретических положений о правовых основах установления режима международной ответственности органами международного правосудия и последующей ее имплементации государствами, международными организациями и индивидами.

Можно констатировать, что вопросы, связанные с международной ответственностью, уже рассматриваются в различных отраслях права - вопросы ответственности индивида рассматриваются в рамках международного уголовного права, а вопросы, связанные с ответственностью государств, рассматриваются в праве международной ответственности. Однако, в силу высокой общественной и политической значимости вопросов, связанных с преступлениями против мира и безопасности, представляется разумным объединить вопросы ответственности различных субъектов, совершающих данные преступления, в особый институт права международной безопасности. Это также позволит осуществить комплексное рассмотрение вопросов, связанных с данными преступлениями, в рамках единой отрасли.

При этом, за одно и то же действие, например, за геноцид, может наступать как международная ответственность индивидов, так и государств. Соответственно, анализ правового механизма реализации международной ответственности разными субъектами актуализирует необходимость выделения данных вопросов в единый блок. Анализ всех международно-

правовых документов, регламентирующих вопросы международной ответственности, демонстрирует непротиворечивость ответственности различных субъектов друг другу, в виду ее рассмотрения в различных органах международного правосудия, что снимает возможные вопросы о дублировании.

Международная ответственность за международные преступления, совершаемые государствами, международными организациями и индивидами, как особый институт права международной безопасности, обладает рядом особых признаков: это специфическая сфера, связанная с весьма значимыми общественными отношениями, опирающаяся на значительный объем нормативного материала и обладающая колоссальной международной значимостью, в том числе связанной с потенциальной возможностью ограничения случаев силовых злоупотреблений.

В силу того, что кодификация вопросов, связанных с международной ответственностью, завершилась относительно недавно, любую классификацию вряд ли можно считать окончательно устоявшейся. Временной фактор также весьма значим в вопросах, связанных с международной ответственностью. Например, в 1973 г. советский ученый М.П. Курис утверждал, что международная ответственность относится к тем вопросам, которые не получили достаточной разработки в международном праве,¹³⁴ однако его коллега Н.А. Ушаков десять лет спустя уже утверждал, что «международная ответственность является принципом международного права»¹³⁵. В 1979 году И.И. Карпец задавался вопросом, существует ли вообще такая отрасль права, как международное уголовное право, и имеет ли она право на существование,¹³⁶ а сегодня вопрос о реальности данной отрасли не ставится под сомнение.

¹³⁴ Курис П.М. Международные правонарушения и ответственность государств. Вильнюс, 1973. С. 15.

¹³⁵ Ушаков Н.А. Основания международной ответственности государств. М., 1983. С. 12.

¹³⁶ Карпец И.И. Преступления международного характера. М., 1979. С.12.

В западной доктрине международного права сложилась похожая ситуация. Например, известный специалист в области международного уголовного права М. Ш. Бассиуни много лет выступал за обособление международного уголовного права, а Дж. Кроуфорд и А. Пелле в масштабной работе «Право международной ответственности» относят тематику международных преступлений, совершаемых индивидами, к праву международной ответственности, а вовсе не к международному уголовному праву.

Одной из причин доктринальных расхождений в данном вопросе является многоаспектность тематики международной ответственности. Например, отдельным направлением является изучение ответственности государств за действия, не запрещенные международным правом, например, в сфере мировой экономики, в сфере воздушных перевозок, в экологической сфере, в сфере космического права и атомного права. Важно отметить, что указанная тематика не является предметом рассмотрения представленного диссертационного исследования, поскольку в рамках права международной безопасности представляется важным рассмотрение той тематики, которая непосредственно связана с обеспечением международного мира и безопасности и поддержанием международной стабильности.

Вопрос о международной правосубъектности индивида в рамках права международной безопасности.

Необходимо отметить, что рассмотрение тематики международной ответственности индивида как части института отрасли международной безопасности неизбежно затрагивает тематику международной правосубъектности индивида. В международно-правовой доктрине существует несколько подходов к данному вопросу. Помимо двух противоположных позиций, согласно которым индивид однозначно является либо субъектом, либо не субъектом международного права, в последние годы возникает все большее число сторонников «компромиссного» подхода, согласно которому индивида возможно считать «субъектом международного

права с ограниченной правосубъектностью»¹³⁷. С.В. Черниченко полагает, что вопрос признания или непризнания возможности наделения индивида международной правосубъектностью зависит от того, какой теории соотношения международного и внутригосударственного права - монистической или дуалистической – придерживается тот или иной исследователь.¹³⁸ Так, в рамках монистического подхода, международное право предстает регулятором исключительно межгосударственных отношений, следовательно, индивиды не могут быть субъектами международного права в силу своей природы. Кроме того, нельзя не признать тот факт, что «индивиды, как таковые, не создают международное право»¹³⁹, что существенно ограничивает их международную правосубъектность. В рамках дуалистического подхода, международное право и внутригосударственное право являются двумя различными системами, которые регулируются отдельными правовыми нормами. В рамках концепции транснационального права, в случае обращения индивида в международный суд, возникает явление так называемых трансграничных правоотношений, которые выходят за пределы юрисдикции одного государства, но не являются при этом межгосударственными¹⁴⁰. Как отмечает С.В. Черниченко, тенденции последнего времени таковы, что «международное право, в той или иной степени, начинает распространять свое действие на индивидов и регулировать, таким образом, внутригосударственные отношения»¹⁴¹.

¹³⁷ См., например: Карташкин В.А. Организация Объединенных Наций и международная защита прав человека в XXI веке. М., Норма, 2015, с. 131; Матвеева Т.Д. Человек и международное право (к вопросу о международной правосубъектности индивидов) // Российский ежегодник международного права. 2010. СПб: Россия-Нева. 2011. с. 63.

¹³⁸ Черниченко С.В. Нескончаемая дискуссия о международной правосубъектности индивидов // Евразийский юридический журнал. №1 (92). 2016. С.87.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Нефедов Б.И. Фундаментальные проблемы теории международного права и трансграничные отношения // Евразийский юридический журнал. №5. 2015. С. 20.

¹⁴¹ Черниченко С.В. Контуры международного права. Общие вопросы. М., Научная книга. 2014. С.13.

По мнению советского юриста Д. Б. Левина, «в разные исторические эпохи система права может иметь неодинаковый круг субъектов права»¹⁴². Например, когда в 1882 году Ф.Ф. Мартенс написал первый по-настоящему системный труд в области международного права, он писал о «международном праве цивилизованных народов», соответственно, субъектами международного права, являлись «цивилизированные народы». В пункте с). статье 38 Статута Международного суда указано, что суд при вынесении решения опирается, в том числе, на «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями», то есть, субъектами представлены «цивилизированные нации». Сегодня, по общему мнению, основным субъектом международного права являются суверенные государства. Таким образом, отношение к данной тематике постепенно менялось. Также долгие годы развития тематики прав человека позволяют говорить об индивиде, как минимум, как о бенефициарии международного права.

Возможность рассмотрения международных преступлений индивида в рамках органа международного правосудия, действующего на основании норм международного, а не национального права, свидетельствует о том, что *в рамках проблематики, рассматриваемой в диссертации, индивид выступает объектом международной ответственности, что не противоречит межгосударственной природе международного права, поскольку индивид становится подсуден органам международного правосудия только по решению государства.* Кроме того, именно данный факт подчеркивает связь между международными преступлениями индивидов и международными преступлениями государств, поскольку зачастую первые «говорят и о государственной политике, представляющей собой тяжкие нарушения международного права, которые должны повлечь международно-правовую ответственность государства, совершившего их»¹⁴³. Если индивиды

¹⁴² Левин Д. Б. Актуальные проблемы теории международного права. М., 1974. С. 30–31.

¹⁴³ Черниченко С.В. Нескончаемая дискуссия о международной правосубъектности индивидов// Евразийский юридический журнал. №1 (92). 2016. С.90.

совершают преступные действия в качестве должностных лиц, их ответственность вменяется самому государству. Важно подчеркнуть, что ответственность физических лиц и ответственность государств имеют принципиально разную природу. Ответственность индивидов криминализована, в то время как ответственность государства связана с политическими ограничениями и материальной компенсацией пострадавшей стороне.

Международная ответственность в праве международной безопасности: концептуальные вопросы.

Если перенести положения общей теории права на рассматриваемую проблематику, можно говорить о позитивной и негативной международной ответственности.

Позитивная международная ответственность сводится к отсутствию нарушений тех запретов, которые установлены в международных нормативно-правовых документах. Профессор Г.И. Курдюков отмечает, что ответственность можно понимать как в широком, глобальном смысле, как вариант правомерного поведения, так и как «меру политического и юридического принуждения»¹⁴⁴. В данном контексте, международная ответственность во многом синонимична понятию «долга» и обязанности не нарушать свои обязательства перед международным сообществом.

Негативная международная ответственность наступает в результате совершения противоправного действия, и выражается в наступлении определенных неблагоприятных последствий для нарушителя, которые определяются соответствующими органами международного правосудия, включая международные суды и военные трибуналы, которые устанавливают конкретные формы реализации международной ответственности. Профессор С.В. Черниченко также использует понятие «санкционной международной

¹⁴⁴ Курдюков Г. И. Ответственность за нарушение норм международного гуманитарного права // Российский ежегодник международного права. Специальный выпуск. 2005. С. 112.

ответственности», которая означает «обязанность субъекта международного права претерпеть определенные неблагоприятные последствия за совершенное международное правонарушение»¹⁴⁵.

Основными субъектами выделяемого института международной ответственности в рамках права международной безопасности являются государства, международные организации и индивиды. В последние годы довольно остро встает вопрос об ответственности частных военных и охранных предприятий, нанимаемых государствами для реализации различных задач, связанных с применением вооруженной силы, однако данное направление пока не получило значительного доктринального развития ввиду отсутствия достаточной нормативной базы, регулирующей деятельность подобных структур.

Также крайне актуально доктринальное и правовое осмысление вопросов, связанных с тем, что субъектов международных правонарушений может быть несколько, но при этом они имеют разную природу. В результате, возникает ситуация множественности потенциальных субъектов международной ответственности, когда, например, за один и тот же исторический эпизод геноцида международную ответственность как государство, так и индивид (естественно, в разных органах международного правосудия).

Таким образом, тематика международной ответственности за преступления против мира и безопасности сегодня включает следующие основные направления:

- международная ответственность государств;
- международная ответственность международных организаций;
- международная ответственность индивида;
- международная ответственность частных военных и охранных предприятий;

¹⁴⁵ Черниченко С.В. Контуры международного права. Общие вопросы. М., Научная книга. 2014. С.559.

- международная ответственность народов и наций, борющихся за самоопределение, а также международная ответственность повстанческих групп;

- вопросы совместной ответственности и распределения ответственности между указанными субъектами ответственности.

Также важно отметить, что изначально концепция международной ответственности основывалась на «праве победителя», которую можно условно обозначить как «репарационная концепция ответственности». Данный термин, в частности, использовался известным советским юристом-международником Ю.А. Решетовым.¹⁴⁶ Согласно данной концепции, именно «победа или поражение определяют отношение к «военным преступлениям» — такова мораль века».¹⁴⁷ Прогрессивное развитие международного права в последние семьдесят лет, сопровождавшееся усилением интеграции государств в международно-правовой сфере, а также развитием системы международного правосудия, позволяет прийти к заключению, что складывается принципиально новая концепция международной ответственности, которую можно обозначить как «договорная концепция международной ответственности», поскольку она основана не на праве победителя, а на возможности установления международной ответственности посредством различных органов международного правосудия, которые, в свою очередь, созданы на основании международных договоров и при вынесении решения также опираются на международные договоры и соглашения.

Согласно «договорной концепции международной ответственности», ответственность возникает не в случае политического или военного проигрыша, а лишь вследствие нарушения субъектом положений международно-правовых документов, содержащих нормы и обычаи,

¹⁴⁶ Решетов Ю.А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. М., Международные отношения, 1983. С. 34.

¹⁴⁷ Месснер Е. Э. На пепелищах права // Лик современной войны. Буэнос-Айрес, 1959. С. 409.

обязательность которых признается международным сообществом. Подобная концепция кардинально отличается от формулы «победителей не судят», часто упоминавшейся известным военным теоретиком Е. Э. Месснером¹⁴⁸. Современная система международного права предоставляет возможность судить как побежденных, так и победителей, в том случае, если они нарушили нормы международного права. Безусловно, речь идет именно о возможности установления ответственности, а не о возможности принуждения к ней.

1.4. Этапы развития и становления тематики международной ответственности за преступления против мира и безопасности.

Ретроспективный анализ основных исторических этапов развития тематики международной ответственности позволяет проследить эволюцию ее различных форм и видов. Можно констатировать, что доктринальные подходы к определению времени возникновения вопросов, связанных с международной ответственностью, существенно различаются¹⁴⁹. Например, профессор Ю.М. Колосов утверждал, что международная ответственность по времени своего появления совпадает с появлением международного права вообще¹⁵⁰. В свою очередь, профессор И.И. Лукашук оспаривал данное утверждение, отмечая, что различные формы договоренностей между государствами нельзя считать международным правом в современном понимании,¹⁵¹ а значит, и об ответственности говорить неуместно.

Дальнейший анализ призван продемонстрировать, что тематика международной ответственности, как и международное право в целом, имеет

¹⁴⁸ Месснер Е. Э. На пепелищах права // Лик современной войны. Буэнос-Айрес, 1959. С. 409.

¹⁴⁹ См. Сазонова К.Л. Становление отрасли международной ответственности государств в доктрине международного права// Вестник Воронежского университета. Серия «Право». №3. 2015. С. 290-297.

¹⁵⁰ Колосов Ю.М. Ответственность в международном праве. М., 1975. С. 6.

¹⁵¹ Лукашук И.И. Право международной ответственности. М. Волтерс Клувер, 2004. С. 26.

глубокие исторические корни. Поскольку вся история международного права связана, в первую очередь, с военно-силовым взаимодействием государств, можно констатировать, что международная ответственность развивалась параллельно с усилением правовой регламентации вопросов, связанных с применением вооруженной силы в межгосударственных отношениях и развитием права международной безопасности.

От античности до Вестфальского мирного договора 1648 года

Современные исследователи эпохи эллинизма отмечают, что уже в эпоху античности существовали способы, связанные с механизмом реализации ответственности государств. Греки предпочитали использовать международный арбитраж: между полисами существовали специальные договоры по вопросам арбитража, а римляне, в свою очередь, использовали «тактику политического и военного давления»¹⁵². Фактически, «каждый приговор арбитража означал, что удалось избежать еще одной войны»¹⁵³.

В античный период возникают различные формы экономического давления на государства, например, в формате прекращения торговых отношений¹⁵⁴. В Древней Греции также существовало явление андролепсии, когда за убийство афинянина иностранцем можно было схватить до трёх граждан этого иностранного государства, и передать их афинскому суду. Данный принцип берет свое начало в так называемом «принципе талиона/*lex thalionis*», согласно которому мера наказания должна возмещать вред, причинённый преступлением. Помимо этого, в римском праве существовал принцип *nemo delictis exuitur*, то есть «никто не может быть освобожден от ответственности за правонарушение».

¹⁵² Митина С.И. Исторические корни формирования принципов международно-правовой ответственности: эпоха эллинизма//История государства и права. 2011. №1. С.33.

¹⁵³ Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 90.

¹⁵⁴ Знаменитая «мегарская псефизма» Перикла была введена в 432 году до н. э., и запрещала допуск купцов из города Мегары в порты Афинского морского союза.

Советские юристы Ю.Я. Баскин и Д.И. Фельдман отмечали, что «международное правосознание начало формироваться лишь в XII веке»,¹⁵⁵ благодаря тому, что в Европе начала формироваться система национальных государств. Тем не менее, до разработки положений об ответственности государств, в современном понимании, в XII веке было еще очень далеко. Как отмечал французский юрист-международник А. Пелле, «максима «король не может ошибаться» – основа безответственности – долгое время характеризовала национальное право государств Западной Европы в период их появления и становления»¹⁵⁶.

Тем не менее, периодически возникали идеи, которые в дальнейшем значительно повлияли на право международной ответственности, причем большая их часть была связана с вопросами международной безопасности. Вопросы, связанные с ответственностью индивидов, в особенности с тематикой экстрадиции и политического убежища, разрабатывались еще в рамках римского права, а также права Средневековья.¹⁵⁷

Американский международник К. Иглтон впоследствии утверждал, что об ответственности в международном праве уместно говорить только с появлением трудов Гуго Гроция, когда стало формироваться международное право, основанное на договорах, и в результате появилась необходимость в контроле за выполнением военных соглашений¹⁵⁸. Гуго Гроций всерьез задумывался о способах предотвращения войн и конфликтов между государствами¹⁵⁹. При этом возможность принудительной международной

¹⁵⁵ Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И. Роль Гуго Гроция в развитии науки международного права//Советский ежегодник международного права. 1982. М., 1983. С. 256.

¹⁵⁶ Pellet A. The Definition of Responsibility in International Law// The Law of International Responsibility. J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson (ed.). 2010. P.4.

¹⁵⁷ См., например, договор между голландским князем Вильгельмом II и графом Брабанта Генри II 1242 г., договор между английским королем Эдуардом III и французским королем Филиппом Красивым 1303 г.

¹⁵⁸ См. Eagleton C. The Responsibility of States in International Law. New York, 1928.

¹⁵⁹ Гуго Гроций указывал на три способа избежания войн: путем конференции, путем подписания договора о третейском судье, а также путем решения споров жребием. Тем не менее, Гроций признавал, что зачастую споры между государствами решаются по «вердикту Марса», то есть военно-силовым путем. Кроме того, Гроций полагал, что

ответственности государств представлялась Гроцию противоречащей государственной независимости. Также Г. Гроцием был окончательно сформулирован принцип *aut dedere, aut judicare/ aut dedere, aut punier* [либо выдай, либо суди/наказывай],¹⁶⁰ который по-прежнему является актуальным для современного международного уголовного судопроизводства. Идеи Г. Гроция несколько контрастировали с идеями испанского богослова Ф. де Виттория, который утверждал, что в определенных обстоятельствах допускается применение санкций к нарушителям международно-правовых обязательств.¹⁶¹

Кроме того, в Средние века постепенно начинают формироваться правила ведения военных действий, которые стали основой так называемого «права войны». Важной частью данной системы стало установление определенных правил, призванных ограничить военный произвол и регулирующих правила обращения с военнопленными, а также с мирным населением.

От Вестфальского мирного договора 1648 года до начала XX века

Большинство ученых сходятся во мнении, что одним из важнейших событий в истории международного публичного права стало подписание Вестфальского мирного договора в 1648 года, в рамках которого европейские государства согласовали принцип государственного суверенитета. Данный договор также содержал положения, связанные с ответственностью государств, в частности, об обязанности восстановления довоенного положения, что напоминает содержательно современную категорию «реституции»¹⁶².

государство, совершившее правонарушение, обязано по собственной инициативе возместить ущерб. См. Гроций Г. О праве войны и мира. Репринт. с изд. 1956 г. М., Ладомир, 1994. С. 539-540.

¹⁶⁰ Гроций Г. О праве войны и мира. М., Ладомир, 1994. С.288.

¹⁶¹ Francisco de Vitoria, *De Indis et de Ivre Belli Relectiones*. Carnegie Institution of Washington, 1917. P. 181, § 453.

¹⁶² Сазонова К.Л. Становление отрасли международной ответственности государств в доктрине международного права// Вестник Воронежского университета. Серия «Право». №3. 2015. С. 291.

Важным институтом рассматриваемого периода стал институт репрессалий, под которыми понимались «все принудительные меры, которые правительство применяет против другого государства, его подданных и их имущества, с целью побудить его признать спорное право, или получить от него должное удовлетворение, или, в крайнем случае, собственноручно осуществить свои притязания»¹⁶³. В XVIII в. репрессалии изучались голландским юристом К. Биркиншоеком.¹⁶⁴ В 1889 г. ученый А. фон Булмеринг высказал интересную мысль о том, что основная функция репрессалий – это «предотвращение большего зла – войны»¹⁶⁵. Более того, до XIX в. репрессалии могли осуществляться индивидами самостоятельно: «Лицо, которое понесло любой ущерб от действия иностранца, имеет право самостоятельного захвата имущества или его эквивалента от этого иностранца или от его соотечественников, что разрешалось государственной властью потерпевшего лица, после того как не было получено удовлетворение от государства правонарушителя»¹⁶⁶.

Помимо репрессалий, вплоть до XX в. существовал институт контрибуций – платежей, которые побеждённое государство обязано было выплатить победителю, которые, помимо финансовой формы, могли представлять собой передачу права на часть государственной территории. Можно констатировать, что институт контрибуций, позже заменённый термином «репарации», как и институт репрессалий, основывались на категории «права сильного» или «права победителя» (уже упоминавшаяся «репарационная концепция ответственности»).

Вопрос об ответственности индивидов за преступления, совершенные во время военных конфликтов, на международном уровне практически не поднимался, не считая отдельных эпизодов, например, *ad hoc* трибунала над

¹⁶³ Гефтер А. В. Европейское международное право. Санкт-Петербург, 1880. С. 210.

¹⁶⁴ Bynkershoek C. De Foro Legatorum Liber Singularis. 1744. Chapter XXII. P.554.

¹⁶⁵ Von Bulmering A. Die Staatsstreitigkeiten und ihre Entscheidung ohne Krieg// Handbuch des Völkerrechts. F. von Holtzendorff (ed.), Vol. 4, 1889. P. 84.

¹⁶⁶ Mas Latrie R. Du droit de marque ou du droit de repressailles. 2nd ed. Paris, 1875. P. 2.

П. фон Гагенбахом в 1474 году. Тем не менее, происходило достаточно интенсивное развитие отдельных положений, связанных с гуманизацией правил ведения войны, в воинских уставах и уложениях отдельных стран, в которых запрещалось ограбление и разрушение церквей, школ, медицинских учреждений¹⁶⁷. Студеникин С.С. отмечает, что в таких российских исторических документах, как, например, «Устав ратных, пушкарских и других дел, касающихся до военной науки» 1621 года, содержалось несколько положений об ответственности пушкарей за насилия и беззакония в отношении гражданских лиц неприятельского государства и их имущества¹⁶⁸.

Кроме того, в рассматриваемый период постепенно начинает оформляться институт военного плена, в котором также нашли отражение гуманистические начала. Например, 4 мая 1792 года законодательным собранием Франции был издан декрет об том, что военнопленные находятся под защитой общества и под особым покровительством военного закона. Согласно постановлению Комитета Общественного Спасения, пленным было необходимо обеспечить «гуманное обращение»¹⁶⁹. Об ответственности за нарушение подобных правил речь в указанный период не шла.

Во второй половине XIX в. сразу два авторитетных специалиста – швейцарский юрист Г. Муанье в 1872 году и русский юрист Л.А. Камаровский в 1881 году, выдвинули идею о необходимости создания специализированного международного уголовного суда для военных преступников.

Поворотным моментом в гуманизации права войны стало подписание по инициативе Российской империи 20 декабря 1868 года Санкт-Петербургской декларации об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль в армиях европейских стран, нормы которой

¹⁶⁷ См., например, Воинский Устав Петра I 1715-1716 гг.; Постановление Комитета Общественного Спасения Франции от 6 августа 1792 г.

¹⁶⁸ Студеникин С.С. Советская административно-правовая норма и её применение. Дисс. д. ю. н. М. 1949 г. С. 147.

¹⁶⁹ Коровин Е.А. Революция и международное право/ Сборник «Французская революция 1789 – 1794 гг.». М. 1941 г. С. 543.

впоследствии стали обычными нормами международного права. Коренному переосмыслению многих аспектов военного права также способствовали Гаагские конференции 1899 и 1907 годов, которые наглядно продемонстрировали, что милитаризм и пацифизм вполне могут идти рука об руку. В 1899 году британский адмирал Дж. А. Фишер, в свете предпринимавшихся попыток гуманизировать средства и методы ведения войны, заявлял: «Гуманизация войны! Да с таким же успехом можно гуманизировать ад! Суть войны – это насилие. Изменение сути войны – это полная глупость. Бей первым, бей сильно, бей везде!».¹⁷⁰

Русский юрист Камаровский Л.А. в сборнике «Право и мир в международных отношениях» много времени уделяет описанию политического контекста, сопровождавшего международные конференции с участием Российской империи во второй половине XIX века, на которых предпринимались попытки первичной кодификации законов и обычаев войны, и которые в дальнейшем легли в основу международного гуманитарного права. В то время как российская сторона всемерно способствовала кодификации, британские и немецкие эксперты оказывали активное сопротивление. В частности, описывая данные сложности, автор приводит в пример немецких юристов, которые полагали, что «не может быть ни права, ни законов войны; следовательно, не может быть и речи о кодификации последних». Международное право представляется им «идеализмом» и противопоставляется «военному реализму», а все рассуждения о «праве войны» объявлялись «разглагольствованиями пустоголовых юристов» и «галиматьею»¹⁷¹. При этом, представители отечественной правовой доктрины настаивали на том, что «мнение, что сила есть основание права, мы признаем

¹⁷⁰ Цит. по Eyeffinger A. The 1899 Hague Peace Conference: “The Parliament of Man, the Federation of the World”. The Hague, 1999. P. 257.

¹⁷¹ Камаровский Л.А. Право и миръ въ международныхъ отношеніяхъ. Сборник статей под ред. Л.А. Камаровского и П.М. Богаевского. Москва, Издание магазина «Книжное дело», 1899. С. 258.

недостойным человека, опасным для общественного и государственного быта и пагубным для международной жизни»¹⁷².

При этом, отдельные представители немецкой доктрины, например, военный теоретик Х.Б. Мольтке, признавали, что процесс очень медленной, однако неуклонной гуманизации межгосударственных отношений, пусть и очень медленно, но все-таки происходит: «Мы признаем себя сторонниками столь часто осмеиваемой идеи вечного европейского мира, не в том, конечно, смысле, что должны были прекратиться долгие кровавые столкновения, чтобы армии были распущены, а пушки расплавлены, нет; но не является ли весь ход истории прогрессом, стремящимся к миру? Возможна ли в наше время война из-за испанского наследства или из-за *«beaux yeux de madame?»* [глаз прекрасной дамы-К.С.]¹⁷³.

Сам факт учреждения в начале XX в. Нобелевской премии мира свидетельствует об определенных изменениях в структуре международных отношений. Сегодня данная награда полностью дискредитирована политизированностью и предвзятостью при выборе лауреатов, однако в XX веке основания для ее присуждения, по сути, являют собой ретроспективу достижений именно в сфере гуманизации права войны и мира¹⁷⁴.

В конце XIX в. начинает активно развиваться международный арбитраж, который позволил перевести в правовую плоскость решение тех

¹⁷² Камаровский Л.А. Право и миръ въ международныхъ отношеніяхъ. Сборник статей под ред. Л.А. Камаровского и П.М. Богаевского. Москва, Издание магазина «Книжное дело», 1899. С. 248.

¹⁷³ Essays, speeches, and memoirs of Field-Marshal Count Helmuth von Moltke, Vol.1, 1893. URL: California Digital Library <https://archive.org/details/essaysspeechesme01molt> (дата обращения 05.09.2024).

¹⁷⁴ Вот только некоторые из указанных оснований: «За вклад в мирное сотрудничество народов» (А. Дюнан, 1901); «За многолетние миротворческие усилия» (Ф. Пасси, 1901); «В ознаменование усилий по достижению мира путем арбитража» (У.Р. Кример, 1902); «За организацию конференций по разоружению» (Международное бюро мира, 1910); «За привнесение фундаментального закона человечности в современную международную политику» (В. Вильсон, 1919); «За пропаганду мира» (Р.Н. Энжелл, 1933); «За помощь беженцам» (Ж. Пир, 1958); «За политику антимилитаризма» (Э. Сато, 1974); «За заслуги в информировании общественности и склонении сознания человечества в пользу мира» (Б. Лаун, 1985) и пр.

межгосударственных проблем, которые ранее решались преимущественно военно-силовым путем¹⁷⁵.

Важным моментом как в рассматриваемый период, так и сегодня является согласительная природа международного права, а также отсутствие в нем аппарата принуждения. Как отмечал Л.А. Камаровский, «в области международных отношений законы, долженствующие иметь для государств обязательную силу, могут быть установлены не иначе, как посредством обоюдного между ними соглашения»¹⁷⁶. Поэтому тематика международной ответственности может быть согласована исключительно на основании добровольного волеизъявления государств и признания их собственной подсудности органам международного правосудия.

В XXI веке мало что изменилось. Как сказал министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров в одном из своих интервью, «международное право действительно не имеет той системы принуждения к исполнению и наказания за нарушения, которые характерны для национального права государств. Но эта его черта органично вытекает из принципа суверенного равенства государств. Государства равны в своих правах, и поэтому для создания контрольного или принуждающего механизма в отношении предпринимаемых ими действий требуется их согласие»¹⁷⁷.

Как отмечал по данному вопросу профессор С.В. Черниченко, «в значительной степени соблюдение международного права зависит от доброй воли участников межгосударственных отношений, поскольку нет власти,

¹⁷⁵ В качестве примера можно привести арбитражное разбирательство между США и Великобританией в 1871 г. представляло собой один из первых шагов в данном направлении. Британское каперское судно «Алабама» нанесло существенный ущерб полусотне американских судов с грузом зерна для стран Европы. Международный трибунал, состоявший из представителей Великобритании, США и трех стран-арбитров – Италии, Швейцарии и Бразилии, определил выплату потерпевшему государству материальной компенсации в качестве формы ответственности.

¹⁷⁶ Камаровский Л.А. Право и миръ въ международныхъ отношеніяхъ. Сборник статей под ред. Л.А. Камаровского и П.М. Богаевского. Москва, Издание магазина «Книжное дело», 1899. С. 256.

¹⁷⁷ Сергей Лавров: В международном праве нет диктата силы//Российская газета. 17.10.2013.

стоящей над ними. Это не означает, что оно вообще не обеспечено внутригосударственным принуждением. В определенных ситуациях государства могут индивидуально или сообща принуждать нарушителей международного права к его соблюдению. Если бы такой возможности не существовало в принципе, нельзя было бы считать международное право правом»¹⁷⁸.

Так или иначе, вплоть до конца XIX в. некоторые ученые и политические деятели были категорически против любых ограничений, которые могла бы наложить международная ответственность на государства. Например, на тридцать третьей конференции Ассоциации международного права сэр Г. Бауэр заявил: «Нет ни одного народа в мире, который бы не нарушил законов и обычаев войны, и нет такой армии или флота в мире, который бы не совершал военных преступлений. Когда солдаты и матросы заканчивают боевые действия, когда они будут готовы пожать друг другу руки над мирным договором, юристы начинают войну обвинений и контробвинений, которая будет хуже войны»¹⁷⁹.

С другой стороны, очевидно, что определенные положительные изменения на концептуальном уровне все-таки начали происходить, и в XX в. развитие вопросов международной ответственности, международной безопасности и международного гуманитарного права пошло гораздо интенсивнее.

Первая половина XX века

В начале XX в. был принят ряд документов, связанных с ответственностью государств за причинение ущерба иностранным гражданам¹⁸⁰. Важное значение для развития данной проблематики имела

¹⁷⁸ Черниченко С.В. Контуры международного права. Общие вопросы. М., Научная книга. 2014. С.14.

¹⁷⁹ Цит. по Kelsen H. Collective and Individual Responsibility in International Law with Particular Regard to the Punishment of War Criminals//California Law Review. Vol.31. Issue 5. 1943. P. 530.

¹⁸⁰ См., например, Конвенция о правах иностранцев 1902 г.; Draft Code of International law. Japanese Branch of the International Law. Report of the Thirty-Fourth Conference, 1926. L.,

известная латиноамериканская доктрина Кальво-Драго, отдельные положения которой были включены в итало-парагвайский договор 1893 г. и франко-мексикано-никарагуанский договор 1894 года¹⁸¹.

Идеи К. Кальво были продолжены в деятельности аргентинского дипломата Л.М. Драго, который в 1902 г. в письме аргентинскому послу в Вашингтоне писал, что «государственный долг не может быть причиной вооружённой интервенции, а, тем более, оккупации территории американских наций европейской державой»¹⁸². В 1907 году участниками второй Гаагской конференции была принята так называемая «Конвенция Драго-Портера», в основу которой легли идеи Л.М. Драго, а также предложения американского делегата на конференции Д. Портера. Участники конвенции (44 страны, включая Российскую империю), отказывались от применения вооружённой силы для взыскания договорных долгов с другого государства.

Ключевым событием рассматриваемого исторического этапа стала Первая мировая война, по окончании которой остро встали вопросы международной ответственности. Важное значение для развития данной тематики имела идея о необходимости наказания глав государств, развязывавших крупные европейские войны. Еще в 1815 году на Венском конгрессе главами государств антифранцузской коалиции обсуждался вопрос о суде над Наполеоном Бонапартом, однако тема не получила должного развития, и лишь в Версальском мирном договоре 1919 г. в седьмой части под названием «Санкции» (ст. 227—230) констатировалась необходимость организации трибунала для германского императора Вильгельма II

1927. P. 382, а также *Research in International Law: Nationality, Responsibility of States, Territorial Water*. Cambridge, 1929. Part II. P. 133.

¹⁸¹ На рубеже XIX-XX вв. в латиноамериканских странах постоянно происходили государственные перевороты и гражданские войны. Аргентинский юрист К. Кальво выступил с предложением о том, что «правительство страны не может отвечать за ущерб и убытки, нанесённые иностранцам в результате внутренних смут или гражданской войны». По его мнению, это лишь приводило к злоупотреблению силой со стороны «великих держав» и провоцировало межгосударственные проблемы.

¹⁸² Цит. по *Дипломатический словарь*. М., Государственное издательство политической литературы, 1948.

Гогенцоллерна за «высшее оскорбление международной морали и священной силы договоров» (ст. 227). Кроме того, предполагалось создание специального международного суда, обладающего юрисдикцией в отношении военных преступлений. Вильгельм II получил политическое убежище в Нидерландах, которые его не выдали. Как отмечал А.Н. Трайнин, «политика борьбы с революцией еще раз оказалась сильнее политики борьбы за мир: в потрясенной войной Европе, при всеобщем брожении масс и революционном подъеме в Германии, судить императора, хотя бы и бывшего императора, оказалось политически невыгодным шагом. Суд над Вильгельмом организован не был»¹⁸³. Тем не менее, данный шаг стал одним из первых на пути к праву становления ответственности индивидов за преступления против мира и безопасности, который начнет полноценно развиваться лишь после 1945 года.

Важную роль в развитии тематики международной ответственности государств также сыграло определение размера германских контрибуций в Версальском мирном договоре. На осуществление выплат Германии устанавливался срок в сорок два года. Именно эти огромные суммы впоследствии побудили Германию активизировать военную программу, и в результате подобная ответственность, основывающаяся на «праве победителя», и отражающая «репарационную концепцию ответственности», заложила фундамент тех противоречий, которые привели ко Второй мировой войне. Reparации за Первую мировую войну были полностью выплачены Германией лишь в 2010 году – почти сто лет спустя после начала войны.

После учреждения в 1919 году Лиги Наций, первой универсальной международной организации, наблюдался существенный подъем интереса к проблематике международной ответственности. Согласно Статуту Лиги Наций, за нарушение обязательства не применять силу для разрешения споров

¹⁸³ Трайнин А. Н. Защита мира и уголовный закон. Под редакцией и с предисловием А.Я. Вышинского. Москва, Юридическое издательство НКЮ Союза ССР, 1937. С.21.

действовала особая ответственность, так как нарушитель тем самым бросал вызов всем членам Лиги. Палата международного правосудия, учрежденная Лигой Наций и ставшая первым постоянно действующим органом международного правосудия, помогла сформировать концептуальные основы права международной ответственности. В 1928 году, в резонансном деле «О фабрике в городе Хожуве» Палата указала на то, что принцип международно-правовой ответственности является принципом международного права¹⁸⁴. В 1937 году Лига Наций решила создать Международный уголовный суд (в связи с резонансными политическими убийствами короля Югославии Александра и министра иностранных дел Франции Луи Барту), однако данное решение так и не было, и Международный уголовный суд появился лишь в самом конце XXI века, причем основан он оказался на совершенно других принципах. Согласно разработанному Лигой Наций проекту Международного уголовного суда, предполагалось применение им уголовных законов того государства, на территории которого было совершено преступление¹⁸⁵.

Несмотря на активную деятельность в области международного права, усилий Лиги Наций было явно недостаточно для разрешения серьезных конфликтов между государствами. В частности, она оказалась не в состоянии адекватно отреагировать на демонстративный выход Германии из Лиги в 1933 году, а также на агрессию Японии против Китая в 1937 году. После этих событий было очевидно, что Лига Наций фактически перестала быть рабочей организацией.

Потребовался весомый аргумент в виде шестилетней мировой войны для того, чтобы вопросы, связанные с международной ответственностью, вышли на новый уровень развития, во многом благодаря деятельности Организации

¹⁸⁴ Factory at Chorzow Case (Germany v. Poland), 1928. Summaries of Judgments, Advisory opinions and orders of the Permanent Court of international Justice. UN, 2012. P. 29.

¹⁸⁵ С Проектом Международного уголовного суда Лиги Наций можно ознакомиться в Приложении II монографии Трайнин А. Н. Защита мира и уголовный закон. Под редакцией и с предисловием А.Я. Вышинского. Москва, Юридическое издательство НКЮ Союза ССР, 1937.

Объединенных Наций. Устав ООН 1945 года проникнут духом пацифизма и антивоенной риторики.

Вторая половина XX века - настоящее время

Вторая половина XX века стали периодом интенсивной кодификации положений, регламентирующих вопросы международной ответственности индивидов и государств, а чуть позже – международных организаций. В период Второй мировой войны был принят ряд международных соглашений, предусматривающих наказание фашистских преступников. Декларация о наказании за преступления, совершенные во время войны 1942 года, и Декларация об уголовной ответственности гитлеровцев за совершенные зверства 1943 года отразили решимость союзных держав в вопросах обеспечения реализации ответственности военных преступников. Тем не менее, большинство исследователей сходятся во мнении, что отправной точкой кодификации положений, регламентирующих вопросы ответственности индивида за военные преступления, стало создание Нюрнбергского международного военного трибунала путем соглашения между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции «О судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси».

Решения Нюрнбергского трибунала предполагали различные формы международной ответственности индивидов, в частности, смертную казнь (13 человек), пожизненное заключение в Берлинской тюрьме (3 человека), 20 лет тюремного заключения (2 человека), 15 лет тюремного заключения (1 человек), 10 лет тюремного заключения (1 человек). Трое обвиняемых (Г. Фриче, Ф. фон Папен и Я. Шахт) были оправданы.

Важно отметить, что именно Нюрнбергский процесс стал важным этапом перехода от «репарационной концепции ответственности» к «договорной концепции ответственности». Главный обвинитель от Великобритании на Нюрнбергском процессе, Х. Шоукросс, отмечал, что «трибунал должен определить вину подсудимых не только с точки зрения

моральной или этической, но и на основании закона»¹⁸⁶. Р. Джексон, главный обвинитель от США, также подчеркивал важность соблюдения презумпции невиновности в отношении обвиняемых: «...мы должны исходить из предположения, что они невиновны, и мы принимаем на себя бремя доказать их преступления и ответственность каждого из этих подсудимых за совершение этих преступлений»¹⁸⁷.

После Нюрнбергского процесса над главными нацистскими преступниками, завершившимся в 1946 году, вплоть до 1949 года продолжались так называемые «Малые Нюрнбергские процессы», на которых рассматривались дела нацистов меньшего масштаба. Данные трибуналы проводились лишь американской стороной, без участия прочих держав-союзниц, поскольку Контрольная комиссия дала право всем странам-союзницам самостоятельно судить нацистских преступников, а Нюрнберг входил в зону, подконтрольную США. Всего было проведено 12 процессов, в том числе процесс над нацистскими врачами, процесс над нацистскими судьями, процесс по делам о расовых преступлениях, процесс по делу военного командования Германии и др., по итогам которых 13 человек были казнены, 20 человек были приговорены к пожизненному заключению, и еще 98 — к различным срокам тюремного заключения.

С мая 1946 по ноябрь 1948 года действовал Международный военный трибунал для Дальнего Востока, так называемый «Токийский трибунал» для суда над японскими военными преступниками. Сторону обвинения представляли 11 государств, куда, помимо пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН, вошли также Австралия, Канада, Нидерланды, Новая Зеландия, Индия и Филиппины. В рамках токийского процесса были рассмотрены дела двадцати восьми представителей милитаристской Японии,

¹⁸⁶ Вступительная речь главного обвинителя от Великобритании Х. Шоукросса. Извлечение // Без срока давности: к 60-летию Нюрнбергского процесса. М., Мысль, 2006. С. 74.

¹⁸⁷ Вступительная речь главного обвинителя от США Р. Джексона. Извлечение // Без срока давности: к 60-летию Нюрнбергского процесса. М., Мысль, 2006. С. 76.

из которых в отношении двадцати пяти были вынесены обвинительные приговоры, которые устанавливали наказания в виде смертной казни, пожизненному заключению, а также различным тюремным срокам. Предложение советской стороны о передаче Трибуналу японского императора Хирохито не было поддержано странами-союзницами в лице Великобритании и США. В 1949 году в Советском Союзе состоялся так называемый «Хабаровский процесс» над военнослужащими японской армии, обвинявшимися в создании и применении биологического и бактериологического оружия. Речь шла о японских разработках оружия массового уничтожения на основе возбудителей различных заболеваний, в том числе, чумы, тифа, холеры. Поскольку смертная казнь в СССР была отменена указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 года, по итогам процесса были назначены наказания в виде лишения свободы на различные сроки.

Следующим важным историческим этапом стало принятие в 1949 году четырех Женевских конвенций о защите жертв войны, которые внесли большой вклад в регламентацию положений об ответственности за военные преступления.

Основываясь на результатах деятельности послевоенных трибуналов, в 1947 году началась кодификация преступлений против мира и безопасности человечества на базе Комиссии международного права ООН¹⁸⁸. Одной из задач Комиссии стала кодификация основных принципов международного уголовного права и международного уголовного судопроизводства. Важное значение имело подтверждение принципов международного уголовного правосудия, выработанных в ходе послевоенных трибуналов, во-первых, резолюцией 95 (I)¹⁸⁹, а также отдельном документе КМП, посвященном

¹⁸⁸ См. Резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН 177 (II) от 21 ноября 1947 г.

¹⁸⁹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 95(I) «Подтверждение принципов международного права, признанных статутом Нюрнбергского трибунала» от 11 декабря 1946 г.

данному вопросу.¹⁹⁰ К 1954 г. Комиссия представила на рассмотрение проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, однако его рассмотрение было существенно затруднено из-за отсутствия регламентации понятия «агрессия» в тот исторический период. Работа возобновилась лишь после принятия Генеральной Ассамблеей ООН резолюции 3314 (XXIX) «Определение агрессии» от 14 декабря 1974 года.

С 1983 по 1995 годы Комиссией международного права было заслушано тринадцать докладов Специального докладчика Д. Тиамы, задачей которого являлась систематизация преступлений против мира и безопасности человечества, причем как с учетом тех деяний, которые содержались в проекте Кодекса 1954 г., так и с учетом новой прецедентной практики и появлением таких преступлений, как колониализм, апартеид, взятие заложников, наемничество и действия, наносящие серьезный ущерб окружающей среде. Также необходимо было выработать общие принципы международного уголовного судопроизводства с учетом опыта Нюрнбергского и Токийского трибуналов. В 1991 году проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества был принят в первом чтении Комиссией международного права на ее 43 сессии и направлен для дальнейшего обсуждения правительствам. В 1996 году Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, состоящий из 20 статей был одобрен Комиссией.¹⁹¹ Тем не менее, почти тридцать лет спустя конвенция на базе данного проекта так и не была принята.

В 1993 году Комиссия международного права ООН представила проект Статута Международного уголовного суда¹⁹². С 15 по 17 июля 1998 года в Риме проходила дипломатическая конференция, по итогам которой был

¹⁹⁰ Принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого трибунала. Комиссия международного права ООН. 1950 г.

¹⁹¹ U.N. Doc. A/CN.4/L.532 and Corr.1, 2.

¹⁹² U.N. Doc. A/CN.4/L.488 and Add.1

принят Римский статут Международного уголовного суда, вступивший в силу 11 апреля 2002 года.¹⁹³

Кодификация положений о международной ответственности государств и международных организаций

В 1930 году тематика международной ответственности впервые возникла в повестке дня Конференции по кодификации Лиги Наций, однако данное начинание провалилось. Решение о повторной попытке разработки вопросов об ответственности государств в рамках Комиссии международного права ООН было принято в 1949 году.

7 декабря 1953 года резолюцией 799 Генеральной Ассамблеи ООН, Комиссии международного права было предложено «приступить, как только она сочтет это целесообразным, к кодификации принципов международного права, которыми определяется ответственность государств»¹⁹⁴, после чего началась долгая работа по разработке статей о международной ответственности государств, которая длилась почти пять десятилетий. Один из членов Комиссии международного права А. Пелле назвал данный процесс настоящим «интеллектуальным эпосом»¹⁹⁵. Сменилось пять Специальных докладчиков, сделавших тридцать один доклад¹⁹⁶, было получено восемь докладов с комментариями правительств.

В 1956 году в Комиссии международного права ООН был заслушан первый доклад Специального докладчика, кубинского юриста Ф. Гарсиа-Аматора, который к 1961 г. представил шесть докладов. Большим недостатком его работы стал изначально заданный весьма узкий диапазон тем, связанных с

¹⁹³ Проблематика, связанная с деятельностью МУС, подробно рассмотрена в Главе 5 диссертационного исследования.

¹⁹⁴ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 799 (VIII) «Предложение о кодификации принципов международного права, которыми определяется ответственность государств» от 7 декабря 1953 г.

¹⁹⁵ Pellet A. The ILC's Articles on State Responsibility for Internationally Wrongful Acts and Related Texts / The Law of International Responsibility. J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson (ed.) 2010. P. 75.

¹⁹⁶ Перечень всех докладов Специальных докладчиков Комиссии международного права ООН об ответственности государств и международных организаций приведены в Приложении 3 настоящей диссертации.

ответственностью. Поскольку докладчик сфокусировался лишь на ответственности за ущерб, нанесенный иностранцам, «он запутал себя в тех проблемах, которые привели к провалу проекта Лиги Наций, сделав успех труднодостижимым».¹⁹⁷ Было очевидно, что ответственность государств за ущерб, причиненный иностранцам, представляет далеко не все грани такого многомерного явления, как «международная ответственность».

В 1962 году Специальным докладчиком по вопросам ответственности был назначен итальянский профессор Р. Аго, который к 1979 г. представил восемь докладов, которые и заложили фундамент будущего Проекта статей об ответственности. Р. Аго полностью дистанцировался от подхода своего предшественника. Впоследствии решение полностью поменять вектор назовут «первым гениальным ходом»¹⁹⁸ итальянского юриста.

Второе смелое решение Р. Аго – это отход от традиционного видения кодификации ответственности государств как кодификации вторичных норм международного права. Вместо этого он предложил разработать «общие нормы, которые бы определяли вопросы ответственности государств».¹⁹⁹ Основная идея состояла в том, что ответственность «не должна сводиться лишь к последствиям, особенно к последствию осуществить возмещение»,²⁰⁰ при том, что предшественник Аго, Ф. Гарсия-Амадор, считал именно возмещение основой и смыслом ответственности. Наконец, третье достижение Р. Аго – это разработка и внедрение в проект статей об ответственности государств положения о «международных преступлениях государств». Когда в 1939 г. Р. Аго, будучи молодым профессором, читал лекции в Академии международного права в Гааге, он уже предлагал подобную формулировку, которую можно считать настоящей концептуальной революцией. Однако

¹⁹⁷ Pellet A. The ILC's Articles on State Responsibility for Internationally Wrongful Acts and Related Texts / The Law of International Responsibility. J.Crawford, A.Pellet, S. Olleson (ed.) 2010. P. 76.

¹⁹⁸ Ibidem.

¹⁹⁹ Yearbook of the International Law Commission. 1969. Vol.2. P. 139.

²⁰⁰ Ago R. Le delit international//Recueil des cours. Vol. 68. 1939. P. 415.

лишь сорок лет спустя ему удалось донести свои идеи до членов Комиссии международного права ООН, при том, что «его идеи не были очевидны, а члены Комиссии были выдающимися юристами, с сильными убеждениями. Кроме того, события происходили в разгар холодной войны»²⁰¹.

К 1976 году Р. Аго была сформулирована абсолютно новаторская Статья 19 «Международные преступления и деликты», которая, с одной стороны, стала настоящим парадигмальным «прорывом», а, с другой стороны, «деление на преступление и деликты, представленное в Статье 19, вызвало дестабилизирующий эффект, сравнимый с предыдущими «концептуальными революциями»²⁰², затянув окончательную кодификацию проекта еще на несколько десятков лет.

В период с 1973 по 1981 годы Комиссия международного права одобрила первую часть, состоявшую из 35 статей об ответственности, базировавшихся на докладах, сделанных Р. Аго. В 1979 году следующим Специальным докладчиком по вопросам ответственности стал представитель Нидерландов В. Рифаген, который представил семь докладов, однако они касались сугубо теоретических проблем, и вряд ли его деятельность можно назвать прорывом, подобным деятельности его предшественника.

Позицию следующего докладчика, Г. Аранхио-Руиса, назначенного в 1988 году, характеризуют как «ангельский идеализм»,²⁰³ так как он концентрировал свое внимание в основном на теоретических вопросах, связанных с международной ответственностью.

В 1996 году состоялось принятие в первом чтении Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния (здесь

²⁰¹ Pellet A. The ILC's Articles on State Responsibility for Internationally Wrongful Acts/ The Law of International Responsibility. J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson (ed.). 2010. P. 78.

²⁰² Wyler E. From "State Crime" to Responsibility for "Serious Breaches of Obligations under Peremptory Norms of General International Law"//European Journal of International Law. Vol. 13. No.5. 2002. P. 1152.

²⁰³ Pellet A. The ILC's Articles on State Responsibility for Internationally Wrongful Acts and Related Texts/ The Law of International Responsibility. J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson (ed.). 2010. P.82.

и далее – ПСОГ), а новым Специальным докладчиком по вопросам ответственности государств был назначен австралиец Дж. Кроуфорд. Его деятельность отличалась «англосаксонским прагматизмом»,²⁰⁴ и он не «начинал с доктринальных, моральных или идеологических предпосылок, получив мандат на то, чтобы закончить финальный, принимаемый большинством проект к 2001 году», что, собственно, Кроуфорд и реализовал с успехом. Для этого были созданы несколько рабочих групп, обсуждавших наиболее проблемные моменты, в частности, категорию «преступления государств» и вопрос о контрмерах.

Одно из достижений Дж. Кроуфорда заключается в том, что он предложил в качестве начальной точки наступления ответственности только наличие пострадавшего государства, а также предложил в качестве пострадавшего субъекта рассматривать категорию «все международное сообщество в целом», что и было закреплено в ст. 48 ПСОГ. Кроме того, Дж. Кроуфорд радикально решил проблему с дискуссионной категорией «международные преступления государств», предложив вообще исключить данный спорный термин из итогового текста. Безусловно, на Специального докладчика повлияли весьма резкие комментарии в адрес данной категории, полученные от правительств, которые в основном сводились к тому, что данный термин имеет уголовную коннотацию. В результате, в 2001 году был одобрен Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, состоящий из 59 статей.

Можно констатировать, что ПСОГ создавали представители разных правовых семей. Если посмотреть на состав специальных докладчиков комиссии международного права, мы видим одного представителя латиноамериканской правовой семьи (Ф. Гарсия-Амадора), двух итальянцев (Р. Аго и Г. Аранхио-Руиса), представителя Нидерландов (В. Рифагена), и

²⁰⁴ Pellet A. The ILC's Articles on State Responsibility for Internationally Wrongful Acts and Related Texts/ The Law of International Responsibility. J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson (ed.). 2010. P.83.

лишь в самом финале полувековой работы проект возглавил австралиец Дж. Кроуфорд. Таким образом, по сути, «весь проект составлялся представителями романо-германской правовой семьи, в которых англосаксонские юристы не принимали участия»²⁰⁵.

Сам Дж. Кроуфорд признавал, что в итоге проект получился «очень общим по своему характеру»²⁰⁶. Профессор Кембриджа Ф. Аллот весьма образно назвал получившиеся в итоге статьи «мягкой кашей, которая не способна вызвать несварения у самого взыскательного правительственного чиновника»²⁰⁷. С другой стороны, можно предположить, в подобной, весьма сложной для согласования и нормативного оформления сфере, подобный результат все-таки лучше, чем бесконечные споры и полное отсутствие результата. В любом случае, принятие ПСОГ в 2001 году представляет собой значительный шаг вперед. Кроме того, за пятьдесят лет кодификации право международной ответственности обогатилось ценнейшей прецедентной практикой, что было учтено.

Следующим важным этапом разработки тематики международной ответственности стали положения об ответственности международных организаций. В 2000 году Комиссия международного права ООН включила данный вопрос в программу работы²⁰⁸. Специальным докладчиком Комиссии по вопросу ответственности международных организаций был назначен итальянский юрист Дж. Гайя, который в период с 2007 по 2011 г. представил восемь докладов по данной теме.

На первый взгляд, процесс кодификации положений об ответственности международных организаций произошел гораздо быстрее и

²⁰⁵ Pellet A. The ILC's Articles on State Responsibility for Internationally Wrongful Acts/ in J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson, P. 83.

²⁰⁶ Crawford J. The International Law Commission's Articles on State Responsibility: Introduction, Text and Commentaries. 2002. P. 12.

²⁰⁷ Allott P. State Responsibility and the Unmaking of International Law//Harvard International Law Journal. Vol. 29. No. 1. 1988. P. 6.

²⁰⁸ Official Records of the General Assembly, Fifty-fifth Session, Supplement No. 10. UN Doc A/55/10. Paras. 726.

легче кодификации положений об ответственности государств – один Специальный докладчик, всего восемь докладов, а также восемь докладов с комментариями, полученными от международных организаций. Однако данное впечатление не совсем соответствует действительности. Дело в том, что предыдущие пятьдесят лет работы способствовали консолидации в рамках Комиссии международного права большого массива данных по различным аспектам международной ответственности.

В результате Проект статей об ответственности международных организаций (здесь и далее – ПСОМО) был утвержден в первом чтении в 2009 году, а в 2011 году Проект, состоящий из 67 статей, был принят во втором чтении. Наиболее сложным вопросом в рамках кодификации ответственности международных организаций стал вопрос о совместной ответственности государств и международных организаций, а также отдельные аспекты распределения ответственности между различными субъектами правонарушения.

После принятия Проекта во втором чтении, как и в случае с Проектом статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, Комиссия рекомендовала Генеральной Ассамблее ООН обратить на него внимание, и, возможно, даже подготовить международный договор на его основе. В результате, в 2011 году Генеральная Ассамблея ООН без голосования приняла текст Проекта статей об ответственности международных организаций резолюцией 66/100.

Особенности формата статей об ответственности государств и международных организаций.

Серьезные дискуссии вызывает вопрос о том, что представляет из себя формат «проектов статей» и каков его юридический статус. Отношение различных государств к формату статей об ответственности весьма точно характеризует политическую позицию различных стран по вопросу международной ответственности в целом.

Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния был принят резолюцией Генеральной Ассамблеей ООН 56/83 от 12 декабря 2001 г. с рекомендацией государствам обратить на проект свое внимание в будущем²⁰⁹. В том же году Китай и Япония заявили, что отдают предпочтение именно резолюции или декларации Генеральной Ассамблеи, а не международной конвенции, поскольку «дипломатическая конференция, созванная в целях окончательной выработки и принятия текста, по всей вероятности, означала бы возобновление, если не повторное проведение весьма сложного обсуждения, которое могло бы поставить под угрозу сбалансированность текста»²¹⁰.

Показательно, что ряд стран, тем не менее, настаивал на более жесткой форме закрепления статей. Например, на оформлении статей об ответственности государств в виде международного договора настаивала республика Корея: «Правительство Республики Корея предпочитает, чтобы проекты статей были приняты в качестве имеющего обязательную силу правового документа в форме многосторонней конвенции, а не в качестве не имеющих обязательной силы руководящих принципов»²¹¹. Правительство Словакии также отметило, что «документ об ответственности государств должен представлять собой, наряду с Венской конвенцией о праве международных договоров, один из столпов международного права»²¹². В целом, как было отмечено в еще 2001 г., «мы прошли такой длинный путь в борьбе за кодифицированные нормы об ответственности государств, что было бы чрезвычайно нежелательным, чтобы результаты работы за почти столетия были облечены в форму не имеющего обязательной силы документа».²¹³

²⁰⁹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 от 12 декабря 2001 г.

²¹⁰ Ответственность государств. Комментарии и замечания, полученные от правительств. UN Doc. A/CN.4/515. 19 марта 2001. С.19.

²¹¹ Там же. С. 21.

²¹² Там же. С. 22.

²¹³ Там же. С. 23.

Однако, к сожалению, все произошло именно по указанному сценарию. Можно предположить, что, если бы категория «преступлений государства» вошла в итоговый проект, форма декларации в данном случае была бы просто не уместна, так как предполагался бы совершенно иной уровень международных обязательств. Правительство Великобритании в этом отношении справедливо отметило, что «от выбора формы во многом зависит и содержание». Можно констатировать, что некоторые государства оказались просто не готовы к договорной кодификации положений, касающихся ответственности государств.

Тем не менее, изучение комментариев правительств по данному вопросу позволяют сделать вывод о том, что дело не в том, что тема не воспринимается как важная, а, скорее, наоборот, как важнейшая тема, порождающая массу противоречий.

В данном отношении весьма показателен комментарий, сделанный правительством Великобритании: «Сложно предположить, что можно выиграть от принятия конвенции...Проект статей уже доказал свою ценность и вошел в массив международного права через практику государств, решения судов и трибуналов, в академических исследованиях. На них постоянно ссылаются в своей работе министерства иностранных дел и другие государственные структуры. Влияние проекта статей на международное право со временем будет только возрастать, и это продемонстрировано увеличением ссылок на статьи в последние годы. Этими достижениями нельзя рисковать...Мы продолжаем считать, что **любые шаги по замене проекта статей текстом договора рискуют подорвать достигнутый широкий консенсус в отношении пределов и содержания статей** [выделено мной - К.С.]»²¹⁴.

Однако даже не вышесказанное является основным аргументом противников подписания договора об ответственности, а то, что «если только

²¹⁴ UN Doc. A/62/63/. Para. 6.

несколько государств подпишут данную конвенцию, она будет иметь меньшую юридическую силу, чем нынешний проект статей, и может затормозить развитие права в сфере, которая традиционно зависит от практики государств и прецедентов. В самом деле, существует значительный риск того, что конвенция с малым числом участников может иметь декондиционирующий эффект и может подорвать нынешний статус проекта статей, став «хромающей» конвенцией с малым практическим результатом, или вообще безрезультатной [выделено мной-К.С.]»²¹⁵.

Можно констатировать, что прогноз, сделанный правительством Нидерландов еще в 2001 году, в полной мере оправдался: «В результате поиска компромисса усилится, несомненно, стремление к тому, чтобы ничем не рисковать; иными словами, те элементы проекта, которые могут рассматриваться как *lex ferenda* или как примеры прогрессивного развития (например, контрмеры и серьезные нарушения), окажутся под угрозой»²¹⁶.

К вопросу о формате Проекта статей об ответственности Генеральная Ассамблея возвращалась еще несколько раз, однако государства по-прежнему не выказывали готовности подписать международный договор об ответственности. Несмотря на это, некоторые представители академической среды, например, представитель американской доктрины международного права К. Бун высказывает надежду, что «хотя окончательная форма проекта статей, вероятно, не будет иметь обязательной силы, можно предположить, что они не исчезнут в лакунах международного правопорядка»²¹⁷. А. Пелле, много лет бывший членом Комиссии ООН по международному праву, утверждает безусловность того факта, что «влияние текстов Комиссии

²¹⁵ UN Doc. A/62/63/ Para. 7.

²¹⁶ Ответственность государств. Комментарии и замечания, полученные от правительств. UN Doc. A/CN.4/515. 19 марта 2001. С.21.

²¹⁷ Boon K. New Directions in Responsibility: Assessing the International Law Commission's Draft Articles on the Responsibility of International Organizations// The Yale Journal of International Law, Vol. 37, 2011. P.7.

международного права не зависит от того, была ли заключена конвенция или же нет»²¹⁸.

Тем не менее, некоторые исследователи утверждают, что «недостаток нормативного регулирования порождает массу практических проблем»²¹⁹. Дело в том, что «проекты не содержат первичных норм, а относятся к вторичным нормам, определяющим правовые последствия нарушения международных обязательств»²²⁰. Но это представляется вполне логичным, с учетом того, что международная ответственность возникает не сама по себе, а лишь после совершения международно-противоправного деяния. В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 68/104 от 16 декабря 2013 года содержалось указание на то, что активное использование ПСОГ 2001 года в правоприменительной практике свидетельствует о значительном интересе к данной теме. 7 октября 2013 г. была создана Рабочая группа по вопросу об ответственности государств за международно-противоправные деяния, «в целях выполнения мандата, возложенного на Комитет Генеральной Ассамблеи»²²¹.

Аргументы «за» и «против» существующего формата Статей об ответственности международных организаций аналогичны тем, что уже были упомянуты в отношении Проекта об ответственности государств за международно-противоправные деяния. Некоторые авторы оценивают это отрицательно: «Проект статей не стал поворотным моментом в международной системе, так как правотворческий процесс по-прежнему в

²¹⁸ Pellet A. *The ILC's Articles on State Responsibility for Internationally Wrongful Acts and Related Texts / The Law of International Responsibility*. J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson (ed.) 2010. P.87.

²¹⁹ Nissel A. *The ILC Articles on State Responsibility: Between Self-Help and Solidarity*//New York University Journal of International Law & Politics. Vol. 38. 2006. P. 368.

²²⁰ Boon K. *New Directions in Responsibility: Assessing the International Law Commission's Draft Articles on the Responsibility of International Organizations*// The Yale Journal of International Law, Vol. 37. 2011. P.2.

²²¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» от 18 декабря 2013 г. UN Doc. A/68/460

большей части управляется государствами»²²². С другой стороны, было бы удивительно, если бы кодификационный процесс ответственности международных организаций фундаментальным образом изменил бы существующую международно-правовую парадигму, с учетом того, насколько она зависима от категории «государственного суверенитета» и с учетом производной, по отношению к государствам, природы международных организаций: «Если намерение связано с тем, чтобы предложить новый международный договор, то первый вопрос состоит в том, кого следует пригласить для участия в переговорах и последующего заключения договора? Будет ли этот договор заключаться лишь международными организациями или лишь государствами, или теми и другими?»²²³.

Таким образом, очевидно, как долго и трудно шел процесс становления и кодификации международной ответственности. Все вышеуказанные доклады Специальных докладчиков – 31 доклад по вопросам ответственности государств, 8 докладов по вопросам ответственности международных организаций, 15 докладов, посвященных проекту Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества – внесли значительный вклад в осмысление и разработку тематики международной ответственности.

Доктринальные изыскания по вопросам международной ответственности.

Активные академические изыскания, непосредственно посвященные вопросам международной ответственности, начались на рубеже XIX-XX вв. В конце XIX в. международная ответственность не выделялась в отдельное направление исследований, однако именно в указанный период доктрина совершила значительный шаг вперед. Как справедливо отмечает британский

²²² Boon K. New Directions in Responsibility: Assessing the International Law Commission's Draft Articles on the Responsibility of International Organizations// The Yale Journal of International Law, Vol. 37, 2011. P.7.

²²³ Ответственность международных организаций. Комментарии и замечания, полученные от международных организаций. UN Doc. A/CN.4/637. Комиссия международного права ООН. 2001. С. 16.

исследователь Н. Бхута, «у всех концепций есть история»²²⁴, и концепция международной ответственности не является исключением. В случае с тематикой международной ответственности можно констатировать, что подобные идеи зачастую опережали свое время.

Одна из первых работ, посвященных международной ответственности – это труд итальянского автора П. Фиори²²⁵. Другие ученые также выдвигали предложения, которые повлияли на становление международной правовой системы. Например, шотландский ученый Дж. Лоример в 1883 г. предложил проект Международного суда, причем для обеспечения его деятельности предлагалось создать также международную исполнительную армию.²²⁶

Основоположником права международной ответственности иногда называют немецкого ученого А.-В. Гефтера. В своей работе «Европейское международное право» 1880 г., он рассматривал такие средства разрешения споров, как репрессалии, эмбарго, блокаду и реторсию, объединив их в единую главу «Международное процессуальное право». Однако не все авторы считают Гефтера основоположником права международной ответственности. Так, К. Иглтон писал, что Гефтера нельзя считать ученым, внесшим большой вклад в изучение проблемы международной ответственности, однако его безусловная заслуга состоит в том, что он собрал и систематизировал большое количество материала по данной теме.²²⁷

Наиболее значительный вклад в тематику международной ответственности первой половины XX в. внес легендарный итальянский юрист-международник Дионисио Анцилотти. Как пишет П.-М. Дюпьи о времени, когда работал Д. Анцилотти – это было время, «когда право

²²⁴ Bhuta N. The Antinomies of Transformative Occupation//European Journal of International Law. 2005. Vol. 16. No. 4. P. 722.

²²⁵ Fiori P. Sul problema internazionale della società giuridica degli stati. Stamperia reali di Torino. 1878. 98 p.

²²⁶ Lorimer J. Institutes of the Law of Nations. Edinburgh and London, Blackwood, 1883.

²²⁷ Eagleton C. The Responsibility of States in International Law. New York, 1928. P. 19.

международной ответственности было, в целом, простым и единым»²²⁸. Анцилотти, действительно, был «сыном своей эпохи», и утверждал, что лишь суверенитет может выступать в качестве источника международного обязательства.²²⁹ Более того, Д. Анцилотти полагал, что для государства-правонарушителя «возмещение одновременно было и наказанием, которое состояло в возмещении причиненного ущерба»²³⁰.

Главный «антагонист» идей Анцилотти – другой легендарный юрист-международник первой половины XX в., Х. Кельзен. Фактически, Х. Кельзен и Д. Анцилотти являются родоначальниками двух различных подходов к международной ответственности. Согласно подходу Анцилотти, ответственность возникает только в результате «двухсторонних отношений между государством-нарушителем и пострадавшим государством»²³¹, и при этом государство-нарушитель самостоятельно решает, осуществлять реализацию ответственности или нет.²³² Х. Кельзен, наоборот, полагал, что международный порядок – это принудительный порядок, и пострадавшее государство вправе «применять принудительные санкции против ответственного государства».²³³

Также в разработку вопросов международной ответственности внесли свой вклад многие другие ученые, представители различных международно-правовых доктрин.

Среди представителей англосаксонской школы международного права начала XX в. необходимо выделить американского юриста Элио Рута, лауреата Нобелевской премии мира 1912 года Рут утверждал, что «государства

²²⁸ Dupuy P.-M. Reviewing the Difficulties of Codification On Ago's Classification of Obligations of Means and Obligations of Result in Relation to State Responsibility//10 European Journal of International Law. Vol. 10. No.2. 1999. P. 372.

²²⁹ Anzilotti D. Teoria generale della responsabilità dello stato nel diritto internazionale. 1902. P. 72–74.

²³⁰ Anzilotti D. Corso di diritto internazionale. Vol. I. Cedam-Padova, 1928. P. 385.

²³¹ Ibid.

²³² Ibid.

²³³ Kelsen H. Principles of International Law. 1966. P. 22.

несут ответственность перед своими соседями».²³⁴ Это было чем-то новым и необычным в эру «великих держав», которые не перед кем не отчитывались. В 1916 году он заявил, что «международное право, которое безнаказанно нарушается, должно вскоре прекратить свое существование, и каждое государство имеет прямую заинтересованность в предотвращении подобных нарушений»²³⁵.

В рассматриваемый период учеными из разных стран было высказано несколько весьма важных замечаний, связанных с категорией ответственности. Так, в 1924 г. Ш. де Вишнер высказал идею о том, что ответственность государств важна для обеспечения их равенства.²³⁶ В 1927 году Х. Лаутерпахт в работе «Источники и аналогии частного права в международном праве» сравнил категории «государственного суверенитета» и «ответственности государства». Лаутерпахт утверждал, что международные договоры и арбитражные решения уже создали почву для введения института преступления государств и наказания государств.²³⁷ Свой вклад в доктринальные исследования по проблематике международной ответственности также внесли такие ученые, как П. Шоен, К. Штрупп, А. Ротт, Ж. Дюма и К. Иглтон²³⁸. Именно они заложили научно-теоретический фундамент данной отрасли. Во второй половине XX века на Западе проблема международной ответственности государств изучалась в трудах таких ученых,

²³⁴ Root E. The Sanction of International Law// Proceedings of American Society of International Law. Vol. 2. No. 14. 1908. P. 8.

²³⁵ Root E. The Outlook for International Law//American Journal of International Law. Vol. 10. No.1. 1916. P. 7.

²³⁶ De Visscher C. La responsabilité des États. Brill. 1924. P. 90.

²³⁷ Lauterpacht H. Private Law Sources and Analogies in International Law. Longmans, Green & Co., Ltd. 1927. P. 325.

²³⁸ Schoen P. Die volkerrechtliche Haftung der Staaten aus unerlaubten Handlungen//Zeitschrift fur Volkerrecht. Bd. X. 1917; Strupp K. Das volkerrechtliche Delikt//Handbuch des Volkerrechts. Bd. III. Stuttgart. 1920; Roth A. Das volkerrechtliche Delikt vor und in der Verhandlungen auf der Haager Kodifikations Konferenz 1930. Leipzig, 1932; Dumas, J., De la responsabilité internationale des Etats. Paris, Sirey. 1930; Eagleton C. The Responsibility of States in International Law. N.Y., 1928.

как Г. Карелла, Д. Карон, П.-М. Дюпюи, Б. Грефрат, Дж. Перкинс, Р. Прово, И. Витта, А. Пелле.²³⁹

Весьма значим вклад профессора А.Н. Трайнина в развитие тематики, связанной с основаниями международной ответственности. Еще в 1930-х годах он выделял категорию «интернациональных преступлений» или «посягательств против мира», которую делил на различные группы в зависимости от степени общественной опасности. В первую группу, «охватывающую наиболее острую форму посягательств против мира», он относил военную агрессию, угрозу агрессией и блокаду.²⁴⁰ Вторую группу образуют «враждебные действия против другого государства», которые обычно являются предтечей агрессии, например, «пропаганда агрессии, поддержка вооруженных банд, неисполнение обязательств по международным договорам, заключенным в защиту мира и терроризм»²⁴¹. К третьей группе Трайнин относит «неприятные действия», которые не могут быть расценены, как враждебные в прямом смысле акты, но которые тем не менее вносят элементы отчужденности и расстройств в мирные отношения народов». К ним он относил «изготовление и распространение подложных документов и ложных сведений, направленных против другого государства, а также посягательство против престижа и чести другого государства»²⁴². Показательно, что сегодня, спустя почти столетие, государства в своем

²³⁹ Carella G. La responsabilita dello Stato per crimini internazionali. Naples. 1985; Caron D. The Basis of Responsibility: Attribution and Other Trans-Substantive Rules//The Iran-United States Claims Tribunal: Its Contribution to the Law of State Responsibility. Irvington-on-Hudson, 1998; Dupuy P.-M. The International Law of State Responsibility: Revolution or Evolution?//Michigan Journal of International Law. No.1. 1990; Greafarth B. Responsibility of States. Thessaloniki, 1993; Perkins J. The Changing Foundations of International Law: From State Consent to State Responsibility//Boston University International Law Journal. Vol. 15. No. 2. 1999; Provost R. State Responsibility in International Law (Libraries of Essays in International Law). Ashgate Pub Ltd. 2002; Vitta E. Responsabilita internazionale dello stato per atti legislativi. Milano, 1953; Pellet A. Can a State Commit a Crime? Definitely, Yes!//European Journal of International Law Vol. 10. № 2. 1999.

²⁴⁰ Трайнин А. Н. Защита мира и уголовный закон. Под редакцией и с предисловием А.Я. Вышинского. Москва, Юридическое издательство НКЮ Союза ССР, 1937. С.112.

²⁴¹ Там же.

²⁴² Там же.

взаимодействии не дошли до объявления противоправными большинства действий из данной классификации, за исключением прямой военной агрессии, а также ряда действий, которые могут быть квалифицированы как «государственный терроризм».

Наряду с интенсивными доктринальными изысканиями в рамках отдельных государств, были попытки изучить проблему ответственности с позиции отдельного региона. Так, в 1961 году Межамериканский юридический комитет на уровне региональной инициативы принял доклад «Вклад американского континента в развитие принципов международного права, регулирующих ответственность государств», однако речь в докладе шла только об опыте латиноамериканского континента, поэтому особого резонанса он не произвел.

В послевоенный период наблюдается возникновение интереса к проблеме международной ответственности со стороны советских ученых. В 1951 и 1952 годах были защищены две кандидатские диссертации по проблеме международной ответственности.²⁴³ В 1962 году в своей монографии «Вопросы теории международного права» профессор Г.И. Тункин посвятил отдельную часть праву международной ответственности²⁴⁴. В 1968 году Ю. В. Петровский защитил кандидатскую диссертацию по проблематике международной ответственности государств.²⁴⁵ Интерес научного сообщества сохранялся на неизменно высоком уровне вплоть до середины 1980-х гг., о чем свидетельствует значительное количество публикаций по данной тематике. Среди наиболее значимых работ представителей советской доктрины международного права по вопросам ответственности можно отметить труды

²⁴³ Менжинский В.И. Проблема международной ответственности в свете советской концепции международного права (в свете советской концепции международного права): автореф. дис. ... канд. юрид. 1951; Мундер А.И. Ответственность государств за агрессию: автореф. дис. ... канд. юрид. наук /Мундер Александр Ильич, - М., 1952.

²⁴⁴ Тункин Г.И. Вопросы теории международного права. Госюриздат, 1962 г., часть 4 «Общий характер и формы ответственности государства по международному праву».

²⁴⁵ Петровский Ю.В. Международно-правовая ответственность государств: автореф. дис. канд. юрид. наук. Л., 1968.16 с.

Вадапаласа В., В.А. Василенко, Л.Н. Галенской, Д.Б. Левина, В.А. Мазова, Л.А. Моджорян, Ю.М. Колосова, П.М. Куриса.²⁴⁶

Кроме того, периодически по вопросам, связанным с международной ответственностью, публиковались А.В. Мелешников, М.В. Митрофанов, Э.А. Пушмин, С.Б. Раскалей, М.Х. Фарукшин, С.В. Черниченко.²⁴⁷ В 1983 г. были изданы сразу два фундаментальных исследования, посвященных международной ответственности государств – Ю.М. Решетова и Н.А. Ушакова.²⁴⁸ На следующий год, в 1984 г., в Российском университете дружбы народов были защищены две кандидатские диссертации, посвященные международной ответственности государства Израиль.²⁴⁹ «Постперестроечные» годы можно считать «провальными» для российской школы права международной ответственности, так как, кроме И.И. Лукашука, данным направлением практически никто не занимался. В самом конце 1990-х гг. стало наблюдаться постепенное возвращение интереса к тематике

²⁴⁶ Вадапалас В. Обстоятельства, исключаящие международно-правовую ответственность государства // Право. Т. 17. Вып. 1. Вильнюс, 1983; Василенко В.А. Ответственность государства за международные правонарушения. Киев, 1976; Галенская Л.Н. Международные преступления и международно-правовая ответственность. Правоведение. 1965; Левин Д. Б. Ответственность государств в международном праве. М., Международные отношения. 1966; Мазов В.А. Ответственность в международном праве: проблемы кодификации и прогрессивного развития норм и принципов международно-правовой ответственности. М., 1979; Моджорян Л. А. Ответственность в современном международном праве. – Советский ежегодник международного права, 1970. М., Наука, 1972; Колосов Ю. М. Ответственность в международном праве. М., Юридическая литература, 1975; Курис П. М. Международные правонарушения и ответственность государств. Вильнюс, 1973.

²⁴⁷ Мелешников А.В., Пушмин Э.А. Международно-правовая ответственность // СГП. 1988. № 8; Митрофанов М.В. О международно-правовой ответственности международных организаций // Правовое регулирование общественных отношений. М., 1977; Раскалей С.Б. Объективная ответственность государств в международном праве. Киев, 1985; Фарукшин М.Х. Международно-правовая ответственность государств // Международная правосубъектность. М., 1971; Черниченко С.В. Ответственность в современном международном праве // Научные труды Дипломатической Академии МИД СССР. 1980. Вып. 8.

²⁴⁸ Решетов Ю.А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. М., Международные отношения, 1983. Ушаков Н. А. Основания международной ответственности государств. М., Международные отношения, 1983.

²⁴⁹ Ибрагим М.И. Ответственность Израиля за международные преступления против палестинского народа. Москва, 1984; Мушаораб И.А. Международно-правовая ответственность Израиля за материальный ущерб, причиненный Ливану. Москва, 1984.

международной ответственности государств. В Российской Федерации в 2000-х гг. было защищено несколько кандидатских диссертаций по проблематике ответственности государств.²⁵⁰ Проблематика международной ответственности государств крайне сложна и многообразна. Например, некоторые представители российской доктрины изучают ответственность государства за действия, не запрещенные международным правом, в таких сферах, как защита персональных данных,²⁵¹ в финансовой сфере,²⁵² в сфере мировой экономики,²⁵³ в сфере воздушных перевозок,²⁵⁴ в экологической сфере,²⁵⁵ в сфере защиты прав человека,²⁵⁶ в сфере международного космического права и международного атомного права.²⁵⁷ Тем не менее, необходимо отметить, что данные работы лишь косвенно связаны с ключевой

²⁵⁰ Батршин Р.Р. Ответственность государства и применение контрмер в современном международном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Батршин Роман Ринатович. – Казань, 2005. – 211 с.; Прошина Е.А. Международно-правовая ответственность государств: дис. ... канд. Юрид. наук: 12.00.10/Пронина Елена Анатольевна. - Москва, 2006. - 148 с.; Кривенкова М.В. Нематериальная ответственность государств в современном международном праве. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Кривенкова Мария Витальевна. – Казань, 2009. – 201 с.

²⁵¹ Березовский К.А. К вопросу о международно-правовой ответственности государств в сфере защиты персональных данных //Евразийский юридический журнал. №37, 2011. С. 57-60.

²⁵² Кожеуров Я.С. Проблемы ответственности государства в практике рассмотрения международных инвестиционных споров// Евразийский юридический журнал. №41,2011. С. 15-18; Титов М.С. Особенности международно-правовой ответственности государств, причастных к подделке денежных знаков //Вестник Томского государственного университета. №342, 2011. С. 147-150.

²⁵³ Вертлиб Ф.О. Ответственность государства за неисполнение международных экономических обязательств. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Московский университет МВД Российской Федерации. Москва, 2009.

²⁵⁴ Ануфриева Л.П. Ответственность государств за действия, не запрещенные международным правом: вопросы теории и практики международного экономического права (на примере деятельности в сфере освоения космоса и международных воздушных сообщений и перевозок)//Lex Russica. Т. LXXI. № 5. 2012. С. 1071-1078.

²⁵⁵ Бринчук М.М. Эколого-правовая ответственность – самостоятельный вид юридической ответственности//Государство и право. №4, 2009; Ивакин В.И. Международная ответственность за экологические правонарушения// Аграрное и земельное право. №7, 2007. С. 33-46.

²⁵⁶ Гиони И. Международно-правовая ответственность государств за нарушение обязательств в сфере защиты прав человека в европейском праве. Москва, 2010.

²⁵⁷ Сидорова Т.Ю. Ответственность в международном атомном и международном космическом праве. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Санкт-Петербург, 2004.

сферой международной ответственности, регламентирующей вопросы ответственности за неправомерное применение вооруженной силы²⁵⁸.

Можно констатировать, что монографии о международной ответственности как о комплексной отрасли представляют собой весьма редкое явление в отечественной доктрине последних тридцати лет.²⁵⁹ После принятия Генеральной Ассамблеей ООН в 2001 г. Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния наиболее значимым исследованием можно считать книгу профессора И.И. Лукашука «Право международной ответственности», изданную в 2004 г.

В рамках тематики, связанной с международной ответственностью государств, существуют также отдельные направления, например, вопросы международной ответственности через призму решений институтов международного правосудия,²⁶⁰ вопросы имплементации международной ответственности, а также связь проблематики международной

²⁵⁸ Сазонова К.Л. Становление отрасли международной ответственности государств в доктрине международного права// Вестник Воронежского университета. Серия «Право». №3. 2015. С. 290-297.

²⁵⁹ Хачатуров Р.Л. Ответственность в современном международном праве. Тольятти, 1996; Лукашук И.И. Право международной ответственности. М., Волтерс Клувер, 2004; Сазонова К.Л. Ответственность государств и международных организаций за неправомерное применение силы в международном праве: теория и практика. М., НБ-Медиа. 2014; Кешнер М.В. Право международной ответственности. М., Проспект, 2017.

²⁶⁰ Ушаков С.В. Вклад многосторонних органов международного правосудия в функционирование института международно-правовой ответственности государств в контексте международного процессуального права. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2009. Гуласарян А.С. Ответственность международных организаций и международный суд ООН// Московский журнал международного права. 2013. № 1 (89). С. 152-171; Хахина А. Международно-правовые проблемы ответственности в деле Международного суда ООН «Бельгия против Сенегала»//Материалы конференции «Школа молодого африканиста». №4. 2013. С. 73-75; Ключня А.Ю. Концепция «разделяемой ответственности в решениях международных судебных учреждений»//Международное правосудие. №1 (9), 2014. С. 93-104.

ответственности с институтами контрмер²⁶¹ и санкций²⁶² в международном праве.

Что касается международной ответственности организаций, то это пока относительно новое направление исследований, поскольку кодификация данной тематики завершилась лишь в 2011 году. Кроме того, прецедентная практика по данному вопросу пока довольно скромная. Тем не менее, анализ отечественной доктрины показывает, что тематика международной ответственности международных межправительственных организаций в последние годы вызывает определенный интерес у исследователей,²⁶³ среди трудов которых хотелось бы особенно выделить диссертации В.Ю. Замятина и Б.М. Шариповой.²⁶⁴

Еще одна тематика, возникшая на пересечении международной ответственности государств и ответственности международных организаций – это вопросы ответственности государств в связи с деянием международной организации,²⁶⁵ однако они пока еще находятся на стадии изучения. В отличие

²⁶¹ Кононова К.О. «Коллективные контрмеры»: к вопросу о правомерности их существования и векторе развития в международном праве XXI века//Международное публичное и частное право. №6, 2010. С. 13-16; Кешнер М.В. Контрмеры и санкции как инструменты имплементации международной ответственности государств//Вестник ТИСБИ. № 1 (49). 2012. С. 122-127.

²⁶² Шрайнер А.Э. О некоторых вопросах определения санкций при превышении пределов необходимой обороны//Вестник Красноярского государственного аграрного университета. №6, 2006.С. 369-371.

²⁶³ Гуласарян А.С. Некоторые вопросы ответственности международных организаций в свете проекта статей об ответственности международных организаций (ПСО МО) 2011 г. // Евразийский юридический журнал. № 1 (56). 2013. С. 40-42; Денисова Д.А. Процесс кодификации института ответственности международных организаций: проблемы и перспективы//Наука и современность, №3, 2010. С. 207-212; Якушев Ю.В. К вопросу о соотношении правосубъектности международных межправительственных организаций и их способности нести ответственность за международно-противоправные деяния// Международное право - International Law. № 3 (31). 2007.

²⁶⁴ Белалова Б.Ш. Международно-правовая ответственность международных межправительственных организаций. Москва, 2002; Замятин В.Ю. Ответственность международных организаций. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2005;

²⁶⁵ Марусин И.С. О некоторых вопросах ответственности государств - участников международных межправительственных организаций за действия этих организаций // Правоведение. № 6. 2010; Рачков И.В. Ответственность государства за международно-противоправные деяния международной организации// Международное публичное и частное право. № 3, 2005. С. 7-16.

от тематики международной ответственности государств, вопросы международной ответственности индивидов вызывают неослабевающее внимание представителей доктрины. После проведения Нюрнбергского и Токийского процессов, одним из первых исследований в данной области стала работа В.И. Курляндского 1949 года,²⁶⁶ в которой он активно использовал термин «международное уголовное преступление». В 1951 году П.С. Ромашкин защитил докторскую диссертацию, посвященную особенностям преступлений против законов и обычаев войны.²⁶⁷

Деятельность Международного трибунала по бывшей Югославии вызвала закономерный подъем интереса к международному уголовному судопроизводству и тематике военных преступлений. Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии, как институт международной уголовной юстиции, был рассмотрен в докторской диссертации Н.Г. Михайлова.²⁶⁸ Вопрос о правах обвиняемого в международном уголовном процессе подробно раскрыт в докторской диссертации А.Б. Мезяева.²⁶⁹

Среди современных западных ученых, продолжающих развивать тематику международной ответственности государств и международных организаций, необходимо отметить А. Ноллкэмпера, М. Спинеди, А. Нисселя, Э. Уайлера.²⁷⁰ В 2010 году вышла коллективная монография «Право

²⁶⁶ Курляндский В.И. Советская наука права о понятии международного уголовного преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук/ Курляндский Виталий Ильич. М., 1949. – 28 с.

²⁶⁷ Ромашкин П.С. Преступления против законов и обычаев войны: автореф. дис. ... докт. юрид. наук/ Ромашкин Петр Семенович. М., 1951. 57 с.

²⁶⁸ Михайлов Н.Г. Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии как институт международной уголовной юстиции: дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.10/ Николай Геннадьевич Михайлов. - М., 2006. - 282 с.

²⁶⁹ Мезяев А.Б. Права обвиняемого в международном уголовном процессе (вопросы теории и практики): дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.10/ Мезяев Александр Борисович. – Москва, 2013. – 408 с.

²⁷⁰ Nollkaemper A. Systemic Effects of International Responsibility for International Crimes // Santa Clara Journal of International Law. Vol. 313. 2010. P. 313-352; Nissel A. The duality of State Responsibility// Columbia Human Rights Law Review. Vol.33. No. 3. 2013. P. 794-858; Nissel A. The ILC Articles on State Responsibility: between Self-help and Solidarity//New York University Journal of International Law & Politics Vol. 38. 2006. P. 355-371; Spinedi M. State Responsibility v. Individual Responsibility for International Crimes: Tertium Non Datur?// European Journal of International Law. Vol. 13. No.4. 2002. P. 895-899;

международной ответственности», изданная под редакцией выдающихся юристов-международников Дж. Кроуфорда, А. Пелле и С. Оллесона.²⁷¹ Выход данного издания представляет собой значительный шаг в доктринальном осмыслении права международной ответственности.

Как писал ровно век тому назад, в 1924 году, общественный деятель Р.М. Бланк, «не один век — целые тысячелетия мечтает оно (человечество) о единении ... Но не было до сих пор возможности претворить эти идеальные чаяния в живое дело, не было реальной опоры»²⁷². Представляется, что именно тематика международной ответственности могла бы сыграть в будущем роль такой опоры, вокруг которой произошла бы новая консолидация международного сообщества на совершенно иных основах. Безусловно, можно согласиться с А.Н. Трайниным, который писал, что «история международных отношений показывает, как легко в руках поджигателей войны «клочками бумаги» становятся многие договоры, снабженные заверениями в дружбе и объяснениями во взаимной любви и преданности»²⁷³, однако дальнейшее развитие тематики международной ответственности в потенциале своем призвано стать чем-то большим, чем просто письменные гарантии. Речь идет о новых принципах, о переходе на качественно новый уровень международных отношений.

В первой главе диссертационного исследования данной главе установлена целесообразность выделения вопросов, связанных с международной ответственностью государств, международных организаций и

Wyler E. From "State Crime" to Responsibility for "Serious Breaches of Obligations under Peremptory Norms of General International Law"//European Journal of International Law. Vol.13. No.5. 2002. P. 1147-1960.

²⁷¹ The Law of International Responsibility//J.Crawford, A. Pellet, S.Olleson (eds). Oxford University Press, 2010. 1376 p.

²⁷² Бланк Р.М. Лига наций: Ея организация. - Ея конституция. - Ея значение для международного мира. Берлин, 1924.

²⁷³ Трайнин А. Н. Защита мира и уголовный закон. Под редакцией и с предисловием А.Я. Вышинского. Москва, Юридическое издательство НКЮ Союза ССР, 1937. С.47.

индивидов за преступления против мира и безопасности в особый институт права международной безопасности, что призвано способствовать более полному и многоаспектному рассмотрению вопросов, связанных с международной ответственностью за наиболее серьезные международные правонарушения, совершаемые различными субъектами. Можно констатировать, что тематика международной ответственности неразрывно связана с вопросами международной безопасности. Важнейшим императивом при изучении данной сферы является потенциальная возможность ограничения случаев силовых злоупотреблений. В виду большой важности, придаваемой Российской Федерацией международному праву и законности, а также исключительной важности представляется необходимым продолжение и усиление доктринальной разработки вопросов, связанных с международной ответственностью, в особенности с ответственностью за неправомерное применение вооруженной силы.

Следует отметить, что все важнейшие документы по данной тематике содержат упоминание о том, что различные виды международной ответственности не препятствуют и не противоречат друг другу, а, кроме того, устанавливаются различными органами международного правосудия, что снимает вопрос о дублировании правовых функций, и позволяет сделать вывод о том, что анализ правового механизма реализации международной ответственности разными субъектами возможно выделить в единый институт права международной безопасности.

Под «международной ответственностью» подразумевается комплекс определенных неблагоприятных последствий, которые субъект-правонарушитель должен претерпеть после совершения преступления против мира и безопасности. В настоящее время, наблюдается переход от так называемой «репарационной» концепции ответственности, основывавшейся на «праве победителя» к «договорной» концепции ответственности, в рамках которой международная ответственность является следствием нарушения

субъектом международного права положений международно-правовых договоров.

Можно констатировать, что категория «неправомерное применение силы» остается одной из самых неопределенных категорий современного международного права, что ставит вопрос о необходимости принятия единого документа, содержащего дефиницию и содержание данного термина.

Проекты статей по международной ответственности государств и международной ответственности международных организаций, разработанные Комиссией международного права ООН и утвержденные в качестве резолюций Генеральной Ассамблеи, являются недостаточными, хотя и очень важными шагами в регламентации международной ответственности.

ГЛАВА 2

ОСНОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ

2.1. Нарушение норм *jus cogens* и обязательств *erga omnes* как основание международной ответственности.

Рассмотрение вопросов международной ответственности за серьезные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права, невозможно без анализа данных норм.

Можно констатировать, что именно наличие комплекса императивных норм существенно отличает современное международное право от той международно-правовой системы, которая существовала до 1945 года. Тем не менее, появление императивных норм исторически обусловлено. В романо-германской правовой семье было две разновидности правовых норм: *jus scriptum* и *jus dispositivum*. В XIX веке Л. Оппенгейм писал о «фундаментальных принципах международного права», обладающих императивным воздействием.²⁷⁴ В 1923 году Постоянная палата международного правосудия отметила, что суверенитет не может служить оправданием отступления от императивных норм.²⁷⁵ Австрийский ученый А. Фердросс полагал, что существует особое общее правовое сознание (*Rechtsbewusstsein*), которое обуславливает существование норм, имеющих важное значение для всего человечества.²⁷⁶ Фердросс также одним из первых поднял вопрос о том, «существуют ли в международном праве нормы,

²⁷⁴ Oppenheim L. International Law. 1905. P. 528.

²⁷⁵ The SS “Wimbledon” (United Kingdom and others v. Germany) Judgment of 17 August 1923. Series A, No. 1. Summaries of Judgments, Advisory opinions and orders of the Permanent Court of international Justice United Nations · New York, 2012. p. 13-18.

²⁷⁶ Verdross A. Die allgemeinen Rechtsgrundsätze im Völkerrecht. In Gesellschaft, Staat und Recht, Festschrift Hans Kelsen zum 50. Geburtstag. 1931. P. 358.

имеющие характер *jus cogens*»²⁷⁷. Немецкий юрист К. Томушат описывает их как «класс норм, которые защищают основополагающие ценности международного сообщества».

Согласно 53 статье Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, императивной признается норма, «которая принимается и признаётся международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер»²⁷⁸. Тем не менее, никакого конкретного содержания категории Венская конвенция не указывает, из-за чего данную категорию исследователи трактуют достаточно вольно. Также данные нормы упоминаются в Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 года, в решении Международного трибунала по бывшей Югославии 1998 года,²⁷⁹ а также в решении Европейского суда по правам человека в 2001 года.²⁸⁰ В 2015 году Международный суд ООН заявил о том, что запрет геноцида имеет характер *jus cogens*.²⁸¹ Категория «серьезных нарушений обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права» была закреплена в Проектах статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 года.

Важно отметить, что императивные нормы международного права не зафиксированы в виде отдельного перечня или списка, и Международный Суд «до сих пор вынужден каждый раз решать вопрос о конкретном содержании

²⁷⁷ Verdross A. Die allgemeinen Rechtsgrundsätze im Völkerrecht. In Gesellschaft, Staat und Recht, Festschrift Hans Kelsen zum 50. Geburtstag. 1931. P. 571.

²⁷⁸ Венская Конвенция о праве международных договоров. Вена, 23 мая 1969 г.

²⁷⁹ International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, Trial Chamber, Prosecutor v Furundzija, Judgment of 10 December 1998, IT-95-17/1. Para 153.

²⁸⁰ European Court of Human Rights, Al-Adsani v. United Kingdom, App. no. 35763/97, Judgment of 21 Nov. 2001. Para 61.

²⁸¹ Application of the Convention of the prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Croatia v. Serbia). International Court of Justice 2015.

концепции»²⁸². Данное обстоятельство частично объясняется тем, что, как отмечает профессор Н.Б. Крылов, «международное право не является статичным, оно постоянно меняется, появляются новые нормы, меняется соотношение основных принципов»²⁸³. Можно констатировать неопределенность содержания термина *jus cogens* «из-за отсутствия четких критериев для его идентификации в международном правовом порядке»,²⁸⁴ а для того, чтобы «сохранять эффективность и признание иерархии международно-правовых норм, необходимо четко определить границу, которая отделяет императивные нормы от других норм»²⁸⁵.

В 2014 году Комиссия международного права ООН включила тематику норм *jus cogens* в свою долгосрочную программу работы. Директор Д. Глади был назначен Специальным докладчиком по данной теме, и подготовил несколько подробных докладов по данному вопросу. В 2019 году Комиссия международного права приняла Проекты выводов в отношении идентификации и правовых последствий императивных норм общего международного права (*jus cogens*) в первом чтении, и начала собирать комментарии и замечания от государств.

Часть выводов Комиссии относительно императивных норм вызвали у государств положительную реакцию, однако важно понимать, что, в целом, не было сказано ничего нового по данному вопросу. Во-первых, Комиссия подтвердила, что термины «*jus cogens*», «императивные нормы» и

²⁸² Jorgensen N.H.V. *The Responsibility of States for International Crimes*. Oxford, 2000. (reprinted 2005). P. 88.

²⁸³ Крылов Н.Б. *Международная безопасность, вооруженная сила и массовые нарушения прав человека*//Труды Института государства и права Российской академии наук. № 1. 2013. С. 235.

²⁸⁴ Комментарий правительства Колумбии к Проектам выводов в отношении идентификации и правовых последствий императивных норм общего международного права (*jus cogens*). Комиссия международного права ООН. 2022. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n22/230/57/pdf/n2223057.pdf>

²⁸⁵ Комментарий правительства Израиля к Проектам выводов в отношении идентификации и правовых последствий императивных норм общего международного права (*jus cogens*). Комиссия международного права ООН. 2022. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n22/230/57/pdf/n2223057.pdf>

«императивные нормы общего международного права» являются взаимозаменяемыми, но термин «императивные нормы общего международного права (*jus cogens*)» более ясен, поскольку используется в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года. Во-вторых, Комиссия пришла к выводу о том, что источником возникновения норм *jus cogens* служит как обычное, так и договорное право. В-третьих, Комиссия подтвердила двухэтапный подход к идентификации нормы *jus cogens*: 1). это норма общего международного права; и 2). она принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой не допускается и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей тот же характер.

Но другая часть выводов Комиссии не встретила одобрения государств. Во-первых, вызвало неприятие заключение Комиссии относительно того, что императивные нормы «отражают и защищают основополагающие ценности международного сообщества». Как сказано в комментарии, полученном от Российской Федерации, «напрашивается вывод, что государства не сочли ссылки на нравственный закон значимой правовой характеристикой императивных норм общего международного права». Во-вторых, некоторые правительства негативно отнеслись к тому, что КМП ООН рассматривала нормы *jus cogens* лишь применительно к государствам. Так, правительство Италии заявило, что международные организации также вполне могут быть субъектны относительно *jus cogens*, а правительство Нидерландов отметило, что «представляется уместным вопрос о том, применимы ли императивные нормы также к физическим лицам и/или к действующим на международном уровне предприятиям»²⁸⁶. В-третьих, наибольшее возмущение государств, судя по представленным комментариям, вызвала попытка Комиссии составить перечень норм *jus cogens*. КМП ООН особо отметила, что список не является

²⁸⁶ Императивные нормы общего международного права (*jus cogens*) Замечания и соображения, полученные от правительств. Комиссия международного права ООН. 2022. <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n22/230/57/pdf/n2223057.pdf>

исчерпывающим, нормы представлены в произвольном порядке и не означают никакой иерархии.

Итак, по мнению Комиссии международного права ООН, характер норм *jus cogens* имеют следующие запреты и права:

- (a) Запрет агрессии;
- (b) Запрет геноцида;
- (c) Запрет преступлений против человечности;
- (d) Основные правила международного гуманитарного права;
- (e) Запрет расовой дискриминации и апартеида;
- (f) Запрет рабства;
- (g) Запрет пыток
- (h) Право на самоопределение²⁸⁷.

Большинство правительств, предоставившие комментарии к Проектам выводов в отношении идентификации и правовых последствий императивных норм общего международного права (*jus cogens*), заявили, что не согласны с представленным перечнем, и считают, что он «способен вызвать существенные разногласия среди государств, а также размыть концепцию норм *jus cogens* и ее юридический авторитет»²⁸⁸, а само «составление Комиссией такого перечня может иметь далеко идущие последствия и нивелировать ценность остальной ее работы по данной теме»²⁸⁹.

При этом некоторые государства, например, Швейцария, заявили о собственном видении и классификации норм *jus cogens*. В частности, Швейцария также считает частью *jus cogens* следующие принципы: принцип

²⁸⁷ Императивные нормы общего международного права (*jus cogens*) Замечания и соображения, полученные от правительств. Комиссия международного права ООН. 2022. <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n22/230/57/pdf/n2223057.pdf>

²⁸⁸ Там же.

²⁸⁹ Там же.

суверенного равенства государств; запрещение коллективных наказаний; принцип личной и индивидуальной уголовной ответственности; запрещение применения силы; принцип невыдворения; защита от произвольного причинения смерти; защита от произвольного задержания; принцип *nulla poena sine lege*. Можно с уверенностью констатировать, что далеко не все государства разделяют видение швейцарской стороны.

Таким образом, несмотря на то, что Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния оперировал термином «серьезные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права» еще в 2001 году, комментарии правительств к Проектам выводов в отношении идентификации и правовых последствий императивных норм общего международного права (*jus cogens*), полученные в 2022 году, демонстрируют, что никакого консенсуса за двадцать лет по императивным нормам так и не произошло, и поляризация мнений все еще довольно серьезна.

Важнейшим вопросом в данном контексте является вопрос о юридической силе и иерархии императивных международного права. Египетский специалист Г. Аби-Саабом полагал, что разумно разделять нормы *jus cogens* на два типа – «системные нормы», которые обеспечивают поддержание общего функционирования системы международного права, а также «основные нормы», нарушение которых должно предполагать более строгий формат международной ответственности.²⁹⁰ Тем не менее, как отмечал Дж. Кроуфорд в одном из своих докладов, посвященных международной ответственности, в настоящее время есть лишь весьма общее понимание того, что в международном праве присутствует особая категория норм, нарушение которых приводит к принципиально более серьезным последствиям, чем нарушение остальных.²⁹¹

²⁹⁰ См. Abi-Saab G. The Uses of Article 19//European Journal of International Law. 1999. Vol 10, No.2. P. 349.

²⁹¹ Crawford J. First report on State Responsibility. International Law Commission. 1998. A/CCN.4/490/Add.2. Para 71.

Концепция обязательств erga omnes в международном праве

Концепция обязательств *erga omnes* является следующим международно-правовым шагом после признания особого статуса норм *jus cogens*. Согласно данной концепции, у каждого государства как у участника международного общения существуют определенные обязательства по отношению ко всему международному сообществу.

Еще в 1966 году судья МС ООН Ф. Джессоп отметил, что «государства могут иметь общий интерес, находящийся в рамках юрисдикции Международного суда – поддержание международного режима, направленного **на общее благо международного сообщества** [выделено мной - К.С.]»²⁹². Формальное закрепление термина связывают с делом Международного суда ООН «Барселона Тракшн» (Бельгия против Испании) 1970 г., в котором, по инициативе судьи М. Ляхса была зафиксирована идея о том, «обязательства государства по отношению к международному сообществу в целом являются обязательствами *erga omnes*»,²⁹³ проистекающими «из запрещения актов агрессии и геноцида, а также из принципов и норм, касающихся основных прав человека, включая защиту от рабства и расовой дискриминации»²⁹⁴.

Нельзя сказать, чтобы тематика обязательств *erga omnes* была широко представлена в доктрине, крупных работ по данному вопросу немного.²⁹⁵ Это связано, во-первых, с неопределенностью содержания самой категории, а также с тем, что некоторые исследователи полагают, что концепция является *obiter dictum*, то есть неофициальной позицией суда, не являясь при этом частью самого судебного решения.

²⁹² Case Concerning South Africa (Liberia/Ethiopia v. South Africa), Second Phase, International Court of Justice Reports. 1966. P. 373.

²⁹³ Case Concerning the Barcelona Traction, Light and Power Company, LTD (Belgium v. Spain). International Court of Justice Reports. 1970. P. 32.

²⁹⁴ Ibid.

²⁹⁵ См., например, Ragazzi M. The Concept of International Obligations Erga Omnes. Oxford: Clarendon Press. 1997. (reprinted in 2002); Tams C. Enforcing Obligations Erga Omnes in International Law. Cambridge. 2005.

В 1974 году Международный суд ООН упоминал концепцию обязательств *erga omnes* в контексте защиты международного сообщества от ядерной угрозы,²⁹⁶ затем в 1986 году в деле «Никарагуа против США»,²⁹⁷ в 1995 году в решении по делу о Восточном Тиморе,²⁹⁸ в 1996 году в контексте запрещения преступления геноцида,²⁹⁹ а также в 2006 году в контексте запрещения геноцида.³⁰⁰ На основании указанных решений МС ООН, можно выделить следующие обязательства *erga omnes*:

- обязательство не совершать актов агрессии (*Case Concerning the Barcelona Traction, Light and Power Company, LTD (Belgium v. Spain)*. 1970);

- обязательство не проводить политику геноцида (*Case Concerning the Barcelona Traction, Light and Power Company, LTD (Belgium v. Spain)*. 1970; *Case Concerning Armed Activities on the territory of Congo (Congo vs. Rwanda)*, 2006.);

- обязательство защищать граждан от рабства и расовой дискриминации; (*Case Concerning the Barcelona Traction, Light and Power Company, LTD (Belgium v. Spain)*, 1970);

- обязательство уведомлять международное сообщество о прокладке мин одним государством в гавани и внутренние воды другого государства (*Case Concerning Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*. 1986.

- обязательство не препятствовать праву народов на самоопределение (*Case Concerning East Timor (Portugal vs. Australia)*.1995;

²⁹⁶ The Nuclear Tests Case (New Zealand v. France). International Court of Justice Reports.1974.

²⁹⁷ Case Concerning Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America). International Court of Justice Reports. 1986.

²⁹⁸ Case Concerning East Timor (Portugal vs. Australia). International Court of Justice Reports. 1995, P. 102.

²⁹⁹ Case Concerning Application of the Convention on the Protection and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Yugoslavia). International Court of Justice Reports. 1996.

³⁰⁰Case Concerning Armed Activities on the territory of Congo (Congo vs. Rwanda). International Court of Justice Reports 2006. P. 6.

- обязательство защищать международное сообщество от ядерной угрозы (*The Nuclear Tests Case (New Zealand v. France)*, 1974).³⁰¹

Перечень не является исчерпывающим, и может дополняться по мере необходимости. Исследователь Маурицио Рагацци в монографии «Концепция международных обязательств *erga omnes*» полагает, что данные обязательства должны характеризоваться универсальностью и солидарным подходом со стороны всех государств, поскольку все государства должны быть заинтересованы в их сохранении и защите.³⁰² Тем не менее, вопрос о полном перечне таких международно-правовых обязательств по-прежнему остается открытым. Например, правительство Польши в 2022 году в комментарии к Проектам выводов в отношении идентификации и правовых последствий императивных норм общего международного права (*jus cogens*) 2019 года, указывает, что, по его мнению, все нормы *jus cogens* порождают обязательства, относящиеся по своему характеру к обязательствам *erga omnes*, но в обратном направлении это не работает: «Нормы, признанные имеющими силу *erga omnes*, устанавливают, несомненно, важные обязательства, но эта важность не означает, что они обладают еще и статусом *jus cogens*»³⁰³.

Концепция actio popularis в современном международном праве

Концепция обязательств *erga omnes* несколько схожа по своему концептуальному содержанию с концепцией *actio popularis*, которая также оперирует категориями «коллективных» или «общих» интересов.³⁰⁴ Согласно римскому праву, всякий гражданин мог обратиться в суд за защитой общественных интересов, даже если нарушение этих интересов напрямую его не затрагивало. Проводя параллель с концепцией *erga omnes*, это означает, что

³⁰¹ См. Приложение №5

1. ³⁰² Ragazzi M. *The Concept of International Obligations Erga Omnes*. Oxford: Clarendon Press. 1997 (reprinted in 2002). P.17.

³⁰³ Императивные нормы общего международного права (*jus cogens*) Замечания и соображения, полученные от правительств. Комиссия международного права ООН. 2022. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n22/230/57/pdf/n2223057.pdf> (дата обращения 25.12. 2024)

³⁰⁴ См., например, Voeffray F. *L'actio popularis ou la défense de l'intérêt collectif devant les juridictions internationales*. 2004.

каждое современное государство может выступать в качестве истца, даже если его интересы напрямую не задеты правонарушением, что «представляет собой особый случай множественности истцов».³⁰⁵ Таким образом, в рамках концепции *actio popularis* нарушитель обязательств *erga omnes* потенциально ответственен перед всем международным сообществом.

В 1966 году Международный суд ООН пришел к выводу о том, что к международному праву концепция *actio popularis* не применима,³⁰⁶ однако, поскольку концепция *erga omnes* развивалась Судом несколько позже, это позволяет сделать вывод о том, что вопрос о применимости концепции *actio popularis* «к ситуации нарушения обязательств *erga omnes* по-прежнему остается открытым».³⁰⁷ Определенный оптимизм внушает статья 48 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 года, в которой сказано, что «любое государство, иное, чем потерпевшее государство, вправе призвать к ответственности другое государство, если нарушенное обязательство является нарушением в отношении всего международного сообщества в целом».

Долгое время вектор политико-правовых дискуссий развивался в сторону того, что ответственность государства возможна лишь относительно того государства, которое является потерпевшей стороной. Многие эксперты также считают «неприемлемым предложить даже в общих чертах, ...что определяющими характеристиками обязательств *erga omnes* является то, что их нарушение затрагивает все государства».³⁰⁸ В целом, можно констатировать, что концепция обязательств *erga omnes* долгое время была гораздо ближе к *lex ferenda*, нежели чем к *lex lata*.

³⁰⁵ Orakhelashvili A. Division of Reparation Between Responsible Entities// The Law of International Responsibility. J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson (eds). 2010. P. 656.

³⁰⁶ См. Case Concerning South Africa (Liberia/Ethiopia v. South Africa), Second Phase, International Court of Justice Reports. 1966. Para 88.

³⁰⁷ Vauris-Chaumette A.-L. Peoples and Minorities/The Law of International Responsibility. J. Crawford, A. Pellet and S. Olleson (eds.) 2010. P. 1002.

³⁰⁸ Ragazzi M. The Concept of International Obligations Erga Omnes. 1997. (reprinted in 2002) P. 202.

Однако в конце 2023 года ситуация изменилась, поскольку в декабре в Международном суде ООН был возбужден иск ЮАР к Израилю о геноциде палестинцев и нарушении Израилем положений Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него. В иске также было указание на «семидесятипятилетний апартеид, пятидесятишестилетнюю оккупацию и шестнадцатилетнюю блокаду Сектора Газа» со стороны Израиля³⁰⁹. Иск был поддержан более чем тридцатью государствами, включая Бразилию, Турцию, Колумбию, Иран, Ирак, Марокко, Пакистан, Саудовскую Аравию. Помимо государств, иск поддержали международные межправительственные организации Лига арабских государств и Организация исламского сотрудничества, а также более тысячи неправительственных организаций, в том числе, *Human Rights Watch*, *Amnesty International* и Международный женский союз за мир и свободу, поддержали иск в форме коллективного письма. Данный случай является свидетельством того, что с требованием о реализации международной ответственности может обращаться не только потерпевшее государство, что внушает оптимизм относительно будущего концепции обязательств *erga omnes*.

Соотношение норм jus cogens и обязательств erga omnes

Достаточно давно начались доктринальные дискуссии относительно того, не дублируют ли концепции «норм *jus cogens*» и «обязательств *erga omnes*» друг друга – уж слишком схожими категориями они оперировали. Можно констатировать, что концепции близки по духу, поскольку проистекают из базовых положений Устава ООН, и призваны противодействовать наиболее грубым нарушениям международного права³¹⁰. Например, право народов на самоопределение является императивным принципом международного права, а его защита является обязательством *erga*

³⁰⁹ Правовые последствия, вытекающие из политики и практики Израиля на оккупированной палестинской территории, включая Восточный Иерусалим. Международный суд ООН, 2023.

³¹⁰ Сазонова К.Л. К вопросу о соотношении норм *jus cogens*, обязательств *erga omnes* и международных преступлений государства//Право и политика. 2013. №9. С. 1179.

omnes. Таким образом, и нарушение нормы *jus cogens*, и нарушение обязательства *erga omnes* является максимально серьезной формой нарушения международно-правовых обязательств, и, очевидно, должно подразумевать наиболее серьезный формат международной ответственности.

В период обсуждения Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, в Комиссии международного права ООН велись споры относительно того, какая формулировка оснований международной ответственности является более предпочтительной - «нарушение обязательств *erga omnes*» или же «нарушение императивных норм международного права». Б. Зимма отмечал, что концепция *jus cogens* предпочтительней, поскольку «за полвека своего существования эта латинская фраза перестала наводить ужас на молодое поколение юристов-международников»³¹¹. Безусловно, это шутка, однако данные нормы, действительно, глубже проработаны в доктрине, по сравнению с обязательствами *erga omnes*.

В любом случае, и нормы *jus cogens*, и обязательства *erga omnes*, выступающие в качестве оснований международной ответственности, предполагают переход на качественно иной уровень международного взаимодействия. Данные явления тесно связаны с понятием «международного сообщества в целом», которое в последние годы все активнее используется в международно-правовой доктрине.

Международно-правовое содержание категории «международное сообщество» и проблема формирования наднационального уровня правосудия

Испанский ученый-богослов Ф. Суарес еще в XVI вв. писал, что «каждое из государств является в некотором смысле членом универсального сообщества»³¹². В 1795 году французскому Конвенту была представлена

³¹¹ Simma B. Universality of International Law from the Perspective of a Practitioner//The European Journal of International Law. Vol. 20 No. 2. 2009. P.274.

³¹² Suarez F. Tractatus de legibus ac deo legislatore: in decem libros distributes. 1872. Ch. 19, 9.

декларация, предложенная аббатом Грегуаром, которую можно с полным правом назвать документом, опередившим свое время, хотя она и не была принята. Декларация утверждала, что все государства должны быть связаны единой моралью, вне зависимости от своего размера и политического веса, что не воплотилось в жизнь даже два века спустя.

Важное значения для формирования современного понимания категории «международное сообщество» сыграла категория «общественного сознания», зафиксированная в «оговорке Мартенса» к Преамбуле Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1899 года.³¹³ Во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. прозвучал термин «совесть человечества» (*the conscience of mankind*), который впоследствии был исключен из активного международно-правового лексикона как «излишне высокопарный»,³¹⁴ хотя периодически используется в трудах отдельных специалистов. Например, один из основателей науки международного уголовного права, египетский профессор М. Ш. Бассиуни полагал, что преступления агрессии и геноцида «потрясают совесть человечества»³¹⁵.

Американский политический деятель начала XX века Э. Рут был активным сторонником идеи формирования наднационального уровня, так как считал, что именно он «поможет утвердить право народов на длительной основе»³¹⁶. Ф. Джессоп в 1948 году писал, что единственным способом сохранения международного мира является создание мирового правительства с наднациональной компетенцией,³¹⁷ однако в начале XXI в. можно констатировать, что поведение государств на международной арене по-

³¹³ Оговорка Мартенса отсылает к началам международного права, которые «вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания».

³¹⁴ Jorgensen N.H.B. *The Responsibility of States for International Crimes*. Oxford, 2000. (reprinted 2005) P. 121.

³¹⁵ Cherif Bassiouni M. *International Crimes, Jus Cogens and Obligation Erga Omnes*. Law and Contemporary Problems. Vol. 59.No. 4. 1996. P.69.

³¹⁶ Root E. *The Sanction of International Law*// *Proceedings of American Society of International Law*.Vol.2. No. 14. 1908. P.5.

³¹⁷ Jessup P.C. *A Modern Law of Nations*. New York, Macmillan Company, 1948. P. 3.

прежнему гораздо чаще определяется национальными интересами, а не общими интересами международного сообщества.

Согласно статье 103 Устава ООН 1945 года, обязательства государств-членов по Уставу имеют преимущественную юридическую силу. Правительство Словакии в своих комментариях к Проекту статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, указывало, что «понятие «международного сообщества в целом» создает определенную неясность и путаницу. Непонятно, насколько широкий круг субъектов (за исключением государств) оно охватывает. Непонятно, включает ли оно международные организации, частные предприятия и отдельных лиц. Словакия полагает, что этот вопрос требует уточнений».³¹⁸

Конкретное содержание категории «международное сообщество» является предметом споров, и можно ли избежать опасности выдавать за интересы международного сообщества интересы отдельных стран. Один из главных векторов сводится к тому, что выразителем позиции международного сообщества можно считать Организацию Объединенных Наций. Профессор А.А. Моисеев утверждает, что «именно ООН представляет международное сообщество, в рамках которого именно СБ ООН уполномочен устанавливать факты преступлений и выносить решения о возможном применении силы»³¹⁹. Так или иначе, сегодня «международное право рождается при согласии в большей или меньшей степени всех государств»³²⁰.

В период рассмотрения правительствами текста Проектов выводов в отношении идентификации и правовых последствий императивных норм общего международного права (*jus cogens*), много комментариев вызвала формулировка Комиссии международного права о том, что нормами *jus cogens* становятся правила поведения, разделяемые «международным сообществом в

³¹⁸ UN Doc. A/CN.4/515. 19 марта 2001 С.52.

³¹⁹ Моисеев А.А. Карт-бланш. Решениям Совета Безопасности ООН нет альтернативы//Независимая газета. 5 сентября 2013. URL:http://www.ng.ru/world/2013-09-05/3_kartblansh.html (дата обращения 05.09.2024)

³²⁰ Там же.

целом». Так, Австралия заявила, что данная формулировка «не имеет базы в международном праве, рискует размыть стандарт международно-правового принятия и признания, грозит путаницей между этим стандартом и формированием обычного международного права и побуждает превратить идентификацию норм *jus cogens* в механическое упражнение»³²¹. Российская Федерация также отметила, что не готова, исходя из представленного в Комиссией понимания понятия «международного сообщества государств в целом», «согласиться с возможностью возникновения таким образом в результате формирования воли или позиции какой-либо группы государств международно-правовых обязательств для государств, не входящих в нее»³²².

Как отмечал профессор С.В. Черниченко, «поскольку нет целостного человеческого общества на земном шаре, на международной арене взаимодействуют правосознания различных обществ, вступающих в контакт друг с другом»³²³. Тем не менее, речь не идет об особой правосубъектности «международного сообщества», и большинство представителей доктрины международного права солидарны во мнении, что «международное сообщество не существует как субъект международного права»³²⁴.

Безусловно, категория «международное сообщество» рождает почву для спекуляций и злоупотреблений, в рамках которой широко используется классический прием выдачи мнения узкой группы за мнение большинства. По сути, все наиболее неоднозначно оцениваемые концепции, связанные с возможностью «международного сообщества» вмешиваться во внутренние дела государств – от концепции «гуманитарной интервенции» до концепции

³²¹ Императивные нормы общего международного права (*jus cogens*) Замечания и соображения, полученные от правительств. Комиссия международного права ООН. 2022. <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n22/230/57/pdf/n2223057.pdf>

³²² Там же.

³²³ Черниченко С.В. Контуры международного права. Общие вопросы. М., Научная книга. 2014. С.17.

³²⁴ Vaurs-Chaumette A.-L. The International Community as a Whole/The Law of International Responsibility. J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson (eds.), Oxford University Press, 2010.P. 1024.

«ответственности за защиту» - так или иначе оперируют категорией «международное сообщество в целом» и категориями «общих ценностей».

В Главе 6 настоящей диссертации подробно рассмотрена категория «международной универсальной юрисдикции», которая напрямую связана с категорией «международное сообщество», поскольку «при осуществлении универсальной юрисдикции государство выступает в роли «агента мирового сообщества»³²⁵. Представители отечественной доктрины международного права также говорят о так называемом «публичном (общем) интересе»,³²⁶ что близко по смыслу понятию «общее дело всех государств», которое упоминал Международный Суд ООН, характеризуя обязательства *erga omnes*.

2.2. Критика ключевых концепций неправомерного применения силы как средства защиты прав человека.

В начале 1990-х годов, когда количество внутренних конфликтов стало существенно превышать число межгосударственных войн, западным странам, в особенности США, потребовалось найти концепцию, которая бы с правовой точки зрения оправдывала внешнее вмешательство во внутренние дела суверенных государств, расширив перечень правомерных оснований для применения силы. Основной идеей стало провозглашение принципа прав человека в качестве наиболее значимого принципа международного права, превалирующего над другими принципами, а также допускающим нарушение других императивных принципов. Самыми известными из подобных концепций являются концепция «гуманитарной интервенции», концепция «ответственности за защиту», а также концепция «справедливой войны». Наиболее важным общим моментом всех трех концепций является то, что они допускают возможность вмешательства во внутренние дела суверенных

³²⁵ Королёв Г. А. Проблемы применения универсальной юрисдикции *in absentia*//Журнал российского права. № 10. 2009. С.104.

³²⁶ Каламкьян Р. А. Господство права в международных отношениях. М., Наука, 2004. С. 260.

государств в случае, если там происходят массовые нарушения прав человека. При этом, ситуация действительно сложная: с одной стороны, суверенные государства вправе самостоятельно устанавливать свой внутривнутриполитический режим, но, в то же время, существует значительный массив международных договоров, призванных защитить права человека,³²⁷ что остро ставит вопрос о том, как международное сообщество и отдельные государства должны реагировать на нарушение государствами обязательств, содержащихся в нормах этих документов.

Как справедливо отмечал профессор С.В. Черниченко, для защиты прав человека «важны не отвлеченные теоретические рассуждения, а принятие и осуществление на практике международно-правовых и внутригосударственных норм о правах человека».³²⁸ К сожалению, на практике абсолютизация принципа уважения прав человека может привести вовсе не к защите данных прав, а к их ущемлению. Можно констатировать, что именно права человека являются удобным предлогом для оправдания внешнего вмешательства, поскольку фактически «отсутствует консенсус относительно того, что представляют собой «основные права человека»³²⁹. А любой термин, который вызывает разночтения в трактовках, легко становится объектом политических спекуляций.

Концепция «гуманитарной интервенции»

Данная концепция не является радикально новым направлением научной мысли. Так, еще Гуго Гроций и Эмер де Ваттель в своих указывали на то, что народы должны бороться с тиранией соседних государств.³³⁰

³²⁷ Всеобщая декларация прав человека 1948 г.; Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г., Международный пакт об гражданских и политических правах 1966 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Конвенция о пресечении преступления апартеида и наказания за него 1973 г., Конвенция о правах ребенка 1989 г. и пр.

³²⁸ Черниченко С.В. Нескончаемая дискуссия о международной правосубъектности индивидов//Евразийский юридический журнал. №1 (92). 2016. С.90.

³²⁹ Ответственность государств. Комментарии и замечания, полученные от правительств. Комиссия международного права ООН, 2001. С. 92.

³³⁰ Гроций Г. О праве войны и мира, Кн. II, гл. XXIV, VIII, 2. С. 562.

Франция в 1860 году ссылалась на «гуманитарные основания» при отправке собственных войск в Ливан для спасения маронитов от уничтожения друзами. «Гуманитарные основания» для защиты «угнетенных народов» в разное время использовались всеми империями XIX века.

Румынский юрист-международник Веспасиан Пелла, развивая в 1925 году идеи интернациональной юстиции, дошел до оправдания вмешательства во внутренние дела другого государства, призывая «снять государство с пьедестала».³³¹ По мнению Пеллы, «в некоторых исключительных случаях, государства могут использовать свои территориальные права таким образом, что они окажутся в противоречии с гуманностью и обычаями, единодушно признанными цивилизованным миром. Интернациональная репрессия в этих случаях, конечно, должна осуществляться как путь восстановления морального порядка, который должен царить во всем человечестве»³³².

Понятие «гуманитарной интервенции» в современной интерпретации было введено в 1987 году одним из основателей организации «Врачи без границ» Б. Кушнером³³³. В 1993 году Р. Фолк развил определение «интервенции» как акции, отвечающей следующим обязательным условиям: «упор на использование военной силы; цель – определенное изменение политического устройства и основных принципов проводимой политики в государстве, являющемся ее объектом; осуществление без согласия этого государства»³³⁴.

Среди представителей западной доктрины международного права встречаются как сторонники,³³⁵ так и противники «гуманитарной

³³¹ Pella V. *La Criminalité Collective des États et le Droit Penal de L'Avenir*. Bucharest: Imprimerie de l'Etat, 1925. P. 145.

³³² Там же.

³³³ Kouchner B., Mario Bettati. *Le devoir d'ingérence*. Denoël, Paris. 1987.

³³⁴ Falk R. *Hard Choices and Tragic Dilemmas*//*Nation*. Vol. 257, No.21. 1993. P.756.

³³⁵ Lillich R.B. *Intervention to Protect Human Rights*//*McGill Law Journal*. Vol.15. 1969; McDougal M., Reisman M.W. *Rhodesia and the United Nations: The Lawfulness of International Concern*//*American Journal of International Law*. Vol.69. 1968.

интервенции».³³⁶ Некоторые западные исследователи полагают, что реальная возможность объявления вооруженной гуманитарной интервенции законной потребует «радикальных изменений в международно-правовой системе изменения, которые как необоснованны, так и несостоятельны»³³⁷.

В среде российских юристов-международников также можно встретить различное отношение к концепции «гуманитарной интервенции», однако подавляющее большинство ученых указывает на ее существенную опасность. Как отмечал профессор О.Н. Хлестов, «применение вооруженной силы для наведения порядка, защиты прав человека в стране против воли правительства нарушает международное право, называя его гуманитарной интервенцией или иначе».³³⁸

В течение 2000-х годов по теме «гуманитарной интервенции» представителями отечественной доктрины было выпущено весьма значительное количество монографий и статей, в которых анализировались различные аспекты данного явления.³³⁹ Как следствие, огромное количество

³³⁶ Brownlie Y. Humanitarian Intervention/ Law and Civil War in the Modern World. Moore (ed). 1974; Franck T.M., Rodley N. After Bangladesh: The Law of Humanitarian Intervention by Military Force//American Journal of International Law. Vol.62. 1973.

³³⁷ Chesterman S. Just War or Just Peace? Humanitarian Intervention and International Law. Oxford University Press, 2001. P. 32.

³³⁸ Хлестов О.Н. Материалы круглого стола «Проблемы гуманитарной интервенции и защиты граждан за рубежом». 26 марта 2009 г. URL:<http://viperson.ru/wind.php?ID=628733&soch=1> (дата обращения 05.09.2024)

³³⁹ Сливкин И.В. К вопросу о правомерности осуществления гуманитарной интервенции: Вопросы международного права, международного частного права и сравнительного правоведения // Ученые записки: Вопросы международного права, международного частного права и сравнительного правоведения. Сборник научных трудов Института государства и права. Тюмень. 2003; Криволапов П.С. Доктрина гуманитарной интервенции: международно-правовые вопросы. Понятие гуманитарной интервенции // Юридические науки. № 4. 2005; Кубышкин А.И., Орешкин Р.В. Международно-правовой статус «гуманитарной интервенции» в современных международных отношениях // Объединенный научный журнал. № 1 (129) 2005; Шайымбетова Ж.К. Концепция гуманитарной интервенции и действующее международное право // Московский журнал международного права. М, 2009. № 3; Халафян Р. Теория "гуманитарной интервенции" в современном международном праве // Дни науки - 2008. Материалы научно-практической конференции Факультета государственного и международного права. Иркутск. 2008; Кванталиани И.Э. Некоторые аспекты гуманитарной интервенции // Актуальные проблемы реформирования современного законодательства Российской Федерации: Сборник тезисов докладов (по материалам Всероссийской ежегодной научной студенческой конференции, Саратов, 16 апреля 2010 г.). Саратов. 2010.

публикации дает чрезвычайно широкий разброс мнений и позиций, в котором непросто разобраться.

Важным аспектом проблемы является вопрос об эффективности «гуманитарной интервенции» в плане достижения с ее помощью декларируемой цели, то есть защиты прав человека. Например, профессор В.А. Карташкин положительно оценивает примеры гуманитарной интервенции, осуществленной одним, как правило, соседним государством, а именно вторжение Индии в Пакистан 1971 году, вторжение Вьетнама в Камбоджу в 1978 году, вторжение Танзании в Уганду в 1979 году³⁴⁰.

Тем не менее, военные операции, проведенные блоком НАТО на территории бывшей Югославии, а также на территории Ирака и Афганистана, серьезно подорвали позиции концепции «гуманитарной интервенции» во всем мире и, фактически, полностью ее дискредитировали. В результате, в 2010-е годы начались поиски новых теоретических обоснований для вмешательства во внутренние дела государств.

Концепция «ответственности за защиту»

В 2000 году Генеральный Секретарь ООН Кофи Аннан задавался вопросом, как международное сообщество должно «реагировать на грубые и систематические нарушения прав человека, которые противоречат всем заповедям человеческого бытия»,³⁴¹ подразумевая события в бывшей Югославии и в Руанде. При этом он отмечал, что, «если гуманитарная интервенция действительно является неприемлемым ударом по суверенитету»,³⁴² то встает вопрос о разработке такой концептуальной формы, которая смогла бы «примирить» незыблемость суверенитета и вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию государства. Именно такой концепцией стала концепция «ответственности за защиту»/ *responsibility to protect/RtoP*. В 2001 году Комиссия ООН по вопросам

³⁴⁰ См. Карташкин В. А. Соотношение принципов уважения прав человека и государственного суверенитета // Юрист-международник. № 1. 2006.

³⁴¹ Аннан К. Доклад «Тысячелетие». 2000 г. UN Doc A/54/2000

³⁴² Там же.

вмешательства и суверенитета издала доклад, согласно которому, если государства не справляются со своей непосредственной обязанностью защиты собственного населения от преступлений против человечности, международное сообщество обязано оказать помощь такому государству.³⁴³

Одним из непосредственных авторов концепции стал бывший министр иностранных дел Австралии и председатель Комиссии ООН по вопросам вмешательства и суверенитета Г. Эванс, который вместе со своим соавтором М. Сахнуном в 2002 году опубликовал доклад «Ответственность за защиту», в котором заложил теоретические основы концепции, которая была весьма положительно воспринята представителями западного международно-правового сообщества. За последние десять лет в Европе и США вышло не менее восьми крупных монографий, посвященных проблеме «встраивания» концепции *RtoP* в систему современного международного права.³⁴⁴ Восьмой Генеральный Секретарь ООН Пан Ги Муна даже называл «ответственность за защиту» «новой нормой международной безопасности и прав человека»,³⁴⁵ а также ввел должность Специального советника Генерального Секретаря по концепции «ответственности за защиту».

Наряду с ООН, Африканский Союз (АС) также заявил об использовании концепции «ответственности за защиту». В январе 2005 году группа в составе пятнадцати представителей государств-членов АС собрались в г. Эзульвини (Свазиленд) для выработки общей позиции Африканского Союза по вопросу реформирования ООН. Итоговый документ, получивший название «консенсус

³⁴³ The Responsibility to Protect. Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty (ICISS), September 2000. URL: <http://www.crisisgroup.org/en/publication-type/commentary/evans-sahnoun-the-responsibility-to-protect.aspx>

³⁴⁴ Orford A. *International Authority and the Responsibility to Protect*. Cambridge University Press. 2011.; Bellamy A. J. *Responsibility to Protect or Trojan Horse? The Crisis in Darfur and Humanitarian Intervention After Iraq*//*Ethics&International Affairs*. Vol.19 No. 2. September 2005; Bellamy A. J. *Global Politics and the Responsibility to Protect: From Words to Deeds*. Routledge.2011; Thakur R. *The United Nations, Peace and Security: From Collective Security to the Responsibility to Protect*. 2006; Evans G. *The Responsibility to Protect: Ending Mass Atrocity Crimes Once and For All*/. Publisher: Brookings Institution Press, 2008. и др.

³⁴⁵ Цит. по Ceren O. *Responsibility To Protect. Not Remotely New*. *Commentary Magazine*. 20 March 2011.

Эзульвини», был впоследствии одобрен на заседании Исполнительного совета АС, состоявшемся в Аддис-Абебе. Согласно данному документу, использование вооруженных сил допускается лишь в двух случаях: в порядке самообороны, а также в рамках реализации принципа «обязанности защищать»³⁴⁶.

Исследователи, критикующие концепцию «ответственность за защиту», выдвигают следующие аргументы против дальнейшего внедрения концепции:

* Весьма схожие положения с концепцией «гуманитарной интервенции», абсолютизирующие тематику прав человека;

* «Двойные стандарты» при использовании концепции «ответственность за защиту» позволяют выдавать внешнеполитические интересы отдельных государств за интересы всего международного сообщества;

* Концепция не обладает четким нормативно-правовым содержанием и весьма неопределенными критериями применимости;

* Крайне негативный опыт применения концепции «ответственности за защиту» в период проведения операции в Ливии в 2011 году существенно дискредитировал данную доктрину.

В 2011 году Бразилией была выдвинута инициатива «ответственности во время защиты/*responsibility while protecting*», которая углубляет и конкретизирует концепцию «ответственности за защиту». Важнейшим аспектом бразильского документа является утверждение о необходимости применения силы только с санкции Совета Безопасности ООН. При этом, заявления о том, что «ответственность за защиту» уже стала обычной нормой международного права,³⁴⁷ представляются весьма преждевременными.

³⁴⁶ The Common African Position on the Proposed Reform of the United Nations: "The Ezulwini Consensus". Executive Council, 7th Extraordinary Session, March 7-8. 2005. Addis Ababa, Ethiopia, Ext/EX.CL/2 (VII).

³⁴⁷ Судьи Международного суда ООН Б. Зимма и С. Швельбел упоминали о возможности трансформации концепции «ответственность за защиту» в международный обычай.

Концепция «справедливой войны» в международном праве и ее влияние на международное право

Рассмотренная выше концепция «ответственности за защиту» тесно переплетается с еще одной весьма неоднозначной концепцией – концепцией «справедливой войны» (*just war concept*). Как отмечают исследователи, «последней попыткой легитимации концепции «справедливой войны» стал отчет Международной комиссии по вопросам вмешательства и суверенитета под названием «Ответственность за защиту».³⁴⁸

Концепция «справедливой войны» зародилась в Средние века, на нее ссылались Цицерон, Фома Аквинский, Блаженный Августин, Г. Гроций, Ф. де Виттория, Ф. Суарес и другие³⁴⁹. Суть концепции сводится к тому, что существует типология войн, делящая их на справедливые (ведущиеся ради благих целей и потому заслуживающие положительного отношения с точки зрения морали) и несправедливые (жестокие, захватнические и прочее). Австрийский юрист Х. Кельзен писал о «справедливой войне»: «Существует фундаментальный принцип общего международного права, что война разрешается только как реакция на правонарушение и что любая война, которая не имеет подобного характера, является нарушением международного права. Это – так называемый принцип *bellum justum* [лат. – справедливой войны – К.С.]»³⁵⁰. Как отмечал советский юрист А.Н. Трайнин в 1937 году, «не всегда и не всякая война находится в противоречии с обязательствами, вытекающими из статута Лиги Наций». Можно оказать более: статут Лиги наций предусматривает войны двух видов: войны противозаконные и войны, так сказать, законные»³⁵¹, которые Трайнин также обозначал как «легальные».

³⁴⁸ Gomes K.G. An Intellectual Genealogy of the Just War: A Survey of Christian Political Thought on the Justification of Warfare// *Small Wars Journal*, 2008. P.2.

³⁴⁹ Сазонова К.Л. Американская доктрина международного права: возрождение концепции «справедливой войны»//*Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. №1, 2016. С. 98-99.

³⁵⁰ Kelsen H. Collective and Individual Responsibility in International Law with Particular Regard to the Punishment of War Criminals// *California Law Review*. Vol.31. 1943. P. 531.

³⁵¹ Трайнин А. Н. Защита мира и уголовный закон. Под редакцией и с предисловием А.Я. Вышинского. Москва, Юридическое издательство НКЮ Союза ССР, 1937. С.13.

Важно отметить, что все эти рассуждения имели место до вступления в силу Устава ООН 1945 года, который закрепил обязательство государств не применять силу и угрозу силой.

В современном же международном праве ссылка на «справедливую войну» выглядит странно и архаично. Тем не менее, на нее довольно часто ссылаются американские исследователи, при этом открыто признавая, что возрождение концепции представляет собой попытку США найти «убедительные правовые и моральные аргументы, которые оправдали бы решения о применении вооруженной силы»,³⁵² а также придумать универсальный термин, который бы помог расширить положения Устава ООН и легитимизировать и «борьбу за демократию и права человека», и «гуманитарную интервенцию», и концепцию «ответственности за защиту», и концепцию «войны с международным терроризмом».

Отсылки к «справедливости» вообще представляются скорее уместными в рамках национального права, нежели международного. Также, как категория «международное сообщество в целом» не является международно-правовой категорией, так и представления о справедливости в рамках различных доктрин может существенно отличаться, в зависимости от исторического, философского, культурного контекста. При этом, некоторые американские исследователи, например, У. О'Брайан, утверждают, что подобный «междисциплинарный подход к национальной безопасности «дополняет» международное право»³⁵³, хотя совершенно очевидно, что такой подход лишь усложняет трактование и без этого весьма непростой тематики применения силы в международном праве. Более того, можно констатировать, что «при смещении акцентов, сопровождающемся привнесением философского понимания справедливости и концепции «справедливой войны» в международное право, теряется смысл права как продукта согласования воль

³⁵² O'Brien W.V. Just War Doctrine's Complementary Role in the International Law of War// International Law Studies. No. 67. 1995. P. 182.

³⁵³ Ibid. P. 225.

государств,³⁵⁴ поскольку данный подход и данная концепция не согласованы государствами.

Весьма активным апологетом концепции «справедливой войны» является представитель американской доктрины международного права М. Уолцер, автор книги «Справедливые и несправедливые войны: моральный аргумент с историческими иллюстрациями», вышедшей в конце 1970-х годов и несущую явный отпечаток вьетнамской войны. Через десяток лет после выхода книги, концепция «справедливой войны» стала настолько популярной, что ее начали «преподавать в государственном университете обороны при Министерстве обороны США и в военной академии».³⁵⁵ В последующие тридцать лет, концепция использовалась для попыток квазиправового оправдания практически всех военно-силовых операций США за рубежом. Сначала ярлык «справедливой войны» был присвоен войне в Персидском заливе 1991 года, в которой США поддержали Кувейт, став, по заявлению американских юристов-международников, «единственной сверхдержавой, защитившей нормы международного права».³⁵⁶ Позже на концепцию «справедливой войны» представители американской доктрины международного права ссылались в период проведения военной операция США против Ирака в 1996 году,³⁵⁷ во время бомбежек НАТО Югославии,³⁵⁸ а в 2003 году, перед вторжением США в Ирак, Американский институт мира проводил специальные сессии на тему соответствия операции критериям

³⁵⁴ Сазонова К.Л. Американская доктрина международного права: возрождение концепции «справедливой войны»//Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. №1, 2016. С.102.

³⁵⁵ O'Brien W. Just War Doctrine's Complementary Role in the International Law of War// International Law Studies, No. 67, 1995. P. 182.

³⁵⁶ Mednicoff D. Humane wars? International law, Just War Theory and Contemporary Armed Humanitarian Intervention//Law, Culture and the Humanities. Vol. 2, University of Massachusetts, Amherst, 2006. P. 387.

³⁵⁷ См., например, DeForrest M.E. Just War Theory and the Recent U.S. Air Strikes Against Iraq// Across Borders Gonzaga International Law Journal, 1996. <http://www.learningace.com/doc/1067340/0a4caf2070cd32ae29cb5c95f0406522/deforrest>

³⁵⁸ См., например, Arend A.C., O'Brien W. Just War Doctrine and the International Law of War// Military Medical Ethics. Vol.1. The Borden Institute. 2003. P. 228; Robertson G. Crimes against Humanity: The Struggle for Global Justice. New York, The New Press. 2002. P.51.

«справедливой войны».³⁵⁹ Можно констатировать, что подобные попытки легитимизации собственных действий как для внутренней, так и для внешней аудитории, в целом, весьма характерны для американской международно-правовой доктрины.

С позиции тематики международной ответственности, важно подчеркнуть, что так называемая «справедливая война» в интерпретации американской доктрины вовсе не является основанием, исключающим ответственность. Напротив, это представляется собой нарушение действующего международного права, в частности, принципа неприменения силы и угрозы силой по статье 2 Устава ООН 1945 года. Отрадно, что данная концепция практически не нашла сторонников за пределами США, поскольку, фактически, представляет собой «возвращение к произволу государств, не ограниченных договорными рамками»³⁶⁰.

2.3. Международная ответственность за нарушения государственного суверенитета.

Можно выделить несколько факторов, которые в последнее столетие существенно повлияли если не на саму категорию «суверенитета», то, по крайней мере, на ее восприятие в политической, правовой и академической среде:

* Интенсивные процессы глобализации последней трети XX-начала XXI вв., сопровождавшиеся беспрецедентным усилением международной взаимозависимости в политической, экономической, финансовой сферах;

* Возникновение новых, преимущественно западных концепций, расширяющих основания правомерного применения вооруженной силы;

³⁵⁹ Would an Invasion of Iraq Be a “Just War”? United States Institute of Peace, Special Report 98, January 2003.

³⁶⁰ Сазонова К.Л. Американская доктрина международного права: возрождение концепции «справедливой войны»//Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. №1, 2016. С. 104.

* Активное развитие тематики прав человека во второй половине XX в., вплоть до абсолютизации принципа уважения прав человека по отношению к другим принципам международного права;

* Переход многих государств в течение XX в. от монархической к республиканской форме правления. Сегодня никто из глав современных государств не может заявить, подобно Людовику XIV, что «государство – это я», хотя именно эта формула триста лет назад и считалась формулой суверенитета;

* Резкое увеличение числа международных межправительственных организаций, которым государства делегируют ряд полномочий;

* Внешнеполитические амбиции отдельных государств привели к появлению политических концепций, обозначающих их «сферы влияния», что ставит принцип суверенного равенства под угрозу.

* Расхождения в содержании категории «вопросов, по существу входящих во внутреннюю компетенцию государства», закрепленной в п. 7 ст. 2 Устава ООН, относительно того, какие именно внутривнутриполитические ситуации можно квалифицировать как фактор нарушения международного мира и безопасности, и, соответственно, как основу для вмешательства.³⁶¹

* Активное внедрение концепции «несостоявшихся государств»/ *failed states* американской организацией *Fund for Peace*, обосновывающей «неполноценность» и недостаточную «суверенность» отдельных государств. В 2014 году термин был заменен на более мягкий «хрупкие государства»/ *fragile states*.³⁶² Попадание государства в списки «несостоявшихся» позволяет предположить, что данные государства могут

³⁶¹ Дело «Никарагуа против США», рассматривавшееся в Международном Суде ООН в 1986 г., стало показательным в определении содержания категории «внутренние дела государства». В решении суда было сказано, что вопросами, которые «каждое государство может решать свободно»³⁶¹, являются «выбор политической, экономической, социальной и культурной систем, а также определение внешней политики».

Military and Paramilitary Activities in and Against (Nicaragua v. United States of America), Merits, Judgment, ICJ Reports 1986. P. 108.

³⁶² Fragile States Index-2016. URL: <http://fsi.fundforpeace.org/rankings-2016>

становиться ареной внешнего вмешательства с целью «восстановления суверенитета».

В целом, оценки влияния суверенитета на межгосударственные отношения весьма неоднозначны.³⁶³ Некоторые исследователи считают, что именно суверенитет разделяет государства и создает почву для конфликтов. Например, когда короля Франции в XVI в. Франциска I спросили, какие противоречия заставляют его вести непрерывную войну с императором Священной Римской империи Карлом V, он ответил: «Совершенно никаких. Мы во всем согласны, просто мы оба хотим контролировать Италию»³⁶⁴. Известный юрист-международник Х. Кельзен называл суверенитет досадной помехой, которая лишь приводит к международным конфликтам. В своих работах «Проблема суверенитета», «Мир с помощью права», «Общая теория права и государства», он озвучивал идею о том, что отмена государственного суверенитета позволит обеспечить мир на земле, когда вместо конкуренции государств должно быть установлено «господство международного права»³⁶⁵.

Одним из способов обойти принцип государственного суверенитета стало внедрение уже упоминавшейся концепции «ответственности за защиту», согласно которой «суверенитет – это не привилегия, а ответственность»³⁶⁶. Некоторые авторы отмечают, что сама формулировка «ответственность за защиту» была введена «для демонстрации того, что международное сообщество несет ответственность, выходящую за рамки границ суверенных государств»³⁶⁷.

³⁶³ В качестве примеров диаметрально противоположных подходов можно привести следующие статьи: Кокошин А.А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М., 2006. С.47-57, а также Зорькин В.Д. Апология Вестфальской системы //Россия в глобальной политике, №3, 2004. http://www.globalaffairs.ru/number/n_3223 (дата обращения 05.09.2024)

³⁶⁴ Цит. по: Schuman F.Z. *International Politics*. 7-th ed., N.Y., 1953. P.238.

³⁶⁵ Kelsen H. *General Theory of Law and State*. Transaction Publishers, 1945. P.21.

³⁶⁶ Thakur R. *The United Nations, Peace and Security: From Collective Security to the Responsibility to Protect*. 2006. P. 34.

³⁶⁷ Ostensen A.G. *UN Use of Private Military and Security Companies Practices and Policies*. The Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces. 2011. P. 16.

Можно согласиться с мнением российского ученого Р.Х. Макуева в том, что развитие концепций, размывающих государственный суверенитет – это «риск однажды потерять и суверенитет, и само государство, или доиграться до трансформации его в некоего уродливого мутанта»³⁶⁸. Суверенитет государства, несмотря на все дискуссии вокруг его содержательного наполнения и признаков, сам по себе является единой и неделимой категорией. Представляется принципиально важным исключить попытки манипуляций с данным термином, так как именно суверенитет является ключевой категорией действующего международного права.

Проблема ответственности государств за «государственный терроризм»

Термин «государственный терроризм» является весьма дискуссионным, как и вопрос о его конкретном правовом содержании. Очевидно, что сама этимология термина бросает вызов классической концепции международного права, в которой государство является гарантом соблюдения международных норм и обязательств, и, в целом, основным позитивным действующим субъектом, в то время как термин «терроризм» имеет очевидно негативную коннотацию, и реализуется негосударственными субъектами. Тем не менее, у термина уже есть определенная история, связанная, в том числе, с формулировками Генеральной Ассамблеи ООН. 17 декабря 1984 года Генеральная Ассамблея ООН, в контексте ударов Израиля по соседним государствам, приняла резолюцию 39/159 «О недопустимости политики государственного терроризма и любых действий государств, направленных на подрыв общественно-политического строя в других суверенных государствах», где впервые был использован термин «государственный терроризм». В 1987 году данный термин был вновь использован в Женевской декларации о терроризме, которая продемонстрировала довольно обширный

³⁶⁸ Макуев Р.Х. Несостоятельность идеи «ограниченного» суверенитета // Государство и право. 2008. №9. URL: <http://r-makuev.narod.ru/suverenitet.html> (дата обращения 05.09.2024).

перечень действий государств из 11 пунктов, которые можно отнести к «государственному терроризму»³⁶⁹. Декларация, созданная при активном участии Ливии, написана очень эмоциональным языком, и относит к «государственному терроризму» весьма разные вещи, многие из которых, очевидно, являются нарушениями государствами собственных международно-правовых обязательств, но никак не «государственным терроризмом». Пункты Декларации представляют собой весьма пестрый калейдоскоп различных противоправных действий, совершаемых государствами, но вовсе необязательно относящимися к так называемому «государственному терроризму». Так, первая часть пунктов, указанные в Декларации, относятся к внутренней политике государства и к тематике прав человека и гражданина (пытки, массовые аресты, внесудебные казни, ущемление гражданских свобод и пр.). Вторая часть деяний, которые упоминаются в документе, скорее связаны с такой правовой категорией, как «угроза силой», но не с «государственным терроризмом» (транспортировка ядерного оружия, развертывание различных систем вооружений, проведение военных маневров на границе с другими государствами). Третья часть деяний составляет международное преступление агрессии (атаки вооруженными силами целей на территории другого государства. Лишь четвертая группа деяний из тех, которые указаны в Женевской декларации, представляются подходящими по смыслу словосочетания «государственный терроризм», то есть, противоправная деятельность под эгидой государства, осуществляемая тайно, и нарушающая суверенную неприкосновенность другого государства. Это такие действия, как финансовая, информационная и военная поддержка оппозиционных сил за рубежом, в том числе, организация государственных переворотов; заказные политические убийства граждан другого государства; тайные разведывательные операции и незаконная разведдеятельность, осуществляемая агентами государства на территории других государств.

³⁶⁹ The Geneva Declaration on Terrorism. UN General Assembly Doc. A/42/307, 29 May 1987, Annex

Важно подчеркнуть, что обе резолюции Генеральной Ассамблеи, упоминающие «государственный терроризм», носят рекомендательный характер. Термин «государственный терроризм» нередко используется в политической риторике без отсылок к правовой составляющей. «Государственный терроризм» может выступать в качестве основания международной ответственности государств, однако, поскольку данная деятельность проводится тайно, она крайне сложно доказуема. Кроме того, государства нередко делегируют негосударственным акторам те действия, которые типологически могут быть отнесены к «государственному терроризму».

Рассмотрим наиболее резонансные случаи, которые можно отнести к «государственному терроризму», и которые получили некоторое продолжение в контексте международной ответственности.

В декабре 1988 года в самолете американской авиакомпании *PanAm*, выполнявшем рейс из Лондона в Нью-Йорк, во время полета над шотландским городом Локерби, произошел террористический акт. В 1991 г. шотландская прокуратура выдвинула обвинение против главы службы безопасности авиакомпании «Ливийские арабские авиалинии», являвшегося сотрудником ливийских спецслужб, а также против менеджера этой авиакомпании в аэропорту Мальты. В 1992 г. Совет Безопасности ООН принял две резолюции – резолюцию 731, призывающую Ливию к сотрудничеству в расследовании дела, а также резолюцию 748 о введении санкций в отношении Ливии, в том числе, запрет на авиасообщение и военно-техническое сотрудничество. Через год санкции против Ливии были многократно усилены, все ее зарубежные финансовые активы были заморожены, после чего ливийское правительство, в обмен на снятие санкций, согласилось выдать для суда двух ливийских граждан. Суд проходил в 1999 году в Утрехте (Нидерланды), который был выбран американской и ливийской стороной в качестве нейтральной территории. Суд признал главу службы безопасности «Ливийских арабских авиалиний» виновным, и приговорил его к пожизненному заключению. В 2009

году он был освобожден по состоянию здоровья, вернулся в Ливию, где скончался в 2012 году.

Еще одной разновидностью «государственного терроризма» можно считать подрыв стратегических объектов другого государства. Наглядным примером в данном контексте является подрыв корабля Гринпис *Rainbow Warrior* агентами французской секретной службы *DGSE* 10 июля 1985 года. Команда судна выступала против французских ядерных испытаний в водах новозеландского атолла Муруоа. Данное дело является весьма показательным в плане тематики международной ответственности государств. Во-первых, Генеральный Секретарь ООН выступил посредником между Францией и Новой Зеландией. Во-вторых, в Женеве был собран международный трибунал, на котором было принято решение о необходимости возложения на Францию материальной ответственности в формате компенсации. Французские агенты-исполнители взрыва были приговорены новозеландским судом к десяти годам заключения. Однако в 1987 году, после избрания президентом Ж. Ширака, Франция ввела против Новой Зеландии экономические санкции, тем самым фактически вынудив Новую Зеландию, в обмен на перевод французских граждан во Францию, согласиться на компенсацию. Тем не менее, «дело *Rainbow Warrior*» можно оценивать скорее положительно с точки зрения привлечения государства-виновника к ответственности.

Подрыв стратегической инфраструктуры других государств также можно отнести к актам «государственного терроризма». Например, в 1983 году ЦРУ США проводили морские террористические атаки против Никарагуа, в рамках которых, в том числе, был осуществлен подрыв подводного трубопровода в порту Пуэрто-Сандино 14 октября 1983 года. К акту «государственного терроризма» также можно отнести подрыв в 2022 году российских газопроводов «Северный поток» и «Северный поток-2», расследование обстоятельств которого ведется до сих пор. Также, в данном контексте, возникает вопрос о том, является ли атака подводную

инфраструктуру автоматической активацией права государства на самооборону.

Одной из самых распространенных разновидностей «государственного терроризма» является деятельность государств, направленную на политическую и финансовую поддержку оппозиции в другом государстве. Широкий резонанс в данном контексте вызвала поддержка США повстанцев «контрас» в Никарагуа в 1982 году. Действовавшее правительство Никарагуа обратилось в Международный Суд ООН, который, в свою очередь, вынес решение о компенсации в размере 17 миллиардов долларов, которые, тем не менее, так и не были выплачены американской стороной. Формат организации «арабских весен» и «цветных революций» также является иллюстрацией данной разновидности государственного терроризма. Ирак, Иран, Афганистан, Югославия, Сирия, Йемен, Египет, Украина – далеко не полный список стран, в которых спецслужбы США сыграли определенную роль при смене режимов, революциях, организации военных переворотов путем манипуляции средствами массовой информации, финансирования оппозиции, целевых поставок оружия и прочего. В напряженной ситуации в Сирии, длящейся уже более десяти лет, также присутствует активная помощь «умеренной оппозиции» со стороны ряда западных стран, в особенности, Соединенных Штатов Америки.

«Государственным терроризмом» также можно назвать деятельность спецслужб того или иного государства, незаконно проводимую на территории другого государства. К подобной деятельности можно отнести, например, организацию незаконного прослушивания посольств, ведомств и политических деятелей другого государства. В 2013 году экс-сотрудник АНБ США Э. Сноуден, впоследствии получивший политическое убежище в России, сообщил о мониторинге британскими и американскими спецслужбами компьютеров и телефонов высокопоставленных чиновников иностранных государств, в том числе, первых лиц; незаконной установке подслушивающих устройств в иностранных посольствах, а также в штаб-квартирах

международных организаций, в частности, МАГАТЭ в Вене; проведении сотен киберопераций и взлома систем шифрования против серверов иностранных государств.

Организация заказных убийств граждан иностранных государств также можно отнести к проявлениям «государственного терроризма». В исторической ретроспективе, к подобным действиям можно отнести, например, неоднократные покушения на Ф. Кастро на Кубе и С. Альенде в Чили, свержение правительства Я. Арбенса в Гватемале и прочее. В XXI веке в качестве примера можно привести убийство в 2020 году иранского генерала Касема Сулеймани в результате налета американской авиации. Любопытно, что американская сторона не отрицала, что убийство произошло по личному распоряжению 45-го президента США Д. Трампа, который считал Сулеймани «террористом, угрожающим американским гражданам». В 2023 году Тегеранский суд объявил, что правительство США, а также несколько десятков американских граждан признаны виновными в убийстве генерала и должны выплатить 49,7 миллиардов долларов за это преступление.

Еще одной разновидностью «государственного терроризма» можно считать поддержку и спонсирование террористических организаций за рубежом. В данном случае, более точным представляется термин «терроризм, поддерживаемый государством», или же «терроризм, спонсируемый государством/*state-sponsored terrorism*». Например, можно констатировать, что отношение западных стран к террористическим организациям меняется в зависимости от того, на чьей стороне они выступают, что можно проследить на примере отношения США к террористической организации «Аль-Каида» за последние сорок лет.

Также нередко «государственным терроризмом» называют политику государства, проводимую открыто, однако не вписывающуюся в существующую парадигму правомерного применения силы. Данная деятельность близка по своей сути к агрессии. Такие израильские подразделения как «Иргун», «Штерн» и «Моссад» в разное время совершили

значительное число акций террористического характера, среди которых были и взрывы, и политические убийства. Например, с 2007 года регулярно происходят убийства ученых-физиков, имеющих отношение к ядерной программе Ирана.

Таким образом, «государственный терроризм» является крайне сложно устанавливаемым основанием международной ответственности государств: «государственный терроризм» крайне сложно использовать в качестве основания международной ответственности государств, как деятельность весьма труднодоказуемую, и не имеющую единой доктринальной интерпретации»³⁷⁰. Тем не менее, государства пытаются расследовать подобные случаи и устанавливать ответственность государства-нарушителя если не на уровне международного правосудия, то хотя бы на уровне национального права.

2.4. Право государств на индивидуальную и коллективную самооборону как правомерное исключение из оснований международной ответственности.

В международном праве существуют два правомерных исключения из общего принципа неприменения силы – это проведение миротворческих операций с санкции Совета Безопасности ООН, а также реализация права государств на индивидуальную и коллективную самооборону. Тем не менее, при осуществлении данных правомерных исключений государства могут превысить пределы необходимой самообороны, а также совершить силовые злоупотребления, что позволяет ставить вопрос об основаниях международной ответственности.

³⁷⁰ Сазонова К.Л. Политика «государственного терроризма»: вызов действующей системе универсальной коллективной безопасности и возможное основание международной ответственности государств/ Национальная безопасность. №1(36). 2015. С. 71.

Концепция «права на самопомощь»

Согласно доктрине «самопомощи», которая до середины XX в. была весьма популярна, государство, в том случае, если его интересы нарушены, может принимать любые, ничем не ограниченные ответные меры, для восстановления своих позиций. Доктрина «самопомощи» исходила из того, что, если государство само себе не поможет, никто ему не поможет. Представители советской школы международного права И.И. Лукашук, Д.Б. Левин, В.К. Собакин справедливо считали данную доктрину относящейся к «до-ооновской» эре международного права и утверждали, что доктрина «самопомощи» просто несовместима с современным международным правом³⁷¹.

Действительно, самопомощь связана с силовым принуждением, а легитимным правом на силовое принуждение сегодня обладает лишь Организация Объединенных Наций. Профессор Г.В. Шармазанашвили отмечал, что доктрина «самопомощи» логично вписывается в так называемую концепцию *jus ad bellum*³⁷², которая в настоящее время входит в противоречие со статьей 2 Устава ООН. Тем не менее, отказ от доктрины происходил постепенно. Именно на доктрину «самопомощи» Великобритания ссылалась в известном деле о проливе Корфу 1949 года,³⁷³ однако Международный суд ООН не признал данное основание. В 1956 году Великобритания вновь ссылалась на данную доктрину в период Суэцкого кризиса, и данный аргумент вновь был отклонен,³⁷⁴ что демонстрирует постепенное «отмирание» доктрины.

³⁷¹ См., например, Левин Д.Б. Международное право и сохранение мира. М., 1971. С. 178; Собакин В.К. Коллективная безопасность — гарантия мирного сосуществования. М., 1962. С. 300.

³⁷² Шармазанашвили Г.В. Понятие самопомощи в международном праве// Советский ежегодник международного права- 1959. М. 1960. С.300.

³⁷³ *Corfu channel case (United Kingdom v. Albania)*, Merits. International Court of Justice.1949.

³⁷⁴ Farer T. Law and War/The Future of the International Legal Order. Black C., and Falk R. (eds). Vol. 3, Conflict Management. Princeton University Press, Center for International Studies, 1971. P. 53.

По сути, доктрина «самопомощи» отрицает наднациональный уровень, регламентирующий правила поведения государств на международной арене, и допускает самостоятельное урегулирование возникающих конфликтных ситуаций, что представляет собой значительный регресс в правовой регламентации международного взаимодействия. Некоторые авторы, например А.С. Орбелян, отмечают, что прогрессивное развитие международного права логически ограничило применение силы при реализации права на самооборону: «Отождествление права на самооборону с самосохранением в современном международном праве не учитывает прогрессивного развития международного права, в частности того, что с принятием Устава ООН произошли изменения в действующих нормах, регулирующих вопросы применения силы»³⁷⁵.

Но некоторые современные авторы полагают, что доктрина «самопомощи» сохранила свое значение в современных международных отношениях, «просто с закреплением в Уставе ООН мирных средств разрешения споров, понятие самопомощи наполнилось новым содержанием»³⁷⁶. Например, по мнению С.Д. Гольцова, «самопомощь (вооруженная - в том числе) никогда не исчезала из практики абсолютного большинства государств»³⁷⁷. Также есть мнение, что понятие «самопомощь» соотносится с понятием «самооборона» как общее с частным, то есть самооборона представляет собой особую разновидность «самопомощи»³⁷⁸.

Очевидно, что, несмотря на сходно звучащие названия, «самооборона призвана вернуть *status quo*, в то время как самопомощь имеет оттенок

³⁷⁵ Орбелян А.С. Становление и развитие института самообороны в международном праве // Ереван: Издательство ЕГУ, 2010. С. 157.

³⁷⁶ Андреев Е. Право государств на вооруженную самопомощь (историческая ретроспектива)//Закон и жизнь, №8, 2013. С.89.

³⁷⁷ Гольцов С.Д. Международно-правовые вопросы применения вооруженной силы государствами в порядке индивидуальной самопомощи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10/ Гольцов Сергей Дмитриевич. – М., 2005. С.3.

³⁷⁸ См, например, Dinstein Y. War, Aggression and Self-Defence. Cambridge, 2001. P. 159; Хачатуров Р.Л. Вопросы международно-правовой ответственности// Вектор науки Тольяттинского государственного университета № 1(4). 2009. С.75.

возмещения или даже репрессии для того, чтобы обеспечить восстановление права»³⁷⁹. Можно констатировать, что в настоящее время ни подавляющее большинство ученых, ни представители Организации Объединенных Наций, не используют данную доктрину.

Проблема определения оснований и пределов индивидуальной и коллективной самообороны

Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики 1928 года, известный как Пакт Бриана-Келлога, не содержал каких-либо указаний на правомерность самообороны, однако данная оговорка содержалась в сопроводительной ноте министра иностранных дел Франции А. Бриана. С принятием в 1945 году Устава ООН, право государств на индивидуальную и коллективную самооборону было закреплено в 51 статье Устава. Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 года относит самооборону к обстоятельствам, исключающим противоправность.

Таким образом, большая часть дискуссий вокруг права государств на самооборону связана не с ее правовыми основаниями, которые очевидны, а с обстоятельствами, активирующими право государств на самооборону, а также с пределами ее реализации.

Проблема оснований самообороны относится к числу важнейших международно-правовых вопросов. В ситуации активных боевых действий, а также с учетом возможностей современного информационного противоборства, бывает довольно затруднительно определить, кто на кого первым напал, кто, в данной ситуации, является агрессором, а кто самообороняется. При этом, как отмечал еще в 1973 году Э.И. Скакунов, «два акта могут быть идентичными в военном смысле, но с юридической точки зрения один из них будет актом агрессии, а другой — правомерным

³⁷⁹ The Legal Limits to the Use of Force by Sovereign States: United Nations Practice. In British Year Book of International Law, 1961, vol. 37:269-319. Oxford, England: Oxford University Press for Royal Institute for International Affairs, 1962. P. 313.

ответом»³⁸⁰. При этом, самооборона, хоть и являясь обстоятельством, исключаящим противоправность, по сути, представляет собой применение силы, которое, при других обстоятельствах, могло бы быть квалифицировано как «агрессия».

Обычно самооборону связывают с реализацией государствами ответных действий в ответ на непосредственное нарушение его суверенитета и территориальной целостности. Однако можно констатировать, что в последнее время перечень возможных оснований для реализации самообороны неуклонно расширяется. Например, деятельность в киберпространстве сегодня также может повлечь за собой самооборону того государства, против которого совершаются кибератаки. Еще в 2011 году Министерство обороны Российской Федерации отнесло информационное пространство к потенциальному театру военных действий.³⁸¹ В настоящее время также актуален вопрос о праве государств применять силу для защиты своих граждан за рубежом, как основании для осуществления права на самооборону. Например, известный отечественный специалист И.И. Лукашук допускал применение силы для защиты граждан за рубежом, в том случае, если нет других возможных путей.³⁸²

Пределы силового воздействия при реализации самообороны также являются трудно устанавливаемым параметром. Безусловно, должна присутствовать определенная пропорциональность, однако в условии реальных боевых действий данный критерий обычно не осуществим. Отдельной весьма сложной проблемой является возможность применения государствами ядерного оружия при осуществлении ими ответных действий в порядке самообороны.

³⁸⁰ Скакунов Э.И. Самооборона в международном праве. М., 1973. С. 8.

³⁸¹ См. Концептуальные взгляды на деятельность Вооруженных сил РФ в информационном пространстве. Министерство обороны Российской Федерации. 2011.

³⁸² Лукашук И. И. Право международной ответственности. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 289.

Еще одним весьма актуальным вопросом является вопрос о правомерности использования государствами «войны с терроризмом» в качестве основания для самообороны.

После 11 сентября 2001 года, США специальным письмом в Совет Безопасности ООН открыто заявили о своем праве применять вооруженную силу как против террористов, так и против правительств, которые их поддерживают, в качестве мер индивидуальной и коллективной самообороны.³⁸³ Именно на данном основании, некоторые исследователи, в особенности американские, говорят о праве на «упреждающую» самооборону.³⁸⁴ 43-й Президент США Дж. Буш тогда сделал следующее заявление: «Каждое государство в каждом регионе должно принять решение. Или вы с нами, или с террористами. Начиная с этого дня, каждое государство, которое продолжит укрывать или помогать террористам, будет рассматриваться США как враждебный режим»³⁸⁵.

В 2002 году в Стратегии национальной безопасности США впервые было закреплено право наносить превентивные удары в порядке борьбы с международным терроризмом.

Важно подчеркнуть, что термин «война с терроризмом» чаще всегда использовался не в правовом, а в политическом смысле, например, президент США Никсон объявлял «войну преступности»,³⁸⁶ президент Р. Рейган объявлял «войну наркотикам»³⁸⁷ и т.д., однако во всех подобных случаях

³⁸³ Letter dated 7 October 2001 from the Permanent Representative of the United States of America to the United Nations addressed to the President of the Security Council, U.N. Doc. S/2001/946, available at <http://www.un.int/usa/s-2001-946.htm>.

³⁸⁴ O'Brien W.O. Just War Doctrine's Complementary Role in the International Law of War// International Law Studies. No. 67. 1995. P.183.

³⁸⁵ President George W. Bush, Address Before a Joint Session of Congress on the United States Response to the Terrorist Attacks of September 11, 2001.

³⁸⁶ President Richard M. Nixon, Annual Message to the Congress on the State of the Union, January 1970. The American Presidency Project.

³⁸⁷ President Ronald Reagan, Radio Address to the Nation on Economic Growth and the War on Drugs. October 8, 1988.

«метафора оставалась метафорой»³⁸⁸. Тем не менее, после американского письма 2001 года в Совет Безопасности ООН стало очевидно, что американская сторона пытается существенно расширить перечень оснований для самообороны, и что теперь «война с терроризмом» - это война «именно в правовом смысле».³⁸⁹ Профессор Стэнфордского университета Уайнер заявляет, что это связано с тем, что террористы продемонстрировали возможность нанесения Америке такого ущерба, «который обычно связывали только с атаками со стороны государств»³⁹⁰.

Ключевой проблемой, в данном случае, является то, что подписантами и носителями международных обязательств по Уставу ООН являйся государства. Соответственно, логично предположить, что и принцип самообороны распространяется на случаи нападения одного государства или группы государств на другое. Террористические организации крайне редко пользуются государственным покровительством, но, в итоге, получается, что государства, на территории которых обнаруживаются террористические подразделения, становятся, подобно Афганистану или Ираку, объектами масштабных военных ударов. Даже американские юристы признают, что «декларирование юридических последствий, связанные с состоянием войны, но при этом отказ признать полный спектр сопутствующих ограничений, подрывает обоснование усилий Соединенных Штатов выйти за рамки позитивного международного права и продолжить борьбу против терроризма»,³⁹¹ а также является весьма односторонним подходом.

В 2001 году, в резолюциях 1368 и 1373, Совет Безопасности ООН признал, что крупная террористическая атака активизирует право государства на

³⁸⁸ Сазонова К.Л. Американская доктрина международного права: возрождение концепции «справедливой войны»//Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. №1, 2016. С. 101.

³⁸⁹ Weiner A. Law, Just War, and the International Fight Against: Is It War?//Working Papers of Center on Democracy, Development, and the Rule of Law, № 47. Stanford Institute on International Studies, 2005.P. 9.

³⁹⁰ Ibid. P.14.

³⁹¹ Ibid. P.29.

самооборону, не дав, однако, никаких конкретных указаний и инструкции относительно формата реализации самообороны в подобных случаях. В доктрине международного права до сих пор идут споры относительно данной темы. О.Н. Хлестов отмечал, что «сегодня право на самооборону возникает также и в случае масштабного террористического нападения на государство»,³⁹² а Б.Р. Тузмухамедов полагает, что резолюция «не утверждала прямо и недвусмысленно, что такое право возникает в ответ на действия террористов, и не санкционировала реализацию этого права Соединенными Штатами».³⁹³ Можно согласиться с профессором О.В. Дамаскиным, который утверждал, что «борьба с терроризмом оказалась удобным информационным прикрытием для проведения геополитических операций, которые в прошлом столетии означали объявление войны мирового значения»³⁹⁴.

Можно констатировать, что американская сторона в рамках «борьбы с терроризмом» допускает убийство людей без суда и следствия. Например, в ноябре 2002 года ракетой, запущенной с беспилотного американского самолета, в Йемене был убит один из лидеров Аль-Каиды С. Аль-Харети, а также пять его спутников, с которыми он ехал в машине. И вновь в комментарии США официальным основанием было заявлено состояние «войны с терроризмом»: «Мы в состоянии войны, и мы должны использовать то, что есть в нашем распоряжении, для того, чтобы защитить наше государство».³⁹⁵ Как в данном случае быть с принципом пропорциональности при реализации самообороны, когда число погибших в «войне за терроризмом» уже превысило количество жертв, с которых эта война началась

³⁹² Интервью с О.Н. Хлестовым «Роль международного права в жизни мирового сообщества»//Евразийский юридический журнал, № 4 (59) 2013. С.14.

³⁹³ Тузмухамедов Б.Р. Пределы самообороны//Независимая газета. 29 сентября 2004. http://www.ng.ru/politics/2004-09-29/2_predel.html (дата обращения 05.09.2024)

³⁹⁴ Дамаскин О.В. Актуальные военные проблемы международного права и международной уголовной юрисдикции//Право в Вооруженных Силах. № 1. 2011.

³⁹⁵ См. Johnston D. Sanger D.E. Yemen Killing Based on Rules Set Out by Bush// New York Times, November 6, 2002. URL: <http://www.nytimes.com/2002/11/06/international/middleeast/06YEME.html> (дата обращения 05.09.2024).

– вопрос открытый. Убийство иранского генерала Касема Сулеймани в 2020 году также было оправдано ссылкой на «борьбу с терроризмом», поскольку в 2019 году США официально признали иранское подразделение «Корпус стражей исламской революции» террористической организацией. Таким образом, просто объявив любое государственное подразделение за рубежом террористической структурой, можно оправдать неправомерное применение вооруженной силы,

Еще в 2001 году было очевидно, что попытка расширения американской стороной оснований для правомерной самообороны буквально откроют «ящик Пандоры». В 2023 году данная технология была акцептирована государством Израиль. Атаки, совершенные движением ХАМАС на Израиль 7 октября 2023 года, привели к очередному серьезному обострению арабо-израильского конфликта. При этом, Израиль ссылается на собственное неотъемлемое право на самооборону. Однако юридически «военная группировка Хамас как одна из его сторон не представляет собой ни стороннее государство, ни внутреннюю оппозиционную организацию для Израиля, что могло бы соответствовать признакам классического международного или внутреннего вооруженного конфликта»³⁹⁶. В ходе так называемой «самообороны» Израиля за год было уничтожено более 40 тысяч человек, значительный процент которых составляют женщины и дети, в Секторе Газа более двух миллионов человек были насильственно перемещены, и все это оправдывается израильской стороной ссылкой на правомерность самообороны и на то, что Израиль считает ХАМАС террористической организацией.

Представляется неоспоримым, что использование «войны с международным терроризмом» в качестве основания самообороны, является нарушением международного права и основанием для привлечения государства к международной ответственности. Кроме того, подобные

³⁹⁶ Рыльская М.А. "Jus ad bellum": правовые коллизии и юридическая верификация// Вестник военного права. 2023. № 4. С. 38.

действия, сопровождающиеся уничтожением значительного количества гражданского населения, являются подрывом не только буквы международного права, но и его духа.

Представленная глава исследования позволяет сделать следующие выводы.

В качестве основы современной системы международной безопасности выступают императивные нормы международного права, чей основополагающий характер признается международным сообществом. На базе десяти императивных принципов международного права, возможно выделение более узкой категории запрещающих норм, нарушение которых составляет, согласно ПСОГ и ПСОМО, «серьезные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права». Автором установлено, что данная категория сегодня, фактически, используется как синоним понятия «международные преступления государств». При этом, точное содержание данной категории продолжает находиться в процессе согласования. Одной из проблем, препятствующих четкому определению оснований международной ответственности, является то, что статья 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года не указывает конкретного содержания категории «императивной нормы», из-за чего ее трактуют достаточно вольно, в зависимости от национальных интересов конкретных государств. Кроме того, активно используется выстраивание специальной иерархии императивных норм. Например, по версии многих западных юристов-международников, провозглашение принципа прав человека как высшей ценности, и как главной императивной нормы международного права позволяет обходить другие не менее значимые принципы, иерархия которых, кстати, в настоящее время отсутствует.

Государства продолжают обсуждать с Комиссией международного права ООН конкретное содержание как концепции норм *jus cogens*, так и

концепции обязательств *erga omnes*, которая является еще более дискуссионной, и нарушение которой вряд ли может использоваться в качестве основания международной ответственности, поскольку предполагает качественно иной, по сравнению с сегодняшним, уровень координации международных отношений и международного права.

Можно констатировать, что результаты толкования положений международных актов о правах человека регулярно подменяются результатами интерпретации соответствующих правовых положений, исходя из геополитических целей и интересов государств, доминирующих в политическом, экономическом и военном отношении, а также служат инструментом достижения внешнеполитических целей данных государств. Абсолютизация и обособления вопросов, связанных с правами человека, не могут служить оправданием нарушения принципа неприменения силы и угрозы силой, и должны приводить к тому, что государства, осуществляющие подобную практику, должны привлекаться к международной ответственности. Продвижение и укрепление идеи о взаимосвязанности императивных принципов международного права, а также недопустимости их произвольного толкования, может способствовать прогрессивному развитию международного права.

Наблюдаются регулярные попытки со стороны американских юристов по расширению границ правомерного применения силы. Для этого активно используются различные концепции, в том, числе, «гуманитарной интервенции», «ответственности за защиту», концепции «несостоявшихся государств», а также новое прочтение концепции «справедливой войны». При этом, одной из ключевых стала разработка концепций, которая бы смогла сделать внешнее вмешательство во внутренние дела суверенных государств максимально легитимным в глазах международного сообщества. Исключение действий, начатых на основании данных концепций, из оснований международной ответственности, приведет к возврату к силовому императиву

в международном праве и к военному произволу отдельных государств, не ограниченных договорными рамками.

Можно констатировать, что неуклонное расширение оснований для индивидуальной и коллективной самообороны, исключаящей противоправность деяния, также является отражением попыток легитимации отдельными государствами различных военно-силовых сценариев. Многие случаи якобы «индивидуальной и коллективной самообороны», осуществленные западными странами на Ближнем Востоке, со ссылкой на ст.51 Устава ООН, нарушают действующее международное право и подрывают его основы. Также неправомерна ссылка на «борьбу с международным терроризмом» в качестве основания правомерной самообороны, поскольку данная борьба сложно локализуется, и чаще всего приводит к атакам на суверенные государства, не поддерживающие и не оправдывающие терроризм, однако становящиеся мишенями для произвольных обвинений в поддержке терроризма.

ГЛАВА 3

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ СУБЪЕКТОВ

МЕЖДУНАРОДНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

3.1. Правовые предпосылки возникновения множественности субъектов международной ответственности.

Новые вызовы и угрозы системе международной безопасности значительно повлияли на все ключевые отрасли международного права. При этом, существенно актуализировались вопросы, когда международная ответственность возникает у различных субъектов одновременно. Кроме того, все активнее себя проявляют такие негосударственные субъекты, как частные военные компании, радикальные политические движения и террористические организации.

Терминологические сложности в данной теме, как и в праве международной ответственности в целом, также играют большую роль. Так, в доктрине международного права встречаются различные наименования явления множественности субъектов ответственности. В разных научных исследованиях данная разновидность ответственности называется по-разному, например, «разделяемая ответственность», «множественная», «солидарная», «субсидиарная» или «общая».

Возможны различные ситуации реализации такого типа ответственности, как связанные с одновременной ответственностью нескольких государств, так и связанные с совместной ответственностью государств и международных организаций, а также государств и негосударственных субъектов. Некоторые авторы, например, А. Оракешвили, утверждают, что появление подобных коллизий есть показатель достаточно развитой стадии, на которой находится та или иная система права: «Любая

зрелая система права должна работать с множеством сторон, ответственных за правонарушение»³⁹⁷.

У концепции «множественной ответственности» есть определенная ретроспектива. В доктрине международного права Италии в середине XX в. существовала теория «непрямой ответственности» (*responsabilita indiretta*),³⁹⁸ значительно повлиявшая на одного из основоположников современного права международной ответственности Р. Аго, который полагал, возложение на одно государство ответственности за деяние другого является «присвоением ответственности», или «непрямой ответственностью».³⁹⁹ Идеи Р. Аго нашли отражение в главе 4 ПСОГ «Ответственность государства в связи с деянием другого государства», в которой сказано, что «государство, которое помогает или содействует другому государству в совершении последним международно-противоправного деяния, несет международную ответственность».

В Проекте статей об ответственности международных организаций 2011 года упоминается «субсидиарная ответственность» (*subsidiary responsibility*): «Когда международная организация и одно или несколько государств ответственны за одно и то же противоправное действие, в связи с данным деянием можно призвать к ответственности каждое государство или каждую международную организацию, при этом к субсидиарной ответственности...можно призвать в той мере, в какой призывание к первичной ответственности не позволило добиться возмещения». Термин «субсидиарный» можно дословно перевести как «дополнительный», поэтому представляется, что он не совсем отражает данную тематику. Некоторые

³⁹⁷ Orakhelashvili A. Division of Reparation Between Responsible Entities//The Law of International Responsibility. J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson (eds). Oxford University Press, 2010. P. 656.

³⁹⁸ См, например, Scerni M. Responsabilita degli Stati. Nuovo Digesto Italiano. Vol. 11. 1939. P.474; Barile G. Note a teorie sulla responsabilita indiretta degli Stati. Annuario di diritto comparative di studi legislative. Vol.22. 1948. P. 443.

³⁹⁹ Eighth report on State responsibility made by Special Rapporteur, Mr. Roberto Ago. 1979. UN Doc.A/CN.4/318.

исследователи считают, что предпочтительнее использовать понятие «совместной ответственности» (*joint responsibility*).⁴⁰⁰ Сущность данной концепции состоит в том, что «ответственность одного государства не уменьшается, даже если другое государство участвует в совершение этого противоправного деяния».⁴⁰¹ Необходимо отметить, что Комиссия международного права ООН еще в 2001 году предупреждала о том, что термины, заимствованные из национального права, такие как «совместная» или «солидарная» ответственность, «должны применяться с осторожностью».⁴⁰²

В 1992 году появился термин «разделяемая ответственность» (*shared responsibility*),⁴⁰³ который был популяризован во второй декаде XXI в. А. Ноллкэмпером, руководителем центра SHARES. Центр был создан на базе Амстердамского центра международного права, и существовал с 2010 по 2015 год. Одной из главных задач Центра являлась доктринальная разработка вопросов, связанных с распределением ответственности между различными субъектами международной ответственности.

Поскольку в доктрине наблюдается определенная путаница, когда, например, «ситуации «разделяемой ответственности» называют термином «совместная ответственность»,⁴⁰⁴ А. Ноллкэмпер отмечает, что «термин «разделяемая ответственность» обозначает, скорее, аналитическую

⁴⁰⁰ Yee S. 'Member Responsibility' and the ILC Articles on the Responsibility of International Organizations: Some Observations// Responsibility of International Organizations. Essays in Memory of Sir Ian Brownlie. M. Ragazzi (ed.). Martinus Nijhoff Publishers, 2013. P. 367.

⁴⁰¹ Orakhelashvili A. Division of Reparation Between Responsible Entities//The Law of International Responsibility. J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson (eds). Oxford University Press, 2010. P. 664.

⁴⁰² Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, с комментариями. Комиссия международного права ООН. 2001. Комментарий к ст. 47, п.3.

⁴⁰³ May L. Sharing Responsibility. Chicago, 1992. P. 38.

⁴⁰⁴ Nollkaemper A. Issues of Shared Responsibility before the International Court of Justice. SHARES Project. Amsterdam Center for International Law. 2011. P.7.

категорию, призванную объединить различные случаи, имеющие общие черты»⁴⁰⁵.

В целом, концепция «разделяемой ответственности» в настоящее время понимается в двух смыслах: как совместная ответственность двух и более субъектов международного права за одно и то же деяние, а также как совместная ответственность государств/международных организаций с негосударственными субъектами.

Проекты статей о международной ответственности не дают уточнений относительно того, как именно должна распределяться ответственность между различными субъектами правонарушения: «В международных отношениях и международном праве произошло смещение акцентов, сопровождавшееся появлением различных видов ответственности, например, ответственности международных организаций и перед этими организациями, индивидуальной ответственности и ответственности за нарушения прав человека; все они обладают специфическими чертами, всеобъемлющий характер которых в обозримом будущем провести не удастся»⁴⁰⁶.

При наличии нескольких государств-нарушителей следует установить, какие государства несут обязательство, в какой степени (совместная либо совместная и раздельная ответственность) и каковы взаимоотношения между ними. Например, может сложиться ситуация, когда одно из этих государств имеет право на получение компенсации от другого.⁴⁰⁷

В целом, можно несколько возможных ситуаций, в рамках которых возникает проблема множественной международной ответственности различных субъектов международного правонарушения:

1. Международная ответственность нескольких государств, вместе совершивших правонарушение;

⁴⁰⁵ Nollkaemper A. Issues of Shared Responsibility before the International Court of Justice. SHARES Project. Amsterdam Center for International Law. 2011. P.8.

⁴⁰⁶ Yearbook of International Law Commission. 2000. P.23.

⁴⁰⁷ Ibid.

2. Международная ответственность нескольких государств и международной организации;
3. Международная ответственность государства и должностных лиц этого государства;
4. Международная ответственность государства, использовавшего силы частных военных компании для военно-силовых операций совершения.

Важнейшее значение для понимания вопросов «разделяемой ответственности» имеют отдельные решения Международного суда ООН.⁴⁰⁸ Например, в первом деле Международного суда ООН – деле о проливе Корфу 1949 г. (Албания против Великобритании), Соединенное Королевство заявило о том, что заминирование пролива совместно осуществляли корабли Югославии и Албании, и даже предоставили подтверждающее свидетельство бывшего офицера военно-морских сил Югославии К. Ковачича.⁴⁰⁹ Югославия, в свою очередь, направила коммюнике в Международный Суд, в котором отрицало свою причастность к делу. Великобритания, тем не менее, настаивала на том, что заминирование канала проводилось югославскими военными кораблями по согласованию с правительством Албании. В итоге, Суд решил, что данные аргументы не имели под собой достаточных доказательств.

В известном деле «Никарагуа против США» 1986 года, Международный суд особо отмечал, что привлечение США к ответственности за финансирование никарагуанских «контрас» возможно лишь в том случае, если

⁴⁰⁸ Например, *Corfu channel case (United Kingdom v. Albania)*. International Court of Justice. 1949; *Certain Phosphate Lands in Nauru (Nauru v Australia)* International Court of Justice Reports. 1992; *East Timor Case (Portugal v Australia)*. International Court of Justice Reports. 1995; *Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons*. International Court of Justice Reports. 1996; *Legality of the Use of Force (Yugoslavia v USA)*. Provisional Measures. International Court of Justice Reports. 1999.

⁴⁰⁹ Rosenne Sh. *The Law and Practice of the International Court, 1920–2005*. 4th ed. Leiden: Martinus Nijhoff, 2006. P. 1332.

США осуществляли непосредственный контроль за теми операциями, в ходе которых были совершены правонарушения.⁴¹⁰

В 2003 году, в Международном суде ООН рассматривалось громкое дело Ирана против США «О нефтеналивных платформах», связанное с разрушением американским флотом трех иранских нефтеналивных платформ в Персидском заливе в 1987-1988 гг. во время ирано-иракской войны. Ключевым моментом спора стал вопрос, нарушили ли США положения Статьи 10 ирано-американского Соглашения 1955 о дружбе, экономических отношениях и консульских правах, согласно которому «на территории двух высоких договаривающихся Сторон должна обеспечиваться свобода торговли и судоходства». Соответственно, встал вопрос о том, могли ли действия США рассматриваться как основание для самообороны Ирана. В свою очередь, США предъявили Ирану встречный иск о том, что Иран нарушил ту же статью Соглашения 1955 года, нападая на суда в Персидском заливе с минами и ракетами. США утверждали, что уничтожение нефтяных платформ было необходимо, так как они использовались Ираном в качестве баз для ракетных обстрелов торговых судов и нефтеналивных танкеров в Персидском заливе. Иран, пытаясь нарушить поставки нефти из Ирака, в свою очередь, обстреливал танкеры, шедшие под американским флагом. США предоставили военные конвои для охраны танкеров, которым было дано право ходить под флагами третьих стран.

Международный суд ООН отказался принять встречный иск США к рассмотрению, однако один из судей, известный юрист-международник Б. Зимма, высказал мнение о необходимости принятия встречного иска. По его мнению, смыслом этого встречного иска должно было бы стать установление ответственности за подрывную деятельность Ирака или Ирана, которые в равной степени могли бы быть ответственными за ущерб⁴¹¹. В основе позиции

⁴¹⁰ Military and Paramilitary Activities in and Against (Nicaragua v. United States of America), Merits, Judgment. ICJ Reports 1986.

⁴¹¹ Partially Dissenting Opinion of Judge Bruno Simma on the Meaning of the Term "Iranian Properties". ICJ. 2003.

Б. Зиммы лежало изучение норм национального права Соединенных Штатов, Канады, Франции, Швейцарии и Германии, где действует «принцип солидарной ответственности», который позволяет истцу искать возмещение от любой из виновных сторон. Ссылаясь на то, что принцип «солидарной ответственности» может квалифицироваться как «общий принцип права» по смыслу статьи 38, пункта 1 (с) Статута Международного Суда ООН, Б. Зимма утверждал, что принцип должен быть применен к ирано-американскому спору, и именно вопрос о «разделенной ответственности» и является истинным предметом спора, а вовсе не вопрос о нарушении Соглашения 1955 года.

Можно констатировать, что, в подобных случаях, ответственность зачастую возлагается лишь на того ответчика, против которого возбуждено дело, хотя, если бы в обоих вышеприведенных случаях доказательная база вины второго государства была бы более основательной, возможно, ответственность могла бы быть совместной.

Анализ международного взаимодействия государств свидетельствует о том, что «международные правонарушения могут (и зачастую и являются) действиями, совершаемые путем сотрудничества двух и более субъектов международного права»⁴¹². Например, в 1992 году тихоокеанское государство Науру подало иск в Международный суд ООН против Австралии по поводу эксплуатации ее фосфатных копей в период осуществления мандата над Науру. Австралия, со своей стороны, отметила, что, помимо нее, мандатариями являлись также Великобритания и Новая Зеландия. Суд признал это, однако постановил, что фактическое управление осуществляла Австралия, а Великобритания и Новая Зеландия участвовали в распределении доходов⁴¹³. В результате, компенсацию Науру пришлось выплачивать и Австралии, и Великобритании с Новой Зеландией. Основная ответственность

⁴¹² Orakhelashvili A. *Division of Reparation Between Responsible Entities//The Law of International Responsibility*. J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson (eds). Oxford University Press, 2010. P. 647.

⁴¹³ International Court of Justice Reports. 1992. P.240.

была определена в форме компенсации. Ресторация, выразившейся в помощи в реабилитации земель, была возложена на Австралию.

В 2006 году также был показательный случай, когда бывший иракский президент С. Хусейн подал иск в Европейский суд по правам человека против 21 страны Европейского Союза, которые участвовали в военной операции по его свержению, и, по мнению истца, совместно нарушили его права. Суд отклонил данный на том основании, что сам Хусейн не подпадал под юрисдикцию ни одной из указанных им стран. Тем не менее, в данном случае важен сам факт того, что подавался иск по вопросу совершения совместного международно-противоправного деяния нескольких государств.

3.2. Соотношение вопросов международной ответственности государств, международных организаций и индивидов.

Вопросы ответственности государств в связи с международно-противоправным деянием международной организации.

В 1980-е годы появилась концепция «вторичной ответственности» (*secondary responsibility*), связанная с распределением ответственности между государствами и международными организациями.⁴¹⁴ Российский исследователь И.В. Рачков в 2005 году отмечал, в отечественной доктрине международного права «вопрос ответственности государств за международно-противоправное поведение международных организаций практически не исследован».⁴¹⁵ В зарубежной доктрине, наоборот, данный вопрос в последние годы вызывает значительный интерес.⁴¹⁶

⁴¹⁴ Schermers H. *International Institutional Law*. 2nd ed. 1980. P.780

⁴¹⁵ Рачков И.В. Ответственность государства за международно-противоправные деяния международной организации // *Международное публичное и частное право*. № 3, 2005. С. 7.

⁴¹⁶ Fry J.D. *Coercion, Causation and the Fictional Elements of Indirect State Responsibility* // *Vanderbilt Journal of Transnational Law*, Vol. 40. 2007; Nedeski N., Nollkaemper A. *Responsibility of international organizations 'inconnection with acts of States'* // SHARES Research Paper 08. Amsterdam Center for International Law. 2012; Reinisch A. *Aid or Assistance and Direction and Control between States and International Organizations in the Commission of Internationally Wrongful Acts* // *International Organizations Law Review*. Vol.7. 2010; Seidl-

С одной стороны, государства создают организацию для достижения определенных целей, и поэтому они обязаны нести ответственность за действия, совершаемые посредством инструментария данной организации. Однако, в силу того, что на сегодняшний день в отношении международных организаций нет обязательной юрисдикции, и единственным способом привлечения их к ответственности являются *ad hoc* трибуналы»,⁴¹⁷ складывается ситуация, когда «государства могут специально создавать международные организации, чтобы избежать ответственности за те действия, за которые им пришлось бы отвечать, не соверши их организация»,⁴¹⁸ хотя в Проекте статей об ответственности международных организаций 2011 года отдельно отмечалось, что государствам запрещено «создавать международную организацию для того, чтобы обойти нормы об ответственности государств»⁴¹⁹.

С другой стороны, на определенном этапе организация начинает действовать как полноценный субъект международного права, обладающий автономией воли, и государства обязаны подчиняться ее решению: «Когда организация, подобная ООН, санкционирует военные действия государств и хочет, чтобы они были исполнены, это не перекладывает ответственность исключительно на государства. Когда государства принимают на себя

Hehenfeldern I. Responsibility of Member States of an International Organisation for Acts of that Organisation // International Law at the Times of its Codification. Essays in honour of Roberto Ago (III). Milano.1987; Talmon S. A Plurality of Responsible Actors: International Responsibility for Acts of the Coalition Provisional Authority in Iraq. The Iraq war and International Law. P.Shiner, A.Williams (eds). Hart, Oxford and Portland, 2008.

⁴¹⁷ Orakhelashvili A. Division of Reparation Between Responsible Entities//The Law of International Responsibility. J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson (eds). Oxford University Press, 2010. P. 663.

⁴¹⁸ Yee S. 'Member Responsibility' and the ILC Articles on the Responsibility of International Organizations: Some Observations// Responsibility of International Organizations. Essays in Memory of Sir Ian Brownlie. M. Ragazzi (ed.). Martinus Nijhoff Publishers, 2013. P. 367.

⁴¹⁹ Boon K. New Directions in Responsibility: Assessing the International Law Commission's Draft Articles on the Responsibility of International Organizations// The Yale Journal of International Law. Vol. 37. 2011. P.7.

санкционированные обязательства – они не просто действуют, они исполняют институциональное решение»⁴²⁰.

Основываясь на данном принципе, некоторые страны-члены НАТО утверждали, что ответственность за операцию в Косово лежит на ООН, которая исполняла административные функции на территории проведения военной кампании.⁴²¹ Профессор А. Гузман из университета Калифорнии охарактеризовал проблему взаимодействия государств и международных организаций «проблемой Франкенштейна», на основе прямой аналогии создания государствами международных организаций и созданием доктором Франкенштейном чудовища, которое затем вышло из-под контроля.⁴²²

В случае совершения международно-противоправного деяния международной организацией, согласно ПСОМО 2011 года, ответственность могут нести и сама международная организация, и ее государства-члены. К сожалению, нередки случаи, когда государства пытаются переложить ответственность на организацию, а та, в свою очередь, либо апеллирует к своему иммунитету, либо же пользуется отсутствием соответствующих органов международного правосудия, способных призвать ее к ответственности.⁴²³

Показательным примером является ситуация 1999 года, когда Сербия и Черногория подали иски в Международный Суд ООН против 17 стран-членов НАТО. По заявлению истцов, «страны-члены НАТО должны нести совместную и индивидуальную ответственность за действия военного

⁴²⁰ Terwiesche M. International Responsibility arising from Implementation of a Security Council Resolution: The 2nd Gulf War and the Rule of Proportionality//Polish Yearbook of International Law. Vol.22. 1995-1996. P. 83.

⁴²¹ См. Orakhelashvili A. Division of Reparation Between Responsible Entities//The Law of International Responsibility. J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson (eds). Oxford University Press, 2010. P. 654.

⁴²² Guzman A. Doctor Frankenstein's International Organization. Berkeley Program in Law and Economics, Working Paper Series, 2012. P.3.

⁴²³ Sturma P. Drawing a Line between the Responsibility of an International Organization and its Member States under International Law //Czech Yearbook of International Law, 2010. P.4.

командования НАТО».⁴²⁴ В 2004 году суд отклонил дело в связи с отсутствием соответствующей компетенции, в результате чего «возможность для авторитетного разъяснения по вопросам ответственности была утеряна»⁴²⁵.

Необходимо отметить, что отдельную проблему представляет собой вопрос об автоматической ответственности государств-членов в случае совершения международного правонарушения международной организацией.⁴²⁶ Членство в таких международных организациях, как ООН или НАТО, подразумевает, во-первых, участие в голосовании при принятии решений, в том числе санкционирующих применение военной силы, во-вторых, финансирование данных организаций, а в-третьих, непосредственное предоставление своих военных контингентов для участия в операциях.

Должно ли государство нести международную ответственность в случае совершения международно-противоправного деяния международной организацией, в случае участия государства лишь в финансировании операции и голосовании? А если государство при голосовании выступало против проведения военной операции, должно ли оно нести ответственность за сам факт своего членства? Очевидно, что однозначные ответы на поставленные выше вопросы вряд ли возможны. Если же посмотреть на практику международного взаимодействия, очевидно, что сам факт членства в организации никаких обязательств по ответственности на государство не накладывает. Справедливо ли это или нет – это другой вопрос, однако последствия признания международной ответственности государства на основании факта членства данного государства в международной организации может привести к далеко идущим и весьма неоднозначным последствиям.

⁴²⁴ Oral Pleadings of Serbia and Montenegro, Legality of Use of Force (Serb. & Montenegro v. Canada). CR/99/14 May 10, 1999.

⁴²⁵ Stumer A. Liability of Member States for Acts of International Organizations: Reconsidering the Policy Objections//Harvard International Law Journal. Vol. 48. No.2. 2007. P. 558.

⁴²⁶ European Court of Human Rights. Decision as to the admissibility of application no. 23276/04 by Saddam Hussein. 14 March 2006.

Например, можно задаться вопросом: «Если Совет Безопасности не смог предотвратить геноцид, или наложил эмбарго на страну, которое привело к геноциду, получают ли жертвы право на компенсацию?»⁴²⁷ Руководствуясь подобным подходом, известный специалист в области международного гуманитарного права Э. Давид даже предлагал считать ООН и ее членов со-виновниками непринятия мер по предотвращению геноцида в Руанде в 1994 году.⁴²⁸ Или еще вариант подобных рассуждений: «Если мы признаем, что ООН имеет обязательства в сфере международного гуманитарного права, то решение ввести торговое эмбарго, которое может привести к голоду в стране, является противоправным, несмотря на позиции государств-членов по данному вопросу»⁴²⁹.

Очевидно, что на современной стадии международно-правового развития, международное сообщество пока не готово к признанию ответственности государства лишь на основании факта членства данного государства в международной организации. Согласно действующей международно-правовой парадигме, государства не несут международной ответственности лишь на основании факта своего членства в международной организации, совершившей правонарушение. Еще в 1995 году Институт международного права высказал мнение, что принципа права, согласно которому члены международной организации должны делить ответственность просто на основании своего членства, не существует.⁴³⁰ Более того, некоторые авторы полагают, что введение подобной нормы станет определенным препятствием для государств к тому, чтобы вступать в международные

⁴²⁷ Boon K. *New Directions in Responsibility: Assessing the International Law Commission's Draft Articles on the Responsibility of International Organizations*// *The Yale Journal of International Law*. Vol. 37. 2011. P.7.

⁴²⁸ David E. *Droit des organisations internationales*. Bruxelles, P.U.B., 1996 -97. P. 313.

⁴²⁹ Reinisch A. *Aid or Assistance and Direction and Control between States and International Organizations in the Commission of Internationally Wrongful Acts*//*International Organizations Law Review*. Vol. 7. 2010. P. 76.

⁴³⁰ *Annuaire de l'Institut de Droit International*. Vol. 66-II. 1996. P. 445.

организации.⁴³¹ Известный юрист-международник С. Амерасинх также утверждал, что ответственность государств-членов, устанавливаемая в дополнение к ответственности международных организаций, несколько ущемляет юридическую независимость данных организаций, потому что государства «будут пытаться контролировать ежедневные действия организации, что может поставить под угрозу и практически парализовать бесперебойную работу организации в качестве независимого органа»⁴³².

Данная позиция отражена в Проекте статей об ответственности международных организаций, в рамках которой рассматриваются вопросы ответственности государств в связи с поведением международной организации. Так, согласно статьям 58 и 59, государство, которое помогает или содействует международной организации в совершении международно-противоправного деяния, или же осуществляет руководство и контроль в совершении международно-противоправного деяния международной организацией, несет международную ответственность за это только в том случае, если:

- а) данное государство делает это, зная об обстоятельствах международно-противоправного деяния;
- б) деяние являлось бы международно-противоправным в случае его совершения данным государством.

Кроме того, согласно статье 62, государство-член международной организации несет ответственность за международно-противоправное деяние этой организации, если:

- а) оно согласилось нести ответственность за это деяние перед потерпевшей стороной; или

⁴³¹ См., например, Amerasinghe C.F. *Principles of the Institutional Law of International Organizations*. 2nd ed. 2005. P.443.

⁴³² Amerasinghe C.F. *Liability to Third Parties of Member States of International Organizations: Practice, Principle and Judicial Precedent*//*American Journal of International Law*. Vol. 85. 1991. P.259.

b) оно дало повод потерпевшей стороне полагаться на его ответственность.

На практике это означает, что для пострадавшего государства складывается достаточно печальная ситуация, поскольку «потерпевшая сторона просто останется без средств защиты, что зачастую и происходит».⁴³³ В 2009 году, член Комиссии международного права от Колумбии В. Ospina предложил включить в проект статей об ответственности организаций положение о том, что «организация, несущая ответственность, должна предпринять все необходимые меры в соответствии со своими правилами, чтобы гарантировать, что ее государства-члены обеспечат организацию средствами эффективного исполнения обязательств».⁴³⁴ Данное предложение не получило необходимой поддержки и не вошло в итоговый проект. Согласно ст. 58 ПСОМО, «деяние государства-члена международной организации, совершенное в соответствии с правилами этой организации, не порождает международной ответственности государства». Таким образом, речь идет о правилах организации *lex specialis*. Данное положение вызывает множество вопросов, особенно в контексте деятельности Организации Североатлантического договора, которая давно перешла за рамки защиты евроатлантической безопасности и активно вмешивается в конфликты в самых разных регионах мира.

Как показала практика проведенных Альянсом операций в бывшей Югославии, Афганистане и Ливии, каждый раз, когда затрагивались вопросы международной ответственности, происходила одна и та же ситуация – государства-члены НАТО фактически «прятались» за фасад организации, перекладывая на нее собственную ответственность. Весьма символично, что в своем комментарии к Проекту статей об ответственности международных

⁴³³ Yee S. 'Member Responsibility' and the ILC Articles on the Responsibility of International Organizations: Some Observations// Responsibility of International Organizations. Essays in Memory of Sir Ian Brownlie. M. Ragazzi (ed.). Martinus Nijhoff Publishers, 2013. P. 367.

⁴³⁴ См. Comment to Article 39, Para 4. Commentary to ILC Draft Articles 2009.

организаций, представители НАТО особо отметили, что решения в альянсе принимаются «на основе консенсуса после обсуждения и консультаций среди представителей государств-членов. Отсутствует практика голосования или принятия решений большинством голосов...и решения не принимаются до тех пор, пока все страны не будут готовы присоединиться к консенсусу в их поддержку»⁴³⁵.

Согласно данному комментарию, очевидно, что ст. 58 и 59 ПСОМО должны действовать в полном объеме. Показательно, что комментируя в Международном Суде ООН дело «О законности применения силы» (Сербия и Черногория против Франции), французская сторона указала на то, что, по ее мнению, ответственность лежит, прежде всего, на НАТО, в меньшей степени на ООН, но никак не на государствах-членах».⁴³⁶ Кроме Франции, аналогичное заявление сделали Канада, Франция, Нидерланды, Португалия и Италия.⁴³⁷ Также показательно устное заявление, сделанное Канадой, которое приводит А. Стумер в своем исследовании, посвященном вопросам совместной ответственности: «Совместная ответственность за действия международной организации, или за действия государств, действующих в рамках такой организации, не может быть установлена без наличия соответствующего договора, устанавливающего подобную ответственность»⁴³⁸.

⁴³⁵ Ответственность организаций. Комментарии, полученные от международных организаций. UN Doc. A/CN.4/637. Комиссия международного права ООН. 2011. С.13.

⁴³⁶ Preliminary Objections of The French Republic, Legality of Use of Force (Serbia and Montenegro v. France). International Court of Justice. 2004. P. 33.

⁴³⁷ Preliminary Objections of Canada, Legality of Use of Force (Serbia and Montenegro v. Canada). International Court of Justice. 2004. P.429; Preliminary Objections of The French Republic, Legality of Use of Force (Serbia and Montenegro v. France). International Court of Justice. 2004. P. 575; Preliminary Objections of the Kingdom of the Netherlands, Legality of Use of Force (Serb. And Montenegro v. Netherlands). International Court of Justice. 2004. P. 1011; Preliminary Objections of the Portuguese Republic, Legality of Use of Force (Serb. and Montenegro v. Portugal). International Court of Justice. 2004. P. 1160; Preliminary Objections of The Italian Republic, Legality of Use of Force (Serb. and Montenegro v. Italy). International Court of Justice. 2004. P. 19.

⁴³⁸ Stumer A. Liability of Member States for Acts of International Organizations: Reconsidering the Policy Objections// Harvard International Law Journal. Vol. 48. 2007. P. 553.

Представители руководства НАТО неоднократно отмечали, что о конкретных способах проведения военных операций могут быть оповещены далеко не все члены Альянса, и было бы странным, если бы государство-член несло юридическую ответственность за деяние, о котором не было поставлено в известность.⁴³⁹

Таким образом, вопросы, связанные с пересечением сфер ответственности различных субъектов международного права, можно с полным правом отнести к наиболее проблемной сфере международной ответственности в целом. Более того, ряд вопросов, связанных с регулированием вопросов международной ответственности государств за деятельность негосударственных субъектов, в частности частных военных и охранных предприятий, вообще практически не разработаны.

Вопросы ответственности государств в связи с международно-противоправным деянием индивида.

У представителей доктрины расходятся взгляды на то, чья вина в международных преступлениях является первичной – государств или же индивидов. Данный вопрос тесно связан с пересечением тематики «международных преступлений государств» и «международных преступлений индивидов», рассмотренной выше.

Например, М.А. Кудинов отмечает, что международные преступления индивидов не всегда связаны с политикой воюющих государств, и чаще всего «за спиной» лиц совершающих такие преступления, стоят отдельные группы лиц, а не само государство»⁴⁴⁰. Однако диссертанту ближе точка зрения советского ученого Ю.М. Решетова, который указывал на то, что специфика международной ответственности как явления заключается в том, что

⁴³⁹ Remarks by Lieutenant General Short M.C. Air Force Association's Air Warfare Symposium. Orlando, Florida, 25 February 2000.

⁴⁴⁰ Кудинов М.А. Теоретические и правовые основы уголовной ответственности за преступления против военной службы, совершаемые в военное время и в боевой обстановке: дисс. ... канд. юрид. наук: 20.02.03/ Кудинов Михаил Анатольевич. - М., 2004. С. 112.

государство и его граждане неразрывно связаны. Так, если индивиды совершают преступные действия в качестве должностных лиц, их ответственность вменяется самому государству. Если же индивиды действовали не в официальном качестве, государство все равно несет за их поведение ответственность, если оно не пресекло этих действий или не наказало данных лиц.⁴⁴¹ Таким образом, в вопросах международной ответственности существует неразрывная связь между действиями граждан конкретного государства в любом статусе, и самим государством. Действующее международное право подразумевает несение как индивидуальной ответственности физическими лицами, так и несение ответственности государством.

Кроме того, тематика ответственности индивидов и государства связана с весьма отличающейся продолжительностью существования данных субъектов. Государство может существовать десятки и даже сотни лет, а человеческая жизнь гораздо более хрупка и уязвима. В отдельных случаях, связанных с реализацией международной ответственности за исторические события, на сам факт признания противоправных действий порой уходят десятилетия. В результате, индивиды, ответственные, например, за геноцид армян в Османской империи, или же за планирование и реализацию бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, не дожили до момента отправления международного правосудия, что не отменяет, однако, возможности несения международной ответственности государствами сегодня, хотя бы в формате сатисфакции.

Устав Нюрнбергского трибунала 1945 года содержал замечание о том, что «за одно и то же международное преступление наступает уголовная ответственность физического лица, и международно-правовая ответственность государства»⁴⁴². Специалист в области международного

⁴⁴¹ Решетов Ю.А. Борьба с преступлениями против мира и безопасности. М., 1983.

⁴⁴² См. Устав международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. Лондон, 8 августа 1945 г./ Подготовка Нюрнбергского процесса, под ред. Н.С. Лебедевой. М., 1975.

гуманитарного права Э. Давид отмечал, что «классическая международная ответственность и уголовная международная ответственность не поглощают и не исключают одна другую»⁴⁴³. Нельзя не принимать во внимание тот факт, что приказы применить силу, а также действия, связанные с применением вооруженной силы, всегда осуществляются конкретными людьми. Как отмечает французский юрист А. Пелле, «когда совершается международное преступление, ответственно не только государство само по себе, но и те лица, которые решали, совершали, планировали, подстрекали, режиссировали, данное преступление»⁴⁴⁴.

Важно подчеркнуть, что, хотя ответственность индивида и государства тесно связаны между собой, они ни в коем случае не противоречат друг другу и не дублируют друг друга. Как отмечал профессор С.В. Черниченко, «индивиды несут уголовную ответственность за использование государства в качестве орудия совершения международных преступлений».⁴⁴⁵ В ст.58 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 года сказано, что статьи Проекта «не затрагивают вопросов индивидуальной ответственности по международному праву любого лица, действующего от имени государства».⁴⁴⁶ В Статуте Международного уголовного суда 1998 года, в статье 25, также подчеркивается, что «уголовная ответственность лица за преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, не влияет на ответственность государств по международному праву».⁴⁴⁷

Вопросы международной ответственности индивидов, государств и международных организаций имеют ряд общих моментов, находящихся на

⁴⁴³ Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. ICRC. 2011. С. 681.

⁴⁴⁴ Pellet A. Can a State Commit a Crime? Definitely, Yes!//European Journal of International Law (1999)Vol. 10. №2. 1999. P. 432.

⁴⁴⁵ Черниченко С.В. Нюрнбергские принципы: опыт современного толкования//Международный правовой курьер. № 3 (15). 2016.С.29.

⁴⁴⁶ Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния. Комиссия международного права ООН. 2001.

⁴⁴⁷ Римский Статут Международного уголовного суда 1998 года URL: [https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения 05.09.2024).

пересечении права международной ответственности и международного уголовного права.

Во-первых, принципиально важным моментом является определение круга внутригосударственных субъектов, которые могут нести личную ответственность за действия от имени государства на международной арене. Очевидно, что, в первую очередь, это лица, занимающие должности в государственных органах.⁴⁴⁸ Более того, решение главы государства о начале агрессивной войны или геноцида влечет за собой ответственность не только его самого, но и ответственность всего государства в целом. Кроме того, согласно ст.10 ПСОГ, поведение повстанческого движения, которое претендует на роль нового правительства государства, также должно рассматриваться как деяние данного государства.

К настоящему времени не сложилось иерархической системы международных судов и трибуналов, которые бы распределяли между собой компетенцию в зависимости от типа субъекта ответственности. В процессе эволюции международной уголовной юстиции существовала идея того, что, в случае совершения грубых нарушений международного права, различные органы международного правосудия, которые устанавливают вопросы ответственности, начинают работать в плотном взаимодействии, поскольку объективная сторона правонарушения может частично совпадать (например, ответственность государств устанавливается в Международном Суде ООН, в то время как ответственность должностных лиц устанавливается на трибунале или в МУС). Однако, на практике, такое взаимодействие это так и не было реализовано, и органы работают совершенно автономно. Кроме того, подобная «синхронизация» также весьма затруднительна по причине того, что

⁴⁴⁸ Поведение любого органа государства рассматривается как деяние данного государства по международному праву независимо от того, осуществляет ли этот орган законодательные, исполнительные, судебные или какие-либо иные функции, независимо от положения, которое он занимает в системе государства, и независимо от того, является ли он органом центральной власти или административно-территориальной единицы государства. (ст. 5 ПСОГ)

перечень государств, принимающих участие в деятельности различных органов международного правосудия, существенно отличается.

Во-вторых, важным моментом, находящимся на пересечении сфер действия права международной ответственности и международного уголовного права является определение и соотношение тех форматов ответственности, в которых будет реализовываться ответственность индивида и государства, поскольку формы ответственности, как определенных неблагоприятных последствий, имеют принципиально разную природу для человека и для государства.

Представитель французской правовой доктрины конца XIX в. П. Фошиль выделял два вида ответственности и утверждал, что в том случае, когда речь идет об ответственности государства, необходимо осуществить восстановление существовавшего ранее положения [*фактически, автор имел в виду то, что в современном праве называется «реституцией» – К.С.*], а также снять с должности то лицо, которое привело государство к нарушению правовой нормы.⁴⁴⁹

Важно особо подчеркнуть, что **ответственность физических лиц и ответственность государств имеют разную природу.** Если «ответственность индивидов в большей части, если не целиком, криминализована»,⁴⁵⁰ то ответственность государства связана с определенными политическими ограничениями и материальной компенсацией пострадавшей стороне. В целом, большое количество неурегулированных вопросов как в международном уголовном праве, так и в праве международной ответственности, приводят к появлению так называемых «белых пятен» в правовом регулировании вопросов, связанных с имплементацией международной ответственности, а также к появлению

⁴⁴⁹ Fauchille P. Traite de droit international public. Premiere partie. Paris, 1895. P. 329.

⁴⁵⁰ Pellet A. The Definition of Responsibility in International Law// The Law of International Responsibility. J. Crawford, A. Pellet, and S. Olleson (eds.). 2010. P. 8.

различных концепций, связанных с так называемой «разделяемой ответственностью», которая подробно рассматривается в диссертации.

Соотношение ответственности индивидов и ответственности государств за преступление геноцида.

Наиболее наглядным примером правовых сложностей, возникающих при соотнесении ответственности государств и индивидов, является преступление геноцида. Как уже отмечалось выше, ничто в международном праве не препятствует параллельной реализации международной ответственности как индивидами, так и государствами. При этом, связь с госаппаратом, фактически, представляет собой важнейший квалифицирующий признак геноцида, который является целенаправленной государственной политикой в отношении конкретной категории населения, и связан с принятием дискриминационных законов, а также созданием специального зонирования внутри государства, в том числе, мест компактного проживания или концентрационных лагерей. Таким образом, индивиды, которые могут обвиняться в преступлении геноцида – это, прежде всего, высокопоставленные должностные лица, обладающие правом принятия решений, а государство, в данном случае, действует как «как политическая организация, являющаяся источником и спонсором геноцида»⁴⁵¹.

Именно умысел является важным характеризующим признаком геноцида как осознанной политики государства в отношении отдельных категорий населения, что неоднократно подчеркивалось Международным судом ООН, который в 2007 году подчеркнул, что именно сознательное намерение уничтожить национальную, этническую, расовую или религиозную группу характерно для геноцида и отличает его от других аналогичных преступных деяний, таких как преступления против человечности и преследование»⁴⁵². В 2015 году Международным судом ООН было вынесено

⁴⁵¹ Мошенская Н.В. Проблема ответственности за геноцид. М., 2008. С. 45.

⁴⁵² Case “Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide” (Bosnia & Herzegovina v. Serbia & Montenegro). International Court of Justice. 2007.

решение по поводу спора между Хорватией и Сербией, где вновь был подтвержден принцип умышленности в качестве необходимого квалификационного признака геноцида.⁴⁵³

В 1993 году Босния и Герцеговина подали иск в Международный суд ООН против Сербии и Черногории, обвиняя их в геноциде боснийских мусульман в период войны на территории бывшей Югославии. Несмотря на то, что события в Сребренице 1995 года признаны геноцидом по мнению Международного трибунала по бывшей Югославии, по мнению Международного Суда, боснийская сторона не смогла доказать, что какие-либо акты насилия, совершенные на ее территории во время войны, можно также квалифицировать как геноцид.⁴⁵⁴ В 1999 году Хорватия подала иск в отношении Сербии с требованием признать факт геноцида хорватов, совершенного сербской стороной, а в 2010 году Сербия выдвинула встречное требование о признании геноцида сербов со стороны Хорватии. Таким образом, Международный Суд ООН столкнулся с делом о взаимных требованиях Сербии и Хорватии по отношению друг к другу. В 2015 году Международный Суд отверг иски обеих сторон, указав, что ни одна из сторон не сумела доказать, что присутствовало осознанное намерение совершить геноцид, то есть *dolus specialis* не был доказан.⁴⁵⁵

Можно констатировать, что ключевым препятствием для установления факта геноцида стало признание Международным судом ООН наличия или отсутствия умысла. С учетом того, что именно умысел является одним из ключевых квалификационных признаков, Суд должен был оценить наличие или отсутствие умысла конкретных людей с каждой из сторон спора.

⁴⁵³ Application of the Convention of the prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Croatia v. Serbia). 2015.

⁴⁵⁴ Case “Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide” (Bosnia & Herzegovina v. Serbia & Montenegro). International Court of Justice. 2007.

⁴⁵⁵ Application of the Convention of the prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Croatia v. Serbia). 2015.

Негативным аспектом, влияющим на отношение к тематике ответственности государств, является также высокая длительность рассмотрения дел в Международном Суде ООН. Например, иск Боснии и Герцеговины против Сербии и Черногории по обвинению в геноциде рассматривали 14 лет. За это время произошли значительные изменения в политическом устройстве бывшей Югославии и в мире в целом. В решении Международного суда ООН 2015 года по взаимному иску Хорватии и Сербии судья Л. Скотников в своем особом мнении указал на то, что Международный суд ООН вообще не обладал юрисдикцией в отношении данных дел, поскольку в момент возбуждения хорватского иска в 1999 года не существовало отдельных государств Сербии и Черногории, а существовала Союзная Республика Югославия.⁴⁵⁶

Явление «геноцида» и его публичное обсуждение практически всегда имеют ярко выраженную политическую окраску. Признание либо непризнание геноцида нередко становится предметом межгосударственных споров. Например, по сей день активные дискуссии вызывает тематика признания или отрицания факта геноцида армян в Османской империи в 1915-1923 годах. Позиции сторон по данному вопросу диаметрально противоположны.

С одной стороны, уже в 1915 году политику Османской империи по отношению к национальным меньшинствам осуждали. В период после Второй мировой войны, Уругвай стал первым государством, признавшим политику в Османской империи в отношении армян геноцидом. Геноцид армян также признан геноцидом по смыслу Конвенции 1948 года о геноциде решениями Совета Европы 1998 года, решением Европарламента 2002 года, Ватиканом (2000 год). Кроме того, массовые убийства армян признаны геноцидом, по смыслу Конвенции 1948 года, такими государствами, как Российская Федерация, Канада, Аргентина, Нидерланды, Франция, Австрия, Швеция и

⁴⁵⁶ Declaration of Judge Skotnikov. Application of the Convention of the prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Croatia v. Serbia). 2015.

многими другими. В 2006 году во Франции на уровне Национального собрания Франции был принят закон, предусматривавший тюремное заключение сроком до года и штраф в размере 45 тысяч евро за отрицание геноцида армян, однако в 2012 году Конституционный Совет посчитал закон противоречащим принципу свободы слова. Министерство иностранных дел Турции отмечало в связи с инициативами различных парламентов по признанию событий 1915 года «геноцидом»: «Геноцид — это не общее слово, которое можно свободно использовать для описания какого-либо тяжкого злодеяния. Это самое страшное из преступлений. Суждение по такому обвинению не должно отдаваться на милость политических соображений. Исходя из этого, парламенты не должны занимать место судов и выносить приговоры по этому вопросу»⁴⁵⁷. Согласно Уголовному кодексу Турции 2004 года, упоминание «геноцида армян» применительно к современной Турецкой республике, подпадает под содержание 310 статьи, запрещающей «оскорбление Турции, турецкой нации или турецких правительственных институтов».

В данном контексте, необходимо упомянуть о так называемых «расселовских трибуналах» – инициативе британского общественного деятеля Б. Рассела, который в 1967 году собрал известных юристов, писателей, философов для обсуждения событий во Вьетнаме в 1954 г., назвав вмешательство США в конфликт геноцидом вьетнамского населения.⁴⁵⁸ Рассел не ставил целью определение вопросов ответственности, полагая необходимым привлечь внимание к проблеме и не допустить молчания по данной проблеме, говоря об участниках трибунала: «Мы не судьи. Мы - свидетели»⁴⁵⁹. Трибунал осудил действия США во Вьетнаме как агрессию, а также констатировал многочисленные нарушения международного права, в

⁴⁵⁷ События 1915 года и турецко-армянские разногласия по поводу истории: Обзор. https://www.mfa.gov.tr/the-events-of-1915-and-the-turkish-armenian-controversy-over-history_-an-overview.ru.mfa

⁴⁵⁸ Russell B. War Crimes in Vietnam//Monthly Review. January 1967.

⁴⁵⁹ Russell B. War Crimes in Vietnam//Monthly Review. January 1967.

частности, применение запрещенного вооружения, целенаправленное поражение гражданского населения, отметив, что «геноцид во Вьетнаме обрел расистские основания»⁴⁶⁰.

Кроме того, большую известность обрела речь Ж.П. Сартра «О геноциде», произнесенная в рамках Расселовского трибунала. Сартр полагал, что истинные причины вьетнамского геноцида связаны не с намерением США уничтожить определенную часть вьетнамцев, а с агрессивной американской политикой в целом, и именно поэтому ответственность за геноцид должна возлагаться не на индивидов, а, в первую очередь, на государства.⁴⁶¹

Несмотря на то, что Расселовский трибунал не имел правовых основ, тем не менее, он оказал значительное влияние на формирование общественного мнения по геноциду как осознанной политике государства. Кроме того, общественные трибуналы, подобные Расселовскому, впоследствии неоднократно собирались, в том числе, в связи с событиями в Ираке (2004 г.), в Палестине (2009 г.), на Украине (2014 г.). Трибунал по событиям на Украине, проходивший в Венеции в августе 2014 г., рассматривал многочисленные военные преступления, совершенные на Юго-Востоке Украины. По итогам трибунала, ответственность была возложена на президента Украины П. Порошенко, Президента США Б. Обаму, главу Еврокомиссии Ж. Баррозо и генсека НАТО А. Расмуссена, которых трибунал назвал «военными преступниками»⁴⁶².

Проблема ответственности членов миротворческих контингентов ООН.

Важным аспектом рассматриваемой проблемы является связь между действиями индивида, представляющего какую-либо

⁴⁶⁰ Сартр Ж.П. О геноциде. Извлечения из речи на Расселовском трибунале по военным преступлениям. 1968.

⁴⁶¹ Там же.

⁴⁶² О Трибунале Рассела о событиях на Украине//Московское бюро по правам человека. 2014. URL: <http://pravorf.org/index.php/news/1305-o-tribunale-rassela-o-sobytyyah-na-ukraine>

международную организацию, например, участника миротворческого контингента Организации Объединенных Наций, и ответственностью данной организации. В одном из отчетов Международный Суд ООН озвучивал позицию, согласно которой «все представители Организации Объединенных Наций, в каком бы официальном качестве они действовали, должны проявлять осмотрительность, с тем, чтобы не выходить за рамки своих функций и вести себя таким образом, чтобы избежать предъявления претензий к Организации».⁴⁶³ Таким образом, можно констатировать наличие функциональной связи между организацией и «агентом данной организации»⁴⁶⁴. Шестой Генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос Гали отмечал, что «в признание того факта, что «Организация Объединенных Наций несет международную ответственность за деятельность своих сил, она с момента учреждения операций по поддержанию мира принимала на себя ответственность за ущерб, причиняемый членами её сил при выполнении своих обязанностей»⁴⁶⁵. Начиная с 2004 года, седьмой Генеральный секретариат ООН Кофи Аннан «провел ряд масштабных реформ в отношении норм поведения, проведения расследований, организационной, управленческой и командной ответственности, а также индивидуальной дисциплинарной, финансовой и уголовной подотчетности миротворцев, а также принял ряд мер по предупреждению и наказанию в связи с сексуальным насилием и эксплуатацией во время ооновских операций, в частности резолюцию Совета Безопасности ООН 1820 (2008) о женщинах, мире и

⁴⁶³ Différend relatif à l'immunité de juridiction d'un rapporteur spécial de la Commission des droits de l'homme. Cour International de Justice. Recueil 1999. P. 62.

⁴⁶⁴ Данное понятие было зафиксировано Международным Судом ООН в Консультативном заключении «О применимости статьи VI, раздела 22 Конвенции о привилегиях и иммунитетах ООН» 1989 г.

⁴⁶⁵ Administrative and budgetary aspects of the financing of the United Nations peacekeeping operations: financing of the United Nations peacekeeping operations Report of the Secretary-General UN Doc. A/51/389. 1996.

безопасности»⁴⁶⁶. При этом, чаще всего «индивидуальная ответственность миротворцев, входящих в состав контингентов ООН, реализуется в форме применения дисциплинарных мер к тем военнослужащим, которые были причастны к различным нарушениям. Данные меры реализуются Департаментом полевой поддержки Секретариата ООН»⁴⁶⁷.

Хаммамберг Т. отмечал, что также велика ответственность государств, которые предоставляли миротворцев для той или иной миротворческой операции: «Государства, которые направляют персонал в международные миссии по поддержанию мира, должны обеспечить возможность проведения независимых расследований и полной подотчетности тех, кто несет ответственность за нарушения прав человека, в том числе на основании уголовных, административных и дисциплинарных процедур, когда это целесообразно»⁴⁶⁸. Например, в 2011 году суд Нидерландов вынес решение, согласно которому голландские военнослужащие признавались виновными в смерти трех боснийских мусульман в Сребренице в 1995 году.⁴⁶⁹ Солдаты, в свою очередь, являлись частью миротворческого контингента ООН в составе миссии *UNPROFOR*. Дело рассматривалось в суде Нидерландов, поскольку туда обратились с исковыми заявлениями родственники погибших. Решение было весьма позитивно воспринято правозащитниками: «До сегодняшнего дня государства вели себя так, как будто у их миротворцев абсолютный иммунитет. Это решение

⁴⁶⁶ Сазонова К.Л. Миротворческая деятельность Организации Объединенных Наций и вопросы международной ответственности/ Правоведение. Известия высших учебных заведений. №2, 2014. С.142.

⁴⁶⁷ Там же.

⁴⁶⁸ Хаммамберг Т. Международные организации, действующие как квазиправительства, должны быть подотчетными. Совет Европы: Комиссар по правам человека. 2009.

⁴⁶⁹ Aansprakelijkheid Staat voor optreden Nederlandse VN-troepen (Dutchbat) in Srebrenica. Vraag wie "effective control" heeft. Verantwoordelijkheid Dutchbat voor vluchtelingen.1995.

указывает на то, что даже миротворец не может избежать ответственности по международному праву»⁴⁷⁰.

Важным аспектом является то, что поведение должностных лиц может рассматриваться как деяние организации только в тех случаях, когда эти лица выступали в официальном качестве.⁴⁷¹ Например, ООН неоднократно отмечала, что «позиция Организации Объединенных Наций в отношении действий не находящихся при исполнении служебных обязанностей служащих вооруженных сил по поддержанию мира сводится к тому, что Организация не несет никакой правовой или финансовой ответственности за вытекающие из таких действий смерть, телесные повреждения или ущерб»⁴⁷². При этом, чтобы определить состояние нахождения при исполнении/не при исполнении, используется критерий наличия у миротворца формы в момент совершения правонарушения, а также локация его совершения.⁴⁷³ В 1979 году окружным судом Хайфы рассматривался случай, когда член Временных сил Организации Объединенных Наций в Ливане участвовал в доставке взрывчатых веществ на территорию Израиля, и суд постановил, что миротворец совершал данные действия не при исполнении служебных обязанностей.⁴⁷⁴

В то же время, личная ответственность миротворцев не препятствует отправлению международной ответственности самой организации. Комиссия международного права ООН в 1996 году отмечала, что «ответственность отдельных лиц за преступления против мира и безопасности человечества, не наносит ущерба никакому вопросу ответственности государств по

⁴⁷⁰ Court rules Netherlands responsible for three Srebrenica deaths//Amnesty International. 5 July 2011. URL: <http://www.amnesty.org/en/news-and-updates/court-rules-netherlands-responsible-three-srebrenica-deaths-2011-07-05>

⁴⁷¹ Report of the Seventieth Conference of International Law Association. New Delhi 2-6 April 2002. P. 797.

⁴⁷² United Nations Juridical Yearbook. 1986. P.362.

⁴⁷³ Ibid.

⁴⁷⁴ Данный случай рассматривается в Юридическом ежегоднике Организации Объединенных Наций. 1979. С. 285.

международному праву»,⁴⁷⁵ поэтому логично предположить, что данное положение действует также и отношении ответственности международных организаций.

3.3. Проблемы квалификации применения силы частными военными и охранными компаниями.

В современной международно-правовой доктрине отсутствует единая терминология, связанная с названиями частных военных структур. Наиболее распространенным вариантом является термин «частные военные компании» (ЧВК)⁴⁷⁶, однако также встречаются «частные военно-охранные компании» (ЧВОК)⁴⁷⁷, а также «частные военные и охранные предприятия»⁴⁷⁸. Автор будет придерживаться наименования «частные военно-охранные компании» (ЧВОК).

Неуклонная «приватизация войны» в последние годы породила массу политических и правовых проблем. Это актуализировало такие проблемы, как: правовая квалификация наемничества с точки зрения международного права; проблема международно-правового статуса таких юридических лиц, как частные военные и охранные компании; проблема делегирования государствами и международными организациями части собственной военно-силовой компетенции частным структурам, а также вопросы ответственности в случае силовых злоупотреблений как данных структур и их сотрудников, так и их подрядчиков в лице государств и организаций.

⁴⁷⁵ Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. Комиссия международного права ООН.1996.

⁴⁷⁶ Старцун В.Н. Частные военные компании: международный опыт и перспективы правового регулирования в Российской Федерации. – Москва: Военный университет, 2016.

⁴⁷⁷ Сайфуллин Э.К. Формирование модели международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10/Сайфуллин Эмиль Камильевич. - Москва, 2024.

⁴⁷⁸ Волеводз А.Г. Проблемы, принципы и перспективы международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных предприятий // Вестник МГИМО-Университета. № 3(12). 2010.

К настоящему времени, основными потребителями услуг ЧВОК являются государства, которые, по сути, передают им часть своих эксклюзивных силовых полномочий, поэтому данная тематика особенно актуальна в свете концепции «множественной ответственности».

Активное развитие деятельности частных военных и охранных компаний в последнее десятилетие вызвало закономерный интерес у представителей академических кругов. В ходе опроса (анкетирования), проведенного автором диссертации и представленного в Приложении №1 к настоящему исследованию, 90 % опрошенных считают, что в доктрине международного права недостаточно разработаны вопросы, связанные с множественностью потенциальных субъектов ответственности (например, государство/индивид; государство/ЧВОК; государство/международная организация).

В целом, работы по тематике ЧВОК встречаются как в западной⁴⁷⁹, так и в отечественной⁴⁸⁰ доктрине, однако они напрямую не затрагивают тематику

⁴⁷⁹ Avant D. *The Market for Force: the Consequences of Privatizing Security*. 2005; Cameron L., Chetail V. *Privatizing War: Private Military and Security Companies Under Public International Law*. Cambridge University Press, 2013; Cusumano E. *Regulating Private Military and Security Companies: a Multifaceted and Multilayered Approach*, European University Institute Working Papers. Vol. 11. 2009; Hoppe C. *Passing the Buck: State Responsibility for the Conduct of Private Military Companies*, Thesis, European University Institute, 2009; Francioni F., Lenzerini F. *The Role of Human Rights in the Regulation of Private Military and Security Companies, General Report – Universal and Regional Systems: Latin-America, Africa and Asia*, European University Institute Working Papers. Vol.16. 2009; Kummel G. *Private Military and Security Companies: Chances, Problems, Pitfalls and Prospects*. 2007; Scahill J. *Blackwater: The Rise of the World's Most Powerful Mercenary Army*. Nation Books, 2007; Spinedi M. *La responsabilità dello stato per comportamenti di private contractors*, in *La codificazione della responsabilità internazionale degli stati alla prova dei fatti*. Milano, 2006; *War by Contract: Human Rights, Humanitarian Law and Private Contractors*. Francioni F., Ronzitti N. (eds). Oxford University Press, 2011; Zarate J.C. *The Emergence of a New Dog of War: Private International Security Companies, International Law, and the New World Disorder*//*Stanford Journal of International Law*. Vol.4. No. 75. 1998.

⁴⁸⁰ Коновалов И.П., Валецкий О.В. *Эволюция частных военных компаний*. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2013. 136 с.; Мартыненко Е.В. *Частные военные и охранные компании и международное гуманитарное право // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке: материалы III Международной научно-практической конференции, г. Уфа, 28-29 апреля 2011 года: в 5 ч. Ч. I*. Уфа: УЮИ МВД РФ, 2011; Небольсина М.А. *Идейные и теоретические предпосылки выработки международного законодательства и области регулирования деятельности частных военных и охранных компаний // Мир и согласие. №3(44)*. 2010; Саврыга К.П. *Частные военные и охранные*

ответственности данных структур, а также вопросы распределения ответственности между государствами, международными организациями и частными военными компаниями.

Среди отечественных работ по правовым аспектам деятельности ЧВК можно выделить труды профессора МГИМО А.Г. Волеводза, который являлся советником по правовым вопросам Рабочей группы ООН по вопросу об использовании наемников как средстве нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение.⁴⁸¹ Также необходимо отметить диссертацию Э.К. Сайфуллина «Формирование модели международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний», защищенную в 2024 году в Институте зарубежного законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.⁴⁸²

Реализация военных действий посредством найма людей, готовых сражаться за деньги, осуществлялась на протяжении всей истории. Викинги, рейтары, швейцарские гвардейцы, кондотьеры, ландскнехты и прочие организованные отряды людей, желающих заработать на войне, широко

компании по международному праву// Международное право и международные организации / *International Law and International Organizations*. №4. 2013; Старцун В.Н. Частные военные компании: международный опыт и перспективы правового регулирования в Российской Федерации. – Москва: Военный университет, 2016. – 209 с. Холиков И.В., Окоча В.А. Применение вооруженной силы частными морскими охранными компаниями: динамика границ и специфика правового регулирования в современном мире // *Журнал российского права*. – 2020. – № 12. – С. 147-158. – DOI 10.12737/jrl.2020; Холиков И.В., Сайфуллин Э.К., Окоча В.А. Современные тенденции правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний // *Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение*. – 2019. – № 12(269). – С. 65-71.

⁴⁸¹ Волеводз А.Г. Международно-правовое регулирование деятельности частных военных и охранных предприятий (ЧВОП): современный этап международного правотворчества // *Библиотека криминалиста*. М.: Юрлитинформ. № 1 (2). 2012; Волеводз А.Г. Проблемы, принципы и перспективы международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных предприятий // *Вестник МГИМО-Университета*. № 3(12). 2010. Волеводз А.Г. О перспективах международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных предприятий// *Международное уголовное право и международная юстиция*. №2. 2010;

⁴⁸² Сайфуллин Э.К. Формирование модели международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10/Сайфуллин Эмиль Камильевич. - Москва, 2024.

использовались в политических играх государств. Отряды конкистадоров, занимавшихся приращением к метрополиям новых земель за вознаграждение, а также официально санкционированный институт каперства знаменовали привлечение государствами частных военных сил для реализации собственных внешнеполитических интересов.

В XIX веке отряды наемников сыграли важную роль в процессе осуществления контроля европейских стран над колониальными владениями: у Британской империи были собственные колониальные войска гуркхи, набиравшиеся из непальских добровольцев; на стороне Франции сражался знаменитый Французский Иностраннный легион, который использовался для сражений за пределами континентальной Франции.

После окончания Второй мировой войны и ликвидации колониальной зависимости стало очевидно, что хорошо организованные, высокопрофессиональные наемники по-прежнему незаменимы для государственных нужд. В 1946 году несколько пилотов ВВС США решили организовать небольшое предприятие грузовых авиаперевозок. Их услугигодились в период Корейской войны 1950-1953 годов, а затем во время операций в Латинской Америке и Африке, и к началу XXI компания *DynCorp* стала одной из крупнейших американских ЧВОК, большая часть доходов которой поступала за счет контрактов с федеральным правительством США⁴⁸³. Британцы также начали создавать подобные структуры еще в 1960-е годы, одной из первых британских частных военных и охранных предприятий стала компания *Watchguard International*, созданная в 1967 году.

С 1960-х годов наемники начали играть значимую роль в Африке, причем средства и методы, с помощью которых они действовали, были настолько далеки от международно-правовых стандартов, что отряд

⁴⁸³ После 2021 года название *DynCorp* перестало использоваться, а сотрудники и услуги компании перешли ЧВОК *Amentum*

наемников, работавших в Конго, называли *Les Affreux* [ужасные-К.С.].⁴⁸⁴ Далее, «в 1992-1995 годах в Сомали присутствовало американское ЧВОП *Brown and Root Services*, работавшее по контракту «Гражданская программа логистики» с правительством США»⁴⁸⁵. В 1995 году наемники из американской ЧВОК *Military Professional Resources Incorporated* принимала участие в планировании и проведении операций хорватской армии, которую поддерживал Североатлантический Альянс.

Термин «частная военная компания»/*private military company* был популяризован в середине 1990-х годов основателем ЧВОП *Aegis*, бывшим сотрудником британской разведки Т. Спайсером, который задался целью уйти от негативной коннотации термина «наемник». В результате, появился термин «сотрудник частной военной компании», который начали активно продвигать: «Первое появление термина «частная военная компания» было зафиксировано в СМИ через несколько недель после этого совещания»⁴⁸⁶.

Период наибольшей активности частных военных и охранных компаний пришелся на новейшую историю. Почти половина современных компаний были основаны после терактов в США 11 сентября 2001 года. Также катализатором активного развития частных военных структур в начале ХХ века стало вторжение США и НАТО в Афганистан в 2001 году и в Ирак в 2003 году. Собственно, именно контракты с Государственным департаментом США, министерством обороны США и различными управлениями американской армии и сделали ЧВОК серьезными игроками военной сферы. В ходе активной фазы боевых действий в 2003 году в Ираке «примерно 10%

⁴⁸⁴ См. подробнее Серков С. Этические и юридические аспекты деятельности ЧВК// Военно-консалтинговая компания «Альфа-Витязь». 21 февраля 2013. <http://www.milcons.ru/news/eticheskie-i-yuridicheskie-aspekty-deyatelnosti-chvk>

⁴⁸⁵ Сазонова К.Л. Ответственность государств и международных организаций в связи с деятельностью частных военных и охранных предприятий// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, № 8-1, 2013. С.176.

⁴⁸⁶ Серков С. Этические и юридические аспекты деятельности ЧВК// Военно-консалтинговая компания «Альфа-Витязь». 21 февраля 2013. <http://www.milcons.ru/news/eticheskie-i-yuridicheskie-aspekty-deyatelnosti-chvk>

личного состава военной группировки США составляли как раз представители ЧВП, выполнявшие задачи тылового и отчасти боевого обеспечения операции «Свобода Ираку»⁴⁸⁷. Таким образом, можно констатировать, что ЧВОК сегодня, фактически, «являются равноправным правовым субъектом наряду с регулярной армией и другими силовыми структурами»,⁴⁸⁸ а их параметры таковы, что «совокупно по своим количественным, качественным и военно-политическим показателям достигают уровня, сопоставимого с государственными структурами, а по экономическим показателям сравнимого с транснациональными корпорациями»⁴⁸⁹.

Резкое возрастание потребности в услугах в сфере безопасности, в особенности в деликатных ситуациях, когда прямое вмешательство государств или международных организаций затруднено; нежелание государств проводить масштабные военные операции и стремление в некоторых случаях ограничиться локальным воздействием; а также то, что все чаще государства вступают в противодействие с различными негосударственными структурами, в частности, с террористическими организациями и политическими движениями, стали факторами, способствующими все большей востребованностью услуг ЧВОК. Кроме того, во многих государствах качество подготовки бойцов регулярной армии оставляет желать лучшего. При сохранении острой необходимости государств в высокопрофессиональных военных, подобный «вакуум» нередко заполняется хорошо подготовленными сотрудниками частных структур. Также очевидно стремление государств снизить внутривнутриполитические риски от возможных потерь регулярной армии, а, поскольку потери среди личного состава ЧВОК

⁴⁸⁷ Avant D. The Privatization of Security and Change in the Control of Force // *International Studies Perspectives*. P. 154.

⁴⁸⁸ Коновалов И.П., Валецкий О.В. Эволюция частных военных компаний. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2013. С. 9.

⁴⁸⁹ Сайфуллин Э.К. Формирование модели международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10/Сайфуллин Эмиль Камильевич. - Москва, 2024. С.4.

не учитываются в официальных сводках, это положительно сказывается на имидже государства.

Юридически частные военные и охранные предприятия представляют собой негосударственные организации, оказывающие на договорной основе услуги физическим и юридическим лицам, однако самые масштабные контракты и самые серьезные задачи ставятся перед ЧВОК государствами и такими международными организациями, как ООН и НАТО.

Некоторые специалисты также утверждают, что деятельность западных ЧВОК «осуществляется под плотным контролем, а зачастую и непосредственным управлением спецслужб Запада, прежде всего ЦРУ США и МИ-6 Великобритании, с которыми такие структуры согласуют лицензии на работу и контракты»⁴⁹⁰. Около 80% всех действующих частных военных и охранных компаний зарегистрировано в Великобритании и США.⁴⁹¹ Можно констатировать, что ЧВОК превратились в еще один инструмент внешней политики этих стран, причем инструмент, находящийся де-факто вне рамок правового поля.

Перечень услуг, которые оказывают сегодня частные военные и охранные компании, поистине впечатляет.⁴⁹² Отдельно необходимо отметить такой вид услуг, как обучение личного состава правительственных вооружённых сил и сил безопасности. Например, *Vinnell Corporation*, принадлежавшая военно-промышленному концерну *Northrop Grumman*, с

⁴⁹⁰ Мукин Ю. Использование гражданских контрактников и частных вооружённых формирований в современных конфликтах//Зарубежное военное обозрение. №7. 2008 С.28.

⁴⁹¹См. данные Schreier F., Caparini M. *Privatising Security: Law, Practice and Governance of Private Military and Security Companies*. Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces. Occasional Paper № 6. 2004.

⁴⁹² Среди них охрана посольств и консульств, сопровождение миротворческих миссий ООН, охрана нефтяных месторождений и инфраструктуры, охрана объектов, имеющих стратегическое значение (например, тюрем и аэропортов), освобождение заложников, разминирование объектов, конвоирование ценных грузов, предоставление услуг военных переводчиков, услуги снабжения армий, разведывательные услуги; обеспечение спутникового наблюдения и систем слежения, обслуживание военных компьютерных систем и сложных систем вооружений; обеспечение безопасности судов в опасных водах.

1974 года вела подготовку Национальной гвардии Саудовской Аравии, *Military Professional Resources* готовила хорватских и иракских военнослужащих, *Executive Outcomes* – армию Сьерра-Леоне и т.д. Кроме того, некоторые структуры в перечне предоставляемых услуг указывают «военные спецоперации», что неоднозначно звучит с позиции действующего международного права, согласно которому, право на подобные действия имеет лишь Организация Объединенных Наций, в крайнем случае – региональные организации с санкции Совета Безопасности ООН, однако никак не частные структуры.

Еще один важный аспект деятельности ЧВОК – использование их при реализации государствами политики «государственного терроризма»⁴⁹³. В 2003 году крупное американское ЧВОП *Northbridge Services Group* предложило Конгрессу США довольно-таки необычную услугу – за 2 миллиона долларов захватить разыскиваемого бывшего президента Либерии Ч. Тейлора.⁴⁹⁴ США предложение приняли, что вызвало достаточно большой общественный резонанс. Представители Нигерии, например, открыто назвали подобную политику «государственным терроризмом»⁴⁹⁵. В 2004 году имела место «попытка государственного переворота в Экваториальной Гвинее с явным участием наемников, некоторые из которых были работниками или бывшими работниками частных военных и охранных предприятий из ряда других стран»⁴⁹⁶. Весной 2012 года в Бенгази в результате столкновения с ливийскими мятежниками был убит глава французской военной компании *Secorex*. Согласно докладу «Кавказская лакмусовая бумажка: последствия и уроки русско-грузинской войны в августе 2008 года» шведского

⁴⁹³ Подробно тематика «государственного терроризма» рассмотрена в Главе 2 диссертационного исследования.

⁴⁹⁴ Military firm seeks Taylor bounty //BBC News. 11 December 2011. <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/3309203.stm>

⁴⁹⁵ Ibidem.

⁴⁹⁶ Волеводз А.Г. Международно-правовое регулирование деятельности частных военных и охранных предприятий (ЧВОП): современный этап международного правотворчества// Библиотека криминалиста. М.: Юрлитинформ. № 1 (2). 2012. С. 234.

государственного Института оборонных исследований, глава ЧВОК *Defensive Shield* бригадный генерал Г. Хирш лично готовил операцию по штурму Цхинвала в августе 2008 года»⁴⁹⁷.

Президент Российской Федерации В.В. Путин в 2012 году назвал частные военные и охранные компании «инструментом реализации национальных интересов без прямого участия государства»,⁴⁹⁸ отметив, что, в целом, поддерживает идею создания в России системы частных военных компаний. В последние годы, Россия стала привлекать частные военные и охранные компании, в частности, в период проведения Специальной военной операции на Украине.

Таким образом, на современном этапе частные военные и охранные компании являются структурами, могущими серьезно повлиять на расклад сил в том или ином военном конфликте, а также активно реализуют силовые компетенции, которые в отдельных случаях приводят к серьезным силовым злоупотреблениям, что актуализирует вопрос о привлечении данных структур и их сотрудников к ответственности.

Международно-правовые аспекты регулирования деятельности частных военных и охранных предприятий.

Отечественные специалисты еще в 2008 году разработали Проект возможной Конвенции о частных военных и охранных компаниях (ЧВОК), который в 2010 году был официально опубликован Советом ООН по правам человека, однако он так и остался на стадии проекта. По мнению профессора А.Г. Волеводза, конвенция представляет собой «достаточно объемный, но в то же время сбалансированный и качественный юридический документ»⁴⁹⁹.

⁴⁹⁷ Данные приведены в Larsson R., Hagstrom Frisell E. The Caucasian Litmus Test: Consequences and Lessons of the Russian-Georgian War in August 2008//Swedish Defense Research Agency. 2008.

⁴⁹⁸ Путин поддержал идею создания в России частных военных компаний// РИА-Новости. 11.04.2012. URL: http://ria.ru/defense_safety/20120411/623227984.html (дата обращения 05.09.2024).

⁴⁹⁹ Волеводз А.Г. Международно-правовое регулирование деятельности частных военных и охранных предприятий (ЧВОП): современный этап международного правотворчества// Библиотека криминалиста. М.: Юрлитинформ. № 1 (2). 2012. С. 238.

Большим положительным аспектом данной Конвенции является то, что она устанавливает запрет на участие ЧВОК в вооруженных конфликтах.⁵⁰⁰ Также показательно, что цель данной Конвенции - «подтвердить и усилить ответственность государств за применение силы».⁵⁰¹

Правительство Швейцарии совместно с Международным комитетом Красного Креста разработали так называемый «Документ Монтрё о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооружённого конфликта», согласно которому «на государствах-контрагентах лежит обязательство предоставлять возмещение за нарушения международного гуманитарного права и стандартов в области прав человека в результате противоправного поведения персонала ЧВОК, когда такое поведение вменяется в вину государству-контрагенту согласно обычному международному праву в области ответственности государств»⁵⁰². Также был разработан Международный кодекс поведения частных компаний 2010 года,⁵⁰³ который также не обладает обязательной силой, как и предыдущий документ, и просто содержит комплекс рекомендаций.

Сложным аспектом правового регулирования вопросов, связанных с деятельностью ЧВОК, является проблема правового статуса самих частных военных и охранных предприятий как в национальном, так и в международном праве. На уровне международного права существует Конвенция ООН о

⁵⁰⁰ Проект возможной Конвенции о частных военных и охранных компаниях (ЧВОК). URL:http://www2.ohchr.org/english/issues/mercenaries/docs/A.HRC.15.25_ru.pdf

⁵⁰¹ Там же.

⁵⁰² «Документ Монтрё о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооружённого конфликта», 2008. С.12. URL: <https://www.montreuxdocument.org/pdf/document/ru.pdf> (дата обращения 05.09.2024).

⁵⁰³ International Code of Conduct for Private Security Service Providers (ICoC), Geneva, 9 November 2010 // Swiss Initiative, in Cooperation with the International Committee of the Red Cross, on Private Military and Security Companies // URL: <http://www.news.admin.ch/NSBSubscriber/message/attachments/21143.pdf> (дата обращения 05.09.2024).

запрещении вербовки, использования, финансирования и обучения наёмников 1989 года, которая криминализирует наемничество, однако имеющую весьма малое число стран-участниц. Государства также самостоятельно регулируют отношение к наемничеству на уровне национального законодательства.

Можно констатировать, что сотрудники западных ЧВОК, совершившие преступления в процессе осуществления военно-силовых операций, фактически не подвергаются судебному преследованию. В 2004 году руководитель временной администрации в Ираке П. Бремер подписал приказ (*Coalition Provisional Authority Order 1*), в соответствии с которым лица, работавшие по контракту с США, не могли быть привлечены к ответственности за совершенные ими преступления на территории Ирака в соответствии с законодательством Ирака.⁵⁰⁴ В сентябре 2007 года, во время сопровождения сотрудников Государственного департамента США в Ираке, недалеко от сотрудников ЧВОП «*Blackwater*» взорвалась бомба, и они начали беспорядочно стрелять, в результате чего 17 человек было убито, а более 20 получили ранения.⁵⁰⁵ После данного инцидента компания была лишена лицензии на ведение своей деятельности на неделю, однако позже контракт был продолжен. В 2009 году между Ираком и Соединенными Штатами Америки было подписано Соглашение о статусе вооруженных сил *The Status of Forces Agreement/SOFA*, в котором была предпринята попытка регулирования деятельности американских ЧВОК на территории Ирака, однако ситуация по-прежнему находится в неопределенном состоянии.

Можно констатировать, что одной из причин интенсификации взаимодействия частных военных и охранных предприятий и государств является как раз стремление последних уйти от международной

⁵⁰⁴ Coalition Provisional Authority Order 17. Status of the Coalition Provisional Authority. Certain Missions and Personnel in Iraq. URL: http://www.iraqcoalition.org/regulations/20040627_CPAORD_17_Status_of_Coalition_Rev_with_Annex_A.pdf (дата обращения 05.09.2024).

⁵⁰⁵ Данные приведены в статье Новиковой Д.О. Проблемы использования частных военных и охранных компаний при проведении военных операций США // Вестник МГИМО-Университета. № 3 (12). 2010. С. 89-96.

ответственности, воспользовавшись неопределенным правовым статусом ЧВОК. Очевидно, что государства в обозримом будущем не поддержат запрет на деятельность частных военных и охранных компаний, поскольку активно используют услуги ЧВОК при реализации внешнеполитической деятельности. Э.К. Сайфуллин также отмечает «низкую заинтересованность государств в принятии специального законодательства о ЧВОК, что объясняется тем, что одни государства видят в ЧВОК источник угроз для национальной безопасности и не хотят брать на себя ответственность за их деятельность»⁵⁰⁶.

Практически все эксперты признают, что «частная военная и охранная деятельность не регулируется международным правом, а значит, контроль над действиями контрактников практически невозможен»⁵⁰⁷. В случае, если государство реализует свои внешнеполитические цели, используя ЧВОК, а не собственную армию, основания ответственности установить куда сложнее.

Помимо всего прочего, частные военные и охранные компании не являются субъектами публичного права, хотя и функционально сильно связаны с субъектами в лице государств и международных организаций. Можно констатировать, что в данном контексте возникают вопросы ответственности как государства-заказчика, которое покупает военные услуги, так и государства, к юрисдикции которого фактически относится предприятие: «В международном праве первостепенное значение придается тому, какое государство осуществляет контроль над предприятием, - то, в котором оно было юридически создано, или же то, или же государство, где находится центр управления предприятием»⁵⁰⁸.

⁵⁰⁶ Сайфуллин Э.К. Формирование модели международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10/Сайфуллин Эмиль Камильевич. - Москва, 2024. С.12.

⁵⁰⁷ Небольсина М. А. Частные военные и охранные компании в Афганистане: практика применения и последствия использования//Российский совет по международным делам. 20 декабря 2011. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=60#top (дата обращения 05.09.2024).

⁵⁰⁸ Francioni F. The Responsibility of the PMSC's Home State for Human Rights Violations Arising from the Export of Private Military and Security Services. Academy of European Law, Project "Regulating Privatisation of "War": The Role of the EU in Assuring the Compliance with International Humanitarian Law and Human Rights", 2009. P.2.

Нередко, для отвлечения внимания общественности, юридически «заказчиком» услуг указывается физическое лицо или юридическое лицо, однако фактически данные ЧВОК действуют в интересах отдельных государств. При этом подобные ситуации невозможно отнести к сфере международно-правового регулирования. В любом случае, теоретически, ответственность за возможные правонарушения должна возлагаться как на государство-заказчика услуг, так и на сами ЧВОП. В некоторых случаях государство-заказчик и государство регистрации юридического лица совпадают. Это дает «кумулятивный эффект и возможность одновременно нести обязательства и ответственность по международному праву»,⁵⁰⁹ в том числе используя уже упоминавшуюся концепцию «разделяемой ответственности».

Логично предположить, что обязательным шагом в сфере правовой регламентации деятельности ЧВОК должно стать введение ограничений при занятии мест в личном составе компаний, хотя технически это трудно осуществимо.

Наибольшее количество юридических коллизий, возникающих в контексте привлечения государствами и международными организациями частных военных и охранных компаний к своей военно-силовой деятельности, связаны с привлечением частных военных структур к тайным силовым операциям, в том числе в рамках политики «государственного терроризма»; а также участие ЧВОК в реализации миротворческих операций ООН и НАТО.

Кроме того, для дальнейшей регламентации деятельности частных военных и охранных компаний необходимо обеспечить «прозрачность мандата и действий, соответствие действующему национальному законодательству, что позволит предотвратить злоупотребления силой».⁵¹⁰

⁵⁰⁹ Ibid.

⁵¹⁰ Francioni F. The Responsibility of the PMSC's Home State for Human Rights Violations Arising from the Export of Private Military and Security Services. Academy of European Law, Project "Regulating Privatization of "War": The Role of the EU in Assuring the Compliance with International Humanitarian Law and Human Rights". 2009. P. 2.

Однако порой государство-заказчик даже при желании не в состоянии полностью контролировать деятельность тех ЧВОП, с которыми само же и заключило контракт.

Вопросы ответственности ООН в связи с привлечением частных военных и охранных компаниях к осуществлению миротворческих операций.

Проблема ответственности Организации Объединенных Наций в связи привлечением частных военных и охранных компаний к осуществлению миротворческой деятельностью является сравнительно новой. Примеры «покупки» услуг ЧВОК организациями, входящими в систему ООН, рассмотрены во ряде статей.⁵¹¹

Сегодня понятие «аутсорсинга» можно применить к большинству организаций в системе ООН,⁵¹² но именно к миротворческой деятельности организации ЧВОК были частично привлечены во время попыток миротворцев ООН купировать гражданскую войну в Сьерра-Леоне в 1992 году. Миротворцы не справлялись с задачами из-за слабого уровня подготовки, и правительство Сьерра-Леоне было вынуждены обратиться к частной военной компании *Executive Outcomes* из ЮАР, которой понадобилось девять дней на то, чтобы остановить повстанцев и отбросить их от столицы на 126 километров,⁵¹³ а также спасла нескольких членов миротворческих контингентов ООН.

⁵¹¹ Подробнее об этом см., например, Avant D. The Privatization of Security and Change in the Control of Force//International Studies Perspectives. Vol. 5. No. 2. 2004; Cockayne J. Commercial Security in Humanitarian and Post-Conflict Settings – An Explorative Study. New York, International Peace Academy, 2006; Spearin C. Humanitarian Non-Governmental Organizations and International Private Security Companies: The “Humanitarian” Challenges of Moulding a Marketplace. Policy Paper No. 16. The Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Force, 2007; Stoddard A., Harmer A., DiDomenico V. The Use of Private Security Providers and Services in Humanitarian Operations// Humanitarian Policy Group Report 27. London, Overseas Development Institute, 2008

⁵¹² Ostensen A. UN Use of Private Military and Security Companies Practices and Policies. The Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Force, 2011.P. 5.

⁵¹³ Heemann F.A. Privatising the Military Use of Force: Responsibilities of States and International Organisations under International Law. 2006. P.122.

В 1997 году, седьмой Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, в ответ на вопрос о возможности привлечения сотрудников частных военных и охранных компаний к миротворческой деятельности ООН на примере кризиса в Руанде, заявил, что «человечество не готово приватизировать мир»⁵¹⁴. Тем не менее, в конце XX-начале XXI века ООН весьма активно начала привлекать сотрудников ЧВОК к реализации международных миссий, в частности, в Боснии и Герцеговине, Косово и Метохии. Для этих миссий привлекалась американская ЧВОК *DynCorp*, «осуществлявшая набор личного состава для американского контингента международных полицейских сил, а также участвовавшая в проверках работы персонала этих миссий»⁵¹⁵. Компания *Defence Systems Limited (DSL)* начала с контракта с миссией *UNPROFOR* в Боснии в 1992 году, а также предоставляла своих сотрудников для миссий ЮНИСЕФ в Судане и Сомали.⁵¹⁶ Контракт с *DSL* длился четыре года, до тех пор, пока контроль над операцией не перешел к НАТО в 1996 году. Компания предоставила 425 человек, которые имели гражданство двадцати четырех различных государств. Один из бывших руководителей *DSL*, Д. Рамсботтом, утверждал, что привлечение компании к данной операции позволило «компенсировать нехватку военного и гражданского персонала ООН»⁵¹⁷. При этом необходимо отметить, что сотрудники *DSL* «носили гражданскую форму сотрудников ООН, имели при себе ооновские бейджи и документы, и были полностью включены в состав *UNPROFOR*»⁵¹⁸. Компании *Aegis* и *Global Risk*

⁵¹⁴ Speech given by the UN Secretary General at Ditchley Park UK, 26 June 1998, UN Press Release SG/SM/6613; and Transcript of Press Conference by Secretary General Kofi Annan at UN Headquarters on June 12, 1997. UN Doc.SG/SM/6255.

⁵¹⁵ Мукин Ю. Использование гражданских контрактников и частных вооружённых формирований в современных конфликтах//Зарубежное военное обозрение, №7, 2008. С.28.

⁵¹⁶ См. Vaux T., Seiple C., Nakano G. Humanitarian Action and Private Security Companies. Opening the Debate. London, International Alert, 2001.

⁵¹⁷ Select Committee on Foreign Affairs, Private Military Companies. Ninth Report of Session 2001–2002. London: The Stationery Office, 2002. P. 76.

⁵¹⁸ Ostensen A. UN Use of Private Military and Security Companies Practices and Policies. The Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Force, 2011. P.16.

нанимались для охраны сотрудников Секретариата ООН в Ираке,⁵¹⁹ а *International Charters Inc.* участвовала в миротворческих операциях ООН в Судане, Конго, Руанде и Либерии, осуществляя охрану миссий, складов и предоставляя вертолеты и другую технику. Кроме того, некоторые ЧВОК могут предоставлять не только военный персонал, но также юристов и технических специалистов

В личном составе ЧВОК наблюдаются две противоположные тенденции. С одной стороны, изначально сотрудники частных военных и охранных компаний были гораздо более подготовлены туда по сравнению с обычными призывниками, поскольку туда шли военные, бывшие члены спецназа или же других элитных подразделений. С другой стороны, из-за стремительного роста частных военных структур есть потребность в кадрах, из-за чего сегодня растет привлечение к деятельности частных военных и охранных компаний начали набор граждан с весьма сомнительной биографией, в том числе, с криминальным прошлым.

Существуют два способа привлечения сотрудников частных военных предприятий к участию в миротворческих операциях ООН: во-первых, непосредственное привлечение через Департамент операций по поддержанию мира, а во-вторых, вариант, когда страны направляют сотрудников ЧВОК в качестве части выделяемого для миротворческой операции контингента. Например, «для участия в миротворческих операциях США направляет зачастую не членов регулярной армии, а сотрудников частных военных компаний».⁵²⁰

В условиях весьма значительного количества конфликтов, в особенности внутренних конфликтов международного характера, ООН просто физически не может обеспечить функционирование необходимого количества миротворческих миссий, поэтому вопрос о правовой составляющей

⁵¹⁹ Cockayne J. Commercial Security in Humanitarian and Post-Conflict Settings – An Explorative Study. New York, International Peace Academy, 2006. P.6.

⁵²⁰ Taulbee J.L. The Privatization of Security: Modern Conflict, Globalization and Weak States//Civil Wars. Vol. 5. No. 2. 2002. P. 5.

привлечения наемных структур к миротворческой деятельности актуален уже несколько десятилетий. В 2011 году Департамент безопасности ООН начал разработку рекомендаций для более ответственной и прозрачной работы ЧВОП на службе ООН. С 2005 года также действовала Рабочая группа по вопросу об использовании наемников как средства нарушения прав человека и препятствования осуществлению права народов на самоопределение при Совете по правам человека ООН, которая пришла на смену Специальному докладчику по вопросу об использовании наемников, который работал с 1987 года. В 2018 году Группа представила документ «Наёмничество и частные военные и охранные компании»⁵²¹. Именно поэтому вполне возможно, что «изначально негативное отношение ООН к деятельности ЧВОП, и без того ослабленное неоднократными обращениями ООН к их услугам - может быть преодолено, если компании продолжают работать над улучшением своего имиджа»⁵²².

Компромиссом между полярными позициями «привлекать/не привлекать» частные военные и охранные компании к деятельности ООН является позиция, согласно которой привлекать ЧВОП необходимо, однако лишь в качестве сопровождающих миротворцев структур, осуществляющих «общую логистику или охрану миротворцев»,⁵²³ без непосредственного участия в военных действиях. Данная позиция потенциально создает почву для злоупотреблений, поскольку очевидно, что в ситуациях вооруженных конфликтов – наиболее типичных условиях работы современных миротворцев – крайне сложно разделить функции лиц сопровождающих и лиц, активно

⁵²¹ Mercenarism and private military and security companies.2018. URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/MercenarismandPrivateMilitarySecurityCompanies.pdf> (дата обращения 05.09.2024).

⁵²² Richemond D. The New Peacekeepers? Private Military Companies and the Future of Peacekeeping Operations//European Society of International Law Working Paper Agora Series. 2007. URL: www.idc.ac.il/publications/files/461. (дата обращения 05.09.2024).

⁵²³ Singer P. W. Should Humanitarians Use Private Military Services?//Humanitarian Affairs Review. 2004. P.14.

участвующих в событиях. Разделить после подобных операций, кто и над чем осуществлял «эффективный контроль», попросту невозможно.

Обычно развертывание полномасштабной миротворческой операции представляет собой весьма небыстрый процесс. Может показаться, что привлечение ЧВОК позволяет начать операцию максимально быстро, фактически сразу же после получения мандата. Именно поэтому не приходится удивляться, что уже всерьез обсуждаются перспективы полного перехода миротворческой функции к ЧВОК, «особенно в ситуациях, когда государства не могут или не хотят открыто вмешиваться в конфликт»⁵²⁴. В качестве возможных плюсов подобного перехода сами представители частного военного бизнеса называют «специализированность, опыт и гибкость»⁵²⁵. Именно поэтому все чаще можно услышать о том, что «приватизация миротворчества становится предпочтительным вариантом, особенно для развитых стран, нежелающих вмешиваться в растущий хаос региональных конфликтов»⁵²⁶. Очевидно одно – использование частных военных и охранных предприятий для выполнения функций, подразумевающих применение силы, от имени ООН или НАТО, существенно упростит процесс их использования государствами и фактически выведет вопросы поддержания международного мира и безопасности из сферы действия международной ответственности.

Многое в международных отношениях зависит от ракурса, и Д. Брукс, как выразитель идеологии ЧВОК, считает противоправным не использование частных компаний, а, наоборот, игнорирование такой опции. В своей статье с говорящим названием «Выпишите чек, остановите войну» он утверждает, что важен результат, а не юридические тонкости: «Трагедия состоит в том, что мы

⁵²⁴ O'Brien K. Military Advisory Groups and African Security: Privatized Peacekeeping//International Peacekeeping, Vol.5. 1998. P. 98.

⁵²⁵ Brooks D. Messiahs or Mercenaries? The Future of International Private Military Services// International Peacekeeping, No. 7. 2000. P. 138.

⁵²⁶ O'Brien K. Military Advisory Groups and African Security: Privatized Peacekeeping//International Peacekeeping, Vol.5. 1998. P. 102.

не используем этот ресурс, который готов принести мир, стабильность и политическую свободу на африканский континент»⁵²⁷. Очевидно, что многие из проблем, возникающих, когда суверенное государство привлекает контрактников, исчезают, когда это делается ООН.

Можно констатировать, что имеющихся международно-правовых положений, регулирующих вопросы ответственности, возникающих в контексте привлечения частных военных и охранных компаний государствами и международными организациями для реализации военно-силовых операций, явно недостаточно для эффективного регулирования возникающих вопросов, в том числе, связанных с преступлениями, совершенные в процессе участия в миротворческой деятельности Организации Объединенных Наций.

3.4. Проблема привлечения государств и международных организаций к ответственности за нарушения норм международного гуманитарного права.

В течение длительного периода истории, отношение к гуманитарной составляющей в ходе военных конфликтов можно было описать латинским крылатым выражением *in hostem omnia licita* – «по отношению к врагу все дозволено». Тем не менее, после возникновения в XIX веке международного гуманитарного права, ситуация довольно серьезно поменялась. В настоящее время, нарушение норм международного гуманитарного права является весьма характерным и часто неизбежным обстоятельством, сопровождающим военно-силовые действия государств и совершаемые ими преступления против мира и безопасности. Таким образом, преступление против мира и безопасности, совершаемое государством или международной организацией, например, преступление агрессии или «государственного терроризма», является первичным событием, а нарушения гуманитарного права –

⁵²⁷ Brooks D. Write a Check, End a War. Using Private Military Companies to End African Conflicts//Conflict Trends. 2000. P. 35.

производным событием, следствием первичного нарушения международно-правовых норм.

Также можно констатировать, что «существующие механизмы контроля за поведением сторон в вооруженных конфликтах, созданные в рамках МГП, достаточно редко используются на практике»⁵²⁸.

Важной особенностью международного гуманитарного права, как и международного публичного права в целом, является то, что носителями международных обязательств и подписантами международных конвенций являются государства, а нарушения гуманитарного права совершают, чаще всего, отдельные индивиды. Более того, «некоторые исследователи задаются вопросом, могут ли нарушения норм международного гуманитарного права порождать международную ответственность государств и международных организаций, с учетом того, что международные организации не являются подписантами документов по международному гуманитарному праву, соответственно встает вопрос, насколько к их действиям вообще применимы нормы международного гуманитарного права»⁵²⁹.

Вопросы ответственности государств в контексте нарушений международного гуманитарного права в доктрине рассматриваются, в целом, реже, чем вопросы ответственности индивидов, хотя можно согласиться с В.А. Батырем, что, прежде всего, «ответственность лежит на государстве в целом. Оно несет ответственность не только за действия своих органов и должностных лиц, но и за деятельность физических и юридических лиц под его юрисдикцией»⁵³⁰. В отечественной доктрине тематика нарушения международного гуманитарного права рассматривалась в диссертационных

⁵²⁸ Батырь В.А. Особенности осуществления международного контроля за соблюдением государствами обязательств по международному гуманитарному праву//Lex Russica. Т. 77. № 8. 2024. С. 89.

⁵²⁹ Сазонова К.Л. Перспективы привлечения государств к международной ответственности за нарушения норм международного гуманитарного права//Правовая парадигма. Т.17. №1. 2018. С.103.

⁵³⁰ Батырь В.А. Имплементация норм международного гуманитарного права в военном законодательстве Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук: 20.02.03/ Батырь Вячеслав Анатольевич. - Москва, 1999. С.38.

исследованиях С.В. Бухмина и В.А. Батыря⁵³¹, а также в научных статьях других авторов.⁵³² Представители зарубежной доктрины международного права также проявляли интерес к тематике нарушения государствами норм международного гуманитарного права.⁵³³

Важным аспектом, влияющим на соблюдение международного гуманитарного права, является также то, что оно, в большей степени, рассчитано на тематику межгосударственных конфликтов, в меньшей степени затрагивая внутригосударственные конфликты и гражданские войны, не смотря на наличие Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям 1949 года, касающегося защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера от 8 июня 1977 года. При этом, в рамках Ялтинско-Потсдамской системы международного права весьма актуальны именно внутренние конфликты, в рамках которых иногда не соблюдаются никакие международные нормы и принципы. Также определенные надежды традиционно возлагаются на общую для всех Женевских конвенций статью 3, в которой утверждаются общие принципы гуманности в отношении раненых и пострадавших, однако они также часто не соблюдаются, несмотря на

⁵³¹ Батырь В.А. Имплементация норм международного гуманитарного права в военном законодательстве Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук: 20.02.03/ Батырь Вячеслав Анатольевич. - Москва, 1999. - 202 с.; Бухмин С.В. Применение норм международного гуманитарного права в вооруженных конфликтах с участием ООН: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.0010/ Бухмин Сергей Владимирович. Казань, 2005. - 243 с.

⁵³² Леншин С.И. Ответственность государств за нарушение норм права вооруженных конфликтов//За права военнослужащих. № 8. 2006; Пиджаков А.Ю., Иранпур З.Ф.К вопросу юридической ответственности государств за нарушения норм международного гуманитарного права//Российская юстиция. №2. 2014.

⁵³³ Сассоли М. Ответственность государства за нарушения международного гуманитарного права// Международный журнал Красного Креста, 2002; Гийар Э.-К. Возмещение ущерба в случае нарушений международного гуманитарного права//Международный журнал Красного Креста, 2003; Hoffman H. Peace-Enforcement Actions and International Humanitarian Law: Emerging Rules for 'Interventional Armed Conflicts// International review of the Red Cross. Vol. 82. No. 837. 2000; Porretto G., Vite S. The application of international humanitarian law and human rights law to international organisations Research Paper Series. Centre Universitaire de Droit International Humaine, Collection des travaux de recherche. No. 1. 2006; Petrovic N. Il Rispetto del diritto internazionale umanitario da parte delle forze dell'Alleanza atlantica nel Kosovo/ L'intervento in Kosovo, Aspetti internazionalistici e interni, E. Sciso (ed.). Milan, Giuffrè, 2001.

утверждение Комиссия международного права ООН о том, что «обязательство возместить ущерб действует и в случаях нарушений международного гуманитарного права, регулирующего немеждународные вооруженные конфликты, остающиеся за рамками вышеупомянутых норм международного договорного права»⁵³⁴.

Как отмечал Э. Давид, международное гуманитарное право «по всей видимости, является наименее соблюдаемой и, следовательно, наиболее теоретической (чтобы не сказать самой утопической) отраслью международного права».⁵³⁵ Это связано с тем, что буквальное следование нормам международного гуманитарного права является довольно сложной задачей с военно-технической точки зрения, поскольку предполагает довольно сложные действия по точечному уничтожению военных объектов противника в обход гражданской инфраструктуры, что крайне сложно реализовать в практическом плане.

Важнейшим вопросом при обсуждении вопросов международной ответственности государств и международных организаций за нарушения норм международного гуманитарного права является то, можно ли считать нарушения норм международного гуманитарного права «серьезным нарушением обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права» по смыслу двух Проектов статей об ответственности. Судебная камера Международного трибунала по бывшей Югославии в 2000 году пришла к заключению, что «большинство норм международного гуманитарного права, в том числе нормы, запрещающие военные преступления, являются также императивными международными нормами, или *jus cogens*, то есть не допускают отклонений»⁵³⁶. Также в Консультативном заключении Международного Суда ООН относительно законности угрозы

⁵³⁴ Report of International Law Commission. 2001. P.36 (1).

⁵³⁵ Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. ICRC. 2011. С. 681.

⁵³⁶ Prosecutor v. Zoran Kupreskić et al., Case No. IT-95-16-T, t of 14 January 2000, Trial Chamber, International Tribunal for the Former Yugoslavia, para. 520 (имеется на веб-сайте Трибунала: www.icty.org)).

ядерным оружием или его применения 1996 года, было сказано, что «принципы и нормы гуманитарного права являются частью *jus cogens*, как это определено в статье 53 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года»⁵³⁷. Тем не менее, можно констатировать, что мнения представителей доктрины международного права по вопросу того, относятся ли нормы международного гуманитарного права к нормам *jus cogens*, делятся на прямо противоположные⁵³⁸. В любом случае, поскольку Проекты статей об ответственности не содержат перечня конкретных действий, которые можно было бы охарактеризовать как «серьезные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права», дискуссии по данному вопросу, очевидно, будут продолжаться в обозримой перспективе.

Ответственность индивидов за нарушение норм международного гуманитарного права, в целом, изучена гораздо лучше и имеет больше прецедентной практики. При этом, индивиды могут нести ответственность как по национальному праву, так и по международному, поскольку «в особом положении находятся преступления против мира и человечности, а также военные преступления, ответственность за которые может быть реализована приговором международного трибунала»⁵³⁹. Уголовную ответственность физические лица несут за использование незаконных методов ведения военных действий, в том числе вероломство (симулирование уважения белого

⁵³⁷ Консультативное заключение Международного Суда ООН относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения 1996 г.

⁵³⁸ Например, Condorelli L., Boisson de Chazournes L. *Quelques remarques à propos de l'obligation des États de respecter et faire respecter le droit international humanitaire en toutes circonstances*. *Studies and Essays on International Humanitarian Law and Red Cross Principles in Honour of Jean Pictet*. C. Swinarski (ed.), ICRC/Martinus Nijhoff, Geneva/The Hague. 1984 полагают, что положения МГП являются императивными нормами, в то время как Stein T. *Coalition Warfare and Differing Legal Obligations of Coalition Members Under International Humanitarian Law* *International Law Studies*. Vol.78. *Legal and Ethical Lessons of NATO's Kosovo Campaign*. 2002. P. 317, считает, что это не так.

⁵³⁹ Батырь В.А. *Имплементация норм международного гуманитарного права в военном законодательстве Российской Федерации*. Дисс. к.ю.н. 20.02.03. Москва, 1999. С.39.

флага перемирия с последующей агрессией, незаконное использование эмблем международных организаций, например, ООН или МККК, а также флагов и формы нейтральных стран или государств, не находящихся в конфликте); воздействие на окружающую среду в качестве средства достижения военных целей (применение дефолиантов и отравляющих веществ, поджог нефтяных скважин); целенаправленные удары по гражданским объектам, демилитаризованным зонам, объектам, являющимися историческими памятниками и местами отправления религии; отдача или угроза отдачи приказа «не оставлять никого в живых» и другие.

Международную ответственность международных организаций за нарушение норм международного гуманитарного права представляет собой еще большую сложность, чем ответственность государств за нарушение норм МГП. Можно констатировать, что организация, чьи методы проведения военных операций вызывают наибольшее количество вопросов на предмет соответствия нормам и принципам международного права – это Североатлантический Альянс: «Каким образом многонациональные контингенты на службе НАТО могут быть привлечены к ответственности за нарушение норм международного гуманитарного права, и могут ли они вообще быть привлечены?»⁵⁴⁰. Данные вопросы особенно актуальны в контексте позиции, которую многократно озвучивали представители Альянса, и которая заключается в том, что нарушения организацией норм МГП, а также существенное количество жертв среди мирного населения при проведении операций представляет собой так называемый «сопутствующий ущерб» (*collateral damage*). При этом, отдельные представители ооновских структур заявляют о неправомерности подобного подхода: «Если жертв среди гражданского населения можно избежать, значит, их нужно избежать. Если невозможно удостовериться в том, что на мосту нет автобусов с людьми, стоит

⁵⁴⁰ Rosen N. How are Multinational NATO Operations Responsible for International Humanitarian Law Violations?//The Fletcher Forum of World Affairs. Vol. 37. No.3. 2013. P. 164.

ли взрывать эти мосты? Это очень важные вопросы, потому что люди – это не сопутствующий ущерб. Это люди, которых убивают, калечат, чьи жизни разрушены»⁵⁴¹.

При этом, большую роль в подобных ситуациях является оценка. Например, международные правозащитные организации типа *Amnesty International* отмечают большое количество нарушений норм международного гуманитарного права во время операций НАТО на территории бывшей Югославии,⁵⁴² в то время как представители самого Альянса, наоборот, заявляют, что «в истории военно-воздушных операций еще не было операции настолько разрушительной для военных и при этом настолько дружественной к гражданскому населению, даже если мы не смогли – и никто никогда не сможет – достичь стопроцентного совершенства»⁵⁴³.

Еще одним вопросом, тормозящим развитие тематики международной ответственности международных организаций за нарушения норм международного гуманитарного права, является то, что конвенции и договоры по международному гуманитарному праву подписывают государства, а не международные организации, соответственно, и субъектами ответственности, в первую очередь, являются государства. Например, на момент осуществления Североатлантическим Альянсом бомбардировок бывшей Югославии в 1999 году, I Дополнительный протокол 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, не был подписан Францией, США и Турцией, которые являются членами НАТО. Более того, юристы Североатлантического Альянса не считают НАТО

⁵⁴¹ Цитата приведена в Boggan S. NATO Warned on War Crimes//The Independent. 5 May 1999.

⁵⁴² См. NATO/Federal Republic of Yugoslavia: Collateral Damage or Unlawful Killings? Violations of the Laws of War by NATO during Operation Allied Force. Amnesty International Report. 2000. URL: <http://www.amnesty.org/es/library/asset/EUR70/018/2000/en/e7037dbb-df56-11dd-89a6-e712e728ac9e/eur700182000en.pdf> (дата обращения 05.09.2024).

⁵⁴³ Press Conference of J. Shea and Major General W. Jertz, Brussels, 3 May 1999.

носителем обязательств по МГП⁵⁴⁴, подчеркивая, что «правовые обязательства лежат на государствах-членах»,⁵⁴⁵ а не на организации как таковой.

Помимо всего вышесказанного, серьезной проблемой является отсутствие алгоритма, в рамках которого индивиды (именно они являются пострадавшей стороной при нарушении государствами и международными организациями норм МГП), могут обращаться хоть за какой-то компенсацией за причиненный ущерб. Бытует мнение, что «положения международного гуманитарного права не предоставляют частным лицам статуса, необходимого для отстаивания правовых требований непосредственно в национальных судах, т.е. эти положения сами по себе не обладают исполнительной силой»⁵⁴⁶.

Очевидно, что обращение в региональные суды по правам человека мало что даст, поскольку, во-первых, их юрисдикция распространяется лишь на те государства, которые участвуют в деятельности того или иного суда по правам человека, а, во-вторых, юрисдикция данных судов связана с тематикой нарушения прав человека, в частности, регулируя такие вопросы как запрет пыток, запрещение рабства и принудительного труда, реализацию права на свободу и личную неприкосновенность, право на справедливое судебное разбирательство и наказание исключительно на основании закона, право на уважение частной и семейной жизни, свободу мысли, совести и религии, свободу выражения мнения и прочее. При этом, если судить по прецедентной практике исков, которые индивиды, пострадавшие от военной операции НАТО на территории бывшей Югославии, подавали в ЕСПЧ, суд не считает, что нарушения норм международного гуманитарного права относятся к его компетенции.

⁵⁴⁴ Цит. по NATO/Federal Republic of Yugoslavia: Collateral Damage or Unlawful Killings? Violations of the Laws of War by NATO during Operation Allied Force. Amnesty International Report. 2000. P.10.

⁵⁴⁵ Ibid.

⁵⁴⁶ Гийар Э.-К. Возмещение ущерба в случае нарушений международного гуманитарного права//Международный журнал Красного Креста, 2003. С. 276.

Возможно также обращение индивидов, пострадавших от нарушений государствами и международными организациями норм гуманитарного права, в национальные суды, однако мизерный шанс на успех имеется только в случае, «если в данной правовой системе международное право непосредственно применимо, а соответствующие нормы обладают сами по себе исполнительной силой или если внутреннее законодательство предоставляет им частное право на иск»⁵⁴⁷. Но, в большинстве случаев, государства защищены иммунитетом от подобного преследования, поэтому пострадавшие лица не имеют процессуальной правоспособности в подобных вопросах.

Таким образом, можно констатировать, что «возмещение ущерба частным лицам, пострадавшим от нарушений международного гуманитарного права, в обозримом будущем, вероятно, будет производиться произвольно, в зависимости от конкретного конфликта»⁵⁴⁸. При этом, наиболее вероятным способом получения денежных выплат будут служить добровольные платежи *ex gratia*, которые подробно будут рассматриваться далее в этом параграфе.

Вопросы международной ответственности государств и международных организаций за применение запрещенных видов оружия.

Регулирование отдельных типов вооружений, в особенности, касающихся оружия массового поражения, является важной частью международного гуманитарного права и опирается на значительный объем международных договоров и соглашений, ограничивающих или полностью запрещающих отдельные типы вооружений⁵⁴⁹. Важнейшей проблемой, в

⁵⁴⁷ Сассоли М. Ответственность государства за нарушения международного гуманитарного права// Международный журнал Красного Креста, 2002. С. 185.

⁵⁴⁸ Гийар Э.-К. Возмещение ущерба в случае нарушений международного гуманитарного права//Международный журнал Красного Креста, 2003. С. 292.

⁵⁴⁹ См., например, Декларация об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль 1868 г.; Декларация о запрещении применять пули, легко разрывающиеся в человеческом теле 1899 г.; Женевский протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других бактериологических средств 1925 г.; Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении 1972 г.; Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия

данном контексте, является то, что государства добровольно выбирают, какие договоры им интересны и какие договоры они готовы соблюдать, поэтому каждая конвенция, ограничивающая определённый тип вооружения, имеет ограниченный круг участников. Именно поэтому, как было отмечено в докладе Комиссии при Совете по правам человека, «не все запрещенное оружие запрещено во всех государствах-участниках»⁵⁵⁰. Например, Конвенцию 1980 года о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие по состоянию на 2024 год подписало менее 130 стран. При этом, далеко не все страны-участницы Конвенции подписали дополнительные пять протоколов к ней.

В частности, «именно поэтому само словосочетание «запрещенное оружие» имеет скорее журналистский, нежели юридический контекст, так как нужно уточнять, взяло ли на себя государство, которое применило данное оружие, обязательства по его неприменению»⁵⁵¹. К сожалению, можно констатировать, что далеко не все государства несут обязательства по всем конвенциям, регулирующим те или иные типы вооружений. Иногда можно услышать, что данные нормы международного гуманитарного права автоматически распространяются на все современные государства в качестве обычно-правовых норм, однако подобные упования не отражают реальную

на природную среду» 1977 г.; Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения и имеющими неизбирательное действие 1980 г. с пятью протоколами – о обнаруживаемых осколках (I), о запрещении или ограничении применения мин-ловушек и других устройств (II), о запрещении или ограничении применения зажигательного оружия (III), об ослепляющем лазерном оружии (IV), протокол по взрывоопасным пережиткам войны (V); Конвенция о запрещении разработки, производства и применения химического оружия и о его уничтожении 1993 г.; Конвенция о запрещении разработки, производства и применении химического оружия и его уничтожении 1997 г.; Конвенция о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении 1997 г.; Конвенция по кассетным боеприпасам 2008 г. и др.

⁵⁵⁰ International Commission of Inquiry on Libya Report. Human Rights Council. 19th session. Doc. A/HRC/19/68. 2 March 2012. P. 1-2.

⁵⁵¹ Сазонова К.Л. Современный международно-правовой статус оружия массового уничтожения и вопросы международной ответственности государств за его применение//Национальная безопасность. № 6 (59). 2018. С.53-54.

практику межгосударственного взаимодействия, особенно в условиях, связанных с военно-силовым взаимодействием.

Кроме того, отдельно стоит выделить вопрос о том, можно ли считать, что на международные организации, которые не подписывают конвенции по международному праву, также распространяются действия данных договоров, или же их нельзя напрямую считать носителями обязательств по международному праву. Кроме того, с учетом того, что в одной организации коллективной безопасности объединены государства с разным набором подписанных конвенций, весьма логично задаться вопросом о том, «могут ли быть различные правовые стандарты у разных членов одной коалиции»⁵⁵². Например, важным аспектом при определении ответственности НАТО является то, что большинство международных конвенций в области международного гуманитарного права подписывались государствами, и, соответственно, накладывают обязательства на государства, а не международные организации. Как быть в ситуации, как, например, с Конвенцией по кассетным боеприпасам, вступившей в силу 2010 году, которую одни члены НАТО (например, Франция и Германия) подписали, а другие члены (например, США) не подписали? Каковы при этом обязательства альянса в целом по отношению к данной конвенции? Ответа на данные вопросы пока отсутствуют.

Существует также определенные проблемы и разночтения относительно запрещения или ограничения отдельных типов современных вооружений, и соответственно, связанных с этим вопросов международной ответственности за применения данных вооружений в ходе военно-силовых действий различных государств. с официальным запрещением отдельных видов оружия. Например, в ходе операции на территории бывшей Югославии военные контингенты НАТО использовали снаряды с обедненным ураном и

⁵⁵² Stein T. Coalition Warfare and Differing Legal Obligations of Coalition Members Under International Humanitarian Law *International Law Studies. Legal and Ethical Lessons of NATO's Kosovo Campaign*. Vol.78. 2002. P. 315.

плутонием. Это привело к многочисленным онкопатологиям как у жителей бывшей Югославии, так и у солдат военных контингентов. Также в ходе данной операции Североатлантический Альянс применял кассетные и осколочные бомбы, наносящие поражения, имеющие неизбирательный характер. Многочисленные исследования и статистика, основанная на обобщении целого ряда подобных операций, позволяет сделать вывод о том, что в результате применения снарядов с обедненным ураном Ираке в 1991 и 2003 годах, на территории бывшей Югославии в 1999 году, в Ливии в 2011 году, фиксируется сильный и устойчивый рост онкологических заболеваний, а также случаи генетических мутаций,⁵⁵³ что привело к появлению в военной медицине терминов «синдром войны в Заливе» и «балканский синдром».

Несмотря на то, что Европейский парламент несколько раз предлагал запретить оружие с обедненным ураном, юристы НАТО последовательно отрицают связь между применением данного оружия и онкологическими заболеваниями.⁵⁵⁴ Всемирная организация здравоохранения после изучения событий на территории бывшей Югославии, в докладе 2001 года пришла к выводу о том, что *«есть вероятность [выделено мной-К.С.] того, что применение оружия с обедненным ураном сказывается на здоровье людей, проживающих в районах конфликтов в Персидском заливе и на Балканах»*⁵⁵⁵. Таким образом, те государства, которые активно используют в военных операциях оружие и боеприпасы с обедненным ураном, продолжают это делать без всякой отсылки к тематике международной ответственности.

Сложности правовой регламентации связаны также с применением боеприпасов, содержащих белый фосфор, который приводит к появлению ран,

⁵⁵³ См., например, Hindin R. Teratogenicity of Depleted Uranium Aerosols: A Review from an Epidemiological Perspective // Environmental Health. 2005; Briner W. The Toxicity of Depleted Uranium. International Journal of Environmental Research and Public Health. Vol. 7. No.1. 2010.

⁵⁵⁴ Parliament calls for a global ban on depleted uranium weapons. European Parliament. 22 May 2008.

⁵⁵⁵ Фактологический бюллетень Всемирной организации здравоохранения. № 257. Январь 2001.

схожих с ранами от химического оружия, из-за чего в прессе боеприпасы с белым фосфором часто называют «химическим оружием»,⁵⁵⁶ хотя белый фосфор не входит ни в один из трех списков веществ, применение которых регулируется Конвенцией о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении 1993 года.⁵⁵⁷

В то же время, применение боеприпасов с белым фосфором затрагивается III Протоколом к Конвенции о конкретных видах обычного оружия 1980 года, согласно которому «оружие с белым фосфором относится к «зажигательным» вооружениям и не должно применяться в местах сосредоточения гражданского населения, то есть в окрестностях населенных областей. При этом, при ударах по военным целям, ограничения не накладываются»⁵⁵⁸.

Тем не менее, в прессе оружие с белым фосфором обычно относят к «запрещенному оружию»,⁵⁵⁹ хотя государства пытаются оправдать его применения за счет трактовки тех или иных положений международных конвенций. Например, при применении контингентами США фосфорных бомб в Ираке, американские власти заявили, что, во-первых, бомбы применялись не как химическое, а как зажигательное оружие, и, поскольку III протокол к конвенции 1980 года США на тот момент подписан не был (они

⁵⁵⁶ США применяли химическое оружие против жителей Ирака// 29 ноября 2011. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/592866/>

⁵⁵⁷ В список № 1 входят люизит, хлор, сернистый и азотистый иприт, рицин и сакситоксин, а также все отравляющие вещества нервно-паралитического действия); в список №2 входят химикаты, некоторые из которых являются прекурсорами химикатов списка №1 и которые рассматриваются как представляющие значительный риск для предмета и целей Конвенции (например, тиодигликоль); в список №3 входят химикаты, которые могут производиться в коммерческих целях, но не должны применяться в военных целях (например, фосген, триэтаноламин и др.).

⁵⁵⁸ Сазонова К.Л. Современный международно-правовой статус оружия массового уничтожения и вопросы международной ответственности государств за его применение//Национальная безопасность. № 6 (59). 2018. С.63.

⁵⁵⁹ Пентагон признал использование ядовитого белого фосфора в Ираке//Ньюс.ру. 16 ноября 2005. URL:<http://www.newsru.com/world/16nov2005/fosfor.html> (дата обращения 05.09.2024).

подписали его в 2009 году) , ни о каких международных обязательствах говорить не приходится, а, во-вторых, «оружие применялось исключительно против комбатантов».⁵⁶⁰ Также можно отметить правовые лакуны, связанные с международно-правовым регулированием вопросов, связанных с применением беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в ходе реализации государствами военно-силовых операций, применение которых может нанести серьезный ущерб гражданской инфраструктуре и привести к нарушениям международного гуманитарного права. В целом, прямой запрет на применение БПЛА в международном праве отсутствует, однако «наиболее принципиальным юридическим аспектом является вопрос о том, на каком основании данный беспилотный аппарат оказался в воздушном пространстве того или иного государства»⁵⁶¹. В любом случае, пока это одна из так называемых «серых зон» современного международного права, которая нуждается в дальнейшей правовой регламентации.

В свете появления новых, все более совершенных и смертоносных форм оружия, представляется категорически неправильным, когда субъекты международного права уходят от международной ответственности на основании того, что применение отдельных видов вооружений не регулируется международным правом. К.В. Фатеев отмечает, что «в настоящее время не существует специальных норм, запрещающих применять на войне новые виды оружия массового поражения (лучевого, радиологического, обычных бомб с урановыми сердечниками и др.)»⁵⁶². Можно констатировать, что появление новых технологий военного противостояния как инициируют дискуссии об этических вопросах, так и открывают новые перспективы в вопросах международной ответственности.

⁵⁶⁰US used white phosphorus in Iraq//BBC News. 16 November 2005. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/4440664.stm

⁵⁶¹ Сазонова К.Л., Холиков И.В. Международно-правовая ответственность в контексте правовой регламентации военного использования беспилотных летательных аппаратов//Военное право. №4(44).2017. С.222.

⁵⁶² Фатеев К.В. Военная безопасность Российской Федерации и правовые режимы ее обеспечения (теоретико-правовое исследование). М., Военный университет, 2004. С.199.

Соотношение платежей ex gratia и форм международной ответственности государств и международных организаций

В конце XX века стал активно развиваться формат платежей *ex gratia*, или, иначе, «добровольных платежей», «выплат соболезнования» (*condolence payments*), или «утешительных выплат» (*solatia payments*), под которыми понимают фиксированные суммы, которые государства или международные организации добровольно выплачивают пострадавшим в результате нарушения данными государствами или международными организациями норм международного гуманитарного права. Доктринальных исследований по тематике платежей *ex gratia* сравнительно немного.⁵⁶³

Побудительным моментом для выплаты подобных сумм для государств и международных организаций, является нарастающее недовольство со стороны местного населения во время проведения подобных операций, а также их попытки обращаться в суды. Кроме того, традиционный путь привлечения государств и международных организаций к международной ответственности обычно занимает довольно много времени.

Например, в Непале в течение десяти лет, с 1996 по 2006 год, шла гражданская война между сторонниками коммунистической маоистской партии Непала и сторонниками непальской монархии. После свержения монархии и формирования коалиционного правительства, с маоистами был подписан мирный договор. В 2008 году правительство Непала учредило Временную программу помощи/*Interim Relief Program* для пострадавших в ходе конфликта, в ходе которого 17 тысяч человек были убиты, 1300 человек

⁵⁶³ См. Сазонова К.Л. Выплаты *ex gratia* для жертв вооруженных конфликтов и право международной ответственности//*Lex Russica*, №11, 2015; Crawford N.C. *Accountability for Killing: Moral Responsibility for Collateral Damage in America's Post-9/11 Wars*. Oxford University Press. 2013; Backgrounder: US "Condolence" Payments. Amsterdam International Law Clinic. Center for Civilians in Conflict. 2011. URL: <http://civiliansinconflict.org/resources/pub/backgrounder-us-condolence-payments>; Monetary Payments for Civilian Harm in International and National Practice. Amsterdam International Law Clinic. Center for Civilians in Conflict. 2013. URL: http://civiliansinconflict.org/uploads/files/publications/Valuation_Final_Oct_2013pdf.pdf

пропало без вести и тысячи подверглись принудительному переселению.⁵⁶⁴ Помимо непальского правительства, финансирование программы осуществлялось Всемирным банком, выделившим 50 млн. долларов.⁵⁶⁵ Еще один подобный пример – когда в 1998 году между правительством Филиппин и оппозиционным Национальным демократическим фронтом Филиппин был подписан Всеобъемлющий договор о соблюдении прав человека и международного гуманитарного права на Филиппинах, предусматривающий совместное возмещение ущерба потерпевшим от нарушения международного гуманитарного права.⁵⁶⁶

Из-за длительности процесса имплементации международной ответственности, возникла тематика платежей *ex gratia* как альтернативной, внеправовой формы материального возмещения. При этом, с гражданского населения нередко берутся подписки о том, что они отказываются от урегулирования вопросов в судебном порядке в обмен на денежную компенсацию. С учетом того, что что чаще всего привлечь государства и международные организации, защищенные иммунитетами, не получается, нет ничего удивительного в том, что люди соглашаются на платежи *ex gratia*, «однако тем самым пострадавшее население невольно ограничивает перспективы развития института ответственности государств»⁵⁶⁷.

Важно подчеркнуть, что платежи *ex gratia* не устанавливаются органом международного правосудия, не являются формой международной ответственности, не имеют отношения к компенсации, а также не сопровождаются признанием вины со стороны выплачивающего их

⁵⁶⁴ Recording Nepal Conflict: Victims in Numbers//Nepal Monitor. 23 July 2013. URL: http://www.nepalmonitor.com/2011/07/recording_nepal_conf.html (дата обращения 05.09.2024).

⁵⁶⁵ World Bank, Nepal – Peace Support Project. No. AB3799. 2008. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/2008/04/9329917/nepal-peace-support-project>, Annex 3. (дата обращения 05.09.2024).

⁵⁶⁶ Всеобъемлющий договор о соблюдении прав человека и международного гуманитарного права на Филиппинах от 16 марта 1998 г. URL: www.incore.ulst.ac.uk/cds/agreements/pdf/phil8.pdf. (дата обращения 05.09.2024).

⁵⁶⁷ Сазонова К.Л. Выплаты *ex gratia* для жертв вооруженных конфликтов и право международной ответственности//Lex Russica, №11, 2015.С.108.

государства или организации: «В случае платежей *ex gratia* ни о каком признании вины не может быть и речи, поскольку они осуществляются без какого-либо внешнего контролирующего органа, и являются исключительно «жестом доброй воли»⁵⁶⁸.

Страной, которой первой начала развивать тематику таких платежей, являются США. В 1918 году президент В. Вильсон подписал «Закон о компенсации за ущерб, нанесенный американскими силами за рубежом»,⁵⁶⁹ в результате принятия которого к окончанию Первой мировой войны было получено более 50 тысяч жалоб на действия американских солдат, из них по 40 тысячам были выплачены компенсации.⁵⁷⁰ В 1942 году, месяц спустя после событий Перл-Харбора, президент Рузвельт одобрил «Закон о материальных претензиях иностранных граждан» для «поощрения и поддержания дружественных отношений между США и жителями зарубежных стран»⁵⁷¹. Там также была подчеркнута одна из главных характеристик платежей *ex gratia*, а именно «полное высвобождение США от дальнейшей ответственности по любым претензиям, возникшим в результате конфликта»⁵⁷². Подобные выплаты также осуществлялись в период войны в Корею (1950-1953 гг.), а качестве обоснования назвалось «выражение симпатии людям, которые много страдали»⁵⁷³.

Исследователи Центра международного права в Амстердаме, изучавшие практику выплат подобных платежей американской стороной в Афганистане, отмечали, что они представляют собой «выплаты *ex gratia*, которые являются жестом симпатии и призваны облегчить страдания людей, и которые ни в коем

⁵⁶⁸ Там же. С. 105.

⁵⁶⁹ An Act to Give Indemnity for Damages Caused by American Forces Abroad. 18 April 1918. Ch. 57.

⁵⁷⁰ Данные приводятся в статье Mullins W.R. The International Responsibility of a State for Torts of Its Military Forces// Military Law Review. No. 34. Vol. 59. 1966.

⁵⁷¹ USA Foreign Claims Act. 1942. Ch. 645.

⁵⁷² Witt J.F. Form and Substance in the Law of Counterinsurgency Damages. Loyola of Los Angeles Law Review. No. 6. Vol.1. 2008. P. 1462.

⁵⁷³ Backgrounder: US “Condolence” Payments. Amsterdam International Law Clinic. Center for Civilians in Conflict. 2011. URL: <http://civiliansinconflict.org/resources/pub/backgrounder-us-condolence-payments>.

случае не являются формой возмещения, или признанием вины или небрежности»⁵⁷⁴. При этом, подобные платежи могут финансироваться как из американского бюджета, так и из бюджета операции.

В 1988 году над Персидским заливом американской ракетой был сбит пассажирский самолет Ирана. Американская версия произошедшего заключалась в том, что самолет приняли за военный и сбили по ошибке. Иранская сторона настаивала на том, что это был акт поддержки Ирака со стороны США, в котором американская сторона поддерживала иракскую. Американские юристы тогда настаивали на выплатах *ex gratia*, которые помогут улучшить двусторонние отношения, не признавая при этом вину⁵⁷⁵. В итоге, «в 1996 г. США в качестве «жеста доброй воли» выплатили Ирану 61,8 млн. долларов, при этом в данную сумму входили лишь компенсации семьям погибших. Иранская сторона настаивала также на возмещении стоимости самолета, однако США отказались его осуществлять»⁵⁷⁶. В данном кейсе проявился еще один важный признак платежей *ex gratia* – потерпевшая сторона не имеет никаких рычагов воздействия на сторону-нарушителя, и не может увеличивать размер этих платежей, исходя из собственных требований и собственного видения ситуации.

Однако даже выплаты *ex gratia* происходят далеко не всегда. Например, американский Конгресс несколько раз рассматривал вопросы платежей пострадавшим от воздействия «Агента Оранж» на основе диоксина, распылявшегося американскими войсками во время войны во Вьетнаме.⁵⁷⁷

⁵⁷⁴ Addressing Civilian Harm in Afghanistan: Policies & Practices of International Forces. Amsterdam International Law Clinic. Center for Civilians in Conflict. 2010. P.3.

⁵⁷⁵ Leich M.N. Denial of Liability: Ex Gratia Compensation on a Humanitarian Basis// American Journal of International Law.No.83. 1989; Maier H.G. Ex Gratia Payments and the Iranian Airline Tragedy// American Journal of International Law. No.83. 1989.

⁵⁷⁶ Сазонова К.Л. Выплаты *ex gratia* для жертв вооруженных конфликтов и право международной ответственности//Lex Russica, №11, 2015. С.105.

⁵⁷⁷ Victims of Agent Orange Relief Act of 2011. 12th Congress. 25 July 2011. URL: <http://www.govtrack.us/congress/bills/112/hr2634/text> (дата обращения 05.09.2024).

Однако, в итоге Конгресс решил, что США не должны нести ничего выплачивать.⁵⁷⁸

Кроме того, отдельные пострадавшие от воздействия «Агента Оранж» пытались привлечь к ответственности компанию Monsanto, которая поставляла партии реагента американским войскам. Но в 2021 году французский суд оставил без удовлетворения иск женщины, которая в молодом возрасте подверглась воздействию «Агента Оранж». В 2024 году апелляция на это решение также была отклонена. Суд объяснил свою позицию тем, что компания действовала по приказу американского государства, в отношении которого французский суд не обладает юрисдикцией.

Международные межправительственные организации в XXI веке также взяли на вооружение платежи *ex-gratia*. Как отмечала Комиссия международного права ООН, «тот факт, что международные организации иногда предоставляют компенсацию *ex gratia*, объясняется не обилием ресурсов, а скорее тем, что организации, как и государства, неохотно идут на признание своей собственной международной ответственности»⁵⁷⁹. В 2010 году Североатлантический Альянс утвердил документ «Необязательные принципы выплат жертвам среди гражданского населения в период военных действий, а также жертвам нанесенного ущерба гражданской собственности». Исходя из данного документа, государства-члены НАТО самостоятельно принимают решения о выплате добровольных платежей, особо подчеркивая, что они осуществляются без отсылки к вопросу юридической ответственности⁵⁸⁰. Более того, выплаты разных стран существенно отличаются по размеру и зависят от конкретного случая.

⁵⁷⁸ Vietnam Special Weapons. Global Security.org. URL: <http://www.globalsecurity.org/wmd/world/vietnam/index.html> (дата обращения 05.09.2024).

⁵⁷⁹ Доклад Комиссии международного права ООН. 2011. С. 144.

⁵⁸⁰ NATO Nations Approve Civilian Casualty Guideline. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_65114.htm?selectedLocale=fr (дата обращения 05.09.2024).

Платежи *ex gratia* можно охарактеризовать как однозначно негативную практику, существенно затрудняющую переход к формату международной ответственности, а также препятствующую прогрессивному развитию международного права, в особенности тематики, связанной с международной ответственностью.

Можно констатировать, что ситуации возникновения нескольких потенциальных субъектов международной ответственности не регламентированы в международном праве детально. В данной главе, автор обосновывает необходимость внедрения в отечественную доктрину термина «разделяемая ответственность», который позволит маркировать ситуации, когда встает вопрос о международной ответственности сразу нескольких субъектов. Безусловно, сама имплементация ответственности будет происходить в разных формах и на разных уровнях правосудия, но, при этом, установка всех потенциальных субъектов ответственности по конкретной ситуации будет способствовать повышению стабильности и усилению контроля над вопросами, связанными с международной безопасностью.

Вопросами, нуждающимися в дополнительном правовом осмыслении, являются вопросы совместной ответственности государства и его политического/военного руководства; совместная ответственность государств и организаций коллективной самообороны; совместная ответственность государств/международных организаций и частных военных и охранных компаний, а также их сотрудников.

Можно констатировать, что, в настоящее время, наибольшее количество прецедентной практики накоплено в отношении международной ответственности государств, а также ответственности индивидов, причем как в рамках международного, так и национального права. При этом, тематика международной ответственности организаций существенно притормаживается из-за нежелания государств ее развивать, поскольку перекладывание ответственности на организацию коллективной

безопасности, например, НАТО, в значительной степени выгодно ее членам, поскольку организация либо не несет никакой международной ответственности, либо реализует ее в весьма ограниченной форме.

Также практически неурегулированной остается группа вопросов, касающиеся вопросов ответственности, возникающих в связи с привлечением государствами и международными организациями частных военных и охранных компаний к реализации военно-силовых операций. Можно констатировать, что сотрудники подобных структур полностью исключены из действующего международно-правового регулирования, что делает их привлечение еще одним способом ухода от международной ответственности со стороны государств и международных организаций, а также провоцирует дальнейшие злоупотребления, особенно, со стороны западных государств, активно использующих ЧВОК в своей внешнеполитической активности.

Отдельную сложность представляют собой ситуации, когда частные военные компании привлекаются к осуществлению миротворческих миссий ООН или НАТО, поскольку, на практике, практически невозможно разделить действия участников миротворческого контингента и действия сотрудников ЧВОК. При этом, вопросы международной ответственности разработаны недостаточно, а вопросы ответственности частных военных и охранных компаний не разработаны вовсе. Еще одним фактором, существенно тормозящим прогрессивное развитие тематики, связанной с международной ответственностью, являются «платежи *ex gratia*», поскольку они представляют собой внеправовую форму урегулирования отношений с гражданами, пострадавшими в результате военных конфликтов, тормозящую развитие тематики международной ответственности, на одну только кодификацию которой ушла половина столетия.

ГЛАВА 4

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ

4.1. Виды и формы международной ответственности государств за преступления против мира и безопасности.

Международная ответственность государств – это сложное, многомерное и комплексное явление. Представляется неверным понимание международной ответственности лишь как конкретных неблагоприятных последствий для государства-нарушителя, например, денежных выплат или некоторых ограничений. При реализации международной ответственности, различные формы ответственности зачастую применяются в совокупности, кумулятивно, образуя единый комплекс лишений и обременений.

Еще в XIX в. австрийский юрист Ф. фон Лист утверждал, что «виновное государство должно восстановить существовавшее ранее положение и выплатить денежную компенсацию. В особо серьезных случаях, кроме материального возмещения требуется «удовлетворение, которое состоит в выражении соболезнования, салюте флагу потерпевшего государства и т.д.»⁵⁸¹.

В настоящее время, провести четкое разделение ответственности государств на материальную и нематериальную весьма сложно, с учетом тесной взаимосвязи политических и экономических факторов. Дело в том, что одно в значительной степени влияет на другое, и материальный формат ответственности может влиять на нематериальный, и наоборот. Например, при осуществлении внешнеторговых отношений и заключении контрактов государство значительно зависит от своего имиджа на международной арене.

⁵⁸¹ Liszt F. Das Volkerrecht. Berlin, 1918. P. 182.

В свою очередь, отток капитала и инвестиций, а также разрыв экономических контрактов – частые последствия реализации политической ответственности. Именно поэтому зачастую крайне сложно определить, как конкретно реализация той или иной формы международной ответственности скажется на политике, экономике и внешнеполитической стратегии конкретного государства.

Кроме того, классификация видов ответственности также отличается в зависимости от того, в какой стране производится доктринальная классификация. Например, в советской школе международного права большинство ученых придерживалось разделения международной ответственности государств на политическую и материальную⁵⁸², однако это не мешало отдельным исследователям использовать собственную терминологию. Например, советский специалист в области международного права М. Х. Фарукшин выступал против выделения политической ответственности государства в качестве самостоятельной формы ответственности, и выделял материальную и нематериальную ответственность государства.⁵⁸³ Н.В. Мошенская различает ответственность «юридическую (уголовную и материальную), политическую и моральную»⁵⁸⁴. Профессор И.И. Лукашук подразделял ответственность на карательную и компенсационную (или восстановительную),⁵⁸⁵ и так далее.

В западной школе международного права также наблюдался большой разброс мнений относительно обозначения видов международной ответственности. Так, итальянский юрист Д. Анцилотти вместо термина «политическая ответственность» использовал термин «удовлетворение», а

⁵⁸² См., например, Мазов В.А. Ответственность в международном праве: проблемы кодификации и прогрессивного развития норм и принципов международно-правовой ответственности. М., 1979.

⁵⁸³ Фарукшин М. Х. Международно-правовая ответственность: (Сущность и основание) // Международная правосубъектность. М., 1971. С. 165.

⁵⁸⁴ Мошенская Н.В. Проблема ответственности за геноцид. М., Юристъ. 2008. С. 45.

⁵⁸⁵ Лукашук И. И. Право международной ответственности. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 15.

материальную ответственность называл «возмещением ущерба»⁵⁸⁶. Немецкий правовед Л. Оппенгейм полагал, что любая форма ответственности должна выражаться в форме материальной компенсации за причиненный ущерб и официального извинение со стороны правонарушителя⁵⁸⁷.

Согласно классификации, приводимой в главе 2 «Возмещение вреда/*Forms of Reparation*» Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 года, международная ответственность сводится к трем формам ее практической реализации – реституции (ст.35), компенсации (ст.36), и сатисфакции (ст. 37). Можно констатировать, что Комиссия международного права обобщила сложившуюся по данной тематике прецедентную практику, и вывела три основных формы: во-первых, возвращение материальных ценностей и объектов (реституция/*restitution*), во-вторых, денежное возмещение (компенсация/*compensation*) и политически значимые действия (сатисфакция/*satisfaction*). При этом, в Проекте не указаны конкретные разновидности и подвиды каждой из трех указанных форм.

Представители современной западной доктрины международного права уже активно используют классификацию, предложенную Комиссией: «Государство, ответственное за нарушение, должно прекратить противоправные действия и возместить ущерб в полном объеме, что включает реституцию, компенсацию или сатисфакцию»⁵⁸⁸. При этом, в отечественной доктрине, в большинстве учебников и пособий по международному праву используется разделение на ответственность материальную и нематериальную/политическую. В ходе проведенного автором опроса (анкетирования), представленного в Приложении №1 к настоящему исследованию, в котором приняли участие 52 человека, обладающих учеными

⁵⁸⁶ Anzilotti D. *Teoria generale della responsabilita dello Stato nel diritto internazionale*. Firenze, 1902.

⁵⁸⁷ Оппенгейм Л. *Международное право*. М., 1948.

⁵⁸⁸ Сассоли М. Ответственность государства за нарушения международного гуманитарного права// *Международный журнал Красного Креста*, 2002. С.185.

степенями в области юриспруденции и преподающие в различных ВУЗах Российской Федерации, выяснилось, что для 60% респондентов привычнее разделение ответственности на материальную и политическую.

Тем не менее, можно предположить, что единообразие в терминологии могло бы сыграть позитивную роль в осмыслении непростых вопросов, связанных с международной ответственностью, а также облегчить коммуникацию между представителями различных национальных доктрин международного права. Кроме этого, классификация ответственности, представленная в ПСОГ 2001 года, с тех пор используется Комиссией международного права ООН в разработке и обсуждении других вопросов, связанных с ответственностью, например, в рамках темы «Правопреемство государств в отношении ответственности государств», которой КМП ООН занимается, начиная с 2017 года.

Существенной проблемой является вопрос об адекватном переводе различных англоязычных терминов, переводящихся на русский язык как «ответственность». Например, в терминологии английского языка материальная ответственность обозначается не термином *responsibility*, а термином *liability*. По вопросу корректного перевода данных терминов ведутся споры. Из анализа англоязычных документов можно сделать вывод о том, что под термином *liability* обычно подразумеваются денежные обязательства, а термин *responsibility*, во-первых, используется в более широком контексте, а во-вторых, он связан не столько с денежным аспектом ответственности, сколько с политическим.

Данная проблема несоответствия терминов не столь безобидна, как может показаться на первый взгляд, поскольку «лингвистическая невозможность в других языках различать *responsibility* и *liability* еще сильнее усугубляет сложности»,⁵⁸⁹ которыми изобилует право международной ответственности. Например, при переводе на русский язык фразы из доклада

⁵⁸⁹ Sucharitkul S. State Responsibility and International Liability under International Law// LOYOLA International and Comparative Law Review. Vol.18. 1996. P. 822.

Генерального Секретаря ООН 1990 года «*international norms continue to evolve in exigencies of the time, including legal norms regarding State **responsibility** and international **liability***»,⁵⁹⁰ неизбежно возникнут сложности, поскольку слова *responsibility* и *liability* на русский язык переводятся одинаково.

Необходимо также отметить, что Комиссия международного права ООН, начиная с 1970-х годов, параллельно работала над двумя темами: ответственностью государств за международно-противоправные деяния и ответственностью государств «за пагубные последствия, вытекающие из актов, не запрещенных международным правом». В первом случае, КМП использовала термин *responsibility*, а во втором случае *liability*, поскольку за совершение действий, которые привели к пагубным последствиям, вытекающие из актов, не запрещенных международным правом, государства обычно расплачиваются компенсацией. Таким образом, можно сделать вывод о том, что термином *liability* обозначаются именно финансовые обязательства перед потерпевшим государством.

Третий термин английского языка, переводящийся как «ответственность» — это термин *accountability*. Многие авторы используют *accountability* и *responsibility* как слова-синонимы, однако это тоже не совсем верно. *Responsibility* представляет собой наиболее общий термин, обозначающий явление ответственности в целом. Термин *accountability* имеет адресный характер, и непосредственно связан с субъектом, на которого ответственность возлагается. Данный термин можно употреблять в контексте ответственности государства, международной организации, индивида. Тем не менее, проблема адекватного перевода термина на русский язык стоит достаточно остро, в особенности, когда слова *accountability* и *responsibility* встречаются в одном предложении.⁵⁹¹ Также иногда можно встретить термин *culpability*, который не используется применительно к государствам и

⁵⁹⁰ Report of the Secretary General. UN Doc. A/45/594. 1990.

⁵⁹¹ Например, Crawford N. *Accountability for Killing: Moral Responsibility for Collateral Damage in America's Post 9/11 Wars*. Oxford University Press. 2013.

международным организациям, и используется только в отношении индивидов.

Формы международной ответственности государств

а. Реституция

Согласно ст. 35 ПСОГ, реституция представляет собой «восстановление положения, которое существовало до совершения противоправного деяния, в том случае, когда - и в том объеме, в каком - реституция: а) не является материально невозможной; б) не создаст явно не пропорциональное бремя по сравнению с выгодой от получения реституции вместо компенсации»⁵⁹².

Реституция предполагает возвращение государством-нарушителем имущества и материальных ценностей потерпевшего государства, в том числе предметов искусства, архивов и пр., а также восстановление разрушенных в результате международно-противоправного деяния объектов. Данная форма международной ответственности государств сформировалась на основе латинского понятия *restitutio in pristinum*, которое в римском праве означало «возвращение материальных объектов владельцу». Известный юрист-международник Э.Х. де Аречага в похожем контексте употреблял термин «погашение ответственности»⁵⁹³.

Реституция культурных ценностей

Важное и сложное направление реституции – это ***реституция предметов искусства и культурных ценностей***. Как известно, в результате масштабных войн и завоеваний прошлого, многие предметы искусства кочевали по всему миру, а если и возвращались на свою историческую родину, то чаще всего, снова путем завоеваний. Ситуация несколько изменилась в XIX в., когда после поражения Франции в 1815 году встал вопрос о возвращении культурных ценностей, массово вывезенных наполеоновскими войсками из побежденных стран. Например, известный итальянский скульптор А. Канова даже получил специальную должность папского посла во Франции по

⁵⁹² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 от 12 декабря 2001 г.

⁵⁹³ Аречага Э. Х. Современное международное право. М., 1983. С. 432.

вопросам реституции произведений искусства, вывезенных наполеоновскими войсками из Италии. Тем не менее, даже двести лет спустя, отработанного международного механизма, регулирующего механизм реституции культурных ценностей, не существует: «Сегодня возвращение похищенной и конфискованной художественной собственности регулируется, в первую очередь, гражданским законодательством. Законодательство это неодинаково в разных странах мира и даже в разных штатах Америки. Сроки давности, переход прав собственности, добросовестное приобретение, трактуемые по-разному, делают возвращение похищенного искусства делом крайне сложным».⁵⁹⁴

Отсутствие разработанного международно-правового механизма решения подобных вопросов привели к ожесточенным дискуссиям относительно вопросов, связанных с так называемым «трофейным искусством», то есть ценностями, вывезенными СССР с территории нацистской Германии и с территории ее союзников и, по мнению некоторых исследователей,⁵⁹⁵ с трудом поддающихся точной стоимостной оценке.

Новый виток развития института реституции, как и других форм международной ответственности, начался после Второй мировой войны. В 1946 году была создана трёхсторонняя комиссия по вопросам реституции золота, реквизированного Третьим рейхом в оккупированных государствах Европы. В 1947 году в США, специально для решения вопросов, связанных с реституцией еврейской собственности, захваченной нацистами, была создана *Jewish Restitution Successor Organization*. В 1948 г. была создана международная организация *United Restitution Organization (URO)* со штаб-квартирой в Лондоне, которая первые пять лет финансировалась еврейскими организациями *Jewish Agency for Palestine* и *American Jewish Joint Distribution Committee*, а затем финансировалась министерством иностранных дел

⁵⁹⁴ Акинша К. Реституция художественных ценностей//Отечественные записки, №1 (22), 2005. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/1/restituciya-hudozhestvennyh-cennostey>

⁵⁹⁵ См. например, Акинша К., Козлов Г. Трофейное искусство. В поисках сокровищ в российских запасниках. Мюнхен, 1995.

Великобритании. За несколько лет с момента создания, количество обращений по вопросам реституции достигло 250 тысяч.⁵⁹⁶ В настоящее время у организации действуют офисы в Израиле, США, Канаде и Германии. В 1998 г. на Вашингтонской конференции по проблемам собственности времен холокоста, были приняты принципы работы с имуществом, захваченным нацистами, в которых было сказано, что всячески поощряется создание институтов, занимающихся данной проблемой.⁵⁹⁷ В 1999 г. была создана международная организация *Commission for Looted Art in Europe (CLAE)*, которая занимается вопросами возвращения неправомерно захваченных нацистами культурных ценностей. В период с 1999 по 2013 год комиссия вернула законным владельцам более 3,5 тыс. предметов, в том числе картины, рисунки, серебро, антиквариат, книги и прочее.⁵⁹⁸ В 1998 году в России был принят дискуссионный Федеральный Закон РФ «О культурных ценностях, перемещённых в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации», согласно которому все перемещённые ценности объявлялись национальным достоянием Российской Федерации. Позже Конституционный суд Российской Федерации признал неконституционными часть положений данного закона, касающихся ценностей, вывезенных из Германии и ее стран-союзниц, которые, в свою очередь, были ранее захвачены нацистами.⁵⁹⁹

В XXI веке тематика реституции культурных ценностей обрела новый импульс в связи с глобальным пересмотром вопросов, связанных с колониальным периодом мировой истории. В результате, возник массовый тренд, когда бывшие колонии предъявляют требования к бывшим

⁵⁹⁶ Данные приводятся в Bentwich N. The United Restitution Organization. 1969.

⁵⁹⁷ Washington Conference Principles on Nazi-Confiscated Art. Washington Conference on Holocaust-Era Assets, Washington, DC, December 3, 1998.

⁵⁹⁸ Commission for Looted Art in Europe (CLAE) URL: <http://www.lootedartcommission.com/Services>

⁵⁹⁹ Постановление Конституционного суда Российской Федерации N 12-П «По делу о проверке конституционности федерального закона от 15 апреля 1998 г. «О культурных ценностях, перемещённых в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» от 20 июля 1999 г.

метрополиям, в частности, к Великобритании, Франции, Испании, Германии, Бельгии и Португалии требования, связанные с возвращением предметов искусства и культуры, вывезенных с их территории в колониальный период. Существующие международно-правовые акты мало чем могут помочь в данном случае: «Конвенция ЮНЕСКО о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности 1970 года обязывает государства к возвращению культурных ценностей, незаконно вывезенных из страны, однако не рассматривает исторические случаи, связанные с колониальной эпохой»⁶⁰⁰. 13 декабря 2018 года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 73/130 «Возвращение или реституция культурных ценностей странам их происхождения», однако ее положения имеют рекомендательный характер.

Экс-метрополии занимают полярные позиции по вопросу реституции артефактов, вывезенных в колониальную эпоху.

Например, Нидерланды в 2020 году уже начали процесс возвращения артефактов, вывезенных в колониальный период из Индонезии. Французские музеи с 2018 года по поручению президента Э. Макрона проводили ревизию музейных ценностей, вывезенных с территории бывших французских колоний. Некоторые объекты уже переданы Бенину. Германия также уже несколько лет реализует добровольную реституцию исторических объектов, принадлежащих бывшим колониям, в частности, Намибии, а также выделяет финансирование для совместных проектов с намибийскими музеями.

Прямо противоположную позицию занимает Великобритания, некогда обладавшая статусом самой крупной метрополии. По разным оценкам, только в Британском музее хранится около 8-10 миллионов предметов, вывезенных с территории бывших колоний и доминионов. При этом, британское

⁶⁰⁰ Сазонова К.Л. Долгая дорога домой: возвращение культурных ценностей бывших колоний как важный политический тренд//Международная жизнь. №10. 2020. С.64.

правительство категорически отказывается обсуждать с бывшими колониями вопросы реституции художественных ценностей.

Одна из разновидностей реституции – *субституция*, или *компенсаторная реституция*, состоящая в замене уничтоженного или поврежденного имущества потерпевшего государства сходными или равноценными предметами.

Еще одна разновидность реституции – *ресторация*, которая предполагает восстановление в потерпевшем государстве положения, существовавшего до незаконного применения силы (прекращение оккупации, освобождение незаконно задержанных лиц, восстановление законных прав, возвращение на место проживания и т.д.). Данный принцип возник на основе латинского понятия *restitutio in integrum*, означавший «возвращение в прежнее состояние».

В ст. 75 Римского статута Международного уголовного суда также упоминается такая форма возмещения потерпевшим, как *реабилитация*, которая, теоретически, может осуществляться и индивидами, и государствами. В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, принятой в 2005 году по инициативе Совета по правам человека, реабилитация понимается как «оказание медицинской и психологической помощи, а также юридических и социальных услуг»⁶⁰¹.

б. Компенсация

Вторая форма ответственности государств, согласно классификации Комиссии международного права ООН – это *компенсация*. Формированию современного механизма денежной компенсации предшествовал древнейший институт *контрибуций* – платежей, которые ранее осуществляло побежденное государство в пользу государства-победителя. Для «классического» международного права, существовавшего до 1945 года, это

⁶⁰¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 60/147 «Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права» от 16 декабря 2005 г.

был весьма важный институт. Нередко размеры наложенных контрибуций были совершенно неподъемны для побежденного государства, и напоминали легализованный грабеж, поскольку победившее государство могло заниматься экспроприацией частной собственности граждан побежденного государства. Подобные действия никем не оспаривались и не ограничивались вплоть до XIX в., когда на Брюссельской конференции 1874 года по кодификации законов и обычаев войны, а также на двух Гаагских конференциях мира 1889 и 1907 годов были сделаны первые шаги по ограничению произвола в данном вопросе и обозначению точных сумм выплат.

После подписания Версальского договора 1919 года, институт контрибуций был заменен *репарациями*, которые напоминали по форме контрибуции, однако по смыслу существенно от них отличались. Если контрибуции налагались на любое побежденное государство, вне зависимости от того, являлось ли оно агрессором, то репарации налагались на побежденное государство-агрессора, которое первым развязало военные действия. После 1945 года репарации заменил институт *компенсаций*, денежного возмещения потерпевшему государству государством-правонарушителем. Также в научной литературе для обозначения компенсаций можно встретить термин «ординарная репарация»⁶⁰².

Комиссия международного права в ст. 37 ПСОГ указывает, что «государство, ответственное за международно-противоправное деяние, обязано компенсировать ущерб, причиненный таким деянием, насколько такой ущерб не возмещается реституцией», таким образом, еще раз указано на то, что, по возможности, возмещение вреда должно быть максимально полным, и выражаться и в натуре, и в финансовом эквиваленте.

На первый взгляд, компенсация является самым простым и понятным видом ответственности, так как выражается в некоем осязаемом эквиваленте. Однако, когда речь заходит об установлении ответственности за

⁶⁰² См., например, Прошина Е.А. Международно-правовая ответственность государств. М., 2005. С.76.

неправомерное применение силы, вопрос о точных суммах становится достаточно сложным моментом. Очевидно, что ущерб от таких деяний, как агрессия, геноцид, апартеид, «государственный терроризм» и пр., крайне сложно выразить в цифрах. Всё золото мира не может покрыть того ущерба, которое нанесла человечеству Вторая мировая война. Размер репараций Германии (около 20 млрд. долларов), составлял «не более десятой доли реального ущерба, нанесенного Объединенным нациям в течении Второй мировой войны»⁶⁰³.

Необходимо отметить, что нередко возникают терминологические сложности при обозначении различных форм ответственности государств. Например, в 1952 году было подписано Соглашение о репарациях между Германией и Израилем, однако речь в соглашении фактически шла о выплате Германией компенсации Израилю за использование рабского труда.

Согласно «Основным принципам и руководящим положениям, касающимся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права», принятым сначала Советом по правам человека, а затем и Генеральной Ассамблеей ООН, компенсация должна предоставляться за любой поддающийся экономической оценке ущерб, включая физический или психический ущерб; упущенные возможности, в том числе, в области трудоустройства, образования и получения социальных льгот; материальный ущерб и упущенную выгоду, в том числе потерю возможности заработка; моральный ущерб; расходы на правовую или экспертную помощь, лекарства и медицинское обслуживание, а также на услуги психологических и социальных служб⁶⁰⁴. Таким образом,

⁶⁰³ Файнгар И.М. Германия и репарации // Известия Академии Наук СССР. Отделение экономики и права. 1947. № 3. С. 175.

⁶⁰⁴ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 60/147 «Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права» от 16 декабря 2005 г.

компенсация призвана обеспечить максимальное удовлетворение нарушенных интересов потерпевшего государства и его граждан.

в. Сатисфакция

Под сатисфакцией понимается удовлетворение нематериальных требований потерпевшего государства. В западной доктрине международного права отмечается, что «сатисфакция обычно идет как дополнение к двум другим формам возмещения [реституции и компенсации – прим. автора]»⁶⁰⁵.

Все, что связано с сатисфакцией, относит нас не только к правовому, но и к политическому взаимодействию государств, так как речь идет о репутации, чести и достоинстве государства. Из-за тесной связи с вопросами морали, некоторые авторы даже выделяют моральную ответственность в отдельный вид ответственности.⁶⁰⁶ Например, Н.В. Мошенская отмечает, что «в случае применения моральной ответственности к государству или к юридическому или физическому лицу, единственным органом применения, если можно так выразиться, будет выступать совесть. Понятие, на мой взгляд, к государству не применимое, в отличие, скажем, от понятия «имидж»⁶⁰⁷.

В целом, вопросы сатисфакции, которую в российской школе международного права относят к нематериальной или политической ответственности, являются значительно менее урегулированными, нежели вопросы, связанные с материальной сферой ответственности. Любые темы, связанные с категориями справедливости, совести и морали крайне тяжело согласовываются государствами. Например, при обсуждении ПСОГ в 2001 году, правительство Австрии отметило, что проблема «заключается в установлении того, зависит ли определение морального ущерба только от

⁶⁰⁵ Kerbrat Y. Interaction Between the Forms of Reparation/The Law of International Responsibility. Crawford J., Pellet A., S. Olleson. 2010. P.573.

⁶⁰⁶ См., например, Барсегов Ю.Г. Геноцид армян - преступление по международному праву. М., Изд-во «XXI век – Согласие». 2000.

⁶⁰⁷ Мошенская Н.В. Проблема ответственности за геноцид. М., Юристь. 2008. С. 45.

возможности его оценки с финансовой точки зрения, или же и от других критериев»⁶⁰⁸.

Согласно п.2 ст. 37 ПСОГ, «сатисфакция может заключаться в признании нарушения, выражении сожаления, официальном извинении или выражаться в иной подобающей форме». Таким образом, список не является исчерпывающим, и может меняться в зависимости от конкретной ситуации.

• ***Выражение сожаления***

Данная форма ответственности, на первый взгляд, относится скорее к сфере политики, а не к сфере права. Однако именно выражение сожаления отличает современную международную ответственность от института бесконтрольных контрибуций, основанного на праве силы, и превращает его в одну из самых прогрессивных отраслей действующего международного права.

В контексте тематики ответственности за серьезные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права, выражение сожаления становится особенно важным. Речь идет не просто о выражении сожаления за развязанную войну или осуществленный геноцид, но и о том, как еще недавно враждовавшие народы будут взаимодействовать друг с другом в дальнейшем. Очевидно, что ксенофобия и ненависть – это чувства, которые гораздо легче вызвать в массовом сознании, нежели сочувствие и понимание. Страшные преступления, совершенные нацистами, не помешали успешной интеграции Германии в международное сообщество в дальнейшем. Обвинитель от США на Нюрнбергском трибунале Р. Джексон особо подчеркивал: «Мы хотим, чтобы все поняли, что мы не собираемся обвинять весь германский народ»⁶⁰⁹.

Кроме того, показательно, что в п.3 ст.37 ПСОГ подчеркивается, что «сатисфакция не может принимать формы, унижительной для ответственного государства». Это относит нас к важности и значимости репутации

⁶⁰⁸ UN Doc. A/CN 4/515. 19 марта 2001. С.42.

⁶⁰⁹ Вступительная речь главного обвинителя от США–Р.Джексона// Без срока давности: К 60-летию Нюрнбергского процесса. М., Мысль, 2006. С. 76.

государства на международной арене, что особенно актуально в условиях взаимозависимого мира. Отечественный исследователь М.В. Кривенкова утверждает, что сатисфакция – это «лишь один из способов наказания виновных, которые должны не просто признать свои действия противоправными, но еще и принести за них извинения, что само по себе уже является для них обременением»⁶¹⁰.

Представляется, что в контексте наличия у государств обязательств *erga omnes*, подробно рассмотренных во второй главе диссертации, именно сатисфакция является важнейшей системообразующей категорией права международной ответственности. В связи с этим, крайне важным представляется мысль А. Фердросса о том, что «далеко не каждое международное правонарушение влечет материальную ответственность, однако любое из них всегда влечет возникновение нематериальной ответственности»⁶¹¹. Тем не менее, выражение сожаления могут «до конца не удовлетворить жертв, требующих справедливости и опасющихся повторения зверств»⁶¹². На данный случай существуют иные формы сатисфакции, дополняющие сожаления.

Важным элементом международной ответственности политического характера является формирование согласованной позиции международного сообщества по тем или иным вопросам. С учетом того, что нацизм, расизм и фашизм, по-прежнему имеют сторонников в различных странах, представляется весьма принципиальным, что в настоящее время, на международно-правовом уровне, данные взгляды публично осуждаются. Подобному осуждению немало способствует культурно-просветительская деятельность: «Рассказ историй, публичные выставки, театр и масс-медиа –

⁶¹⁰ Кривенкова М.В. Нематериальная ответственность государств в современном международном праве. Дисс. к.ю.н., Казань. 2009. С.61.

⁶¹¹ Фердросс А. Международное право. М., 1959. С.353.

⁶¹² Brooks R. The Age of Apology. When Sorry Isn't Enough: The Controversy over Apologies and Reparations for Human Injustice. New York, 1999, P. 4.

это важные ресурсы, в которых пострадавшие могут выразить свои чувства»⁶¹³.

Можно также отметить, что международная ответственность, выражающаяся лишь в материальной форме, вовсе не означает раскаяния государства-нарушителя в собственных правонарушениях. Именно различные варианты сатисфакции позволяют рассчитывать на восстановление отношений в долгосрочной перспективе.

• ***Заверения и гарантии неповторения***

Согласно ст. 30 ПСОГ, государство, ответственное за международно-противоправное деяние, обязано «предоставить надлежащие заверения и гарантии неповторения деяния, если того требуют обстоятельства». Очевидно, что, с учетом постоянно меняющейся международной ситуации, предоставление гарантий весьма затруднительно. Именно поэтому при обсуждении данного пункта некоторые государства, например, Германия и США, были настроены весьма скептически. Так, в комментариях, полученных от правительств по Проекту статей об ответственности государств в 2001 году, в замечании от США было отмечено, что «Соединенные Штаты обращаются с настоятельной просьбой об исключении этого положения [о предоставлении заверения и гарантии неповторения], поскольку оно не кодифицирует обычное международное право, и многие, в том числе в самой Комиссии, испытывают сильный скептицизм относительно существования какого-либо обязательства предоставлять заверения и гарантии неповторения»⁶¹⁴.

Отдельные представители доктрины международного права делают попытки разобраться с содержанием рассматриваемой категории. Так, С. Барбье указывает на то, что в ст. 30 ПСОГ говорится о предоставлении гарантий неповторения с оговоркой «если того требуют обстоятельства». Таким образом, указывает Барбье, подобные гарантии «не представляют собой

⁶¹³ Hamber B. Repairing the Irreparable: Dealing With Double-Binds of Making Reparations For Crimes of the Past. University of Ulster, International Conflict Research Institute. 1998. P.7.

⁶¹⁴ UN Doc. A/CN.4/515. 19 марта 2001. С.41.

автоматического или системного следствия неправомерного акта», а значит, применяются, когда это уместно, а не в обязательном порядке.⁶¹⁵

Практически единственный случай в международной практике, когда государство осуществило заверения и гарантии неповторения – это решение Международного суда ООН 2001 года по резонансному делу ЛаГрандов. Братья ЛаГранд, имевшие немецкое гражданство, однако с детства проживавшие на территории США, в 1982 году ограбили банк и убили одного из сотрудников. Братья были приговорены к смертной казни и приговор был приведен в исполнение. В ходе дела братьям не был предоставлен доступ к консульской защите германского консульства, хотя американские власти знали о их гражданской принадлежности. Почти двадцать лет спустя, в решении Международного суда, вынесенного в пользу Германии, прозвучала следующая формулировка: «Обязательство [взятое США по обеспечению исполнения своих обязательств по ст. 36, параграфа 1b Венской конвенции о дипломатических и консульских сношениях 1963 года – К.С.] может рассматриваться как ответная реакция на требования гарантий неповторения со стороны Федеративной республики Германия».⁶¹⁶

Также в отдельный подвид выделяется формат *«чрезвычайной сатисфакции»*,⁶¹⁷ под которым может подразумеваться временное ограничение суверенитета, роспуск вооруженных сил государства, демилитаризация промышленности и пр.

Запрет иметь собственные вооруженные силы является весьма дискуссионной формой реализации ответственности государств. Безусловно, подобный запрет существенно ограничивает государственный суверенитет, однако, в случае отдельных преступлений против международного мира и

⁶¹⁵ Barbier S. Assurances and guarantees of non-repetition/ The Law of International Responsibility. J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson, (eds.), Oxford.2010. P.551.

⁶¹⁶ La Grand Case (Germany v United States of America). International Court of Justice Reports. 2001. P. 466.

⁶¹⁷ Хачатуров Р. Л. Ответственность в современном международном праве. Тольятти, 1996. С. 31-32.

безопасности, например, агрессии, подобный запрет не выглядит чрезмерным, и демилитаризация промышленности и отсутствие вооруженных сил являются логичными следствиями совершенного деяния.

Именно демилитаризация и запрет на собственные вооруженные силы стали одной из форм реализации международной ответственности Германии и Японии. Формулировка Крымской конференции 1945 года была следующей: «Мы полны решимости разоружить и распустить все германские вооруженные силы, раз и навсегда уничтожить германский генеральный штаб, который неоднократно содействовал возрождению германского милитаризма, изъять или уничтожить все германское военное оборудование, ликвидировать или взять под контроль всю германскую промышленность, которая могла бы быть использована для военного производства»⁶¹⁸.

Десять лет спустя Парижские соглашения 1954 года между странами НАТО и правительством ФРГ отменили оккупационный режим ФРГ, санкционировали возрождение вооруженных сил и вступление ФРГ в НАТО. Парижские соглашения вызвали крайне негативную реакцию социалистических стран во главе с СССР, в особенности из-за того, что представителем Германии сделали ФРГ. Тем не менее, запрет на использование армии (Бундесвера) за пределами Германии был закреплён конституционно, и продолжал действовать до 1990-х годов. Поправки в Конституцию ФРГ в 1994 году предоставили правительству право применять вооруженные силы за пределами территории Германии в рамках миротворческих операций ООН, Европейского Союза и НАТО.

Потсдамская декларация 1945 года предполагала осуществление разоружения Японии и роспуск японской армии. Были распущены Военное и Военно-морское министерства со всеми подчиненными им органами, а японские военнослужащие были лишены прав на пенсию. Японская

⁶¹⁸ Коммюнике о конференции руководителей трех союзных держав – Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании в Крыму. Тегеран – Ялта – Потсдам. Сборник документов. Составители: Ш.П. Санакоев, Б.Л. Цыбулевский. 2-е издание. М.: Издательство «Международные отношения», 1970. С. 187.

конституция, принятая в 1947 году, зафиксировала запрет Японии ей иметь армию и применять военную силу. Согласно статье 9 Конституции Японии, «японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров. Для достижения цели, указанной в предыдущем абзаце, никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны. Право на ведение государством войны не признается»⁶¹⁹. Еще в январе 1950 года, главнокомандующий американскими оккупационными войсками генерал Д. Макартур в обращении к японскому народу заявил, что Япония имеет право на самооборону.⁶²⁰ В 1951 году был заключен японо-американский договор о гарантии безопасности, где было сказано, что «сама Япония будет все в большей мере принимать на себя ответственность за собственную оборону против прямой и косвенной агрессии». В результате, с 1954 года начали функционировать так называемые Силы самообороны Японии, которые, фактически, представляют собой действующую японскую армию.

В 1960 году был подписан американо-японский Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности, в котором было оговорено право США разместить свои вооруженные силы на территории Японии. Показательно, что подписание и ратификация договора вызвали массовые акции протеста в Японии.⁶²¹ С одной стороны, возможность США использовать Японию в качестве военного полигона не может не беспокоить часть японского правительства, однако ни одна из предпринимавшихся за последние сорок лет попыток переподписать договор не привела к желаемому

⁶¹⁹Ст. 9 Конституции Японии 1947. URL: http://asiapacific.narod.ru/japan/constitution_of_japan.htm (дата обращения 05.09.2024).

⁶²⁰ Барятинский М. Танки сил самообороны//Военно-промышленный курьер. № 25 (493), 2013. URL:<http://vpk-news.ru/articles/16586> (дата обращения 05.09.2024).

⁶²¹ История Японии 1868-1998 / Глав ред. А. Е. Жуков. Том 2. Институт Востоковедения РАН. 1998. С. 569.

результату. Кроме того, в апреле 1996 году президент США Б. Клинтон и премьер-министр Японии Р. Хасимото подписали Совместную декларацию о союзе в области обеспечения безопасности на XXI век, в котором сотрудничество двух государств в сфере безопасности было еще раз подтверждено.

В последние годы, ведется работа по внесению поправок в японскую конституцию и переименованию сил самообороны в Национальные силы обороны.⁶²² Кроме того, силы уже неоднократно привлекались к проведению миротворческих операций ООН. Первый раз это было сделано в 1991 году, во время операции «Буря в пустыне» в Ираке, а в дальнейшем «они принимали участие в миротворческих операциях в Камбодже и Палестине, а также в войнах в Афганистане и Ираке. Согласно новым изменениям, операции за пределами страны перешли в разряд основных задач сил самообороны»⁶²³.

В сентябре 2015 года парламент Японии одобрил закон о возможности участия Сил самообороны Японии в боевых действиях в тех случаях, когда произошла агрессия в отношении «дружественной страны», затрагивающая японские интересы; когда отсутствуют иные способы отражения данной агрессии, а также при соблюдении минимальных пределов использования силы.

Также в 2015 году «Руководящие принципы японо-американского сотрудничества в сфере обороны» были обновлены новыми положениями, предусматривающими создание так называемого «Механизма координации альянса» как особого органа для координации оперативно-тактического взаимодействия армий двух стран на постоянной основе. Показательно, что многие жители Японии негативно восприняли данную инициативу своего правительства.⁶²⁴

⁶²² Al-Jazeera: Силы самообороны Японии получают статус армии// Газета.ру. 13 июня 2013.

⁶²³ Япония: армия, которой не должно было быть// Правда.ру.10.05.2009.

⁶²⁴ «Российская газета» приводит данные социологического опроса, согласно которому 49,9 % населения архипелага негативно относятся к новым нормам. См. Япония

Таким образом, ключевым вопросом при введении такой меры международной ответственности, как запрет на собственные вооруженные силы для государства-правонарушителя, является вопрос о том, на какой конкретно период вводится данная мера. Без временных рамок данная форма ответственности представляется весьма спорной, поскольку подобный запрет не может быть вечным.

Кроме того, очевидно, что запрет на вооруженные силы может быть введен лишь на наднациональном уровне. Например, после грузино-абхазского конфликта 2008 г. министр иностранных дел Абхазии призвал международное сообщество запретить Грузии иметь вооруженные силы: «За последние 100 лет Грузия была независимым государством 21 год: с 1918 по 1921 и с 1990 по сегодняшний день. И за это время успела развязать семь войн».⁶²⁵ Однако очевидно, что подобные призывы, осуществляемые отдельными государствами в отношении других государств, без решения компетентного органа международного правосудия, остаются не более чем призывами.

Полностью весь комплекс всех существующих форм международной ответственности был реализован в отношении государств, развязавших Вторую мировую войну. На данном примере удобно иллюстрировать те формы международной ответственности государств, которые были разработаны к середине XX в. Кроме того, именно на данный прецедентный опыт опиралась Комиссия международного права ООН при разработке тематики международной ответственности государств.

Ответственность капитулировавшей Германии, согласно решениям Берлинской конференции от 1 августа 1945 года состояла следующем:⁶²⁶

получила право использовать силы самообороны за рубежом//Российская газета. 29.03.2016. URL: <http://rg.ru/2016/03/29/iaponiia-poluchila-pravo-ispolzovat-sily-samooborony-za-rubezhom.html> (дата обращения 02.09.2024)

⁶²⁵ Абхазия призывает запретить Грузии иметь свою армию//Известия.ру.12 августа 2008.

⁶²⁶ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов. Том VI. Берлинская

1. Германия должна была признать власть Контрольного совета, который осуществлял верховную власть в области разработки планов и достижения согласованных решений по главным военным, политическим, экономическим и другим вопросам, затрагивающим Германию в целом.

2. Германия должна была подчиниться режиму послевоенной оккупации, устанавливаемому Контрольным Советом.

3. Полное разоружение Германии и ликвидация всей германской промышленности, которая может быть использована для военного производства, или контроль над ней.

4. Уничтожить национал-социалистскую партию и её филиалы и подконтрольные организации, распустить все нацистские учреждения, обеспечить, чтобы они не возродились ни в какой форме, и предотвратить всякую нацистскую и милитаристскую деятельность или пропаганду.

5. Отмена нацистских законов, которые создали базис для гитлеровского режима или установили дискриминацию на основе расы, религии или политических убеждений.

6. Суд над военными преступниками и теми, кто участвовал в планировании или осуществлении нацистских мероприятий.

7. Установление союзного контроля над германской экономикой для выполнения программы промышленного разоружения и демилитаризации, репараций, помощи освобожденным районам и другого снабжения. Размер репараций устанавливался с учетом того, что после уплаты репараций в стране должно остаться достаточно ресурсов для того, чтобы немецкий народ мог существовать без помощи извне. Репарации были определены и изъяты в натуре, в вещественной форме, такой, как заводы, машины, оборудование, товарные запасы, заграничные инвестиции и т.д.

Репарации по договоренности распределялись по принципу того, что странами, имеющими право на наибольшую долю репараций, являлись те, которые вынесли главную тяжесть войны, понесли самые тяжелые потери и организовали победу над врагом. Таким образом, СССР получил право на 56% процентов от общей суммы репарации, США и Великобритания – по 22% соответственно.

8. Германия должна была произвести реституцию художественных, религиозных и культурных предметов и ценностей.

Необходимо отметить, что Берлинский договор 1945 года в отношении послевоенной Германии не затрагивал Австрию, с которой пять «великих держав», постоянных членов Совета Безопасности, подписали в 1955 году Государственный договор о восстановлении свободной и независимой

Австрии, к которому впоследствии присоединились Канада, Мексика, Новая Зеландия, Польша и др.

Репарации накладывались СССР и США на восточную и западную части Германии соответственно. Советская сторона также должна была получить 15% промышленного оборудования из западной зоны Германии, однако практически все немецкие технологии и патенты в сфере авиастроения, станкостроения, космической отрасли и машиностроения были вывезены западными государствами. Необходимо отметить, что Советский Союз был весьма лоялен в отношении стран, выплачивавших репарации. Так, с 1948 года суммы репарационных платежей Финляндии, Румынии и Венгрии были сокращены на 50% в отношении каждой из стран, а с 1953 года взимание репараций с ГДР было прекращено. Кроме того, в 1950 года советское государство передало Венгрии и Румынии бывшие германские активы, находившиеся на их территории. В XXI веке вопрос германских репараций был вновь поднят польской стороной, когда в 2017 году Польша потребовала от Германии выплатить ей 1,3 триллиона долларов, исходя из подсчетов, произведенных специальной парламентской комиссией по вопросу получения репараций от Германии. Немецкое правительство отказалось удовлетворять подобные требования, особенно с учетом того, что Польша в 1953 году уже признала окончательным компенсацию ущерба со стороны Германии.

Япония также обязана была выплатить репарации США, Великобритании и СССР, согласно положениям ст. 14 Сан-Францисского мирного договора 1951 года. При этом необходимо отметить, что речь шла именно о выплатах государствам, а не частным лицам, так как в самом конце войны Япония уже выплатила компенсацию «военнослужащим вооруженных сил Союзных Держав, которые претерпели чрезмерные лишения, будучи военнопленными Японии». По условиям договора, данная компенсация исключала дальнейшие финансовые выплаты и требования со стороны индивидов.

Международная ответственность государств за исторические события

В XXI веке возник новый дискурс в тематике международной ответственности, который связан с ответственностью современных государств за исторические события, произошедшие значительное время назад. Речь идет о переосмыслении давних фактов, ставших частью истории, с позиции современных взглядов, в том числе, политически ангажированных. Речь идет не только о юридической квалификации исторических событий, но и о попытках получения различных форм материальной компенсации. Важно отметить, что речь идет о событиях значительной давности, поэтому за прошедшее время политические и правовые характеристики государств-участников рассматриваемых событий могли существенно измениться.

Например, правительство Турции весьма резко реагирует на принятие парламентами различных государств актов о признании событий в Османской империи в 1915-1923 годах геноцидом, хотя современная Турецкая республика неоднократно заявляла, что она (в отличие от Российской Федерации, являющейся официальной правопреемницей СССР), не считает себя правопреемницей Османской империи. В 2016 году несколько граждан США, являющихся потомками жертв геноцида армян, попытались подать иск против правительства Турции, а также нескольких ее финансовых учреждений с требованиями компенсации в суд г. Лос-Анджелес. В ответ на соответствующую ноту американских властей, турецкое правительство заявило, что Турция была основана в 1923 году, а поэтому не несет никакой ответственности за события до этого времени. Тем не менее, вопросы, связанные с данной тематикой, продолжают всплывать вновь и вновь.

Тем не менее, в XXI веке данная тематика вновь обрела актуальность, поскольку ряд государств приняли официальные подтверждения геноцида армян согласно международному праву, в том числе, Франция (также установившая 24 апреля мемориальный день), Бельгия, Италия, Словакия, Венесуэла, Чили, Австрия, Люксембург. В США геноцид армян признали в

2019 году обеими палатами Конгресса. При этом очевидно, в основе этих решений лежит вовсе не тяга к восстановлению исторической справедливости, а вполне актуальные политические вопросы, связанные с современными отношениями Турции и США.

Можно констатировать, что попытки привязать вопросы ответственности к исторической тематике напрямую связаны со вполне современными внешнеполитическими задачами отдельных государств. Например, в начале XXI века западные государства организовали политическую кампанию по объявлению событий в СССР начала 1930-х годов «сознательным геноцидом украинского народа со стороны советских властей». После объявления украинской Верховной Радой «Голодомора как акта геноцида украинского народа», началось массовое признание «Голодомора» геноцидом со стороны парламентов западных стран.

В XXI веке году вспыхнул давний повод для конфронтации между Японией и Южной Кореей, связанный с так называемыми «женщинами для утешения» — корейнками, которых японские власти в 1930–1945 годах заставляли заниматься проституцией. В 2015 году Токио и Сеул заключили примирительное соглашение, в рамках которого Япония официально признала свою вину, принесла извинения и выплатила компенсацию на общую сумму более 8 млн долларов.

Во Вьетнаме существует Ассоциация жертв «Агента Оранж», которая запрашивала компенсацию за применения США химического оружия во время войны во Вьетнаме, а в Марокко действует Ассоциация потомков марокканцев, которые подверглись воздействию химического оружия, которое Испания применяла во время Рифской войны 1921–1926 годов.

Вопрос об ответственности бывших метрополий за работорговлю и колониализм.

Отдельной страницей в вопросе «ответственности за историю» можно считать коренной пересмотр в XXI веке тематики колониальной экспансии с совершенно новых этических, политических и правовых позиций. Что

любопытно, сам процесс деколонизации и принятия новых стран в ООН прошел сравнительно спокойно. Новый взгляд на колониализм, с акцентом признание метрополиями исторической вины и на материальную компенсацию, связан с событиями последних лет.

Можно констатировать, что бывшие метрополии весьма по-разному реагируют на подобные претензии. Например, Британия отрицает любые предъявляемые ей требования, а вот Германия – наоборот. Так, Германия признала свою вину и принесла публичные извинения за массовое истребление племен гереро и нама на территории современной Намибии в начале XX века. Помимо этого, в 2011–2018 годах Германия передавала Намибии останки коренных жителей Намибии, которые хранились в немецких музеях. В 2021 году Германия согласилась выплатить Намибии более миллиарда евро за геноцид гереро и нама.

В 2023 году Африканский Союз и страны Карибского бассейна создали Глобального движения за возмещение ущерба за рабство. Комитет по репарациям Карибского сообщества также разработал план репарационного правосудия из 10 пунктов, включающий извинения и действия по устранению долговременных социально-экономических последствий рабства.

В 2023 году Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций А. Гутерриш заявил, что бывшие метрополии должны возместить бывшим колониям ущерб за трансатлантическую работорговлю и создать «механизмы восстановительного правосудия, которые помогут преодолеть многовековую изоляцию и дискриминацию»⁶²⁷.

Связь исторических аспектов и тематики международной ответственности проявились в том, что с 2017 года Комиссия международного права ООН включила в план своей работы тему «Правопреемство государств в отношении ответственности государств». Специальным докладчиком по

⁶²⁷UN chief calls for slavery reparations to overcome 'generations of discrimination
URL: <https://www.reuters.com/world/un-chief-calls-slavery-reparations-overcome-generations-discrimination-2024-03-25/> (дата обращения 05.09.2024).

данной тематике был назначен П. Штурма, который уже подготовил несколько докладов⁶²⁸.

4.2. Юрисдикция органов международного правосудия в отношении международной ответственности государств.

Одним из ключевых вопросов в тематике привлечения государств к международной ответственности является вопрос об основаниях ответственности. В ст.3 ПСОГ выделяются следующие составные элементы фактических оснований ответственности: «Международно-противоправное деяние государства налицо в том случае, когда а) какое-либо поведение, заключающееся в действии или бездействии, может, согласно международному праву, присваиваться государству и б) такое поведение представляет собой нарушение международного обязательства этого государства».

Основания наступления ответственности – вопрос, непосредственно связанный с механизмом реализации международной ответственности государств. Очевидно, что ответственность наступает при наличии определенных оснований, а именно «на основе чего» возникает ответственность и «за что» возникает ответственность»⁶²⁹. Эти два основания можно условно обозначить как «нормативные/юридические основания ответственности» и «фактические основания ответственности». Некоторые авторы также выделяют категорию «процессуальные основания ответственности»⁶³⁰.

⁶²⁸ Пятый доклад о правопреемстве государств в отношении ответственности государств. Комиссия международного права ООН. 2022. <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n22/274/87/pdf/n2227487.pdf>

⁶²⁹ Русецкий А.Е. Понятие и основания международно-правовой ответственности//Закон и правопорядок. 2001. URL: <http://zakon.rin.ru/cgi-bin/view.pl?midr=491&id=661> (дата обращения 05.09.2024).

⁶³⁰ Там же.

Основания международной ответственности государств

А. Нормативные/юридические основания ответственности

К нормативным основаниям международной ответственности можно отнести конкретные правовые нормы, содержащиеся в международно-правовых документах, которые определяют какие-либо действия субъектов международного права как противоправные, либо же содержащие те нормы международного права, которые были нарушены в результате правонарушения.

В контексте тематики данной диссертации, связанной с преступлениями против мира и безопасности, к основным документам, составляющим юридические основания ответственности государств за «серьезные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права», можно отнести:

- Устав ООН 1945 г.
- Заключительный акт СБСЕ 1975 г.
- Документы ООН, запрещающие неправомерное применение силы, в том числе, агрессию, геноцид, апартеид.
- Решения Международного Суда ООН, содержащие указания на конкретные обязательства *erga omnes*.

Б. Фактические основания ответственности

Фактические основания ответственности – это конкретные действия, совершенные государствами, которые можно классифицировать как международные правонарушения. Согласно терминологии Комиссии международного права ООН, ответственность государств может наступить либо в результате международно-противоправного деяния, либо в результате деятельности, не запрещенной международным правом.⁶³¹ Международно-

⁶³¹ Положения о возможной ответственности государств за подобную деятельность содержатся в Договоре о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г., Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими

правовые деяния, в свою очередь, делятся на обычные «нарушения международно-правовых обязательств» и «серьезные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права».

«Нарушения международно-правовых обязательств» представляют собой нарушения обязательств по договорам в экономической сфере, в сфере дипломатических и консульских сношений. В отдельных случаях нормы, косвенно относящиеся к ответственности, можно найти в праве международных договоров, например, положения о прекращении нарушенного договора или о признании ничтожным договора, навязанного силой.

Сложным является вопрос о вине, как обязательной составляющей международного правонарушения государства. В частности, при работе над ПСОГ, эта тема вызвала настолько серьезные разногласия, что Комиссия международного права ООН решила не включать в итоговый текст вину государства как необходимый признак правонарушения. Как отмечал профессор С.В. Черниченко, «исключение вопроса о вине свидетельствует о стремлении уйти от вопроса, вызывающие длительные дискуссии, не приводящие к какому-либо результату»⁶³².

Для квалификации международного правонарушения и определения меры ответственности весьма важным является вопрос о месте совершения государством международного правонарушения. Правонарушение, порождающее ответственность, может совершаться как внутри государства (геноцид, апартеид), так и за пределами его территории (агрессия, экоцид, «государственный терроризм»). Можно констатировать, что правонарушения, связанные с внутренними событиями в государстве, труднее устанавливаются и гораздо сложнее доказываются.

объектами 1972 г., Венской конвенции о гражданской ответственности за ядерный ущерб 1964 г., Конвенции по морскому праву 1982 г.

⁶³² Черниченко С.В. Контуры международного права. Общие вопросы. М., Научная книга. 2014. С.568.

В. Процессуальные основания ответственности

Процессуальные основания ответственности представляют собой ту процедуру, в рамках которой проводится процесс установления вины государства-нарушителя и определяются конкретные формы его ответственности.

В отечественной доктрине попытка разобраться в сложном процессе привлечения государств к международной ответственности была предпринята в диссертации 2009 года С.В. Ушакова, где был сделан вывод о том, что «международное процессуальное право и реализация его норм находятся в определенной степени в зависимости от политической целесообразности, носителями которой выступают другие международные органы и организации»⁶³³.

Существует несколько вариантов того, кем и как может быть установлена ответственность государства, совершившего преступление против международного мира и безопасности:

1. *Потерпевшим государством.* Согласно ст. 43 ПСОГ, «потерпевшее государство, призывающее к ответственности другое государство, уведомляет это государство о своем требовании», при этом оно может сразу указать, какую форму должно принять возмещение. Однако очевидно, что ситуация 1945 года, когда страны-победительницы в Берлинском договоре определяли ответственность поверженной нацистской Германии, существенно отличается от современных международно-правовых реалий, когда просьбы и заявления потерпевшего государства могут быть элементарно не услышаны.

Примером указанной ситуации может служить принятое в марте 2016 года решение окружного суда г. Нью-Йорка (США) о необходимости выплаты Ираном компенсации более \$10,5 млрд. жертвам терактов 11 сентября 2001

⁶³³ Ушаков С.В. Вклад многосторонних органов международного правосудия в функционирование института международно-правовой ответственности государств в контексте международного процессуального права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10/Ушаков Сергей Вячеславович. - Москва, 2009. С. 19-20.

года. При этом, никакой доказательной базы под данное решение американский суд не подвел. Среди тех террористов, которые захватили воздушные суда, с помощью которых состоялись атаки на Всемирный торговый центр и Пентагон, не было ни одного гражданина Ирана. Кроме того, весьма показателен тот факт, что ранее, в сентябре 2015 г., тот же самый суд отклонил иск родственников погибших против Саудовской Аравии, ссылаясь на то, что суверенное государство обладает иммунитетом и его невозможно обязать выплатить запрошенную сумму.

В свою очередь, Иран в 2023 году потребовал от США денежную компенсацию за убийство генерала КСИР К. Сулеймани, на которую американская сторона также не отреагировала.

Подобный вариант установления международной ответственности не свободен от предвзятости потерпевшего государства в установлении вины и оценках ущерба. Кроме того, в подобной ситуации у обвиняемого государства, фактически, исчезает возможность защищать собственную позицию.

2. *Органом международного правосудия.* В 1625 году Г. Гроций писал о том, что «полезно, а при некоторых обстоятельствах даже необходимо, созывать такие съезды христианских держав, где бы незаинтересованные стороны разрешали чужие споры; где бы изыскивались также меры принуждения сторон к заключению справедливого мира»⁶³⁴. В Средние века, определенные судебные функции в Европе выполняла Римская католическая церковь, на Вселенских церковных соборах решались не только религиозные вопросы, но и споры между государствами. После Первой мировой войны, была создана Постоянная палата международного правосудия. После Второй мировой войны, главным органом международного правосудия стал Международный Суд ООН. Деятельность данного органа существенно ограничена такими факторами, как длительность рассмотрения исков, а также рекомендательным характером его решений, за исключением случаев, когда

⁶³⁴ Гроций Г. О праве войны и мира. М. Ладомир, 1994. С. 541.

страна сама признала обязательную юрисдикцию Суда. При этом, как справедливо отмечается, «в уставных актах ООН и Международного суда прямо не определены меры ответственности за неисполнение решений органов международного правосудия (а в системе ООН - Международного суда ООН)»⁶³⁵.

3. *Двухсторонней (или многосторонней, в зависимости от количества сторон конфликта) комиссией, состоящей из представителей потерпевшего государства и государства-правонарушителя.*

В качестве примера можно привести комиссию, созданную в 2000 году на основе норм мирного договора, подписанного после конфликта между Эфиопией и Эритреей.⁶³⁶ Комиссии было поручено урегулировать все претензии, возникшие в ходе конфликта между данными государствами. В комиссию вправе были подавать иски как правительства обеих стран, так и компании, а также частные лица. Решением от 24 июля 2001 года Комиссия постановила, что основным надлежащим средством правовой защиты по искам является денежная компенсация.⁶³⁷

4. *Двусторонний договор, заключенный между потерпевшим государством и государством-нарушителем, в котором определяется мера ответственности.* Например, по договору 1959 года между ФРГ и Норвегией, ФРГ обязана была выплатить Норвегии 60 миллионов немецких марок в качестве компенсации гражданам Норвегии, подвергшимся нацистским преследованиям.

5. В редких случаях, ответственность может по собственной инициативе устанавливать *само государство-правонарушитель.*

⁶³⁵ Ушаков С.В. Вклад многосторонних органов международного правосудия в функционирование института международно-правовой ответственности государств в контексте международного процессуального права. Казань, 2009. С.9.

⁶³⁶ Agreement between the Government of the Federal Democratic Republic of Ethiopia and the Government of the State of Eritrea, 12 December 2000. International Legal Materials, Vol. 40. 2001.

⁶³⁷ Eritrea-Ethiopia Claims Commission, Decision Number 3: Remedies, 24 July 2001.

Например, в послевоенное время в Германии было принято несколько национальных законов с целью возмещения ущерба жертвам войны и холокоста. К данным документам относятся Закон об уравнивании обязательств 1952 года, Закон о компенсации жертвам нацистских преследований 1953 года, Закон о реституции 1957 года, Закон о возмещении убытков 1969 года, Закон о возмещении вреда жертвам нацизма 1994 года с поправками. В 2000 году Бундесрат Германии принял закон о создании специального фонда «Память, ответственность, будущее» для выплаты компенсации лицам, работавшим по принуждению, и некоторым другим жертвам нацистского произвола. В январе 2020 года Германия добровольно выделила 12 миллионов евро в качестве гуманитарного жеста по случаю 75-летия снятия блокады Ленинграда.

6. *Путем принятия резолюции Совета Безопасности ООН, устанавливающей факт нарушения международного права и определяющей форму международной ответственности.* Например, в 1991 году в качестве вспомогательного органа Совета Безопасности ООН, была создана Компенсационная комиссия ООН по возмещению ущерба в результате вторжения Ирака и оккупации им Кувейта (ЮНКК), которая рассматривала иски против Ирака в связи с «нанесением любого прямого ущерба, включая ущерб окружающей среде и истощение природных ресурсов, или причинением вреда иностранным правительствам, гражданам и компаниям в результате незаконного вторжения и оккупации Кувейта»⁶³⁸. Важной особенностью Комиссии стало то, что иски могли подавать как государства и международные организации, так и физические, а также юридические лица.

Таким образом, анализ вопроса о процессуальных основаниях международной ответственности государств приводит к выявлению еще одного существенного пробела в праве международной ответственности – отсутствию единого отработанного механизма того, кто и как определяет

⁶³⁸ Heiskanen V. The United Nations Compensation Commission// The Hague Academy of International Law. Collected Courses. Vol. 296. 2002.P.259.

вопросы, связанные с определением ответственности государства-правонарушителя.

Концепция «уголовной ответственности государства».

Итальянский юрист-международник Д. Анцилотти более ста лет назад утверждал, принципы уголовной и гражданской ответственности из национального права не могут переноситься напрямую в право международное.⁶³⁹ Однако напряженность современных международных отношений, сопровождающаяся грубыми нарушениями императивных принципов международного права, привела к тому, что все чаще стали обсуждаться различные концепции реализации международной ответственности государств, устанавливающие более суровый режим ответственности за наиболее серьезные нарушения международных обязательств. В результате, появилась концепция «уголовной ответственности государств», «которая возникла путем проведения прямой аналогии между системами международного и национального права»⁶⁴⁰.

Данная концепция впервые начала обсуждаться в 1920-х годах на заседаниях Ассоциации международного права. «Отцом-основателем» концепции считается румынский исследователь В. Пелла, который в монографии «Коллективная ответственность государств и уголовное право будущего», изданной в Бухаресте в 1928 году, подробно обосновал концепцию «уголовной ответственности государства», а также предложил создать международный уголовный кодекс. В. Пелла утверждал, что «тот факт, что не одни лишь руководители, но и государство в целом может стать объектом применения уголовных мер, может способствовать развитию сопротивления преступникам, которые находятся во главе государства»⁶⁴¹.

⁶³⁹ Anzilotti, D. Teoria generale della responsibilita dello stato nel diritto internazionale. Firenze: F. Lumani libraio editore, 1902. Parte I. P.101.

⁶⁴⁰ Сазонова К.Л. Концепция уголовной ответственности государств в доктрине международного права// Международное уголовное право и международная юстиция. 2013. № 3. С.3.

⁶⁴¹ Pella V. Le Code des Crimes Contre la paix et la securite de l'humanite. Geneve, 1957. P. 83.

Кубинский юрист А. Бустаманте в 1937 году использовал термин «международно-уголовное публичное право». Несколько десятилетий спустя отечественный ученый Ю.А. Решетов писал, что вопросы уголовной ответственности индивидов можно было бы отнести к «международному уголовному частному праву». Одним из видных представителей западной доктрины международного права, поддерживавшим концепцию «уголовной ответственности государств», был известный британский ученый Дж. Шварценбергер, который считается одним из родоначальников отрасли международного уголовного права,⁶⁴² поэтому сегодня концепцию часто обсуждают в рамках международного уголовного права.

Весьма важным аспектом концепции «уголовной ответственности государств» – ее толкование. Если интерпретировать ее буквально, то за неправомерные деяния властей должно отвечать все государство целиком, включая население страны. Это вызывает резкое неприятие у многих исследователей, полагающих, что «преступное государство – нелепость, а преступное правительство – реальность»⁶⁴³. В основе своей, концепция Пеллы выглядит довольно радикально, поскольку он даже связывал агрессивность государства с биологическими характеристиками народа, а его последователи полагали, что «субъектами уголовной ответственности государства должен стать не просто народ, но и последующие поколения»⁶⁴⁴.

В этом смысле, концепция в чем-то близка к концепции «коллективной ответственности» и «коллективной вины», которая активно дискутировалась в контексте того, какое наказание должна понести нацистская Германия и ее народ, и должен ли весь народ отвечать за действия властей. Философ К. Ясперс в монографии «Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии» 1946 года пришел к выводу, что

⁶⁴² Schwarzenberger G. *International Law and Order*. 1971.

⁶⁴³ Drost P. *The Crime of State*. Leyden, 1959. P. 292.

⁶⁴⁴ Malekian F. *International Criminal Responsibility of States: A Study on the Evolution of State Responsibility with Particular Emphasis on the Concept of Crime and Criminal Responsibility*. University of Stockholm, 1985. P. 234.

«бессмысленно обвинять народ как целое в преступлении, преступник всегда лишь отдельный человек»⁶⁴⁵. Британский исследователь Т.Франк отмечает, что, «обида не может быть справедливо компенсирована исключительно заключением в тюрьму людей, требуется также найти ресурсы, необходимые для восстановления разрушенной жизни, домов, школ, церквей, заводов и библиотек: расходы, которые нельзя возлагать исключительно на жертв и пострадавших от преступления»⁶⁴⁶. После окончания Второй мировой войны, ответственность была возложена на Германию как на государство, а также на отдельных нацистских деятелей, что сделало концепции «уголовной ответственности государства» и концепцию «коллективной ответственности» нерелевантными.

В отечественной доктрине международного права о концепции «уголовной ответственности государств» в последние годы вспоминали крайне редко.⁶⁴⁷ Это связано с тем, что вышеупомянутая идея уголовной ответственности государств за особо тяжкие «международные преступления» сегодня представляется практически неосуществимой. Как минимум, «уголовная ответственность государств» предполагает «существование трибуналов, которые будут ее реализовывать, чего не существует в международном праве».⁶⁴⁸ Отсутствие институциональных механизмов уже сыграло свою роль при обсуждении концепции «международных преступлений государств»: «Постоянная критика по поводу различий между преступлениями и деликтами состоит в том, что, даже принять это теоретически, на практике не существует двух различных правовых режимов

⁶⁴⁵ Ясперс К. Вопрос о виновности: Пер. с нем. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1999.

⁶⁴⁶ Franck T. State responsibility in the era of individual criminal culpability//The Butterworth Lecture at Queen Mary College, University of London. 10 October 2005.

⁶⁴⁷ Лукашук И.И. К вопросу о возможной криминализации международной ответственности государств // Журнал российского права. 2002. №12; Сазонова К.Л. Концепция уголовной ответственности государств в доктрине международного права// Международное уголовное право и международная юстиция. 2013. № 3. С. 6-8.

⁶⁴⁸ Pellet A. Can a State Commit a Crime? Definitely, Yes! //European Journal of International Law. Vol. 10. No 2. 1999. P. 426.

для этих правонарушений в том, что, даже если это были интеллектуально приемлемо, оно не приводит к установлению двух различных правовых режимов».⁶⁴⁹ Э. Уайлер полагает, что «главной причиной, по которой Комиссия международного права убрала термин «преступления» и заменила его на «серьезные нарушения обязательств, вытекающих из императивных принципов общего международного права» - это именно «желание освободить проект статей об ответственности от концепции уголовной ответственности, которая происходит из национального права».⁶⁵⁰

Обязательным условием реализации концепции «уголовной ответственности государств» является наличие надгосударственной структуры, обладающей развитым механизмом принуждения. Как отмечал советский ученый А.Н. Трайнин, «всякая уголовная санкция реальна лишь при условии, что имеется сила, способная эту санкцию претворить в жизнь»⁶⁵¹. Белорусский исследователь И.В. Фисенко писал, что «большое значение в концепции уголовной ответственности государства связывается с возможностью замены права победителя, права сильного на право справедливости».⁶⁵² С данной проблемой тесно связан еще один важный аспект уголовной ответственности государств – вопрос о гарантах системы универсальной коллективной безопасности. А. Доннедье де Вабр, один из сторонников концепции «уголовной ответственности государств», почти столетие назад утверждал, что «условием реализации уголовной ответственности государств должно быть наличие реальной силы в распоряжении международной организации»⁶⁵³. Например, в какой-то степени

⁶⁴⁹ Pellet A. Can a State Commit a Crime? Definitely, Yes! //European Journal of International Law. Vol. 10. No 2. 1999. P. 430.

⁶⁵⁰ Wyler E. From 'State Crime' to Responsibility for 'Serious Breaches of Obligations under Peremptory Norms of General International Law'//The European Journal of International Law .Vol. 13. No. 5. 2002. P. 1148.

⁶⁵¹ Трайнин А. Н. Уголовная интервенция. Под редакцией А.Я. Вышинского. Москва, из-во «Советское законодательство», 1935. С.60.

⁶⁵² Фисенко И.В. Ответственность государств за международные преступления // Белорусский журнал международного права, 1998, №3. С. 35.

⁶⁵³ Donnedieu de Vabres H. F. La Cour Permanente de justice internationale et sa vocation en matiere criminelle // Revue internationale de droit penal, 1924. № 3-4. P.199.

гарантами современной системы международной безопасности являются пять постоянных членов Совета Безопасности ООН. Однако многочисленные проблемы, постоянно возникающие в процессе деятельности ООН, не позволяют считать ее способной выступить в роли такого гаранта международной системы, в рамках которого мог бы существовать институт уголовной ответственности государств.

Именно отсутствие возможности принуждения на наднациональном уровне тормозит развитие как концепции «уголовной ответственности государств», так и концепции «международных преступлений государств», что «увеличивает расстояние между правом национальным и правом международным»⁶⁵⁴. Можно констатировать, что «несмотря на принятие Устава ООН, на создание системы коллективной безопасности, учреждение Международного суда ООН, юридическая природа международного права не была изменена (т.е. международное право осталось правом координационным)»⁶⁵⁵.

Можно предположить, что практическая реализация концепции «уголовной ответственности государств» возможна лишь в случае внесения существенных изменений в систему правового регулирования международных отношений, которая будет сопровождаться качественно новым уровнем координации и принуждения. По мнению автора, на действующей стадии международно-правового развития внедрение концепции «уголовной ответственности государств» является не просто нежелательным, но и даже опасным.

Обстоятельства, освобождающие от международной ответственности.

Комиссия международного права в Проекте статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, в главе

⁶⁵⁴ Koskenniemi M. Solidarity Measures: State Responsibility as a New International Order?// Britain Yearbook of International Law. Vol. 72. 2002. P. 337.

⁶⁵⁵ Орбелян А.С. Становление и развитие института самообороны в международном праве. Ереван: Издательство ЕГУ, 2010. С. 165.

«Обстоятельства, исключаящие противоправность», выделяет такие основания, как согласие, самооборона, контрмеры, форс-мажор, бедствие и состояние необходимости.

Очевидно, что к тематике международной ответственности за «серьезные нарушения обязательств по действующему международному праву», относятся согласие, самооборона и контрмеры. Все остальное представляет собой слишком гипотетические ситуации – сложно представить, например, геноцид в результате форс-мажора или состояния необходимости. Также важна ст. 26 ПСОГ, согласно которой вышеуказанные основания и любые другие действия «не исключают противоправности любого деяния государства, если это деяние не соответствует обязательству, вытекающему из императивной нормы общего международного права», что особенно важно при изучении проблематики настоящего диссертационного исследования.

«Согласие» как обстоятельство, исключаящее противоправность, предполагает ситуации, в рамках которого военное вмешательство происходит по предварительной договоренности государств. Например, действия Российской Федерации на территории Сирии с 2015 года проводились по согласованию с правительством Сирии.

Тем не менее, подобные ситуации «согласия» иногда могут быть весьма неоднозначными. Например, в 1961 году Великобритания ввела свои войска на территорию Кувейта по его просьбе, однако де-юре Кувейт в то время был частью Ирака, то есть вообще не являлся суверенным государством.⁶⁵⁶ США после вторжения в Гренаду в рамках военной операции «Вспышка ярости» в 1983 году также ссылались на соответствующее приглашение, сделанное Организацией восточнокарибских государств. Озабоченность США вызвало то, к власти в Гренаде пришло просоветски настроенное правительство. Р. Рейган в 1982 года на встрече с руководством Организации

⁶⁵⁶ См. подробнее Higgins R. The Legal Limits to the Use of Force by Sovereign State: United Nations Practice//British Yearbook of international Law. Vol. 37. 1961. P.310.

восточнокарибских государств открыто обвинил правительство Гренады в распространении «вируса марксизма» в других странах.⁶⁵⁷

Такое основание, исключающее международную противоправность, как самооборона, является одной из самых запутанных и неоднозначных тем в современном международном праве. Вопросы индивидуальной самообороны уже были рассмотрены выше, в п.2.5 второй главы диссертации, а подробный разбор особенностей коллективной самообороны автор вынес в пятую главу диссертации, посвященную ответственности международных организаций.

«Контрмеры» как обстоятельство, исключающее противоправность, также образуют отдельный сложный вопрос в тематике международной ответственности, поэтому им также посвящен отдельный параграф.

4.3. Контрмеры в праве международной ответственности: понятие, значение, условия применения.

Международная ответственность относится к числу наиболее терминологически запутанных и сложных тем современного международного права. Тематика «контрмер» в полной мере отражает данную специфику, поскольку в настоящее время отсутствует консенсус относительно того, что такое «контрмеры» и какие действия государств можно отнести к данной категории.

Термин «контрмеры» начал вводиться в международно-правовой оборот лишь в 1980-х гг., а окончательное закрепление получил лишь в 2001 году в Проекте статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния. Работы по анализу контрмер встречаются в доктрине и ранее,⁶⁵⁸ однако, поскольку содержание и интерпретация термина менялись и эволюционировали, прежде чем приобрести современное значение, автор

⁶⁵⁷ Reagan warns: Cuba, Grenada spread "virus"// The Palm Beach Post. 9 April 1982.

⁶⁵⁸ Colbert E.S. Retaliation in International Law, New York, Columbia University, 1948; Elagab O. The Legality of Non-Forcible Counter-Measures in International Law. Oxford, Claredon Press. 1988; Zoller E. Peacetime Unilateral Remedies: An Analysis of Countermeasures. N.Y. Transnational Publishers, Inc.1984.

постарался использовать труды, изданные после 1990-х гг.,⁶⁵⁹ когда понимание термина стало близко современному толкованию. Необходимо отметить несколько кандидатских диссертаций, защищенных в Российской Федерации в 2000-е гг., изучение которых помогло автору в раскрытии отдельных аспектов тематики, связанной с контрмерами, в частности, принудительных мер⁶⁶⁰ и военных контрмер⁶⁶¹ в международном праве.

В настоящее время в доктрине наблюдается смешение различных терминов, так или иначе связанных с тематикой контрмер. Речь идет о таких терминах, как «ответные меры», «принудительные меры», «меры принуждения», «репрессалии», «реторсии». Дальнейший анализ призван разобраться в дефинициях данных категорий и в их соотношении.

Становление института «контрмер»

Чаще всего, под «контрмерами», в широком смысле, понимаются принудительные действия с целью устранения потенциально опасной ситуации. Рассмотрим два примера дефиниций «контрмер». В рамках первого, «контрмеры – это коллективные действия, применяемые сообществом государств на основе Устава ООН по решению Совета Безопасности ООН с целью устранить угрозу миру или ликвидировать акт агрессии; подразделяются на две категории: не связанные с вооруженными силами; с использованием вооруженных сил»⁶⁶². Еще один вариант, предложенный в «Словаре международного права», определяет контрмеры как «коллективные

⁶⁵⁹ Alcaide Fernandez J. Contre-mesures et reglement des differends// Revue générale de droit international public. Vol. 108. No. 2. 2004; Alland D. Justice privée et ordre juridique international. Etude theoretique des contre-mesures en droit international public. Paris, Pedonne. 1994; Leben C. Contre-mesures//Repertoire International, Paris, Dalloz. 1998; Simma B. Counter-Measures and Dispute Settlement//European Journal of International Law. No. 1. 1994.

⁶⁶⁰ Жданов Ю.Н. Принудительные меры в международном праве. Диссертация док. юрид. наук. М., 1999. С.101.

⁶⁶¹ Чиков П.В. Военные санкции в международном праве. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Казань, 2003; Батршин Р.Р. Ответственность государства и применение контрмер в современном международном праве. Дисс. к.ю.н. Казань, 2005.

⁶⁶² Большой юридический словарь/ под ред. А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, А.Я. Сухарева. М. 2003.

меры, применяемые по решению Совета Безопасности в целях устранения угрозы миру, нарушения мира или ликвидации акта агрессии. К ним прибегают в крайних случаях, чтобы силой положить конец противоправному поведению сторон в конфликте, создающем угрозу миру либо являющемся нарушением мира или актом агрессии»⁶⁶³.

В случае, если за основу принять первое определение, мы сможем отнести контрмеры к принудительным мерам. Если же использовать второе определение, контрмеры в число принудительных мер не попадают (так как в данном случае принудительные меры сводятся к операциям ООН по принуждению к миру). Данный пример наглядно демонстрирует все сложности доктринальной классификации и осмысления данной темы.

В отечественной доктрине термин «принудительные меры» достаточно популярен, и часто используется как «зонтичный» термин, которым обозначают и контрмеры, и санкции.⁶⁶⁴ Таким образом, термины «принудительные меры» и «меры принуждения» применимы к институту контрмер лишь в самом широком контексте. В тексте ПСОГ 2001 г. данные термины не используются.

Понятие «репрессалий»/reprisals

Институт контрмер образовался на базе института репрессалий, который длительное время существовал в международных отношениях. Еще в Средневековье существовал институт частных репрессалий, «когда индивиды могли потребовать компенсацию за свои нарушенные права»⁶⁶⁵. Кроме того, институт каперства, по сути, представлявший собой пиратство и разбой, санкционированные государством, также тесно связан с институтом

⁶⁶³ Словарь международного права. М., 1982. С. 177.

⁶⁶⁴ См., например, Богуславский М.М. Международное экономическое право. М.: Международные отношения, 1985. С. 247; Левин Д.Б. Международное право и сохранение мира. М., 1971. С. 144.

⁶⁶⁵ Erickson R. J. Legitimate Use of Military Force Against State-Sponsored International Terrorism. Air University Press. 1989. P.136.

«репрессалий», а «каперский патент» на английском языке звучит как *Letter of Marque and Reprisal*.

Право частных репрессалий было отменено в XIX в. в рамках Парижского договора: «С 1856 г., репрессалии со стороны индивидов стали незаконными, и только государства могли прибегать к этому методу»⁶⁶⁶. В книге, изданной в 1875 г., отмечалось, что «признание права на репрессалии аналогично отрицанию правосудия»⁶⁶⁷. Действительно, до правосудия, в современном понимании, репрессалиям было далеко, и, фактически, они представляли собой узаконенный произвол. Так, в период с 1811 по 1911 годы, США требовали репрессалии сорок восемь раз, причем за ущерб как значительный, так и незначительный - например, в 1914 году в Мексику были введены американские войска, потому что президент Мексики В. Хуерта отказался извиниться перед американским матросом.⁶⁶⁸

В качестве одного из примеров репрессалий часто приводится инцидент между Португалией и Германией в 1914 году, когда трое немцев были случайно убиты на границе с португальскими владениями в Анголе, в местечке Наулила (*Naulilaa*), после чего Германия провела военные операции в шести португальских фортах, в ходе которых были убиты более 20 португальцев. В 1928 году было начато арбитражное разбирательство по данному делу, в ходе которого были указаны три условия для правомерных репрессалий:

- репрессалиям предшествовало совершение неправомерного акта;
- репрессалиям предшествовала просьба потерпевшего государства возместить подразумеваемый ущерб, которая не была удовлетворена;
- репрессалии были пропорциональны, то есть не превысили нанесенный государству ущерб.

⁶⁶⁶ Von Glahn G. *Law Among Nations*, 3d ed. New York: Macmillan Publishing Co. 1976. P. 496.

⁶⁶⁷ Mas Latrue R. *Du droit de marquee ou droit de represailles au Moyen-Age, suivi de pieces justificatives*. Paris, Baur, 1875.

⁶⁶⁸ Von Glahn G. *Law Among Nations*, 3d ed. New York: Macmillan Publishing Co., 1976. P.500.

Действия Германии были признаны неправомерными, а Португалии была присуждена компенсация.⁶⁶⁹ Данное дело впоследствии было названо «наиболее авторитетным заключением по обычному праву, связанному с репрессалиями».⁶⁷⁰ Согласно арбитражному решению 1930 года, репрессалии «представляют собой акт, в принципе противоречащий международному праву, однако они могут быть оправданы постольку, поскольку они спровоцированы неким другим актом, также противоречащим этому праву»⁶⁷¹.

Со временем оформилось разделение репрессалий на два вида – «военные репрессалии» (*belligerent reprisals*) и «невоенные/мирные репрессалии» (*peacetime reprisals*). После закрепления в Уставе ООН 1945 года принципа неприменения силы и угрозы силой и принципа разрешения споров мирными средствами, институт «военных репрессалий» стал постепенно исчезать. Например, в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 1970 года сказано, что «государства обязаны воздерживаться от репрессалий, включающих применение силы»⁶⁷². Таким образом, к 1980-м годам сохранился лишь институт «невоенных репрессалий». С учетом истории данного института, а также с семантической точки зрения, «невоенные репрессалии» — это, скорее, оксюморон.

Среди исследователей, утверждавших, что любые репрессалии являются неправомерными, были такие известные представители международно-правовой доктрины, как Д. Боуэтт, Дж. Брайрли, М. Макдугалл и др.⁶⁷³ Некоторые авторы, например, О.Е. Лейст, наоборот, поддерживали данный

⁶⁶⁹ Naulila International Arbitration Concerning the Responsibility of Germany for Damage Caused in the Portuguese Colonies of South Africa. Portuguese-German Arbitral Tribunal 1928. Reports on International Arbitral Awards, 2d sess., 1949.

⁶⁷⁰ Brierly J.L. The Law of Nations, 6th ed., 1963. P.400.

⁶⁷¹ Cysne Case. Responsibility of Germany for acts committed subsequent to 31 July 1914 and before Portugal entered into war. UN Reports of International Arbitral Awards. Vol.II. 1930. P. 1052.

⁶⁷² UN General Assembly Official Records, 25th sess., supp. 28. A/8028 1970.

⁶⁷³ Bowett D. W. Self-Defence in International Law. New York: Frederick A. Praeger, 1958. P.13; Brierly J.L. The Theory of Implied State Complicity in International Crimes//British Year Book of International Law. Vol. 9. 1928. P.42; McDougal M.S., Feliciano F.P. Law and Minimum World Public Order. Yale University Press, 1961. P. 208.

институт, причем относили репрессалии к формату политической ответственности, отмечая, что «следует упомянуть такую форму политической ответственности, как ответные насильственные действия, осуществляемые пострадавшим субъектом, которые именуются репрессалиями»⁶⁷⁴.

Комиссия международного права ООН в комментарии к ст. 22 ПСОГ отмечает, что термин «репрессалии» «перестал широко использоваться именно из-за ненужных ассоциаций с правом военных репрессалий, непосредственно связанных с применением силы». В том же комментарии отмечается, что «репрессалии», как устаревший термин, был заменен термином «контрмеры». В любом случае, «термин «репрессалии» не смог быстро и бесследно исчезнуть из научного оборота, поэтому продолжает периодически использоваться»⁶⁷⁵.

Периодически у некоторых исследователей возникает идея, что, если существующая система имплементации международной ответственности недостаточно неэффективна, ее можно частично заменить «вооруженными репрессалиями, в обстоятельствах, когда ООН не может защитить мир».⁶⁷⁶ В данном контексте, «сущность репрессалий весьма тесно связана с уже упоминавшейся доктриной «справедливой войны» и «правом на возмездие» (*right to retaliation*). Один из представителей американской доктрины международного права Ч. Хайд утверждал, что «репрессалии – это, основном, средство, применяемое сильными против слабых»⁶⁷⁷. Тем не менее, очевидно,

⁶⁷⁴ Лейст О.Э. Понятие ответственности в праве// Вестник МГУ. Серия II «Право». № 1. 1994. С.37.

⁶⁷⁵ Сазонова К.Л. «Как перестать беспокоиться и начать жить»: влияние антироссийских санкций и контрмер на новейший этап развития международного права// Вопросы безопасности. 2015. - № 3. - С.78-108.

⁶⁷⁶ Giry S. New War, Old Law. Would a unilateral strike against Iraq ever have been legal? // Legal Affairs, 2003. URL: http://www.legalaffairs.org/issues/January-February-2003/scene_giry_janfeb2003.msp (дата обращения 03.09.2024)

⁶⁷⁷ Хайд Ч. Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки. Т.4. М., 1952. С. 542.

что репрессалии, причем в «устаревшем», военном формате, все еще актуальны для американской доктрины международного права.

В 2003 году американские эксперты задавались вопросом, «оправдает администрация Буша войну в Ираке тем, что это репрессалии, или же добавит, что США действовали в порядке превентивной самообороны?»⁶⁷⁸. Хотелось бы отметить, что и в том, и в другом варианте юридической квалификации деяния, действия США в Ираке являются неправомерными, так как военные репрессалии запрещены, а «превентивная самооборона» – это оксюморон, поскольку самообороне должен предшествовать факт нападения, а Ирак на США не нападал.

Большинство попыток найти альтернативные интерпретации терминов и «обходные пути» в действующем международном праве объясняются частой неспособностью существующей системы международной безопасности оперативно реагировать на возникающие вызовы и угрозы. Некоторые авторы, например, Ш. Дарси, утверждают, что «критика в адрес запрета на применение военных репрессалий связана с отсутствием других эффективных методов обеспечения соблюдения норм гуманитарного права, а не с критикой репрессалий самих по себе»⁶⁷⁹.

Кроме того, нельзя не признать, что «запрет репрессалий, как одного из старейших средств принуждения, значительно усиливает нагрузку на те механизмы принуждения, которые остались»⁶⁸⁰. Тем не менее, современная парадигма международной ответственности не предполагает наличия института репрессалий.

⁶⁷⁸ Giry S. New War, Old Law. Would a unilateral strike against Iraq ever have been legal? // Legal Affairs, 2003. URL: http://www.legalaffairs.org/issues/January-February-2003/scene_giry_janfeb2003.msp (дата обращения 05.09.2024).

⁶⁷⁹ Darcy S. The Evolution of the Law of Belligerent Reprisals//Military Law Review, Vol. 175. 2003. P. 248.

⁶⁸⁰ Draper G.I. The Enforcement and Implementation of the Geneva Conventions of 1949 and the Additional Protocols of 1977// Recueil de cours. Vol. 163. 1978. P. 35.

Институт контрмер: современное состояние

Как уже упоминалось выше, термин «контрмеры» возник относительно недавно, и был связан с необходимостью замены устаревшего термина «вооруженные репрессалии». В доктрине отмечается, что «выражение «контрмеры» нечасто использовалось до 1970-х»⁶⁸¹. Например, весьма показательным является то, что в 1983 году член Комиссии международного права П. Рейтер, комментируя дело *Air Service Agreement*, в котором США сослались на «контрмеры», отметил, что «данный термин ничего не значит»⁶⁸². В 1978 году, когда Франция нарушила двустороннее соглашение о воздушном сообщении, США приняли решение о приостановлении договора и заявили в арбитражный трибунал, что контрмеры могли бы варьироваться от временного приостановления до полного расторжения соглашения⁶⁸³. В комментариях к ПСОГ 2001 года правительство США определяет «контрмеры» как «действия государства, которые в противном случае считались бы противоправными по международному праву, но являются допустимыми, считаются законными, и дают потерпевшему государству возможность заставить государственно-правонарушителя выполнить его международные обязательства».⁶⁸⁴

Тем не менее, поскольку точной дефиниции, равно как и исчерпывающего перечня действий, относящихся к контрмерам, Комиссия международного права ООН не дает, данный термин вызывает массу вопросов и обсуждений в доктрине международного права. В любом случае, ключевая особенность контрмер заключается в том, что они являются действиями, которые в любой другой ситуации представляли бы собой нарушение действующего международного права.

⁶⁸¹ Alland D. The Definition of Countermeasures/ The Law of International Responsibility. J.Crawford, A.Pellet, S. Olleson. 2010. P.1127.

⁶⁸² International Law Commission Yearbook. Vol. I, 1983. P. 102, Para 23.

⁶⁸³ Case concerning the Air Service Agreement of 27 March 1946 between the United States of America and France, United Nations, Reports of International Arbitral Awards. V. XVIII. P. 37-41.

⁶⁸⁴ UN Doc. A/CN 4/515. 19 марта 2001. С. 37.

В 1997 году, в «Деле о проекте Габчиково-Надьмарош» между Венгрией и Словакией, Международный суд ООН признал, что противоправные действия государств могут быть оправданы лишь контрмерами. В любом другом случае, такие действия, «предпринятые в ответ на предшествующее международно-противоправное деяние другого государства и направленные против такого государства, будут противоправными».⁶⁸⁵ В данном контексте, необходимо также упомянуть один из старейших принципов права международных договоров, который, в свою очередь, берет начало в принципе римского права – *inadimplenti non est adimplemum*. [Сторона договора может не соблюдать свои обязательства, если другая сторона их не соблюдает – К.С.]. Фактически, единственным вариантом правомерных контрмер является одностороннее прекращение договорных обязательств по отношению к нарушителю.

Ст. 49-54 ПСОГ определяют общие начала применения контрмер. Так, в статье 50 отмечается, что контрмеры не могут затрагивать:

- а) обязательства воздерживаться от угрозы силой или ее применения, закрепленного в Уставе Организации Объединенных Наций;
- б) обязательств по защите основных прав человека;
- в) обязательств гуманитарного характера, запрещающих репрессалии;
- г) иных обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права.

Можно отметить, что некоторые представители советской доктрины, например, Г.В. Шармазанашвили, особо подчеркивали «невоенный» характер контрмер тогда, когда это еще не было признано на уровне Комиссии международного права ООН.⁶⁸⁶ Итальянский исследователь А. де Гиттри в 1985 году также задавался вопросом – как контрмеры, особенно военного характера, сочетаются с обязательством государств по разрешению споров

⁶⁸⁵ Case concerning the Gabcikovo-Nagymaros Project (Hungary vs Slovakia). International Court of Justice. 1997. P.52.

⁶⁸⁶ Шармазанашвили Г.В. Самооборона в международном праве. М., 1973. С. 153.

мирными средствами.⁶⁸⁷ После завершения кодификации положений об ответственности государств, можно сказать, что они никак не сочетаются, поскольку в настоящее время, любые контрмеры должны иметь исключительно невоенный характер.

Соотношение контрмер и различных форм международной ответственности государств

Довольно часто контрмеры относят к формам международной ответственности, а не к обстоятельствам, исключаящим противоправность. Например, правительство Китая в своих комментариях к ПСОГ 2001 г. отождествляло контрмеры и такие формы международной ответственности, как компенсация и реторсия. В свою очередь, правительство Японии утверждало, что «контрмеры обычно принимаются для того, чтобы вынудить к выполнению изначального обязательства, а не обязательства, касающегося компенсации»⁶⁸⁸. Аналогичное мнение высказала и Словакия, уточнив, что контрмеры «не имеют никакого отношения к содержанию или формам международной ответственности государств»⁶⁸⁹.

В работе 1985 г., посвященной анализу контрмер, Э. Золлер отмечала, что «контрмеры занимают свое важное место среди **последствий международно-противоправных действий** [выделено мною - К.С.]»⁶⁹⁰. Это действительно именно последствие противоправного деяния, но никак не форма реализации международной ответственности. Как отмечала Комиссия международного права ООН, «контрмеры являются частью децентрализованной системы, в рамках которой потерпевшие государства могут отстаивать свои права»⁶⁹¹.

⁶⁸⁷ De Guttry A. Le rappresaglie non comportanti la coercizione militare nel diritto internazionale. Milan, Giuffre, 1985. P. 25-26.

⁶⁸⁸ UN Doc. A/CN.4/515. 19 марта 2001. С. 90.

⁶⁸⁹ Там же. С. 88.

⁶⁹⁰ Zoller E. Peacetime Unilateral Remedies: An Analysis of Countermeasures. N.Y. 1984. P. 137.

⁶⁹¹ Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, с комментариями. Комиссия международного права ООН. 2001. С. 337.

Автор диссертации предлагает определить «контрмеры» как «действия одного государства в ответ на те действия другого государства, которые осуществляющее контрмеры государство считает неправомерными. Представляют собой нарушения международного права (в особенности договорного) фактически, однако юридически квалифицируются как обстоятельства, исключающие противоправность».

Показательны также дискуссии о цели применения контрмер, состоявшиеся в ходе обсуждения ПСОГ в 2001 году. Например, согласно утверждению правительства Испании, «единственная причина для существования контрмер заключается в том, чтобы побуждать государства выполнять свои международные обязательства».⁶⁹² Правительство Австрии уточняло, что «контрмеры – это средство обеспечения соблюдения обязательств *erga omnes*»⁶⁹³.

Согласно некоторым доктринальным оценкам, «цель контрмер – восстановление предыдущей правовой ситуации»⁶⁹⁴. Отечественные специалисты полагают, что контрмеры – это, прежде всего, «виды реагирования на противоправные деяния»⁶⁹⁵. Дж. Кроуфорд в своей статье двадцатилетней давности указывал на то, что назначение контрмер состоит в том, чтобы изменить в нужную сторону поведение государства-правонарушителя.⁶⁹⁶ Важным аспектом является также вопрос о различном политическом весе государств, которые прибегают к контрмерам. Например, Япония при обсуждении статей об ответственности государств в 2001 году указывала на то, что фактическое неравенство государств приводит к тому, что «слабое государство не сможет принять эффективные контрмеры против

⁶⁹² UN Doc. A/CN.4/515. 19 марта 2001.С. 89.

⁶⁹³ Там же. С. 102.

⁶⁹⁴ Cannizzaro E. The Role of Proportionality in the Law of International Countermeasures//European Journal of international Law. Vol. 12. No. 5. 2001. P. 890.

⁶⁹⁵ Международное право. Учебник. Отв. ред. Р.М. Валеев, Г.И. Курдюков. М., 2011. С. 488.

⁶⁹⁶ Crawford J. Counter-measures as Interim Measures//European Journal of International Law. Vol.5. 1994. P. 67.

сильного государства, поскольку сильное государство едва ли можно побудить к выполнению обязательств с помощью контрмер, соразмерных нанесенному ущербу, если такой ущерб для сильного государства не является серьезным»⁶⁹⁷.

Кроме того, контрмеры следует отличать от самообороны, которые могут показаться схожими по своей природе, однако «цель самообороны – защита, цель контрмер – наказание. Контрмеры не применяются в ответ на вооруженное нападение»⁶⁹⁸. Однако неудивительно, что «на практике эта разница не столь очевидна»⁶⁹⁹. Поскольку современные контрмеры носят подчеркнуто невоенный характер, а самооборона имеет военный характер, представляется логичным использовать данный фактор в качестве основного различия.

Условия правомерности контрмер

• Взаимность

Взаимность представляет собой условие, весьма по-разному трактуемое в различных правовых системах. Например, в сборнике по международному праву США за 1978 г. сказано, что «нарушение договорного обязательства может привести к возникновению права у другой стороны к тому, чтобы осуществить несиловое возмещение, и это возмещение может затрагивать права стороны-нарушителя по данному договору. Этот принцип служит другому важнейшему принципу международного права – принципу взаимности»⁷⁰⁰.

В 1984 году вышла монография американского исследователя Э. Золлер под названием «Односторонние средства возмещения в мирное время: анализ контрмер», где было сказано о том, что контрмеры могут применяться к

⁶⁹⁷ Ответственность государств. Комментарии и замечания, полученные от правительств. Документ ООН A/CN 4/515. 19 марта 2001. С. 93.

⁶⁹⁸ Erickson R.J. Legitimate Use of Military Force Against State-Sponsored International Terrorism. Air University Press. 1989. P.137.

⁶⁹⁹ Erickson R.J. Legitimate Use of Military Force Against State-Sponsored International Terrorism. Air University Press. 1989. P.137.

⁷⁰⁰ Digest of the United States in International Law. Vol. 6. 1978. P.769.

виновному государству.⁷⁰¹ Однако вопрос о вине является настолько дискуссионным, что Комиссия международного права ООН приняла решения не включать ее в ее в ПСОГ в 2001 году, поэтому «виновность» государства при введении контрмер определяет лишь то государство, которое вводит контрмеры. Высказанное мнение весьма логично вписывается в американскую доктрину международного права, весьма широко оперирующую моральными категориями (см. концепцию «справедливых войн»), а также весьма трепетно относящуюся к национальному законодательству и национальным интересам. Другими словами, если перефразировать мысль Золлер, если государство лично считает другое государство виновным – значит, контрмеры автоматически становятся правомерными. Подобная интерпретация контрмер представляется не только неверной, но и опасной, а также могущей перерасти в произвол.

•Эквивалентность/соразмерность/пропорциональность контрмер

Вышеуказанный принцип взаимности, в свою очередь, применяется на основе принципа эквивалентности: «Существует общее мнение в отношении того, что все контрмеры должны иметь **некоторую степень эквивалентности** [выделено мной – К.С.] предполагаемому нарушению»⁷⁰².

Очевидно, что на практике определить степень соразмерности довольно трудно. В целом, можно констатировать, что вопрос пропорциональности – ключевой и наиболее болезненный и для института контрмер,⁷⁰³ и для права международной ответственности в целом.

⁷⁰¹ Zoller E. Peacetime Unilateral Remedies: An Analysis of Countermeasures. N.Y. 1984. P.10.

⁷⁰² Case concerning the Air Service Agreement of 27 March 1946 between the United States of America and France, United Nations, Reports of International Arbitral Awards. V. XVIII. 1978 г. P. 37-41.

⁷⁰³ По данному вопросу см., например, Cannizzaro E. The Role of Proportionality in the Law of International Countermeasures//European Journal of international Law. Vol. 12. No. 5. 2001.

К вопросу о легитимности «коллективных контрмер»

Возникает резонный вопрос, могут ли контрмеры применяться только потерпевшим государством, или же возможна реализация «коллективных контрмер» посредством действий группы государств. Важно подчеркнуть, что, в данном случае, речь идет именно о «контрмерах», а не о «санкциях», поскольку контрмеры предполагают путь и оправданное, но все же нарушение государствами своих международно-правовых обязательств, в то время как санкции не предполагают. Таким образом, речь идет именно о «мерах, нарушающих международное право, которые могут применяться государствами, которые непосредственно не задеты правонарушением, в ответ на нарушения обязательств *erga omnes*»⁷⁰⁴.

В 1915 году американский юрист Э. Рут, сравнивая национальное и международное право, отмечал, что в международно-правовом поле необходимо «различать правонарушения, которые непосредственно затрагивают стороны, вовлеченные в конфликт, и правонарушения, которые касаются каждого государства»⁷⁰⁵.

Современный исследователь Л.-А. Сицилианос выделяет **три стадии**, в течение которых менялось отношение Комиссии международного права ООН к применимости «коллективных контрмер»⁷⁰⁶. **Первая стадия** – это принятие ПСОГ в первом чтении в 1996 году, в котором было сказано, что «если международно-противоправное деяние составляет международное преступление, понятие «пострадавшее государство» относится ко всем остальным государствам»⁷⁰⁷.

⁷⁰⁴ Sicilianos L.-A. Countermeasures in Response to Grave Violations of Obligations Owed to international Community/ Law of International Responsibility. J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson. 2010, P. 1137.

⁷⁰⁵ Root E. The Outlook for International Law//Proceedings of the American Society of International Law. 1915. P.8-9.

⁷⁰⁶ Sicilianos L.-A. Countermeasures in Response to Grave Violations of Obligations Owed to international Community/ Law of International Responsibility. J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson. 2010. P. 1142.

⁷⁰⁷ Report of the International Law Commission on the work of its 52 session. 2000.

Вторая стадия – это редакция ПСОГ 2000 года, где было сформулировано разделение на две гипотетические ситуации:

1. когда есть конкретное пострадавшее государство, оно может уполномочить государства, прямо не затронутые правонарушением, осуществлять контрмеры.

2. ситуация, когда в конкретном государстве систематически нарушаются права человека. В этом случае предполагалось, что будут правомерны контрмеры любого государства, совершаемые в интересах индивидов, как бенефициариев международного права.

Примером подобных контрмер может служить приостановка договора о получении субсидий между Нидерландами и Суринамом в 1982 году, мотивируемая массовыми нарушениями прав человека, которые происходили в тот период в Суринаме. 1986 году, США запретили самолетам ЮАР осуществлять посадку на территории США из-за политики апартеида, что нарушало двусторонний договор о воздушном сообщении 1946 года. Кроме того, США неоднократно пытались интерпретировать свои действия, в том числе и военного характера, как правомерную «реакцию» на правонарушения: «Когда в 1978 году Конгресс США решил осуществить военную операцию в Уганде, он мотивировал это тем, что там идет геноцид, и назвал свои действия «исключительной реакцией» на правонарушение»⁷⁰⁸.

Поскольку от легитимации подобных действий до легитимации «гуманитарной интервенции» практически один шаг, данная редакция ПСОГ не была утверждена. Однако отмена данной формулировки не решает проблему, каким образом разрешать ситуацию, когда фактически отсутствует «пострадавшее государство», однако нарушаются императивные нормы международного права и обязательства *erga omnes*.

⁷⁰⁸ Katselli E. Countermeasures by Non-Injured States in the Law on State Responsibility // European Society of International Law. Agora Papers. Florence Founding Conference of the ESIL. 2005. P.5.

Третью стадию изменения отношения к понятию «коллективных контрмер» представляет современная редакция ПСОГ, утверждённая в 2001 году. Согласно статье 54, Проект «не затрагивает права любого государства, которое вправе призвать к ответственности другое государство, принять правомерные меры против этого государства для обеспечения прекращения нарушения и предоставления возмещения в интересах потерпевшего государства или бенефициариев нарушенного обязательства».

С одной стороны, звучит весьма похоже на вариант 2000 года, однако, с другой стороны, данная редакция является гораздо более двусмысленной. Во-первых, отсутствует сам термин «контрмеры», а также говорится о «правомерных мерах», что явно идет вразрез с положением о том, что контрмеры являются нарушением международных обязательств. Таким образом, «как и любая компромиссная формула, статья 54 сохранила разногласия по вопросу «коллективных контрмер», не сумев никого удовлетворить».⁷⁰⁹ Тем не менее, более оптимистично настроенные авторы полагают, что данная статья «оставляет решение данного вопроса для дальнейшего развития международного права»,⁷¹⁰ и, «хотя нельзя сказать однозначно, что коллективные контрмеры, согласно *lex lata*, являются правомерными, но видна тенденция к тому, что они станут частью *lex ferenda*»⁷¹¹.

Международно-правовой Совета при МИД России в 2011 году указал ряд оснований для «неправомерных контрмер»:

- «осуществляются государством иным, нежели потерпевшее государство;
- нарушают обязательства не только перед государством-нарушителем, но и перед третьими государствами;

⁷⁰⁹ Sicilianos L.-A. Countermeasures in Response to Grave Violations of Obligations Owed to international Community/ Law of International Responsibility. J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson. 2010. P. 1145.

⁷¹⁰ Katselli E. Countermeasures by Non-Injured States in the Law on State Responsibility // European Society of International Law. Agora Papers. Florence Founding Conference of the ESIL. 2005. P. 1.

⁷¹¹ Ibid. P.5.

- осуществляются преждевременно: до надлежащего призвания государства-нарушителя к ответственности и/или без надлежащего предупреждения;

- носят карательный характер;

- несоразмерны нарушению;

- осуществляются в нарушение императивных норм международного права;

- продолжаются после прекращения противоправного деяния или после передачи дела в орган по разрешению споров». ⁷¹²

Наиболее резонансным примером «неправомерных контрмер» является невыполнение Францией своих договорных обязательств по поставке Российской Федерации вертолетоносцев «Мистраль» в 2014 году, с ссылкой на то, что Россия якобы представляет собой одну из сторон конфликта на Украине. Однако, поскольку Франция напрямую не пострадала из-за конфликта на Украине, ее действия, согласно заключению Международно-правового Совета, не могут быть оправданы контрмерами, а являются нарушением договорных обязательств.

4.4. Санкции и международная ответственность государств в доктрине международного права и в практике международного взаимодействия.

Доктринальная база тематики, связанной с санкциями, весьма обширна, однако этим и сложна, так как разброс мнений, порой диаметрально противоположных, весьма велик. В советской доктрине международного права санкции изучались в работах К.А. Багиняна, В. А. Василенко, Т.Н. Нешатаевой, Ю.А. Решетова и др. ⁷¹³ В современной российской доктрине проблематика санкций исследуется в трудах Т.Я. Хабриевой, А.Я. Капустина,

⁷¹² «Односторонние санкции» и международное право. Заключение Международно-правового совета при МИД России. 2011. URL: http://www.norway.mid.ru/ru/press_12_031.html (дата обращения 05.09.2024).

⁷¹³ Багинян К.А. Международные санкции по уставам Лиги Наций и ООН и практика их применения/ М., 1948; Василенко В.А. Международно-правовые санкции. Киев. 1982; Нешатаева Т.Н. Санкции системы ООН. Международно-правовой аспект. М., 1992; Решетов Ю.А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности М., 1983.

М.В. Кешнер, И.Н. Крючковой, П.В. Чикова.⁷¹⁴ В зарубежной доктрине международного права санкциям уделяли внимание М.П. Докси, Г. Кунц, Д. Лейтон-Браун.⁷¹⁵ Из современных авторов можно выделить М. Райзмана, М. Веласкес-Руиса и др.⁷¹⁶

Различные подходы к употреблению термина «санкции»

Анализ практического употребления термина «санкции» позволяет сделать вывод о том, что данный термин может использоваться, как минимум, в четырех различных контекстах.

В рамках *первого подхода* понятие «санкции» синонимично понятию «ответственности», то есть определенных неблагоприятных последствий, которые наступают в результате международно-правовых нарушений, то есть, фактически, происходит отождествление санкций и ответственности. Данный контекст нередко звучит в речах политиков, а также отдельных представителей доктрины международного права: «Санкции – это меры военно-политического характера, которые представляют собою своеобразное наказание за совершение международных преступлений»⁷¹⁷. Например, Ю.А. Решетов отмечал, что «в самом широком смысле все принудительные меры,

⁷¹⁴ Капустин А.Я., Хабриева Т.Я. Международное право и санкции. поиск границ допустимого//Вестник Российской академии наук. №1(89). 2019; Капустин А.Я. Санкции ООН: международно-правовая концептуализация принудительных мер//Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 6 (73); Кешнер М.В. Контрмеры и санкции как инструменты имплементации международной ответственности государств /Вестник ТИСБИ. №1. 2012; Крючкова И.Н. Экономические санкции Совета Безопасности Организации Объединенных Наций в международном публичном праве и международном частном праве. Москва, 2005; Чиков П.В. Военные санкции: практика международного права / Актуальные вопросы экономики и права в современной России. Московский гуманитарно-экономический институт, Нижнекамск, 1999.

⁷¹⁵ Doxey M.P. International sanctions in contemporary perspective. L., 1987; Kunz G.L. Sanctions in the international law // The American Journal of International Law, Wash. V. 54. № 2. 1960; Leyton-Brown D. The Utility of International Economic Sanctions. L., 1980.

⁷¹⁶ Reisman M. Sanctions and International Law //Intercultural Human Rights Law Review. Vol.4. 2008; Velásquez-Ruiz M.A. International Law and Economic Sanctions Imposed by the United Nations Security Council" International Law//Revista Colombiana de Derecho International. Vol.21. 2012.

⁷¹⁷ Котляров И.И. Международное гуманитарное право. М. 2003. С. 248.

применяемые по Уставу ООН, есть санкции»⁷¹⁸. Международно-правовой совет при МИД России называет санкции мерой ответственности государств: «Санкции могут выступать как мера международно-правовой ответственности государства, нарушившего свои международно-правовые обязательства»⁷¹⁹.

Тем не менее, автору диссертации близко утверждение И.И. Лукашука о том, что отождествление санкций и ответственности не способствует пониманию природы каждого из этих явлений в отдельности.⁷²⁰ Подобная точка зрения поддерживалась советским юристом-международником В.А. Василенко, который также не относил санкции к видам ответственности в международном праве, а считал их инструментом международной ответственности в широком значении.⁷²¹

2. *Второй подход* к использованию термина «санкции» связан с тем, что ими обозначаются односторонние ограничительные меры, которые государства вводят друг против друга. Именно эта форма противостояния, начиная с 2014 года и по настоящее время, активно применяется против Российской Федерации. Интенсивность и масштаб реализуемых санкций позволяет говорить о таком явлении, как «экономическая агрессия».

3. *Третий подход* к использованию термина «санкции» связан с попыткой Комиссия международного права ООН «зарезервировать» данный термин для обозначения мер, предпринимаемых Советом Безопасности ООН на основании Главы VII Устава ООН «Действия в отношении угрозы миру, нарушения мира и актов агрессии». Таким образом, санкции бы ассоциировались исключительно с действиями Организации Объединенных Наций. Многие представители отечественной доктрины международного права поддерживали подобную коннотацию. Например, К. А. Багинян

⁷¹⁸ Решетов Ю.А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности М., 1983. С.54.

⁷¹⁹ «Односторонние санкции» и международное право. Заключение Международно-правового совета при МИД России. 2011. URL: http://www.norway.mid.ru/ru/press_12_031.html (дата обращения 05.09.2024).

⁷²⁰ Лукашук И.И. Право международной ответственности. М., 2004. С.65.

⁷²¹ Василенко В. А. Международно-правовые санкции. Киев, 1982. С. 41.

утверждал, что «санкциями в международном праве именуется меры принудительного характера, осуществляемые Организацией Объединенных Наций в целях поддержания или восстановления международного мира и безопасности»⁷²². Профессор А.Я. Капустин также справедливо отмечает, что «принудительные меры СБ ООН, не связанные с применением силы (невоенные меры), в дипломатической практике, в СМИ и в научной литературе часто именуется санкциями»⁷²³.

4. *Четвертый подход* к определению санкций связан с их разделением по субъектам введения. В рамках данного подхода, санкции международных организаций обозначаются как «коллективные санкции», а односторонние ограничительные меры, вводимые государствами – как «индивидуальные санкции». Например, Б.Ш. Белалова в диссертации 2002 года утверждала, что санкции «могут применяться потерпевшим государством как самостоятельно, так и в рамках международных организаций, то есть санкции бывают индивидуальные и коллективные»⁷²⁴.

Идея того, что санкции есть прерогатива не только международных организаций, но и государств, отстаивалась также Х. Кельзенем, который полагал, что потерпевшее государство может применять индивидуальные санкции против несущего ответственность государства «в качестве первичного юридического последствия, вытекающего непосредственно из противоправного деяния»⁷²⁵.

Понимание того, в каком именно контексте тот или иной исследователь использовал термин «санкции», весьма существенно. Ситуация осложняется тем, что некоторые используют смешанный подход. Например, в советской

⁷²² Багинян К.А. Международные санкции по уставам Лиги Наций и ООН и практика их применения/ М., 1948. С. 52.

⁷²³ Капустин А.Я. Санкции ООН: международно-правовая концептуализация принудительных мер//Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 6 (73). С. 86.

⁷²⁴ Белалова Б.Ш. Место международно-правовых санкций в современном международном праве// Законодательство. № 12. 2002. С. 65.

⁷²⁵ Kelsen H. Principles of International Law. N.Y., 1966.P.2.

школе некоторые авторы относили санкции к виду нематериальной ответственности.⁷²⁶ Для того периода это было допустимо, потому что вопросы международной ответственности были менее кодифицированы, однако подобный подход на современном этапе может привести к путанице и ошибкам. Например, Н.В. Мошенская пишет о том, что «санкции, применяемые ООН, следует отнести к формам политической ответственности, поскольку Совет Безопасности является политическим органом ООН, на который возложена функция поддержания мира и безопасности».⁷²⁷ Очевидно, что данная классификация не соответствует реалиям, где санкции – это санкции, а формы ответственности — это совсем другое.

В ходе опроса (анкетирования), проведенного автором диссертации и представленного в Приложении №1 к настоящему исследованию, 50 % опрошенных полагают, что санкции – это вид международной ответственности, другие 50 процентов полагают, что санкции – это отдельный институт.

Автор, придерживаясь традиционного понимания термина санкций как действий под эгидой ООН в рамках VII Устава Организации Объединенных Наций, тем не менее, полагает, что интенсивность обозначения односторонних ограничительных мер термином «санкции» позволяет говорить о таких понятиях, как «санкции *de jure*» и «санкции *de facto*», и предлагает их следующие определения.

Санкции *de jure* – ограничительные меры, принимаемые Советом Безопасности ООН на основании Главы VII Устава ООН («Действия в отношении угрозы миру, нарушения мира и актов агрессии») для реализации его решений, принимаемых в целях поддержания либо восстановления международного мира и безопасности.

⁷²⁶ См., напр.: Петровский Ю.В. О политической ответственности государств // Советский ежегодник международного права. М., 1970.

⁷²⁷ Мошенская Н.В. Проблема ответственности за геноцид. М., Юрист. 2008. С. 45.

Санкции *de facto* – ограничительные меры невоенного характера, которые могут вводиться как государствами (индивидуальные санкции), так и международными региональными организациями (коллективные санкции), состоящие из мер как военного, так и невоенного характера, принимаемые международной организацией, и являющиеся реакцией на деящееся международное правонарушение. в качестве реакции на событие, квалифицируемое государством-эмитентом санкций как международное правонарушение.

Санкции Организации Объединенных Наций

В тематике ооновских санкций можно выделить два основных подхода. В рамках первого, опирающегося на ст. 41 Устава ООН, санкции обозначают такие меры воздействия на государство-нарушителя, как «полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений».

При этом, речь идет именно о мерах воздействия, а не о наказании, поскольку Совет Безопасности не является органом международного правосудия. Как отмечает А.Я. Капустин, «реализуя компетенцию по применению принудительных мер невоенного характера, СБ ООН не разрешает споры между государствами, и не принимает решения о наказании виновных государств или их физических или юридических лиц»⁷²⁸.

В рамках второго подхода к ооновским санкциям, к ним могут быть отнесены принудительные меры, применяемые Советом Безопасности ООН по отношению к нарушителям норм международного права, в том числе, связанные с использованием вооруженной силы, к которым относятся указанные в статье 42 Устава ООН «такие действия воздушными, морскими или сухопутными силами, какие окажутся необходимыми для поддержания

⁷²⁸ Капустин А.Я. Санкции ООН: международно-правовая концептуализация принудительных мер//Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 6 (73). С. 86.

или восстановления международного мира и безопасности». Цель применения таких санкций – «сломить агрессора, заставить государство прекратить агрессию»⁷²⁹. В рамках данного подхода, вся миротворческая деятельность ООН представляет собой санкции против нарушителей международного мира и безопасности.

Необходимо также отметить, что, если до появления Лиги Наций «санкциями» обозначали преимущественно экономические меры воздействия, то с закреплением в ст. 16 Устава Лиги Наций необходимости предоставления вооруженных сил для совместных операций, термин «санкции» стал пониматься существенно шире, а «последующая деятельность Организации Объединенных Наций только усилила данную тенденцию»⁷³⁰. Авторитетный юрист-международник Л. Оппенгейм полагал, что любые санкции, применяемые как Лигой Наций, так и ООН, имеют «отчасти карательный характер»⁷³¹. То, что основные международно-правовые документы не оговаривают конкретное содержание термина «санкции», однако дают определенный объем компетенций международным структурам, связанный с принуждением, свидетельствует в пользу подобного понимания санкций. В целом, получается, что ооновские санкции делятся на два формата, «санкции с применением военной силы» и «санкции без применения военной силы».

**** Санкции ООН с применением военной силы.***

Представители отечественной доктрины предлагали обозначить санкции Совета Безопасности ООН, сопровождающиеся применением силы, как «военные санкции» «В праве международно-правовой ответственности следует выделить соответствующий международно-правовой институт санкций и в его рамках – субинститут военных санкций»⁷³². Санкции на

⁷²⁹ Хлестов О.Н. Закон России об участии в операциях по поддержанию мира // Московский журнал международного права. № 3. 1995. С.222.

⁷³⁰ Сазонова К.Л. Санкции в международном праве: основные направления исследований//Современное право. 2013. № 8. С. 117.

⁷³¹ Оппенгейм Л. Международное право. Т. I. 1948. С. 327.

⁷³² Чиков П. В. Военные санкции в международном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10/Чиков Павел Валерьевич. - Казань, 2003. С.10.

основании Главе VII Устава ООН, по своим целям максимально приближены к военной операции.

Устав ООН перечисляет три основания для применения мер по Главе VII Устава, а именно «угроза миру», «нарушение мира» и «акт агрессии». Подробные характеристики и содержание понятия «агрессия» можно отыскать в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Определение агрессии» 1974 года. Но с понятием «угроза миру» все обстоит гораздо сложнее, поскольку точное содержание данной категории остается весьма дискуссионным. Данное понятие, по меткому выражению М. Липсона,⁷³³ стало своеобразной «мусорной корзиной» для Совета Безопасности ООН, к которой относят такие разные явления, как терроризм, разрастание внутригосударственных конфликтов, а также любые явления, которые не имеют четкой нормативно-правовой базы. «Угроза миру» также является не до конца понятной категорией в контексте попыток расширения государствами оснований для применения силы, а также неопределенностью понятия «угроза миру». При этом, ситуация, обозначенная как «угроза миру», может быть как предельно серьезной, например, «используя расширительное толкование понятия «угроза миру» статьи 39 Устава, Совет Безопасности часто реагировал на ситуации, возникающие в результате серьезных нарушений обязательств, вытекающих из императивных норм международного права и обязательств *erga omnes*»⁷³⁴, так и обозначать менее травматичные для международного правопорядка явления.

Например, агрессивная пропаганда и демонизация другого государства явно не способствует сохранению мирных межгосударственных отношений, но их не принято считать «угрозой миру». Хотя еще в 1937 году советский ученый А.Н. Трайнин предлагал задуматься об объявлении противоправным

⁷³³ Lipson M. A «Garbage Can Model» of UN Peacekeeping//Global Governance. No.13 2007. P. 79–97.

⁷³⁴ Sicilianos L.-A. Countermeasures in Response to Grave Violations of Obligations Owed to international Community/ Law of International Responsibility. J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson. 2010. P.1141.

такого явления, как «пропаганда агрессии». В монографии «Защита мира и уголовный закон» он писал: «В годы, когда изобретаются все новые и новые машины для истребления человечества, безоружное слово не перестает быть орудием войны и мира. Когда же слово принимает форму бьющей в одну цель пропаганды, его силы возрастают многократно. Пропаганда является могучим средством распространения идей и настроений. Она поднимает массы и формирует общественное мнение. Она, следовательно, создает ту моральную атмосферу, в которой живут армия и народ, фронт и тыл»⁷³⁵.

*** Санкции ООН без применения военной силы.**

Данный вид санкций проявил себя в полной мере лишь в последние двадцать пять лет, так как «в период «холодной войны Совет Безопасности был часто заморожен»⁷³⁶. За период с 1945 по 1990 гг. санкции ООН были применены лишь дважды, к Южной Родезии (период действия санкций 1966-1979 гг.)⁷³⁷, а также к ЮАР (период действия санкций 1977-1994 гг.)⁷³⁸. С распадом СССР ситуация в отношении санкций изменилась настолько, что впоследствии 1990-е гг. назвали «декадой санкций»⁷³⁹.

Вариантов невоенных санкций, осуществляемых ООН, существует множество – экономическая блокада, контроль над поставкой в страну вооружений, запрет на воздушные сообщения и т.д. Некоторые авторы также выделяют в отдельную форму санкций занесение в «черные списки»

⁷³⁵ Трайнин А. Н. Защита мира и уголовный закон. Под редакцией и с предисловием А.Я. Вышинского. Москва, Юридическое издательство НКЮ Союза ССР, 1937. С.123.

⁷³⁶ Sicilianos L.-A. Countermeasures in Response to Grave Violations of Obligations Owed to international Community/ Law of International Responsibility. J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson. 2010. P.1140.

⁷³⁷ Резолюция Совета Безопасности ООН 232 (1966) и резолюция Совета Безопасности ООН 460 (1979).

⁷³⁸ Резолюция Совета Безопасности ООН 418 (1977) и резолюция Совета Безопасности ООН 919 (1994).

⁷³⁹ Cotright D., Lopez G. The Sanctions Decade. Assessing UN Strategies in the 1990s. London, 2000.

предприятий или коммерсантов, торгующих со страной-нарушителем.⁷⁴⁰ Также можно встретить термин «коллективные экономические санкции»⁷⁴¹.

В целом, можно констатировать, что, если военные санкции Совет Безопасности ООН зачастую использует при нарушении государством императивных норм международного права (например, при агрессии), то санкции без применения военной силы используются, в основном, тогда, когда государство систематически нарушает обязательства *erga omnes*, связанные с правами человека, например. Тем не менее, подобное разделение весьма условно, и по решению Совета Безопасности могут использоваться военные и невоенные санкции либо в совокупности, либо же на разных стадиях урегулирования конфликта.

Рассмотрим различные варианты санкций, вводимых Советом Безопасности. Первая разновидность санкций связана с блокировкой оружейных потоков в страну, где происходит конфликт.

Так, эмбарго на поставку оружия было наложено в отношении бывшей Югославии еще на ранней стадии конфликта в 1992 году. Оружейное эмбарго накладывалось в 1993 году на Гаити, что подтолкнуло местные власти пойти на переговоры. Также эмбарго на поставки оружия накладывалось на бывшую Югославию в 1992 году. В 2004 году оружейное эмбарго было введено в отношении Кот д'Ивуара, а в 2005 году – в отношении Судана.

Необходимо отметить, что оружейные санкции ООН могут быть связаны не только с пресечением потоков обычных вооружений, но и с требованием уничтожить отдельные виды оружия. Например, в 2013 году Сирия согласилась на то, что под контролем Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) будет уничтожены арсеналы химического оружия Сирии, что и было сделано к июню 2014 года.

⁷⁴⁰ См., например, Doxey M.P. International sanctions in contemporary perspective. L., 1987. P. 10.

⁷⁴¹ Velásquez-Ruiz M.A, International Law and Economic Sanctions Imposed by the United Nations Security Council// Revista Colombiana de Derecho International. Vol.21. 2012. P. 230.

Можно также выделить в отдельную категорию санкционное воздействие, направленное на изоляцию государства-нарушителя. Еще в период Лиги Наций представитель Бразилии Брага рекомендовал «создать такой международный порядок, согласно которому государство-агрессор и после войны не могло бы вести спокойного и благополучного существования». В частности, он предлагал «воспретить гражданам государства-агрессора пользование почтой, телеграфом, телефоном, транспортом государств, оставшихся верными пакту Лиги»⁷⁴². В случае с Организацией Объединенных Наций, подобное санкционное воздействие предполагает запрет туризма; запрет телефонных, телеграфных и почтовых связей; запрет воздушным судам приземляться или осуществлять транзитные полеты; запрет или приостановление водного или морского транзита, запрет или приостановление предоставления привилегий в том, что касается автомобильного и железнодорожного транспорта.

Еще одним форматом санкций является приостановка членства или ограничение права голоса государства-нарушителя в различных организациях системы ООН, что «существенным образом ограничивает права государства, которое утрачивает возможность отстаивать свои интересы в рамках международной организации и влиять на принятие решения ее органами»⁷⁴³. Принятие осуждающих резолюций Генеральной Ассамблеей, хоть и носит рекомендательный характер, но также имеет определенный санкционный эффект. Профессор Йельского университета М. Райзман называет подобные действия «идеологическими санкциями»⁷⁴⁴. На симпозиуме по вопросу эффективности санкций, состоявшемся в Нью-Йорке в 2007 года, было

⁷⁴² Цитата по Трайнин А. Н. Защита мира и уголовный закон. Под редакцией и с предисловием А.Я. Вышинского. Москва, Юридическое издательство НКЮ Союза ССР, 1937. С.34.

⁷⁴³ Жданов Ю.Н. Принудительные меры в международном праве. Диссертация док. юрид. наук. М., 1999. С.101.

⁷⁴⁴ Reisman M. Sanctions and International Law //Intercultural Human Rights Law Review. Vol.4. 2008. P.10.

отмечено, что «санкции представляют собой действенный инструмент выражения коллективного мнения и коллективной воли международного сообщества. Их символическое воздействие в этом смысле неоспоримо»⁷⁴⁵.

Опыт введения санкций ООН показывает, что наибольшее воздействие оказывают так называемые «широкомасштабные» или «комплексные» санкции, которые были призваны надавить на разные болевые точки государства-нарушителя, и которые включали большое количество экономических и дипломатических методов воздействия, в том числе, и оружейное эмбарго, и замораживание активов, и другие запреты и ограничения. Подобные санкции применялись ООН трижды:

- в отношении Ирака после его вторжения в Кувейт⁷⁴⁶, период действия санкций 1990-2003 гг.;

- в отношении бывшей Югославии, период действия 1991-2001 гг.⁷⁴⁷;

- в отношении Ливии⁷⁴⁸, период действия санкций 1992-2003 гг., 2011 год.

Важным вопросом является вопрос о том, каковы пределы и возможности давления на государство при реализации санкций ООН. Очевидно, что любые санкции должны быть адекватными и пропорциональными, однако это далеко не всегда имеет отношения к практике межгосударственного взаимодействия. Более того, часто «санкции по своим последствиям чаще всего превышают объем и характер причиненного вреда»⁷⁴⁹. Например, Б. Аль-Самаррай в отношении иракских санкций утверждает, что «экономические санкции душили народ Ирака, страну

⁷⁴⁵ Приложение к письму Постоянного представителя Греции при Организации Объединенных Наций от 12 декабря 2007 года на имя Председателя Совета Безопасности «Повышение эффективности санкций Совета Безопасности Организации Объединенных Наций». Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 2007.

⁷⁴⁶ Резолюции Совета Безопасности ООН 661(1990), 678 (1990), 687 (1991).

⁷⁴⁷ Резолюции Совета Безопасности ООН 713 (1991), 757 (1992), 942 (1994).

⁷⁴⁸ Резолюции Совета Безопасности ООН 748 (1992), 1970 (2011).

⁷⁴⁹ Белалова Б.Ш. Место международно-правовых санкций в современном международном праве// Законодательство. № 12. 2002. С. 65.

подтолкнули на грань коллапса, поставив жизнь гражданского населения под угрозу»⁷⁵⁰.

Именно поэтому ООН старается применять практику «точечных» санкций, которые будут затрагивать не только экономику государства в целом, но и целенаправленно оказывать влияние на представителей политической элиты государств. Подобные действия, зачастую выражающиеся в блокировке счетов отдельных физических и юридических лиц, получили название «умные санкции» (*smart sanctions*). Например, на сайте Комитета Совета Безопасности ООН по санкциям приводится следующий пример: «Умные санкции были недавно введены в отношении торговли алмазами из зон конфликтов в африканских странах, где войны частично финансировались за счет продажи незаконных алмазов в обмен на вооружения и связанные с ними материальные средства»⁷⁵¹.

Важную роль в механизме введения санкций ООН играют специальные Комитеты по санкциям, со статусом вспомогательных органов Совета Безопасности. Подобные комитеты по санкциям были созданы по Сьерра-Леоне, Руанде, Либерии, Анголе, Гаити, Ливии и др. На их базе могут составляться списки тех, в отношении кого действуют санкции. Кроме того, для приема просьб об исключении из санкционного перечня, в 2009 году была учреждена специальная должность Омбудсмана. В 2011 году был создан Комитет ООН по санкциям по организации Аль-Каида⁷⁵² и связанным с ней лицам и организациям. В его задачи входит мониторинг счетов лиц, связанных с финансированием террористической организации, а также составление «черных списков» лиц и организаций, связанных с ней. Данный комитет ООН относится к одному из трех органов ООН по борьбе с терроризмом,

⁷⁵⁰ Al-Samarrai B. Economic Sanctions Against Iraq: Do They Contribute to a Just Settlement?// Economic Sanctions: Panacea or Peacebuilding in a post-Cold War World? Cortright D., Lopez G. A. P. (eds). 1995.P. 135.

⁷⁵¹ Комитеты Совета Безопасности ООН по санкциям. URL:<http://www.un.org/russian/sc/committees/> (дата обращения 03.09.2024)

⁷⁵² По состоянию на ноябрь 2024 года запрещена в России.

учрежденных Советом Безопасности, куда также относятся Контртеррористический комитет, учрежденный резолюцией 1373 (2001), а также Комитет, осуществляющий контроль за нераспространением оружия массового уничтожения среди негосударственных субъектов, включая террористические группы, учрежденный резолюцией 1540(2004).

В целом, можно констатировать, что санкции ООН во многом рассчитаны на дисциплинирующий эффект и недопущение перехода обычных нарушений в «серьезные нарушения международных обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права». М. Веласкес-Руис также отмечает компромиссный характер санкций: «Они представляют собой компромисс в международной политике, будучи более жесткими, чем разговоры, однако менее жесткими, чем применение силы»⁷⁵³. Можно констатировать, что данная форма воздействия на нарушителя является одной из самых эффективных.

Санкции de facto: «коллективные санкции»

Санкции международных организаций во многом схожи по своей специфике с невоенными санкциями ООН, однако, поскольку в большинстве случаев речь идет о международных региональных организациях, важнейшим фактором воздействия на нарушителя является перспектива ухудшения отношений с непосредственными соседями по региону, с которыми зачастую осуществляется тесное экономическое и политическое сотрудничество. Ниже приведены те формы санкций, которые чаще всего применялись международными организациями в последние годы.

• Экономические меры

Экономические меры воздействия на нарушителя являются одним из самых распространенных видов санкций, применяемый международными организациями. За счет совокупного экономического веса всех членов

⁷⁵³ Velasquez-Ruiz M.A. International Law and Economic Sanctions Imposed by the United Nations Security Council//Revista Colombiana de Derecho International. Vol.21. 2012. P. 230.

организации, подобные санкции могут быть весьма ощутимыми для государства, против которого вводятся подобные санкции.

Например, в 2010 году Европейский Союз ввел санкции против Ирана в связи с иранской ядерной программой – в финансовой сфере, во внешней торговле, в виде запрета на инвестиции в энергетический сектор и технологии. В 2011 году Лига арабских государств заявила о введении экономических санкций против официального Дамаска во главе с президентом Б. Асадом, включающие запрет на сделки с сирийскими банками, а также прекращение финансирования арабскими странами каких-либо проектов в Сирии. С 2014 года, Европейский Союз регулярно вводит санкции против Российской Федерации, включающие такие действия, как санкционные списки с запретом на въезд на территорию Евросоюза, блокировку активов и собственности физических и юридических лиц, запрет на ввоз и вывоз товаров различных категорий.

• *Приостановка членства и исключение из состава организации*

В качестве примеров подобных санкций, можно привести приостановку членства Сирии в Лиге арабских государств в 2011 году. В мае 2023 года Сирия вновь была принята в состав Лиги. Парламентская Ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) также использует процедуру приостановки членства в качестве меры санкционного воздействия. Так, в 2000 году было приостановлено членство России в связи с ситуацией в Чеченской республике, а в 2014 году Россия была лишена права голоса в Ассамблее, возможности участия в работе руководящих органов и наблюдения на выборах. В свою очередь, российская сторона тогда временно прервала сотрудничество с ПАСЕ. В 2022 году Российская Федерация вышла из состава Совета Европы и прекратила сотрудничество с ПАСЕ.

Параорганизации, или дискуссионные клубы, также прибегают к приостановке членства в качестве санкционной процедуры. Так, с 2014 года, в качестве одного из направлений санкций против Российской Федерации,

российскую сторону перестали приглашать на заседания «Большой восьмерки», которая вновь превратилась в «Большую семерку».

• *Принятие осуждающих резолюций*

В качестве примеров принятия осуждающих резолюций можно привести резолюции Парламентской ассамблеи Совета Европы 2009 года, которые осудили признание Россией независимости Южной Осетии и Абхазии. В 2012 году ПАСЕ приняла резолюцию о продлении процедуры мониторинга исполнения обязательств России, которые она приняла на себя в 1996 г. в результате вступления в Ассамблею. В данной резолюции осуждались, в частности, отсутствие в России документально закреплённой отмены смертной казни, а также критиковались случаи нарушений прав человека на Северном Кавказе. В 2014 году ПАСЕ приняла резолюцию, осуждающую присоединение Крыма к России, и содержащую критику российских предложений по урегулированию конфликта на Украине. В 2022 году, как уже было сказано выше, Россия вышла из состава Совета Европы.

• *Приостановка совместных мероприятий и проектов*

Например, по инициативе Европейского Союза в 2014 году была прекращена подготовка к саммиту Россия-ЕС, который был назначен на июнь 2014 года. Основанием для санкций послужило вхождение Крыма в состав Российской Федерации, осужденное большинством западных стран. Организация Североатлантического альянса (НАТО) по той же причине в 2014 году приостановила военно-техническое сотрудничество в рамках Совета Россия-НАТО.

• *Запрет въезда на территорию стран-членов международной организации*

После вхождения Крыма в состав Российской Федерации, Евросоюз с 2014 года запретил въезд для многих представителей российской политической и бизнес-элиты. После начала Специальной военной операции в 2022 году, санкционные списки в отношении физических лиц были существенно расширены, и продолжают регулярно расширяться.

Можно констатировать, что, чем более разнообразной и всеохватной является компетенция организации, тем больше вариантов коллективных санкций данная организация может ввести. Так, Европейский Союз осуществляет общую политику в области санкций, которые ЕС также обозначает термином «ограничительные меры» (*restrictive measures*). В качестве адресатов санкций могут выступать как правительства отдельных стран, так и индивиды, а также негосударственные акторы (например, террористические организации). Европейский Союз указывает на то, что может использовать такие «ограничительные меры», как запрет на поставки оружия; торговые ограничения в сфере экспорта/импорта; запрет на поставки определенных видов оборудования; финансовые ограничения; запрет на въезд и выдачу виз, как для отдельных граждан, так и для представителей политической элиты; дипломатические санкции (высылка дипломатических работников, запрет официальных визитов и т.д.); бойкот совместных культурных мероприятий, а также запрет на полеты.

Европейский Союз полагает, что подобные санкции помогают не только предотвращать международные конфликты, но и поддерживать демократию и способствовать продвижению прав человека⁷⁵⁴, что, однако, представляется весьма спорным. Автор согласен с позицией Т.Я. Хабриевой и А.Я. Капустина, которые отмечают, что санкции, напротив, «приводят к росту недоверия и конфронтации между государствами, затрудняют развитие торгово-экономических и гуманитарных отношений, негативно сказываются на международном научно-технологическом сотрудничестве»⁷⁵⁵.

Санкции de facto: «индивидуальные санкции».

Институт так называемых «индивидуальных» или «односторонних» санкций, которые, фактически, представляют собой односторонние

⁷⁵⁴ Основные данные по санкциям ЕС изложены на сайте организации https://ec.europa.eu/info/business-economy-euro/banking-and-finance/international-relations/sanctions_en

⁷⁵⁵ Капустин А.Я., Хабриева Т.Я. Международное право и санкции. Поиск границ допустимого//Вестник Российской академии наук. №1(89). 2019. С.3-4.

ограничительные меры, вызывает массу дискуссий. Наиболее важными аспектами обсуждения являются, во-первых, правомерность, а во-вторых, целесообразность подобных действий.

Институт «индивидуальных» санкций во многом сформировался на базе института **«реторсий»** (*retorsions*), под которыми понимались недружественные акты, совершаемые в ответ на правонарушение другого государства. Подобные действия можно было охарактеризовать как «законные, но недружественные»⁷⁵⁶. Сегодня к односторонним санкциям относятся меры дипломатического характера, такие как разрыв с государством дипломатических отношений, отзыв послов, а также высылка иностранных граждан.

Принятие парламентских резолюций в отдельных государствах, осуждающих противоправное поведение, также имеет важное политическое значение: «Данный вид воздействия на государство-правонарушителя нельзя отнести к санкциям, но сила его морально-политического воздействия весьма значительна»⁷⁵⁷.

Однако наиболее часто используемым методом применения односторонних санкций является экономическое давление в самых разных формах. В 1945 году на конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско Бразилия выступила с предложением о включении в Устав ООН положения о запрещении применения односторонних экономических мер⁷⁵⁸, однако данная поправка не была принята, что, в итоге, привело к различным формам действий США и их союзников, которые можно охарактеризовать как «экономическая агрессия».

Некоторые исследователи пытались применять расширительное толкование п. 4 ст. 2 Устава ООН, утверждая, что запрещается использование

⁷⁵⁶ Klabbers J. *International Law*. Cambridge University Press. 2013. P. 168.

⁷⁵⁷ Мошенская Н.В. Проблема ответственности за геноцид. М., Юрист. 2008. С. 46.

⁷⁵⁸ Documents of the United Nations Conference on International Organization. London-New-York, 1945. V. III. P. 252.

не только вооруженной силы, но и любых видов экономического и политического принуждения.⁷⁵⁹ Тем не менее, большинство представителей доктрины международного права сходятся во мнении, что ни в Уставе ООН, ни в обычном международном праве не существуют правовых норм, которые бы прямо запрещали введение односторонних ограничительных мер против другого государства.⁷⁶⁰ Самыми дискутируемыми примерами подобных экономических санкций стали действия США в отношении Кубы, Ирана, Ливии, Белоруссии и СССР/Российской Федерации. Введение данных санкционных режимов сопровождалось принятием Конгрессом США соответствующих законов.

Санкционное воздействие представляет собой систему ограничительных мер, в том числе, запрет на въезд на территорию США физических лиц из санкционных списков, блокирование и заморозка активов в долларовых счетах, арест собственности.

Дольше всех под американским санкционным давлением находится государство Куба, которое, фактически, с 1960 года полностью заблокировано экономически, и это многократно осуждалось не только неправительственными организациями, но и Генеральной Ассамблеей ООН. Практически ежегодно ГА ООН принимает резолюции о необходимости прекращения проведения подобной дискриминационной политики. Последнее подобное голосование состоялось 30 октября 2024 года, резолюцию о необходимости снятия американских санкций с Кубы поддержали 187 из 193 государств-членов ООН. Против проголосовали лишь США и Израиль.

Иногда вопрос о пропорциональности «индивидуальных санкций» решается весьма стихийно. Например, в 1994 году четверо американских граждан погибли в результате атаки кубинских военных самолетов на

⁷⁵⁹ Lulich R.B. The Status of Economic Coercion Under International Law: United Nations Norms. Conference on Transnational Economic Boycotts and Coercion. 1976; University of Texas Law School. V. 1. N.-Y., 1978. P. 116.

⁷⁶⁰ См, например, Жданов Ю.Н. Принудительные меры в международном праве. Дисс. д. ю. н., М., 1999. С. 128.

гражданские самолеты, в которой находились представители антикастровской эмигрантской организации. Президент США подписал указ об ужесточении блокады Кубы, в котором, среди прочих санкций, содержался запрет на авиасообщение с островом, полная блокировка экономических контактов с островом, а также запрет на ввоз на американскую территорию любых продуктов, содержащих в составе кубинский сахар.

Международно-правовой совет при Министерстве иностранных дел Российской Федерации при характеристике «индивидуальных санкций» использовал также термин «односторонние санкции». По мнению Совета, такие меры воздействия «не имеют непосредственного экстерриториального эффекта и порождают юридические последствия только в пределах юрисдикции вводящего их государства или пространственной сферы действия компетенции международной организации»⁷⁶¹. Тем не менее, вполне очевидно, что «односторонние санкции, вводимые такими мощными игроками, как США и ЕС, по своим политическим и экономическим последствиям сравнимы с санкциями СБ ООН»⁷⁶².

Кроме того, в условиях экономической глобализации и наличия мировой финансовой системы, основанной на долларе, экономические санкции США как страны-эмитента доллара, могут быть весьма ощутимыми: «Сильное неравенство в экономическом положении отдельных стран - членов ООН и просто вес богатого государства могут ощущаться бедным государством как определенный вид давления, и это факт, который может оказывать влияние на решение последнего»⁷⁶³.

В 1977 году в США был принят акт «О международных чрезвычайных экономических полномочиях» (*International Emergency Economic Powers Act*),

⁷⁶¹ «Односторонние санкции» и международное право. Заключение Международно-правового совета при МИД России. 2011. URL: http://www.norway.mid.ru/ru/press_12_031.html (дата обращения 05.09.2024).

⁷⁶² Там же.

⁷⁶³ Seidl-Hohenveldern I. The United Nations and Economic Coercions//Revue Belge du Droit International. Vol. 18. 1984. P. 12.

который позволяет США контролировать по всему миру любые экономические операции с собственностью иностранного государства, против которого вводятся санкции.

Например, в 2012 году банк *Standard Chartered* был вынужден «выплатить США 327 миллионов долларов за нарушение американских санкций против Ирана, Ливии, Мьянмы и Судана в период с 2001 по 2007 год»⁷⁶⁴. В 2014 году крупнейший банк *BNP Paribas* также обязался выплатить США штраф за нарушение режима санкций, которые США ввели против Судана, Ирана и Кубы.⁷⁶⁵

Указанные государства попали в отдельные санкционные списки, в которых перечислены государства, объявленные США спонсорами терроризма/*state sponsors of terrorism*. Перечень данных государств составляется государственным департаментом США, начиная с 1979 года⁷⁶⁶. Санкции против данных государств включают запрет на поставки оружия, запрет на экономическую помощь, финансовые санкции и пр. Ранее в списке находилась Ливия (1979-2006 гг.), Северная Корея (1988-2008 гг.) и Йемен (1979-1990 гг.). Длительное время в списке было четыре страны – Куба, Иран, Судан и Сирия. В апреле 2015 года, после «потепления» американско-кубинских отношений, Куба была исключена из списков, а в 2021 возвращена туда вновь. В 2020 году из списка был исключен Судан (после перечисления крупных сумм жертвам терактов в США). Для каждой из стран на разных этапах указывалось свое основание для санкций. Так, Куба обвинялась в поддержке членов баскской террористической группировки ЭТА и колумбийской радикальной организации ФАРК, Иран обвиняется в поддержке

⁷⁶⁴ По данным агентства экономической информации «Прайм». URL: <http://1prime.ru/MACROECONOMICS/20140623/787120742.html>

⁷⁶⁵ BNP Paribas заплатит США штраф в \$9 млрд за нарушение режима санкций//РБК. 23 июня 2014 г. URL: <http://top.rbc.ru/economics/23/06/2014/931839.shtml> (дата обращения 05.09.2024).

⁷⁶⁶ U.S. Department of State. State sponsors of terrorism. URL: <http://www.state.gov/j/ct/list/c14151.htm> (дата обращения 05.09.2024).

террористической организации Аль-Каида, Судан – в поддержке палестинской организации ХАМАС, Сирия – в поддержке ливанской организации Хезболла.

Эффективность «индивидуальных санкций» оценивается весьма противоречиво.

Американские исследователи, в целом, очень положительно оценивают санкции собственного государства. Например, Дж. Дэвис положительно оценивает санкции, утверждая, что «многоаспектное давление, осуществляемое различными формами санкций в Южной Африке заставили ранее неподвижную и незыблемую систему апартеида пошатнуться».⁷⁶⁷ 28-ой президент США В. Вильсон почти сто лет назад сказал о санкциях: «Нация в изоляции – это нация на пороге капитуляции. Применяйте эти экономические тихие, мирные, но смертельные средства, и сила не понадобится. Это страшные средства. Они не приводят к гибели солдат, но при этом оказывают такое давление на государство, которому оно, по моему мнению, не сможет сопротивляться».⁷⁶⁸

Можно констатировать, что США приняли идею Вильсона за основу своей политики. Однако сегодня, почти век спустя после этого громкого заявления, даже в американском экспертном сообществе далеко не все считают санкции по-настоящему эффективным средством: «Мы использовали санкции столь часто – почти 100 раз в этом веке – что они стали великим американским дипломатическим экспериментом. Этот эксперимент, многократно повторенный, показывает, что санкции не работают и это просто американское безумие... Государство в изоляции и не думает капитулировать – вспомните Северную Корею, Кубу или Иран... В достижении «высоких»

⁷⁶⁷ Davis J. Sanctions and Apartheid: The Economic Challenge to Discrimination/ Economic Sanctions: Panacea or Peacebuilding in a post-Cold War World? Cortright D., Lopez G. A. P. (eds). 1995. P.181.

⁷⁶⁸ Цит. по Economic Sanctions Reconsidered/ Hufbauer G., Schott J., Elliott K.A. 2009. P. 9.

политических целей, санкции не заменят силу. Но они могут стать дополнением к применению силы – как в случае с Ираком, Гаити, Боснией»⁷⁶⁹.

В целом, когда речь идет о настоящих массовых нарушениях прав человека, таких как геноцид и апартеид, подобные меры могут возыметь свой эффект, однако, когда таким образом просто-напросто «наказываются несогласные», когда идею «защиты прав человека» используют как оправдание для оказания давления на страну, для смены «неудобного» правительства и прочее – подобные действия можно считать нарушением «духа» международного права. Более того, санкционное давление на иностранные государства, ставшее фактическим инструментом внешней политики западных государств, в особенности США, позволяет считать подобные проявления одностороннего экономического давления таким явлением, как «экономическая агрессия». Целью подобного воздействия становится не только задача изменения политики соответствующего государства, но и получение конкретных экономических преференций, а также установление контроля над рынками, что можно считать проявлением недобросовестной конкуренции по смыслу норм Всемирной Торговой Организации.

Представляется очевидным, что санкции не должны становиться механизмом разрешения политических противоречий государств идеологических и политических разногласий государств. Более того, возможно, имеет смысл подумать о перспективах международной ответственности за неправомерно введенные санкции. Тем не менее, хотя теоретически «такие неправомерные санкции могут быть основанием для применения международной ответственности в отношении государства, их осуществляющего»⁷⁷⁰, политические реалии, к сожалению, свидетельствуют

⁷⁶⁹ Hufbauer G.C. *Economic Sanctions: America's Folly/ Economic Casualties*. Singleton S., Griswold D.T. 1999. P.91.

⁷⁷⁰ «Односторонние санкции» и международное право. Заключение Международно-правового совета при МИД России. 2011.

об обратном, и государство, оказавшее «излишнее» давление, зачастую остается безнаказанным.

Министр иностранных дел России С.В. Лавров последовательно отстаивает необходимость применения санкций только в рамках системы ООН: «Мы коллективно и единогласно принимаем резолюции, обязательные для всего мирового сообщества, то зачем в дополнение к этому действовать односторонними методами и еще самостоятельно вводить санкции? Они все не имеют никакого отношения к ядерным делам ни Ирана, ни Северной Кореи, а направлены на экономическое «удушение» соответствующих стран».⁷⁷¹

За последние десять лет, интерес к тематике санкций многократно возрос в связи с ситуацией вокруг конфликта на Украине и введения самых разнообразных санкций в отношении Российской Федерации. У данных санкций наблюдаются два интересных, с правовой точки зрения, аспекта.

Во-первых, «санкции *de jure*» не были введены, в то время как «санкции *de facto*» были введены как в индивидуальном, так и в коллективном формате. В коллективном формате они были введены сразу несколькими международными организациями (Европейский Союз, Совет Европы, НАТО). В индивидуальном формате, санкции были введены США, Канадой, Японией, Австралией и всеми странами ЕС.

Во-вторых, данные действия вызвали вполне ожидаемое недовольство у российской стороны. Россия, в свою очередь, начала составление собственных санкционных списков и введения собственных ограничительных мер, тем самым актуализировав такое любопытное явление, как «санкции в ответ на санкции» или «контрсанкции».

В целом, эффект от использования «санкций *de facto*» оценивается неоднозначно. Подобные меры воздействия часто становятся не средством воздействия на потенциального нарушителя, а разновидностью политической

⁷⁷¹ Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова перед студентами и профессорско-преподавательским составом МГИМО(У) МИД России и ответы на вопросы в ходе последовавшей дискуссии, Москва, 2 сентября 2013 г.

и экономической игры. Как отмечает С.В. Черниченко, «превращать в международное правонарушение любую акцию государства, отражающую его политические антипатии по отношению к другому государству, по меньшей мере наивно»⁷⁷². Тем не менее, к сожалению, «санкции *de facto*» сегодня являются уже привычной частью политического ландшафта.

Представленная глава исследования позволяет сделать следующие выводы.

Имплементация международной ответственности государств связана с двумя ключевыми вопросами, а именно, с нормативными фактическими и процессуальными основаниями ответственности и с компетенцией органа, определяющего конкретные формы реализации ответственности. Для облегчения коммуникации между представителями различных школ международного права и унификации вопросов международной ответственности, представляется необходимым следовать единой классификации видов международной ответственности государств, предложенной Комиссией международного права (реституция, компенсация и сатисфакция). При этом, каждая из форм международной ответственности призвана дополнить и усилить друг друга. С учетом тесной взаимосвязи политических и экономических факторов, провести четкое разделение ответственности государств на материальную и нематериальную сегодня весьма сложно, поэтому различные формы международной ответственности образуют единый комплекс обременений.

Можно сделать вывод о том, что такие формы международной ответственности, как запрет на собственные вооруженные силы или демилитаризация, которые можно отнести к формату «чрезвычайной сатисфакции», актуализируют вопрос о временных рамках подобных запретов, поскольку, на примере международной ответственности Германии и

⁷⁷² Черниченко С.В. Контуры международного права. Общие вопросы. М., Научная книга. 2014. С.499.

Японии по итогам Второй мировой войны, очевидна фактическая невозможность бесконечной реализации подобной формы ответственности.

Несмотря на периодическое возвращение в пространство общественного обсуждения таких концепций, как «концепция коллективной ответственности» и «концепция уголовной ответственности государств», можно констатировать, что у них нет перспектив развития в сложившейся международно-правовой и политической системе.

Конкретные формы ответственности государства, совершившего серьезное нарушение обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права, могут устанавливаться различными способами, однако можно констатировать, что универсального алгоритма решения вопросов, связанных с имплементацией международной ответственности, в настоящее время не существует, а международно-правовое регулирование движется по пути дифференциации механизмов ответственности за преступления против мира и безопасности.. В настоящее время, сложились такие варианты установления международной ответственности государств, как: обращение в Международный суд ООН; формирование комиссий, состоящих из представителей потерпевшего государства и государства-правонарушителя; подписание международных договоров, содержащих положения, определяющие формат ответственности; добровольная реализации ответственности по инициативе государства-правонарушителя; прямое выдвижение требований потерпевшим государством государству-нарушителю с их последующим удовлетворением.

С тематикой международной ответственности государств тесно связаны такие понятия, как «санкции» и «контрмеры». Термин «контрмеры» заменил собой устаревший термин «репрессалии». Контрмеры иногда относят к формам международной ответственности, что подобная точка зрения не поддерживается диссертантом, который полагает, что, хотя контрмеры, фактически, нарушают нормы международных договоров, они являются,

скорее, реакцией на правонарушение и мерами, исключаящими противоправность деяния.

Также идет широкая дискуссия о взаимосвязи том, как санкций и различных форм международной ответственности государств. Можно констатировать, что множественность контекстов использования термина «санкции» привела к фактической подмене понятий. В рамках классического международного права, то, что сегодня обычно называется «санкциями», представляет собой ограничительные меры. Автор, придерживаясь традиционного понимания термина санкций как действий под эгидой ООН в рамках VII Устава Организации Объединенных Наций, тем не менее, полагает, что интенсивность обозначения односторонних ограничительных мер термином «санкции» позволяет говорить о «санкциях *de jure*», применяемых ООН и включающих полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений, а также «санкциях *de facto*», которые, в свою очередь, можно разделить на «индивидуальные санкции», вводимые государствами, и «коллективные», вводимые международными организациями. При этом, экономическое неравенство государств приводит к тому, что санкции экономически сильных государств имеют несравнимо больший эффект по сравнению с санкциями более слабых государств. В условиях мировой финансовой системы, основанной на долларе, экономические санкции США как страны-эмитента доллара, особенно ощутимы. В результате, подобные действия становятся инструментом экономического влияния ограниченной группы стран, что можно охарактеризовать как «экономическую агрессию».

ГЛАВА 5

ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ

5.1. Международная организация как субъект международной ответственности.

Вопросы ответственности международных организаций, в особенности за злоупотребление силовыми полномочиями, разработаны крайне слабо и опираются на весьма скромную прецедентную практику. Исторически, международные организации появились значительно позже государств, и ознаменовали качественно иную ступень межгосударственного взаимодействия.⁷⁷³ На сегодняшний день в мире насчитывается порядка трехсот крупных международных межправительственных организаций, и, при этом, наблюдается общая тенденция, характеризующаяся «расширением круга полномочий и функций международных организаций, зачастую путем превышения изначально полученного мандата»⁷⁷⁴. Особенно остро проблема встает, когда речь заходит о превышении мандата на применение силы.

В середине XX в. французский юрист Ш. Руссо утверждал, что «международная ответственность всегда является отношением между государством и другим государством»,⁷⁷⁵ однако последующее развитие международной системы показало, что международная ответственность связана не только с межгосударственными отношениями.

⁷⁷³ В 1815 г. была создана первая международная межправительственная организация – Международная комиссия по судоходству по Рейну.

⁷⁷⁴ Alvarez J. E. Constitutional interpretation in international organizations // *The Legitimacy of International Organizations*. Coicaund J.-M., Heiskanenn V.V. (eds). 2001. P. 18.

⁷⁷⁵ Rousseau Ch. *Droit international public*. Paris, 1953. P. 442.

В советской школе международного права по проблематике различных аспектов деятельности международных межправительственных организаций писали Г.М. Вельяминов, Э.С. Кривчикова, Е.А. Шиббаева,⁷⁷⁶ позже – В.И. Маргиев.⁷⁷⁷ Из свежих исследований необходимо также особо отметить диссертации Б.Ш. Белаловой и В.Ю. Замятина, посвященные ответственности международных организаций, защищенные в 2002 и 2005 гг. соответственно.⁷⁷⁸

Среди зарубежных авторов, заложивших фундамент изучения проблематики ответственности международных организаций, необходимо отметить К. Иглтона, М. Переса-Гонсалеса, Дж. Риттера и других.⁷⁷⁹ Среди современных зарубежных авторов, исследующих проблематику ответственности международных организаций, необходимо отметить выделить С. Амерасинха, Ф. Кляйна, М. Хирша.⁷⁸⁰ Можно также выделить работы по ответственности отдельных международных организаций, например, ООН⁷⁸¹ и НАТО.⁷⁸²

⁷⁷⁶ Кривчикова Э.С. Некоторые теоретические аспекты проблемы ответственности международных организаций // Ученые записки МГИМО. №3. 1972; Вельяминов Г.М. Международная правосубъектность // Советский ежегодник международного права 1986; Шиббаева Е.А. Правовой статус межправительственных организаций. М. 1972; Малинин С.А. О правосубъектности международных организаций//Вестник Ленинградского государственного университета. 1965.

⁷⁷⁷ Маргиев В.И. Правотворчество международных организаций. Майкоп, 1998 г.

⁷⁷⁸ Белалова Б.Ш. Международно-правовая ответственность международных межправительственных организаций: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10/ Белалова Белла Шарипповна. – М., 2002. – 178 с.

⁷⁷⁹ Eagleton C. International Organisation and the Law of Responsibility // Recueil de cours. Vol. 76. 1950; Perez Gonzalez M. Les organisations internationales et le droit de la responsabilité // Revue generale de droit international public. Vol. 99. 1988; Ritter J.P. La protection diplomatique à l'égard d'une organisation internationale // Annuaire français de droit international. 1965;

⁷⁸⁰ Amerasinghe C.F. Principles of the Institutional Law of International Organizations, Cambridge, 1996; Klein P. La responsabilité des organisations internationales dans les orders juridiques internes et en droit des gens. Brussels, 1998; Hirsch M. The Responsibility of International Organizations toward Third Parties. Dordrecht/London, 1999.

⁷⁸¹ Dorigo S. Imputazione e responsabilità internazionale per l'attività delle forze di peacekeeping delle Nazioni Unite // Rivista di diritto internazionale. Vol. 85. 2002; Sari A. Jurisdiction and International Responsibility in Peace Support Operations: The Behrami and Saramati case// Human Rights Law Review. Vol.8. 2008.

⁷⁸² Rosen N. How are Multinational NATO Operations Responsible for International Humanitarian Law Violations?//The Fletcher Forum of World Affairs. Vol. 37. No.3. 2013.

Проблема международной правосубъектности международных организаций.

Правосубъектность международных организаций, пусть и в статусе вторичных/производных субъектов международного права, не подлежит сомнению. Как отмечал Ю.М. Колосов, «ключевой посыл, определяющий отличие от института ответственности государств, который существует *ipso facto*, - ответственность международных организаций возникает только *ipso jure*»⁷⁸³. Таким образом, «ответственность международных организаций – производных субъектов международного права – имеет договорную основу»⁷⁸⁴.

Согласно Консультативному заключению Международного Суда от 11 апреля 1949 г., «организация – это субъект международного права, который обладает правоспособностью иметь международные права и обязанности»⁷⁸⁵. В Консультативном заключении 1980 года Международный Суд вновь подтвердил, что «международные организации являются субъектами международного права»⁷⁸⁶.

Как утверждал известный юрист-международник сэр Я. Броунли, «международная ответственность неотделима от международной правосубъектности»⁷⁸⁷. Ему вторил его коллега, британский юрист М. Шоу: «Ответственность – это неотъемлемое следствие международной правосубъектности и результат наличия международных прав и обязанностей»⁷⁸⁸. Американский исследователь Д. Бедерман определяет международные организации как «объединения юридических лиц, со

⁷⁸³ Колосов Ю.М. Ответственность в международном праве, М., 1975 г. С. 242.

⁷⁸⁴ Белалова Б.Ш. Международно-правовая ответственность международных межправительственных организаций. Дисс. к.ю.н. М. 2002. С.4.

⁷⁸⁵ Консультативное заключение от 11 апреля 1949 г. о возмещении ущерба, понесенного на службе ООН // International Court of Justice Reports, 1949.

⁷⁸⁶ Interpretation of the Agreement of 25 March 1951 between the WHO and Egypt. International Court of Justice Reports. 1980.

⁷⁸⁷ Brownlie I. Principles of Public International Law. 7th Edition? Oxford, 2008. P.433.

⁷⁸⁸ Shaw M. N. International law. Cambridge, 1997. P. 919.

сложными взаимоотношениями равенства и подчинения с государствами, с другими организациями, и с органами самих организаций»⁷⁸⁹.

Необходимо отметить, что именно «производность» международных организаций представляет определенные сложности, когда речь заходит об ответственности за правонарушения, связанные с неправомерным применением силы. Очевидно, что право международной организации на принуждение и применение силы имеет производный характер, и зависит, во-первых, от функциональной компетенции организации, а, во-вторых, от согласования волеизъявлений государств. В 1996 г. Международный Суд в своем Консультативном заключении по делу о законности применения государством ядерного оружия в вооруженном конфликте, отмечал, что организации действуют по «принципу специализации», которой их наделяют государства-учредители.⁷⁹⁰

Необходимо отметить, что международные организации также могут выдвигать международные претензии к государствам по возмещению ущерба. Например, Организации Объединенных Наций неоднократно предъявляла иски о возмещении ущерба государствам.⁷⁹¹ В 1949 году, после убийства израильскими террористами наблюдателей ООН графа Бернадотта и полковника А. Серо, ООН потребовала от Израиля сатисфакции в формате принесения формальных извинений и продолжения розыска и наказания преступников, а также денежной компенсации за причиненный ущерб.

Важную роль в становлении концепции ответственности международных организаций сыграла доктрина «преступной организации», нашедшая свое отражение в Уставе Международного военного трибунала 1945 года, которая, в большей степени, связана с национальным правом, но также повлияла и на международное право. Согласно решениям

⁷⁸⁹ Bederman D.J. The Souls of International Organizations: Legal Personality and the Lighthouse at Cape Spartel//Virginia Journal of International Law. Vol.36.1996. P.371.

⁷⁹⁰ International Court of Justice Reports. 1996. P. 78. para. 25.

⁷⁹¹ См. Консультативное заключение от 11 апреля 1949 г. о возмещении ущерба, понесенного на службе ООН. International Court of Justice Reports, 1949.

Нюрнбергского международного трибунала, политическое руководство НСДАП, тайная государственная полиция (Гестапо), Служба безопасности рейхсфюрера и военизированные формирования СС, были признаны «преступными организациями».

В 1996 году Комиссией международного права ООН был учрежден Комитет по вопросам ответственности международных организаций, который занялся разработкой данной тематики, представив в 2011 году Проект статей об ответственности международных организаций (ПСОМО).

Получившийся документ был неоднозначно оценен представителями доктрины международного права. Можно выделить несколько основных претензий, предъявляемых к данному тексту.

Важнейший «упрек» в адрес ПСОМО – его излишне универсальный характер, при котором неизбежно стираются особенности различных международных организаций, которые характеризуются чрезвычайно отличающейся компетенцией и организационной структурой. Даже несмотря на различия в экономических и политических показателях, у государств, в целом, значительно больше друг с другом общего, чем у международных организаций. Так, Еврокомиссия указывала на то, что «существуют серьезные различия между традиционными международными организациями, с одной стороны, и подобными Европейскому союзу организациями, с другой стороны, то есть организациями региональной (экономической) интеграции»⁷⁹². Еврокомиссии вторил МВФ: «Существуют серьезные различия между правовыми основами различных международных организаций, и очень трудно сформулировать принципы, которые можно было бы применять ко всем подобным организациям. В то время как все государства обладают аналогичными атрибутами, международные организации имеют различные цели, мандаты и полномочия»⁷⁹³. Самое главное отличие

⁷⁹² Ответственность международных организаций. Комментарии, полученные от международных организаций. UN Doc. A/CN.4/637. 2011. С.8.

⁷⁹³ Там же. С.10.

международных организаций, с учетом рассматриваемой темы - это то, что далеко не все организации обладают военно-силовой компетенцией, при реализации которой они как раз и могут превысить силовой мандат и совершить действия, которые могут выступать в качестве оснований международной ответственности: «Существует большое различие между международными организациями, созданными в качестве дискуссионных форумов исключительно для конференционных целей, и организациями, задача которых состоит в осуществлении такой деятельности, как миротворческие операции. В первом случае ответственность в большей степени ложится на государства-члены, в то время как во втором случае сама международная организация будет исполнителем деяний, которые, по всей видимости, повлекут за собой вопрос об ответственности»⁷⁹⁴.

Руководствуясь данной логикой, можно отметить, что тематика диссертации связана именно со вторым типом организаций, обладающих правом на применение силы. Поскольку автор ставил задачу рассмотреть ответственности международных организаций за преступления против мира и безопасности, речь будет идти об организациях, не просто обладающих определенной компетенцией в области применения вооруженной силы, но и активно ее применяющих – прежде всего, ООН и НАТО.

Ситуация усугубляется также из-за того, что некоторые организации, например, Европейский Союз, сами становятся членами других организаций, что еще более усложняет процессы, связанные с международной ответственностью. В контексте тематики, рассматриваемой в диссертации, данная проблема представляется особенно значимой:

Второй момент, связанный с ПСОМО, в адрес которого нередко звучит критика – это то, что Комиссия фактически применила метод «копировать-вставить» (*copy-paste approach*), экстраполировав большинство положений ПСОГ 2001 года на текст ПСОМО 2011 года. Данный подход комментировали

⁷⁹⁴ Ответственность международных организаций. Комментарии, полученные от международных организаций. UN Doc. A/CN.4/637. 2011. С.6.

следующим образом: «По большому счету, статьи об ответственности международных организаций, принятые Комиссией международного права в 2011 году, есть результат перенесения *mutatis mutandis* проекта 2001 года об ответственности государств с заменой слова «государства» на словосочетание «международная организация»⁷⁹⁵.

Показательно, что значительное число международных организаций осудило использование данного метода.⁷⁹⁶ В частности, отмечалось, что «проведение параллели между государствами и международными организациями в вопросах ответственности не оправдано в свете важных различий между этими двумя субъектами международного права»⁷⁹⁷.

Основания международной ответственности международной организации

Ответственность международной организации наступает не произвольно, а исключительно как «юридическое следствие международно-противоправного деяния»⁷⁹⁸. Однако Проект статей об ответственности международных организаций 2011 года в главе под названием «Серьезные нарушения международных обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права», совершенно не раскрывает содержание подобных нарушений применительно к международным межправительственным организациям. Согласно ст. 5 ПСОМО,

⁷⁹⁵ Montejo B. The Notion of ‘Effective Control’: under the Articles on the Responsibility of International Organizations / Responsibility of International Organizations. Essays in Memory of Sir Ian Brownlie. M. Ragazzi (ed.). Martinus Nijhoff Publishers, 2013. P.389.

⁷⁹⁶ В том числе Организации по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, Международной организации гражданской авиации, Международного фонда сельскохозяйственного развития, Международной организации труда, Международной морской организации, Международной организации по миграции, Международного союза электросвязи, Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, Всемирной туристской организации, Всемирной организации здравоохранения, Всемирной организации интеллектуальной собственности, Всемирной метеорологической организации и Всемирной торговой организации Организация экономического сотрудничества и развития.

⁷⁹⁷ Ответственность международных организаций. Комментарии, полученные от международных организаций. UN Doc. A/CN.4/637. 2011. С. 8.

⁷⁹⁸ Тиунов О.И. СССР и обеспечение международных договоров. Иркутск. 1989. С. 24.

«характеристика деяния как международно-противоправного определяется международным правом». Очевидно, данная формулировка имеет весьма общий характер. Тем не менее, у некоторых международных организаций уже существует внушительный «послужной список» серьезных правонарушений.

Судья Международного суда ООН А. А. Тринидад писал, что для организаций так же действуют «императивные нормы, включающие запрет агрессии, геноцида, рабства, расовой дискриминации, преступлений против человечности, запрет пыток».⁷⁹⁹ Профессор Е.А. Шibaева в 1988 году предлагала считать следующие действия основаниями ответственности международных организаций: нарушения общепризнанных принципов и норм международного права; нарушение норм, содержащихся в учредительном акте международной организации и норм внутреннего права организации; нарушение организацией норм национального права государств.⁸⁰⁰ Некоторые представители советской доктрины, например, В.А. Мазов, утверждали, что международная организация должна нести ответственность «за такие действия, как пропаганда войны, расизм, акты агрессии и так далее, то есть за действия, квалифицируемые в качестве международных преступлений»⁸⁰¹. В.Ю. Замятин, защитивший в 2005 году диссертацию по вопросу ответственности международных организаций, утверждал, что «до сих пор практике не известны случаи совершения серьезных правонарушений международными организациями»⁸⁰². Однако военные операции НАТО в бывшей Югославии, Афганистане и в Ливии, сопровождавшиеся серьезнейшими нарушениями международно-правовых норм, опровергают это утверждение. Международный валютный фонд (МВФ) в своем

⁷⁹⁹ Trinidad A.A. Some Reflections on Basic Issues Concerning the Responsibility of International Organizations// Responsibility of International Organizations. Essays in Memory of Sir Ian Brownlie. M. Ragazzi (ed.) Martinus Nijhoff Publishers, 2013. P.7.

⁸⁰⁰ Шibaева Е.А., Поточный М. Правовые вопросы структуры и деятельности международных организаций. М., 1980. С. 73.

⁸⁰¹ Там же. С. 144.

⁸⁰² Замятин В.Ю. Ответственность международных организаций. Дисс. к.ю.н. М., 2005. С. 136.

комментарии к ПСОМО отметил тот факт, что международная организация может нарушить императивные нормы международного права, и вполне возможно произвести оценку того, «действовала ли она в соответствии с правовыми рамками, или каким-либо иным путем нарушила одну из императивных норм международного права, либо иное добровольно ею принятое обязательство»⁸⁰³.

Логично предположить, что для возникновения ответственности международной организации она должна нарушить свои международно-правовые обязательства. Под таким поведением организации, согласно ст.4 ПСОМО, понимается «поведение, состоящее в действии или бездействии, которое присваивается международной организации по международному праву и представляет собой нарушение международно-правового обязательства этой международной организации».⁸⁰⁴

Положение о том, что основанием наступления международной ответственности может быть как действие, так и бездействие (*action or omission*), имеет двойственный характер. В данном контексте возникает, например, вопрос о том, должна ли Организация Объединенных Наций нести ответственность за то, что нередко ситуации, когда ее Совет Безопасности, из-за разногласий постоянных членов СБ ООН, бездействует и не способен выполнить возложенную на него функцию обеспечения международного мира и безопасности.

5.2. Имплементация международной ответственности международных организаций.

Как суверенитет и государственный иммунитет представляют определенные сложности при реализации международной ответственности

⁸⁰³ Ответственность международных организаций. Комментарии, полученные от международных организаций. UN Doc. A/CN.4/637. 2011. С. 9.

⁸⁰⁴ Текст Проекта статей об ответственности международных организаций. Комиссия международного права. 2011 г.

государств, также и иммунитет, которым обладают международные организации, воспринимается порой как препятствие при реализации ими ответственности. Иммунитет распространяется также на имущество и собственность организации, которое «не подлежит обыску, реквизиции, конфискации, экспроприации»⁸⁰⁵. Тем не менее, можно констатировать, что иммунитет организаций не препятствует международной ответственности, поскольку имеет функциональный характер и необходим, прежде всего, для осуществления организациями своих функций. Кроме того, при квалификации правонарушения, совершенного международной организацией, «не происходит разделения на внутреннее право данной организации и общее международное право»⁸⁰⁶, поскольку Комиссия международного права ООН при рассмотрении данного вопроса решила, что это нецелесообразно, поскольку «внутреннее право организации может рассматриваться как часть международного права»⁸⁰⁷.

Подобную точку зрения разделяют сами представители международных организаций, которые направляли комментарии к Проекту статей об ответственности международных организаций: «Когда международные организации действуют в рамках национальных правовых систем, в том числе, когда они не выполняют условия коммерческого контракта, или когда один из миротворцев нарушает правила дорожного движения, то есть когда они совершают деяния, противоречащие законодательству, эти нарушения закона не являются международно-противоправными деяниями. Они являются простыми

⁸⁰⁵ Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РФ. 5-е изд. Проспект, 2010 г.

⁸⁰⁶ Замятин В.Ю. Правовое регулирование ответственности международных организаций // Актуальные вопросы внешнеэкономической деятельности. Сборник научных работ студентов и аспирантов Всероссийской академии внешней торговли. М., 2005. С. 60.

⁸⁰⁷ International Law Commission Report. UN Doc. A/58/10. 2003. Chp. IV. Para. 54. P. 48.

нарушениями национального законодательства, на которые не распространяется судебнo-процессуальный иммунитет»⁸⁰⁸.

Прецедентная практика привлечения международных организаций к ответственности, в целом, весьма скудна. Совет Европы в комментарии к Проекту статей об ответственности международных организаций отмечал, что «до настоящего времени в Совете Европы не было конкретной практики в отношении международно-противоправных деяний, влекущих за собой ответственность организации»⁸⁰⁹.

В ходе опроса (анкетирования), проведенного автором диссертации и представленного в Приложении №1 к настоящему исследованию, 70 % опрошенных считают, что крайне необходимо развивать тематику международной ответственности международных организаций за силовые злоупотребления.

Представители отечественной доктрины международного права также отмечают, что «одной из наименее разработанных проблем в доктрине международного права, касающихся ответственности международных межправительственных организаций, является проблема призвания к ответственности»⁸¹⁰. Действительно, проблема соответствующего органа международного правосудия, обладающего компетенцией привлекать международную организацию к ответственности, стоит еще острее, чем в случае с привлечением государств к ответственности.

Главная причина отсутствия соответствующих прецедентов связана с тем, что на сегодняшний день «не существует постоянно действующего международного органа (или организации), уполномоченного рассматривать споры с участием международных организаций, а точнее, дел в отношении

⁸⁰⁸ Ответственность международных организаций. Комментарии, полученные от международных организаций. UN Doc. A/CN.4/637. 2011. С. 9.

⁸⁰⁹ Там же.С. 7.

⁸¹⁰ Солнцев А.М., Ключня А.Ю. Вопросы развития института ответственности международных организаций//Вестник международных организаций. № 2 (41). 2013. С. 133.

международных организаций»⁸¹¹. Исследователи данной проблемы с сожалением констатируют, что «три главные международные судебные инстанции – Международный Суд ООН, система международных уголовных трибуналов и Международный уголовный суд – не имеют правового механизма для решения вопросов с участием международных организации»⁸¹².

Международный суд ООН, в соответствии со ст. 34 своего Статута, обладает юрисдикцией лишь относительно государственных споров. В случае, когда стороной разбирательства является международная организация, Суд вправе вынести лишь консультативное заключение.

Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) также не обладает соответствующей компетенцией. Тем не менее, именно в деятельности ЕСПЧ тематика ответственности международных организаций получила определенное развитие, особенно в связи с применением вооруженной силы против бывшей республики Югославия войсками НАТО в 1999 году. Европейский суд по правам человека рассматривал вопрос об ответственности организации в делах «Банкович и другие против Бельгии и других», «Маркович и другие против Италии», «Бехрами и Бехрами против Франции», «Сарамати против Франции, Германии и Норвегии» (ответственность стран НАТО за сброшенные неразорвавшиеся бомбы на территории Югославии); «Касумай против Греции» (вопрос об ответственности Греции в отношении расквартирования на участке земли подразделений Греции, входящих в состав международных миротворческих сил в Косово). В своих решениях Суд отметил, что «Организация Объединенных Наций есть межгосударственная международная организация, имеющая обособленную правосубъектность».⁸¹³

⁸¹¹ Кривенкова М.В. Формы нематериальной ответственности международных организаций//NB: Международное право. № 1. 2012. URL: http://e-notabene.ru/wl/article_367.html (дата обращения 05.09.2024).

⁸¹² Rosen N. How are Multinational NATO Operations Responsible for International Humanitarian Law Violations?//The Fletcher Forum of World Affairs. Vol. 37. No.3. 2013. P. 171.

⁸¹³ Решение Европейского суда по правам человека «По вопросу приемлемости жалобы № 71412/01 «Ажим Бехрами и Бекир Бехрами против Франции» и жалобы № 78166/01 «Ружди Сарамати против Франции, Германии и Норвегии» от 02.05.2007.

Также было отмечено, что Европейский суд по правам человека не может контролировать действия государств, входящих в ООН, поскольку это означало бы вмешательство в исполнение основной миссии ООН по поддержанию международного мира и безопасности. В итоге, в 2009 году ЕСПЧ заявил, что «Европейский Суд не обладает юрисдикцией для рассмотрения жалоб против ООН»⁸¹⁴. Кроме того, иски в ЕСПЧ всегда подавались в формате «индивид против государства», а не «индивид против международной организации».

Ситуация осложнялась также тем, что на определенном этапе, войска НАТО в Югославии действовали по мандату ООН, и возникал эффект, который можно охарактеризовать как «эффект матрешки», когда государства объединены в организацию, та, в свою очередь, находится под руководством другой организации. Например, вопрос об ответственности ООН за действия НАТО поднимался в связи с массовыми убийствами в Сребренице в суде Нидерландов, который постановил, что «эти действия и бездействие должны в строгом смысле присваиваться ООН».⁸¹⁵ Однако, рассматривая апелляцию по данному делу, суд постановил, что ответственность за события в Сребренице должны нести Нидерланды, как государство-ответчик⁸¹⁶. Т. Хаммамберг отмечает, что в данном случае «дефицит международной подотчетности не несет ничего хорошего ни для кого, и, конечно же, это касается в первую очередь местного населения. Никто, и тем более международные организации, не может быть выше закона»⁸¹⁷.

⁸¹⁴ Решение Европейского суда по правам человека от 09.06.2009 по делу «Галич против Нидерландов» (жалоба № 22617/07), по делу «Благоевич против Нидерландов» (жалоба № 49032/07).

⁸¹⁵ European Court of Human Rights Decision of 7 July 2011. No. 27021/08.

⁸¹⁶ Данные судебные дела будут подробнее рассматриваться в параграфе 4.5 настоящей главы, посвященном вопросам международной ответственности при реализации миротворческой деятельности региональными организациями (на примере Организации Североатлантического альянса (НАТО)).

⁸¹⁷ Хаммамберг Т. Международные организации, действующие как квазиправительства, должны быть подотчетными. Совет Европы: Комиссар по правам человека. 2009.

Еще один орган международного правосудия, который теоретически мог бы заниматься вопросами ответственности международных организаций, это Постоянная палата третейского суда в Гааге. Начиная с 1996 года, палата рассматривает споры как с участием государств, так и с участием международных организаций, при условии наличия согласия обеих сторон в споре. Участниками Палаты по состоянию на 2024 год являются 124 государства.⁸¹⁸ Тем не менее, на сегодняшний день, основной сферой деятельности Палаты все-таки являются межгосударственные споры. Во всяком случае, ни одно из рассматриваемых Палатой дел с участием организаций не было связано с нарушениями организациями норм *jus cogens* или обязательств *erga omnes*, в основном касаясь интерпретации отдельных положений международных конвенций.⁸¹⁹

Т. Хаммарберг утверждал, что в отношении международных организаций должна действовать «система «сдержек и противовесов».⁸²⁰ Никакая организация, даже ООН, не может объективно и беспристрастно оценивать свою деятельность: «Иногда международные организации для осуществления независимой оценки своей деятельности привлекают внешних участников. Так, например, генеральный секретарь ООН создал независимый орган по проведению расследования действий ООН во время геноцида в Руанде в 1994 году»⁸²¹. Подобная практика также может считаться вариантом, призванным содействовать осуществлению международной ответственности организаций.

Формы ответственности международных организаций

⁸¹⁸ См. данные на Permanent Court of Arbitration. URL: <https://pca.org/en/about/introduction/contracting-parties/> (дата обращения 03.09.2024)

⁸¹⁹ Например, интерпретация положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. в деле *The Atlanto-Scandian Herring Arbitration* 2013 г. (Дания от имени Фарерских островов против Европейского Союза).

⁸²⁰ Хаммарберг Т. Международные организации, действующие как квазиправительства, должны быть подотчетными. Совет Европы: Комиссар по правам человека. 2009. URL: http://www.coe.int/t/commissioner/Source/Viewpoints/VP090608_RU.pdf (дата обращения 05.09.2024).

⁸²¹ Там же.

После принятия в 2011 году Проекта статей об ответственности международных организаций, который закрепил за международными организациями те же формы ответственности, что и у государств, традиционное деление ответственности международных организаций на материальную и нематериальную представляется несколько устаревшим.⁸²²

Согласно ст. 30 ПСОМО, прежде всего организация обязана прекратить нарушение и предоставить гарантии его неповторения. Затем наступает стадия возмещения, к которой относятся реституция, компенсация и сатисфакция, однако в силу особенностей правовой природы международных организаций, данные формы приобретают определенные особенности.

*** Реституция**

Реституция как восстановление ранее существовавшего положения регламентируется с. 35 ПСОМО. Комиссия международного права ООН называет реституцию неотъемлемой частью современной ответственности международных организаций.⁸²³ Основная цель реституции, осуществляемой международными организациями, так же, как и в случае с реституцией, осуществляемой государствами – это восстановление *status quo ante*. Реституция, при этом, может включать в себя как *restitutio in integrum*/восстановление прежнего материального положения, так и *restitutio in primum*/восстановление прежнего правового положения.

*** Компенсация**

Известный юрист-международник Э.С. Кривчикова в 2000 году отмечала, что ответственность международной организации может иметь как деликтный (*ex delictum*), так и репарационный/абсолютный характер (*ex damnum*). Можно констатировать, что результатом работы Комиссии

⁸²² См., например, Солнцев А.М., Ключня А.Ю. Вопросы развития института ответственности международных организаций//Вестник международных организаций. № 2 (41). 2013. С. 131.

⁸²³ International Law Commission Report. UN Doc. A/58/10. 2003. Chp. IV. Para. 54.

международного права ООН в 2011 году стала кодификация только деликтной ответственности международных организаций.⁸²⁴

Если реституция не покрыла нанесенного ущерба, то ст. 36 ПСОМО предписывает международной организации выплатить компенсацию. В доктрине долгое время велись споры относительно того, может ли вообще организация полноценно нести международную ответственность финансового характера, с учетом того, что ее бюджет формируется за счет взносов государств-членов. Именно поэтому далеко не все эксперты оценили положительно включение положения о компенсации в текст ПСОМО. Было отмечено, что международные организации «вынуждены рассчитывать на те средства, которые им выделяются. Если им придется выделять средства на удовлетворение обусловленных обязательств, таких, например, как возможное возмещение, то это привело бы к сокращению средств, предназначенных для осуществления их первоначальных мандатов»⁸²⁵.

** Сатисфакция*

Сатисфакция, как указано в ст. 37 ПСОМО, требуется тогда, когда причиненный ущерб не возмещен в полной мере реституцией и компенсацией. В качестве форм сатисфакции, Комиссия международного права ООН указывает признание организацией неправомерности собственных действий, выражение сожаления, формальные извинения. Некоторые авторы не разделяют подобного ограниченного видения сатисфакции, полагая, что любой ущерб имеет как материальную, так и моральную составляющую, соответственно, для компенсации морального ущерба сатисфакция незаменима: «И даже если вместе с этим был причинен и вполне исчислимый

⁸²⁴ Кривчикова Э.С. Ответственность международных организаций // Международное право. Учебник. / Под ред. Ю.М. Колосова, Э.С. Кривчиковой. М., 2000. С. 301.

⁸²⁵ Ответственность международных организаций. Комментарии, полученные от международных организаций. UN Doc. A/CN.4/637. 2011. С.34.

материальный ущерб, необходимо возместить и причиненный нематериальный ущерб»⁸²⁶.

Кроме того, в комментариях к ПСОМО, полученных от организаций, содержалось весьма резонное замечание относительно того, что сатисфакция, осуществляемая международными организациями, должна отличаться от сатисфакции, осуществляемой государствами, в силу особой правовой природы организаций. Например, еще в 1970-х Е.А. Шибаева отмечала отсутствие у международной организации такой формы ответственности, как ограничение суверенитета (что обычно относят к «чрезвычайной сатисфакции»)⁸²⁷.

Еще один важный аспект в данном случае – вопрос о том, кто правомочен осуществлять сатисфакцию от имени организации: «При том, что норма обычного международного права в отношении того, кто представляет государство в международных отношениях, давно закреплена, это не так очевидно в случае с международными организациями»⁸²⁸.

Не решен также вопрос о том, кто должен приносить извинение от имени международной организации, должностные лица или же лидеры стран, входящие в данную организацию. Например, остается открытым вопрос о том, можно ли считать извинение лишь одного из членов организации сатисфакцией – например, когда в 2012 году президент США Б. Обама направил президенту Афганистана Х. Карзаю письмо с официальными извинениями за сожжение Корана солдатами НАТО. Подобный случай позволяет поставить вопрос о том, как именно соотносятся между собой реализация международной ответственности организации и реализация международной ответственности государства.

⁸²⁶ Кривенкова М.В. Формы нематериальной ответственности международных организаций // *ВВ: Международное право.* № 1. 2012. URL: http://e-notabene.ru/wl/article_367.html (дата обращения 03.09.2024)

⁸²⁷ Шибаева Е.А. *Международная правосубъектность.* М., 1971. С. 97.

⁸²⁸ *Ответственность международных организаций. Комментарии, полученные от международных организаций.* UN Doc. A/CN.4/637. 2011. С.35.

5.3. Ответственность за силовые злоупотребления и превышение мандата при осуществлении миротворческих операций Организацией Объединенных Наций.

ООН часто называют организацией с «уникальной легитимностью»⁸²⁹, и, в целом, именно она является фундаментом Ялтинско-Потсдамской системы и гарантом современного международного права, однако именно законное право на применение вооруженной силы при осуществлении миротворческой деятельности «потенциально создает почву для возможных злоупотреблений со стороны организации»⁸³⁰. Нередко складывается ситуация, когда «органы международной администрации действуют как де-факто местные органы власти и как международные организации»⁸³¹. Именно поэтому вполне логично, что «ООН, как символ международного сообщества, должна нести не только моральную ответственность, когда злоупотребления, влияющие на международный правопорядок, имеют место»⁸³².

Специальный докладчик Комиссии международного права по вопросам ответственности международных организаций Дж. Гая отмечал, что именно «в связи с операциями по поддержанию мира принципы международной ответственности получили значительное развитие»⁸³³. Кроме того, можно констатировать, что именно на примере Организации Объединенных Наций,

⁸²⁹ Лавров С.В. ООН – организация, обладающая уникальной легитимностью//Российский совет по международным делам. 14 сентября 2015. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6566#top-content (дата обращения 05.09.2024).

⁸³⁰ Сазонова К.Л. Миротворческая деятельность Организации Объединенных Наций и вопросы международной ответственности/ Правоведение. Известия высших учебных заведений. №2, 2014. С.138.

⁸³¹ Хаммарберг Т. Международные организации, действующие как квазиправительства, должны быть подотчетными. 8 июня 2009.

⁸³² Rao P.S. United Nations Responsibility from Authorizing the Use of Force / Responsibility of International Organizations. Essays in Memory of Sir Ian Brownlie. M. Ragazzi (ed.) Martinus Nijhoff Publishers, 2013. P.414.

⁸³³ The Second Report on the Responsibility of International Organizations by Special Rapporteur, Mr. G.Gaya. UN Doc. A/CN.4/541. 2004. P. 18.

фактически, разрабатывалась концепция правосубъектности международных организаций.

Как было отмечено выше, «институт ответственности международных организаций, включая ООН, не столь развит, как институт ответственности государств».⁸³⁴ Можно констатировать, что данная тематика, в целом, значительно подробнее изучалась не в отечественной⁸³⁵, а в зарубежной доктрине международного права.⁸³⁶

Седьмой Генеральный секретарь ООН К. Аннан отмечал, что «международная ответственность ООН за деятельность собственных вооруженных сил является отражением ее международной правосубъектности и способности обладать международными правами и обязанностями»⁸³⁷. Международный суд ООН в своем решении 1999 года также указал на то, что

⁸³⁴ Rao P.S. *United Nations Responsibility from Authorizing the Use of Force / Responsibility of International Organizations. Essays in Memory of Sir Ian Brownlie*. M. Ragazzi (ed.) Martinus Nijhoff Publishers, 2013. P.408.

⁸³⁵ Тамразян М.В. Международная ответственность ООН за действия своих миротворческих сил// Альманах современной науки и образования. 2009. №7-1; Зверев П.Г. К вопросу об ответственности государств и многонациональных сил в период миротворческих операций ООН// Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. №2. 2014. С. 59-61.

⁸³⁶ Amrallah B. *The International Responsibility of the United Nations for Activities Carried Out by UN Peace-Keeping Forces* // *Revue Egyptienne de Droit International*. Vol. 32. 1976; Dorigo S. *Imputazione e responsabilità internazionale per l'attività delle forze di peacekeeping delle Nazioni Unite* // *Rivista de dritto internationale*. Vol. 85. 2002; Janev I. *On the UN's Legal Responsibility for the Irregular Admission of Macedonia to UN* // *Journal of International Affairs*. Vol. VII. No.4. 2002-2003; Luder R.S. *Responsibility of States and International Organisations in Respect to United Nations Peace-keeping Missions*// *International Peacekeeping*. Vol. 12. 2008; Naumovic B. N. *L'attribution de la responsabilité internationale en cas de dommages causés par des forces de maintien de la paix/State Responsibility and the Individual*. K. Koufa (ed). 2006; Sanchez C., *Yaelle Responsabilidad internacional de las Naciones Unidas por la actividad ilícita de sus fuerzas mantenimiento de la Paz*//*Revista electronica de estudios internacionales*, 2007; Sari A. *UN Peacekeeping Operations and Article 7 ARIO: the Missing Link*//*International Organizations Law Review*. Vol.9, 2013; Sorel J.-M. *La responsabilité des Nations Unies dans les opérations de maintien de la paix* // *International Law Forum*. Vol. 3, 2001.

⁸³⁷ *Administrative and budgetary aspects of the financing of the United Nations peacekeeping operations: financing of the United Nations peacekeeping operations Report of the Secretary-General*. UN Doc. A/51/389.

«ООН несет ответственность за собственное поведение»⁸³⁸ и не может действовать *legibus solutes*.

Наиболее болезненным вопросом для «миротворческой концепции ООН»⁸³⁹ является вопрос ответственности за превышение силового мандата при проведении миротворческих организаций.

Обобщив те примеры, которые будут рассмотрены ниже, можно констатировать, что в случае нарушений международного права при проведении миротворческой операции ООН, могут возникнуть четыре основные проблемы, связанные с тематикой международной ответственности:

- проблема ответственности ООН как международной межправительственной организации;
- проблема ответственности государств, предоставляющих свои контингенты для участия в миротворческой миссии;
- проблема ответственности частных военных и охранных предприятий, привлекаемых к участию в миротворческой деятельности ООН;
- проблема ответственности региональных организаций, предоставляющих свои войска для реализации миротворческих операций под эгидой ООН⁸⁴⁰.

Ответственность государств, предоставляющих контингенты для миротворческих операций ООН

Существует три варианта подходов к тому, как может распределяться ответственность в случае совершения силовых злоупотреблений во время миротворческих операций ООН: во-первых, международную ответственность

⁸³⁸ Différend relatif à l'immunité de juridiction d'un rapporteur spécial de la Commission des droits de l'homme, avis consultative. Cour International de Justice. 1999. P. 88-89.

⁸³⁹ Термин «миротворческая концепция ООН», обозначающий совокупность средств, с помощью которых Организация Объединенных Наций осуществляет свою миротворческую деятельность, был предложен в диссертационном исследовании автора. См.: Сазонова К.Л. Правовые основы применения вооруженной силы в миротворчестве Организации Объединенных Наций: автореф. дисс. ... канд.юрид. наук:12.00.10/ Сазонова Кира Львовна. - Москва, 2011. - С. 5.

⁸⁴⁰ См. Сазонова К.Л. Миротворческая деятельность Организации Объединенных Наций и вопросы международной ответственности/ Правоведение. Известия высших учебных заведений. №2, 2014. С.141.

должны нести только государства, предоставляющие свои военные контингенты; международную ответственность должна нести только ООН, так как именно под ее эгидой и флагом проводятся миротворческие операции; ответственность должны нести и государства, и ООН совместно.

Рассмотрим аргументы по первой позиции – что вся ответственность лежит на государствах, предоставляющих контингенты. Главным тезисом ее сторонников является то, что «ООН никогда не имеет абсолютной власти над национальными контингентами, которые предоставлены в ее распоряжение, так как государства всегда сохраняют преимущественный контроль»⁸⁴¹. В неопубликованном письме (оно цитируется в одном из докладов Комиссии международного права ООН) Генерального секретаря ООН от 11 ноября 1996 года на имя премьер-министра Руанды, сказано, что операция «Бирюза» проводилась под национальным командованием и не являлась операцией Организации Объединенных Наций, а значит, ООН «не несет международной ответственности за действия и бездействие, которые могут быть присвоены операции «Бирюза»⁸⁴².

Когда во время Корейской американские силы бомбили цели на территории СССР и Китая, США заявляли о том, что ответственность лежит не них, а на ООН. Однако потом американская сторона признала свою ответственность, и США не только выплатили компенсацию за ущерб, который был причинен ее вооруженными силами, но и выразили «свое сожаление по поводу того, что американские силы под командованием ООН были причастны к нарушению советского суверенитета»⁸⁴³.

⁸⁴¹ Sari A. UN Peacekeeping Operations and Article 7 ARIО: the Missing Link//International Organizations Law Review. Vol.9. 2013. P. 83.

⁸⁴² Операция «Бирюза» была санкционирована в резолюции S/RES/929(1994) Совета Безопасности. Доклад Комиссии международного права на шестьдесят третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 2011. URL: http://legal.un.org/ilc/reports/2011/All%20languages/A_66_10_R.pdf (дата обращения 05.09.2024).

⁸⁴³ UN Doc. S/1813. Письмо заместителя представителя США на имя Генерального Секретаря ООН о бомбардировке военно-воздушными силами территории Китая от 26 сентября 1950 г.

Босния и Герцеговина, например, всерьез обдумывали возможности привлечения Великобритании к ответственности как «пособницу ООН», постольку она участвовала в принятии Советом Безопасности резолюции 713 (1991), которая ввела эмбарго на ввоз оружия в Боснию и Герцеговину.⁸⁴⁴

Вторая позиция прямо противоположна первой, и заключается в том, что ответственность должна возлагаться не на государства, а на саму Организацию Объединенных Наций.⁸⁴⁵ Например, Управление ООН по правовым вопросам отмечало, что, «поскольку миротворческие контингенты являются вспомогательным органом ООН, действия миротворческих сил могут вменяться организации».⁸⁴⁶ В качестве примера подобной позиции можно привести ситуацию с миссией ООН *UNFICYP* на Кипре, ответственность за которую, согласно меморандуму Управления ООН по правовым вопросам, должна нести ООН, поскольку операциями «руководит через установленные командные инстанции Командующий *UNFICYP*»⁸⁴⁷.

Третья позиция может быть охарактеризована как концепция «совместной ответственности». Так, некоторые представители доктрины международного права убеждены, что миротворцы, даже находясь на службе у международной организации, сохраняют статус «органа» конкретного государства, причем это касается «как контингентов, участвующих в международных операциях, учрежденных международными организациями, так и участников «классических» миротворческих операций».⁸⁴⁸ Т.

⁸⁴⁴ Рачков И.В. Ответственность государства за международно-противоправные деяния международной организации // Международное публичное и частное право. 2005. №3 (24). С. 10.

⁸⁴⁵ Подробнее о данной позиции см. Bowett D.W. *United Nations Forces-A Legal Study of United Nations Practice*. London, 1964. P. 245; Seyersted F. *United Nations Forces in the Law of Peace and War*. London, 1966. P. 119.

⁸⁴⁶ Interoffice memorandum to the Director of the Codification Division, Office of Legal Affairs, and Secretary of the International Law Commission regarding the topic of Responsibility of International Organizations. *United Nations Juridical Yearbook* 2004. P. 352.

⁸⁴⁷ *United Nations Juridical Yearbook*. Part Two. Legal activities of the United Nations and related intergovernmental organizations. 1980. P.183.

⁸⁴⁸ Fröhlich M. Keeping Track of UN Peace-keeping - Suez, Srebrenica, Rwanda and the Brahimi Report. 2001// *Max Planck Yearbook of United Nations Law*. Vol. 5. P. 185.

Данненбаум также отмечает, что национальные контингенты, являющиеся частью миротворческих сил ООН, имеют двойной институциональный статус – как агенты своего государства и как агенты ООН». ⁸⁴⁹ Обычно при распределении ответственности между государством и Организацией Объединенных Наций используется критерий «эффективного управления» или «эффективного контроля» ⁸⁵⁰. Данный критерий начал применяться в 1996 году и впоследствии был включен в текст Проекта статей об ответственности международных организаций (ст.7). Суть его в том, что ООН несет ответственность только за события, произошедшие во время операций, которые осуществлялись под непосредственным командованием организации. Если же оперативное командование осуществляет како-либо государство, то и ответственность возлагается на него. Например, в 1993 году на территории Сомали одновременно присутствовали как ооновский контингент UNOSOM, так объединенные многонациональные силы *UNITAF* под командованием США. В итоге, «поскольку *UNITAF* не находились под командованием ООН, ООН отрицала ответственность в случае исков, которые возбуждались в связи с инцидентами, к которым были причастны эти контингенты» ⁸⁵¹. В результате, когда канадские военнослужащие из *UNITAF* убили сомалийца, компенсацию выплачивало правительство Канады, а не Организация Объединенных Наций. ⁸⁵² А вот когда *UNITAF* по решению Совета

⁸⁴⁹ Dannenbaum T. Translating the Standard of Effective Control into a System of Effective Accountability: How Liability Should Be Apportioned for Violations of Human Rights by Member State Troop Contingents Serving as United Nations Peacekeepers//Harvard International Law Journal. 2010. P. 159.

⁸⁵⁰ Administrative and budgetary aspects of the financing of the United Nations peacekeeping operations: financing of the United Nations peacekeeping operations. Report of the Secretary-General UN Doc. A/51/389. 1996.

⁸⁵¹ Сазонова К.Л. Миротворческая деятельность Организации Объединенных Наций и вопросы международной ответственности/ Правоведение. Известия высших учебных заведений. №2, 2014. С.146.

⁸⁵² Young R.M., Molina M. IHL and Peace Operations: Sharing Canada's lessons learned from Somalia // Yearbook of International Humanitarian Law. Vol. 1. 1998. P. 362.

Безопасности ООН стал ооновской миссией *UNOSOM II*, и с этого момента ответственность возлагалась на ООН.

Международные силы содействия безопасности (*ISAF*), действовавшие с 2001 г. в Афганистане, были санкционированы резолюцией СБ ООН 1386, однако находились под американским и британским, а не ооновским командованием. Затем, с 2003 г., командование операцией перешло к НАТО.

Еще один пример из этой же серии – ситуация 2011 г. с миссией ООН *UNOCI* в Кот-д’Ивуаре. С 2003 г. в стране присутствовала французская миссия «Единорог», которая, согласно резолюции 1962 СБ ООН от 21 декабря 2010 г., должна была начать оказывать помощь миссии ООН. Таким образом, одновременно в стране присутствовали силы и под ооновским командованием, и под командованием Франции. Когда на миссию ООН стали совершаться нападения со стороны соратников бывшего президента страны Л.Гбагбо, миротворцы из обеих миссий совершили ответные действия, используя огонь с вертолетов. Реакция последовала незамедлительно – сторонники Гбагбо, на чьи объекты напали, заявили, что это было «незаконно и неприемлемо».⁸⁵³ Пан Ги Мун, напротив, всячески защищал миротворцев, утверждая, что «это было сделано для самообороны, и чтобы защитить мирных граждан».⁸⁵⁴ Ключевой вопрос в данном случае – кто должен нести ответственность, если фактически операция осуществлялась совместно Францией и ООН, и принцип «эффективного контроля», в данном случае, крайне сложно применить. Некоторые исследователи полагают, что «ответственность должна делиться между ООН и Францией, так как нарушения норм международного права могут быть вменены обеим».⁸⁵⁵ Кроме того, очевидно, что миротворцы, фактически, стали одной из сторон

⁸⁵³ Ivory Coast: UN forces fire on pro-Gbagbo camp//BBC News. 4 April 2011. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-africa-12960308> (дата обращения 03.09.2024)

⁸⁵⁴ Там же.

⁸⁵⁵ Boutin B. An “unlikely scenario” that occurred in Ivory Coast... And a case for shared responsibility between the UN and France// Blogpost. SHARES Project. 10 April 2011. URL: <http://www.sharesproject.nl/an-unlikely-scenario-that-occurred-in-ivory-coast-and-a-case-for-shared-responsibility-between-the-un-and-france/> (дата обращения 03.09.2024)

конфликта, утратив столь важный для их репутации нейтралитет. Необходимо отметить, что Россия даже организовывала в Совете Безопасности ООН брифинг, где обсуждалась правомерность применения миротворцами ООН вооруженной силы в Кот-д'Ивуаре.

Ситуацию, когда совершается вооруженное нападение на миротворческую миссию ООН, и миротворцы, в свою очередь, вынуждены обороняться, итальянский исследователь П. Пальчетти назвал «самым нежелательным сценарием»,⁸⁵⁶ именно потому, что решить вопросы, связанные с ответственностью, в подобном случае крайне затруднительно. По его мнению, благодаря особому статусу миротворцев, которые одновременно являются и частью международных сил, и органами направившего их государства, в случае нападения на миссию право на самооборону получает и ООН, и государство, направившее миротворцев.

Тематика самообороны, применительно к международным организациям, в большей степени, связана именно с деятельностью миссий ООН и НАТО. По мнению Комиссии международного права, самооборона как обстоятельство, исключающее противоправность, применима «лишь к небольшому числу организаций, например тех, которые управляют какой-либо территорией или развертывают какие-либо вооруженные силы»⁸⁵⁷.

Можно констатировать, что наиболее часто реализуемой формой ответственности ООН является выплата компенсации, однако это происходит только в том случае, если организация добровольно соглашается на это. Например, в 1960-х годах миротворческие силы ООН нанесли ущерб во время проведения операции в Конго, после чего организация добровольно признала свою ответственность и заключила с Конго соглашение о выплате компенсаций.

⁸⁵⁶ См. Palchetti P. Armed Attack against the Military Force of an International Organization and Use of Force in Self-Defence by a Troop-Contributing State: A Tentative Legal Assessment of an Unlikely Scenario// International Organizations Law Review. Vol. 7. Issue 2. 2010.

⁸⁵⁷ Доклад Комиссии международного права ООН. 2011. UN. Doc A/66/10. С. 131.

Весьма знаковая ситуация произошла в 2013 году, когда ООН обвинили в том, что действия ее миротворческого контингента привели к тому, что на Гаити разразилась эпидемия холеры, унесшая тысячи жизней. Основанием для обвинения стало то, что эпидемия началась с местонахождения лагеря ооновских миротворцев⁸⁵⁸. Генеральный Секретарь ООН отверг обвинения организаций, представлявших общественность Гаити, и напомнил о том, что Организация Объединенных Наций обладает иммунитетом, что подтверждается Конвенцией о привилегиях и иммунитетах ООН 1946 года и Соглашением о статусе войск между ООН и правительством Гаити, где сказано, что все неблагоприятные последствия, совершенные в результате действий миссии *MINUSTAH*, должны рассматриваться на специальной комиссии, а по поводу эпидемии ее не созывали. Сторона обвинения, в свою очередь, утверждала, что «нежелание ООН признать себя виновной нарушает ее обязательства по международному праву. Кроме того, ООН умаляет свою миссию в утверждении верховенства права, защите прав человека и помощи дальнейшему развитию Гаити»⁸⁵⁹.

Институт Справедливости и Демократии Гаити в 2013 году подал иск в нью-йоркский суд от имени жертв эпидемии холеры с требованием выплаты им компенсаций (логика выбора суда объяснялась тем, что именно в Нью-Йорке находится штаб-квартира ООН). В итоге, иск был отклонен как не подпадающий под юрисдикцию американского окружного суда. Лишь несколько лет спустя, 1 декабря 2016 года, Генеральный Секретарь ООН признал, что миротворцы предприняли недостаточно усилий для предотвращения распространения холеры, и принес официальные извинения перед народом Гаити, что можно

⁸⁵⁸ Peacekeeping without Accountability. The United Nation's Responsibility for the Haitian Cholera Epidemic. Transnational Development Clinic. Jerome N. Frank Legal Services Organization, Yale Law School, Global Health Justice Partnership of the Yale Law School, the Yale School of Public Health, Association Haïtienne de Droit de L'Environnement. URL: http://www.law.yale.edu/documents/pdf/Clinics/Haiti_TDC_Final_Report.pdf

⁸⁵⁹ New Report Holds U.N. Responsible for Haitian Cholera Epidemic//Yale Law School, 6 August 2013. URL: <http://www.law.yale.edu/news/17237.htm> (дата обращения 03.09.2024)

считать форматом сатисфакции. Кроме того, он отметил, что ситуация крайне негативно сказалась на репутации миротворцев и организации в целом⁸⁶⁰. Также было принято решение о выплате Гаити суммы в 200 миллионов долларов.

Тем не менее, работники Секретариата ООН настаивали, что ООН обладает иммунитетом к реализации международной ответственности через подобные иски: «Для нас, проводящих сотни операций по всему миру в очень сложных и нестабильных условиях, имеются весьма серьезные риски оказаться в ситуациях, когда подобная ответственность может привести к огромному числу исков»⁸⁶¹.

Некоторые юристы также полагают, что признание ООН своей ответственности за эпидемию холеры на Гаити открыло настоящий «ящик Пандоры»: «ООН и ее учреждения вовлечены в огромное количество деятельности, которая может послужить причиной ранений, порчи имущества и других негативных последствий. Прецедент с Гаити мог бы повлечь за собой огромные финансовые издержки государств-членов, которые формируют бюджет ООН»⁸⁶².

В 1949 году было создано Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ, которое занимается помощью палестинцам как на территории Палестины в Секторе Газа и Западном берегу реки Иордан, так и на территории Сирии, Ливана, Иордании, Израиля. В школах под эгидой БАПОР обучается порядка 50 тысяч человек. Также Агентство занимается доставкой гуманитарных грузов и строительством

⁸⁶⁰ U.N. Apologizes for Role in Haiti's 2010 Cholera Outbreak. 1 December 2016. URL: http://www.nytimes.com/2016/12/01/world/americas/united-nations-apology-haiti-cholera.html?_r=0 (дата обращения 05.09.2024).

⁸⁶¹ Цит. по Linked To Haiti Cholera Outbreak, U.N. Considers Paying Millions In Compensation. 2016. URL: <http://www.npr.org/sections/goatsandsoda/2016/10/25/499294332/un-considers-400-million-plan-to-address-cholera-in-haiti> (дата обращения 05.09.2024).

⁸⁶² Schaefer B.D. Haiti Cholera Lawsuit Against the U.N.: Recommendations for U.S. Policy. 12 November 2013. URL: http://www.heritage.org/research/reports/2013/11/haiti-cholera-lawsuit-against-the-un-recommendations-for-us-policy#_ftn13 (дата обращения 05.09.2024).

медицинских учреждений. Несколько десятилетий БАПОР был также крупнейшим работодателем в Секторе Газа. 28 октября 2024 года Кнессет Израиля утвердил полный запрет деятельности БАПОР с 2025 года на территории страны. Это связано с тем, что Израиль полагает, что сотрудники БАПОР причастны к событиям 2 октября 2023 года. Кроме того, в июне 2024 года родственники израильских заложников подали судебный иск в американский суд, обвинив БАПОР в помощи ХАМАС и требуя компенсации в миллиард долларов. Помимо самого агентства, в качестве ответчика фигурирует руководство БАПОР. ООН, в свою очередь, полагает, что сотрудники БАПОР должны быть защищены от судебного преследования должностным иммунитетом.

Таким образом, чаще всего ответственность Организации Объединенных Наций реализуется только после добровольного признания ею возможности реализации такой ответственности. Формами ответственности зачастую являются компенсация и сатисфакция. При этом, действующие органы международного правосудия не могут устанавливать ответственность организации.

5.4. Ответственность за силовые злоупотребления при осуществлении миротворческих операций региональными организациями коллективной безопасности.

Коллективная безопасность определяется как «система совместных действий государств в целях поддержания международного мира и противодействия актам агрессии»⁸⁶³, зачастую основанная на каком-либо договоре или соглашении. Подобная практика имеет важное превентивное значение, поскольку то государство, которое станет агрессором, вынуждено будет противостоять целой группе противников.

⁸⁶³ Большой юридический словарь/ под ред. А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, А.Я. Сухарева. М. Инфра-М, 2003.

Первой организацией коллективной самообороны можно считать Лигу Наций, в учредительном тексте которой утверждалось, что, «если какой-либо член Лиги прибегнет к войне вопреки своим соглашениям по статьям 12, 13 или 15, он *ipso facto* будет считаться совершившим акт войны против всех других членов Лиги»⁸⁶⁴. За время существования Лиги был позитивный пример реализации системы коллективной безопасности, когда Италия оккупировала Корфу, что вынудило Грецию обратиться за помощью в Лигу Наций. В итоге, опасаясь, что «ситуация может зайти слишком далеко, и из спора между Италией и Грецией может перерасти в конфликт Италии с пятьюдесятью нациями»⁸⁶⁵, Италия покинула остров Корфу, а Грецию, в свою очередь, «обязали принести извинения итальянскому правительству и выплатить Италии возмещение за убитых на греческой территории итальянских офицеров, членов международной комиссии, которые работали над демаркацией южной границы Албании»⁸⁶⁶.

Созданная в 1945 году Организация Объединенных Наций также построена на принципе коллективной обороны. Устав ООН предполагает использовать как мирные средства разрешения споров по статье 33, так и осуществление миротворческой деятельности с санкции Совета Безопасности ООН на основании статей 41 и 42 Устава. Известный юрист-международник Б. Зимма называет систему коллективной безопасности по Главе 7 Устава ООН «франшизой»⁸⁶⁷, поскольку ООН периодически делегирует проведение миротворческих операций на региональный уровень. В соответствии со ст. 53 Устава ООН, Совет Безопасности может привлекать региональные органы или участников региональных соглашений к участию в осуществлении «принудительных действий под его руководством», однако при этом «никакие

⁸⁶⁴ Версальский мирный договор, подписанный 28 июня 1919 года. URL: <https://www.ungeneva.org/ru/about/league-of-nations/covenant> (дата обращения 05.09.2024).

⁸⁶⁵ Ридли Дж. Муссолини. М., 1999. С. 156.

⁸⁶⁶ Сазонова К.Л. Коллективная самооборона в международном праве//Юридическая наука, №1, 2013. С. 95.

⁸⁶⁷ Simma B. NATO, the UN and the Use of Force: Legal Aspects//European Journal of International Law. Vol.10. P.4.

принудительные действия не предпринимаются в силу этих региональных соглашений или региональными органами без полномочий от Совета Безопасности».

Правомерность создания региональных организаций коллективной самообороны не оспаривается в доктрине, хотя отдельные ученые сомневаются в целесообразности подобных структур. Например, советский юрист Н.А. Ушаков утверждал, что региональные военно-политические соглашения «реально подрывают предусмотренную Уставом ООН систему коллективной безопасности»⁸⁶⁸. Э.И. Скакунов также утверждал, что термин «самооборона» вообще применим лишь к индивидуальной самообороне и не предусматривает коллективный формат⁸⁶⁹, то есть «коллективную самооборону». Эта позиция базируется также на том, что, в случае реализации коллективной самообороны, силовые действия легитимизируются, притом, что осуществляются не только потерпевшим государством, но и государствами, которые не были непосредственно затронуты правонарушением.

Тем не менее, положения о коллективной самообороне присутствуют в учредительных документах многих международных организаций.

Например, в Уставе **Организации Американских Государств (ОАГ)** есть глава, называемая «Коллективная безопасность», в которой говорится о том, что «любой акт агрессии государства в отношении территориальной целостности или неприкосновенности либо в отношении суверенитета или политической независимости Американского Государства должен рассматриваться как акт агрессии против других Американских Государств».⁸⁷⁰ Во время Карибского кризиса 1962 года именно государства

⁸⁶⁸ Ушаков Н.А. Правовое регулирование использования силы в международных отношениях М., 1997. С.40.

⁸⁶⁹ Скакунов Э.И. Самооборона в международном праве. М., Международные отношения, 1973. С.5.

⁸⁷⁰ Устав Организации Американских Государств, Глава VI, ст.28. Богота, 30 апреля 1948 г.

из Организации Американских Государств предоставляли свои войска для осуществления военно-морской блокады Кубы.

Еще одна организация коллективной самообороны – **Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ)**. Организация была создана в 1992 году, а «членский состав данной организации за двадцать лет неоднократно менялся из-за многочисленных политических разногласий государств»⁸⁷¹. В 2009 году в рамках ОДКБ были созданы Коллективные силы оперативного реагирования для отражения военной агрессии и проведения специальных операций по борьбе с международным терроризмом, координируемые Советом коллективной безопасности. В 2022 году, на основании обращения к ОДКБ Президента Казахстана на основании статьи 4 Договора о коллективной безопасности, ОДКБ направил в Казахстан коллективные миротворческие силы для стабилизации обстановки, что и было успешно сделано.

Формат европейской коллективной самообороны долгое время является предметом дискуссий. Помимо членства почти всех стран Евросоюза в НАТО (за исключением Австрии, Ирландии, Мальты и Кипра), европейцы неоднократно пытались создать собственные силы быстрого реагирования. Так, «в 1948 году был подписан договор о коллективной самообороне между Францией, Великобританией и странами Бенилюкса – так называемый Брюссельский пакт – который в 1954 году лег в основу **Западно-Европейского Союза (ЗЕС)**, как структуры, ответственной за коллективную безопасность в Европе»⁸⁷². В 1993 году Парламентской Ассамблеей ЗЕС был подготовлен доклад «Операции ООН - взаимодействие с ЗЕС», где была высказана решимость начать активное сотрудничество с ООН и предложить свои услуги для поддержки миротворческих операций⁸⁷³, однако эти планы так

⁸⁷¹ Сазонова К.Л. Коллективная самооборона в международном праве//Юридическая наука, №1, 2013. С. 96.

⁸⁷² Сазонова К.Л. Коллективная самооборона в международном праве//Юридическая наука, №1, 2013. С. 95-96.

⁸⁷³ The Operational Organisation of WEU. Assembly Doc. 1518. Paris. 1996. P. 10-11.

и не были осуществлены. Формально Западно-Европейский Союз просуществовал до 2011 года, после чего был упразднен. Тем не менее, Франция продолжает активно лоббировать создание европейской армии⁸⁷⁴.

Деятельность **Организации Североатлантического договора (НАТО)**, созданной в 1949 году для борьбы с «советской военной угрозой», однако успешно существующей и после распада биполярной системы, представляет собой наиболее показательный пример осуществления военно-силовой деятельности региональной организацией. Не смотря на распад социалистического лагеря, то есть основной силы, которой противостояла НАТО, вместо первоначальных 12 членов, в результате девяти расширений, Альянс стал организацией из 32 государств. Помимо расширения членского состава, можно констатировать также расширение пространственной сферы действия Альянса (которая, теоретически, не должна выходить за пределы североатлантического региона). Например, в XXI веке масштабные операции были проведены в регионе Ближнего Востока, а именно на территории Афганистана, Ливии и Сирии.

Принципиально, чтобы делегирование полномочий региональным организациям проистекало не из-за слабости ООН, а из-за организационных мотивов, поскольку в противном случае подобное сотрудничество начинает дискредитировать саму ООН, так как, «видя непоследовательность и нерешительность ООН, региональные организации самостоятельно пытаются ответить на вызовы глобальных масштабов»⁸⁷⁵. Тем не менее, очевидны попытки НАТО играть «оонозамещающую» роль и стать универсальной системой коллективной безопасности, что закономерно приводит к столкновениям с ООН. Некоторые исследователи говорят еще более

⁸⁷⁴ Одиночество Макрона: надежды на армию Евросоюза сохраняет только Франция // ТАСС. 22 июня 2013. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18078237> (дата обращения 05.09.2024).

⁸⁷⁵ Чиков П.В. Военные санкции в международном праве. Дисс. к.ю.н. Казань, 2003. С. 5.

прямолинейно: «Доктрина НАТО более не признает монополии ООН на использование силы, в особенности в случаях, оговоренных в ст. 51 Устава»⁸⁷⁶.

Представляется, что наилучший способ провести анализ особенностей распределения миротворческих задач между ООН и НАТО, а также установить конкретные основания для возможной международной ответственности Альянса заключается в том, чтобы рассмотреть три наиболее резонансные операции НАТО – в бывшей Югославии, Афганистане и Ливии.

Правовые основания проведения и вопросы международной ответственности при осуществлении ключевых операций НАТО

А. Операции НАТО на территории бывшей Югославии (1992-1999 гг.)

В 1991 году начался распад социалистической федеративной республики Югославии (СФРЮ), результатом которого стала масштабная гражданская война между ее бывшими республиками Словенией, Хорватией, Македонией, Сербией, Боснией и Герцеговиной. Резолюцией Совета Безопасности ООН 713 от 25 сентября 1991 года было введено эмбарго на поставки оружия на территорию бывшей Югославии, а 21 февраля 1992 года резолюцией СБ ООН 743 была учреждена миссия Силы Организации Объединенных Наций по охране (*United Nations Protection Force/UNPROFOR*). Несмотря на присутствие в стране миротворцев ООН, 1 марта 1992 года началась Боснийская война между сербами, боснийцами и хорватами. С 1993 года в конфликт вмешался Североатлантический Альянс.

Операции НАТО в Югославии можно условно разделить на три этапа: операции 1993-1994 гг., операция «Обдуманная сила» 1995 г., а также операция «Союзная сила» 1999 г. С 1992 года военно-морские силы НАТО начали осуществлять контроль над эмбарго на поставку оружия с моря, причем это позиционировалось именно как «помощь» ООН, что пока укладывалось в рамки взаимодействия универсальной и региональной систем

⁸⁷⁶ Розофф Р. НАТО: от трансатлантического альянса до глобальной военной машины// Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в постсоветский период. М. АНО «Институт внешнеполитических исследований и инициатив, Кучково поле, 2014. С. 48.

миротворчества.⁸⁷⁷ В 1993 году Совет Безопасности Организации Объединённых Наций в резолюции 816 призвал государства-члены ООН создать бесполётную зону над Боснией и Герцеговиной. Функцию по закрытию воздушного пространства взял на себя Североатлантический Альянс. В 1993 году резолюциями СБ ООН 824 и 836, вокруг городов, в которых шло наиболее ожесточенное противостояние, были созданы зоны безопасности, а миротворцам миссии ООН *UNPROFOR* был дан мандат на применение силы для защиты гражданского населения в этих зонах. Руководство НАТО восприняло этот мандат в качестве «руководства к действию», и в 1994 году Альянс совершает ряд авиаударов по позициям сербов на основании «защиты зон безопасности».

В июле 1995 году состоялась резня в Сребренице, которую миротворческие силы ООН *UNPROFOR* не смогли предотвратить. Тогда Североатлантический альянс официально обратился к ООН с просьбой существенно расширить ее полномочия в Боснии и Герцеговине, однако разрешение получено не было, после чего Альянс в одностороннем порядке принимает решение о проведении первой в своей истории широкомасштабной военной операции «Обдуманная сила», которая существенно пошатнула позиции сербов по сравнению с боснийско-хорватской стороной конфликта. Операция завершилась подписанием в декабре 1995 году Дейтонского соглашения между лидерами боснийской, сербской и хорватской сторон конфликта. Одним из пунктов соглашения стало введение контингента НАТО (*Implementation Force/IFOR*, после 1996 г. – *Stabilisation Force/SFOR*) на территорию Боснии и Герцеговины.

В 1996 году косовские албанцы, проживавшие на территории Сербии и Черногории (на тот момент – Союзной республики Югославии), начали вооруженный конфликт из-за намерения создания собственного государства. Совет Безопасности в тот период работал практически непрерывно, и

⁸⁷⁷ Boorda J. M. *Loyal Partner - NATO's Forces in Support of the UN // NATO's Sixteen Nations*. 1994. P. 115.

резолюции следовали одна за другой. Резолюция 1160 от 31 марта 1998 года осудила действия и методы обеих сторон конфликта и ввела эмбарго на поставку оружия. 23 сентября 1998 года резолюция 1199 призывала стороны к прекращению огня. В резолюции 1203 от 24 сентября 1998 года Совет Безопасности призвал стороны сотрудничать с Миссией НАТО по воздушному контролю на территории Косово. Однако эскалация насилия лишь усилилась.

В феврале 1999 года прошли переговоры с участием сторон конфликта и представителей так называемой «контактной группы», куда вошли представители стран НАТО и Российской Федерации. США и Великобритания предложили свой план мирного урегулирования косовского конфликта, предусматривавший вывод сербских войск из края Косово и ввод туда совместных сил НАТО и России. План был отвергнут и сербской, и российской сторонами. Совет Безопасности ООН вновь принимает очередную резолюцию 1239 от 14 мая 1999 года, в которой призывает стороны придерживаться ранее принятых договоренностей. Однако уже было очевидно, что ООН фактически утратила контроль над ситуацией, который тут же перехватила НАТО.

Практически сразу после провала переговоров, руководство НАТО приняло решение о начале военной операции без санкции Совета Безопасности ООН. Правовую позицию НАТО по вопросам вторжения в бывшую Югославию резюмировал Генеральный секретарь Х. Солана: «Я прихожу к выводу, что страны-члены Альянса верят в то, что при определенных обстоятельствах, в частности, в условиях текущего кризиса в Косове, описанном в резолюции СБ ООН 1199, существуют легитимные основания для Альянса применять угрозу силой и, если необходимо, собственно силу».⁸⁷⁸

⁸⁷⁸ Letter from Secretary-General Solana, addressed to the permanent representatives to the North Atlantic Council. 9 October 1998.

Когда по инициативе Российской Федерации проходило голосование Совета Безопасности, на котором было предложено осудить действия Североатлантического альянса как «агрессию», за данную резолюцию проголосовали лишь Россия, Китай и Намибия.

По мнению известного юриста-международника Б. Зиммы, оправданием действий НАТО в 1999 году стало понимание того, что «Россия наложит вето на любое решение Совета Безопасности, разрешающее угрозу силой или применение силы против республики Югославия».⁸⁷⁹ Соответственно, было принято решение действовать в обход СБ ООН под предлогом «гуманитарной интервенции».

Любая стратегия, связанная с попыткой «замещения» ООН силами НАТО или любой другой организации, содержит массу опасных моментов. Любопытно высказывание бывшего министра иностранных дел Германии по данному вопросу: «Решение НАТО начать воздушную операцию против Югославии **не должно стать прецедентом** [выделено мной – К.С.]. Если мы признаём монополию Совета Безопасности на применение силы, мы не должны вставать на этот скользкий путь»⁸⁸⁰. Однако приходится с сожалением констатировать, что данное решение стало именно прецедентом, а затем, в лучших традициях англосаксонской правовой семьи, стало применяться в дальнейшей деятельности Альянса.

Попытки привлечения НАТО и ее членов по итогам операций в бывшей Югославии

Нарушения международного права, совершенные альянсом НАТО на территории бывшей Югославии, можно разделить несколько групп. Во-первых, это большое количество жертв среди мирного населения, оценки количества которых до сих пор разнятся. Согласно данным, приведенным С. Милошевичем в своей защитной речи на заседании Международного

⁸⁷⁹ Simma B. NATO, the UN and the Use of Force: Legal Aspects//European Journal of International Law. Vol.10. 1999. P.7.

⁸⁸⁰ Deutscher Bundestag, Plenarprotokoll13/248, 16 October 1998, at 23129.

трибунала по бывшей Югославии, «30% убитых и почти 40% раненых – дети»⁸⁸¹, а количество беженцев за время бомбардировок он оценил в порядка 900 тысяч человек. При этом, командование НАТО отмечало, что бомбардировки Югославии были «воздушной операцией, ставшей наиболее четкой, с минимальным количеством жертв воздушной операцией в истории»⁸⁸². Во-вторых, нужно отметить колоссальные разрушения инфраструктуры территории бывшей Югославии в полном соответствии с утверждением американского генерала У. Кларка, который заявил: «Мы намерены разрушать, разорять, опустошать, повреждать и, в конечном счете, уничтожить основную инфраструктуру Югославии»⁸⁸³.

Военная операция НАТО на территории в Югославии выявила существенные пробелы в механизме привлечения международных организаций к ответственности, а именно – отсутствие компетенции у действующих органов международного правосудия по рассмотрению дел с участием международных организаций. По этой причине, иски по итогам проведенных НАТО операций подавались не против Альянса, а против его отдельных членов. Так, в апреле 1999 года Союзная республика Югославия (Сербия и Черногория) признала обязательность юрисдикции Международного суда, и сразу же направила иски в Международный Суд против Бельгии, Канады, Франции, Германии, Италии, Нидерландов, Португалии и Великобритании) по итогам нарушений, совершенных во время военной операции НАТО 1999 года. Тем не менее, Суд отклонил все иски, признав дело находящимся все юрисдикции суда,⁸⁸⁴ хотя и с комментарием,

⁸⁸¹ Данные приведены в защитной речи С. Милошевича на процессе в Гааге 13 февраля 2002 г. URL: <https://www.pereplet.ru/text/miloshevich16mar06.html> (дата обращения 06.09.2024).

⁸⁸² Joint Statement on the Kosovo After Action Review, Secretary of Defense William S. Cohen and General Henry H. Shelton, Chairman of the Joint Chiefs of Staff, before the United States Senate Armed Services Committee, 14 October 1999.

⁸⁸³ Цит. по Parenti M. To Kill a Nation: The Attack on Yugoslavia. Verso, 2000. P.124.

⁸⁸⁴ Cases Concerning Legality of Use of Force (Serbia and Montenegro v. Belgium, Serbia and Montenegro v. Canada, Serbia and Montenegro v. France, Serbia and Montenegro v. Germany, Serbia and Montenegro v. Italy, Serbia and Montenegro v. Netherlands, Serbia and Montenegro

что, «независимо от того, признают или не признают государства юрисдикцию Суда, они при всех условиях несут ответственность за действия, которые могут быть им присвоены и которые нарушают международное право».⁸⁸⁵

Следующей международной инстанцией, в рамках которой были предприняты попытки привлечь стран-членов НАТО к ответственности, стал Европейский суд по правам человека, куда пытались подать иски родственники погибших во время бомбардировок Белграда в 1999 году. В исках «Банкович и другие против Бельгии и других»⁸⁸⁶ и «Маркович и другие против Италии»,⁸⁸⁷ поданных в ЕСПЧ, заявители утверждали, что военная операция НАТО в Югославии «привела к нарушению 17 европейскими государствами — членами НАТО, их прав, гарантированных статьями 2 (право на жизнь), 10 (свобода выражения мнения) и 13 (право на эффективное средство правовой защиты) Конвенции 1950 года»⁸⁸⁸. Не смотря на это, Европейский суд отклонил иски как несоответствующие критериям приемлемости, указав, что связь между гибелью жертв бомбардировок и государствами, совершившими ее, неочевидна.⁸⁸⁹ Следующим этапом рассмотрения дел против стран НАТО в ЕСПЧ стали жалобы «Бехрами и Бехрами против Франции» и «Сарамати против Франции, Германии и Норвегии»⁸⁹⁰, поданные в 2007 году, и касавшиеся поведения военнослужащих из контингента под руководством НАТО – Сил для Косова (СДК/*KFOR*), который, в свою очередь, действовал в соответствии с мандатом

v. Portugal. Judgments of 15 December 2004. Summaries of Judgments, Advisory Opinions and Orders of the International Court of Justice. 2004.

⁸⁸⁵ International Court of Justice Reports. 1999. P. 10.

⁸⁸⁶ Решение Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 12 декабря 2001 года по вопросам приемлемости для рассмотрения по существу жалобы «Банкович и другие заявители против Бельгии» (жалоба N52207/99)

⁸⁸⁷ Решение Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 14 декабря 2006 года по делу «Маркович и другие против Италии» (жалоба № 1398/03)

⁸⁸⁸ Решение Большой Палаты Европейского Суда по правам человека 12 декабря 2001 года по вопросам приемлемости для рассмотрения по существу жалобы «Банкович и другие заявители против Бельгии» (жалоба N52207/99)

⁸⁸⁹ Там же.

⁸⁹⁰ European Court of Human Rights. Decision (Grand Chamber) of 2 May 2007 on the admissibility of applications No. 71412/01 and No. 78166/01.

Организации Объединенных Наций. В деле «Бехрами и Бехрами против Франции» истцы утверждали, что именно Франция должна нести международную ответственность, поскольку она не только проголосовала за начало военной операции в Совете НАТО, но и приняла на себя руководство Многонациональными группировками Севера и Востока»⁸⁹¹, а в деле «Сарамати против Франции, Германии и Норвегии» истец объяснял перечень стран-ответчиков тем, «что он был арестован по приказу норвежского командира, содержался под стражей по приказу французского командира, а затем в его дело вмешался немецкий офицер»⁸⁹².

Сложность подобных дел заключается в том, что ответственность НАТО за контингент *KFOR* была непосредственно связана с ответственностью Организации Объединенных Наций, поскольку НАТО действовала на основании мандата, полученного от ООН. В итоге, ЕСПЧ пришел к выводу, что ответственность ООН в данном деле первична и заявил, что не обладает юрисдикцией, позволяющей вмешиваться в дела ООН, связанные с поддержанием международного мира и безопасности. В 2009 году ЕСПЧ также особо отмечал, что «не обладает юрисдикцией для рассмотрения жалоб против ООН»⁸⁹³.

Кроме того, было указано на недопустимость контроля ЕСПЧ в вопросах, регулируемых резолюциями Совета Безопасности, поскольку это означало бы вмешательство в исполнение основной миссии ООН по поддержанию международного мира и безопасности. В делах «Галич и

⁸⁹¹ Сазонова К.Л., Холиков И. В. Проблемные вопросы реализации международной ответственности международных организаций за нарушения норм международного гуманитарного права//Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. 2022. № 4 (297). С.108.

⁸⁹² Там же.

⁸⁹³ Решение Большой Палаты Европейского Суда по правам человека «Галич против Нидерландов» (жалоба № 22617/07) и «Благоевич против Нидерландов» (жалоба № 49032/07) от 9 июня 2009 г.

Благоевич против Нидерландов» 2009 г. Суд также резюмировал, что «не обладает юрисдикцией для рассмотрения жалоб против ООН»⁸⁹⁴.

Схожая проблематика также рассматривалась в делах ЕСПЧ «Касумай против Греции»,⁸⁹⁵ «Галич и Благоевич против Нидерландов»⁸⁹⁶, «Гаджич против Германии»,⁸⁹⁷ «Берич и другие против Боснии и Герцеговины».⁸⁹⁸ В целом, можно констатировать, что «ни один суд, ни национальный, ни международный, не удовлетворил иски, вытекающие из факта бомбежек НАТО в Югославии»⁸⁹⁹. По меткому выражению юриста Б. Симмы, правовая ситуация вокруг косовского кризиса стала «впечатляющим доказательством того, как сложные случаи порождают «плохое» право»⁹⁰⁰. Тем не менее, нельзя не признать, что данные дела представляют «значительный научный интерес для тематики защиты прав человека в период проведения миротворческих операций»⁹⁰¹.

В других международных инстанциях по вопросу натовских бомбардировок найти также не удалось. Специальный Комитет при Международном трибунале по бывшей Югославии, рассматривавший вопрос

⁸⁹⁴ Решение Большой Палаты Европейского Суда по правам человека «Галич против Нидерландов» (жалоба № 22617/07) и «Благоевич против Нидерландов» (жалоба № 49032/07) от 9 июня 2009 г.

⁸⁹⁵ European Court of Human Rights. Decision of 16 October 2007 on the admissibility of applications nos. 36357/04, 36360/04, 38346/04, 41705/04, 45190/04, 45578/04, 45579/04, 45580/04, 91/05, 97/05, 100/05, 1121/05, 1123/05, 1125/05, 1129/05, 1132/05, 1133/05, 1169/05, 1172/05, 1175/05, 1177/05, 1180/05, 1185/05, 20793/05 and 25496/05.

⁸⁹⁶ Решение Большой Палаты Европейского Суда по правам человека «Галич против Нидерландов» (жалоба № 22617/07) и «Благоевич против Нидерландов» (жалоба № 49032/07) от 9 июня 2009 г.

⁸⁹⁷ European Court of Human Rights. Decision of 28 August 2007 on the admissibility of application no. 31446/02.

⁸⁹⁸ European Court of Human Rights. Decision of 16 October 2007 on application 'Beric and 25 Others v. Bosnia and Herzegovina'. No. 36357/04.

⁸⁹⁹ Rosen N. How are Multinational NATO Operations Responsible for International Humanitarian Law Violations?//The Fletcher Forum of World Affairs. Vol. 37. No.3. 2013. P. 164.

⁹⁰⁰ Simma B. NATO, the UN and the Use of Force: Legal Aspects//European Journal of International Law. Vol.10. P.14.

⁹⁰¹ Sari A. Jurisdiction and International Responsibility in Peace Support Operations: The Behrami and Saramati case// Human Rights Law Review. Vol.8. 2008. P.2.

бомбардировок НАТО в рамках операции «Союзная сила», посоветовал прокурору не начинать официальный процесс по фактам бомбардировок.⁹⁰²

В национальных судах, куда отдельные индивиды, являющиеся родственники погибших во время бомбардировок Белграда, пытались подавать иски против государств-членов НАТО, иски также не принимались к рассмотрению по причине государственных иммунитетов. В сентябре 2000 года окружной суд Белграда приговорил к двадцати годам лишения свободы высокопоставленных политиков и военных деятелей, участвовавших в санкционировании бомбардировок, однако данная мера не имела какого бы то ни было реального воздействия.

В доктрине по данному вопросу существуют две противоположные позиции. В рамках первой, подлинная вина лежит не на ООН и не на НАТО, а на конкретных государствах, которые фактически манипулировали обеими организациями и лишь запутывали процесс: «Хотя KFOR осуществляли свою деятельность под командованием и контролем НАТО, отдельные государства, предоставлявшие войска, имели на них столь значительное влияние, что фактически очень сложно признать KFOR подотчетными НАТО».⁹⁰³

Другие авторы, наоборот, утверждали, что «обеспечить ответственность НАТО за нарушения норм международного гуманитарного права будет проще, если говорить об ответственности организации в целом, а не отдельных ее членов. Будет проще собирать доказательства, выплачивать компенсации пострадавшим, которые будут иметь дело с одной структурой»⁹⁰⁴.

По сути, единственным способом если не привлечь страны НАТО к международной ответственности за бомбардировки бывшей Югославии, то хотя бы зафиксировать факты их преступлений и сохранить их доступными

⁹⁰² Benvenuti P. The ICTY Prosecutor and the Review of the NATO Bombing Campaign Against the Federal Republic of Yugoslavia//European Journal of International Law. Vol.12. No. 3. 2001. P. 503.

⁹⁰³ Sari A. Jurisdiction and International Responsibility in Peace Support Operations: The Behrami and Saramati case// Human Rights Law Review. Vol.8. 2008. P. 5.

⁹⁰⁴ Rosen N. How are Multinational NATO Operations Responsible for International Humanitarian Law Violations?//The Fletcher Forum of World Affairs. Vol. 37. No.3. 2013. P.168.

широкой общественности, стали так называемые «общественные трибуналы». В своей работе трибуналы опирались, в том числе, на «Белые книги», составленные Союзным министерством иностранных дел бывшей Югославии, и содержащие массу документальных свидетельств о преступлениях НАТО.⁹⁰⁵

На «Международном общественном трибунале по преступлениям НАТО в Югославии», созданным в 1999 году на базе съезда Международного союза общественных объединений «Всеславянский Собор» (председателем был российский юрист-международник, профессор М.Н. Кузнецов), обвинялись высокопоставленные политики и военные деятели из стран НАТО, участвовавшие в санкционировании бомбардировок бывшей Югославии⁹⁰⁶. Кроме того, на этом общественном трибунале также констатировались серьезные нарушения международного гуманитарного права, а также действия, которые подходят под описанную в настоящей диссертации категорию «международного терроризма» (например, бомбардировки президентской резиденции и посольств).

Помимо этого, «Трибунал призывал признать деятельность НАТО преступной по своим целям и практической деятельности, а также призывал привлечь НАТО, как международную организацию, к международно-правовой ответственности за грубое нарушение общепризнанных норм и принципов международного права и обязать ее возместить экономический, политический и моральный ущерб»⁹⁰⁷.

⁹⁰⁵ См. «Преступления НАТО в Югославии. Документальные свидетельства. 24 марта – 24 апреля 1999 г.» Том I. Белград, 1999. 432 с.; «Преступления НАТО в Югославии. Документальные свидетельства. 25 апреля – 10 июня 1999 г.» Том II. - Белград, 2000. 568 с.

⁹⁰⁶ Вердикт Международного общественного трибунала по преступлениям НАТО в Югославии. София, 1 октября 2000. URL: <http://www.whiteworld.ru/rubriki/000111/000/01021204.htm> (дата обращения 05.09.2024).

⁹⁰⁷ Сазонова К.Л. Вопросы международно-правовой ответственности Организации Североатлантического договора (НАТО): теоретико-концептуальные аспекты и ключевые юридические коллизии по итогам осуществленных операций// Национальная безопасность. №2. 2016.– С. 188.

Б. Операция НАТО в Афганистане (2001-2021 гг.)

С 1996 года большая часть Афганистана контролировалась радикальным исламским движением «Талибан»⁹⁰⁸, имеющим подразделения в нескольких странах Ближнего Востока. Движение известно своими призывами к строгому следованию религиозным нормам и предписаниям, а также было известно громкими террористическими акциями в Пакистане, Индии, Ливане и других странах. Совет Безопасности ООН признал связь Талибана с международной террористической организацией «Аль-Каида»⁹⁰⁹. После расследований трагических событий 11 сентября 2001 года в США, американское правительство заявило о том, что ответственность за террористические акты лежит именно на «Аль-Каиде», которая, на тот момент, возглавлялась находившимся на территории Афганистана Усамой бен Ладеном⁹¹⁰. Основанием для операции НАТО в Афганистане стала ссылка на ст.51 Устава ООН, в котором санкционируется право государств на индивидуальную и коллективную самооборону. Вопрос о правомерности ссылки на данную статью в случаях, когда стороной конфликта выступает не другое государство, а террористическая организация, подробно рассмотрен в Главе 2 настоящего исследования.

В октябре 2001 года США начали в Афганистане операцию «Несокрушимая свобода». Со ссылкой на реализацию права на коллективную самооборону, вскоре к ним присоединились войска НАТО. В декабре 2001 года резолюцией Совета Безопасности ООН 1386 были учреждены Международные силы содействия безопасности в Афганистане (*International Security Assistance Force/ISAF*). В разное время в составе контингента

⁹⁰⁸ По состоянию на ноябрь 2024 года запрещено в России.

⁹⁰⁹ См. The List established and maintained by the Committee pursuant to resolutions 1267 (1999) and 1989 (2011) with respect to individuals, groups, undertakings and other entities associated with Al-Qaida. URL: http://www.un.org/sc/committees/1267/aq_sanctions_list.shtml (дата обращения 05.09.2024)

⁹¹⁰ Watson D. L. Executive Assistant Director, Counterterrorism/Counterintelligence Division, FBI. The Terrorist Threat Confronting the United States. Congressional Testimony before the Senate Select Committee on Intelligence. Federal Bureau of Investigation. 6 February 2002.

принимали участие военнослужащие из 50 государств, при этом самым многочисленным всегда был американский контингент. С 2003 года руководство *ISAF* фактически осуществляла НАТО. Необходимо отметить, что ни одна резолюция Совета Безопасности ООН не передавала руководство *ISAF* Альянсу, эта передача произошла с молчаливого согласия ООН. Российские специалисты отмечают: «11 августа 2003 года НАТО самовольно взяло на себя командование войсками Международных сил содействия безопасности, действующих по мандату ООН, что является беспрецедентным фактом в международном праве»⁹¹¹.

В 2014 году контингент *ISAF* покинул территорию Афганистана, и там остался лишь контингент американских военных. 31 августа 2021 года, после двадцати лет военной операции, американские войска были выведены с территории Афганистана, а движение «Талибан», свергнутое американцами в 2001 году, снова стало осуществлять власть в Афганистане.

Попытки привлечения НАТО к ответственности за нарушения международного права в период операции в Афганистане

Вторжение НАТО в Афганистан привело не только к существенной перестройке всей социальной системы афганского общества, но и к большому количеству жертв среди гражданского населения, которое до сих пор официально не объявлено. Согласно данным, которые приводит Брауновский университет в США, всего в результате двадцатилетней войны погибло порядка 243 000 человек, что включает также смерти, вызванные потерями доступа к воде, продовольствию и «другие косвенные последствия войны»⁹¹².

⁹¹¹ Иванов В.П. О реализации ответственности США и НАТО за ликвидацию планетарного центра наркопроизводства в Афганистане//Государственный антинаркотический комитет. 05.03.2014. URL: http://www.ucfo-gak.ru/documentation/speech/?ELEMENT_ID=817 (дата обращения 05.09.2024)

⁹¹² Human and budgetary costs to date of the U.S. war in Afghanistan, 2001-2022. URL: <https://watson.brown.edu/costsofwar/figures/2021/human-and-budgetary-costs-date-us-war-afghanistan-2001-2022> (дата обращения 05.09.2024)

Также в прессу периодически попадали шокирующие факты об издевательствах натовских солдат над местными жителями.⁹¹³

Помимо гражданских жертв и нарушения международного гуманитарного права, еще одним следствием военной операции НАТО в Афганистане стал существенный рост наркопроизводства в регионе. По отдельным подсчетам, «объёмы производства героина выросли более чем в 40 раз»⁹¹⁴. Экс-председатель Государственного антинаркотического комитета В.П. Иванов утверждал, что «США и НАТО несут прямую ответственность за катастрофический рост наркопроизводства в Афганистане и за отказ от его ликвидации»⁹¹⁵, однако современная стадия развития права международной ответственности пока не позволяет данную ответственность реализовать.

Влияние присутствия США и НАТО на наркопроизводство Афганистана отмечают не только отечественные специалисты, но крупнейшие зарубежные. Например, британцы А. Маккой и П.Д. Скотт пришли к выводу, что там, где США вели войну с наркотиками, их производство, как ни странно, обычно возрастало.⁹¹⁶ Также показательно высказывание П. Арлакки, экс-заместителя Генерального Секретаря ООН: «Настало время признать, что военная интервенция США и НАТО в Афганистане провалилась, и, более того, привела к ухудшению безопасности в регионе»⁹¹⁷.

Можно констатировать, что концепция «эффективного контроля» при определении вопросов ответственности в период проведения операции в

⁹¹³ См., например, The 'Kill Team' in Afghanistan//Der Spiegel. 21 March 2011.URL: <http://www.spiegel.de/fotostrecke/photo-gallery-the-kill-team-in-afghanistan-fotostrecke-65981-2.html> (дата обращения 05.09.2024)

⁹¹⁴ Иванов В.П. О реализации ответственности США и НАТО за ликвидацию планетарного центра наркопроизводства в Афганистане//Государственный антинаркотический комитет. 05.03.2014. URL: http://www.ucfo-gak.ru/documentation/speech/?ELEMENT_ID=817 (дата обращения 05.09.2024)

⁹¹⁵ Там же.

⁹¹⁶ См., например McCoy A. The Politics of Heroin: CIA Complicity in the Global Drug Trade. Lawrence Hill Books, 2nd ed. 2003. P. 449; Scott P.D. Drugs, Oil and War: The United States in Afghanistan, Colombia and Indochina. Rowman&Litterfield Publishers. 2003. P.75.

⁹¹⁷ Арлакки П. Катастрофа США и НАТО в Афганистане// Материалы международной научно-практической конференции «НАТО: Мифы и реальность. Уроки для России и мира». Москва, 15 мая 2012 г. ИНВИССИН, 2012. С. 60.

Афганистане была, фактически, дискредитирована. Сегодня вообще не представляется возможным четко разделить действия США, НАТО и *ISAF*. Р. Розофф указывает также на то, что весьма активно осуществлялось сотрудничество по линии так называемых «партнерских» программ, когда некоторые страны, формально не являясь «странами, выделяющими контингенты войск», поставляли в Афганистан под командование НАТО свои воинские контингенты и кадры служб безопасности: «Среди этих стран Колумбия, Египет («Средиземноморский диалог»), Япония («Глобальные партнеры»), Молдова «Партнерство ради мира» и ряд других»⁹¹⁸.

Единственным форматом действий НАТО, которые можно связать с ответственностью, стало добровольное принесение извинений. Российский исследователь М.В. Кривенкова относит подобные действия к сатисфакции,⁹¹⁹ хотя вряд ли подобные действия можно отнести к формам ответственности вообще. Можно ли считать, например, принесение извинений руководством одной из стран-членов НАТО, или отдельными командующими, официальным извинением от имени всего Альянса? Очевидно, что разработка ответов на подобные вопросы является одной из задач дальнейшего развития международного права.

Например, представители НАТО принесли извинения Афганистану в 2011 году, когда в результате бомбардировки в афганской провинции Гельменд погибли около 20 мирных жителей. В марте 2011 года немецкая газета *Der Spiegel* опубликовала шокирующие фото американских военных – членов *ISAF*, глумящихся над афганскими гражданами, в том числе подростками⁹²⁰, под заголовком «Команда убийц в Афганистане». После этого

⁹¹⁸ Розофф Р. НАТО: от трансатлантического альянса до глобальной военной машины// Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в постсоветский период. М.,ИНВИССИН, Кучково поле, 2014. С. 49.

⁹¹⁹ Кривенкова М.В. Формы нематериальной ответственности международных организаций. №1. 2012. URL: http://e-notabene.ru/wl/article_367.html#6 (дата обращения 05.09.2024).

⁹²⁰ The 'Kill Team' in Afghanistan//Der Spiegel. 21 March 2011. URL: <http://www.spiegel.de/fotostrecke/photo-gallery-the-kill-team-in-afghanistan-fotostrecke-65981-2.html> (дата обращения 05.09.2024)

на сайте Пентагона появилось официальное извинение за действия американских солдат, где было сказано, что Пентагон «извиняется за расстройство, которое могли вызвать эти фото»⁹²¹. В сентябре 2011 года в прессу снова попали фотографии зверских издевательств, которые американские члены *ISAF* позволяли себе, в том числе отрезание частей тела у живых афганцев, отрезание голов у трупов и т.д.⁹²² 23 сентября Пентагон снова принес свои официальные извинения за эти инциденты.

В 2012 году большой общественный резонанс получило сжигание американскими солдатами *ISAF* нескольких экземпляров Корана на авиабазе в г. Баграм. После того, как афганцы нашли обугленные экземпляры на помойке, в стране начались массовые акции протеста. Президент США Б. Обама в феврале 2012 года отправил президенту Афганистана Х. Карзаю письмо с официальными извинениями за сожжение Корана солдатами НАТО. Кроме того, на сайте Пентагона вновь появились извинения, где было сказано, что «весь персонал *ISAF* пройдет тренинг по обращению с религиозными материалами»⁹²³. Безусловно, подобные заверения не могут считаться достаточными и фактически дискредитируют саму концепцию международной ответственности как государств, так и международных организаций.

В. Операция НАТО в Ливии (2011 г.)

26 февраля 2011 года Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию 1970 «Мир и безопасность в Африке», которая вводила против Ливии санкции в военной и финансовой области. После этого, ливийский лидер М. Каддафи выступил с инициативой создания специальной следственной комиссии, которая могла бы объективно оценить события,

⁹²¹ Statement by the Army on Photographs Published by Der Spiegel. US Department of Defense. March 21, 2011.

⁹²³ Carter Offers Apologies to Afghan Leaders//US Department of Defense. URL: <http://www.defense.gov/news/newsarticle.aspx?id=67286> (дата обращения 05.09.2024)

происходящие в стране, однако данная просьба не была услышана.⁹²⁴ Операция в Ливии началась после принятия резолюции Советом Безопасности ООН 1973 (2011) от 17 марта 2011 года. Буквально за несколько месяцев конфликт, который по существу являлся внутрисударственным, стал объектом пристального внимания всего международного сообщества. Изначально, ситуация на территории Ливии вообще не предполагала внешнего силового вмешательства. Ливийское правительство вполне законно применило силу для ликвидации беспорядков на востоке страны в г. Бенгази. Однако, в случае с Ливией, даже решительные действия власти не смогли остановить хорошо подготовившуюся к выступлениям оппозицию, активно поддерживаемую западными странами.

Показательно также, что за день до начала операции ООН, М. Каддафи объявил о прекращении огня, и пригласил в страну любых желающих экспертов для оценки ситуации, однако его призывы никак не изменили сроки начала операции по принуждению к миру под эгидой ООН. Важно также отметить, что резолюции СБ ООН 1970 и 1973 по Ливии «были приняты Советом Безопасности ООН в условиях отсутствия официального представителя Ливийской Джамахирии, поскольку постоянный представитель страны и его заместитель оперативно «перешли на сторону оппозиции», а вновь назначенным в ООН ливийским дипломатам США въездную визу не давали»⁹²⁵.

Резолюция Совета Безопасности ООН 1973, ссылаясь на «эскалации насилия и большое число жертв среди гражданского населения», а также необходимость «обеспечить защиту гражданского населения и мест его проживания», предполагала создание над Ливией бесполетной зоны, введение

⁹²⁴ Каддафи просит ООН направить в Ливию специальную следственную комиссию//Российское агентство правовой и судебной информации. 24.03.2011. URL:http://infosud.ru/international_news/20110302/251963522.html (дата обращения 05.09.2024).

⁹²⁵ Чамов В. Ливия: что такое «бесполетная зона»? 30 тысяч вылетов авиации НАТО»/Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в постсоветский период. М. ИНВИССИН, Кучково поле, 2014. С 359.

эмбарго на поставки оружия, а также введение экономических санкции, в том числе заморозка активов ливийского фонда государственного имущества и Центрального банка страны. Резолюция содержала важную оговорку, согласно которой запрет на полеты над территорией Ливии не распространялся на самолеты с гуманитарным грузом, а также на «другие полеты, которые будут сочтены необходимыми для блага ливийского народа»⁹²⁶. Данную формулировку можно трактовать как легализованное право на военное вмешательство.

Особенностью проведенной операции явилось несоблюдение принципа беспристрастности, декларируемое в качестве важнейшего показателя миротворчества ООН. Через день после принятия Советом Безопасности ООН резолюции 1973 началось активное вмешательство НАТО в проведение операции. Изначально Альянс публично отказывался от руководства операцией, однако с 31 марта 2011 года взял на себя командование, сначала частично, а затем и полностью. Операция по созданию бесполетной зоны, которую ООН поручила провести НАТО, носила название «Союзный защитник» и проводилась при активном участии не только военно-воздушных, но и военно-морских сил, и вышла очень далеко за рамки мандата резолюции 1973. В операции принимали участие военные силы США, Великобритании, Канады, Бельгии, Нидерландов, Испании, Румынии, Италии, Болгарии, Греции и Турции.

Требование о «создании бесполетной зоны» страны Альянса интерпретировали весьма своеобразно – полностью уничтожив военно-воздушные силы Ливии, причем сделав это менее чем за пять дней с момента получения мандата.⁹²⁷ Затем были нанесены массированные бомбовые удары по нескольким военным и авиабазам, аэродромам и портам, по оружейным

⁹²⁶ Чамов В. Ливия: что такое «бесполетная зона»? 30 тысяч вылетов авиации НАТО»/Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в постсоветский период. М. ИНВИССИН, Кучково поле, 2014. С 359.

⁹²⁷ Libya crisis: Gaddafi's air force 'unable to fight'// BBC News. 23 March 2011. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-africa-12837330> (дата обращения 05.09.2024)

складам, несколько объектов радиоэлектронной разведки, несколько кораблей береговой охраны, практически полностью были уничтожены артиллерийские батареи, танки и бронемашины, воевавшие на стороне М. Каддафи. 25 апреля 2011 года начались бомбардировки г. Триполи, в ходе которых были нанесены существенные повреждения резиденции Каддафи. Через несколько дней бомбы были сброшены на его дом, в результате чего погиб младший сын Каддафи и трое его внуков. Когда 15 мая представитель ООН нанес визит в Ливию и пообщался с новым правительством, его попросили, чтобы НАТО прекратила операцию.⁹²⁸ Однако буквально через несколько дней Альянс продолжил широкомасштабные бомбардировки Триполи, продолжавшиеся, с короткими перерывами, более месяца.

Необходимо отметить, что в ходе операции НАТО в Ливии концепция «эффективного контроля» была окончательно дискредитирована, потому что действия НАТО в ходе данного конфликта фактически состояли из отдельных операций различных стран-членов Альянса, но формально под эгидой НАТО. Так, США совместно с Норвегией осуществили операцию «Рассвет Одиссея» с использованием военно-морских и военно-воздушных сил, корпуса морской пехоты США, а также с участием военно-воздушных сил Норвегии. Франция провела операцию «Харматан» с участием военно-воздушных и военно-морских сил. С участием военно-воздушных сил, Великобританией была проведена операция «Эллами», а Канадой – операция «Мобайл». В докладе специальной комиссии при Совете ООН по правам человека по этому поводу была следующая интересная формулировка: «НАТО осуществляло контроль над созданием бесполетной зоны, а отдельные страны-члены НАТО осуществляли контроль над авиаударами своими силами».⁹²⁹

⁹²⁸ Ливия попросила ООН о перемирии// Lenta.ru. 16 мая 2011. URL: <http://lenta.ru/news/2011/05/16/ceasefire/> (дата обращения 05.09.2024)

⁹²⁹ International Commission of Inquiry on Libya Report. Human Rights Council. 19th session. Doc. A/HRC/19/68. 2 March 2012. P. 18. URL: <http://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/RegularSession/Session19/A.HRC.19.68.pdf> (дата обращения 05.09.2024)

Основную тенденцию в настроениях ведущих политиков стран-членов НАТО периода проведения операции в Ливии можно определить как курс на целенаправленное свержение М. Каддафи. Например, в ряде СМИ прошла информация о том, что британские военные непосредственно помогали повстанцам в штурме Триполи.⁹³⁰ Впоследствии подобные настроения трансформировались в крайне позитивную реакцию представителей западных стран на кровавую и абсолютно варварскую казнь бывшего руководителя Ливии,⁹³¹ которая своим фактом стала вызовом как основам концепции прав человека, так и современному международному праву в целом.

Сегодня уже можно констатировать, что операция в Ливии проводилась с многочисленными нарушениями международного права и имела четкую антиправительственную направленность. Тем не менее, тот факт, что операция формально проводилась под эгидой ООН, постоянно подчеркивался представителями правового департамента НАТО: «Операция НАТО «Союзный защитник» являлась операцией, осуществленной Альянсом в исполнении своих обязательств как членов ООН».⁹³² При этом очевидно, что действия НАТО в Ливии в 2011 году вышли очень далеко за пределы резолюции ООН 1973, которая предписывала установить лишь беспилотную зону над Ливией, и не предполагала нанесения бомбовых ударов по объектам на суше и на море. Показательно, что Совет Безопасности ООН никак не отреагировал на грубое нарушение собственной резолюции и вопрос об ответственности за подобное превышение полномочий даже не был поставлен. Соответственно, в глазах значительной части международного сообщества

⁹³⁰ Libya: secret role played by Britain creating path to the fall of Tripoli//The Telegraph. 22 August 2011.

URL:<http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/africaandindianocean/libya/8716758/Libya-secret-role-played-by-Britain-creating-path-to-the-fall-of-Tripoli.html> (дата обращения 05.09.2024)

⁹³¹ США и ЕС радуются смерти Каддафи// Newsland, 20.10.2011 URL: <http://newsland.com/news/detail/id/806880/> (дата обращения 05.09.2024)

⁹³² NATO Legal Adviser. Letter from 23 January 2012. P.1. URL: http://www.nato.int/nato_static/assets/pdf/pdf_2012_05/20120514_120514-NATO_1st_ICIL_response.pdf (дата обращения 05.09.2024)

операция НАТО в Ливии выглядела как операция, полностью санкционированная Организацией Объединенных Наций, что дискредитирует последнюю.

После окончания операции НАТО в Ливии, в Совете ООН по правам человека была создана комиссия, состоящая из Ф. Кирша, первого председателя Международного уголовного суда, иорданского правозащитника А. Хадера, а также эксперта ООН по правам человека Ш. Бассиуни, которая в своем докладе оценила ливийскую операцию НАТО как «высокоточную кампанию с очевидным желанием избежать жертв среди мирного населения»⁹³³, при том, что, по отдельным оценкам, «в период с начала операции до конца мая 2011 года в результате авиаударов НАТО по территории Ливии погибли 718 и были ранены 4067 человек»⁹³⁴. Также весьма показательным, что «сами офицеры военных контингентов НАТО понимали, что занимаются в Ливии далеко не миротворчеством»⁹³⁵, а командиры натовских контингентов весьма беспокоила персональная ответственность в будущем, согласно Нюрнбергским принципам.⁹³⁶

В докладе Комиссии базе Совета ООН по правам человека были названы совсем иные цифры по количеству жертв, чем те, что озвучивались в различных СМИ в период операции. Так, Комиссия говорит в своем докладе лишь о «60 убитых и 55 раненых»⁹³⁷ за всю кампанию. И при этом Комиссия

⁹³³ International Commission of Inquiry on Libya Report. Human Rights Council. 19th session. Doc. A/HRC/19/68. 2 March 2012. P. 1-2. URL: <http://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/RegularSession/Session19/A.HRC.19.68.pdf> (дата обращения 05.09.2024).

⁹³⁴ Жертвы натовских бомбардировок в Ливии // Зарубежное военное обозрение. № 1 (778). 2012. С.106.

⁹³⁵ Сазонова К.Л., Холиков И. В. Проблемные вопросы реализации международной ответственности международных организаций за нарушения норм международного гуманитарного права//Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. 2022. № 4 (297). С.109.

⁹³⁶ Григорьев А. Военные НАТО боятся Нюрнбергского Суда за Ливию// Аргументы.ру. 30 сентября 2011. URL: <http://argumentiru.com/world/2011/09/127361?type=all> (дата обращения 05.09.2024)

⁹³⁷ International Commission of Inquiry on Libya Report. Human Rights Council. 19th session. Doc. A/HRC/19/68. 2 March 2012. P. 16. URL:

приходит к выводу о том, что «НАТО не преследовало цели специально уничтожать гражданское население»⁹³⁸. Комиссия ООН по правам человека подтвердила то, что НАТО сбрасывали предупреждающие листовки для мирных жителей с просьбой покинуть зоны боевых действий,⁹³⁹ однако вряд ли это может служить достаточным основанием для оправданий действий Альянса. Таким образом, по мнению Комиссии, «обвинения в адрес НАТО были преувеличены и были преднамеренной попыткой дезинформации»⁹⁴⁰. Комиссия признала, что в результате ударов авиации НАТО «была разрушена гражданская инфраструктура в местах, где вообще нет военных объектов»⁹⁴¹, однако из-за отсутствия необходимой информации, Комиссия не смогла точно установить, были ли эти разрушения связаны ошибками в результате неверных данных натовской разведки, или же были сделаны специально, и как это «соотносится с заявленной НАТО целью принять все необходимые меры, чтобы избежать жертв среди мирного населения»⁹⁴².

Сотрудники центра *Civilians in Conflicts* отмечали, что авиация НАТО «бомбила больницы, жилые дома, зернохранилища, завод по производству кислорода для больных, поджигала финиковые плантации – все эти объекты нельзя назвать военными, а постоянно списывать их на некие «ошибки» и «непроверенные данные», как это любит делать командование Североатлантического альянса, кощунственно и, по меньшей мере, бессмысленно»⁹⁴³.

<http://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/RegularSession/Session19/A.HRC.19.68.pdf> (дата обращения 05.09.2024)

⁹³⁸ International Commission of Inquiry on Libya Report. Human Rights Council. 19th session. Doc. A/HRC/19/68. 2 March 2012. P. 16. URL: <http://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/RegularSession/Session19/A.HRC.19.68.pdf> (дата обращения 05.09.2024).

⁹³⁹ Ibidem.

⁹⁴⁰ Ibidem.

⁹⁴¹ Ibid.

⁹⁴² Ibid.

⁹⁴³ Non-Binding Guidelines for Payments in Combat-Related Cases of Civilian Casualties or Damage to Civilian Property. NATO 20 September 2010. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_65114.htm?selectedLocale=en (дата обращения 05.09.2024)

Миротворческие контингенты НАТО применяли оружие с обедненным ураном, а термобарические бомбы с усиленным воздействием, вакуумные бомбы *Fuel Air Explosive/FAE*, выжигающие кислород на несколько километров вокруг,⁹⁴⁴ бомбы с белым фосфором,⁹⁴⁵ однако Комиссия при Совете по правам человека проигнорировала эти факты. Форма ответственности, которая была рекомендована Комиссией – добровольная компенсация *ex gratia* в соответствии с принципами НАТО по выплатам гражданскому населению 2010 года⁹⁴⁶. Хотя и с весьма большой долей условности, можно усмотреть признаки сатисфакции в форме выражения сожаления в письме юрисконсульта НАТО П. Олсон председателю Комиссии по Ливии П. Хиршу: «Хотя ни одна комплексная кампания не может исключать жертвы среди мирного населения, НАТО глубоко сожалеет за любой подобный ущерб, нанесенный ее ударами».⁹⁴⁷

Необходимо отметить, что после выступлений в авангарде Альянса в период операций в Югославии и Афганистане, стратегия США в ливийском конфликте состояла в уходе с позиций лидера организации, по крайней мере, в глазах международного сообщества: «Уклонение» США, которые придерживались позиции «руководство из-за спины» (*leadership from behind*), от непосредственной вооруженной вовлеченности в ливийский конфликт в

⁹⁴⁴ Libye – l'OTAN utilise une bombe FAE. 18.10.2011. URL: <http://www.algeria-isp.com/actualites/politique-libye/201110-A6546/libye-otan-utilise-une-bombe-fae-fuel-air-explosive-surnomme-bombe-atomique-pauvre-bani-walid-octobre-2011.html> (дата обращения 05.09.2024)

⁹⁴⁵ Libye – Les avions de l'otan bombardent Bani Walid avec des bombes au phosphore blanc. 18 octobre 2011. URL: http://www.alterinfo.net/notes/Libye-Les-avions-de-l-otan-bombardent-Bani-walid-avec-des-bombes-au-phosphore-blanc-18-octobre-2011_b3362976.html (дата обращения 05.09.2024)

⁹⁴⁶ Non-Binding Guidelines for Payments in Combat-Related Cases of Civilian Casualties or Damage to Civilian Property. NATO 20 September 2010. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_65114.htm?selectedLocale=en (дата обращения 05.09.2024).

⁹⁴⁷ NATO Legal Adviser Letter. 23 January 2012. P.2.

аналитических оценках натовских экспертов рассматривается как новая реальность»⁹⁴⁸.

Подобное поведение вполне объяснимо с позиций желания перестать ассоциироваться с силой и агрессией, и переориентации на управление с помощью «мягкой силы», спецслужб и финансирования «демократических преобразований» в других государствах. Весьма показательно, что именно в контексте операции в Ливии активно использовалась концепция «ответственности за защиту», которая уже рассматривалась в диссертационном исследовании. Также примечательно, что звучала формулировка «ливийская модель ответственности за защиту»⁹⁴⁹.

Показательно, что конфликт в Сирии начинал развиваться практически аналогично. Представитель военного совета повстанцев Сирии майор С. Курди призывал международное сообщество вновь «решиться на смелый шаг и ввести буферную зону и зону, запретную для полетов, чтобы помочь свергнуть режим Асада»⁹⁵⁰. Если бы не усилия Российской Федерации, направленные на помощь легитимному правительству страны, очевидно, что ливийский сценарий повторился бы вновь.

В целом, «у всех операций НАТО, рассмотренных выше, наблюдается ряд особенностей, которые позволяют сделать выводы об общем «стиле» миротворческой деятельности Альянса:

- правовая база для вмешательства либо отсутствует вовсе, либо мандат на проведение операции существенно превышает (например, начав с

⁹⁴⁸ Воронин Е.Р. Уроки ливийской операции НАТО. 2 января 2012. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document217549.phtml> (дата обращения 05.09.2024)

⁹⁴⁹ Война в Сирии в свете норм международного права о применении государствами силы в международных отношениях//Флот-XXI век. 1 июля 2014. URL: http://blackseafleet-21.com/news/8-01-2014_vojna-v-sirii-v-svete-norm-mezhdunarodnogo-prava-o-primenenii-gosudarstvami-sily-v-mezhdun (дата обращения 05.09.2024)

⁹⁵⁰ Сирия: повстанцы возобновляют военные действия, а арабские страны требуют от ООН интервенции//ИА «Регнум». 5 июня 2012 г. URL:<http://www.regnum.ru/news/polit/1538778.html#ixzz1wvn60xnI> (дата обращения 05.09.2024)

контроля над эмбарго или с обеспечения бесполетной зоны, в результате полностью уничтожается весь военный потенциал страны);

- тотальное разрушение инфраструктуры государства, где проводится операция;

- отношение к жертвам среди мирного населения либо как к неизбежным издержкам, либо же полное отрицание факта наличия жертв;

- применение запрещенного и «негуманного»⁹⁵¹ вооружения;

- откровенная предвзятость и поддержка одной из сторон конфликта; поддержка смены политической власти неконституционным путем»⁹⁵².

В данном контексте, комментарий НАТО к Проекту статей об ответственности международных организаций 2001 года выглядит чуть ли не издевательски: «Любая операция Альянса проводится при полном уважении применимых норм международного публичного права, в том числе международного гуманитарного права и, в зависимости от обстоятельств, принципов и международных норм в области прав человека».⁹⁵³

Что касается того, «каким образом многонациональные контингенты на службе НАТО могут быть привлечены к ответственности за нарушение норм международного гуманитарного права, и могут ли они вообще быть привлечены»,⁹⁵⁴ исследователи проблемы отмечают важность одновременного наличия трех составляющих, а именно правосубъектности; наличия обязательств по международному гуманитарному праву; а также

⁹⁵¹ Данный термин при обозначении оружия использовано, например, в статье Орлова Д. Международные конвенции, запрещающие применение конкретных видов обычного оружия//Зарубежное военное обозрение. №6. 2013. С. 44-46.

⁹⁵² Сазонова К.Л. Вопросы международно-правовой ответственности Организации Североатлантического договора (НАТО): теоретико-концептуальные аспекты и ключевые юридические коллизии по итогам осуществленных операций// Национальная безопасность. №2. 2016.– С. 185.

⁹⁵³ Ответственность международных организаций. Комментарии, полученные от международных организаций. UN Doc. A/CN.4/637. 2011. С.13.

⁹⁵⁴ Rosen N. How are Multinational NATO Operations Responsible for International Humanitarian Law Violations?//The Fletcher Forum of World Affairs. Vol. 37. No.3. 2013. P. 164.

наличия органа, который бы мог привлечь к организацию к ответственности.⁹⁵⁵

Правосубъектность НАТО как международной организации вызывает разные оценки, даже не смотря на наличие Проекта статей об ответственности международных организаций 2011 года. Например, М. Цваненбург полагает, что Североатлантический альянс не обладает правосубъектностью, соответственно, у нее нет и международных обязательств.⁹⁵⁶ В рамках данной позиции, озвучивается мнение, что раз, подписантами международных конвенций являются государства, а не международные организации, поэтому НАТО не является носителем международно-правовых обязательств.⁹⁵⁷

Безусловно, миротворческая деятельность ООН сопряжена с массой проблем и трудностей, но все-таки ООН представляет собой консенсус большинства государств. Но это не означает, что необходимо делегировать миротворческую функцию и передавать миротворческий мандат организации, которая отличается столь значительным опытом нарушения норм и принципов международного права, а также полной безнаказанностью за свои действия.

Безусловно, подобная деятельность не может не вызывать серьезных опасений с позиции обеспечения военной безопасности Российской Федерации. Именно поэтому в Военной доктрине 2014 года наращивание силового потенциала НАТО и попытки «наделения ее глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, приближение военной инфраструктуры стран-членов НАТО к границам Российской Федерации»⁹⁵⁸ находятся на первом месте в перечне основных внешних военных опасностей. Можно констатировать, что, по состоянию на

⁹⁵⁵ Ibid. P. 169.

⁹⁵⁶ Zwanenburg M. *Accountability of Peace Support Operations*. Leiden and Boston. Martinus Nijhoff Publishers. 2005. P. 32.

⁹⁵⁷ См. например, Aspremont J. *Abuse of the Legal Personality of International Organizations and the Responsibility of Member States*// *International Organizations Law Review* Vol. 91. No.4.2007.

⁹⁵⁸ См. Военная доктрина Российской Федерации. 2014 г. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf> (дата обращения 05.09.2024)

сегодняшний день, НАТО, как международная организация, не понесла никакой международной ответственности, за исключением принесения извинений руководством отдельных ее членов, а также выплат платежей *ex gratia*.

Важно еще раз отметить, что предмет настоящего исследования ограничен исследованием перспектив международной ответственности лишь тех международных организаций, которые имеют прописанную в Уставе компетенцию по проведению военно-силовых операций, то есть, организаций коллективной самообороны, как универсальных, так и региональных. Отсутствие выделения данных структур в отдельную группу является слабым местом Проекта статей об ответственности международных организаций 2011 года. При этом, право международной организации на применение силы имеет производный характер, и зависит, во-первых, от функциональной компетенции организации, а, во-вторых, от согласования волеизъявлений государств и принятия коллективного решения о проведении военной операции.

Основными проблемами при установлении и имплементации международной ответственности международных организаций является, во-первых, отсутствие органа международного правосудия, обладающего компетенцией привлекать международную организацию к международной ответственности, а, во-вторых, иммунитет, которым обладают международные организации.

Поскольку отсутствует орган международного правосудия, обладающий компетенцией в отношении установления ответственности международных организаций, важным условием имплементации ответственности, которая обычно выражается в выплате компенсации, является добровольное признание организациями собственной вины.

Если говорить о прецедентах, которые позволяли поставить вопрос о необходимости реализации международной ответственности тех организаций,

которые, в рамках своей компетенции могут аккумулировать вооруженные силы различных государств и проводить военно-силовые операции, можно констатировать, что речь идет таких организациях, как ООН и НАТО. Остальные структуры имеют слишком незначительный компетенцию и слишком незначительный опыт, чтобы ставить вопрос о совершении ими преступлений против мира и безопасности. Кроме того, в случае с потенциальной международной ответственностью ООН и НАТО, вопросы «разделяемой ответственности» с солдатами военных контингентов и сотрудниками частных военных и охранных предприятий, а также распределения полномочий между ООН и НАТО, как это было в период кризисов в Югославии и Ливии, стоят особенно остро.

Анализ конкретных операций, проведенных НАТО, позволил продемонстрировать, что существует объективный пробел в международном праве, связанный с привлечением международных организаций региональной коллективной самообороны к ответственности за грубые нарушения международного права, совершенные во время военно-силовых операций.

ГЛАВА 6

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ИНДИВИДА

КАК ОСНОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

6.1. Эволюция системы международного уголовного правосудия.

Международная ответственность индивидов за агрессию, геноцид, военные преступления и преступления против человечности является довольно молодым институтом современного международного права. Более того, данный институт не является устоявшимся и иерархичным, и даже терминология, связанная с ним, эволюционирует. Связь государства и индивида в данном вопросе была очевидна еще в 1930-е годы: «Совершенно бесспорно, что украсть, оскорбить, убить на войне, как и объявлять войну, может лишь человек, независимо от того, принадлежит ли право объявления войны одному лицу — главе государства — или целому законодательному корпусу»⁹⁵⁹.

Впервые термин «международная уголовная юстиция» был использован в резолюции Совета Безопасности ООН от 12 декабря 1950 года принял резолюцию 489(V). Есть схожий термин – «международная уголовная юрисдикция», например, как отмечал Р.А. Колодкин в своем докладе об иммунитете должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции, «проекты принципов международного права, признанных Уставом Международного военного трибунала и в приговоре Трибунала, так и проекты Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества

⁹⁵⁹ Трайнин А. Н. Защита мира и уголовный закон. Под редакцией и с предисловием А.Я. Вышинского. Москва, Юридическое издательство НКЮ Союза ССР, 1937.С.103.

были связаны концептуально с идеей международной уголовной юрисдикции».⁹⁶⁰

Анализ системы международной юстиции по делам о военных преступлениях относится к одной из самых сложных сфер международного права. Данная тема тесно связана множеством международно-правовых проблем, многие из которых не урегулированы должным образом. Тематика международной уголовной юрисдикции по преступлениям против мира и безопасности человечества затрагивает такие вопросы, как экстрадиция, дипломатические иммунитеты, проблема подсудности, соотношение национального и международного права, и многие другие.

Кроме того, система международной юрисдикции по делам о военных преступлениях развивалась скачкообразно и прерывисто, что актуализирует вопрос о *периодизации ее развития*.

Специалист по уголовному праву И.Ю. Белый предложил разделить процесс становления системы международного уголовного правосудия на три основных этапа⁹⁶¹, однако, по мнению автора диссертации, третий период постепенно подошел к завершению, и наступает четвертый, который также нужно отметить.

Первый период связан с зарождением идей международного правосудия в период с 1815 г. по 1945 г., и отмечен, в основном, доктринальными изысканиями в данной области (Г. Муанье, В.Пелла, Л.А. Камаровский, К. Сальданы, Г. Донежье де Вабр). Из важных международно-правовых событий к указанному периоду относятся положения Версальского договора, посвященные ответственности военных преступников. Ситуация, когда император Вильгельм II укрылся на территории Нидерландов, а немецкие

⁹⁶⁰ Предварительный доклад об иммунитете должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции. Подготовлен Специальным докладчиком Р.А. Колодкиным. Комиссия международного права ООН. 2008. С. 7.

⁹⁶¹ Белый И.Ю. Международное уголовное судопроизводство по делам о военных преступлениях: проблемы становления и перспективы развития. Диссертация д.ю.н. 20.02.03. Москва, 2009. С.68.

офицеры были наказаны лишь на основании Военного уголовного кодекса Германии, наглядно продемонстрировала необходимость создания наднациональной уголовной юрисдикции. К значимому моменту данного периода относится Конвенция Лиги Наций о создании Международного уголовного суда от 30 ноября 1937 г., которая так и не вступила в силу, однако положения которой оказали существенное развитие на дальнейшее развитие системы международного судопроизводства.

В этот период румынский юрист Веспасиан Пелла выдвинул собственную систему наказаний в отношении отдельных лиц, виновных в совершении международных преступлений, которая включала предупреждение, выговор, запрет заниматься дипломатической деятельностью, запрет проживать в определенном месте, а также лишение свободы⁹⁶². Профессор Левит, составивший в 1930-х годах Проект международного уголовного кодекса, считал, что формами международной уголовной ответственности индивида также могут быть штраф, лишение концессионных прав, лишение прав гражданских и изгнание⁹⁶³. При этом, на данном этапе не стоял вопрос о смертной казни в качестве высшей меры наказания за международные преступления индивида.

Ко *второму этапу* развития системы международной уголовной юстиции можно отнести период с 1945 г. по 1993 г., на который существенное влияние оказали послевоенные трибуналы в Нюрнберге и Токио. На данном этапе были заложены основы того, как именно организовать процесс привлечения индивидов к международной ответственности. Данный этап начался весьма ярко и активно, однако после окончания Токийского процесса процесс формирования системы международной уголовной юстиции существенно забуксовал из-за противоречий между постоянными члена

⁹⁶² Pella V. La Criminalité Collective des États et le Droit Penal de L'Avenir. Bucharest: Imprimerie de l'Etat, 1925. P. 182.

⁹⁶³ Данные приводятся в Трайнин А. Н. Уголовная интервенция. Под редакцией А.Я. Вышинского. Москва, из-во «Советское законодательство», 1935. С.56.

Совета Безопасности ООН, которые не позволяли согласовать очередной международный трибунал.

Третий период начался в 1993 г., и характеризовался резким увеличением числа международных судебных органов *ad hoc*, а также созданием постоянно действующего Международного уголовного суда (МУС). В рамках данного этапа, впервые с эпохи послевоенных трибуналов, появились новые трибуналы, в частности, Трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года; Трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие подобные нарушения, совершенные на территории соседних государств период с 1 января 1994 года по 31 декабря 1994 года; Особые коллегии по тяжким преступлениям в Восточном Тиморе; Специальный суд по Сьерра-Леоне; Чрезвычайные палаты в Судах Камбоджи для преследования за преступления, совершенные в период Демократической Кампучии; Специальный суд по Ираку; Специальный суд по Ливану и др.

В этот же период, долгое обсуждение перспектив создания постоянного органа международной уголовной юстиции завершилось принятием в 1998 году на конференции в Риме Статута Международного уголовного суда, вступившего в силу в 2002 году. В 2006 году в МУС начались первые заседания, в 2008 году был выдан первый ордер на арест главы государства [бывший президент Судана Омар аль-Башир), а в 2012 году Суд вынес первый обвинительный приговор. Изначально в юрисдикцию суда входили преступления геноцида, военные преступления и преступления против человечности, однако в 2011 году на конференции в Кампале (Уганда) были приняты поправки по преступлению агрессии в формате статьи 8bis, которые вступили в силу в 2018 году после ратификации двумя третями стран-участниц

Римского Статута, а также была принята Кампальская декларация высокого уровня.⁹⁶⁴

Таким образом, на третьем этапе стало очевидно, что иерархичной упорядоченной системы «международной уголовной юстиции» так и не сложилось, а некоторые ученые полагают, что сам вопрос о существовании данной системы является «весьма сложным и дискуссионным вопросом».⁹⁶⁵ Параллельно друг с другом существуют постоянные (МУС) и непостоянные органы международного правосудия. Последние, в свою очередь, могут быть как международными (послевоенные трибуналы *ad hoc*), так смешанными (например, Особые коллегии по тяжким преступлениям в Восточном Тиморе, создававшиеся при участии временных администраций), а также создаваться на основании резолюций СБ ООН (как, например, Отдел по военным преступлениям Суда Боснии и Герцеговины, созданного на основании резолюции СБ ООН 1503 от 28 августа 2003 года).

6.2 Основные проблемы деятельности международного правосудия в отношении международных преступлений индивидов.

Имплементация индивидами международной ответственности на разных уровнях системы международной уголовной юстиции сталкивается с рядом проблем, как международно-правового, так и политического характера. Рассмотрим подробнее данные проблемы.

1. Проблема соотношения и взаимодействия процессуальных моделей различных правовых систем.

Особенно остро данная проблема проявилась во время трибунала по бывшей Югославии. Профессор А.Б. Мезяев указывает на то, что вопросы

⁹⁶⁴ Kampala Declaration. 4 June 2010. URL: <http://www.icc-cpi.int/NR/rdonlyres/C35392FF-E272-4761-94D0-3878A911E9BC/0/RC4ENG.pdf> (дата обращения 05.09.2024)

⁹⁶⁵ Волеводз А.Г. Современная система международной уголовной юстиции: понятие, правовые основы, структура и признаки // Международное уголовное правосудие: Современные проблемы / Подред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М.: Институт права и публичной политики, 2009. С. 307. Там же.

юридической техники и толкования правовых норм в рамках различных правовых систем существенно отличались. Например, «форма уголовной ответственности в виде участия в «совместных преступных действиях», известная некоторым странам англо-саксонского права и реализованная в МТБЮ, неприменима в государствах романо-германского права»⁹⁶⁶.

Профессор Г.Г. Шинкарецкая также указывает на то, что Совет Безопасности не дал конкретных указаний МТБЮ о том, как именно формировать нормы международного процессуального уголовного права, и как приспособить национальное уголовное право к международному разбирательству.⁹⁶⁷

Некоторые авторы констатируют, что к настоящему времени уже сформировалось особое «право международных уголовных трибуналов», за счет опыта проведения трибуналов по бывшей Югославии, Руанде, Ливану, Сьерра-Леоне и других, обобщившее множество норм уголовного процессуального права различных стран.⁹⁶⁸

Юридические основания создания того или иного органа международного правосудия оказывают непосредственное влияние на применимое право. Например, юрисдикция Специального суда по Сьерра-Леоне позволяет устанавливать ответственность как индивидов, нарушивших международное гуманитарное право, так и индивидов, совершивших серьезные нарушения национального законодательства Сьерра-Леоне.⁹⁶⁹

⁹⁶⁶ Мезяев А.Б. Права обвиняемого в международном уголовном процессе (вопросы теории и практики): автореф. дисс. ... докт. юрид.наук: 12.00.10/Мезяев Александр Борисович. – Москва, 2013. С. 23.

⁹⁶⁷ Шинкарецкая Г.Г. Международные суды и развитие международного права//NB: Международное право. №4.2014. С. 166.

⁹⁶⁸ Федорченко А.А. Право международных уголовных трибуналов // NB: Международное право. №1. 2014. С.88.

⁹⁶⁹ Белый И.Ю., Зорин Ю.В. Развитие принципа индивидуальной уголовной ответственности за военные преступления в международном праве и законодательстве России // Вестник МГЛУ. Выпуск 485. Юридические науки. М., 2004. С.14-15.

2. Проблема установления меры высшего наказания органами международного правосудия.

Одной из ключевых проблем на международно-правовом уровне является вопрос о том, правомочны ли судьи международных трибуналов выносить смертные приговоры. Послевоенные международные трибуналы в Нюрнберге и Токио санкционировали смертную казнь через повешение как наиболее суровую разновидность ответственности подсудных данным трибуналам индивидов. Римский Статут МУС не допускает реализации смертной казни, а самым серьезным видом ответственности является пожизненное лишение свободы.

Соотношение международной и национальной уголовных юрисдикций, рассмотренная в предыдущем пункте, оказывает непосредственное влияние на данный вопрос. Например, в рамках трибунала по Руанде, смертная казнь не могла быть выбрана в качестве меры наказания, однако при этом на территории Руанды действовали суды для лиц, причастных к геноциду и, по разным причинам, не попавшим в сферу юрисдикции трибунала, в которых неоднократно выносились смертные приговоры.

3. Проблема расследования обстоятельств конфликтов.

Дополнительный протокол к Женевским конвенциям 1977 года предполагал создание специальной международной комиссии по установлению фактов, которая бы занималась расследованием нарушений норм международного гуманитарного права. К сожалению, отдельная комиссия так и не была создана. При этом, практика созданий специализированных комиссий на основе решений Совета Безопасности, является довольно популярной. В число задач подобных комиссий может входить установление и сбор фактов, анализ статистики по погибшим в том или ином конфликте, оценка ущерба и пр.

Деятельность таких комиссий является важнейшим условием для последующей объективной оценки действий индивида соответствующим органом международного правосудия. Комиссии по установлению фактов

создавались в 1946-1950 годах для расследования обстоятельств боевых действий между Индией и Пакистаном в штатах Джамму и Кашмир; в промежуток с 1975 по 2000 год для мониторинга ситуации на оккупированных арабских территориях; в 1985-1988 годах для оценки ущерба, нанесенного в результате вторжения в Анголу войск ЮАР; в 1993-1999 годах для установления фактов, связанных с убийством президента Бурунди и последовавших за этим гражданских волнений; в 2004-2007 годах для сбора фактов нарушений международного гуманитарного в Дарфуре, установления фактов геноцида, а также выявления и привлечения к ответственности лиц, виновных в таких нарушениях; в 2004-2007 годах для обзора процедур привлечения к ответственности за серьезные нарушения прав человека, совершенные в бывшем Восточном Тиморе в 1999 году.

Необходимо также отметить усилия Следственного комитета Российской Федерации, в рамках которого, в связи с проведением Специальной военной операции, создано Управление по расследованию военных преступлений, геноцида и реабилитации нацизма. Важнейшее значение, с учетом перспективы привлечения украинских преступников к ответственности, является тщательный сбор информации о совершенных преступлениях.

4. Проблема правомерности создания международных трибуналов ad hoc решениями Совета Безопасности ООН.

Некоторые видные исследователи международной уголовной проблематики, например, А.Б. Мезяев, ставят под сомнение полномочия Совета Безопасности ООН по созданию международных уголовных трибуналов, поскольку сам Совет не обладает судебными функциями. С одной стороны, ст. 29 Устава ООН гласит, что «Совет Безопасности может учреждать такие вспомогательные органы, какие он найдет необходимыми для выполнения своих функций», однако вряд ли независимый судебный орган может иметь вспомогательный характер по отношению к органу

политическому.⁹⁷⁰ С другой стороны, в силу своей специфики Совет Безопасности ООН может принимать решения, которые являются правовой базой миротворческой деятельности организации. В этом ракурсе, вопрос о правомерности создания органов, подобных МТБЮ, не вызывает сомнений.

5. Неурегулированность вопроса о правах обвиняемых в международном уголовном процессе.

В системе органов международного уголовного правосудия в последние двадцать лет неоднократно нарушались права обвиняемых: не была предоставлена необходимая медицинская помощь, не было дано право на последнее слово, не была предоставлена возможность осуществлять защиту лично и т.д. Подробнее данный вопрос рассмотрен в разделе 6.4, посвященном вопросам ответственности глав государств.

6. Проблема выдачи международному правосудию государствами своих граждан и вопросы экстрадиции лиц, получивших политическое убежище.

Законодательство большинства государств закрепляет запрет на выдачу собственных граждан. Например, согласно ст. 61 Конституции России 1., «гражданин Российской Федерации не может быть выслан за пределы Российской Федерации или выдан другому государству». Судан неоднократно отказывался выдавать Омара аль-Башира, ордера на арест которого Международный уголовный суд выдавал, начиная с 2009 года.

С выдачей государством граждан иностранных государств, находящихся на его территории, дело обстоит гораздо сложнее. Вопрос об экстрадиции особенно остро вставал в деле А. Пиночета 1999 г., которого испанское правительство требовало экстрадировать из Великобритании для осуществления суда над ним. Бывшего чилийского диктатора спас дипломатический иммунитет, предоставленный ему как сенатору Чили.

⁹⁷⁰ Мезяев А.Б. Права обвиняемого в международном уголовном процессе (вопросы теории и практики): автореф. дисс. ... докт. юрид.наук: 12.00.10/Мезяев Александр Борисович. – Москва, 2013. С. 3.С. 27.

В новейшее время также известны случаи, когда индивидам, получившим политическое убежище, удается избежать ответственности по национальному и международному праву. Первым был император Вильгельм II, получивший после Первой мировой войны убежище в Нидерландах. В новейшее время такие случаи также случаются. Например, экс-президент Туниса Зин эль-Абидин Бен, заочно приговоренный судом Туниса к тюремному заключению, получил убежище в Саудовской Аравии. Вопросы экстрадиции, в силу специфичности, обычно урегулируются положениями двухсторонних либо же многосторонних договоров о выдаче. Тем не менее, подобные договоры далеко не во всех случаях предполагают выдачу обвиняемых в военных преступлениях. Например, согласно ст. 4 Европейской конвенции о выдаче от 13 декабря 1957 года, выдача в связи с военными преступлениями исключается из сферы применения конвенции.

7. Проблема пристрастности судей.

Данная проблема особенно остро встала в контексте деятельности Международного трибунала по бывшей Югославии. Так, шестьдесят процентов подсудимых трибунала составили представители Сербии и Черногории. Почти всем представителям хорватского командования были вынесены оправдательные приговоры. В 2012 году Постоянный представитель Российской Федерации при ООН В.И. Чуркин на заседании Совета Безопасности ООН, посвященном рассмотрению докладов Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) и Международного трибунала по Руанде (МТР), особо отметил именно проблему необъективности и пристрастности судей, а также явную антисербскую направленность трибунала.⁹⁷¹ С учетом того, что «именно деятельность Международного трибунала по бывшей Югославии стала определённым эталоном

⁹⁷¹ Выступление Постоянного представителя Российской Федерации при ООН В.И. Чуркина на заседании Совета Безопасности ООН в связи с рассмотрением докладов Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) и Международного трибунала по Руанде (МТР). Радио ООН. 5 декабря 2012 г.

применения и толкования норм международного уголовного процесса»⁹⁷², перспективы международного уголовного судопроизводства, с учетом подобной постыдной практики, вызывают обоснованные опасения.

8. Проблема компетентности судей органов международного уголовного правосудия.

«Универсальных» судей, которые бы обладали знаниями в области международного права, права вооруженных конфликтов, уголовного права, и при этом понимали специфику различных правовых систем, крайне мало, что обуславливает объективную потребность в судейских кадрах новой формации. Также проблемой в данном случае является различные школы юридической техники судей, которые сильно отличаются в зависимости от конкретной юрисдикции и правовой семьи.

9. Проблема определения оснований для учреждения международного трибунала или возбуждения дела в Международном уголовном суде.

Основаниями для учреждения специализированных органов международного правосудия является значительное количество жертв среди мирного населения, в результате геноцида, военных действий, применения пыток и пр. Никаких точных цифр в данном отношении международным правом не определено, поскольку ситуация по каждому конфликту решается в индивидуальном порядке. Однако на цифры по количеству жертв, которые указывали в отчетах специальные комиссии ООН по расследованию обстоятельств различных конфликтов, весьма показательны:

- Война в Камбодже (1967-1975) – более 2 млн. человек
- Югославская война (1991-2001 гг.) - более 127 тыс. человек
- Война в Сьерра-Леоне (1991—2002 гг.) – более 75 тыс. человек
- Геноцид в Руанде (1994 г.) – более 1 млн. человек

⁹⁷² Мезяев А.Б. Права обвиняемого в международном уголовном процессе (вопросы теории и практики): автореф. дисс. ... докт. юрид.наук: 12.00.10/Мезяев Александр Борисович. – Москва, 2013. С. 3.

- Война в Восточном Тиморе (1975-1999) — более 200 тыс. человек.

В настоящее время, идут активные дискуссии о перспективах реформирования Организации Объединённых Наций. В этой связи, Франция предложила ограничить право вето постоянных членов Совета Безопасности в случаях, когда рассматриваются дела о геноциде или массовых нарушениях прав человека. Министр иностранных дел С.В. Лавров отметил в данном контексте: «Мы у французов спросили, для того чтобы понимать, когда надо отказываться от права вето, будь то геноцид, массовое нарушение прав человека, сколько должно быть жертв? 100? Начиная со 100? А при 99 можно применять «вето»?»⁹⁷³. Действительно, в настоящее время численные параметры ситуаций, связанных с геноцидом, очень сильно отличаются.

Можно предположить, что сообщения о смерти нескольких тысяч человек являются достаточным основанием для начала, как минимум, международного расследования и учреждения специальной комиссии по сбору фактов. Дальнейшие действия зависят от решения Совета Безопасности.

Инициация возбуждения дела в МУС также обладает определенной спецификой. Дело начинается с расследования Прокурором МУС на основании заявления, полученного от государства-участника Римского Статута; заявления, полученного от Совета Безопасности ООН, либо же сообщений от отдельных лиц и организации.

10. Проблема соотношения различных органов международного уголовного правосудия.

Как уже было сказано выше, система международной уголовной юрисдикции не является иерархичной, отдельные ее институты зачастую никак не координируются между собой. Подобное явление А.Г. Волеводз называет «множественностью институциональных моделей»⁹⁷⁴, которые «хотя

⁹⁷³ Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова для документального фильма «ООН из XX в XXI век», Москва, 25 сентября 2024 года <https://mid.ru/ru/maps/fr/1971107/> (дата обращения 05.09.2024)

⁹⁷⁴ Волеводз А.Г. Международное уголовное правосудие: от идеи к современной системе // Вестник МГИМО-Университета. №2. 2009. С.11.

и не находятся в иерархической подчиненности по отношению друг к другу, тем не менее взаимодействуют между собой»⁹⁷⁵, хотя и далеко не всегда.

Например, в юрисдикцию Международного уголовного суда, согласно ст. 5 Римского Статута, МУС, входят агрессия (с 2018 года), геноцид, военные преступления, преступления против человечности. В юрисдикцию Международного трибунала по бывшей Югославии, согласно ст. 2 его Устава, входило серьезное нарушение Женевских конвенций по гуманитарному праву 1949 года. Компетенция Международного трибунала по Руанде касалась исключительно вопросов геноцида. В компетенцию Специального суда по Ливану входил терроризм. Таким образом, каждый орган международного правосудия выполняет свою задачу, а все вместе они выполняют задачу «криминализации в международном праве преступлений, отнесенных к их юрисдикции, т.е. международных преступлений»⁹⁷⁶.

11. Проблема отношения государств к Международному уголовному суду.

Несмотря на то, что создание МУС стало весьма значимым международно-правовым событием, по состоянию на 2024 год, Статут ратифицировали менее 140 стран. Текущую ситуацию с ратификацией Статута можно объяснить рядом факторов. Во-первых, он представляет собой «жесткий» международный договор, поскольку не допускает оговорок. Во-вторых, Статут устанавливает положения, на который многие государства просто не готовы пойти, например, обязанность выдачи собственных граждан, в том числе, высших должностных лиц. Кроме того, результаты деятельности Суда за двадцать лет вряд ли можно назвать впечатляющими. Так, ключевой причиной отзыва подписи Российской Федерации в 2016 году стал тот факт,

⁹⁷⁵ Волеводз А.Г. Международное уголовное правосудие: от идеи к современной системе//Вестник МГИМО-Университета. №2. 2009. С.19.

⁹⁷⁶ Там же.

что за первые 14 лет деятельности МУС было вынесено лишь 4 приговора, при этом было затрачено порядка миллиарда долларов.⁹⁷⁷

Юрисдикция МУС существенно ограничена рядом факторов. Во-первых, она хронологически ограничена лишь преступлениями, совершенными после 1 июля 2002 года. Во-вторых, в Римском Статуте не участвуют Россия, США, Китай, Индия и другие крупные державы. Из числа постоянных членов Совета Безопасности ООН Статут ратифицировали лишь Франция [9 июня 2000 года] и Великобритания [4 октября 2001 года], Российская Федерация подписала Статут 13 сентября 2000 года, однако 16 ноября 2016 года приняла решение выйти из участников Статута⁹⁷⁸, КНР не подписал и не ратифицировал, США подписали 31 декабря 2000 года, однако в 2002 г. отозвали подпись. Решение США связано с желанием американского правительства оградить собственных военнослужащих, замеченных в неоднократном злоупотреблении силой, от уголовного преследования со стороны МУС. В-третьих, юрисдикция Суда распространяется только на деяния, совершенные на территории государств-участников Статута, а персональная юрисдикция Суда распространяется только на граждан стран-участников Статута. Крайне негативно можно оценивать попытку Суда обойти данное ограничение в 2023 году, когда МУС выдал ордер на арест Президента Российской Федерации В.В. Путина, хотя Россия не является участницей Римского Статута.

У Международного уголовного суда весьма заметен крен в сторону дел, касающихся представителей государств африканского континента, что вызывает обоснованные подозрения в «двойных стандартах», с учетом количества преступлений против человечности, совершаемых на других

⁹⁷⁷Заявление МИД России. 16.11.2016. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news//asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2523566 (дата обращения 05.09.2024)

⁹⁷⁸ Распоряжение Президента Российской Федерации от 16 ноября 2016 г. № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда».

континентах. В 2013 году несколько представителей Африканского союза назвали данную ситуацию «расистской»⁹⁷⁹. К настоящему времени Судом было возбуждено более двадцати дел, связанных с ситуациями геноцида, военных преступлений и преступлений против человечности в таких странах, как Кот д'Ивуар, Мали, Уганда, Судан, Центральноафриканская республика, Конго.

Римский статут МУС ратифицирован всеми государствами-членами Европейского Союза. В 2001 г. Совет Европейского союза принял Общую позицию в отношении Международного уголовного суда, в которой была отражена решимость ЕС планомерно отстаивать необходимость максимальной международной поддержки деятельности МУС.⁹⁸⁰ В 2003 г. дополнительно был принят План мероприятий по реализации Общей позиции в отношении Международного уголовного суда.⁹⁸¹

Крайне негативно к деятельности МУС в настоящее время относятся США. В 2002 году Конгресс США принял «Акт о защите американского персонала за рубежом»⁹⁸², согласно которому военный персонал и должностные лица обладают иммунитетом от преследования со стороны судебных органов, участником которых США не являются. Любым органам власти США (в том числе судебным инстанциям) запрещено содействовать МУС в области экстрадиции и предоставления информации по запросу. Кроме того, данный документ предусматривает запрет на оказание военной помощи странам-участницам Римского статута, за исключением членом НАТО и основных стран-партнеров НАТО. В случае ареста американских лиц на

⁹⁷⁹ York G. African Union demands ICC exempt leaders from prosecution//The Globe and Mail. 12 October 2013. URL: <http://www.theglobeandmail.com/news/world/african-union-demands-icc-to-protect-leaders-from-prosecution/article14850866/> (дата обращения 05.09.2024).

⁹⁸⁰ Council Common Position 2001/443/CFSP of 11 June 2001 on the International Criminal Court. - OJ L 155, 12.6.2001.

⁹⁸¹ Council Framework Decision of 13 June 2002 on the European arrest warrant and the surrender procedures between Member States - Statements made by certain Member States on the adoption of the Framework Decision (2002/584/JHA). - OJ L 190, 18.7.2002.

⁹⁸² The American Service-Members' Protection Act (ASPA). August 2, 2002.

территории какого-либо государства для передачи из МУС, США оставляют за собой право осуществить вторжение на территорию такого государства. Правозащитная организация *Human Rights Watch* назвала этот документ «Акт о вторжении в Гаагу/ *The Hague Invasion Act*».⁹⁸³ Кроме того, принятие в 2010 году агрессии как основания для возбуждения дел в МУС, по мнению Б.Р. Тузмухамедова, «отложит американскую ратификацию *ad infinitum*».⁹⁸⁴ В 2019 году Суд признал невозможность расследования действий американских военных в Афганистане, не смотря на ходатайство судебного прокурора.

В целом, отношение к МУС весьма полярно: одни специалисты считают его «наиболее совершенной из действующих ныне институциональных моделей органов международного уголовного правосудия»⁹⁸⁵, в то время как другие утверждают, что «МУС - исключительно забюрократизированная структура, в которой любое действие требует месяцев подготовки бумаг и согласований»⁹⁸⁶, что непосредственно сказывается на ее эффективности. Профессор А.Х. Абашидзе относит необходимость участия государств в Статуте Международного уголовного суда к обязательству государств *erga omnes*⁹⁸⁷, однако очевидно, что сегодня это невозможно на практике, поскольку в настоящее время взгляды на деятельность данного суда у государств слишком расходятся.

12. Проблема признания виновными индивидов посмертно

Весьма интересен относительно свежий опыт республики Беларусь, позволяющий в судебном порядке признавать преступниками лиц, которых уже нет в живых, совершивших такие преступления, как подготовка и ведение агрессивной войны, акты международного терроризма, геноцид, экоцид,

⁹⁸³ Human Rights Watch U.S.: 'Hague Invasion Act' Becomes Law. 3 August 2002.

⁹⁸⁴ Тузмухамедов Б.Р. Юридические споры в Кампале// Независимая газета. 7 июля 2010.

⁹⁸⁵ Волеводз А.Г. Международное уголовное правосудие: от идеи к современной системе//Вестник МГИМО-Университета. №2. 2009. С.11.

⁹⁸⁶ Черная несправедливость. 15 марта 2012//Лента.ру URL:<http://lenta.ru/articles/2012/03/15/icc/> (дата обращения 05.09.2024)

⁹⁸⁷ Абашидзе А.Х. Участие государств в Статуте Международного уголовного суда — обязательство *erga omnes* // Международное право. № 1. 2007. С. 139-152.

применение оружия массового поражения, преступления против безопасности человечества, нарушение законов и обычаев войны, а также норм международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов⁹⁸⁸. Если суд устанавливает виновность, он выносит обвинительный приговор без вынесения наказания в отношении умершего лица, что «позволяет не только обеспечить принцип неотвратимости ответственности за содеянное, но и восстановить историческую справедливость»⁹⁸⁹. Данные изменения стали возможны благодаря внесению изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь и установлению отсутствия срока давности относительно военных преступлений и преступлений против человечества. Данное изменение, в целом, соответствует положениям Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 г. Также важно отметить, что США, Канада, Великобритания, Франция, Италия и Япония не участвуют в Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 года, при том, что именно на их территориях нашли пристанища многие деятели нацистской Германии.

Некоторые эксперты, например А.В. Федоров, указывают «на необходимость внесения изменений в российское уголовно-процессуальное законодательство, чтобы ответственность за совершение преступлений против мира и безопасности человечества была всегда реальной, независимо от того, прижизненная она или посмертная по отношению к тем, кто совершил такие преступления»⁹⁹⁰.

13. Разочарование государств в идее международной уголовной юрисдикции в XXI веке.

⁹⁸⁸ Федоров А. В. Преступления против мира и безопасности человечества: без срока давности//Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 1. С. 19-29.

⁹⁸⁹ Там же.

⁹⁹⁰ Там же.

Профессор М.Д. Шаргородский еще в 1940-х годах, в самом начале становления Ялтинско-Потсдамской системы международного права, отмечал, что «общей тенденцией в уголовном праве иностранных государств по вопросу о пределах действия уголовного закона в последние десятилетия было стремление к максимальному расширению сферы действия национального законодательства»⁹⁹¹. Можно констатировать, что стремление к экстерриториальному действию собственного уголовного законодательства сегодня сохраняется в качестве важного стремления многих держав.

Крайне специфический и скорее негативный, чем позитивный опыт двадцатилетней работы Международного уголовного суда, включая откровенно неправосудные политизированные решения последних лет; неоднозначная практика некоторых международных трибуналов (в частности, Международного трибунала по бывшей Югославии, не сумевшего обеспечить должную реализацию прав обвиняемых); квазимеждународное правосудие, подобное Иракскому трибуналу над С. Хуссейном, привели к тому, что все большее число государств предпочитает дистанцироваться от попыток создания системы международной уголовной юрисдикции. Сложившаяся к настоящему времени система организации международных специальных судов и трибуналов является столь несовершенной, что государства все чаще обращаются к национальной, а не к международной юрисдикции.

14. Проблема формирования системы универсальной юрисдикции в отношении преступлений против мира и безопасности человечества

В силу значительной специфичности данный вопрос вынесен в отдельный параграф 6.3. настоящей главы.

15. Проблема ответственности глав государств

В силу значительной специфичности данный вопрос вынесен в отдельный параграф 6.4. настоящей главы.

⁹⁹¹ Шаргородский М.Д. Великая отечественная война и вопрос о пределах действия советского уголовного закона / Проф. М.Д. Шаргородский // Труды Военно-юридической академии Красной Армии. – М., 1947. – Выпуск VI. – С. 125.

6.3. Проблема формирования системы «универсальной юрисдикции» в отношении международных преступлений индивидов.

«Универсальная юрисдикция» является дискуссионной международно-правовой концепцией, согласно которой индивиды, совершившие преступления против мира и безопасности человечества, подсудны судам любого государства, вне зависимости от места совершения преступления, гражданства и наличия какой-либо связи с государством, осуществляющим правосудие. Также можно встретить синонимичный термин «всеобщая подсудность»⁹⁹².

Советский государственный деятель А.Я. Вышинский еще в конце 1930-х годов задавался вопросом о том, «не утопичной ли является задача создания международного уголовного кодекса или, по крайней мере, утверждение какой-либо системы интернациональных преступлений, то есть преступлений, требующих совместного, согласованного, единодушного, обязательного для всех международного реагирования в целях борьбы с ними и преодоления их?»⁹⁹³.

Важно отметить, что термины «международная уголовная юстиция»⁹⁹⁴ и «международная уголовная юрисдикция»⁹⁹⁵ не синонимичны понятию «универсальной юрисдикции», поскольку «универсальная юрисдикция» связана с расширением национальной юрисдикции в отношении определенных категорий преступлений, а «международная уголовная

⁹⁹² Русинова В. Н. Преследование военных преступлений, совершенных в немеждународных конфликтах, на основе универсального принципа юрисдикции//Военно-юридический журнал. №5. 2006. С.3.

⁹⁹³ Предисловие Вышинского к монографии Трайнина А. Н. Защита мира и уголовный закон. Под редакцией и с предисловием А.Я. Вышинского. Москва, Юридическое издательство НКЮ Союза ССР, 1937. С.4.

⁹⁹⁴ Волеводз А.Г. Международное уголовное правосудие: от идеи к современной системе//Вестник МГИМО-Университета. №2. 2009. С.20.

⁹⁹⁵ Предварительный доклад об иммунитете должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции. Подготовлен Специальным докладчиком Р.А. Колодкиным. Комиссия международного права ООН. 2008. С. 7

юстиция» связана с перспективой формирования наднационального уровня юрисдикции.

Ключевым критерием подсудности в данном случае является «характер самих преступных деяний, затрагивающих интересы всего мирового сообщества».⁹⁹⁶ Как отмечал С.А. Ковалев, «защита прав человека по самой своей сути не может зависеть от государственных границ. Защита прав человека – дело всего человечества».⁹⁹⁷ Тем не менее, долгое время единственным случаем, предполагавшим осуществление всеобщей подсудности, являлось пиратство в открытом море, согласно ст. 105 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. Также Международный трибунал по Руанде в 1999 г. постановил, что универсальная юрисдикция применяется в отношении преступления геноцида.⁹⁹⁸

В 2001 году ученые из США и Нидерландов разработали так называемые «Принстонские принципы универсальной юрисдикции», которые консолидировали те мнения по вопросу «универсальной юрисдикции», которые существовали в начале XXI в., назвав принцип универсальной юрисдикции весьма многообещающим, однако весьма трудно реализуемым на практике.⁹⁹⁹ Двадцать лет спустя можно констатировать, что «универсальная юрисдикция» так и не стала действующим принципом международного уголовного правосудия.

Несмотря на то, что настоящее время «отсутствует общепризнанная дефиниция универсальной юрисдикции»¹⁰⁰⁰, некоторые специалисты,

⁹⁹⁶ Королёв Г. А. Проблемы применения универсальной юрисдикции *in absentia*// Журнал российского права. № 10. 2009. С.104.

⁹⁹⁷ Ковалев С.А. Предисловие к книге Найера А. «Военные преступления: Геноцид. Террор. Борьба за правосудие» М. Юристъ. 2000.

⁹⁹⁸ *Prosecutor v. Ntuyahada, Decision on the Prosecutor's Motion to Withdraw the Indictment. March 18, 1999.*

⁹⁹⁹ «Принстонские принципы универсальной юрисдикции». Приложение к вербальной ноте постоянных представительств Канады и Нидерландов при Организации Объединенных Наций от 27 ноября 2001 года на имя Генерального секретаря ООН. UN Doc A/56/677

¹⁰⁰⁰ Королёв Г. А. Универсальная юрисдикция: определение, основания применения//Журнал российского права. № 1. 2009. С. 108.

например юристы Международного комитета Красного Креста, полагают, что «право государств наделять свои национальные суды универсальной юрисдикцией в отношении всех нарушений законов и обычаев войны, которые являются военными преступлениями» уже является нормой обычного права.¹⁰⁰¹ В.Н. Русинова отмечает, что Женевские конвенции 1949 г. ничего прямо не говорят о принципах юрисдикции, на основании которых национальные суды могут преследовать индивидов за нарушения международного гуманитарного права.¹⁰⁰² Поэтому, фактически, государства имеют полное право действовать по принципу «разрешено всё, что не запрещено», который в международном праве получил название «принцип Лотоса» по одноименному делу Постоянной палаты международного правосудия.¹⁰⁰³

Концепция «универсальной юрисдикции» тесно связана с концепцией обязательств *erga omnes*, рассмотренной во второй главе настоящего исследования, поскольку государство, реализующее такую юрисдикцию, может не иметь прямой юридической или фактической связи с международным противоправным деянием и его последствиями.¹⁰⁰⁴

Российский исследователь А.Р. Каюмова в докторской диссертации 2016 года, посвященной тематике «универсальной юрисдикции», относит «нарушения обязательств *erga omnes* в связи с нарушением императивных норм *jus cogens* (агрессия; геноцид; военные преступления; преступления против человечности; применение пыток; апартеид; незаконный захват

¹⁰⁰¹ Охват и применение принципа универсальной юрисдикции: заявление МККК в ООН, Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций, Шестой комитет, пункт повестки дня 68, заявление МККК, Нью-Йорк, 18 октября 2013 г.

¹⁰⁰² Русинова В. Н. Преследование военных преступлений, совершенных в немеждународных конфликтах, на основе универсального принципа юрисдикции//Военно-юридический журнал. №5. 2006. С.3.

¹⁰⁰³ Permanent Chamber of International Justice. Lotus case (France v. Turkey). 12 September 1927.

¹⁰⁰⁴ Королёв Г. А. Универсальная юрисдикция: определение, основания применения//Журнал российского права. № 1. 2009. С. 108.

воздушных судов)»¹⁰⁰⁵ к предметной сфере охвата универсальной юрисдикции.

Страной, наиболее буквально воспринявшей концепцию «универсальной юрисдикции» в своем законодательстве, стала Бельгия. Согласно закону Бельгии «О наказании грубых нарушений международных Женевских конвенций, принятых 12 августа 1949 года, и дополнительных Протоколов I и II к ним, принятых 8 июля 1977 года» от 16 июля 1993 года, с поправками 1999 года, включившими в перечень оснований для уголовного преследования формулировку «серьезные нарушения международного гуманитарного права», бельгийские суды могли возбуждать иски против граждан любых государств по обвинению в геноциде, военных преступлениях и преступлениях против человечности.

В 2000 году бельгийский суд выдал ордер на имя министра иностранных дел республики Конго Абдулаи Йеродиа Ндомбаси, который, в силу должности, обладал дипломатическим иммунитетом. Помимо иска против Ндомбаси, бельгийские суды также приняли к рассмотрению иски в отношении действовавших глав государств и правительств: премьер-министра Израиля А. Шарона, против палестинского лидера Я. Арафата, кубинского лидера Ф. Кастро, президента Ирака С. Хуссейна.

Конго подала иск против Бельгии в Международный Суд ООН за выдачу ордера на Йеродиа Ндомбаси. В 2002 году Суд признал, что бельгийский ордер нарушил иммунитет должностного лица от уголовного преследования.¹⁰⁰⁶ Достаточно скептически к идее универсальной юрисдикции в деле об ордере на арест министра иностранных дел Конго отнесся председательствовавший в Международном суде Ж. Гийом. По его мнению, универсальная юрисдикция

¹⁰⁰⁵ Каюмова А.Р. Уголовная юрисдикция в международном праве: вопросы теории и практики: автореф. дисс. ... докт.юр.наук: 12.00.10/ Каюмова Альфия Револевна. - Казань, 2016. С.17.

¹⁰⁰⁶ Arrest Warrant-Case (Democratic Republic of the Congo v. Belgium). ICJ Judgment. 2002.

«в отсутствие обвиняемого, которая была применена в данном деле, неизвестна международному праву»¹⁰⁰⁷.

В 2003 году в бельгийские суды были поданы иски против высокопоставленных лиц, обвинявшихся в военных преступлениях во время войны в Персидском заливе: Т. Блэра, Дж. Буша, Д. Чейни, К. Пауэла, Т. Фрэнкса, Н. Шварцкопфа, после чего министр обороны США заявил о приостановке финансирования штаб-квартиры НАТО в Брюсселе до тех пор, пока Бельгия не внесет поправки в закон 1993 года. В том же году в данный закон была включена ст. 1-бис, согласно которой бельгийские суды обладают юрисдикцией в отношении военных преступлений и преступлений против человечности, совершенных индивидами, не обладающими иммунитетами, только в тех случаях, когда эти индивиды имеют бельгийское гражданство или проживали на территории Бельгии не менее трех лет. В сентябре 2003 года закон был отменен.

В 2006 году Верховный суд Испании, рассматривая дело о гибели испанского журналиста в результате атаки американского танка на отель в Багдаде, заявил, что расширение принципа «универсальной юрисдикции» может вызвать серьезные проблемы в межгосударственных отношениях.¹⁰⁰⁸

Также показателен случай Хиссена Хабре по прозвищу «Африканский Пиночет», президента Чада с 1982 по 1990 года, который был свергнут в результате государственного переворота и бежал в Сенегал. В 1998 году правительство Чада обвинило Хабре в массовых убийствах, и через несколько лет суд Чада заочно приговорил его к смертной казни. Когда жертвы режима Хабре обратились в суд Сенегала, суд признал вину Хабре, но правительство Сенегала заявило, что сенегальские суды не обладают юрисдикцией в отношении преступлений, совершенные на территории другого государства.

¹⁰⁰⁷ Arrest Warrant-Case (Democratic Republic of the Congo v. Belgium). ICJ Judgment. 2002. Separate opinion of President Guillaume.

¹⁰⁰⁸ La Sentencia del Tribunal Supremo de España 645/2006 (FJ 5).

В 2009 году вопрос привлечения Хабре к международной ответственности стал причиной спора между Бельгией и Сенегалом. Три гражданина Бельгии, пострадавшие от режима Хабре, инициировали иск против него в бельгийском суде. После четырех лет рассмотрения, суд признал обвиняемого виновным и потребовал его экстрадиции. Сенегал вновь сослался на отсутствие юрисдикции в отношении гражданина Чада и передал дело Хабре Африканскому Союзу. В июле 2006 года Африканский Союз решил привлечь Хабре к ответственности на основе концепции экстерриториальной юрисдикции. В 2009 году Бельгия подала на Сенегал иск в Международный суд ООН. В 2012 году Суд заявил о необходимости без промедления судить Хиссена Хабре.¹⁰⁰⁹ В 2013 году в Сенегале был создан специальный трибунал на основании соглашения между Африканским Союзом и Сенегалом, на котором Хабре был признан виновным в преступлениях против человечности и приговорен к пожизненному заключению. В 2021 году он скончался в тюрьме от COVID-19.

Таким образом, можно констатировать, что принцип «универсальной юрисдикции» применяется государствами редко и весьма ограниченно. Большинство государств предпочитает возбуждать дела лишь при наличии у обвиняемого индивида хоть какого-то элемента связи с государством, осуществляющим правосудие.

Так, Верховный суд Испании в 2003 году указал что, для того, чтобы не нарушить принцип суверенного равенства государств, а также принцип невмешательства во внутренние дела других государств, испанские суды могут применять принцип всеобщей подсудности только при наличии у подозреваемого связи с Испанией.¹⁰¹⁰ В обзоре «Правовые средства для жертв «международных преступлений»: содействие создания европейского подхода к экстерриториальной юрисдикции», где подробно рассмотрено

¹⁰⁰⁹ Case “Questions Relating to the Obligation to Prosecute or Extradite” (Belgium v. Senegal). International Court of Justice. 2012.

¹⁰¹⁰ Judgment, Rios Montt case, Tribunal Supremo, 25 February 2003.

законодательство стран ЕС в отношении данного вопроса, сказано, что принцип «универсальной подсудности» в Германии, Великобритании и Франции реализуется только при связи государства с личностью индивида, в отношении которого возбуждается иск (нахождение на территории, наличие гражданства, совершение преступления против гражданина государства и т.д.).¹⁰¹¹

Действующее российское законодательство также не предполагает осуществление принципа универсальной юрисдикции.¹⁰¹² Хотя базовый посыл принципа универсальной юрисдикции состоит в том, чтобы ни один преступник не мог избежать ответственности, можно констатировать, в целом, принцип не отвечает текущему уровню развития системы международной уголовной юстиции. Поэтому, несмотря на то что развитие принципа универсальной юрисдикции существенно тормозится, можно согласиться с И.В. Рачковым, что «гораздо большими неприятностями грозит миру всеобщая подсудность».¹⁰¹³

В ходе опроса (анкетирования), проведенного автором диссертации и представленного в Приложении №1 к настоящему исследованию, 70 % опрошенных полагают, что в настоящее время и даже в отдаленной перспективе отсутствуют перспективы развития концепции «универсальной юрисдикции», которая позволяет судить индивидов за международные преступления в любой национальной юрисдикции.

¹⁰¹¹ Legal Remedies for Victims of «International Crimes»: Fostering an EU Approach to Extraterritorial Jurisdiction. FIDH-REDRESS. Final Report. 2004.

¹⁰¹² См., например, ч. 3. ст. 12 Уголовного кодекса 1996 г. «Действие уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов Российской Федерации».

¹⁰¹³ Рачков И.В. Решение Международного суда ООН: иммунитет и всеобщая подсудность// Право и политика. №7. 2005.С.77.

6.4. Проблема привлечения к международной ответственности высших должностных лиц государства.

Вопросы международной ответственности высших должностных лиц непосредственно связаны с тематикой иммунитета данных лиц,¹⁰¹⁴ который делится на *ratione materiae*/материальный иммунитет, защищающий от уголовного преследования за те действия, которые данные индивиды совершали, находясь на занимаемой должности, а также *ratione personae*/персональный иммунитет, который защищает от уголовного преследования в момент нахождения в должности.

В контексте международной уголовной юрисдикции, ключевой проблемой является вопрос о соотношении принципа иммунитета должностного лица с принципом того, что занимаемая должность не должна освобождать лицо от ответственности за военные преступления и преступления против человечества. Поскольку, как отметил Дж. Верховен, «иммунитет затрагивает в первую очередь вопрос международного права и что, следовательно, именно оно должно решать проблемы, которые он ставит. Кроме того, Верховен полагает, что нефункциональность положений во внутригосударственном праве, определяющих вопросы, связанные с иммунитетами, «повлечет за собой, в конечном счете, международную ответственность государства».¹⁰¹⁵

В ст. 6 Устава Международного трибунала по Руанде 1994 года впервые после Нюрнбергского процесса, было вновь подтверждено, что «должностное положение обвиняемого в качестве главы государства или правительства или

¹⁰¹⁴ Согласно ст. 29 Венской конвенции о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г., личность дипломатического агента неприкосновенна. Он не подлежит аресту или задержанию в какой бы то ни было форме. Государство пребывания обязано относиться к нему с должным уважением и принимать все надлежащие меры для предупреждения каких-либо посягательств на его личность, свободу или достоинство.

¹⁰¹⁵ Verhoeven J. *Les immunités propres aux organes ou autres agents des sujets de droit international//Le droit international des immunités: contestation ou consolidation?*/ ed. Verhoeven J. Larquier, Bruxelles, 2004. P. 82.

ответственного чиновника не освобождает это лицо от уголовной ответственности и не является основанием для смягчения наказания».

В 1999 году, при рассмотрении дела Пиночета, один из членов Палаты Лордов указал на то, что «международное право, установив ответственность за преступление, представляющее собой нарушение императивной нормы *jus cogens*, при этом предусматривало иммунитет, имеющий такую же силу, что и созданное международным правом обязательство».¹⁰¹⁶ Тем не менее, Палата признала, что не обладает юрисдикцией в отношении высокопоставленного чилийского гражданина, пользующегося иммунитетом.

В 1999-2000 годах во Франции в суде первой инстанции было инициировано дело против ливийского лидера Муамара Каддафи, однако прокурор посчитал, что его иммунитет главы государства препятствует дальнейшему рассмотрению дела. Затем Апелляционный суд Франции заявил, что лица, обвиняемые в совершении международных преступлений, не подлежат защите через международные иммунитеты. Однако позже Верховный Суд Франции отменил это решение, сославшись на то, что из принципа должностных иммунитетов не может быть исключений.

«Переломным» моментом в рассматриваемом вопросе стал арест и заключение под стражу в 2000 году Слободана Милошевича, на тот момент являвшегося действующим президентом. Подобное стало возможным лишь благодаря особой компетенции МТБЮ.

Важное значение для тематики иммунитета высших должностных лиц государства также стало дело Абдулаи Йеродиа Ндомбаси, министра иностранных дел республики Конго. В 2001 году, четверо граждан Руанды были осуждены и приговорены к тюремному заключению за участие в геноциде в Руанде в 1994 г. На одного из них, министра иностранных дел, также был выдан ордер на арест *in absentia*, несмотря на его дипломатический иммунитет. Конго подала иск против Бельгии в Международный Суд ООН,

¹⁰¹⁶ In Re Pinochet. House of Lords. 1999.

который в 2002 году признал, что бельгийский ордер нарушил иммунитет должностного лица от уголовного преследования.¹⁰¹⁷

В 2001 году бельгийский суд также возбудил дело против действовавшего премьер-министра Израиля Ариэля Шарона по обвинению в преступлениях против человечности, совершенных в 1982 году, однако Верховный суд Бельгии признал, что в статусе главы правительства иностранного государства он пользуется дипломатической неприкосновенностью.¹⁰¹⁸

В 2003 году в закон Бельгии 1993 года была включена ст. 1-бис, согласно которой бельгийские суды не обладают юрисдикцией в отношении глав иностранных государств в период нахождения их на должности; лиц, обладающих дипломатическим иммунитетом, а также лиц, обладающих частичным иммунитетом согласно международному договору о штаб-квартире НАТО, сотрудники которой должны беспрепятственно попадать на территорию Бельгии.

Следующим шагом в рассматриваемой проблеме стало вступление в силу Римского статута Международного уголовного суда, который допускает возможность преследования высших должностных лиц государства, несмотря на их иммунитеты, однако это распространяется только на граждан государств, ратифицировавших Римский статут. С 2008 года тематика иммунитета должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции была вынесена на повестку Комиссии международного права ООН. Специальным докладчиком по данному вопросу был назначен Р.А. Колодкин, который подготовил по данной теме три доклада, отличающихся глубоким анализом проблемы иммунитета. Затем Р.А. Колодкина на должности Специального докладчика сменила К. Эскобар Фернандес, подготовившая доклады о соотношении иммунитетов *ratione personae* и

¹⁰¹⁷ Arrest Warrant-Case (Democratic Republic of the Congo v. Belgium). ICJ Judgment. 2002.

¹⁰¹⁸ Decision de Cour d'Appel. 26 Juin 2002; Decision de Cour de Cassation. 12 fevrier 2003 г. URL: <http://www.cass.be>.

ratione materiae, а затем Специальным докладчиком был назначен Клаудио Гроссман Гулоф. В 2022 году Комиссия международного права ООН приняла в первом чтении Проект статей об иммунитете должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции¹⁰¹⁹, после чего передала их государствам для получения комментариев и замечаний. Проект подтверждает как материальный должностной иммунитет государственных деятелей в любых ситуациях, за исключением совершения ими таких преступлений, как геноцид, военные преступления, преступления против человечности, апартеид, пытки, насильственные исчезновения. В любом случае, Проекту предстоит еще долгий путь.

В 2008 году Международный Суд ООН вынес решение по заявлению Джибути от 9 января 2006 года против Франции о некоторых вопросах правовой помощи по уголовным делам.¹⁰²⁰ Важным моментом указанного дела является то, что, в ходе разбирательства, Франция направила повестки о явке в суд Президенту Джибути Исмаэлю Омару Гелле, генеральному прокурору Джибути и другим высоким должностным лицам. Джибути заявила, что указанные лица пользуются дипломатическим иммунитетом. Французская сторона, в свою очередь, подчеркивала, что повестка имела характер приглашения указанных должностных лиц для дачи показаний. В данном вопросе Суд встал на сторону Франции, отметив, что повестка на имя президента Джибути не была связана с мерами принуждения и была просто «приглашением для дачи показаний, которое глава государства мог свободно принять или отклонить», что не нарушает его дипломатического

¹⁰¹⁹Проект статей об иммунитете должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции. URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2022/russian/chp6.pdf> (дата обращения 05.09.2024)

¹⁰²⁰ Предметом разбирательства послужила смерть на территории Джибути французского гражданина, судьи Бернара Борреля, которую в Джибути расценили как самоубийство, однако расследование французской стороны показало, что возможным вариантом произошедшего было убийство. Джибути попросили Францию передать ей часть документов с грифом «секретно», одна Франция отказала.

иммунитета.¹⁰²¹

Таким образом, на основании решения Международного суда ООН 2002 г. [Конго против Бельгии] и на основании решения 2008 г. [Джибути против Франции] можно констатировать, что дипломатический иммунитет предполагает свободу от уголовного преследования, однако не исключает возможности приглашения в суд для дачи показаний, которое не имеет принудительного характера.

В настоящее время, способностью преодолевать иммунитет высших должностных лиц от уголовного преследования могут лишь специализированные органы международного правосудия, обладающие «универсальной персональной юрисдикцией»¹⁰²², и действующие на основании специальных соглашений. Специфика наднационального уровня правосудия состоит как раз в том, что ему присущи характеристики, не свойственные праву национальному. В этой связи, именно возможность преодолевать иммунитеты является одним из ключевых признаков наднационального уровня юрисдикции.

Проблема привлечения глав государств к международной ответственности.

Вопросы, связанные с определением и реализацией ответственности глав государств, являются весьма дискуссионными. Именно в данной теме противоречия между национальным законодательством и международным правом встают наиболее остро. Вплоть до XX в., данная проблема не поднималась на международном уровне, поскольку чаще всего правителям приходилось либо отвечать непосредственно перед собственным народом, либо же спастись бегством. Казни глав государств, совершаемые разъяренной толпой либо группой революционеров, можно встретить в истории практически любого государства. Людовик XVI во Франции, Карл I в Англии,

¹⁰²¹ Certain Questions of Mutual Assistance in Criminal Matters (Djibouti v. France). ICJ Judgment. 2008.

¹⁰²² Волеводз А.Г. Международное уголовное правосудие: от идеи к современной системе//Вестник МГИМО-Университета. №2. 2009. С.20.

Николай II в России, несмотря на свой статус «помазанников божьих», не смогли сохранить собственную жизнь в условиях революционных волнений.

Необходимо сделать оговорку о том, что речь в данном разделе не идет об ответственности глав государств, устанавливаемой в общем порядке в большинстве действующих конституций, которая связана с отстранением главы государства от занимаемой должности с последующим привлечением к ответственности по внутригосударственному праву. Ситуации, когда запускается процедура импичмента (например, в 1998 году против Б. Клинтона и в 2019 году против Д. Трампа в США; в 1999 году против Б.Н. Ельцина подобные процедуры были начаты, однако не доведены до конца), зачастую связаны не с грубыми и массовыми нарушениями прав человека в государстве, а с уроном, нанесенным личной репутации главе государства. Подобные случаи регламентируются исключительно внутренним правом, и не имеют отношения к концепции международной ответственности индивидов.

Началом становления концепции ответственности глав государств стала идея несостоявшегося суда над императором Вильгельмом II в 1919 году, однако покровительство королевы Нидерландов помогло ему обрести убежище и избежать наказания. Затем важнейшей стадией стали послевоенные международные трибуналы в Нюрнберге и Токио. Процесса над главой Германии А. Гитлером не было, поскольку он покончил жизнь самоубийством еще до окончания войны, в апреле 1945 года. По той же причине нельзя было привлечь к ответственности Бенито Муссолини - в апреле 1945 года он был расстрелян итальянскими партизанами. Глава нацистской Германии с 30 апреля по 23 мая 1945 года, Карл Дениц, был осужден решением Нюрнбергского трибунала на десять лет лишения свободы. Неподсудность императора Японии Хирохито была важным условием капитуляции Японии, и Хирохито оставался главой японского государства вплоть до 1989 года, официально отказавшись, однако, от божественной природы своей власти. Бежавший в Баварию в 1945 году президент Словацкой

республики Йозеф Тисо был выдан Чехословакии, и приговорен трибуналом к казни через повешение в 1947 году.

В послевоенный период вопросы, связанные с установлением ответственности глав государств, решались либо в рамках национального права, либо же вообще выходили за рамки правового поля. Самым распространенным способом установления ответственности глав государств являлись военные трибуналы или специальные суды, которые обычно создавались после свержения действующей власти и резкой смены политического курса.

Показательным примером являются судьбы ряда глав государств Латинской Америки 1960-1980 годах, смещенных в результате революций. Так, одним из первых «свергнутых диктаторов» стал Рафаэль Трухильо Молина, лидер Доминиканской республики в 1930-1961 годах. В результате деятельности революционной организации «Движение 14 июля», поддерживаемой ЦРУ США, в мае 1961 года на Трухильо было совершено покушение, в результате которого президент был убит. Его деятельность и память впоследствии были осуждены доминиканским конгрессом.

В 1979 году, результате Сандинистской революции в Никарагуа, из страны бежал ее президент Анастасио Сомоса Дебайле, который не смог подавить народные волнения. Экс-президент, заочно приговоренный революционерами к смертной казни, был расстрелян на территории Парагвая в 1980 году.

В 1989 году был свергнут лидер Панамы Мануэль Норьега, который с 1992 года отбывал тюремное наказание на территории США по обвинению в наркоторговле. В 1995 году панамский суд заочно признал Норьегу виновным в политических убийствах. В 1999 году суд Франции обвинил бывшего лидера Панамы в отмывании денег через французские банки. В 2010 году состоялась экстрадиция Норьеги во Францию, которая, в свою очередь, в 2011 году экстрадировала его в Панаму, где через шесть лет он скончался в тюрьме.

Однако революционные процессы коснулись не только стран Латинской Америки. Свержение в Греции режима «черных полковников» в 1974 году стало также показательным процессом. Военных диктаторов Г. Пападопулоса и Д. Иоаннидиса приговорили к смертной казни, которая впоследствии была заменена пожизненным заключением. Г. Пападопулос скончался в афинской тюрьме в 1999 году, Д. Иоаннидис – в 2010 году.

После военного переворота в Пакистане в 1977 г. был арестован и передан суду бывший президент страны Зульфикар Али Бхутто. Против Бхутто была организована пропагандистская кампания в средствах массовой информации, создававшая образ «кровавого диктатора». В 1979 году, после вынесения обвинительного приговора, Зульфикар Али Бхутто был казнен.

В 1986 году на Филиппинах в результате революции был отстранен от власти Фердинанд Маркос, бессменный лидер с 1965 г. Маркос бежал на Гавайские острова, где в 1989 г. скончался от тяжелой болезни.

В 1989 году, после революции в Румынии, решением военного трибунала, организованного новой властью, был расстрелян бывший Генеральный секретарь ЦК Румынской коммунистической партии Н. Чаушеску со своей женой Еленой, который обвинялся в геноциде собственного народа и существенном подрыве национальной экономики.

Долгое время существенным препятствием для определения вопросов ответственности глав государств на международном уровне являлся дипломатический иммунитет подобных индивидов, а также необходимость учреждения специализированных трибуналов. Поворотным моментом в развитии института международной ответственности глав государств стало громкое «дело Пиночета». Аугусто Пиночета (президента Чили в 1974-1990 гг. и пожизненного сенатора Чили), находившегося в 1999 году на лечении в Великобритании, отказались выдать Испании, обвинявшей Пиночета в массовых убийствах испанских граждан на территории Чили в период его

правления.¹⁰²³ После возвращения на родину, Пиночета лишили сенаторской неприкосновенности решением Верховного суда Чили и обвинили в массовых убийствах и пытках, похищении и насильственном удержании людей, причастности к наркоторговле и торговле оружием. 10 декабря 2006 года бывший чилийский диктатор скончался после перенесенного инфаркта. Таким образом, никакой ответственности, за исключением содержания под стражей в лечебных учреждениях в период вышеуказанных судебных процедур с 1998 по 2006 гг., А. Пиночет не понес. «Дело Пиночета» стало иллюстрацией необходимости создания судебного органа, обладающего возможностью преодолевать должностные иммунитеты.

Практически одновременно с делом Пиночета возник вопрос об ответственности одиозного политика Пола Пота, лидера «красных кхмеров» в Камбодже, обвиняемого геноциде нескольких миллионов человек, этнических чистках, преступлениях против человечества и военных преступлениях. Пол Пот был приговорен к смертной казни революционным трибуналом Камбоджи еще в 1979 г., однако приговор не был приведен в исполнение, и формально он оставался лидером «красных кхмеров». В 1998 году правительство Вьетнама заявило об аресте Пота и готовности передать его международному трибуналу, однако обвиняемый скончался в том же году, и процесс по его делу так и не состоялся.

В рамках изучаемого вопроса представляет интерес дело Альберто Фухимори, президента Перу в 1990-2000 гг., придерживавшийся авторитарного политического режима, который он объяснял необходимостью борьбы с радикальной перуанской организацией «Тупак Амару». В 2000 году, после того как были обнародованы факты махинаций Фухимори при проведении президентских выборов, а также факты геноцида перуанского населения, Фухимори срочно покинул страну, найдя убежище на территории Японии. Новая власть Перу официально отрешила экс-президента от

¹⁰²³ In Re Pinochet. House of Lords. 1999.

должности. В 2006 году, когда Фухимори находился на территории Чили, к чилийским властям обратилось Перу с запросом о его экстрадиции. Фухимори был экстрадирован в Перу, где был приговорен Верховным Судом к 25 годам тюремного заключения за организацию массовых убийств путем создания «эскадронов смерти». В 2023 году был освобожден по постановлению Конституционного суда Перу, а в 2024 году скончался.

Наиболее резонансным процессом начала 2000-х гг., связанным с определением ответственности главы государства, стало судебное разбирательство над президентом Союзной республики Югославия Слободаном Милошевичем в рамках Международного трибунала по военным преступлениям в бывшей Югославии, которое длилось пять лет. Милошевич обвинялся в геноциде косовских албанцев, этнических чистках в Хорватии, Боснии и Герцеговине, военных преступлениях и преступлениях против человечности. Процесс завершился в связи со смертью обвиняемого, скончавшегося от сердечного приступа 11 марта 2006 года. Процесс над С. Милошевичем проходил с большим количеством процессуальных нарушений, а также сопровождался явными антисербскими настроениями среди судей. Подсудимому даже не была предоставлена возможность пройти курс лечения в России, которая давала гарантии возвращения экс-президента на скамью подсудимых.

Промежуточным этапом между решением вопросов ответственности глав государств на национальном уровне и вынесением их на уровень международный, стал резонансный трибунал над бывшим президентом Ирака Саддамом Хусейном, учрежденный в 2004 году. Устав трибунала был создан не в соответствии с иракскими законами, а создавался на ходу, в переломный период в истории страны, причем с активным участием США в создании правовых основ деятельности трибунала. Подобное законотворчество оценивается специалистами весьма неоднозначно, например, И.Ю. Белый назвал основу судопроизводства трибунала «квазизаконодательством», отметив также, что сам судебный процесс над бывшим иракским президентом

имел «ярко выраженные черты суда победителей над побежденным». ¹⁰²⁴ Тем не менее, именно создание особого законодательства позволило учредителям трибунала обойти иракскую конституцию, в соответствии с положениями которой президент обладал иммунитетом от любого судебного преследования.

С. Хусейн обвинялся в использовании химического оружия против курдов в 1988 году, во вторжении в Кувейт в 1990 году, в подавлении восстания шиитов в 1991-1992 годах, а также в многочисленных политических убийствах. Подсудимый отказался признавать юрисдикцию трибунала. Ему не было предоставлено право последнего слова, поэтому бывший президент написал письмо, в котором выразил свою позицию по поводу американской вооруженной интервенции, а также по поводу трибунала. ¹⁰²⁵ В ноябре 2006 года трибунал признал С. Хусейна виновным, приговорив его к смертной казни через повешение. 30 декабря 2006 года приговор был приведен в исполнение. С. Хусейн стал первым главой государства, казнённым в XXI веке.

Начало периода «арабских весен» на Ближнем Востоке вновь остро поставило вопрос о судьбе глав государств, смещенных в результате государственных переворотов. Поскольку для большинства государств рассматриваемого региона был характерен авторитарный политический режим, отношение к ним со стороны местного населения было весьма полярным. Общим моментом для многих стран, затронутых переворотами, стало весьма продолжительное [20-40 лет] нахождение глав государств у власти.

Одним из первых государств Ближнего Востока, затронутых революционными волнениями, стал Тунис. Зин эль-Абидин Бен Али, президент Туниса с 1987 года, неоднократно переизбиравшийся на этот пост,

¹⁰²⁴ Белый И.Ю. Военные преступления в системе обвинений, предъявленных С. Хусейну// Военно-уголовное право. №5. 2006.

¹⁰²⁵The Saddam Hussein Letter. Translation from Arabic. 30 April 2003. URL: <http://www.theguardian.com/world/2003/apr/30/iraq.brianwhitaker> (дата обращения 05.09.2024)

в результате массовых протестов, в 2011 году был вынужден бежать из страны, получив политическое убежище в Саудовской Аравии, где и скончался в 2019 году. Суд Туниса заочно признал президента виновным в массовом расхищении государственной собственности, а также в применении силы при разгоне демонстраций, приговорен к пожизненному тюремному заключению и многомиллионному штрафу.

В 2011 году после революции в Египте, Хосни Мубарак, президент Египта с 1981 г., был арестован и передан суду, который, не принимая во внимание крайне тяжелое физическое состояние обвиняемого, в июне 2012 году приговорил его к пожизненному тюремному заключению в колонии строгого режима. В 2014 году часть обвинений, в том числе о причастности Мубарака к гибели активистов-демонстрантов, была снята Апелляционным судом Египта. Скончался в 2020 году.

Значительный общественный резонанс также вызвало дело экс-президента Либерии Чарльза Тейлора, которое рассматривалось Специальным судом по Сьерра-Леоне, созданном в 2002 году. Против Тейлора выдвигались обвинения в поддержке оппозиции Сьерра-Леоне за счет средств, которые были получены в результате незаконной торговли алмазами. Также Тейлор обвинялся в военных преступлениях и преступлениях против человечности. Спасаясь от преследования по линии Интерпола и Миссии ООН в Либерии, он бежал из страны, однако был задержан при пересечении границы между Нигерией и Камеруном, где был взят под стражу миротворцами миссии ООН в Либерии. Из-за высокого общественного внимания к персоне Тейлора процесс по его делу проходил не в Сьерра-Леоне, а в помещении МУС в Гааге. В апреле 2012 года Чарльз Тейлор был признан виновным по всем пунктам обвинения и приговорен к пятидесяти годам тюремного заключения в тюрьме на территории Великобритании. Поданные впоследствии апелляции, а также просьбы о переводе в тюрьму на африканском континенте, были отклонены.

Широкий резонанс получила варварская расправа повстанцев над главой Ливийской арабской Джамахирии Муаммаром Каддафи после революции,

осуществленной при непосредственной поддержке ливийской оппозиции странами НАТО. В июне 2011 года Международный уголовный суд выдал ордер на арест Каддафи. Ливия не являлась участником Римского статута, однако резолюция СБ ООН 1970 от 26 февраля 2011 года позволила распространить юрисдикцию Международного уголовного суда на Ливию. 24 октября 2011 года полковник был захвачен, а затем жестоко убит повстанцами. 22 ноября 2011 года Международный уголовный суд формально закрыл дело Каддафи в связи со смертью ответчика.

Убийство Каддафи вызвало закономерный интерес правозащитных организаций. Активисты *Human Rights Watch* собрали множество материалов о казни полковника¹⁰²⁶, а также обратились к новому правительству Ливии с просьбой провести разбирательство в отношении тех, кто ее осуществил. Кроме того, речь идет не только об эпизоде с убийством самого Каддафи, но и расправе над десятками его сторонников, которые его сопровождали.¹⁰²⁷ Можно констатировать, что убийство Каддафи подрывает сами основы концепции прав человека и прав обвиняемого. В октябре 2012 года в отчетном докладе по данному вопросу *Human Rights Watch* признала, что ливийское правительство не выполнило обязательств по проведению объективного расследования и привлечению виновных к ответственности.

В 2013 года в Гватемале состоялся резонансный процесс над Х. Риос Монтгом, президентом Гватемалы в 1982-1983 годах, которого обвиняли в геноциде гватемальских индейцев и преступлениях против человечности. В 2013 году экс-президент был осужден на семьдесят лет лишения свободы, однако затем Конституционный суд Гватемалы отменил приговор из-за угроз

¹⁰²⁶ Несмотря на то, что Каддафи был серьезно ранен в обе ноги, а также получил осколочное ранение в голову, повстанцы нанесли ему многочисленные ножевые ранения, побои, сыпали в раны песок. После многочасовых истязаний, в знак унижения, его протащили по городу. На следующий день тело Каддафи было выставлено в торговом центре, после чего, по разным данным, либо похоронено, либо кремировано.

¹⁰²⁷ Death of a Dictator. Bloody Vengeance in Sirte. Human Rights Watch Report. October 2012.

массовых беспорядков со стороны сторонников Риос Монтта. В 2015 году суд был возобновлен, а в 2018 году экс-президент скончался.

Значимым этапом в развитии института международной ответственности глав государств стало учреждение Международного уголовного суда, в компетенцию которого входит, в том числе, и установление ответственности глав государств. Согласно ст. 27 Римского Статута, ссылка на должностное положение лица в качестве обстоятельства, освобождающего от уголовной ответственности за совершение военных преступлений, не допустима: «настоящий Статут применяется в равной мере ко всем лицам без какого бы то ни было различия на основе должностного положения». Важно подчеркнуть, что данное положение затрагивает только граждан государств, подписавших Римский статут.

Первым главой государства, ордер на арест которого МУС выдал в 2008 году, стал президент Судана Омар аль-Башир, который обвинялся в преступлениях против человечности, среди которых назывались массовые убийства, пытки, депортации, а также военные преступления. Резолюция СБ ООН 1593 от 31 марта 2005 года, на основании выводов, сделанных Международной следственной комиссией по Дарфуру, наделила МУС юрисдикцией в отношении военных преступлений, совершенных в Судане, и обязала Судан сотрудничать с Судом. Обвинения не помешали аль-Баширу переизбраться на очередной срок в 2010 году. После переизбрания аль-Башира, в июле 2010 года, МУС выдал второй ордер на его арест, в котором к числу обвинений добавился геноцид. Тем не менее, в статусе президента аль-Башир неоднократно посещал другие страны, в том числе Египет, Катар, Кению, которые отказались подвергнуть его процедуре ареста по требованию генерального прокурора МУС. Кроме того, практически все страны-члены Африканского союза, Организации исламского сотрудничества, а также Лиги арабских государств осудили выдачу ордера МУС несмотря на то, что многие из них сами являются странами-участницами Римского статута. После военного переворота в Судане в 2019 года новое руководство страны провело

национальный суд над бывшим президентом, а в 2020 году пообещали создать специальный суд по военным преступлениям эпохи правления аль Башира. По состоянию на осень 2024 года, экс-президент Судана находится в военном госпитале.

Следующим главой государства, попавшим в поле зрения Международного уголовного суда, стал экс-президент Кот-д'Ивуара Лоран Гбагбо. В конце 2010 года, после отказа признать поражение в очередных президентских выборах, Гбагбо аннулировал их результаты, что привело к массовым вооруженным беспорядкам в стране, в которой имеется значительный потенциал для внутригосударственных конфликтов из-за противостояния между северными и южными племенами. Помимо самого президента, большую власть в осуществлении его режима играла его супруга Симона. 30 марта 2011 года Совет Безопасности ввел санкции против четы Гбагбо, запретив им покидать страну, а также призвав добровольно передать бразды правления избранному президенту А. Уаттаре. После этого началась совместная операция миссии ООН в Кот-д'Ивуаре и ВВС Франции, которая привела к задержанию президента и его супруги. Активная роль Франции позволяет признать ее участником данного конфликта на стороне А. Уаттаре. В ноябре 2011 года, Гбагбо был передан Международному уголовному суду, а через год, в ноябре 2012 года, МУС выдал ордер на арест его жены. Супругам вменялись в вину преступления против человечества. Однако власти Кот-д'Ивуара отказались выдать С. Гбагбо, и решили рассмотреть ее дело в национальном суде. 10 марта 2015 года единогласным решением судей ее приговорили к двадцати годам лишения свободы. Рассмотрение дела Лоранса Гбагбо в МУС началось 28 января 2016 года. Он стал первым экс-главой государства, который лично предстал перед судом в Гааге. В январе 2019 года МУС оправдал Гбагбо.

В 2011 году Международный уголовный суд обвинил в преступлениях против человечности Ухуру Кениата, действующего президента Кении. В 2014 году обвинения с президента были официально сняты.¹⁰²⁸

Вопрос о том, кто должен решать судьбу глав государств – народ некогда возглавляемой ими страны в лице специального трибунала, либо же международное сообщество в лице судей органа международного правосудия, весьма сложен и нетривиален, поскольку затрагивает фундаментальные вопросы международного и национального права, политологии, социологии, а также философии. Очевидно, что отношение к главам государств не может быть однозначным. Политические лидеры, особенно с авторитарным стилем руководства, зачастую вызывают весьма противоречивую реакцию даже у собственного народа, не говоря уже о весьма разобщенном международном сообществе. Весьма показательно, что похоронные церемонии А. Пиночета и С. Хусейна сопровождали многотысячные демонстрации как сторонников, так и противников данных исторических деятелей.

Кроме того, основанием для начала процесс в МУС, как правило, являются факты применения вооруженной силы против населения по приказу главы государства. Однако данное основание является весьма спорным. Одной из задач главы государства является поддержание единства страны и внутреннего правопорядка. Ситуации, когда лидер страны вынужден отдавать приказ о применении силы для разгона антиправительственных демонстраций, случаются повсеместно.

Таким образом, можно констатировать фундаментальную проблему, связанную с отсутствием должной реализации процессуальных прав глав государств, отстраненных от власти в результате политических и военных переворотов. Безусловно, лидеры, обвиняемые в военных преступлениях и преступлениях против человечества, должны понести ответственность, однако установление данной ответственности должно осуществляться в рамках

¹⁰²⁸ См. ICC Case The Prosecutor v. Uhuru Muigai Kenyatta. 5 December 2014.

объективного неполитизированного судопроизводства. Весьма полярные суждения о государственных режимах приводят к тому, что современных политических лидеров весьма сложно оценить столь же однозначно, как нацистских преступников на Нюрнбергском процессе. Процессы над С. Милошевичем и С. Хуссейном, казни Н. Чаушеску и М. Каддафи являются яркими подтверждениями тому, что «многие случаи не однозначны и зависят от толкования исторического и политического контекстов»¹⁰²⁹. Как ни парадоксально, но наиболее вероятные кандидаты для возбуждения дел в международных трибуналах, подобных президенту Уганды в 1971-1979 годах. Иди Амину, в отношении которого была масса свидетельств совершения им преступлений против человечности, террора, каннибализма и геноцида собственного населения, остаются вовсе безнаказанными.¹⁰³⁰

Историческая ретроспектива свидетельствует о том, что существуют несколько возможных вариантов судьбы глав государств, обвиняемых в преступлениях против мира и безопасности человечества:

1. Происходит внутригосударственная расправа над лидером без суда и следствия [Р.Т. Молина, М. Каддафи];
2. Учреждается внутригосударственный военный трибунал или специальный суд [Н. Чаушеску, С. Хуссейн];
3. Выдача обвиняемого специальному международному трибуналу [С. Милошевич, Ч. Тейлор];
4. Выдача обвиняемого Международному уголовному суду [Л. Гбагбо];
5. Бегство обвиняемого за рубеж [З. эль-Абидин Бен, Иди Амин].

При этом, можно констатировать, что зачастую при внутригосударственном решении вопроса об ответственности главы государства за преступления против человечества, практически неизбежен смертельный приговор. В рамках международных судов и трибуналов высшей

¹⁰²⁹ Дамаскин О.В. Актуальные военные проблемы международного права и международной уголовной юрисдикции//Право в Вооруженных Силах. № 1. 2011.

¹⁰³⁰ В результате военного переворота в 1979 г., Иди Амин бежал из Уганды в Ливию, а оттуда в Саудовскую Аравию, где и скончался в 2003 г.

мерой наказания зачастую является пожизненное заключение. Кроме того, поскольку «составы международных судебных органов являются интернациональными»,¹⁰³¹ рассмотрение вопросов, касающихся неоднозначных фигур глав государств, потенциально является менее пристрастным, чем в национальном суде.

Представленная глава исследования позволяет сделать следующие выводы.

Международная ответственность индивидов и международная ответственность государств за преступления, совершенных в конкретный исторический период, могут осуществляться параллельно, не препятствуя и не противореча друг другу. При этом, например, вопросы международной ответственности индивида и государства будут рассматриваться в разных международных инстанциях, что актуализирует концепцию «разделяемой ответственности», подробно рассмотренную в третьей главе настоящего исследования.

Должностные иммунитеты все еще основательно защищают должностных лиц от судебного преследования иностранных юрисдикций. Попытки Комиссии международного права снять часть иммунитета в ситуациях совершения должностным лицом международных преступлений, все еще находятся на стадии обсуждения и разработки.

Можно констатировать, что за почти восемьдесят лет деятельности международных трибуналов, классификация, а также содержание отдельных категорий международных преступлений индивида, претерпели определенные изменения. Также менялся вопрос о наиболее жестких формах международной ответственности индивидов: если послевоенные трибуналы санкционировали такую меру наказания, как смертная казнь, то созданный в конце XX века Международный уголовный суд, а также почти все международные

¹⁰³¹ Волеводз А.Г. Международное уголовное правосудие: от идеи к современной системе//Вестник МГИМО-Университета. №2. 2009. С.23.

трибуналы последних тридцати лет в качестве наиболее суровой формы ответственности устанавливают пожизненное заключение.

Также можно сделать вывод о том, что создание и начало функционирования Международного уголовного суда несколько не снизило актуальность дальнейшей разработки вопросов международной ответственности индивидов, поскольку указанный орган международного правосудия обладает рядом весьма существенных недостатков, преодолеть которые в ближайшие годы не представляется возможным. Позиция отдельных государств по участию в МУС частично объясняет невозможность реализации на практике системы «универсальной юрисдикции» для имплементации ответственности индивидов, совершивших преступления против мира и безопасности человечества, на территории любого государства. Можно предположить, что многие государства в ближайшие годы вообще предпочтут отказываться от сотрудничества с органами международного правосудия, пытающимися привлечь индивидов к международной ответственности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщение результатов предпринятого анализа действующей системы международно-правовой ответственности позволяет сформулировать следующие выводы и предложения:

1. Диссертационное исследование дало возможность в полной мере подтвердить гипотезу исследования о том, что вопросы, связанные с определением международной ответственности государств, международных организаций и индивидов за преступления против мира и безопасности, действительно можно выделить в отдельный институт права международной безопасности, ввиду специфичности регулируемых отношений, их высокой общественной значимости, а также необходимости увеличивать отдачу от тематики, связанной с международной ответственностью, поскольку, в противном случае, существенно подрывается авторитет международного публичного права и тормозится его прогрессивное развитие.

Комплексное исследование вопросов ответственности таких субъектов, как государства, международные организации и индивид, позволит обогатить отечественную международно-правовую науку, а также придать импульс дальнейшему исследованию вопросов международной ответственности в рамках международно-правового дискурса. Ввиду большой важности, придаваемой Российской Федерацией международному праву и законности, представляется необходимым продолжение и усиление доктринальной разработки вопросов, связанных с международно-правовой ответственностью, в особенности с ответственностью за преступления против мира и безопасности.

2. В доктрине используются одинаковые названия для обозначения международных преступлений, которые совершаются различными субъектами. Любое применение силы, включая агрессию, геноцид, апартеид и экоцид, может организовываться государством и исполняться индивидами, что предполагает международную ответственность как государств и

международных организаций, так и индивидов. Именно поэтому необходимо различать категории «международные преступления государств» и «международные преступления индивидов», которые в совокупности образуют категорию «преступлений против мира и безопасности».

3. Можно констатировать необходимость разделения международных правонарушений государств по степени тяжести содеянного. Очевидно, что нарушение торговых обязательств государством, с одной стороны, и проведение политики геноцида, с другой стороны, представляют собой одинаково противоправные явления, однако второе действие имеет значительно большую общественную опасность. Тем не менее, термин «международные преступления государств», хотя и продолжает активно использоваться как в отечественной, так и в западной доктрине, был исключен из итогового текста Проектов статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 года, и был заменен на термин «серьезные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права». Отсутствие единства в отношении содержательного наполнения категории «императивные нормы», которое еще раз было продемонстрировано во время обсуждения правительствами стран-членов ООН категории «императивных норм общего международного права (*jus cogens*)» в 2022 году, еще больше затрудняет применение категории «серьезные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права», в основе которой лежат императивные нормы. Представляется, что замена терминологии в 2001 году имела негативные последствия, поскольку новый термин размывает предложенную категорию, которая, напротив, должна консолидировать небольшую группу особо опасных деяний, совершаемых государствами.

4. При этом, необходимо разделять два различных контекста международной ответственности. Первый, более узкий, контекст подразумевает под международной ответственностью конкретные действия правонарушителя, осуществляемые после вынесения органом

международного правосудия решения о форме реализации ответственности. В рамках второго, более широкого контекста понимания международной ответственности, ответственность может рассматриваться как вся совокупность определенных неблагоприятных последствий, которые субъект международного права, совершающий, либо уже совершивший правонарушение, обязан претерпеть.

При реализации международной ответственности, различные формы ответственности зачастую применяются в совокупности, кумулятивно, образуя единый комплекс лишений и обременений. Провести четкое разделение ответственности государств на материальную и нематериальную сегодня весьма затруднительно, с учетом тесной взаимосвязи политических и экономических факторов. В вопросе классификации видов международной ответственности государств и международных организаций, представляется необходимым следовать единой логике и единой классификации, предложенной Комиссией международного права в проектах статей об ответственности [реституция, компенсация, сатисфакция].

5. Одной из наиболее актуальных задач является разработка вопросов множественности субъектов международной ответственности и вопросов распределения ответственности между ними, которые можно обозначить как вопросы «совместной ответственности». Действующее международное право допускает несение международной ответственности как физическими лицами, так и государством, а также международными организациями коллективной самообороны. Наиболее наглядным примером правовых сложностей, возникающих при соотнесении ответственности государств и индивидов, является преступление геноцида. Важным признаком геноцида является то, что он представляет собой осознанную политику государства, именно поэтому умышленный характер абсолютно необходим для установления факта геноцида. При этом, ответственность государства в данной ситуации, теоретически, будет рассматриваться в рамках Международного суда ООН, а

ответственность индивида – на международном трибунале, либо в Международном уголовном суде.

Еще одним актуальным вопросом является возможность использования государствами международных организаций для ограничения собственной международной ответственности, поскольку вопросы ответственности международных организаций, в целом, исследованы гораздо меньше, чем вопросы ответственности государств или индивидов, и опираются на меньшую прецедентную практику. Также, в перспективе, должен решаться вопрос о том, должно ли государство нести международную ответственность в случае совершения международно-противоправного деяния международной организацией, например, в ситуации участия государства лишь в голосовании при принятии решений или в финансировании операции, без предоставления военного контингента. Очевидно, что на современной стадии международно-правового развития, международное сообщество пока не готово к утверждению международной ответственности государства лишь на основании факта членства данного государства в международной организации, однако в перспективе это может измениться. В целом, проблема международной ответственности организаций за злоупотребление силовыми полномочиями в настоящее время разработана весьма слабо.

Что касается соотношения вопросов международной ответственности международных организаций с вопросами ответственности индивидов, можно констатировать, что ничто в международном праве не препятствует параллельной имплементации ответственности как организаций, так и индивидов. В большинстве случаев, индивидуальная ответственность миротворцев, входящих в состав контингентов ООН или НАТО, реализуется в форме применения дисциплинарных мер к тем военнослужащим, которые были причастны к различным нарушениям.

6. Ретроспективный анализ основных исторических этапов развития тематики международной ответственности позволил проследить зарождение и становление различных форм ответственности государств, международных

организаций и индивидов. Можно констатировать, что, поскольку вся история международного права связана, в первую очередь, с военно-силовым взаимодействием государств, международная ответственность развивалась параллельно с развитием права международной безопасности и правовой регламентацией вопросов, связанных с применением вооруженной силы в межгосударственных отношениях, а также параллельно с развитием международного гуманитарного права. Автором были выделены следующие исторические этапы становления тематики, связанной с международной ответственностью: от античности до Вестфальского мирного договора 1648 г.; от Вестфалья до начала XX в.; первая половина XX в.; этап кодификации международной ответственности (1945 г. – настоящее время).

7. Анализ существующих Проектов статей об ответственности как государств, так и международных организаций позволяет сделать вывод об их крайне общем характере, что негативно сказывается на имплементации конкретных положений, связанных с реализацией международной ответственности. Тем не менее, автор не разделяет распространенное мнение о том, что принятие конвенций на основании данных проектов могло бы существенно повысить статус международной ответственности в целом. Можно констатировать, что подписание подобных документов неизбежно поднимет вопрос о количестве подписавших государств, что неизбежно сузит круг действия данных конвенций. В результате «конвенция с малым числом участников может иметь де-кодифицирующий эффект»,¹⁰³² и неизбежно подорвет статус данной тематики. Представляется разумным, на современном этапе развития международного права, продолжать активно внедрять положения данных документов в доктрину и практику, без принятия международной конвенции.

8. Рассмотренные в диссертационном исследовании случаи нарушения международного гуманитарного права государствами, международными

¹⁰³² UN Doc. A/62/63/. Para. 7.

организациями и индивидами, позволили выделить следующие важные факторы, напрямую влияющие на тематику ответственности. Во-первых, это то, что все документы, формирующие корпус международного гуманитарного права, не имеют одинаковое количество подписавших их государств, соответственно, разные государства несут разный объем обязательств по международному гуманитарному праву. Во-вторых, международные организации вообще не подписывают конвенции по международному гуманитарному праву, соответственно, встает вопрос, насколько к их действиям вообще применимы нормы международного гуманитарного права (например, руководство НАТО не считает Альянс носителем обязательств по международному гуманитарному праву, подчеркивая, что правовые обязательства лежат на странах-членах, но не на Альянсе). В-третьих, международное гуманитарное право в большей степени регламентирует вопросы межгосударственных, а не внутренних конфликтов. В-четвертых, в доктрине так и не решен окончательно вопрос, является ли нарушение норм международного гуманитарного «серьезным нарушением обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права» по смыслу Проектов статей об ответственности. В-пятых, государства и международные организации склонны сильно преуменьшать потери и увечья среди гражданского населения при осуществлении военно-силовых операций, что затрудняет процесс установления международной ответственности. В-шестых, существует серьезная проблема, связанная с фактической невозможностью для индивида возместить ущерб, причиненный ему в случае нарушения государствами норм международного гуманитарного права, поскольку пострадавшие от нарушений гуманитарного права индивиды, по существу, не обладают международной процессуальной правоспособностью. В-седьмых, ключевой проблемой договоров о запрещении определенных видов вооружения является ограниченный круг их участников, при этом, только взятые по договору обязательства могут остановить государства от применения того или иного оружия, а их несоблюдение может считаться

основанием международной ответственности. При этом утверждение, что нормы международного гуманитарного права, связанные с запрещением определенного оружия, автоматически действуют на всех субъектов международного права в качестве обычно-правовых норм, очевидно, не совсем отражает практику международного взаимодействия. В-восьмых, некоторые виды оружия, несмотря на очевидные неблагоприятные последствия применения, не запрещены на официальном уровне вследствие политических спекуляций (например, снаряды с обедненным ураном и белым фосфором). В-девятых, серьезным фактором, тормозящим развитие тематики международной ответственности как государств, так и международных организаций, являются платежи *ex gratia*, представляющие собой внеправовую модель, применяемую как государствами, так и международными организациями, и не сопровождающиеся признанием государством собственной вины, а также не подразумевающие возможность принимающих их индивидов влиять на размеры подобных выплат.

9. Автор рассмотрел правовые особенности привлечения частных военных и охранных компаний к различным военно-силовым операциям, проводимым государствами и международными организациями, а также то, каким образом решаются вопросы их ответственности за злоупотребления силой как самих ЧВОК, так и нанимающих их государств и международных организаций. Можно констатировать, что использование ЧВОК позволяет государствам избежать международной ответственности за силовые злоупотребления и нарушения норм международного гуманитарного права путем перекладывания ответственности на частные военные и охранные компании, которые не субъектны в рамках международного права. При этом, государства передают им часть собственной военно-силовой компетенции, которая ранее не была связана с частными структурами. Кроме того, поскольку потери среди личного состава ЧВОК не учитываются в официальных сводках, это позволяет правительствам развитых стран снизить внутриполитические риски от потерь регулярной армии. Можно

констатировать фактически полную безнаказанность и сотрудников частных военных и охранных предприятий, и самих ЧВОК, и государств, оплачивающих их услуги, что лишь провоцирует дальнейшие злоупотребления.

10. Появление новых доктрин, так или иначе обосновывающих расширение существующих границ применения силы, обозначило попытку выхода из того правового тупика, в котором международное сообщество оказалось еще в начале 1990-х гг., когда количество внутренних конфликтов стало существенно превышать число межгосударственных войн, и потребовалось найти концепцию, которая бы с правовой точки зрения оправдывала внешнее вмешательство во внутренние дела суверенных государств. Основной идеей для расширения оснований для правомерного внешнего вмешательства стало провозглашение принципа прав человека как высшей ценности и наиболее важного императивного принципа международного права.

11. Среди возможных способов, в рамках которых может быть установлена международная ответственность государства, совершившего преступление против мира и безопасности, можно выделить такие опции, как обращение в орган международного правосудия; создание двухсторонней или многосторонней комиссии; определение форм ответственности в договоре; определение форм ответственности в резолюциях Совета Безопасности ООН; а также определение формы ответственности самим нарушителем (используется как дополнительное средство к уже установленной форме ответственности).

В целом, можно констатировать отсутствие единого отработанного механизма того, кто и как определяет вопросы, связанные с определением ответственности государства-правонарушителя.

12. Остро стоит проблема отсутствия международного судебного органа, обладающего обязательной юрисдикцией в отношении правонарушений государств и международных организаций. Автором

предложены пути совершенствования способов имплементации международной ответственности, в том числе создание единой схемы имплементации международной ответственности, сопровождающейся приданием дополнительных компетенций действующим органам международного правосудия.

13. В настоящее время отсутствует консенсус относительно определения «контрмер» и «санкций» и того, какие конкретно действия государств можно отнести к данным категориям. Данный вопрос является чрезвычайно важным, поскольку контрмеры относятся к числу обстоятельств, исключающих противоправность деяния и, соответственно, освобождающих от международно-правовой ответственности. Автором было предложено ввести в научный аппарат определения «санкций» и «контрмер», учитывающие практику реализации подобных действий в течение последних лет во взаимоотношениях между Российской Федерацией и рядом западных стран.

14. Автором были рассмотрены три наиболее резонансные операции НАТО – в бывшей Югославии, Афганистане и Ливии, а также возможные основания для привлечения Альянса к международной ответственности по итогам проведенных операций. Были выделены такие общие особенности всех проведенных операций, как полное игнорирование принципов и норм международного гуманитарного права; значительное количество жертв среди мирного населения, которые обычно подаются как «сопутствующий ущерб»; лишение индивидов возможности подавать иски против стран-членов НАТО после выплат платежей *ex gratia*, не сопровождающихся признанием Альянсом собственной вины.

15. Обоснована прикладная значимость дальнейшего развития тематики международной ответственности за преступления против мира и безопасности, а также определены конкретные проблемные аспекты. С одной стороны, необходимо повышение межгосударственного взаимодействия в вопросах, связанных с практическими аспектами реализации международной ответственности. С другой стороны, требуется повышение значимости

принимаемых на себя международных обязательств на уровне отдельных государств, что непосредственно связано с развитием тематики обязательств *erga omnes*, рассмотренной в диссертации. Кроме того, принятие отдельными государствами нормативных правовых актов во исполнение своих международно-правовых обязательств на внутригосударственном уровне, в виде, к примеру, односторонних актов обязательств, существенно ускорило бы процесс дальнейшего развития международной ответственности.

Важность дальнейшего развития проблематики международной ответственности показана в представленной работе с учетом того, что сегодня западными странами производятся активные попытки демонтажа Ялтинско-Потсдамской системы международного права, базирующейся на фундаменте Устава ООН. Важным аспектом противодействия подобной политике является развитие в отечественном праве школы международной ответственности за преступления против мира и безопасности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Документы:

I. Международные договоры и конвенции:

1. Статут Лиги Наций, Версаль, 28 июня 1919. Режим доступа: <http://doc20vek.ru/node/451> - дата обращения 02.09.2024.
2. Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики. Париж, 27 августа 1928 г. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901786550> - дата обращения 02.09.2024.
3. Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. Режим доступа: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/> - дата обращения 02.09.2024.
4. Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. Лондон, 8 августа 1945. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901737883> - дата обращения 02.09.2024.
5. Статут Международного уголовного суда. Рим. 1998. Режим доступа: [https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) - дата обращения 02.09.2024.
6. Устав Африканского Союза. 2000. Режим доступа: https://au.int/sites/default/files/treaties/7759-file-oau_charter_1963.pdf - дата обращения 02.09.2024.
7. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml - дата обращения 02.09.2024.
8. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml - дата обращения 02.09.2024.
9. Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 г. Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/geneva-convention-1.htm> - дата обращения 02.09.2024.
10. Конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море от 12 августа 1949 г. Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/geneva-convention-2.htm> - дата обращения 02.09.2024.
11. Конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949г. Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/geneva-convention-3.htm> - дата обращения 02.09.2024.
12. Конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г. Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/geneva-convention-4.htm> - дата обращения 02.09.2024.
13. Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 г. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml - дата обращения 07.09.2024.
14. Венская конвенция о консульских сношениях 1963 г. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/consular.pdf - дата обращения 02.09.2024.
15. Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступникам и преступлениям против человечества от 26 ноября 1968 г. Режим доступа:

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/warcrimes_limit.shtml - дата обращения 02.09.2024.

16. Международная конвенция о пресечении преступлений апартеида и наказании за него 1973 г. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/apartheid1973.shtml - дата обращения 02.09.2024.

17. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. Режим доступа: https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf - дата обращения 02.09.2024.

18. Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 г. Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/treaties-additional-protocol-1.htm> - дата обращения 02.09.2024.

19. Дополнительный протокол II к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера от 8 июня 1977 г. Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/6lkb31.htm> - дата обращения 02.09.2024.

20. Конвенция о предупреждении преступления апартеида и наказании за него от 30 ноября 1973 г. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/apartheid1973.shtml - дата обращения 02.09.2024.

21. Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие. Женева, 10 октября 1980 года. Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/treaties-ccw-101080.htm> - дата обращения 02.09.2024.

22. Протокол о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств, с поправками, внесенными 3 мая 1996 г. Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/treaties-ccw-protocol2-revised-101080.htm> - дата обращения 02.09.2024.

II. Документы Организации Объединенных Наций:

A. Доклады Генерального Секретаря ООН:

23. Доклад Генерального Секретаря ООН «Повестка дня для мира» от 31 декабря 1992 г. Режим доступа: <https://digitallibrary.un.org/record/145749?ln=ru> - дата обращения 02.09.2024.

24. Доклад Генерального секретаря, представляемый во исполнение резолюции 53/35 Генеральной Ассамблеи: падение Сребреницы, от 15 ноября 1999 г. Режим доступа: <https://digitallibrary.un.org/record/372298> - дата обращения 02.09.2024.

25. Годовой доклад Генерального секретаря о работе ООН «Предотвращение войн и бедствий: глобальный вызов растущих масштабов». 1999. Режим доступа: <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/5C2F9069C32FE03AC1256A6F004762E4-un-confprev-07jun.htm> - дата обращения 02.09.2024.

26. Доклад Генерального секретаря «Размышления о проблеме вмешательства». 1999. Режим доступа: <https://digitallibrary.un.org/record/406200> - дата обращения 02.09.2024.

27. Доклад Генерального секретаря A/55/985-S/2001/574 «Предотвращение вооруженных конфликтов» от 7 июня 2001. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/S/2001/574> - дата обращения 02.09.2024.

28. Заявление Генерального секретаря по факту обвинения ООН в распространении эпидемии холеры на Гаити от 12 декабря 2016: новый подход. Режим доступа:

<https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/N1639267.pdf> - дата обращения 02.09.2024.

Б. Декларации и резолюции Генеральной Ассамблеи ООН:

29. Резолюция A/377/5 «Единство в пользу мира» от 3 ноября 1950 г. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/377%28V%29> - дата обращения 02.09.2024.

30. Резолюция A/799/8 «Предложение о кодификации принципов международного права, которыми определяется ответственность государств» от 7 декабря 1953 г. Режим доступа: https://digitallibrary.un.org/record/211794?ln=zh_CN - дата обращения 02.09.2024.

31. Резолюция A/2625/25 «Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций» от 24 октября 1970 г. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml - дата обращения 02.09.2024.

32. Резолюция A/2734/25 «Декларация об укреплении международной безопасности» от 16 декабря 1970 г. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intsecurity.shtml - дата обращения 02.09.2024.

33. Резолюция A/3314/29 «Об определении агрессии» от 14 декабря 1974 г. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1902312> - дата обращения 02.09.2024.

34. Резолюция A/DEC/3281/29 «Хартия экономических прав и обязанностей государств» от 12 декабря 1974 г. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rights_and_duties.shtml - дата обращения 02.09.2024.

35. Резолюция A/RES/36/103 «Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств» от 09 декабря 1981 г. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/a/res/36/103> - дата обращения 02.09.2024.

36. Резолюция A/RES/42/22 «Декларация об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях» от 18 ноября 1987 г. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/a/res/42/22> - дата обращения 02.09.2024.

37. Резолюция ООН A/RES/43/51 «Декларация о предотвращении и устранении споров и ситуаций, которые могут угрожать международному миру и безопасности, и о роли ООН в этой области» от 5 декабря 1988 г. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/a/res/43/51> - дата обращения 02.09.2024.

38. Резолюция A/RES/44/34 «Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников» от 4 декабря 1989 г. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/a/res/44/34> - дата обращения 02.09.2024.

39. Резолюция A/RES/46/59 «Декларация об установлении фактов Организацией Объединенных Наций в области поддержания международного мира и безопасности» от 9 декабря 1991 г. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/a/res/46/59> - дата обращения 02.09.2024.

40. Резолюция A/RES/49/57 «Декларация о совершенствовании сотрудничества между Организацией Объединенных Наций и региональными соглашениями или органами в области поддержания международного мира и безопасности» от 09 декабря 1994 г. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/a/res/49/57> - дата обращения 02.09.2024.

41. Резолюция A/RES/56/83 «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» от 12 декабря 2001 г. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/a/res/56/83> - дата обращения 02.09.2024.

42. Резолюция A/RES/59/35 «О проекте статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния» от 2 декабря 2004 г. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/a/res/59/35> - дата обращения 02.09.2024.

43. Резолюция A/RES/60/147 «Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права» от 16 декабря 2005 г. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/a/res/60/147> - дата обращения 02.09.2024.

44. Резолюция A/RES/62/61 «О проекте статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния» от 6 декабря 2007 г. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/a/res/62/61> - дата обращения 02.09.2024.

45. Резолюция A/RES/65/19 «О проекте статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния» от 6 декабря 2010. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/a/res/65/19> - дата обращения 02.09.2024.

46. Резолюция A/RES/66/100 «Ответственность международных организаций» от 9 декабря 2011 г. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/a/res/66/100> - дата обращения 02.09.2024.

47. Резолюция A/RES/67/1 «Декларация совещания на высоком уровне Генеральной Ассамблеи по вопросу о верховенстве права на национальном и международном уровнях» от 24 сентября 2012 г. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/a/res/67/1> - дата обращения 02.09.2024.

48. Резолюция A/RES/67/4 «Необходимость прекращения экономической, торговой и финансовой блокады, введенной Соединенными Штатами Америки против Кубы» от 13 ноября 2012 г. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/67/4> - дата обращения 02.09.2024.

В. Резолюции Совета Безопасности ООН:

49. Резолюция A/68/104 «О проекте статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния» от 16 декабря 2013. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/a/68/104> - дата обращения 02.09.2024.

50. Резолюция СБ ООН S/RES/232 «Вопрос о положении в Южной Родезии» от 16 декабря 1966 г. Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/232\(1966\)](https://undocs.org/ru/S/RES/232(1966)) - дата обращения 02.09.2024.

51. Резолюция СБ ООН S/RES/661 «Ситуация в отношениях между Ираком и Кувейтом» от 6 августа 1990 г. Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/661\(1990\)](https://undocs.org/ru/S/RES/661(1990)) - дата обращения 02.09.2024.

52. Резолюция СБ ООН S/RES/936 «Учреждение международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии» от 8 июля 1994 г. Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/936\(1994\)](https://undocs.org/ru/S/RES/936(1994)) - дата обращения 02.09.2024.

53. Резолюция СБ ООН S/RES/1172 «Ответственность Совета Безопасности за поддержание международного мира и безопасности» от 6 июня 1998 г. Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/1172\(1998\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1172(1998)) - дата обращения 02.09.2024.

54. Резолюция СБ ООН 1244 «Резолюции 1160 (1998), 1199 (1998) и 1203 (1998) Совета Безопасности [Косово]» от 10 июня 1999 г. Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/1244\(1999\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1244(1999)) - дата обращения 02.09.2024.

55. Резолюция СБ ООН S/RES/1317 «Обеспечение эффективной роли Совета Безопасности в деле поддержания международного мира и безопасности, особенно в Африке» от 7 сентября 2000 г.

56. Резолюция СБ ООН S/RES/1366 «Роль Совета Безопасности в предотвращении вооруженных конфликтов» от 30 августа 2001 г. Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/1366\(2001\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1366(2001)) - дата обращения 02.09.2024.

57. Резолюция СБ ООН S/RES/1411 «Международные трибуналы по бывшей Югославии и по Руанде» от 17 мая 2002 г. Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/1411\(2002\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1411(2002)) - дата обращения 02.09.2024.

58. Резолюция СБ ООН S/RES/1502 «Защита персонала ООН, связанного с ней персонала и гуманитарного персонала в районах конфликтов» от 26 августа 2003 г.

59. Резолюция СБ ООН S/RES/1467 «Распространение стрелкового оружия и легких вооружений и деятельность наемников: угрозы миру и безопасности в Западной Африке» от 18 марта 2003 г. Режим доступа: [https://undocs.org/ru/m=S/RES/1467\(2003\)](https://undocs.org/ru/m=S/RES/1467(2003)) - дата обращения 02.09.2024.

60. Резолюция СБ ООН S/RES/1540 «Нераспространение оружия массового уничтожения» от 28 апреля 2004 г. Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/1540\(2004\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1540(2004)) - дата обращения 02.09.2024.

61. Резолюция СБ ООН S/RES/1618 «Угрозы международному миру и безопасности, создаваемые террористическими актами [Ирак]» от 4 августа 2005 г. Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/1618\(2005\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1618(2005)) - дата обращения 02.09.2024.

62. Резолюция СБ ООН S/RES/1732 «Общие вопросы, касающиеся санкций» от 21 декабря 2006 г. Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/1732\(2006\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1732(2006)) - дата обращения 02.09.2024.

63. Резолюция СБ ООН S/RES/1738 «Защита гражданских лиц в вооруженном конфликте» от 23 декабря 2006 г. Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/1738\(2006\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1738(2006)) - дата обращения 02.09.2024.

64. Резолюция СБ ООН S/RES/1852 «Положение на Ближнем Востоке, включая палестинский вопрос» от 17 декабря 2008 г. Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/1852\(2008\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1852(2008)) - дата обращения 02.09.2024.

65. Резолюция СБ ООН S/RES/1887 «Поддержание международного мира и безопасности» от 24 сентября 2009 г. Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/1887\(2009\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1887(2009)) - дата обращения 02.09.2024.

66. Резолюция СБ ООН S/RES/1970 «Мир и безопасность в Африке» от 26 февраля 2011 г. Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/1970\(2011\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1970(2011)) - дата обращения 02.09.2024.

67. Резолюция СБ ООН S/RES/1973 «Ситуация в Ливии» от 17 марта 2011 г. Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/1973\(2011\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1973(2011)) - дата обращения 02.09.2024.

68. Резолюция СБ ООН S/RES/2033 «Сотрудничество между Организацией Объединенных Наций и региональными и субрегиональными организациями в деле поддержания международного мира и безопасности» от 12 января 2012 г. Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/2033\(2012\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2033(2012)) - дата обращения 02.09.2024.

69. Резолюция СБ ООН 2082 «Угрозы международному миру и безопасности, создаваемые террористическими актами» от 17 декабря 2012 г. Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/2082\(2012\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2082(2012)) - дата обращения 02.09.2024.

70. Резолюция СБ ООН S/RES/2086 «Операции Организации Объединенных Наций по поддержанию мира» от 21 января 2013 г.

71. Резолюция СБ ООН S/RES/2131 «Положение на Ближнем Востоке» от 18 декабря 2013 г. Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/2131\(2013\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2131(2013)) - дата обращения 02.09.2024.

72. Резолюция СБ ООН S/RES/2154 «Угрозы международному миру и безопасности» от 8 мая 2014 г. Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/2154%20\(2014\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2154%20(2014)) - дата обращения 02.09.2024.

73. Резолюция СБ ООН S/RES/2165 «Положение на Ближнем Востоке» от 14 июля 2014 г. Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/2165\(2014\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2165(2014))

74. Резолюция СБ ООН S/RES/2199 «Угрозы международному миру и безопасности, создаваемые террористическими актами» от 12 февраля 2015 г. Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/2199\(2015\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2199(2015)) - дата обращения 02.09.2024.

75. Резолюция СБ ООН S/RES/2503 «Положение на Ближнем Востоке» от 19 декабря 2019 года. Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/2503\(2019\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2503(2019)) - дата обращения 02.09.2024.

76. Резолюция СБ ООН S/RES/2546 «Поддержание международного мира и безопасности» от 2 декабря 2020 года. Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/2546\(2020\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2546(2020)) - дата обращения 02.09.2024.

Г. Документы Комиссии международного права ООН:

77. Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. 1996. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/code_of_offences.shtml - дата обращения 02.09.2024.

78. Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния. 2001. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/responsibility.pdf - дата обращения 02.09.2024.

79. Ответственность международных организаций. Комментарии, полученные от международных организаций. 2006. Режим доступа: <https://legal.un.org/ilc/reports/2006/russian/chp7.pdf> - дата обращения 02.09.2024.

80. Проект статей об ответственности международных организаций. Комиссия международного права. 2011 г. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/intorg_responsibility.pdf - дата обращения 02.09.2024.

81. Ответственность международных организаций. Комментарии, полученные от международных организаций. 2011. Режим доступа: <https://legal.un.org/ilc/reports/2011/russian/chp5.pdf> - дата обращения 02.09.2024.

82. Draft articles on Prevention and Punishment of Crimes Against Humanity. 2019. Режим доступа: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/draft_articles/7_7_2019.pdf - дата обращения 01.09.2024.

Д. Доклады Комиссии международного права ООН:

83. Доклад Комиссии международного права. 52 сессия. 2000. A/55/10. Режим доступа: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/russian/ilc_2000_v2_p2.pdf - дата обращения 02.09.2024.

84. Доклад Комиссии международного права. 53 сессия. 2001. A/56/10. Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N01/557/83/IMG/N0155783.pdf?OpenElement> - дата обращения 02.09.2024.

85. Доклад Комиссии международного права. 55 сессия. 2003. A/58/10. Режим доступа: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/russian/ilc_2003_v2_p2.pdf - дата обращения 02.09.2024.

86. Доклад Комиссии международного права. 64 сессия. 2012. Режим доступа: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/67/10> - дата обращения 02.09.2024.

87. Доклад Комиссии международного права. 68 сессия. 2016. Режим доступа: https://legal.un.org/ilc/reports/2016/russian/a_71_10.pdf - дата обращения 02.09.2024.

Е. Ежегодники Комиссии международного права ООН:

88. Yearbook of International Law Commission. Vol.2. 1956. Режим доступа: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_1956_v2.pdf - дата обращения 02.09.2024.

89. Yearbook of International Law Commission. Vol. 2. 1958. Режим доступа: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_1958_v2.pdf - дата обращения 02.09.2024.

90. Yearbook of the International Law Commission. Vol. 1. 1959. Режим доступа: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_1959_v1.pdf - дата обращения 02.09.2024.

91. Yearbook of International Law Commission. Vol. 2. 1963. Режим доступа: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_1963_v1.pdf - дата обращения 02.09.2024.

92. Yearbook of the International Law Commission. Vol.2.1969. Режим доступа: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_1969_v2.pdf - дата обращения 02.09.2024.

93. Yearbook of International Law Commission. Vol. 1. 1973. Режим доступа: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_1973_v2.pdf - дата обращения 02.09.2024.

94. Yearbook of International Law Commission. Vol. 1. 1983. Режим доступа: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_1983_v1.pdf - дата обращения 02.09.2024.

95. Yearbook of the International Law Commission. Vol.1. 1998. Режим доступа: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_1998_v1.pdf - дата обращения 02.09.2024.

96. Yearbook of the International Law Commission. Vol. 2. 2001. Режим доступа: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_2001_v2_p2.pdf - дата обращения 02.09.2024.

97. Yearbook of the International Law Commission. Vol. 1. 2006. Режим доступа: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_2006_v1.pdf - дата обращения 02.09.2024.

98. Yearbook of the International Law Commission. Vol. 1. 2010. Режим доступа: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/russian/ilc_2010_v1.pdf - дата обращения 02.09.2024.

99. Yearbook of the International Law Commission. Vol. 1. 2010. Режим доступа: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_2015_v2_p2.pdf - дата обращения 02.09.2024.

Ж. Документы прочих органов системы ООН:

100. Documents of the United Nations Conference on International Organization. London- New-York, 1945. Режим доступа: <https://digitallibrary.un.org/record/1300969?ln=ru> - дата обращения 02.09.2024.

101. Письмо заместителя представителя США на имя Генерального Секретаря ООН о бомбардировке военно-воздушными силами территории Китая от 26 сентября 1950 г. UN Doc. S/1813.

102. Записка представителя США на имя Генерального секретаря ООН от 19 октября 1950 г. UN Doc. S/1856.

103. Legal activities of the United Nations and related intergovernmental organizations. United Nations Juridical Yearbook. 1980. Режим доступа: <https://legal.un.org/unjuridicalyearbook/pdfs/english/volumes/1980.pdf> - дата обращения 02.09.2024.

104. UN Congress on Public International Law. N.Y., 1995. Режим доступа: <https://digitallibrary.un.org/record/213121> - дата обращения 02.09.2024.

105. Ten Rules: Code of Personal Conduct For Blue Helmets. 1999. Режим доступа: <https://police.un.org/en/ten-rules-code-of-personal-conduct-blue-helmets-1999> - дата обращения 02.09.2024.

106. On the Establishment of the Housing and Property Directorate and the Housing and Property Claims Commission. United Nations Interim Administration Mission in Kosovo (UNMIK). UN Doc. UNMIK/REG/1999/2315. November 1999.

107. Report on the question of the use of mercenaries as a means of violating human rights and impeding the exercise of the right of peoples to self-determination. Commission of Human Rights. 2003. Режим доступа: <https://digitallibrary.un.org/record/515408> - дата обращения 02.09.2024.

108. The Responsibility to Protect. Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty (ICISS), September 2000. Режим доступа: <https://www.idrc.ca/en/book/responsibility-protect-report-international-commission-intervention-and-state-sovereignty> - дата обращения 02.09.2024.

109. Letter from the Permanent Representative of the United States of America to the United Nations addressed to the President of the Security Council. UN Doc. S/2001/946. 7 October 2001. Режим доступа: <https://digitallibrary.un.org/record/449476?ln=ru> - дата обращения 02.09.2024.

110. Фактологический бюллетень Всемирной организации здравоохранения № 257 «Обедненный уран». 2001. Режим доступа: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/66930/WHO_SDE_PHE_01.1.pdf - дата обращения 02.09.2024.

111. Фактологический бюллетень Управления Верховного Комиссара ООН по правам человека №28 «Влияние деятельности наемников на осуществление права народов на самоопределение». 2002.

112. Interoffice memorandum to the Director of the Codification Division, Office of Legal Affairs, and Secretary of the International Law Commission regarding the topic of Responsibility of International Organizations. United Nations Juridical Yearbook 2004.

113. Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам «Более безопасный мир: наша общая ответственность». UN Doc. A/59/565. 2004.

114. Типовой меморандум о взаимопонимании между Организацией Объединенных Наций и [участвующим государством], предоставляющим ресурсы для [операции Организации Объединенных Наций по поддержанию мира]. Руководство по имуществу, принадлежащему контингентам. UN Doc. A/C.5/60/26. 22 декабря 2005 г.

115. Report of the Working Group on mercenaries. UN. Doc. A/61/341. 13 September 2006.

116. Повышение эффективности санкций Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. Симпозиум 30 апреля 2007 г. Приложение к письму Постоянного представителя Греции при ООН от 12.12.2007 на имя Председателя Совета Безопасности. S/2007/734. Режим доступа: <http://daccessdds.un.org/doc/UNDOC/GEN/N07/643/61/PDF/N0764361.pdf?OpenElement> - дата обращения 02.09.2024.

117. Приложение к письму Постоянного представителя Греции при Организации Объединенных Наций от 12 декабря 2007 года на имя Председателя Совета Безопасности «Повышение эффективности санкций Совета Безопасности Организации Объединенных Наций». Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 2007. Режим доступа: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/S/2007/22> - дата обращения 02.09.2024.

118. Montreux Document on Pertinent International Legal Obligations and Good Practices for States Related to Operations of Private Military and Security Companies During Armed Conflict. UN Doc. A/63/467-S/2008/636, 6 October 2008.

119. List of Vendors on Provisional Status by Country of Origin//UN Office of Central Support Services, Procurement Division, 2011.

120. International Commission of Inquiry on Libya Report. Human Rights Council. 19th session. UN Doc. A/HRC/19/68. 2 March 2012.

Ш. Материалы судебной практики:

А. Решения Постоянной палаты международного правосудия:

121. Lotus case (France v. Turkey), 1927. Режим доступа: http://www.worldcourts.com/pcij/eng/decisions/1927.09.07_lotus.htm - дата обращения 02.09.2024.

122. The SS “Wimbledon” (United Kingdom and others v. Germany). 1923. Режим доступа: http://www.worldcourts.com/pcij/eng/decisions/1923.08.17_wimbledon.htm - дата обращения 02.09.2024.

123. Mavrommatis Palestine Concessions (Greece v United Kingdom). 1924. Режим доступа: http://www.worldcourts.com/pcij/eng/decisions/1924.08.30_mavrommatis.htm - дата обращения 02.09.2024.

124. Oscar Chinn Case (United Kingdom v Belgium). 1934. Режим доступа: http://www.worldcourts.com/pcij/eng/decisions/1934.12.12_oscar_chinn.htm - дата обращения 02.09.2024.

125. Factory at Chorzow (Germany v Poland). 1928. Режим доступа: http://www.worldcourts.com/pcij/eng/decisions/1928.12.15_chorzow_annex_to_1929.05.25_chorzow.htm - дата обращения 02.09.2024.

126. Phosphates in Morocco (Italy v France). 1938. Режим доступа: http://www.worldcourts.com/pcij/eng/decisions/1938.06.14_phosphates.htm - дата обращения 02.09.2024.

Б. Документы Международного Суда ООН:

Решения:

127. Corfu Channel Case (United Kingdom v. Albania). 1949. Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/1/001-19490409-JUD-01-00-EN.pdf> - дата обращения 02.09.2024.

128. Case Concerning South Africa (Liberia/Ethiopia v. South Africa). 1966. Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/46/9261.pdf> - дата обращения 02.09.2024.

129. Case Concerning the Barcelona Traction, Light and Power Company, LTD (Belgium v. Spain). 1964. Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/50/050-19640724-JUD-01-00-EN.pdf> - дата обращения 02.09.2024.

130. The Nuclear Tests Case (New Zealand v. France). 1974. Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/59/059-19741220-JUD-01-00-EN.pdf> - дата обращения 02.09.2024.

131. United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran (USA v Iran). 1980. Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/64/064-19800524-JUD-01-00-EN.pdf> - дата обращения 02.09.2024.

132. Case Concerning Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America). 1986. Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/en/case/70/judgments> - дата обращения 02.09.2024.

133. Case Concerning East Timor (Portugal vs. Australia). 1995. Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/en/case/84> - дата обращения 02.09.2024.

134. Case Concerning Application of the Convention on the Protection and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Yugoslavia). 1996. Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/en/case/91/judgments> - дата обращения 02.09.2024.

135. Case concerning the Gabcikovo-Nagymaros Project (Hungary v. Slovakia). 1997. Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/en/case/92/judgments> - дата обращения 02.09.2024.

136. Case Concerning Legality of Use of Force (Yugoslavia v. Spain). 1999. Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/en/case/112> - дата обращения 02.09.2024.

137. La Grand Case (Germany v United States of America). 2001. Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/en/case/104>- дата обращения 02.09.2024.

138. Arrest Warrant-Case (Democratic Republic of the Congo v. Belgium). 2002. Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/en/case/121> - дата обращения 02.09.2024.

139. Cases Concerning Legality of Use of Force (Serbia and Montenegro v.Belgium, Serbia and Montenegro v.Canada, Serbia and Montenegro v. France, Serbia and Montenegro v.Germany, Serbia and Montenegro v. Italy, Serbia and Montenegro v. Netherlands, Serbia and Montenegro v.Portugal. Judgments of 15 December 2004. Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/en/case/105> - дата обращения 02.09.2024.

140. Case Concerning Armed Activities on the Territory of the Congo (New Application: 2002) (Congo v. Rwanda). 2006. Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/en/case/126> - дата обращения 02.09.2024.

141. Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia & Herzegovina v. Serbia & Montenegro). 2007. Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/en/case/91> - дата обращения 02.09.2024.

142. Certain Questions of Mutual Assistance in Criminal Matters (Djibouti v. France). 2008. Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/en/case/136> (дата обращения 15.04.2021).

143. Case “Questions Relating to the Obligation to Prosecute or Extradite” (Belgium v. Senegal). 2012. Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/en/case/144> - дата обращения 02.09.2024.

144. Legal Consequences arising from the Policies and Practices of Israel in the Occupied Palestinian Territory, including East Jerusalem - The Court gives its Advisory Opinion and responds to the questions posed by the General Assembly. 2024. Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/186/186-20240719-pre-01-00-en.pdf> - дата обращения 02.09.2024.

Консультативные заключения:

145. Application of the Convention of the prevention and Punishment of the Crime of Genocide. 2015. Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/en/case/118> - дата обращения 02.09.2024.

146. Консультативное заключение о возмещении ущерба, понесенного на службе ООН. 1949. Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/en/case/4> - дата обращения 02.09.2024.

147. Консультативное заключение относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения. 1996 г. Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/en/case/95> - дата обращения 02.09.2024.

148. Консультативное заключение относительно иммунитета Специального докладчика Комиссии по правам человека. 1999. Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/en/case/100> - дата обращения 02.09.2024.

149. Legal Consequences of the Separation of the Chagos Archipelago from Mauritius in 1965. Advisory Opinion. 2019. Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/en/case/169> - дата обращения 02.09.2024.

В. Арбитражные решения:

150. Cysne Case. Responsibility of Germany for acts committed subsequent to 31 July 1914 and before Portugal entered into war. UN Reports of International Arbitral Awards. Vol.II. 1930.

151. Naulila International Arbitration Concerning the Responsibility of Germany for Damage Caused in the Portuguese Colonies of South Africa// UN Reports of International Arbitral Awards. Execution of German-Portuguese Arbitral Award of June 30th, 1930 (Germany, Portugal)

16 February 1933 https://legal.un.org/riaa/cases/vol_III/1371-1386.pdf - дата обращения 02.09.2024.

152. Case concerning the Air Service Agreement of 27 March 1946 between the United States of America and France, United Nations, Reports of International Arbitral Awards. V. XVIII. 1978. Режим доступа: <https://jsumundi.com/en/document/decision/en-air-service-agreement-of-27-march-1946-between-the-united-states-of-america-and-france-decision-saturday-9th-december-1978> - дата обращения 02.09.2024.

Г. Решения Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ)

153. Решение Европейского суда по правам человека по делу «Аль-Адсани против Соединенного Королевства» (жалоба №35763/97) от 21 ноября 2001. Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:%5C%22CASE%20OF%20AL-ADSANI%20v.%20THE%20UNITED%20KINGDOM%5C%22%22,%22respondent%22:%5C%22GBR%22,%22documentcollectionid%22:%5C%22GRANDCHAMBER%22,%22CHAMBER%22,%22organisations%22:%5C%22ECHR%22,%22itemid%22:%5C%22001-59885%22%7D> - дата обращения 02.09.2024.

154. Решение Европейского Суда по правам человека по вопросам приемлемости для рассмотрения по существу жалобы «Банкович и другие заявители против Бельгии» (жалоба №552207/99) от 12 декабря 2001. Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:%5C%22BANKOVIĆ%20AND%20OTHERS%20v.%20BELGIUM%20AND%20OTHERS%5C%22%22,%22itemid%22:%5C%22001-22099%22%7D> - дата обращения 02.09.2024.

155. Решение Европейского Суда по правам человека по делу «Маркович и другие против Италии» (жалоба № 1398/03) от 14 декабря 2006. Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:%5C%22Markovic%22,%22itemid%22:%5C%22001-78623%22%7D> - дата обращения 02.09.2024.

156. Решение Европейского суда по правам человека «По вопросу приемлемости жалобы № 71412/01 «Ажим Бехрами и Бекир Бехрами против Франции» и жалобы № 78166/01 «Ружди Сарамати против Франции, Германии и Норвегии» от 02 мая 2007. Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:%5C%22Agim%20Behrami%22,%22itemid%22:%5C%22001-80830%22%7D> - дата обращения 02.09.2024.

157. Решение Европейского суда по правам человека по делу «Берич и еще 25 человек против Боснии и Герцеговины» (жалоба №36357/04) от 16 октября 2007. Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:%5C%22Berić%22,%22itemid%22:%5C%22001-83109%22%7D> - дата обращения 02.09.2024.

158. Решение Европейского суда по правам человека по делу «Галич против Нидерландов» (жалоба № 22617/07), по делу «Благоевич против Нидерландов» (жалоба № 49032/07) от 09 июня 2009. Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:%5C%22galic%20Blagojevic%22,%22itemid%22:%5C%22002-1443%22%7D> - дата обращения 02.09.2024.

159. Решение Европейского суда по правам человека по делу «Аль-Джедда против Соединенного Королевства» (жалоба №27021/08) от 7 июля 2011. Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:%5C%22Al-Jedda%22,%22itemid%22:%5C%22001-105612%22%7D> - дата обращения 02.09.2024.

Д. Дела Международного уголовного суда (МУС):

160. The Prosecutor v. Joseph Kony and Vincent Otti; ICC-02/04-01/05. Режим доступа: <https://www.icc-cpi.int/uganda/kony> (дата обращения 15.04.2021).

161. The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo; ICC-01/04-01/06. Режим доступа: <https://www.icc-cpi.int/drc/lubanga?ln=en> (дата обращения 15.04.2021).

162. The Prosecutor v. Bosco Ntaganda; ICC-01/04-02/06. Режим доступа: <https://www.icc-cpi.int/drc/ntaganda?ln=en> (дата обращения 15.04.2021).
163. The Prosecutor v. Germain Katanga; ICC-01/04-01/07. Режим доступа: <https://www.icc-cpi.int/drc/katanga?ln=en> - дата обращения 02.09.2024.
164. The Prosecutor v. Callixte Mbarushimana; ICC-01/04-01/10. Режим доступа: <https://www.icc-cpi.int/drc/mbarushimana?ln=en> - дата обращения 02.09.2024.
165. The Prosecutor v. Sylvestre Mudacumura; ICC-01/04-01/12. Режим доступа: <https://www.icc-cpi.int/drc/mudacumura?ln=en> - дата обращения 02.09.2024.
166. The Prosecutor v. Omar Hassan Ahmad Al Bashir ICC-02/05-01/09. Режим доступа: <https://www.icc-cpi.int/darfur/albashir> - дата обращения 02.09.2024.
167. The Prosecutor v. Bahar Idriss Abu Garda; ICC-02/05-02/09. режим доступа: <https://www.icc-cpi.int/darfur/abugarda?ln=en> - дата обращения 02.09.2024.
168. The Prosecutor v. Abdallah Banda Abakaer Nourain; ICC-02/05-03/09. Режим доступа: <https://www.icc-cpi.int/darfur/banda?ln=en> - дата обращения 02.09.2024.
169. The Prosecutor v. Abdel Raheem Muhammad Hussein; ICC-02/05-01/12. Режим доступа: <https://www.icc-cpi.int/darfur/hussein?ln=en> - дата обращения 02.09.2024.
170. The Prosecutor v. Uhuru Muigai Kenyatta; ICC-01/09-02/11. режим доступа: <https://www.icc-cpi.int/kenya/kenyatta?ln=en> - дата обращения 02.09.2024.
171. The Prosecutor v. Saif Al-Islam Gaddafi; ICC-01/11-01/11. Режим доступа: <https://www.icc-cpi.int/libya/gaddafi> - дата обращения 02.09.2024.
172. The Prosecutor v. Ali Muhammad Ali Abd-Al-Rahman ("Ali Kushayb"); ICC-02/05-01/20 Режим доступа: <https://www.icc-cpi.int/darfur/abd-al-rahman> - дата обращения 02.09.2024.

IV. Документы национального права и документы международных организаций:

А. Российская Федерация:

173. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) //Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020. Режим доступа <http://pravo.gov.ru/constitution/>- дата обращения 02.09.2024.
174. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001202107030001> - дата обращения 02.09.2024.
175. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации». Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201205070025>
176. Распоряжение Президента Российской Федерации от 16 ноября 2016 г. № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда». Режим доступа: <https://rg.ru/2016/11/18/statut-dok.html> - дата обращения 02.09.2024.
177. Военная доктрина Российской Федерации от 30 декабря 2014 г. 30 декабря 2014 г. Российская газета - Федеральный выпуск № 298(6570). Режим доступа: <https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html> - дата обращения 02.09.2024.
178. Концепция внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102416644&intelsearch=%EE%F2+30+%ED%E%FF%E1%F0%FF+2016+%E3.+%B9+640> - дата обращения 02.09.2024.

179. Федеральный закон №101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации». Принят Государственной Думой 16 июня 1995 года(в ред. Федеральных законов от 01.12.2007 N 318-ФЗ, от 25.12.2012 N 254-ФЗ, от 12.03.2014 N 29-ФЗ). Режим доступа:<http://ips.pravo.gov.ru/?docbody=&prevDoc=102487635&backlink=1&&nd=102036504>- дата обращения 02.09.2024.

180. Заявление МИД России в связи с российскими ответными мерами на очередные санкционные решения ЕС. 30.04.21. Режим доступа: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4719537 - дата обращения 02.09.2024 .

181. Постановление Конституционного суда Российской Федерации N 12-П « По делу о проверке конституционности федерального закона от 15 апреля 1998 г. «О культурных ценностях, перемещённых в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» от 20 июля 1999 г. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23938/ - дата обращения 02.09.2024.

182. «Односторонние санкции» и международное право. Заключение Международно-правового совета при МИД России. 2012. Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/720> - дата обращения 02.09.2024 .

Б. США:

183. War Powers Resolution Pub. L. No. 93-148, 87 Stat. 555. 1973. Режим доступа: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-87/pdf/STATUTE-87-Pg555.pdf> - дата обращения 02.09.2024.

184. Digest of the United States in International Law. Office of the Legal Adviser. Режим доступа: <https://www.state.gov/digest-of-united-states-practice-in-international-law/> - дата обращения 02.09. 2024.

185. Civil Liberties Act. Public Law 100–383. 10 August 1988. Режим доступа: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-102/pdf/STATUTE-102-Pg903.pdf> - дата обращения 02.09.2024.

186. Authorization for Use of Military Force Against Iraq Resolution, Pub. L. No. 102-1, 105 Stat. 3 1991. Режим доступа: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-105/pdf/STATUTE-105-Pg3.pdf#page=1> -дата обращения 02.09.2024.

187. US Air Force Pamphlet 14-210. February 1998. Режим доступа: <https://www.hsdl.org/?view&did=3306> - дата обращения 02.09.2024.

188. Joint Statement on the Kosovo After Action Review, Secretary of Defense William S. Cohen and General Henry H.Shelton, Chairman of the Joint Chiefs of Staff, before the United States Senate Armed Services Committee, 14 October 1999. Режим доступа: <https://it-blogger.net/joint-statement-on-the-kosovo-after-action/> - дата обращения 02.09.2024.

189. Statement by the Army on Photographs Published by Der Spiegel. US Department of Defense. March 21, 2011. Режим доступа: <http://www.defense.gov/releases/release.aspx?releaseid=14353> - дата обращения 02.09.2024.

190. Report «Warlord, Inc.: Extortion and Corruption Along the U.S. Supply Chain in Afghanistan Report of the Majority Staff» by John F. Tierney, Chair Subcommittee on National Security and Foreign Affairs Committee on Oversight and Government Reform U.S. House of Representatives. June 2010. Режим доступа: <https://www.hsdl.org/?abstract&did=23047> - дата обращения 02.09.2024.

В. Организация Североатлантического альянса (НАТО):

191. Non-Binding Guidelines for Payments in Combat-Related Cases of Civilian Casualties or Damage to Civilian Property. NATO 20 September 2010. Режим доступа: https://www.nato.int/cps/en/SID-9D9D8832-42250361/natolive/official_texts_65114.htm - дата обращения 02.09.2024.

192. Заявление Организации Североатлантического договора (НАТО) и Правительства Исламской Республики Афганистан о долгосрочном партнерстве, подписанное на встрече в верхах НАТО в Лиссабоне, Португалия - 20 ноября 2010. Режим доступа: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_68724.htm?selectedLocale=ru - дата обращения 02.09.2024.

193. NATO Legal Adviser Letter. 23 January 2012. Режим доступа: https://www.nato.int/nato_static/assets/pdf/pdf_2012_05/20120514_120514-nato_1st_icil_response.pdf - дата обращения 02.09.2024.

194. Davis I. The UN Human Rights Council's report on civilian casualties in Libya//NATO Watch. Briefing Paper No.21. 21 March 2012. Режим доступа: https://natowatch.org/sites/default/files/NATO_Watch_Briefing_Paper_No.21_-_UN_Human_Rights_Council_report_on_Libya.pdf - дата обращения 02.09.2024.

V. Документы институтов, ассоциаций, собраний по международному праву, правозащитных организаций.

195. The Legal Consequences for Member States of the Non-fulfilment by International Organizations of their Obligations toward Third Parties. Institut de droit international, Session of Lisbonne-1995. Режим доступа: https://www.idi-ii.org/app/uploads/2017/06/1995_lis_02_en.pdf - дата обращения 02.09.2024.

196. Washington Conference Principles on Nazi-Confiscated Art. Washington Conference on Holocaust-Era Assets, Washington, DC, December 3, 1998. Режим доступа: <https://www.state.gov/washington-conference-principles-on-nazi-confiscated-art/> - дата обращения 02.09.2024.

197. Вердикт Международного общественного трибунала по преступлениям НАТО в Югославии. София, 1 октября 2000.

VI. Сборники документов:

198. Преступления НАТО в Югославии. Документальные свидетельства. 24 марта – 24 апреля 1999 г. Перевод с английского под редакцией Л.Н. Галенской и В.А. Белокопя. Белград 1999г. Том I. – 432 с.

199. Преступления НАТО в Югославии. Документальные свидетельства. 25 апреля – 10 июня 1999 г. Том II. Белград, 2000. – 552 с.

200. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов. Том VI. Берлинская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.) М.: Издательство политической литературы, 1984.

201. Тегеран – Ялта – Потсдам. Сборник документов. Составители: Ш.П. Санакоев, Б.Л. Цыбулевский. 2-е издание. М., Международные отношения, 1970. – 416 с.

VII. Выступления и интервью:

202. President Richard M. Nixon, Annual Message to the Congress on the State of the Union, January 1970. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/annual-message-the-congress-the-state-the-union-0> - дата обращения 02.09.2024.

203. President Ronald Reagan, Radio Address to the Nation on Economic Growth and the War on Drugs. October 8, 1988. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/radio-address-the-nation-the-economy-and-welfare-reform> - дата обращения 02.09.2024.

204. President George W. Bush, Address Before a Joint Session of Congress on the United States Response to the Terrorist Attacks of September 11, 2001. Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/wp-srv/nation/specials/attacked/transcripts/bushaddress_092001.html - дата обращения 02.09.2024..

205. Obama B. A Just and Lasting Peace. Nobel Lecture. The Nobel Peace Prize 2009. Режим доступа: <https://www.nobelprize.org/prizes/peace/2009/obama/lecture/> - дата обращения 02.09.2024.

206. President Obama's Commencement Address at West Point. 28 May 2014. Режим доступа: <https://www.stripes.com/news/us/full-text-of-obama-s-commencement-speech-at-west-point-1.285849> - дата обращения 02.09.2024.

207. Выступление Его Превосходительства д-ра Махмуда Ахмадинежада Президента Исламской Республики Иран перед 65-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН Нью-Йорк, 23 сентября 2010 г. Режим доступа: <http://www.warandpeace.ru/ru/reports/view/51373/> - дата обращения 02.09.2024.

208. Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, Мюнхен, 17 февраля 2018 г. Режим доступа: https://www.mid.ru/vistupleniya_ministra/-/asset_publisher/MCZ7HQMdqBY/content/id/3081301 - дата обращения 02.09.2024.

209. Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова Генеральному директору МИА «Россия сегодня» Д.К. Киселеву, Москва, 28 апреля 2021 года. 28.04.2021. Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4715136 - дата обращения 02.09.2024.

Научная литература:

I. Монографии

На русском языке:

1. Арзамаскин Н.Н., Смирнов С.В. Суверенитет современного государства в условиях глобализации / Н.Н. Арзамаскин, С.В. Смирнов. – Ульяновск, 2012. – 182 с.
2. Барсегов Ю.Г. Геноцид армян - преступление по международному праву /Ю.Г. Барсегов. – М., Изд-во «XXI век – Согласие». 2000. – 272 с.
3. Василенко В.А. Ответственность государства за международные правонарушения / В.А. Василенко. – Киев, 1976. – 267 с.
4. Василенко В.А. Международно-правовые санкции/ В.А. Василенко. Киев, 1982. – 230 с.
5. Вельяминов Г.М. Международное право: опыты / Г.М. Вельяминов. М., Статут. 2015. – 1006 с.
6. Гроций Г. О праве войны и мира/ Г. Гроций. Репринт. с изд. 1956 г. М., Ладомир. 1994. – 868 с.
7. Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов/ Э. Давид. Международный комитет красного креста. 2011. – 720 с.
8. Давыдов Ю.П. Норма против силы. Проблема мирорегулирования/ Ю.П. Давыдов М, Международные отношения. 2002. – 288 с.
9. Донской Д. Агрессия вне закона. Об общепризнанном определении агрессии/ Д.Донской. М.: Международные отношения. 1976.
10. Епифанов А.Е. Ответственность гитлеровских преступников и их пособников в СССР (историко-правовой аспект)/ А.Е. Епифанов. Волгоград, 1997. – 216 с.
11. Карташкин В.А. Организация Объединенных Наций и международная защита прав человека в XXI веке/ В.А. Карташкин. М., Норма, 2015. – 176 с.
12. Каламкарян Р. А. Господство права в международных отношениях/ Р.А. Каламкарян. М., Наука. 2004. – 494 с.
13. Кешнер М.В. Право международной ответственности/ М.В. Кешнер. М., Проспект, 2017. – 261 с.

14. Коновалов И.П., Валецкий О.В. Эволюция частных военных компаний / И.П. Коновалов, О.В.Валецкий. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры. 2013. – 138 с.
15. Колосов Ю.М. Ответственность в международном праве/ Ю.М. Колосов. М. 1975. – 256 с.
16. Костенко Н.И. Международная уголовная юстиция. Проблемы развития/ Н.И. Костенко. М., 2002. – 448 с.
17. Котляр В.С. Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО/ В.С. Котляр. М. 2008. – 479 с.
18. Кочои С.М., Хасан Х.А. Преступление геноцида/ С.М. Кочои, Х.А. Хасан. М., «Перспект», 2015. – 184 с.
19. Курис П.М. Международные правонарушения и ответственность государств/ П.М. Курис. Вильнюс.1973. – 280 с.
20. Левин Д. Б. Суверенитет/ Д. Б. Левин. М., 1948. – 375 с.
21. Левин Д.Б. Ответственность государств в современном международном праве/ Д.Б. Левин М., 1966. – 152 с.
22. Левин Д.Б. Международное право и сохранение мира / Д.Б. Левин. М., 1971.
23. Лукашук И.И. Право международной ответственности/ И.И. Лукашук. М., Волтерс Клувер, 2004. – 432 с.
24. Маргиев В.И. Правотворчество международных организаций/ В.И. Маргиев. Майкоп, 1998. – 46 с.
25. Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации/ С.Ю. Марочкин. Москва, 2016. – 288 с.
26. Мартенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов/ Ф.Ф. Мартенс. Т. I. СПб. 1895. – 418 с.
27. Мазов В.А. Ответственность в международном праве: проблемы кодификации и прогрессивного развития норм и принципов международно-правовой ответственности/ В.А. Мазов. М., 1979. -151 с.
28. Менжинский В.И. Неприменение силы в международных отношениях: В.И. Менжинский. М., 1976. – 295 с.
29. Михайлов Н.Г. Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии: компетенция, источники права, основные принципы деятельности/ Н.Г. Михайлов. М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2006. – 267 с.
30. Михеев Ю. Я. Применение принудительных мер по Уставу ООН/ Ю.А. Михеев. М., 1967. – 207 с.
31. Моисеев А.А., Сазонова К.Л. Международно-правовая ответственность за преступления против мира и безопасности и государственный суверенитет/ А.А. Моисеев, К.Л. Сазонова. М. «Научная книга», 2017. – 199 с.
32. Моисеев А.А. Надгосударственность в современном международном праве/ А.А. Моисеев. М., «Научная книга», 2007. – 288 с.
33. Мошенская Н.В. Проблема ответственности за геноцид/ Н.В. Мошенская. М., Юристь. 2008.
34. Нешатаева Т.Н. Санкции системы ООН. Международно-правовой аспект/ Т.Н. Нешатаева. М.,1992. – 108 с.
35. Полторак А. И. Нюрнбергский эпилог/ А.И. Полторак. М., Воениздат, 1965. -552 с.
36. Полторак А. И. Нюрнбергский процесс. Основные правовые проблемы/ А.И. Полторак. М., Наука, 1966.- 352 с.
37. Раскалей С.Б. Объективная ответственность государств в международном праве/ С.Б. Раскалей. Киев, 1985. – 120 с.
38. Решетов Ю.А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности/ Ю.А. Решетов. М., Международные отношения, 1983. – 224 с.

39. Розенблит С.Я. Процесс главных японских военных преступников/ С.Я. Розенблит. М., 1950. – 264 с.
40. Сазонова К.Л. Миротворчество Организации Объединенных Наций: политические и правовые аспекты/ К.Л. Сазонова. Lambert Academic Publishing, 2011. – 132 с.
41. Сазонова К.Л. Сила права или право силы: использование вооруженных сил в миротворчестве Организации Объединенных Наций/ К.Л. Сазонова. М., Новый исторический вестник. 2012. – 154 с.
42. Сазонова К.Л. Ответственность государств и международных организаций за неправомерное применение силы в международном праве: теория и практика/ К.Л. Сазонова. М., НБ-Медиа. 2014. – 384 с.
43. Сазонова К.Л. Теоретико-концептуальное обоснование международно-правовой ответственности как отрасли военного права/ К.Л. Сазонова. М., «Перспект», 2016. 172 с.
44. Скакунов Э.И. Самооборона в международном праве/ Э.И. Скакунов. М., Международные отношения. 1973. – 176 с.
45. Собакин В.К. Коллективная безопасность — гарантия мирного сосуществования/ В.К. Собакин. М., 1962. – 519 с.
46. Старцун В.Н. Частные военные компании: международный опыт и перспективы правового регулирования в Российской Федерации/ В.Н. Старцун. – Москва: Военный университет, 2016. – 209 с.
47. Тиунов О.И. СССР и обеспечение международных договоров/ О.И. Тиунов. Иркутск. 1989. – 87 с.
48. Трайнин А. Н. Защита мира и уголовный закон. Под редакцией и с предисловием А.Я. Вышинского/ А.Н. Трайнин. Москва, Юридическое издательство НКЮ Союза ССР, 1937. – 216 с.
49. Трайнин А. Н. Уголовная интервенция. Под редакцией А.Я. Вышинского/ А.Н. Трайнин. Москва, из-во «Советское законодательство», 1935. – 102 с.
50. Тункин Г.И. Право и сила в международной системе/ Г.И. Тункин. М., 1983. -198 с.
51. Усенко Е.Т. Очерки теории международного права/ Е.Т. Усенко. М., Норма, 2008. – 240 с.
52. Ушаков Н.А. Основания международной ответственности государств/ Н.А. Ушаков. М., Международные отношения, 1983. – 184 с.
53. Ушаков Н.А. Правовое регулирование использования силы в международных отношениях/ Н.А. Ушаков. М., 1997. – 96 с.
54. Фархутдинов И.З. Американская доктрина о превентивном ударе от Монро до Трампа: международно-правовые аспекты/ И.З. Фархутдинов. Москва, изд-во «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2018. – 419 с.
55. Фисенко И.В. Борьба с международными преступлениями в международном уголовном праве/ И.В. Фисенко. Минск, 2000. – 336 с.
56. Хачатуров Р.Л. Ответственность в современном международном праве/ Р.Л. Хачатуров. Тольятти, 1996. – 52 с.
57. Хачатуров Р.Л., Гогин А.А., Кешнер М.В., Курдюков Г.И., Кривенкова М.В., Романова В.В. Институт ответственности в международном праве. Монография. Под общей редакцией Р.Л. Хачатурова. Москва, «Юрлитинформ», 2017. – 300 с.
58. Черниченко С.В. Контуры международного права. Общие вопросы/ С.В. Черниченко. М., Научная книга. 2014. -592 с.
59. Шармазанашвили Г.В. Самооборона в международном праве/ Г.В. Шармазанашвили. М., 1973. -176 с.
60. Шibaева Е.А. Международная правосубъектность/ Е.А. Шibaева. М., 1971. – 188 с.

61. Шибаева Е.А. Правовой статус межправительственных организаций/ Е.А. Шибаева. М. 1972. -176 с.

Монографии (на иностранных языках):

62. Ago R. Scritti sulla responsabilita internazionale degli stati/ R.Ago. Naples. 1986. – 1192 p.

63. Alland D. Justice privée et ordre juridique international. Etude théorique des contre-mésures en droit international public/ D. Alland. Paris. 1994. – 503 p.

64. Alvarez J.E. International Organizations as Law-Makers/ J.E. Alvarez. Oxford. 2005. – 720 p.

65. Amerasinghe C.F. Principles of the Institutional Law of International Organizations/ C.F. Amerasinghe. 2nd ed. 2005. – 574 p.

66. Anghie A. Imperialism, Sovereignty and the Making of International Law/ A. Anghie. Cambridge University Press. 2005. – 380 p.

67. Antonopoulos C. The Unilateral Use of Force by States in International Law/ C. Antonopoulos. Athens, A.N. Sakkoulas, 1997.- 563 p.

68. Arend A.C., Beck R.J. International Law and the Use of Force/ A.C. Arend, R.J. Beck. London: Routledge, 1993. – 288 p.

69. Avant D. The Market for Force: the Consequences of Privatizing Security/ D. Avant. 2005.- 328 p.

70. Barak G. Crimes by the Capitalist State: An Introduction to State Criminality/ G. Barak. State University of New York Press. 1991.- 302 p.

71. Barnett M. Eyewitness to a Genocide: The United Nations and Rwanda/ M. Barnett. Cornell University Press, 2003. – 240 p.

72. Bartelson J. A Genealogy of Sovereignty/ J.A. Bartelson. Cambridge University Press. 1995. – 317 p.

73. Bass G. J. Freedom's Battle: The Origins of Humanitarian Intervention/ C.J. Bass. London, Alfred Knopf. 2008. – 528 p.

74. Bellamy A. Responsibility to Protect: The Global Effort to End Mass Atrocities. Cambridge: Polity Press. 2009. – 249 p.

75. Bellamy A. J. Global Politics and the Responsibility to Protect: From Words to Deeds/ A.J. Bellamy. Routledge. 2011. – 256 p.

76. Becker T. Terrorism and the State-Rethinking the Rules of State Responsibility/ T. Becker. Oxford, Hart. 2006. – 304 p.

77. Blum W. Killing Hope. US Military and CIA Interventions since World War II. Maine/ W. Blum. 1995. – 500 p.

78. Bobbio N. Una gueira giusta? Sul conflitto del Colfo/ N. Bobbio. Venezia: Marsilio. 1991. – 90 p.

79. Bollecker-Stern B. Le préjudice dans la théorie de la responsabilité international/ B. Bollecker-Stern. Paris. 1973.- 382 p.

80. Bonafé I. The Relationship Between State and Individual Responsibility for International Crimes/ I. Bonafé. Leiden: Nijhoff. 2009. – 284 p.

81. Bosco D. L. Five to Rule them All: The UN Security Council and the Making of the Modern World/ D.L. Bosco. Oxford University Press. 2009. – 310 p.

82. Bowett D.W. Self-Defense in International Law/ D.W. Bowett. Manchester University Press, 1957.- 294 p.

83. Bradley C. International Law in the US Legal System/ C. Bradley. Oxford University Press, 2013.- 376 p.

84. Brooks R. The Age of Apology. When Sorry Isn't Enough: The Controversy over Apologies and Reparations for Human Injustice/ R. Brooks. New York, 1999. – 536 p.

85. Brownlie I. *The Use of Force by States in International Law*/ I. Brownlie. Oxford: Clarendon Press, 1963. – 532 p.
86. Brownlie I. *State Responsibility*/ I. Brownlie. Oxford University Press, 1983. – 302 p.
87. Brownlie I. *Principles of Public International Law*/ I. Brownlie. 7th ed. Oxford University Press. 2008. – 784 p.
88. Brueck O. *Les Sanctions en Droit International*/ O. Brueck. Paris, 1933.
89. Byman D. *Deadly Connections: States that Sponsor Terrorism*/ D. Byman. Cambridge University Press. 2005. – 388 p.
90. Cameron L., Chetail V. *Privatizing War: Private Military and Security Companies Under Public International Law*. Cambridge University Press, 2013. – 754 p.
91. Cannizzaro E. *Il principio della proporzionalità nell'ordinamento internazionale*/ E. Cannizzaro. Milano, Giuffrè. 2000. – 212 p.
92. Carella G. *La responsabilità dello Stato per crimini internazionali*/ G. Carella. Naples. 1985.
93. Cassese A. *International Criminal Law*/ A. Cassese. Oxford University Press, 2003. – 520 p.
94. Cassese A. *The Current Legal Regulation of the Use of Force*/ A. Cassese. Dordrecht, Nijhoff. 1986. – 536 p.
95. Cellamare G. *Le operazioni di peace-keeping funzionale*. G. Cellamare. Torino: Giappichelli. 1999.
96. Charny I. *How Can We Commit the Unthinkable? Genocide: The Human Cancer*/ I. Charny. Epping, Bowker. 1982. – 430 p.
97. Chesterman S. *Just War or Just Peace? Humanitarian Intervention and International Law*/ S. Chesterman. Oxford University Press, 2001. – 328 p.
98. Cockayne J. *Commercial Security in Humanitarian and Post-Conflict Settings – An Explorative Study*/ J. Cockayne New York, International Peace Academy. 2006. Режим доступа: <https://www.ipinst.org/2006/03/commercial-security-in-humanitarian-and-post-conflict-settings-an-exploratory-study> - дата обращения 02.09.2024.
99. Colbert E.S. *Retaliation in International Law*/ E.S. Colbert/ New York, Columbia University, 1948. – 228 p.
100. Coleman K.P. *International Organisations and Peace Enforcement: The Politics of International Legitimacy*/ K.P. Coleman. Cambridge University Press. 2007. – 376 p.
101. Cortes Martin J.M. *Las Organizaciones Internacionales: Codificación y Desarrollo Progresivo de su Responsabilidad Internacional*/ J. M. Cortes Martin. Seville. 2008.
102. Cotright D., Lopez G. *The Sanctions Decade. Assessing UN Strategies in the 1990s*/ D. Cotright, G. Lopez. London, 2000.- 274 p.
103. Cramer C. *Civil War is Not a Stupid Thing: Accounting for Violence in Developing Countries*/ C. Cramer. London: Hurst and Co. 2006. – 329 p.
104. Crawford J. *The Creation of States in International Law*/ J. Crawford, 2nd ed. Oxford University Press. 2006. – 870 p.
105. Crawford N. *Accountability for Killing: Moral Responsibility for Collateral Damage in America's Post 9/11 Wars*/ N/ Crawford. Oxford University Press. 2013. - 512 p.
106. David E. *Droit des organisations internationales*/ E. David. Bruxelles, P.U.B., 1996. – 829 p.
107. De Guttry A. *Le rappresaglie non comportanti la coercizione militare nel diritto internazionale*. A. De Guttry/ Milan, Giuffrè, 1985.
108. De Hoogh A. *Obligations Erga Omnes and International Crimes: A Theoretical Inquiry Into the Implementation and Enforcement of the International Responsibility of States*/ A. De Hoogh. Martinus Nijhoff Publishers, 1996. – 465 p.
109. Dinstein Y. *War, Aggression and Self-Defence*/ Y. Dinstein. Cambridge, 2001. – 408 p.

110. Donnedieu de Vabres H.F. Introduction a l'Étude du Droit Pénal International/ H. F. Donnedieu de Vabres. 1922. - 482 p.
111. Dopagne F. Les contre-mesures des organizations internationaux/ F. Dopagne. Paris. 2010.
112. Doxey M.P. International sanctions in contemporary perspective/ M. P. Doxey. L., 1987. – 159 p.
113. Drost P. N. The Crime of State/ P. N. Drost. Leyden: A.W. Sythoff. 1959. – 225 p.
114. Dumas J., Basdevant M.J. Responsabilité internationale des états à raison de crimes ou de délits commis sur leur territoire au préjudice d'étrangers/ J. Dumas, M.J. Basdevant. Paris, 1930.
115. Duffy H. The War on Terror and the Framework of International Law/ H. Duffy. Cambridge University Press. 2005. – 544 p.
116. Eagleton C. The Responsibility of States in International Law/ C. Eagleton. New York, 1928. - 227 p.
117. Elshtain J. Just War against Terror/ J. Elshtain. New York, Basic Books. 2004. – 272 p.
118. Erickson R.J. Legitimate Use of Military Force Against State-Sponsored International Terrorism/ R.J. Erickson. Air University Press. 1989.
119. Evans G. The Responsibility to Protect: Ending Mass Atrocity Crimes Once and For All/ G. Evans. Brookings Institution Press, 2008. – 349 p.
120. Farhad M. International Criminal Responsibility of States/ M. Farhad. 1985. – 234 p.
121. Finnemore M. The Purposes of Intervention/ M. Finnemore. Ithaca, NY: Cornell University Press. 2003. – 184 p.
122. Fiori P. Sul problema internazionale della società giuridica degli stati/ P. Fiori. Stamperia reali di Torino. 1878. – 98 p.
123. Foley C. The Thin Blue Line: How Humanitarianism Went to War/ C. Foley. London, Verso. 2008. – 288 p.
124. Francioni F. The Responsibility of the PMSC's Home State for Human Rights Violations Arising from the Export of Private Military and Security Services. Academy of European Law, Project "Regulating Privatisation of "War": The Role of the EU in Assuring the Compliance with International Humanitarian Law and Human Rights"/ F. Francioni. 2009. URL: <https://cadmus.eui.eu/handle/1814/13137> - дата обращения 02.09.2024.
125. Francioni F., Ronzitti N. War by Contract: Human Rights, Humanitarian Law and Private Contractors/ F. Francioni, N. Ronzitti. Oxford University Press, 2011. – 532 p.
126. Franck T. Recourse to Force: State Action against Threats and Armed Attacks// T. Franck. Cambridge University Press. 2002. – 220 p.
127. Freeman A.V. The International Responsibility of States for Denial of Justice/ A. V. Freeman. London, Longmans, Green. 1938. – 758 p.
128. Gardam J. Necessity, Proportionality and the Use of Force by States/ J. Gardam. Cambridge University Press. 2004. – 288 p.
129. Garcia-Mora M. International Responsibility for Hostile Acts of Private Persons Against States/ M. Garcia-Mora. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers. 1962. – 200 p.
130. Gazzini T. The Changing Rules of the Use of Force in International Law/ T. Gazzini. Manchester University Press, 2005. – 266 p.
131. Gray C. D. Judicial Remedies in International Law/ C.D. Gray. Oxford, Clarendon Press. 1987. -272 p.
132. Green L. Essays on The Modern Law of War/ L. Green. NY, 1999. – 281 p.
133. Gowlland-Debbas V. Collective Response to Illegal Acts in international Law: United Nations Action in the Question of Southern Rhodesia/ V. Gowlland-Debbas. Dordrecht: Nijhoff, 1990. – 753 p.
134. Hamber B. Repairing the Irreparable: Dealing with Double-Binds of Making Reparations for Crimes of the Past/ B/ Hamber. University of Ulster, International Conflict

Research Institute. 1998. URL: <https://csvr.org.za/docs/trc/repairingtheirreparable.pdf> - дата обращения 03.09. 2024).

135. Hannikainen L. *Peremptory Norms (Jus Cogens) in International Law*/ L. Hannikainen. Helsinki. 1988. - 781 p.

136. Hannay D. *New World Disorder: The UN After the Cold War-An Insider's View*. D. Hannay. London, I. B. Tauris. 2008. – 336 p.

137. Hehir A. *Humanitarian Intervention: An Introduction*/ A. Hehir. Basingstoke, Palgrave.2010.

138. Henkin L. *Right v. Might: International Law and the Use of Force*/ L. Henkin. 2nd ed., New York: Council on Foreign Relations Press, 1991. – 200 p.

139. Henkin L. *Foreign Affairs and the United States Constitution*/ L. Henkin. Second Edition. Oxford, 1996. – 654 p.

140. Heemann F.A. *Privatising the Military Use of Force: Responsibilities of States and International Organizations under International Law*/ F.A. Heemann. 2006. – 140 p.

141. Hirsch M. *The Responsibility of International Organizations Toward Third parties: Some Basic Principles*/ M. Hirsch. Dordrecht/London, 1999. – 234 p.

142. Hoffman B. *Inside Terrorism*/ B. Hoffman. New York, Columbia University Press, 2006. -528 p.

143. Hoogh A. J. *Obligations Erga Omnes and International Crimes: A Theoretical Inquiry into the Implementation and Enforcement of the International Responsibility of States*/ A.J. Hoogh. The Hague: Kluwer Law International. 1996.

144. Jessup P.C. *A Modern Law of Nations*/ P.C. Jessup. New York, Macmillan Company, 1948. -248 p.

145. Jorgensen N.H.B. *The Responsibility of States for International Crimes*/ N.H.B. Jorgensen. Oxford, 2000.

146. Kalshoven F. *Belligerent Reprisals*/ F. Kalshoven. Leyden.1971. – 386 p.

147. Kalshoven Cf. F., Zegfeld L. *Constraints on the Waging of War, An Introduction to International Humanitarian law*/ Cf. F. Kalshoven? L. Zegfeld International Committee of the Red Cross, 3rd Edition, Geneva, March 2001.

148. Kennedy D. *The Dark Sides of Virtue: Reassessing International Humanitarianism*/ D. Kennedy. Princeton University Press. 2004. – 400 p.

149. Kelsen H. *Principles of International Law*/ H. Kelsen.. N.Y., 1966.

150. Klein P. *La responsabilité des organisations internationales dans les orders juridiques interneset en droit des gens*/ P. Klein. Brussels, 1998. – 673 p.

151. Kummel G. *Private Military and Security Companies: Chances, Problems, Pitfalls and Prospects*/ G. Kummel. 2007. – 494 p.

152. Kuper L. *Genocide. Its Political Use in the Twentieth Century*/ L. Kuper. London, Penguin. 1981. – 256 p.

153. Lanning M.L. *Mercenaries*/ M.L. Lanning. 2005. – 296 p.

154. Lattanzi F. *Asistenza umanitaria e intervento di umanita*/ F. Lattanzi. Torino: Giappichelli. 1997. – 102 p.

155. Lauterpacht H. *Private Law Sources and Analogies in International Law*/ H. Lauterpacht. Longmans, Green & Co., Ltd.1927. – 350 p.

156. Leyton-Brown D. *The Utility of International Economic Sanctions*/ D. Leyton-Brown. London. 1980. – 332 p.

157. Luck E. C. *UN Security Council: Practice and Promise*/ E.C. Luck. London, Routledge. 2006. – 208 p.

158. Lutz E.N., Reiger C. *Prosecuting Heads of State*/ E.N. Lutz, C. Reiger Cambridge University Press. 2009. – 348 p.

159. MacBride S. *Israel in Lebanon: Report of the International Commission to Enquire into Reported Violations of International Law by Israel during Its Invasion of the Lebanon*/ S. MacBride. London, Ithaca Press. 1983. – 282 p.

160. MacDougall M. *United Nations Operations: Who Should Be in Charge?*/ M. MacDougall. Judge Advocate General's School. 1994.
161. Malanczuk P. *Humanitarian Intervention and the Legitimacy of the Use of Force*/ P. Malanczuk. Amsterdam: Het Spinhuis, 1993.
162. Malekian F. *International Criminal Responsibility of States: A Study on the Evolution of State Responsibility with Particular Emphasis on the Concept of Crime and Criminal Responsibility*/ F. Malekian. University of Stockholm, 1985.
163. Mamdani M. *Saviors and Survivors: Darfur, Politics, and the War on Terror*/ M. Mamdani. New York: Pantheon. 2009. - 416 p.
164. May L. *War Crimes and Just War*. Cambridge University Press. 2007. - 358 p.
165. Mepham D. *Darfur: The Responsibility to Protect*/ D. Mepham. London: Institute Public Policy Research. 2007.
166. McCormack T. *Self-Defence in International Law. The Israel: Raid on the Iraqi Nuclear Reactor*/ T. McCormack. New York. 1996. – 339 p.
167. Mitrany D. *The Problem of International Sanctions*/ D. Mitrany. Oxford. 1985.
168. Morelli G. *Nozioni di diritto internazionale*/ G. Morelli. Padua, Cedam, 1967.- 387 p.
169. Murphy J. *State Support of International Terrorism*/ J. Murphy. Boulder, CO: 1989.
170. Mullerson R. *Ordering Anarchy. International Law in International Society*/ R. Mullerson. The Hague, 2000. – 387 p.
171. Newman M. *Humanitarian Intervention: Confronting the Contradictions*/ M. Newman. London, Hurst. 2009. – 246 p.
172. Nincic D. *The Problem of Sovereignty in the Charter and in the Practice of the United Nations*/ D. Nincic. The Hague, Nijhoff. 1970. – 358 p.
173. Oppenheim L. *International Law*/ L. Oppenheim. 7th ed. London: Longmans, Green & Company. 1952. – 940 p.
174. Ostensen A. *UN Use of Private Military and Security Companies. Practices and Policies*// A. Ostensen. The Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Force, 2011.- 83 p.
175. Osterdahl I. *Threat to the Peace: an Interpretation by the Security Council of Article 39 of the Charter*/ I. Osterdahl. Uppsala, 1998. – 176 p.
176. Orford A. *International Authority and the Responsibility to Protect*/ A. Orford. Cambridge University Press. 2011. – 246 p.
177. Parenti M. *To Kill a Nation: The Attack on Yugoslavia*/ M. Parenti. Verso, 2000. – 258 p.
178. Pella V. *Le Code des Crimes Contre la paix et la securite de l'humanite*/ V. Pella. Geneve, 1957. – 184 p.
179. Pella V. *La Criminalité Collective des États et le Droit Pénal de l'Avenir*/ V. Pella. 1925.- 360 p.
180. Pellet A. *La Charte des Nations Unies: constitution mondiale?*/ A. Pellet. Paris. 2006. – 237 p.
181. Pisillo-Mazzeschi R. *'Due Diligence' e responsabilità internazionale degli Stati*/ R. Pisillo-Mazzeschi. Milano, Giuffre. 1989. – 418 p.
182. Proulx V.-J. *Transnational Terrorism and State Accountability. A New Theory of Prevention*/ V.-J. Proulx. Oxford. 2012. – 378 p.
183. Provost R. *State Responsibility in International Law (Libraries of Essays in International Law)*/ R. Provost. Ashgate Pub Ltd. 2002. – 608 p.
184. Ragazzi M. *The Concept of International Obligations Erga Omnes*/ M. Ragazzi. Oxford: Clarendon Press. 1997 (reprinted in 2002).
185. Rey Aneiros A. *Una Aproximación a la Responsabilidad Intenacional de las Organizaciones Intenacionales*/ A. Rey Aneiros. Valencia, 2006. – 229 p.

186. Robertson G. *Crimes against Humanity: The Struggle for Global Justice*/ G. Robertson New York, The New Press. 2002. – 800 p.
187. Ross J. I. *Controlling State Crime: An Introduction*/ J.I. Ross. London, Garland, 1995.- 432 p.
188. Rothe D.L. *State Criminality: The Crime of All Crimes*. Lexington Books, 2009/ D.L. Rothe. – 286 p.
189. Scahill J. *Blackwater: The Rise of the World's Most Powerful Mercenary Army*/ J. Scahill. Nation Books, 2007. - 561 p.
190. Schermers H. *International Institutional Law*/ H. Schermers. 2nd ed. 1980. – 1274 p.
191. Schmitt C. *The Nomos of the Earth in the International Law of Jus Publicum Europaeum*/ C. Schmitt. Pt. IV, chap. 1. 2003.- 372 p.
192. Sciso E. *Intervento in Kosovo. Aspetti internazionalistici e interni*/ E. Sciso. Milano, Giuffrè, 2001. - 455 p.
193. Schwarzenberger G. *International Law and Order*/ G. Schwarzenberger. 1971. – 298 p.
194. Scott P.D. *Drugs, Oil and War: The United States in Afganistan, Colombia and Indochina*/ P.D. Scott. Rowman&Litterfield Publishers. 2003. – 248 p.
195. Seiso E. *Intervento in Kosovo. Aspetti internazionalistici e interni*/ Seiso. Milano: Giuffre, 2001.
196. Seyersted F. *United Nations Forces in the Law of Peace and War*/ F. Seyersted. London, 1966. – 447 p.
197. Shaw M. N. *International Law*/ M. N. Shaw. Cambridge, 1997. – 985 p.
198. Sperduti G. *Lezioni di diritto internazionale*/ G. Sperduti. Milan, 1958.
199. Stone J. *Aggression and World Order*/ Stone J. London, Stevens & Sons. 1958. – 224 p.
200. Stowell E.G. *Intervention in International Law*/ E.G. Stowell. Washington, DC. John Byrne. 1921.
201. Simpson G. *Great Powers and Outlaw States*/ G. Simpson. Cambridge University Press. 2004.
202. Tams C. *Enforcing Obligations Erga Omnes in International Law*/ C. Tams. 2005. - 424 p.
203. Ternon Y. *L'État criminel: les génocides an XX siècle*/ Y. Ternon. Paris, Seuil. 1995.- 442 p.
204. Terry F. *Condemned to Repeat?: The Paradox of Humanitarian Action*/ F. Terry. New York, Cornell University Press. 2002. – 304 p.
205. Thakur R. *The United Nations, Peace and Security: From Collective Security to the Responsibility to Protect*/ R. Thakur. Cambridge University Press. 2006.- 406 p.
206. *The war on terror and the laws of war: A military perspective*/ Corn G., Hansen V., Jensen F., Lewis M., (eds.). Oxford University Press. 2009. – 264 p.
207. Thomas C. *New States, Soveignity and Intervention*/C. Thomas. Gower, 1985. – 177 p.
208. Tuchman B. *The Guns of August*/ B. Tuchman. Random House LLC. 2009. – 561 p.
209. Tzanakopoulos A. *Disobeying the Security Council: Countermeasures against Wrongful Sanctions*/ A. Tzanakopoulos. Oxford, 2011. – 310 p.
210. Valentino B. A. *Final Solutions: Mass Killing and Genocide in the 20th Century*/ B.A. Valentino. Ithaca, NY: Cornell University Press. 2004. – 336 p.
211. Vaux T., Seiple C., Nakano G. *Humanitarian Action and Private Security Companies. Opening the Debate*/ T. Vaux, C. Seiple, G. Nakano. London, International Alert, 2001. – 35 p.
212. Venturini G. *Necessità e proporzionalità nell'uso della forza militare in diritto nternazionale*/ G. Venturini. Milano, Giuffre, 1988. -206 p.
213. Villalpando S. *L'emergence de la communaute international dans la responsabilite des Etats*/ S. Villalpando. Paris, PUF, 2005. – 528 p.

214. Visscher C. La responsabilité des États/ C. Visscher. Brill. 1924. – 33 p.
215. Vitta E. Responsabilita internazionale dello stato per atti legislative/ E. Vitta. Milano. 1953.
216. Vittoria de F. De Indis et de Ivre Belli Relectiones/ de F. Vittoria. Carnegie Institution of Washington. 1917. – 475 p.
217. Voeffray F. L'actio popularis ou la défense de l'intérêt collectif devant les juridictions internationaux/ F. Voeffray. 2004. – 406 p.
218. Von Glahn G. Law Among Nations/ G. Von Glahn. 3d ed. New York: Macmillan Publishing Co. 1976. – 464 p.
219. Walzer M. Just and Unjust Wars/ M. Walzer. 2nd ed., New York, Basic Books, 1992. – 416 p.
220. Weinberger C. W. Fighting for Peace: Seven Critical Years In The Pentagon/ C.W. Weinberger. Grand Central Publishing, 1991. – 500 p.
221. Weisburd A.M. Use of Force: The Practice of States Since World War II/ A.M. Weisburd. Pennsylvania State University, 1997. - 416 p.
222. Weiss T. G. Humanitarian Intervention: Ideas in Action/ T.G. Weiss. Cambridge. 2007. – 176 p.
223. Weiss T. G. What's Wrong with the United Nations and How to Fix It/ T.G. Weiss. Cambridge. 2009. – 320 p.
224. Wellens K. Remedies against International Organizations/K. Wellens. Cambridge. 2002. – 295 p.
225. Wesley C. Winning Modern Wars: Iraq, Terrorism, and the American Empire/ C. Wesley. New York, Public Affairs. 2003. – 220 p.
226. Wheeler N. J. Saving Strangers: Humanitarian Intervention in International Society/ N.J. Wheeler. Oxford University Press. 2000. – 352 p.
227. Wright Q. The Role of International Law in the Elimination of War/ Q. Wright. 1961. – 119 p.
228. Wright Q. International Law and the United Nations/ Q. Wright. Bombay. 1960. – 134 p.
229. Zacklin R. The United Nations Secretariat and the Use of Force in a Unipolar World: Power v Principle/ R. Zacklin. Cambridge University Press. 2010. – 178 p.
230. Zoller E. Peacetime Unilateral Remedies: An Analysis of Countermeasures/ E. Zoller. Dobbs Ferry, N.Y.: Transnational Publishers, Inc. 1984. – 196 p.
231. Zwanenburg M. Accountability of Peace Support Operations/ M. Zwanenburg. Leiden and Boston. Martinus Nijhoff Publishers. 2005. – 364 p.

II. Главы в коллективных монографиях:

232. Сазонова К.Л. Концепция примата международного права в правовой системе Российской Федерации: теоретическая основа и фактическая реализация////Новый этап судебной реформы: конституционные возможности и вызовы. Коллективная монография под редакцией Т.Е. Абовой, Т.К. Андреевой, В.В. Зайцева, О.В. Зайцева, Г.Д. Улетовой. 2020. С.608-639.
233. Сазонова К.Л. Холиков И.В., Проблемные вопросы реализации международной ответственности государств и международных организаций за нарушения норм международного гуманитарного права// Военное право. Том III. Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. Под ред. А.В. Кудашкина. Москва, 2022. – С. 465-568.
234. Сазонова К.Л. Холиков И.В. Злоупотребление государственным суверенитетом// Уголовно-правовые гарантии суверенитета государства (сравнительно-правовое исследование): Научно-практическое пособие / В. Ю. Артемов, А. М. Белялова,

Х. И. Гаджиев [и др.]. – Москва: Издательство Проспект, 2022. – 352 с. – ISBN 978-5-392-38545-4.

235. Alland D. The Definition of Countermeasures/ The Law of International Responsibility. J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson (ed). 2010.- P. 1127-1137.

236. Arcari M. Parallel World, Parallel Clauses: Remarks on the Relationship between Two Sets of ILC Articles on International Responsibility and the UN Charter/Responsibility of International Organizations. Essays in Memory of Sir Ian Brownlie. M. Ragazzi (ed.) Martinus Nijhoff Publishers, 2013. P.95-107.

237. Boulden J. The Security Council and Terrorism/ The United Nations Security Council and War. The Evolution of Thought and Practice since 1945. V. Lowe, A. Roberts, J. Welsh, D. Zaum (eds.). Oxford University Press, 2008.

238. Blokker N.M. Preparing articles on responsibility of international organizations: Does the International Law Commission take international organizations seriously? A mid-term review/ Research Handbook on the Law of International Organizations. J. Klabbers and A. Wallendahl (eds.). Cheltenham and Northampton. 2011.

239. Condorelli L., Boisson de Chazournes L. Quelques remarques à propos de l'obligation des États de respecter et faire respecter le droit international humanitaire en toutes circonstances/ Studies and Essays on International Humanitarian Law and Red Cross Principles in Honour of Jean Pictet. C. Swinarski (ed.), ICRC, Martinus Nijhoff. 1984.

240. Crawford J. The General Assembly, the International Court and Self-Determination/ Fifty Years of the International Court of Justice/ Essays in Honour of Sir Robert Jennings. Lowe V. and Fitzmaurice M. (eds.). Cambridge. 1996.

241. Davis J. Sanctions and Apartheid: The Economic Challenge to Discrimination/ Economic Sanctions: Panacea or Peacebuilding in a post-Cold War World? Cortright D., Lopez G. A. P. (eds). 1995.

242. Dopagne F. Sanctions and Countermeasures by International Organizations. Diverging Lessons of the Idea of Autonomy/ International Organizations and the Idea of Autonomy, International Independence in the International Legal Order. R. Collins and White (eds.). London. 2011.

243. Dupuy P.M. State Sponsor of Terrorism: Issues of International Responsibility/ Enforcing International Law Norms Against Terrorism. A. Bianchi (ed). Oxford: Hart Publishing, 2004.

244. Gaja G. Obligations Erga Omnes, International Crimes and Jus Cogens: A Tentative Analysis of Three Related Concepts/International Crimes of State. Weiler J. H. H., Cassese A., Spinedi M. (eds.) 1989.

245. Hafner C. Accountability of International Organizations - A Critical Review/ Towards World Constitutionalism. R.St.J. Macdonald and D.M. Johnston (eds.). Leiden and Boston, 2005.

246. Jilek D. Kodifikaeni ukol: odpovednost mezinarodnich organizaci/Mezinarodni odpovednost C. Cepelka et.al. (eds). Brno, 2003.

247. Jimenez de Arechaga E. Crimes of State, Ius Standi, and Third States/ International Crimes of State: A Critical Analysis of the ILC's Draft Article 19 on State Responsibility. J. H. H. Weiler et al. (eds) Berlin, 1989.

248. Kerbrat Y. Interaction Between the Forms of Reparation/The Law of International Responsibility. Crawford J., Pellet A., S. Olleson (eds). 2010. P. 573-589.

249. Kinsella D. Principles under Pressure: Just War Doctrine and American Antiterror Strategy After 9/11/ Unifying Theory, Method, and Policy in International Politics: Crossing Boundaries. Starr H.(ed). 2006.

250. Lachs M. Quelques reflexion sur la communaute internationale/ Le droit international au service de la paix, de la justice et du développement: mélanges Michel Virally. Paris. 1991.

251. Lauterpacht H. Revolutionary Activities by Private Persons Against Foreign States (1927)/ The Collected Papers of Hersch Lauterpacht. E. Lauterpacht (ed). Cambridge University Press. 1970.

252. Mohr M. The ILC's Distinction between "International Crimes" and "International Delicts" and its Implications/ United Nations Codification of State Responsibility. B. Simma, M. Spinedi (eds). New York: Oceana Publications. 1987.
253. Montejo B. The Notion of 'Effective Control': under the Articles on the Responsibility of International Organizations/Responsibility of International Organizations. Essays in Memory of Sir Ian Brownlie. M. Ragazzi (ed.). Martinus Nijhoff Publishers, 2013. P. 387-404.
254. Naumovic B. N. L'attribution de la responsabilité internationale en cas de dommages causés par des forces de maintien de la paix/State responsibility and the individual. K. Koufa (ed). 2006.
255. Orakhelashvili A. Division of Reparation Between Responsible Entities/ The Law of International Responsibility. J.Crawford, A. Pellet, S. Olleson (eds). 2010. – p. 647-667.
256. Pellet A. Vive le crime! Remarques sur les degrés de l'illicite en droit international/International Law on the Eve of the Twenty-First Century: Views from the International Law Commission. New York: United Nations, 1997. - P.7-32.
257. Pellet A. The Definition of Responsibility in International Law/ The Law of International Responsibility. J. Crawford, A.Pellet, S. Olleson (ed.). 2010. P.3-11.
258. Pellet A. The ILC's Articles on State Responsibility for Internationally Wrongful Acts and Related Texts / The Law of International Responsibility. J.Crawford, A.Pellet, S. Olleson (ed.) 2010. P.75-95.
259. Petrovic N. Il Rispetto del diritto internazionale umanitario da parte delle forze dell'Alleanza atlantica nel Kosovo/ L'intervento in Kosovo, Aspetti internazionalistici e interni. E. Sciso (ed.), Milan, Giuffrè, 2001. P.111-139.
260. Rao P.S. United Nations Responsibility from Authorizing the Use of Force / Responsibility of International Organizations. Essays in Memory of Sir Ian Brownlie. M. Ragazzi (ed.) Martinus Nijhoff Publishers, 2013. P. 405-414.
261. Rosenne S. 'Decisions of the International Court of Justice and the New Law of State Responsibility', in Maurizio Ragazzi (ed.), International responsibility today: essays in memory of Oscar Schachter, Leiden: Brill 2005, pp. 297-309.
262. Sazonova K., Kholikov I. The Ebola Response Team Deployment in the Guinea Republic: Organizational, Ethical, Legal Issues and a Problem of Responsibility//Ethical Challenges for Military Health Care Personnel. Edited by Daniel Messelken and David Winkler. Routledge, 2018. pp.38-51.
263. Sazonova K. The Concept of State Crime in International Responsibility//Legal Systems in Contemporary Conditions: Current Challenges and Issues of the Present. Volume 2. New York, Cibunet Publishing. 2013. C. 58-68.
264. Seidl-Hehenfeldern I. Responsibility of Member States of an International Organisation for Acts of that Organisation / International Law at the Times of its Codification. Essays in honour of Roberto Ago (III). Milano.1987. P. 415-428.
265. Sicilianos L.-A. Countermeasures in Response to Grave Violations of Obligations Owed to international Community/ Law of International Responsibility. J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson. 2010. P.1137-1149.
266. Simma B. Does the UN Charter Provide an Adequate Legal Basis for Individual or Collective Responses to Violations of Obligations Erga Omnes?/The Future of International Law Enforcement. New Scenarios. New Law. J. Delbrueck (ed.) 1993.
267. Spinedi M. La responsabilità dello stato per comportamenti di private contractors/ La codificazione della responsabilità internazionale degli stati alla prova dei fatti. Milano, 2006.
268. Talmon S. A Plurality of Responsible Actors: International Responsibility for Acts of the Coalition Provisional Authority in Iraq. The Iraq war and International Law. P.Shiner, A.Williams (eds). Hart, Oxford and Portland. 2008.
269. Teson F. The Liberal Case for Humanitarian Intervention / Humanitarian Intervention: Ethical, Legal and Political Dilemmas. Holzgrefe J., Keohane R. (eds). Cambridge, 2003.

270. Vauris-Chaumette A.-L. The International Community as a Whole/The Law of International Responsibility. J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson (eds.), Oxford University Press, 2010. P.1123-1129.

271. Verhoeven J. Les immunités propres aux organes ou autres agents des sujets de droit international//Le droit international des immunités: contestation ou consolidation? Verhoeven J. (ed.). Larcier, Bruxelles, 2004.

272. Yee S. 'Member Responsibility' and the ILC Articles on the Responsibility of International Organizations: Some Observations// Responsibility of International Organizations. Essays in Memory of Sir Ian Brownlie. M. Ragazzi (ed.). Martinus Nijhoff Publishers, 2013.- P. 325–336.

273. Zaum D. The Security Council, the General Assembly, and War: The Uniting for Peace Resolution/ The United Nations Security Council and War. The Evolution of Thought and Practice since 1945. V.Lowe, A. Roberts, J. Welsh, D. Zaum (eds.). Oxford University Press, 2008.

IV. Статьи (на русском языке):

274. Абашидзе А.Х. Участие государств в Статуте Международного уголовного суда — обязательство erga omnes // Международное право. № 1. 2007. С.139-152.

275. Айзенберг Д. Расцвет частных охранных компаний, специализирующихся на охране морского транспорта //Альманах «Искусство войны». 21 августа 2012.

276. Андреев Е. Право государств на вооруженную самопомощь (историческая ретроспектива)//Закон и жизнь. №8. 2013. – С.88-90.

277. Антихович А. Механизм применения контрмер: регламентация в проекте статей Комиссии международного права ООН об ответственности государств. //Журнал международного права и международных отношений. №3. 2005. URL: <http://evolutio.info/ru/journal-menu/2005-3/2005-3-antihovich> (дата обращения 02.09.2024).

278. Акинша К. Реституция художественных ценностей//Отечественные записки, №1 (22), 2005. URL: <https://strana-oz.ru/2005/1/restituciya-hudozhestvennyh-cennostey> (дата обращения 02.09.2024).

279. Арлакки П. Катастрофа США и НАТО в Афганистане// Материалы международной научно-практической конференции «НАТО: Мифы и реальность. Уроки для России и мира». Москва, 15 мая 2012 г. ИНВИССИН, 2012.

280. Банис П.А. Понятие «присвоение» в свете ответственности государств и международных межправительственных организаций за международно-противоправные деяния//Закон и право. №11. 2019. – С.137-138.

281. Барятинский М. Танки сил самообороны//Военно-промышленный курьер. № 25 (493). 2013. URL: <https://vpk-news.ru/articles/16586> (дата обращения 02.09.2024).

282. Батырь В.А. Особенности осуществления международного контроля за соблюдением государствами обязательств по международному гуманитарному праву//Lex Russica. Т. 77. № 8. 2024. - С. 85-111.

283. Бахин С.В. Международное право, как и право вообще, не терпит спонтанных и легковесных модификаций//Петербургский юрист. №2. 2014. С.2-6.

284. Бахин С.В. Перспективы развития международного права на XXI век//Московский журнал международного права. № 1.2008. – С.302-306.

285. Белалова Б.Ш. Место международно-правовых санкций в современном международном праве// Законодательство. № 12. 2002//СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/4067930/> (дата обращения 02.09.2024).

286. Бекашев Д.К. Современные правовые формы участия государств в деятельности международных организаций//Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76. № 5 (198). С. 85-100.

287. Бова А.А., Борисов В.М., Нагорнов И.В. Медицинские последствия использования обеднённого урана в боеприпасах// Военная медицина. № 2. 2010. – С.111-112.
288. Боташева А. К. Эскалация государственного терроризма//Власть. №4.2009. – С.69-72.
289. Бринчук М.М. Эколого-правовая ответственность – самостоятельный вид юридической ответственности//Государство и право. №4, 2009. – С.26-47.
290. Бугаев В.А., Чайка А.В. Уголовная ответственность за гуманитарные преступления в международном праве и ее отражение в российском национальном законодательстве// Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. №6. 2020. С. 190-196.
291. Бьюнсон Ф. Справедливая война, агрессивная война и международное гуманитарное право// Международный журнал Красного Креста. № 847, 2002. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/5flct4.htm> (дата обращения 02.09.2024).
292. Вадапалас В. Д. Обстоятельства, исключаящие международно-правовую ответственность государства // Право. Т. 17. Вып. 1. Вильнюс, 1983.
293. Вадапалас В. Д. Развитие института международно-правовой ответственности // Международное право в современном мире. М., 1991.
294. Вельяминов Г.М. Международная правосубъектность// Советский ежегодник международного права. 1986.- С.77–97.
295. Викторин И.М. Подсудность преступления геноцид// Российский военно-правовой сборник. №8. 2006. URL: <http://voenprav.ru/doc-4301-1.htm> (дата обращения 05.09.2024).
296. Волеводз А.Г. Международное уголовное правосудие: от идеи к современной системе//Вестник МГИМО-Университета. №2. 2009. С.2-5.
297. Волеводз А.Г. Проблемы, принципы и перспективы международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных предприятий // Вестник МГИМО-Университета. № 3(12). 2010. – С.78-88.
298. Волеводз А.Г. Международно-правовое регулирование деятельности частных военных и охранных предприятий (ЧВОП): современный этап международного правотворчества// Библиотека криминалиста. М.: Юрлитинформ. № 1 (2). 2012. – С. 233-251.
299. Воробьева Е.А. К вопросу о кодификации права международной ответственности: проект статей об ответственности международных организаций//Журнал международного права и международных отношений, №3, 2006. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/22207/1/2006_3_JILIR_vorobiova_r.pdf (дата обращения 02.09.2024).
300. Воробьева Е.А. Международно-противоправное деяние международной организации и основания его возникновения//Журнал международного права и международных отношений. №3. 2007. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/21337> (дата обращения 05.09.2024).
301. Воронина А.А. Соотношение международной политической и правовой ответственности//Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. №2(23).2019.
302. Гаврилов В.В. Соотношение и последовательность действий органов государства и международных организаций в рамках концепции «ответственность за защиту» в Азиатско-Тихоокеанском регионе//Евразийский юридический журнал №12(31), 2010.
303. Галенская Л.Н. Международные преступления и международно-правовая ответственность//Правоведение. 1965.
304. Гансер Д. Секретные армии НАТО: операция «Гладио» и терроризм в Западной Европе. Материалы международной научно-практической конференции “НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и для мира, Москва, 15 мая 2012 г.

305. Гийар Э.-К. Возмещение ущерба в случае нарушений международного гуманитарного права//Международный журнал Красного Креста, 2003. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmeschenie-uscherba-v-sluchae-narusheniy-mezhdunarodnogo-gumanitarnogo-prava/viewer> (дата обращения 05.09.2024).
306. Гуласарян А.С. Некоторые вопросы ответственности международных организаций в свете Проекта статей об ответственности международных организаций (ПСО МО) 2011 г. // Евразийский юридический журнал. № 1 (56). 2013. – С.40-42.
307. Гуласарян А.С. Ответственность международных организаций и Международный суд ООН// Московский журнал международного права. 2013. № 1 (89). – С. 152-171.
308. Гушер А.И. Частные военные компании и их роль в политике и практике некоторых государств//Новое восточное обозрение. 2011. URL: <http://ru.journal-neo.com/node/389> (дата обращения 15.04.2021).
309. Дамаскин О.В. Международные суды в обеспечении международной безопасности: уроки прошлого и современность//Право в Вооруженных Силах. № 2. 2009.
310. Дамаскин О.В. Актуальные военные проблемы международного права и международной уголовной юрисдикции//Право в Вооруженных Силах. № 1. 2011.
311. Дамаскин О.В., Холиков И.В. Актуальные вопросы правового обеспечения вооруженной борьбы в условиях современных стратегических и политических реалий//Военное право. 2019. № 3 (55). – С.21-28.
312. Дамаскин О.В., Холиков И.В. Военные аспекты международного гуманитарного права//Военное право. 2017. № 2 (42). – С.214-221.
313. Дамаскин О.В., Холиков И.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных военных конфликтов // Вестник Академии военных наук. – 2018. – № 4(65). – С. 121-128.
314. Дамаскин О.В., Холиков И.В. Актуальные проблемы защиты российской государственности и национального суверенитета в современных условиях // Представительная власть - XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2017. – № 4(155). – С. 1-5.
315. Дамаскин О.В., Холиков И.В. Миротворчество на современном этапе// Обозреватель. – 2002. – № 9-10(152-153). – С. 47-52.
316. Денисова Д.А. Процесс кодификации института ответственности международных организаций: проблемы и перспективы//Наука и современность, №3, 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsess-kodifikatsii-instituta-otvetstvennosti-mezhdunarodnyh-organizatsiy-problemy-i-perspektivy/viewer> (дата обращения 02.09.2024).
317. Деханов С.А. Право и сила в межгосударственных отношениях//Московский журнал международного права. №4.2003. – С. 38-48.
318. Дзидзоев В.Д. Ответственность государства за геноцид в международном праве (на примере независимой Грузии и осетин Южной Осетии//Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. №3, 2009. – С.89-97.
319. Дебряков К.И. Проблема ответственности за геноцид// Российский военно-правовой сборник. №8. 2006. URL: <http://voenprav.ru/doc-4302-1.htm> (дата обращения 15.04.2021).
320. Егоров С.А. Гибридные (смешанные) трибуналы и суды// Международное право и международные организации. № 3. 2014.С.470-481.
321. Егоров С.А. Приговор Нюрнбергского Трибунала и развитие института ответственности физических лиц за международные преступления// Международный правовой курьер. № 6 (12). 2015. URL: <http://inter-legal.ru/prigovor-nyurnbergskogo-tribunala-i-razvitie-instituta-otvetstvennosti-fizicheskikh-lits-za-mezhdunarodnye-prestupleniya> (дата обращения 02.09.2024).
322. Загайнов Е.Т. Упреждающая самооборона в западной доктрине международного права// Московский журнал международного права. №2. 2006.

323. Замятин В.Ю. Современные аспекты ответственности международных организаций// Московский журнал международного права. № 3. 2004.
324. Зверев П.Г. К вопросу об ответственности государств и многонациональных сил в период миротворческих операций ООН// Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. №2. 2014. – С.59-61.
325. Зорькин В.Д. Апология Вестфальской системы //Россия в глобальной политике, №3, 2004. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/apologiya-vestfalskoj-sistemy/> (дата обращения 02.09.2024).
326. Капустин А.Я. Международное право, суверенитет и надгосударственность в современных международных отношениях// Закон. №5.2015. – С.40-49.
327. Капустин А.Я. Санкции ООН: международно-правовая концептуализация принудительных мер // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 6 (73). – С.85-90.
328. Капустин А.Я., Хабриева Т.Я. Международное право и санкции. Поиск границ допустимого//Вестник Российской академии наук. №1(89). 2019. – С.8-9.
329. Капустин А.Я. Международное право и вызовы XXI века// Журнал российского права. №7 (211). 2014. – С.211-225.
330. Карташкин В. А. Соотношение принципов уважения прав человека и государственного суверенитета // Юрист-международник. № 1. 2006. – С.3-16.
331. Карташкин В.А. Защита прав человека: от гуманитарной интервенции к использованию механизмов ООН// Обозреватель – Observer. №9. 2012. – С.12-25.
332. Карташкин В.А. Принцип индивидуальной уголовной ответственности за международные преступления//Современное право. №5.2019.- С.129-134.
333. Кашников Б.Н. Частные военные компании и теория справедливых войн // Российский научный журнал. № 20.2011. – С.83-95.
334. Кешнер М.В. Контрмеры и санкции как инструменты имплементации международной ответственности государств//Вестник ТИСБИ. № 1 (49). 2012. – С.122-127.
335. Кешнер М.В. Применение мер принуждения в международном праве//Вестник ТИСБИ.№2(50).2012. – С.142-151.
336. Кешнер М.В. Развитие концепции ответственности государств в ситуациях правопреемства в свете проектов статей комиссии международного права ООН//Московский журнал международного права. №4. 2019. – С.115-132.
337. Кешнер М.В. Присвоение государству поведения как условие наступления международной ответственности: нормативные основания и развитие международной практики//Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. №6.2016. URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/632> (дата обращения 02.09.2024).
338. Кешнер М. В. Вопросы легитимности ограничения контрмерами экстерриториальной юрисдикции государства // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 3. С. 152—171.
339. Ключня А.Ю. Концепция «разделяемой ответственности» в решениях международных судебных учреждений//Международное правосудие. №1 (9). 2014.
340. Ковлер А.И. Государственный суверенитет и «суверенитет прав человека»//Труды Института государства и права Российской академии наук. № 2 (54). 2016. – С. 209—227.
341. Ковлер А.И. Право в тисках политики (о некоторых тенденциях в практике международных судов)//Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. №2(19), 2023. С.78-90.
342. Кожеуров Я.С. Проблемы ответственности государства в практике рассмотрения международных инвестиционных споров// Евразийский юридический журнал. №41. 2011.

343. Коновалова К. О. Коллективные контрмеры: к вопросу о правомерности их существования и векторе развития в международном праве XXI века//Международное публичное и частное право. № 6 (57). 2010.
344. Королёв Г.А. Универсальная юрисдикция: определение, основания применения // Журнал российского права. № 1. 2009. – С.107-116.
345. Королёв Г.А. Проблемы применения универсальной юрисдикции in absentia// Журнал российского права. № 10. 2009. – С. 104-112.
346. Корякин В.М. Уроки Нюрнберга в зеркале военно-правовой науки// Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. № 2(22)2011. - С.9-14.
347. Котляр В.С. Концепция ответственности за защиту как проект кодекса проведения гуманитарных интервенций // Международное публичное и частное право. № 3. 2005. URL: <https://www.lawmix.ru/comm/776> (дата обращения 02.09.2024).
348. Котляр В.С. Право на превентивную самооборону и современное международное право // Государство и право. № 10. 2005. – С.75-83.
349. Котляр В.С. Война в Сирии в свете норм международного права о применении государствами силы в международных отношениях // Международная жизнь. №12.2013. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/995> (дата обращения 15.04.2021).
350. Кожухарик Д.Н. Геноцид в системе преступлений против мира и безопасности человечества// Российский военно-правовой сборник. №8. 2006. <http://voenprav.ru/doc-4304-1.htm> (дата обращения 02.09.2024).
351. Кривенкова М.В. Формы нематериальной ответственности международных организаций // ВВ: Международное право. № 1. 2012. – С.1-15.
352. Кривенкова М.В. Практика Международного суда ООН по призыванию государств к ответственности в форме заверений и гарантий неповторения//Российская юстиция. №9. 2020. – С.18-20.
353. Кривчикова Э.С. Некоторые теоретические аспекты проблемы ответственности международных организаций // Ученые записки МГИМО. №3. 1972.
354. Крылов Н.Б., Решетов Ю.А. Государственный терроризм – угроза международной безопасности //Советское государство и право. №2. 1987. – С. 78-84.
355. Крылов Н.Б. Гуманитарная интервенция: право или несправедливость? // Евразийский юридический журнал. № 10 (53). 2012. – С.41-44.
356. Крылов Н.Б. Международная безопасность, вооруженная сила и массовые нарушения прав человека//Труды Института государства и права Российской академии наук. № 1. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnaya-bezopasnost-vooruzhennaya-sila-i-massovye-narusheniya-prav-cheloveka/viewer> (дата обращения 02.09.2024).
357. Кудашкин А.В. Военные конфликты: понятие, виды и их правовые признаки//Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. 2024. № 2 (319). С. 2-12.
358. Кудашкин А.В., Мельник Н.Н. Проблемы квалификации военных преступлений, основанных на нарушениях норм международного гуманитарного права и проблемы юрисдикции суда//Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. 2023. № 2 (307). С. 68-79.
359. Кудашкин А.В., Мельник Н.Н. Основы судопроизводства и проблемы рассмотрения дел о военных преступлениях в международных уголовных судах//Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. 2023. № 11 (316). С. 94-104.
360. Курдюков Г. И. Ответственность за нарушение норм международного гуманитарного права//Российский ежегодник международного права. Специальный выпуск. 2005.
361. Лейст О.Э. Понятие ответственности в праве// Вестник МГУ. Серия II «Право». № 1. 1994. – С.31-37.

362. Леншин С.И. Ответственность государств за нарушение норм права вооруженных конфликтов//Российский военно-правовой сборник. № 8. 2006. <http://voenprav.ru/doc-4305-1.htm>
363. Липкина Н.Н. Права человека как общий интерес международного сообщества в целом в праве международной ответственности// LEX RUSSICA. №9(154). 2019. – С. 63-76.
364. Лихачёв М. А. К вопросу об автономной воле как основании международной правосубъектности индивида//Вестник Челябинского государственного университета. Право. 2010. № 19(200). - С. 95-99.
365. Лиховидов К.С. Проблемы установления и реализации юридической ответственности военнослужащих//Военно-юридический журнал. 2006. № 6. С. 17-21.
366. Лукашук И.И. Кодификация права международной ответственности//Московский журнал международного права. №3. 2002.
367. Лукашук И.И. К вопросу о возможной криминализации международной ответственности государств // Журнал российского права. №12. 2002.
368. Лукашук И.И. Концепция права международной ответственности // Государство и право. №4. 2003.
369. Малеев Ю.Н. Реабилитация адекватного и пропорционального применения силы // Московский журнал международного права. № 3. 2004. - С. 31-47.
370. Малеев Ю.Н. Организация Объединенных Наций и применение вооруженной силы государствами//60 лет ООН. 50 лет Российской ассоциации содействия ООН. М., из-во РУДН, 2006.
371. Макуев Р.Х. Несостоятельность идеи «ограниченного» суверенитета// Государство и право. №9. 2008. С. 23–29.
372. Малинин С.А. О правосубъектности международных организаций//Вестник Ленинградского государственного университета. 1965.
373. Мальцев В.А. Материальная ответственность государства и ее основные формы в международном праве//Вестник юридического института МИИТ. №1(29). 2020. С.11-20.
374. Марочкин С.Ю. Верховенство права на внутригосударственном и международном уровнях: динамика развития и взаимодействия// Государство и право. № 10. 2013. С.85-94.
375. Марочкин С.Ю., Нелаева Г.А. Роль квази-международных трибуналов в наказании за международные преступления и развитии международного уголовного права (на примере процесса над Ч. Тейлором в специальном суде Сьерра-Леоне) Международное уголовное право и международная юстиция. № 2. 2015. С.19-23.
376. Марочкин С.Ю. Новые вызовы - новые горизонты//Lex Russica. № 10 (119).2016. – С. 9-14.
377. Марусин И.С. О некоторых вопросах ответственности государств - участников международных межправительственных организаций за действия этих организаций// Правоведение. № 6. 2010.
378. Марченко М.Н. Государственный суверенитет. Проблемы определения понятия и содержания //Правоведение. № 1. 2003. – С. 186-197.
379. Марченков В.И. О юридических и исторических аспектах геноцида и их понимании в современном мире// Российский военно-правовой сборник. №8. 2006. URL: <http://voenprav.ru/doc-4296-2.htm> (дата обращения 02.09.2024).
380. Мартыненко Е.В. Частные военные и охранные компании и международное гуманитарное право // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке: материалы III Международной научно-практической конференции, г. Уфа, 28-29 апреля 2011 года: в 5 ч. Ч. I. Уфа: УЮИ МВД РФ, 2011.
381. Мелешников А.В. Права человека и международно-правовая ответственность за их нарушение // Государство и право. - М.: Наука, 1992, № 3. - С. 95-104.

382. Митина С.И. Исторические корни формирования принципов международной правовой ответственности: эпоха эллинизма//История государства и права. №1. 2011.
383. Митрофанов М.В. О международной-правовой ответственности международных организаций // Правовое регулирование общественных отношений. М., 1977.
384. Моджорян Л. А. Ответственность в современном международном праве//Советский ежегодник международного права, 1970. М., Наука, 1972.
385. Моисеев А.А. Косовский прецедент и система международного права// Международная жизнь № 5. 2008. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1529> (дата обращения 02.09.2024).
386. Моисеев А.А. О применении принципа «либо выдай, либо суди» в межгосударственной борьбе с терроризмом. Экспертные рекомендации «круглого стола» в Дипломатической академии МИД России 07.10.2009 г. // Евразийский юридический журнал № 5 (24). 2010.
387. Моисеев А.А. Феномен глобализации и международное сообщество// Век глобализации. 2015. № 2 (16). – С. 59-72.
388. Мукин Ю. Использование гражданских контрактников и частных вооружённых формирований в современных конфликтах//Зарубежное военное обозрение. №7. 2008. URL: <http://pentagonus.ru/publ/4-1-0-670> (дата обращения 15.04.2021).
389. Мякинина С.Б. Особенности ответственности субъектов международного права и физических лиц//Современное право. №5. 2020. С.105-109.
390. Небольсина М.А. Идеиные и теоретические предпосылки выработки международного законодательства и области регулирования деятельности частных военных и охранных компаний // Мир и согласие. №3(44). 2010. С. 10-31.
391. Новикова Д.О. Проблемы использования частных военных и охранных компаний при проведении военных операций США // Вестник МГИМО-Университета. № 3 (12). 2010. URL: https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/2554?locale=ru_RU (дата обращения 02.09.2024).
392. Орбелян А.С. Некоторые вопросы применения вооруженной силы в связи с феноменом несостоявшихся государств//Материалы V Конвента РАМИ. Том 25. Международное право в XXI веке. М: МГИМО – Университет, 2009.
393. Орлов Д. Международные конвенции, запрещающие применение конкретных видов обычного оружия//Зарубежное военное обозрение. №6. 2013. URL: http://factmil.com/publ/strana/nato/mezhdunarodnye_konvencii_zapreshhajushhie_primenenie_k_onkretnykh_vidov_obychnogo_oruzhija_2013/61-1-0-170 (дата обращения 02.09.2024).
394. Пашина А.Д. Понятие принуждения в международном праве// Вестник академии управления «ТИСБИ». №4. 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prinuzhdenie-v-mezhdunarodnom-prave/viewer> (дата обращения 02.09.2024).
395. Петровский Ю.В. О политической ответственности государств// Советский ежегодник международного права. М., 1970.
396. Пиджаков А.Ю., Иранпур З.Ф. К вопросу юридической ответственности государств за нарушения норм международного гуманитарного права//Российская юстиция. №2. 2014.
397. Пономаренко С.А. Основания и условия международной уголовной ответственности за неоконченный этнический геноцид и освобождения от нее//Новый юридический вестник. №1(25). 2021. С. 40-41.
398. Пустогаров В.В. Оговорка Мартенса – история и юридическое содержание//Право и политика. №3. 2000. – С. 141-148.
399. Рачков И.В. Ответственность государства за международно-противоправные деяния международной организации // Международное публичное и частное право. 2005. №3 (24). – С.7-16.

400. Рачков И.В. Решение Международного суда ООН: иммунитет и всеобщая подсудность// Право и политика. №7. 2005.- С. 75-82.
401. Ресс Г. Ответственность государства за экстерриториальные нарушения прав человека. Дело Банкович//Бюллетень Европейского Суда по правам человека. №2.2006.
402. Ромашев Ю.С. О классификации преступлений согласно международному праву// Российский ежегодник международного права. 2005.
403. Ромашев Ю.С., Михеев С.Н. О коллизии юрисдикций государств в отношении преступлений//Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. 2010. № 1. С. 50-57.
404. Розофф Р. НАТО: от трансатлантического альянса до глобальной военной машины// Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в постсоветский период. М. АНО «Институт внешнеполитических исследований и инициатив, Кучково поле, 2014.
405. Росс А. От Ялтинских соглашений до Ливии: история агрессии и преюбилитность миссии НАТО// Материалы международной научно-практической конференции «НАТО: Мифы и реальность. Уроки для России и мира». Москва, 15 мая 2012 г. ИНВИССИН, 2012.
406. Русецкий А.Е. Понятие и основания международно-правовой ответственности//Право и политика. №11. 2001. URL: <https://zakon.rin.ru/cgi-bin/view.pl?id=661> (дата обращения 02.09.2024).
407. Русинова В.Н. Международные иммунитеты высокопоставленных должностных лиц и уголовное преследование международных преступлений//Международное публичное и частное право. № 3. 2006. <https://center-bereg.ru/o5336.html> (дата обращения 02.09.2024).
408. Русинова В.Н. Преследование военных преступлений, совершенных в немеждународных конфликтах, на основе универсального принципа юрисдикции//Военно-юридический журнал. №5. 2006.
409. Рыльская М.А. "Jus ad bellum": правовые коллизии и юридическая верификация// Вестник военного права. 2023. № 4. С. 37-42.
410. Самодуров Д.И. Проблема применения международно-правовых норм о геноциде// Российский военно-правовой сборник. №8. 2006. URL: <http://voenprav.ru/doc-4307-2.htm> (дата обращения 05.09.2024).
411. Сазонова К.Л. Миротворческая доктрина ООН и проблема применения силы в международном праве //Международное публичное и частное право, №6/11, 2011. С. 34-42.
412. Сазонова К.Л. Основные аспекты международно-правовой ответственности международных организаций//Международные организации и международное право. №3, 2012. С. 124-128.
413. Сазонова К.Л. Концепция «ответственности за защиту» в миротворческой деятельности Организации Объединенных Наций. Юридическая наука. №1, 2012 г. С. 96-101.
414. Сазонова К.Л. «Государственный терроризм»: правовые аспекты явления //Экономика. Социология. Право. №9, 2012. С. 207-210.
415. Сазонова К.Л. Институт ответственности государств за применение силы: современное состояние и перспективы развития //Электронный журнал «NB: Вопросы права и политики», 2012. С.78-91.
416. Сазонова К.Л. Основания международно-правовой ответственности государств в международном праве//Юридическая наука, № 4, 2012. С.77-80.
417. Сазонова К.Л. Международно-правовая ответственность международных организаций: проблемы и перспективы// Международное право, 2012, №1, с. 15-26.
418. Сазонова К.Л. Коллективная самооборона в международном праве//Юридическая наука, №1, 2013. С. 92-97.

419. Сазонова К.Л. «Большая пятерка» и миротворческая деятельность Организации Объединенных Наций: политические и правовые вызовы и угрозы// *Международное право*, 2013, №2 С.1-15.
420. Сазонова К.Л. Правовое регулирование деятельности частных военных и охранных предприятий в современном международном праве // *Теория и практика в праве. USA, San Francisco, B&M Publishing*, 2013. P. 81-85.
421. Сазонова К.Л. К вопросу об ответственности государств за применение силы в современном международном праве// *Право и политика*, №6 (612), 2013. С. 809-812.
422. Сазонова К.Л. Ответственность в международном праве: этапы становления отрасли// *Академический юридический журнал*, №2, 2013. С. 36-41.
423. Сазонова К.Л. Концепция уголовной ответственности государств в доктрине международного права// *Международное уголовное право и международная юстиция*. 2013. № 3. С. 6-8.
424. Сазонова К.Л. Международно-правовые аспекты деятельности частных военных и охранных предприятий: проблемы и перспективы// *Мир юридической науки*, №6, 2013. С. 62-68.
425. Сазонова К.Л. Ответственность государств и международных организаций в связи с деятельностью частных военных и охранных предприятий// *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, № 8-1, 2013. С. 176-178.
426. Сазонова К.Л. Санкции в международном праве: основные направления исследований// *Современное право*. 2013. № 8. С. 116-119.
427. Сазонова К.Л. К вопросу о соотношении норм *jus cogens*, обязательств *erga omnes* и международных преступлений государства// *Право и политика*. 2013. №9. С. 1175-1181.
428. Сазонова К.Л. Индивидуальная и коллективная самооборона как элементы системы коллективной безопасности// *Право. Журнал Высшей школы экономики*. № 3. 2013. С. 108–117. <http://law-journal.hse.ru/2013--3/96432408.html>
429. Сазонова К.Л. Концепция «международного преступления государства» как основание международно-правовой ответственности: сравнительный анализ доктринальных позиций// *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*, №3, 2013. С. 460-465.
430. Сазонова К.Л. Принудительные меры, контрмеры, санкции в международном праве: терминологические вопросы// *Евразийский юридический журнал*, №11 (66), 2013. С. 15-18.
431. Сазонова К.Л. Категория «применение силы» в доктрине международного права// *Юридическая мысль*, № 5 (79), 2013. С. 89-95.
432. Сазонова К.Л. Международное сообщество - мечта или реальность? Анализ международно-правовых концепций// *Вопросы правоведения*. №5, 2013. С. 384-401.
433. Сазонова К.Л. Деятельность частных военных и охранных предприятий: вопросы ответственности// *Вестник Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. №5-2, 2013. С. 124-130.
434. Сазонова К.Л. Американская доктрина международного права: попытки расширения границ правомерного применения силы// *Право и безопасность*, №3-4. 2013. С. 57-62.
435. Сазонова К.Л. Международно-правовые аспекты и вопросы ответственности при привлечении частных военных и охранных предприятий к осуществлению миротворческих операций ООН // *Право и политика*, №4, 2014. С.477-485.
436. Сазонова К.Л. Концепция «справедливой войны» в современном международном праве// *Журнал российского права*, №5 (209). 2014. С. 117-125.
437. Сазонова К.Л. Особенности становления института ответственности государств в международном праве// *Ленинградский юридический журнал*, №1, 2014. С. 198-206.

438. Сазонова К.Л. Международное право в меняющемся мире: вчера, сегодня, завтра//Государственная служба. №3.2014. С. 82-86.

439. Сазонова К.Л. Обязательства *erga omnes* и нормы *jus cogens* в международном праве: концептуальное оформление и правоприменительная практика// Государство и право. №11. 2014. С.72-79.

440. Сазонова К.Л. Миротворческая деятельность Организации Объединенных Наций и вопросы международной ответственности/ Правоведение. Известия высших учебных заведений. №2, 2014.

441. Сазонова К.Л. Проблематика международно-правовой ответственности в российской и зарубежной доктрине международного права// Право и современные государства, 2014. №1. С.56-61.

442. Сазонова К.Л. Концепция «государственного терроризма» в международном праве: проблема правовой квалификации и вопросы ответственности// Научные труды Российской академии юридических наук. Выпуск 14. Т. 1. 2014. С. 1025-1030.

443. Сазонова К.Л. «Как перестать беспокоиться и начать жить»: влияние антироссийских санкций и контрмер на новейший этап развития международного права. // Вопросы безопасности. 2015. - № 3. - С.78-108.

444. Сазонова К.Л. Политика «государственного терроризма»: вызов действующей системе универсальной коллективной безопасности и возможное основание международной ответственности государств/ Национальная безопасность. №1(36). 2015.

445. Сазонова К.Л. Международно-правовая ответственность: доктринальные подходы// Вестник Воронежского университета. Серия «Право». №3.2015. С. 290-297

446. Сазонова К.Л., Холиков И.В. Международно-правовые последствия включения «войны с международным терроризмом» в перечень правомерных оснований индивидуальной и коллективной самообороны (на примере борьбы с Исламским государством Ирака и Леванта)//ЭНИ «Военное право» №3. 2015.

447. Сазонова К.Л. Выплаты *ex gratia* для жертв вооруженных конфликтов и право международной ответственности//Lex Russica, №11, 2015. С. 104-110.

448. Сазонова К.Л., Холиков И.В. Международно-правовые аспекты ответственности государств и международных организаций за распространение эпидемий, пандемий и массовых заболеваний//Военно-медицинский журнал. 2015. № 8. С.51-57.

449. Сазонова К.Л. Американская доктрина международного права: возрождение концепции «справедливой войны»//Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. №1, 2016. С. 98-106.

450. Сазонова К.Л. Проблема международно-правовой ответственности государств за организацию «цветных революций» и поддержку оппозиции за рубежом//Российский журнал правовых исследований. №1 (6), 2016. С.148-154.

451. Сазонова К.Л. Вопросы международно-правовой ответственности Организации Североатлантического договора (НАТО): теоретико-концептуальные аспекты и ключевые юридические коллизии по итогам осуществленных операций// Национальная безопасность. №2. 2016.– С. 183 - 190.

452. Сазонова К.Л. Практика «целевых убийств» в процессе осуществления антитеррористической деятельности государствами: вопросы международно-правовой ответственности//Международное уголовное право и международная юстиция, №6. 2016. С.13-17.

453. Сазонова К.Л. Апология международного права//Россия в глобальной политике. №4. 2016. С.106-121.

454. Сазонова К.Л., Холиков И.В. Международно-правовая ответственность в контексте правовой регламентации военного использования беспилотных летательных аппаратов//Военное право. № 4(44). 2017. С. 217-227.

455. Сазонова К.Л. «Гибридная война»: международно-правовое измерение// Право. Журнал высшей школы экономики. №4. 2017. С. 177–187.

456. Сазонова К.Л. Перспективы привлечения государств к международной ответственности за нарушения норм международного гуманитарного права//Правовая парадигма. Т.17. №1. 2018.

457. Сазонова К.Л., Холиков И.В. Проблемные вопросы реализации международной ответственности международных организаций за нарушения норм международного гуманитарного права // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. 2022. № 4(297). С. 102-111.

458. Сазонова К.Л. Современный международно-правовой статус оружия массового уничтожения и вопросы международной ответственности государств за его применение//Национальная безопасность. № 6 (59). 2018.

459. Сазонова К.Л. Пацифизм и разоружение как ключевые парадигмы международного права: недостижимая утопия или насущная необходимость? // Международное право. 2019. № 1. С.1-17.

460. Сазонова К.Л. Официальное признание фактов как институт международного права: проблемы и перспективы // Право и политика. 2020. № 9. С. 222 - 238.

461. Сазонова К.Л. Долгая дорога домой: возвращение культурных ценностей бывших колоний как важный политический тренд//Международная жизнь. №10. 2020. С.62-75.

462. Сазонова К.Л. Ответственность государств за колониальную эпоху как важная тенденция современного международно-правового дискурса // Международное право. — 2020. - № 4. - С.25-41.

463. Сазонова К.Л. На долгую память//Россия в глобальной политике. № 3. 2019. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/na-dolguyu-pamyat/>(дата обращения 02.09.2024).

464. Сазонова К.Л. Перспективы привлечения государств к международной ответственности за распространение массовых заболеваний (на примере КНР и пандемии коронавируса). Право и политика. – 2021. – № 8. – С. 55 - 70.

465. Сазонова К.Л., Холиков И. В. Проблемные вопросы реализации международной ответственности международных организаций за нарушения норм международного гуманитарного права. Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. 2022. № 4 (297). С. 102-111. К2

466. Сазонова К.Л. Кровные братья или кровные враги: юридические параметры отличий понятий «международного права» и «международного порядка, основанного на правилах»//Международная жизнь. №3. 2024. С.50-59. К2

467. Саврыга К.П. Частные военные и охранные компании по международному праву// Международное право и международные организации. №4. 2013. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=-30499

468. Сассоли М. Ответственность государства за нарушения международного гуманитарного права// Международный журнал Красного Креста, 2002. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-gosudarstva-za-narusheniya-mezhdunarodnogo-gumanitarnogo-prava/viewer> (дата обращения 15.04.2021).

469. Солнцев А.М., Ключня А.Ю. Вопросы развития института ответственности международных организаций//Вестник международных организаций. № 2 (41). 2013. <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-razvitiya-instituta-otvetstvennosti-mezhdunarodnyh-organizatsiy/viewer>

470. Тарасова Л.Н. О легитимности в международном праве//Современное право. № 11. 2012. – С.119-124.

471. Тимашева Е.В., Петренко Е.Г. Основания международно-правовой ответственности государств в международном праве//Энигма. №1 (8). 2019. – С.276-282.

472. Толочко О.Н. Международно-правовая ответственность государств как особый вид юридической ответственности//Вестник института законодательства и правовой информации республики Казахстан. №2 (56). 2019. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovaya-otvetstvennost-gosudarstv-kak-osobyu-vid-yuridicheskoy-otvetstvennosti> (дата обращения 02.09.2024).

473. Голочко О.Н. Международные преступления как правовая категория // Сборник статей II Международной научно-практической конференции «Государство и право: актуальные проблемы формирования правового сознания». Могилёв, 2019.

474. Тузмухамедов Б.Р. К вопросу об управлении силой // Московский журнал международного права. 2006. № 1. - С. 374-384.

475. Тузмухамедов Б.Р. Упреждающее применение силы: возможные критерии допустимости // Российский ежегодник международного права. СПб, 2006.

476. Тамразян М.В. Международная ответственность ООН за действия своих миротворческих сил // Альманах современной науки и образования. №7-1. 2009. – С.128-131.

477. Тункин Г.И., Мюллерсон Р.А. Принцип неприменения силы в современную эпоху // Советское государство и право. № 9. 1987.

478. Фархутдинов И.З. Международное право о принципе неприменения силы или угрозы силой: теория и практика // Евразийский юридический журнал. № 11 (90).

479. Фархутдинов И.З. Международное право о самообороне государств // Евразийский юридический журнал. № 1 (92). 2016.

480. Фархутдинов И.З. Международное право о применении государством военной силы против негосударственных участников // Евразийский юридический журнал. № 7 (98). 2016. С.59-76.

481. Фархутдинов И.З. Превентивная самооборона в международном праве: применение и злоупотребление // Московский журнал международного права. 2016. № 4 (104). С. 97-124.

482. Фархутдинов И.З. Война и мир в контексте международного права. Опыт доктринального исследования проблем формирования современной модели международных отношений в контексте развития международного права // Евразийский юридический журнал. 2020. № 2 (141). С. 25-33.

483. Фарукшин М. Х. Международно-правовая ответственность: (Сущность и основание) // Международная правосубъектность. М., 1971. С. 165-166.

484. Федоров А. В. Преступления против мира и безопасности человечества: без срока давности // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 1. С. 19-29.

485. Фисенко И. В. Ответственность государств за международные преступления // Белорусский журнал международного права, №3. 1998. С.17-22.

486. Флейшиц Е.А. Общие начала ответственности по основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик // Советское государство и право. 1962. С.9-12.

487. Хабриева Т. Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Стёпина и юридическая наука. Москва, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2020.

488. Хачатуров Р.Л. Вопросы международно-правовой ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета № 1(4). 2009. – С.69-75.

489. Хлестов О.Н. Закон России об участии в операциях по поддержанию мира // Московский журнал международного права. № 3. 1995. с. 216-219.

490. Холиков И.В., Милованович А., Наумов П.Ю. Динамика функционирования международного права в условиях трансформации современного миропорядка: постнеклассический подход // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26. – № 11. – С. 132-148. – DOI 10.12737/jrl.2022.122.

491. Холиков И.В., Бояринцев В.В., Яковлев С.С. Гуманитарно-правовые аспекты медицинского обеспечения многонациональных миротворческих сил в Югославии // Военно-медицинский журнал. – 2000. – Т. 321. – № 4. – С. 14-19.

492. Холиков И.В. Противодействие преступным посягательствам на международную морскую безопасность // Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия / Институт государства и права РАН. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Юнити-Дана", 2020. – С. 431-459.

493. Холиков И.В., Окоча В.А. Применение вооруженной силы частными морскими охранными компаниями: динамика границ и специфика правового регулирования в современном мире // Журнал российского права. – 2020. – № 12. – С. 147-158. – DOI 10.12737/jrl.2020.154.

494. Холиков И.В., Сайфуллин Э.К., Окоча В.А. Современные тенденции правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2019. – № 12(269). – С. 65-71.

495. Холиков И. В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных вызовов и угроз // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2021. – № 12(293). – С. 116-120.

496. Холиков И.В., Лиховидов К.С., Плакса В.Н. Современные тенденции международно-правового регулирования вооруженных конфликтов на море // Военный академический журнал. – 2019. – № 4(24). – С. 144-149.

497. Холиков И.В. Гибридная война как многовекторная угроза национальной безопасности России в условиях кризиса системы мирового правопорядка // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 11(304). – С. 30-38.

498. Холиков И.В., Шишко А.А. Становление международно-правовой защиты культурных ценностей в случае вооружённого конфликта // Военное право. – 2021. – № 6(70). – С. 326-334.

499. Холиков И.В. Правовые аспекты обеспечения военной безопасности России: динамика подходов и концептуальные перспективы // Военное право. - № 6(76). 2022.

500. Черниченко С.В. Операция НАТО в Югославии и международное право//Международная жизнь. 1999. № 11. С.104-112.

501. Черниченко С.В. Еще раз о международной правосубъектности индивидов//Московский журнал международного права. №4. 2005. С.11-26.

502. Черниченко С.В. Нарушения прав человека как международное преступление//Международное право. № 3 (43). 2010. – С. 3-16.

503. Черниченко С.В. Нарушения прав человека как международное преступление (окончание)//Международное право. № 4 (44). 2010. – С.3-10.

504. Черниченко С.В. Взаимосвязь императивных норм международного права (*ius cogens*) и обязательств *erga omnes*//Московский журнал международного права. Т. 3. № 87. 2012. С.3-17.

505. Черниченко С.В. Нескончаемая дискуссия о международной правосубъектности индивидов// Евразийский юридический журнал. №1 (92). 2016. – С.85-90.

506. Чиков П.В. Военные санкции: практика международного права / Сборник «Актуальные вопросы экономики и права в современной России». Московский гуманитарно-экономический институт, Нижнекамск, 1999.

507. Шайымбетова Ж.К. Концепция гуманитарной интервенции и действующее международное право // Московский журнал международного права. № 3. 2009. – С. 62-78.

508. Шаргородский М.Д. Великая отечественная война и вопрос о пределах действия советского уголовного закона / Проф. М.Д. Шаргородский // Труды Военно-юридической академии Красной Армии. – М., 1947. Выпуск VI. – С. 125 – 148.

509. Шармазанашвили Г.В. Понятие самопомощи в международном праве// Советский ежегодник международного права-1959. М. 1960.

510. Шинкарецкая Г.Г. Международные суды и развитие международного права//ВВ: Международное право. №4.2014.

511. Экобеску Н. К вопросу о международной правосубъектности Организации Объединенных Наций // Вопросы теории и практики международного права. 1959.

512. Якушев Ю.В. К вопросу о соотношении правосубъектности международных межправительственных организаций и их способности нести ответственность за международно-противоправные деяния// Международное право - International Law. № 3 (31). 2007.

Статьи (на иностранных языках):

513. Abi-Saab G. The Uses of Article 19//European Journal of International Law. Vol. 10. No.2. 1999. – p. 339–351.

514. Ago R. Le délit international//Recueil des cours. Vol. 68. 1939.

515. Alessi G. P. L'evoluzione della prassi delle Nazioni Unite relativa al mantenimento della pace// Recueil de Cours. Vol. 47.1964.- pp. 519-565.

516. Alcaide Fernandez J. Contre-mesures et reglement des differends// Revue générale de droit international public. Vol. 108. No. 2. 2004. – P. 347-380.

517. Aldrich G. The Taliban, Al Qaeda, and the Determination of Illegal Combatants? // American Journal of International Law. Vol. 96. 2002. URL: https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/george_aldrich_3_final.pdf (дата обращения 02.09.2024).

518. Allain J. The Jus Cogens Nature of Non-Refoulement//International Journal of Rejugee Law. Vol.13. 2002. – p. 533-558.

519. Alland D. Countermeasures of General Interest// European Journal of International Law. Vol.13. 2002. – p. 1221-1239.

520. Allott P. State Responsibility and the Unmaking of International Law//Harvard International Law Journal. Vol. 29. No. 1. 1988.

521. Amerasinghe C.F. Liability to Third Parties of Member States of International Organizations: Practice, Principle and Judicial Precedent//American Journal of International Law. Vol. 85. 1991.- P. 259-280.

522. Amrallah B. The International Responsibility of the United Nations for Activities Carried Out by UN Peace-Keeping Forces // Revue Egyptienne de Droit International. Vol. 32. 1976.- p. 57-82.

523. Apollis G. Le Règlement de l'affaire du "Rainbow Warrior"// Revue Generale de Droit International Public. Vol.91. 1987. - p. 9-43.

524. Arangio-Ruiz G. Article 39 of the ILC First-Reading Draft Articles on State Responsibility// Rivista di diritto internazionale. Vol. 83. 2000.

525. Arbour L. The Responsibility to Protect as a Duty of Care of International Law and Practice//Review of International Studies. Vol.34. 2008. – P. 445-458.

526. Arcari M. Responsabilité de l'Etat pour violations graves du droit international et système de sécurité collective des Nations Unies//21 Anuario de Derecho Internacional. Vol. 21. 2005. – P. 415-447.

527. Aronofsky D. The International Legal Responsibility to Protect Against Genocide, War Crimes and Crimes Against Humanity: Why National Sovereignty Does Not Preclude Its Existence? // ILSA Journal of International & Comparative Law. 2007. № 13. URL: <https://nsuworks.nova.edu/ilsajournal/vol13/iss2/1> (дата обращения 02.09.2024).

528. Aspremont J. Abuse of the Legal Personality of International Organizations and the Responsibility of Member States// International Organizations Law Review Vol. 91. No.4. 2007. – P.91-119.

529. Aust H.P. Through the Prism of Diversity - The Articles on State Responsibility in the Light of the ILC Fragmentation Report//German Yearbook of International Law. Vol. 49. 2006.

530. Barile G. Note a teorie sulla responsabilita indiretta degli Stati// Annuario di diritto comparative di studi legislative. Vol.22. 1948.

531. Bannon A. L. The Responsibility to Protect: The UN World Summit and the Question of Unilateralism//The Yale Law Journal. Vol. 115. 2006. URL: <https://digitalcommons.law.yale.edu/ylj/vol115/iss5/6> (дата обращения 02.09.2024).
532. Bantekas I. The International Law of Terrorist Financing//American Journal of International Law. Vol. 97. 2003. - p. 315 – 333.
533. Barnidge R. Questioning the Legitimacy of Jus Cogens in the Global Legal Order//Israel Yearbook of Human Rights. Vol.38. 2008. – p. 199-225.
534. Bassiouni M.C. A Functional Approach to “General Principles of International Law//Michigan Journal of International Law. Vol. 11. 1990. URL: <https://repository.law.umich.edu/mjil/vol11/iss3/3/>(дата обращения 02.09.2024).
535. Bassiouni M. C. International Crimes, Jus Cogens and Obligation Erga Omnes// Law and Contemporary Problems. Vol. 59. No. 4. 1996. – P.63-74.
536. Beard J. America's New War on Terror: The Case for Self-Defence under International Law//Harvard Journal of Law & Public Policy. Vol. 25. 2002. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/188084006.pdf> (дата обращения 02.09.2024).
537. Bederman D. Counterintuiting Countermeasures//American Journal of International Law. Vol. 96. 2002. - P. 817-832.
538. Bellamy A. J. Responsibility to Protect or Trojan Horse? The Crisis in Darfur and Humanitarian Intervention after Iraq//Ethics and International Affairs. Vol. 19. No.2. 2005. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1747-7093.2005.tb00499.x> (дата обращения 05.09.2024).
539. Bellamy A. J. Conflict Prevention and the Responsibility to Protect//Global Governance. Vol. 14. 2008.
540. Bellamy A. J., Williams P. D. The West and Contemporary Peace Operation//Journal of Peace Research, Vol. 46. No.1. 2009. P. 39-57.
541. Bellamy A. J., Davies S. E. The Responsibility to Protect in Southeast Asia: Progress and Problems// Security Dialogue. Vol. 40. No. 6. 2009. – P. 547-574.
542. Benvenuti P. The ICTY Prosecutor and the Review of the NATO Bombing Campaign Against the Federal Republic of Yugoslavia//European Journal of International Law. Vol.12. No. 3. 2001. – P. 503-529.
543. Beres R.L. The Meaning of Terrorism: Jurisprudential and Definitional Clarifications//Vanderbilt Journal of Transnational Law. Vol.28. 1995. - P. 238 – 245.
544. Beveridge F. The Lockerbie Affair// International and Comparative Law Quarterly Vol. 41. 1992. P. 907 – 920.
545. Bialos J., Juster K. The Libyan Sanctions: A Rational Response to State-Sponsored Terrorism? //Virginia Journal of International Law. Vol. 26. 1986.
546. Bianchi A. Human Rights and the Magic of Jus Cogens//European Journal International Law. Vol. 19. 2008. – p.491-508.
547. Bhuta N. How Shall We Punish the Perpetrators? Human Rights, Alien Rights, Alien Wrongs and the March of International Criminal Law. Review Essay//Melbourne University Law Review. 2003. <http://www5.austlii.edu.au/au/journals/MelbULawRw/2003/10.html>
548. Blum Y. Z. State Response to Acts of Terrorism//German Yearbook of International Law. Vol. 19. 1976.
549. Blum G., Weiler J.H.H. Just and Unjust Warriors: Marking the 35th Anniversary of Walzer’s Just and Unjust Wars. Preface to The European Journal of International Law// The European Journal of International Law, Vol. 24, Issue 1, 2013.
550. Boon K.E. Regime Conflicts and the U.N. Security Council: Applying the Law of Responsibility//The George Washington International Law Review. Vol. 42. 2010. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1916302 (дата обращения 02.09.2024).
551. Boon K. New Directions in Responsibility: Assessing the International Law Commission’s Draft Articles on the Responsibility of International Organizations// The Yale

- Journal of International Law, Vol. 37, 2011. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1914596 (дата обращения 15.04.2021).
552. Bowett D. Reprisals Involving Recourse to Armed Force//American Journal of International Law. Vol. 66. 1972. – P.1-36.
553. Bowett D.W. Crimes of State and the 1996 Report of the International Law Commission on State Responsibility// European Journal of International Law. Vol.9. 1998. – P.163-173.
554. Breaux S. C. The Impact of Responsibility to Protect on Peacekeeping// Journal of Conflict and Security Law. Vol.11, No. 3. 2007. P. 429-464.
555. Brayton S. Outsourcing War: Mercenaries and the Privatization of Peacekeeping//Journal of International Affairs. No. 55. 2002. P. 303-329.
556. Brierly J.L. The Theory of Implied State Complicity in International Crimes//British Yearbook of International Law. Vol. 9. 1928.
557. Briner W. The Toxicity of Depleted Uranium// International Journal of Environmental Research and Public Health. Vol. 7. No.1. 2010. -P. 303-313.
558. Brooks D. Messiahs or Mercenaries? The Future of International Private Military Services// International Peacekeeping. No. 7. 2000. - P. 129-144.
559. Brooks D. Write a Check, End a War. Using Private Military Companies to End African Conflicts//Conflict Trends. 2000. URL: https://www.academia.edu/3295649/Write_a_cheque_end_a_war (дата обращения 02.09.2024).
560. Brunnee J., Toope S. J. The Responsibility to Protect and the Use of Force: Building Legality?//Global Responsibility to Protect. Vol. 2. No. 3. 2010. P. 191–212.
561. Bures O. Private Military Companies: A Second Best Peacekeeping Option? //International Peacekeeping. Vol. 12. No. 4. 2005. – P. 533-546.
562. Byers M. Conceptualizing the Relationship Between Jus Cogens and Erga Omnes Rules// Nordic Journal of International Law. No. 66. 1997. – P. 211–239.
563. Byers M. Terrorism, the Use of Force, and International Law after 11 September//International and Comparative Law Quarterly. Vol.51. 2002. – P. 401 – 414.
564. Cannizzaro E. The Role of Proportionality in the Law of International Countermeasures//European Journal of international Law. Vol. 12. No. 5. 2001. – P.889-916.
565. Canor I. When Jus ad Bellum Meets Jus in Bello: The Occupier’s Right of Self-Defence against Terrorism Stemming from Occupied Territories//Leiden Journal of International Law. Vol. 19. 2006. – P. 129 – 149.
566. Caplan L. State Immunity, Human Rights, and Jus Cogens: A Critique of the Normative Hierarchy Theory//American Journal of International Law. Vol. 97. 2003. – P. 741-781.
567. Caron D. D. State Crimes in the ILC Draft Articles on State Responsibility: Insights from Municipal Experience with Corporate Crimes//American Society of International Law Proceedings. Vol. 92. 1998. – P. 307 – 312.
568. Cassese A. The International Community's “Legal” Response to Terrorism//International and Comparative Law Quarterly. Vol.38. 1989.- P. 589-608.
569. Cassese A. Reflections on International Criminal Justice// The Modern Law Review.Vol.1. №1. 1998. – P.1-10.
570. Cassese A. Ex iniuria ius oritur: Are We Moving towards International Legitimation of Forcible Humanitarian Countermeasures in the World Community? //European Journal of International Law. Vol.10. 1999. – P. 23–30.
571. Cassese A. Terrorism is also Disrupting Some Crucial Legal Categories of International Law//European Journal of International Law. Vol. 12.2001. – P. 993-1001.
572. Cavare L. Le sanction dans le cadre de l’O.N.U. // Recueil des cours. Paris, 1953. URL: https://referenceworks.brillonline.com/entries/the-hague-academy-collected-courses/*A9789028611726_02 (дата обращения 02.09.2024).

573. Cerone J. Re-examining International Responsibility: “Complicity” in the Context of Human Rights Violations// *ILSA Journal of International and Comparative Law*. Vol. 14.2008. URL: <https://nsuworks.nova.edu/ilsajournal/vol14/iss2/12/>(дата обращения 05.09.2024).

574. Chakrabarti Sh. Growth and Implications of Private Military Corporations//*Journal of Defense Studies*. Vol. 2, Iss. 1. 2008.

575. Chandler D. ‘Unravelling the Paradox of “The Responsibility to Protect”’//*Irish Studies in International Affairs*. Vol. 20. 2009. – P. 27-39.

576. Charney J. L. The Use of Force Against Terrorism and International Law// *American Journal of International Law*. Vol. 95. 2001. – P. 835 – 839.

577. Chase A.E. Legal Mechanisms of the International Community and the United States Concerning State Sponsorship of Terrorism//*Virginia Journal of International Law*. Vol.45. 2004. – P. 41-138.

578. Chinkin C. The Legality of NATO Action in the Former Republic of Yugoslavia (FRY) under International Law// *International and Comparative Law Quarterly*. Vol. 49. 2000. – P. 910 – 925.

579. Clark R. S. Does the Genocide Convention Go Far Enough? Some Thoughts on the Nature of Criminal Genocide in the Context of Indonesia’s Invasion of East Timor//*Ohio Northern University Law Review*. Vol. 8. 1981.

580. Clarke I. The Exercise of Public Over Global Health Through Public-Private Partnerships and the Question of Responsibility under International Law//*American Society of International Law Proceedings*. Vol. 105. 2011. – P. 96-100.

581. Condorelli L. The Imputability to States of Acts of International Terrorism//*Israel Yearbook on Human Rights*. Vol.19. 1989.

582. Corten O., Dubuisson F. L’hypothèse d’une règle émergente fondant une intervention militaire sur une “autorisation implicite” du Conseil de sécurité// *Revue Generale de Droit International Public*. Vol.104. 2000.

583. Corten O., Dubuisson F. Opération “Liberté immuable”: une extension abusive du concept de légitime défense// *Revue Generale de Droit International Public*. Vol. 105. 2001. URL: <https://dipot.ulb.ac.be/dspace/bitstream/2013/36285/1/2002.liberte.immuable.pdf> (дата обращения 05.09.2024).

584. Crawford J. Counter-measures as Interim Measures//*European Journal of International Law*. Vol.5. 1994. – P.65-76.

585. Criddle E.J., Fox-Decent E. A Fiduciary Theory of Jus Cogens//*The Yale Journal of International Law*. Vol. 34. 2009. URL: <https://digitalcommons.law.yale.edu/yjil/vol34/iss2/3/> (дата обращения 02.09.2024).

586. Cryer R. International Criminal Law vs. State Sovereignty: Another Round? //*The European Journal of International Law* Vol. 16. No.5 2006. URL: <https://academic.oup.com/ejil/article/16/5/979/496087> (дата обращения 02.09.2024).

587. Cusumano E. Regulating Private Military and Security Companies: A Multifaceted and Multilayered Approach// *European University Institute Working Papers*. Vol. 11. 2009. URL: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/12953/AEL_2009_11.pdf?sequence=1 (дата обращения 02.09.2024).

588. D’ Amato A. It’s a Bird, It’s a Plane, It’s Jus Cogens!//*Connecticut Journal of International Law*. Vol.6, No.1. 1990. – P.1-6.

589. Dannenbaum T. Translating the Standard of Effective Control into a System of Effective Accountability: How Liability Should Be Apportioned for Violations of Human Rights by Member State Troop Contingents Serving as United Nations Peacekeepers//*Harvard International Law Journal*. 2010. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1391617 (дата обращения 02.09.2024).

590. Danilenko G., International Jus Cogens: Issues of Law-Making//*European Journal of International Law*. Vol. 2. No.42. 1991. – P. 42–65.

591. Darcy S. The Evolution of the Law of Belligerent Reprisals//*Military Law Review*, Vol. 175. 2003. – P. 184-251.
592. Delbruck J. A Fresh Look at Humanitarian Intervention Under the Authority of the United Nations// *Indiana Law Journal* Vol. 67. 1992. – P.887-901.
593. Delbruck J. The Fight Against Global Terrorism: Self-defense or Collective Security as International Police Action? Some Comments on the International Legal Implications of the “War Against Terrorism”//*German Yearbook of International Law*. Vol. 44. 2001. URL: <https://www.repository.law.indiana.edu/facpub/2827> (дата обращения 02.09.2024).
594. DeForrest M.E. Just War Theory and the Recent U.S. Air Strikes Against Iraq// *Gonzaga International Law Journal*, 1996.
595. De Hoogh A.J.J. Articles 4 and 8 of the 2001 ILC Articles on State Responsibility, the Tadic Case and Attribution of Acts of Bosnian Serb Authorities to the Federal Republic of Yugoslavia//*British Yearbook of International Law*. Vol. 72. 2001. – P.255–292.
596. Deng F. M. Divided Nations: The Paradox of National Protection//*The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol.603, January 2006. – P. 217-225.
597. De Visscher P. Les conditions d’application des lois de la guerre aux operations militaires des Nations Unies// *Annuaire de l’Institut de Droit International*. Vol. 54. 1971.
598. Diaconu I. La responsabilité internationale des Etats: quelques aspects récents// *Revue roumaine d’études internationales*. No.3. 1978.
599. Donnedieu de Vabres H.F. Le Procès de Nuremberg Devant Les Principes Modernes du Droit Pénal International// *Recueil Des Cours* Vol. 7. 1947. Доступно по https://referenceworks.brillonline.com/entries/the-hague-academy-collected-courses/*A9789028610729_05 (дата обращения 02.09.2024).
600. Dorigo S. Imputazione e responsabilità internazionale per l’attività delle forze di peacekeeping delle Nazioni Unite // *Rivista di diritto internazionale*. Vol. 85. 2002.
601. Draper G.I. The Enforcement and Implementation of the Geneva Conventions of 1949 and the Additional Protocols of 1977// *Recueil de cours*. Vol. 163. 1978. URL: https://referenceworks.brillonline.com/entries/the-hague-academy-collected-courses/*A9789028609808_01 (дата обращения 02.09.2024).
602. Dumas J. De la responsabilité Internationale des États: à raison de crimes où de délits commis sur leurs territoires au préjudice d’ étrangers//*Revue Internationale de Droit Pénal*. Vol. 6. 1929.
603. Dupuy P.-M. The International Law of State Responsibility: Revolution or Evolution? //*Michigan Journal of International Law*. No. 1. 1990. URL: <https://repository.law.umich.edu/mjil/vol11/iss1/4/> (дата обращения 02.09.2024).
604. Dupuy P.-M. Reviewing the Difficulties of Codification on Ago’s Classification of Obligations of Means and Obligations of Result in Relation to State Responsibility//*European Journal of International Law*. Vol. 10. No.2. 1999. – P. 371-385.
605. Eagleton C. Measure of Damages in International Law//*Yale Law Journal*. Vol. 39. 1929. URL: <https://digitalcommons.law.yale.edu/ylj/vol39/iss1/9/> (дата обращения 15.04.2021).
606. Evans G. When is it Right to Fight? //*Survival*. Vol.46. No.3. 2004. – P. 59-81.
607. Evans G. The Responsibility to Protect: An Idea Whose Time Has Come...and Gone? //*International Relations*. Vol. 22. No. 3. 2008.
608. Evans G. Russia, Georgia and the Responsibility to Protect//*Amsterdam Law Forum*. Vol.1. No.2. 2009. – P.25.
609. Evans G. From Humanitarian Intervention to the Responsibility to Protect//*Wisconsin International Law Journal*. Vol. 24. 2006. – P.703-722.
610. Eustathiades C. Les Sujets du droit international et la responsabilité internationale: nouvelle tendencies//*Hague Recueil*. Vol. 84. 1953. URL: https://referenceworks.brillonline.com/entries/the-hague-academy-collected-courses/*A9789028612129_03 (дата обращения 02.09.2024).

611. Faite A. Involvement of Private Contractors in Armed Conflict: Implications under International Humanitarian Law// *Defence Studies*. Vol. 4. No. 2, Summer 2004. URL: <https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/pmc-article-a-faite.pdf> (дата обращения 05.09.2024).
612. Farer T. The Bush Doctrine and the United Nations Charter Frame// *The International Spectator: Italian Journal of International Affairs*. Vol. 37. 2002. – P.91-100.
613. Fenrick W.J. Attacking the Enemy Civilian as a Punishable Offense//*Duke Journal of Comparative and International Law*, 1997. Vol. 7. – P. 539-570.
614. Fleck D. International Accountability for Violations of the Jus in Bello: The Impact of the ICRC Study on Customary International Humanitarian Law//*Journal of Conflict and Security Law*. Vol.11. No.2. 2006. P. 179-199.
615. Francioni F. Of War, Humanity and Justice: International Law After Kosovo// *Max Planck Yearbook of United Nations Law*. Vol.4. 2000. – P.107-126.
616. Franck T. Terrorism and the Right of Self-Defence//*American Journal of International Law*. Vol.85. 2000. – P. 839 – 843.
617. Focarelli C. Denying Foreign State Immunity for Commission of International Crimes: The Ferrini Decision// *International and Comparative Law Quarterly*. Vol.54. 2005. – P. 951 – 958.
618. Franck T. M. Who Killed Art. 2(4)? or: The Changing Norms Concerning the Use of Force by States// *American Journal of International Law*. Vol. 64. 1970. - P. 809-883.
619. Franck T.M. Terrorism and the Right of Self-Defense// *American Journal of International Law*. Vol. 95. 2001. – P. 839 – 843.
620. Franck T. State Responsibility in the Era of Individual Criminal Culpability//*The Butterworth Lecture at Queen Mary College, University of London*. 10 October 2005.
621. Frohlich M. Keeping Track of UN Peace-keeping - Suez, Srebrenica, Rwanda and the Brahimi Report // *Max Planck Yearbook of United Nations Law*. Vol. 5. 2001. – P.185-248.
622. Focarelli C. The Responsibility to Protect Doctrine and Humanitarian Intervention: Too Many Ambiguities for a Working Doctrine//*Journal of Conflict and Security Law*. Vol. 13. No.2. 2008. – P. 191-213.
623. Frulli M. When are States Liable Towards Individuals for Serious Violations of Humanitarian Law? The Markovic Case// *Journal of International Criminal Justice*. Vol.1. 2003. – P. 406–427.
624. Fry J.D. Coercion, Causation and the Fictional Elements of Indirect State Responsibility//*Vanderbilt Journal of Transnational Law*, Vol. 40. 2007. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Coercion%2C-Causation%2C-and-the-Fictional-Elements-of-Fry/4590d51f0d582ff59bd6e4645cc7a26e37dfc727> (дата обращения 15.04.2021).
625. Gaeta P. The Role NATO in the Peace Agreement for Bosnia and Herzegovina //*European Journal of International Law*. Vol.7. No 2. 1996.
626. Gaeta P. On What Conditions Can a State Be Held Responsible for Genocide//*European Journal of International Law*. Vol.18. 2007. – P.631-648.
627. Gaja G. Jus Cogens Beyond the Vienna Convention// *Hague Recueil*. Vol. 172. 1981. URL:https://referenceworks.brillonline.com/entries/the-hague-academy-collected-courses/*A9789024727780_03
628. Gaja G. Should the References to International Crimes Disappear from the ILC Draft Articles on State Responsibility? //*European Journal of International Law*. Vol. 10. No. 2. 1999. – P.365-370.
629. Garcia-Amador F. V. State Responsibility: Some New Problems// *Hague Recueil*. Vol. 94. 1958. URL: https://referenceworks.brillonline.com/entries/the-hague-academy-collected-courses/*A9789028613126_04 (дата обращения 15.04.2021).
630. Garment D., Fischer M. R2P and the Role of Regional Organisations in Ethnic Conflict Management, Prevention and Resolution: The Unfinished Agenda// *Global Responsibility to Protect*. Vol. 1. No.3. 2009.

631. Gattini A. Smoking/No Smoking: Some Remarks on the Current Place of Fault in the ILC Draft Articles on State Responsibility//European Journal of International Law. Vol. 10. No. 2. 1999. – P.397-404.
632. Gilbert G. The Criminal Responsibility of States//International and Comparative Law Quarterly, Vol. 39, No. 2, April 1990. – P. 345 – 369.
633. Gilbert G. The Law and Transnational Terrorism//Netherlands Yearbook of International Law. Vol. 26. 1995. – P. 3 – 32.
634. Ginsburgs G. Nuremberg and Criminal State//Kontinuitat und Neubeginn. Staat und Recht in Europa zu Beginn des 21. Jahrhunderts. Baden-Baden, 1999.
635. Gomes K.G. An Intellectual Genealogy of the Just War: A Survey of Christian Political Thought on the Justification of Warfare// Small Wars Journal, 2008. URL: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/an-intellectual-genealogy-of-the-just-war> (дата обращения 15.04.2021).
636. Gowlland-Debbas V. Security Council Enforcement Action and Issues of State Responsibility// International and Comparative Law Quarterly. Vol. 43.1994. – P. 55-98.
637. Gowlland-Debbas V. The Relationship between the International Court of Justice and the Security Council in the Light of the Lockerbie Case// American Journal of International Law. Vol.88.1994. – P. 643 – 677.
638. Graefrath B., Mohr M. Legal Consequences of an Act of Aggression: The Case of the Iraqi Invasion and Occupation of Kuwait//Austrian Journal of Public and International Law. Vol.43. 1992.
639. Gray C. After the Ceasefire: Iraq, the Security Council and the Use of Force//British Yearbook of International Law. Vol.65. 1994. – P. 135–174.
640. Greenwood C. International Law and the “War against Terrorism”//International Affairs. Vol. 78. 2002.
641. Gross L. International Terrorism and International Criminal Jurisdiction// American Journal of International Law. Vol. 67. 1973.
642. Guillaume G. Terrorism and International Law// International and Comparative Law Quarterly. Vol. 53. 2004. – P. 537-548.
643. Guzman A. Doctor Frankenstein's International Organization//Berkeley Program in Law and Economics, Working Paper Series, 2012. URL: <https://escholarship.org/uc/item/8r8416mf> (дата обращения 15.04.2021).
644. Heiskanen V. The United Nations Compensation Commission// The Hague Academy of International Law. Collected Courses. Vol. 296. 2002.
645. Henkin L. Conceptualizing Violence: Present and Future Developments in International Law//Albany Law Review. Vol.60. 1997. – P. 571-578.
646. Henkin L. Kosovo and the Law of “Humanitarian Intervention”//American Journal of International Law. Vol. 93. 1999. – P. 824-828.
647. Higgins R. The Legal Limits to the Use of Force by Sovereign State: United Nations Practice//British Yearbook of International Law. Vol. 37. 1961.
648. Hoffman H. Peace-Enforcement Actions and International Humanitarian Law: Emerging Rules for ‘Interventional Armed Conflicts// International Review of the Red Cross. Vol. 82. No. 837. 2000. URL: <https://international-review.icrc.org/sites/default/files/S1560775500075477a.pdf> (дата обращения 02.09.2024).
649. Holder W.E. International Organizations: Accountability and Responsibility//American Society of International Law Proceedings. Vol. 97. 2003. – P.231 – 236.
650. Hoogh A. The Relationship between Jus Cogens, Obligations Erga Omnes and International Crimes: Peremptory Norms in Perspective//Austrian Journal of Public and International Law. Vol. 42. 1991.
651. Hoppe C. Passing the Buck: State Responsibility for Private Military Companies//The European Journal of International Law. Vol. 19. No. 5. 2008. – pp. 989–1014.

652. Janev I. On the UN's Legal Responsibility for the Irregular Admission of Macedonia to UN // *Journal of International Affairs*. Vol. VII. No.4. 2002-2003.
653. Janse D. International Terrorism and Self-Defence//*Israel Yearbook on Human Rights*. Vol.36. 2006.
654. Jessup P. C. Responsibility of States for Injuries to Individuals//*Columbia Law Review*. Vol. 46. No. 6. 1946. – P. 903-928.
655. Kahn S. G. Private Armed Groups and World Order// *Netherlands Yearbook of International Law*. 1970. – P. 32 – 54.
656. Kapur A. Humanity as the A and Ω of Sovereignty: Four Replies to Anne Peters//*European Journal of International Law*. Vol.20. 2009. – P. 569–573.
657. Katselli E. Countermeasures by Non-Injured States in the Law on State Responsibility // *European Society of International Law. Agora Papers. Florence Founding Conference of the ESIL*. 2005. URL: <https://eprint.ncl.ac.uk/12060> (дата обращения 15.04.2021).
658. Keitner C.I. Crafting the International Criminal Court: Trials and Tribulations in Article 98(2)//*UCLA Journal of International Law and Foreign Affairs*, Vol. 6. 2001. – P. 215-271.
659. Kelsen H. Collective and Individual Responsibility in International Law with Particular Regard to the Punishment of War Criminals// *California Law Review*. Vol.31. 1943. – P. 530-571.
660. Klabbers J. Rebel without a Cause? Terrorists and Humanitarian Law//*European Journal of International Law*. Vol.14. 2003. – P. 299-312.
661. Klein P. Responsibility for Serious Breaches of Obligations Deriving from Peremptory Norms of International Law and United Nations Law//*European Journal of International Law*. Vol.13. 2002. – P.1241-1255.
662. Klein P. Le Conseil de sécurité et la lutte contre le terrorisme: dans l'exercice de pouvoirs toujours plus grands?// *Revue Québécoise de Droit International*. Vol.19. 2007. URL: <https://www.sqdi.org/fr/le-conseil-de-securite-et-la-lutte-contre-le-terrorisme-dans-lexercice-de-pouvoirs-toujours-plus-grands/> (дата обращения 15.04.2021).
663. Koskenniemi M., Hierarchy in International Law: A Sketch//*European Journal of International Law*. Vol. 8. 1997. – P.566-582.
664. Koskenniemi M. Solidarity Measures: State Responsibility as a New International Order? //*British Yearbook of International Law*. Vol. 71. 2001. – P. 337–356.
665. Koskenniemi M. The Fate of Public International Law: Between Technique and Politics//*Modern Law Review*. Vol. 70. 2007. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/j.1468-2230.2006.00624.x> (дата обращения 02.09.2024).
666. Koskenniemi M. Occupied Zone- “A Zone of Reasonableness”? // *Israel Law Review*. Vol. 1. 2008. – P. 13-40.
667. Kovac M. Legal Issues Arising from the Possible Inclusion of Private Military Companies in UN Peacekeeping// *Max Planck Yearbook of United Nations Law*. Vol.13. 2009. – P.307-374.
668. Kristen F. Casualties in Evolving Warfare: Impact of Private Military Firms' Proliferation on the International Community// *Wisconsin International Law Journal*. Vol. 23. 2005.
669. Krisch N. Self-Defence and Collective Security//*Beiträge zum ausländischen öffentlichen Recht und Völkerrecht*. Bd.151. 2001. – P. 405-412.
670. Kunz J. Bellum Justum and Bellum Legate//*The American Journal of International Law*. Vol. 45. 1951.
671. Kunz G.L. Sanctions in the International Law // *The American Journal of International Law*, Wash. V. 54. No. 2. 1960. P. 324 – 347.
672. Larsen K.M. Attribution of Conduct in Peace Operations: the “Ultimate Authority and Control Test”// *European Journal of International Law*. Vol. 19. 2008. P. 509–531.

673. Larsson R., Hagstrom Frisell E. The Caucasian Litmus Test: Consequences and Lessons of the Russian-Georgian War in August 2008//Swedish Defense Research Agency. 2008.
674. Lemkin R. Genocide as a Crime under International Law// American Journal of International Law. Vol. 41. 1947. – P.145-151.
675. Lillich R.B. Intervention to Protect Human Rights//McGill Law Journal. Vol.15. 1969. – P.205-219.
676. Lobel J. The Use of Force to Respond to Terrorist Bombings: The Bombing of Sudan and Afghanistan//Yale Journal of International Law. Vol. 24. 1999. URL: <https://digitalcommons.law.yale.edu/yjil/vol24/iss2/4/> (дата обращения 02.09.2024).
677. Lipson M. A «Garbage Can Model» of UN Peacekeeping//Global Governance. No.13 2007.
678. Luder R.S. Responsibility of States and International Organisations in Respect to United Nations Peace-keeping Missions// International Peacekeeping. Vol. 12. 2008.- P. 83–92.
679. Malzahn S.M. State Sponsorship and Support of International Terrorism: Customary Norms of State Responsibility//Hastings International & Comparative Law Review. Vol. 26. 2002. URL:https://repository.uchastings.edu/hastings_international_comparative_law_review/vol26/iss1/3 (дата обращения 02.09.2024).
680. Marek K. Criminalizing State Responsibility//Revue Beige de Droit International. Vol.14. 1978. – P.460-485.
681. Marks S.D. State-Centrism, International Law, and the Anxieties of Influence//Leiden Journal of International Law. Vol. 19. 2006. -P. 339 – 347.
682. Martenczuk B. The Security Council, the International Court and Judicial Review: What Lesson from Lockerbie?//European Journal of International Law. Vol. 10. 1999. – P.517-547.
683. Mazzeschi R.P. The Marginal Role of the Individual in the ILC's Articles on State Responsibility//Italian Yearbook of International Law. Vol. 15. 2004. URL: https://brill.com/previewpdf/journals/iyio/14/1/article-p39_.xml (дата обращения 15.04.2021).
684. Mednicoff D. Humane wars? International law, Just War Theory and Contemporary Armed Humanitarian Intervention//Law, Culture and the Humanities. University of Massachusetts, Amherst, Vol. 2. 2006. P. 373-398.
685. McDougal M., Reisman M.W. Rhodesia and the United Nations: The Lawfulness of International Concern//American Journal of International Law. Vol.69. 1968. URL: https://digitalcommons.law.yale.edu/fss_papers/674/ (дата обращения 02.09.2024).
686. Milanovic M. State Responsibility for Genocide: A Follow –Up//European Journal of International Law. Vol. 18. 2007. – P.553-604.
687. Moldner M. Responsibility of International Organisations – Introducing the ILC's DARIO// Max Planck Yearbook of United Nations Law.Vol.16. 2012. - P. 281-328.
688. Molier G. Humanitarian Intervention and the Responsibility to Protect after 9/11// Netherlands International Law Review. Vol. 53. 2006.
689. Myjer E. P. J., While N. D. The Twin Towns Attack: An Unlimited Right to Self-Defence?//Journal of Conflict and Security Law. Vol. 7. 2002. – P.5-17.
690. Murphy S. D. Terrorist Attacks on World Trade Center and Pentagon//American Journal of International Law. Vol. 96. 2002. <http://uniset.ca/terr/art/96AmJIntL237.pdf>(дата обращения 02.09.2024).
691. Napel H. M. The Concept of International Crimes of States: Walking the Thin Line between Progressive Development and Disintegration of the International Legal Order// Leiden Journal of International Law. Vol. 1, No. 2. 1988. – P. 149 – 169.
692. Neha J. A. Separate Law for Peacekeepers: The Clash between the Security Council and the International Criminal Court// The European Journal of International Law. Vol. 16. No.2. 2005. – P. 239-254.

693. Nissel A. The ILC Articles on State Responsibility: Between Self-Help and Solidarity//New York University Journal of International Law & Politics. Vol. 38. 2006. – P. 355-371.
694. Nissel A. The Duality of State Responsibility// Columbia Human Rights Law Review. Vol.33. No. 3. 2013. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2255033 (дата обращения 15.04.2021).
695. Nollkaemper A. Concurrence between Individual Responsibility and State Responsibility in International Law// International and Comparative Law Quarterly. Vol. 52. 2003. - P. 615 – 640.
696. Nollkaemper A. Constitutionalization and the Unity of the Law of International Responsibility// Indiana Journal of Global Legal Studies. Vol. 16. 2009. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1338651
697. Nollkaemper A. Systemic Effects of International Responsibility for International Crimes//Santa Clara Journal of International Law 313, 2010. URL: <https://digitalcommons.law.scu.edu/scujil/vol8/iss1/12> (дата обращения 15.04.2021).
698. Nussbaum A. Just War: A Legal Concept? //Michigan Law Review. Vol.42. 1943. – P. 453-479.
699. O'Brien W.V., Arend A. Just War Doctrine and the International Law of War//Military Medical Ethics. Vol. 1. 1991.
700. O'Brien W.V. Just War Doctrine's Complementary Role in the International Law of War// International Law Studies, No. 67, 1995.
701. O'Brien K. Military Advisory Groups and African Security: Privatized Peacekeeping//International Peacekeeping. Vol.5. 1998. – P.78-105.
702. Ostensen A.G. UN Use of Private Military and Security Companies: Practices and Policies. The Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces, 2011. URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctv6zdbzw> (дата обращения 15.04.2021).
703. Paasivirta E. Responsibility of a Member State of an International Organization: Where Will It End? Comments on Article 60 of the ILC Draft on the Responsibility of International Organizations// International Organizations Law Review. Vol.7. 2010. – P. 49-61.
704. Palchetti P. Armed Attack against the Military Force of an International Organization and Use of Force in Self-Defence by a Troop-Contributing State: A Tentative Legal Assessment of an Unlikely Scenario// International Organizations Law Review. Vol. 7. Issue 2. 2010. – P. 241–260.
705. Patterson M. A Corporate Alternative to United Nations Ad Hoc Military Deployments//Journal of Conflict and Security Law. Vol. 13. No. 2. 2008. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/A-Corporate-Alternative-to-United-Nations-Ad-Hoc-Patterson/f2065fd070a14b4a69874c4b6f1e1b13ab6016b2> (дата обращения 15.04.2021).
706. Paust J. J. The Link Between Human Rights and Terrorism and Its Implications for the Law of State Responsibility//Hastings International and Comparative Law Review. Vol.11. 1987. URL: https://repository.uchastings.edu/hastings_international_comparative_law_review/vol11/iss1/2/ (дата обращения 02.09.2024).
707. Pella V. Plan d'un Code Répressif Mondial// Revue Internationale du Droit Pénal. Vol.12. 1935. – P. 37 – 68.
708. Pellet A. Can a State Commit a Crime? Definitely, Yes! //European Journal of International Law. Vol. 10. №2. 1999. – P.425-434.
709. Perez Gonzalez M. Les organisations internationales et le droit de la responsabilité // Revue generale de droit international public. Vol. 99. 1988.- P. 63-102.
710. Perkins J. The Changing Foundations of International Law: From State Consent to State Responsibility//Boston University International Law Journal. Vol. 15. No. 2. 1999.- P.433-508.

711. Peters C. Subsequent Practice and Established Practice of International Organizations: Two Sides of the Same Coin? // *Goettingen Journal of International Law*. Vol. 3. 2011. – P.417-462.
712. Pisillo-Mazzaschi R. Due Diligence and the International Responsibility of States// *German Yearbook of International Law*. Vol. 35. 1992.
713. Porretto G., Vite S. The application of international humanitarian law and human rights law to international organisations// *Research Paper Series*. Centre Universitaire de Droit International Humaine, Collection des travaux de recherché. No. 1. 2006. URL: https://iihl.org/wp-content/uploads/2018/03/Application_of_IHL-and-H-rights-law.pdf (дата обращения 02.09.2024).
714. Pronto A. An Introduction to the Articles on the Responsibility of International Organizations// *South African Yearbook of International Law*. Vol.36. 2011. – P. 94-119
715. Proulx V.-J. Babysitting Terrorists: Should States be Strictly Liable for Failing to Prevent Transborder Attacks? // *Berkeley Journal of International Law*. Vol. 23. 2005. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=877224 (дата обращения 02.09.2024).
716. Ragazzi M. The ILC Draft Articles and International Financial Institutions: Select Considerations// *American Society of International Law Proceedings*. Vol. 105. 2011. – P. 353-356.
717. Ratner J. Jus Ad Bellum and Jus in Bello After September 11// *American Journal of International Law*. Vol. 96. 2002. – P. 905 – 921.
718. Rawski F. To Waive or Not to Waive: Immunity and Accountability in U.N. Peacekeeping Operations// *Connecticut Journal of International Law*. No. 18. 2002.
719. Redgwood R. NATO's Campaign in Yugoslavia// *American Journal of International Law*. Vol. 93. 1999.
720. Reinisch A. Developing Human Rights and Humanitarian Law Accountability of the Security Council for the Imposition of Economic Sanctions// *American Journal of International Law*. Vol.95. 2001. – P. 851 – 872.
721. Reinisch A. Aid or Assistance and Direction and Control between States and International Organizations in the Commission of Internationally Wrongful Acts// *International Organizations Law Review*. Vol.7. 2010. – P. 63-77.
722. Reisman M. Sanctions and International Law // *Intercultural Human Rights Law Review*. Vol.4. 2008.
723. Richemond D. The New Peacekeepers? Private Military Companies and the Future of Peacekeeping Operations// *ESIL Working Paper Agora Series* December. 2007. URL: <http://esil-sedi.eu/wp-content/uploads/2018/04/Agora-2-Richemond.pdf> (дата обращения 15.04.2021).
724. Robledo G. Le Jus cogens international: sa genése, sa nature, ses fonctions// *Recueil de Cours*. Vol.172. 1981.
725. Root E. The Sanction of International Law// *Proceedings of American Society of International Law*. Vol. 2. No. 14. 1908. – P.451-457.
726. Root E. The Outlook for International Law// *Proceedings of the American Society of International Law*. 1915. – P.2-11.
727. Rosand E. Security Council Resolution 1373, the Counter – Terrorism Committee, and the Fight Against Terrorism// *American Journal of International Law*. Vol. 97. 2003. – P. 333 – 341.
728. Rosen N. How are Multinational NATO Operations Responsible for International Humanitarian Law Violations? // *The Fletcher Forum of World Affairs*. Vol. 37. No.3. 2013. – P. 163-175.
729. Rosenne S. War Crimes and State Responsibility// *Israel Yearbook on Human Rights*. Vol. 24. 1994. – P. 63-102.
730. Rosenne S. State Responsibility: Festina Lente// *75 British Yearbook of International Law*. 2004. - P. 363-371.

731. Sanchez C. Responsabilidad internacional de las Naciones Unidas por la actividad ilícita de sus fuerzas mantenimiento de la Paz//Revista electronica de estudios internacionales, 2007. URL: <https://dialnet.unirioja.es/descarga/articulo/2327503.pdf> (дата обращения 02.09.2024).
732. Sari A. Jurisdiction and International Responsibility in Peace Support Operations: The Behrami and Saramati case// Human Rights Law Review. Vol.8. 2008. – P.151-170.
733. Sari A. UN Peacekeeping Operations and Article 7 ARIIO: the Missing Link//International Organizations Law Review. Vol.9. 2013. – P. 77–85.
734. Sassoli M. La “guerre contre le terrorisme”, le droit international humanitaire et le statut de prisonnier de guerre// Canadian Yearbook of International Law. Vol. 39. 2001. – P.211 – 252.
735. Sazonova K. Problematics of Responsibility under International Law and Foreign Doctrines of International Law// Law and Modern States.No.1.2014. – P. 50-54
736. Sazonova K., Kholikov I. The Ebola Response Team Deployment in the Guinea Republic: Organizational, Ethical, Legal Issues and a Problem of Responsibility // Ethical Challenges for Military Health Care Personnel. Edited by Daniel Messelken and David Winkler. – New York: Routledge, 2018. – P. 38-51.
737. Scerni M. Responsabilita degli Stati// Nuovo Digesto Italiano. Vol. 11. 1939. – P. 474—475.
738. Schachter O. In Defense of International Rules on the Use of Force// University of Chicago Law Review. Vol. 53. 1986. URL: <https://chicagounbound.uchicago.edu/uclrev/vol53/iss1/6> (дата обращения 02.09.2024).
739. Schwarzenberger G. International Jus Cogens? // Texas Law Review. Vol. 43. 1965. -P.455-479.
740. Schwelb E. The Actio Popularis and International Law//Israel Yearbook on Human Rights. Vol. 2. 1972.
741. Seidl-Hohenveldern I. The United Nations and Economic Coercions//Revue Belge du Droit International. Vol. 18. 1984. P. 12.
742. Simma B. Counter-Measures and Dispute Settlement//European Journal of International Law. No. 1. 1994. – P.102-105.
743. Simma B. NATO, the UN and the Use of Force: Legal Aspects// European Journal of International Law. Vol.10. No.1. 1999. – P.1-22.
744. Simma B. The Contribution of Alfred Verdross to the Theory of International Law// European Journal of International Law. 1995. Vol. 6. – P.33-54.
745. Simma B. Universality of International Law from the Perspective of a Practitioner//The European Journal of International Law. Vol. 20 No. 2. 2009. P. 265–297.
746. Singer P. W. Should Humanitarians Use Private Military Services?//Humanitarian Affairs Review. 2004. URL: <https://www.brookings.edu/articles/should-humanitarians-use-private-military-services/> (дата обращения 02.09.2024).
747. Sorel J.-M. La responsabilité des Nations Unies dans les opérations de maintien de la paix // International Law Forum. Vol. 3. 2001. P. 127–138.
748. Stoddard A., Harmer A., DiDomenico V. The Use of Private Security Providers and Services in Humanitarian Operations// Humanitarian Policy Group Report 27. London, Overseas Development Institute, 2009. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/96599/hpgbrief_33.pdf (дата обращения 02.09.2024).
749. Spearin C. UN Peacekeeping and the International Private Military and Security Industry//International Peacekeeping. Vol. 18. No. 2. 2011. URL: https://www.researchgate.net/publication/263258123_UN_Peacekeeping_and_the_International_Private_Military_and_Security_Industry (дата обращения 02.09.2024).
750. Spinedi M. State Responsibility v. Individual Responsibility for International Crimes: Tertium Non Datur?// European Journal of International Law. Vol. 13. No.4. 2002. P. 895-899.

751. Stahn C. Responsibility to Protect: Political Rhetoric or Emerging Legal Norm?//American journal of International Law. Vol.101.2007. - p. 99-120.

752. Sturma P. Drawing a Line between the Responsibility of International Organizations and its Member State under International Law//Czech Yearbook of Public & Private International Law. Vol.2. 2012.

753. Stumer A. Liability of Member State for Acts of International Organizations: Reconsidering the Policy Objections//Harvard International Law Journal. Vol. 48. 2007. URL: https://www.researchgate.net/publication/28202000_Liability_of_Member_States_for_Acts_of_International_Organizations_Reconsidering_the_Policy_Objections (дата обращения 02.09.2024).

754. Sucharitkul S. State Responsibility and International Liability under International Law// LOYOLA International and Comparative Law Review. Vol.18. 1996. URL: <https://digitalcommons.law.ggu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1225&context=pubs> (дата обращения 02.09.2024).

755. Tammes A. Decisions of International Organs as a Course of International Law // Recueil de Cours de l'Academie de droit International. La Haye, Vol. 94. 1958.

756. Tams C. The Use of Force against Terrorists//European Journal of International Law. Vol. 20. 2009. – p.359-397.

757. Taulbee J.L. The Privatization of Security: Modern Conflict, Globalization and Weak States//Civil Wars. Vol. 5. No. 2. 2002. – p.1-24.

758. Thurer D. The «Failed State» and International Law//International Review of the Red Cross, 1999. №. 836. - P. 9-47.

759. Travaglio G., Altenburg J. State Responsibility for Sponsorship of Insurgent Groups: Terrorism, State Responsibility and the Use of Military Force// Chicago Journal of International Law. Vol. 4. 2003.

760. Velásquez-Ruiz M.A. International Law and Economic Sanctions Imposed by the United Nations Security Council" International Law//Revista Colombiana de Derecho International. Vol.21. 2012. URL: https://www.researchgate.net/publication/262670563_INTERNATIONAL_LAW_AND_ECONOMIC_SANCTIONS_IMPOSED_BY_THE_UNITED_NATIONS'_SECURITY_COUNCIL_LEGAL_IMPLICATIONS_IN_THE_GROUND_OF_ECONOMIC_SOCIAL_AND_CULTURAL_RIGHTS (дата обращения 02.09.2024).

761. Verdross A. Jus Dispositivum and Jus Cogens in International Law// American Journal of International Law. Vol. 60. 1966. URL: <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/ajil60&div=11&id=&page=>

762. Wedwood R. Responding to Terrorism: The Strikes Against Bin Laden//Yale Journal of International Law. Vol. 24. 1999. URL: <https://digitalcommons.law.yale.edu/yjil/vol24/iss2/5/> (дата обращения 02.09.2024).

763. Weller M. The Lockerbie Case: A Premature End to the “New World Order//African Journal of International and Comparative Law. Vol. 4. 1992. URL: <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/afjincol4&div=23&id=&page=>(дата обращения 02.09.2024).

764. Weiner A. Law, Just War, and the International Fight Against: Is It War?//Working Papers of Center on Democracy, Development, and the Rule of Law, № 47. Stanford Institute on International Studies, 2005.

765. Wheeler N. J. Legitimizing Humanitarian Intervention: Principles and Procedures//Melbourne Journal of International Law. Vol. 2. 2001. URL: <http://www5.austlii.edu.au/au/journals/MelbJIL/2001/21.html> (дата обращения 02.09.2024).

766. Wyler E. From “State Crime” to Responsibility for “Serious Breaches of Obligations under Peremptory Norms of General International Law”//European Journal of International Law. Vol. 13. No.5. 2002.

767. Zasloff J. The Legacy of Elihu Root. Rereading Root//Proceedings of the 100th Annual Meeting of the American Society of International Law. 2006. URL: <https://www.jstor.org/stable/25660095> (дата обращения 02.09.2024).

V. Диссертации и авторефераты:

768. Андреев М.В. Политико-правовые институты обеспечения национальной и коллективной безопасности на современном этапе развития: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.10/ Андреев Максим Валентинович. - Казань, 2009. 31 с.

769. Афхазава Д.Г. Реализация принципа неприменения силы и угрозы силой в международном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10/ Афхазава Дурмишхан Гивиевич. – Казань, 2022. – 292 с.

770. Банис П.А. Присвоение ответственности в современном международном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10/Банис Павел Андреевич. – М., 2022. -189 с.

771. Батршин Р.Р. Ответственность государства и применение контрмер в современном международном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Батршин Роман Ринатович. – Казань, 2005. – 211 с.

772. Батырь В.А. Имплементация норм международного гуманитарного права в военном законодательстве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 20.02.03/ Батырь Вячеслав Анатольевич. - Москва, 1999. - 202 с.

773. Белалова Б.Ш. Международно-правовая ответственность международных межправительственных организаций: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10/ Белалова Белла Шариповна. – М., 2002. – 178 с.

774. Белый И.Ю. Международное уголовное судопроизводство по делам о военных преступлениях: проблемы становления и перспективы развития: дис. ... докт. юрид. наук: 20.02.03/ Игорь Юрьевич Белый. М., 2009.

775. Бухмин С.В. Применение норм международного гуманитарного права в вооруженных конфликтах с участием ООН: дис. ... канд. юрид. наук: 12.0010/ Бухмин Сергей Владимирович. Казань, 2005. - 243 с.

776. Гольцов С.Д. Международно-правовые вопросы применения вооруженной силы государствами в порядке индивидуальной самопомощи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10/ Гольцов Сергей Дмитриевич. – М., 2005. - 176 с.

777. Гуласарян А.С. Международно-правовая имплементация норм об ответственности международных организаций: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10/ Гуласарян Артур Сергеевич. - М., 2014. – 202 с.

778. Гиони И. Международно-правовая ответственность государств за нарушение обязательств в сфере защиты прав человека в европейском праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10/Гиони Ина. - М., 2010. – 194 с.

779. Егоров С.А. Вооруженные конфликты и международное право: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.10/ Егоров Сергей Алексеевич. - М, 1999. – 285 с.

780. Елынычев В.Н. Международно-правовая ответственность государств и проблема вины: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1969. - 10 с.

781. Замятин В.Ю. Ответственность международных организаций: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Замятин Виталий Юрьевич. – Москва, 2005. – 212 с.

782. Ибрагим М.И. Ответственность Израиля за международные преступления против палестинского народа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 /Ибрагим Мухамед Ибрагим. – М., 1984. – 18 с.

783. Измайлова П.Р. Уголовная ответственность должностных лиц государства за преступления по международному праву: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10/ Измайлова Пери Расимовна. – М., 2015. -162.

784. Каюмова А.Р. Уголовная юрисдикция в международном праве: вопросы теории и практики: дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.10/ Каюмова Альфия Револевна. - Казань, 2016. - 448 с.
785. Кешнер М.В. Институт реализации международной ответственности государств: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.10/Кешнер Мария Валерьевна. – Казань, 2023. - 374 с.
786. Ключня А.Ю. Ответственность за нарушение обязательств, вытекающих из императивных норм международного права: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.10/ Ключня Алесь Юрьевич. - М., 2022. – 226 с.
787. Кривенкова М.В. Нематериальная ответственность государств в современном международном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Кривенкова Мария Витальевна. – Казань, 2009. – 201 с.
788. Крючкова И.Н. Экономические санкции Совета Безопасности Организации Объединенных Наций в международном публичном праве и международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Крючкова Ирина Николаевна. М., 2005. – 213 с.
789. Котляр В.С. Стратегические концепции США и НАТО и международное право: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.10/ Котляр Владимир Семенович. – М., 2007. – 54 с.
790. Кудинов М.А. Теоретические и правовые основы уголовной ответственности за преступления против военной службы, совершаемые в военное время и в боевой обстановке: дисс. ... канд. юрид. наук: 20.02.03/ Кудинов Михаил Анатольевич. - М., 2004.
791. Курляндский В.И. Советская наука права о понятии международного уголовного преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук/ Курляндский Виталий Ильич. М., 1949. – 28 с.
792. Лобанов С.А. Уголовное судопроизводство по делам о военных преступлениях (международно-правовые аспекты): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 20.02.03/ Лобанов Сергей Александрович. - М., Военный университет, 1997.
793. Лобанов С.А. Международная уголовная ответственность за военные преступления: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.10/ Лобанов Сергей Александрович. – М., 2018. - 495 с.;
794. Лямин Н.М. Международный уголовный суд и ответственность за преступные нарушения прав человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10/ Лямин Николай Михайлович. - М., 2017. 30 с.
795. Менжинский В.И. Проблема международной ответственности в свете советской концепции международного права (в свете советской концепции международного права): автореф. дис. ... канд. юрид. - М., 1951. 16 с.
796. Мезяев А.Б. Права обвиняемого в международном уголовном процессе (вопросы теории и практики): дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.10/Мезяев Александр Борисович. – Москва, 2013. – 408 с.
797. Михайлов Н.Г. Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии как институт международной уголовной юстиции: дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.10/ Николай Геннадьевич Михайлов. - М., 2006. - 282 с.
798. Мундер А.И. Ответственность государств за агрессию: автореф. дис. ... канд. юрид. наук /Мундер Александр Ильич, - М., 1952. 16 с.
799. Мушаораб И.А. Международно-правовая ответственность Израиля за материальный ущерб, причиненный Ливану: дисс. ... канд. юрид. наук 12.00.10/ Мушаораб Ибрагим Адель. - Москва, 1984. 201 с.
800. Орбелян А.С. Право государств на применение вооруженной силы в условиях современных международных отношений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10/Орбелян Арам Смбагович. – Москва, 2008. -153 с.
801. Пашина А.Д. Применение силы в международном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 /Пашина Аделя Дмитриевна. – Казань, 2008. -175 с.

802. Петровский Ю.В. Международно-правовая ответственность государств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ленинград, 1968.- 16 с.
803. Прошина Е.А. Международно-правовая ответственность государств: дис. ... канд. Юрид. наук: 12.00.10/Пронина Елена Анатольевна. - Москва, 2006. - 148 с.
804. Ромашкин П.С. Преступления против законов и обычаев войны: автореф. дис. ... докт. юрид. наук/ Ромашкин Петр Семенович. М., 1951. 57 с.
805. Сазонова К.Л. Правовые основы применения вооруженной силы в миротворчестве Организации Объединенных Наций: автореф. дисс. ... канд.юрид. наук:12.00.10/ Сазонова Кира Львовна. - Москва, 2011.
806. Сайфуллин Э.К. Формирование модели международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10/Сайфуллин Эмиль Камильевич. – М., 2024. - 26 с.
807. Сырхаев А.А. Ответственность частных военных и охранных компаний в международном гуманитарном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10/Сырхаев Алан Артурович. – М., 2013. - 179 с.;
808. Тарасова Л.Н. Применение силы в международных отношениях и защита прав человека: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10/ Тарасова Людмила Николаевна. – М., 2007. – 201 с.;
809. Тахир М. Глобальная и региональные системы коллективной безопасности на современном этапе (международно-правовые аспекты): дисс. докт. юрид. наук: 12.00.10/ Мохаммад Тахир. - Санкт-Петербург, 2004. - 404 с.
810. Чиков П. В. Военные санкции в международном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10/Чиков Павел Валерьевич. - Казань, 2003. - 208 с.
811. Ушаков С.В. Вклад многосторонних органов международного правосудия в функционирование института международно-правовой ответственности государств в контексте международного процессуального права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10/Ушаков Сергей Вячеславович. – М., 2009. - 163 с.

Оценка текущего отношения представителей российской юридической доктрины к вопросам международной ответственности государств, международных организаций и индивидов за преступления против мира и безопасности методом экспертного опроса (анкетирования)

В процессе написания диссертационного исследования автором был проведен анализ (методом традиционного анализа документов и методики сравнительного анализа) текущего отношения юридического сообщества к вопросам международной ответственности государств, международных организаций и индивидов за преступления против мира и безопасности методом экспертного опроса (анкетирования).

Метод анкетирования был выбран исходя из его возможностей: 1. Сбор информации в сжатые сроки; 2. Быстрый перевод информации в числовые значения для выявления процентных соотношений. В опросе (анкетировании) приняли участие 52 человека, обладающих учеными степенями в области юриспруденции и преподающие в различных ВУЗах Российской Федерации.

Перечень вопросов анкетирования представлен в таблице 1.

Ниже приводятся результаты, полученные в результате анкетирования.

- 70 % опрошенных не считают достаточным текущее международно-правовое регулирование вопросов, связанных с международной ответственностью.
- 80 % опрошенных согласны с тем, что вопросы международной ответственности в рамках права международной безопасности не изучены в достаточной степени.
- 60 % респондентов привычнее разделение ответственности на материальную и политическую
- 90 % опрошенных считают, что в доктрине международного права недостаточно разработаны вопросы, связанные с множественностью потенциальных субъектов ответственности (например, государство/индивид; государство/ЧВК; государство/международная организация).
- 60 % респондентов положительно относятся к привлечению государствами частных военных компаний к своей военно-силовой деятельности.
- 50 % опрошенных полагают, что к «государственному терроризму» относятся такие действия государств, как вмешательство в выборы, финансирование оппозиции, нелегальные поставки оружия, заказные убийства политических лидеров, а также призывы к смене действующей власти в иностранном государстве
- 50 % опрошенных полагают, что санкции – это вид международной ответственности, другие 50 процентов полагают, что санкции – это отдельный институт.
- 50 % опрошенных считают необходимым создание специального международного суда, который будет обладать возможностью судить международные организации за силовые злоупотребления.

- 70 % считают, что крайне необходимо развивать тематику международной ответственности международных организаций за силовые злоупотребления.

- 70 % процентов опрошенных считают необходимым разделять противоправные деяния, совершаемые государствами, на международные преступления и международные деликты.

- 80 % опрошенных полагают, что к категории «международных преступлений государств» относятся агрессия, геноцид, экоцид, апартеид и «государственный терроризм»

- 80 % опрошенных согласны ли Вы с тем, что избыточные санкции в отношении государств можно обозначить термином «экономическая агрессия».

- 60 % респондентов не считает достаточным текущий уровень международно-правового регулирования международных преступлений индивидов, что требует создания дополнительных структур.

- 70 % опрошенных полагают, что в настоящее время и даже в отдаленной перспективе отсутствуют перспективы развития концепции «универсальной юрисдикции», которая позволяет судить индивидов за международные преступления в любой национальной юрисдикции.

- 70 % считают, что необходимо ли развивать тематику международной ответственности международных организаций за силовые злоупотребления.

- 60 % респондентов считает, что к наиболее существенным проблемам международной ответственности государств относятся необязательность решений Международного суда ООН, отсутствие реального механизма принуждения государств к международной ответственности, нехватка компетентных органов международного правосудия, а также отсутствие четкого перечня противоправных деяний, которые могут служить основанием международной ответственности.

Вывод: Подводя итоги проведенного экспертного опроса (анкетирования), можно сказать, что вопросы, рассмотренные в настоящем диссертационном исследовании, являются остро актуальными, и отражают важные задачи, стоящие перед современной российской доктриной международного публичного права.

**Анкетирование по тематике международной ответственности государств,
международных организаций и индивидов за преступления против мира и
безопасности.**

№ п/п	Наименование вопроса	Варианты ответа	Ответ эксперта	Экспертный комментарий
1	Считаете ли Вы достаточным текущее международно-правовое регулирование вопросов, связанных с международной ответственностью?	1. Да 2. Нет 3. Скорее да 4. Скорее нет 5. Затрудняюсь ответить		
2	Согласны ли Вы с тем, что вопросы международной ответственности в рамках права международной безопасности не изучены в достаточной степени?	1. Да 2. Нет 3. Скорее да 4. Скорее нет 5. Затрудняюсь ответить		
3	Какое разделение видов международной ответственности государств является для Вас более привычным?	1. Ответственность политическая и ответственность материальная 2. Реституция, компенсация и сатисфакция 3. Затрудняюсь ответить		
4	Согласны ли Вы с тем, что в доктрине международного права недостаточно разработаны вопросы,	1. Да, эти вопросы требуют дополнительного анализа		

	связанные с множественностью потенциальных субъектов ответственности (например, государство/индивид; государство/ЧВК; государство/международная организация).	<p>2. Нет, эти вопросы достаточно изучены</p> <p>3. Затрудняюсь ответить</p>		
5	Как Вы относитесь к привлечению государствами частных военных компаний к своей военно-силовой деятельности?	<p>1. Одобрительно</p> <p>2. Неодобрительно</p> <p>3. Затрудняюсь ответить</p>		
6	Какие действия государств Вы могли бы отнести к такому явлению, как «государственный терроризм»?	<p>1. Вмешательство в выборы</p> <p>2. Финансирование оппозиции</p> <p>3. Нелегальные поставки оружия</p> <p>4. Заказные убийства политических лидеров</p> <p>5. Призывы к смене действующей власти в иностранном государстве</p> <p>6. Все из перечисленного</p> <p>7. Ничего из перечисленного</p> <p>8. Затрудняюсь ответить</p>		

7	Относите ли Вы санкции к видам международной ответственности, или же считаете их отдельным институтом международного права?	<ol style="list-style-type: none"> 1. Считаю, что санкции – это вид международной ответственности 2. Считаю санкции отдельным институтом 3. Затрудняюсь ответить 		
8	Считаете ли Вы необходимым создание специального международного суда, который будет обладать возможностью судить международные организации за силовые злоупотребления?	<ol style="list-style-type: none"> 1. Да, считаю необходимым 2. Нет, не вижу необходимости 3. Затрудняюсь ответить 		
9	Считаете ли Вы, что необходимо разделять противоправные деяния, совершаемые государствами, на международные преступления и международные деликты?	<ol style="list-style-type: none"> 1. Да 2. Нет 3. Затрудняюсь ответить 		
10	Какие противоправные действия государств Вы могли бы однозначно отнести к международным преступлениям?	<ol style="list-style-type: none"> 1. Агрессия 2. Геноцид 3. Экоцид 4. Апартеид 5. Государственный терроризм 6. Все вышеперечисленное 		

		7. Ничего из вышеперечисленного		
11	Согласны ли Вы с тем, что избыточные санкции в отношении государств можно обозначить термином «экономическая агрессия»?	<ol style="list-style-type: none"> 1. Да 2. Нет 3. Скорее да 4. Скорее нет 5. Затрудняюсь ответить 		
12	Считаете ли Вы достаточным текущий уровень международно-правового регулирования международных преступлений индивидов?	<ol style="list-style-type: none"> 1. Да 2. Нет, требуется создание дополнительных международных структур 3. Затрудняюсь ответить 		
13	Как Вы полагаете, есть ли перспективы развития у концепции «универсальной юрисдикции», которая позволяет судить индивидов за международные преступления в любой национальной юрисдикции?	<ol style="list-style-type: none"> 1. Да, это весьма перспективно 2. Нет, это совершенно нереалистично даже в отдаленной перспективе 3. Затрудняюсь ответить 		
14	Нужно ли развивать тематику международной ответственности международных организаций за силовые злоупотребления?	<ol style="list-style-type: none"> 1. Да, это важно для международного права 2. Нет, это не имеет теоретического и практического смысла 		

		3. Затрудняюсь ответить		
15	Какие из перечисленных проблем международной ответственности государств кажутся вам наиболее существенными?	<ol style="list-style-type: none"> 1. Необязательность решений Международного суда ООН 2. Отсутствие реального механизма принуждения государств к международной ответственности 3. Нехватка компетентных органов международного правосудия 4. Отсутствие четкого перечня противоправных деяний, которые могут служить основанием международной ответственности. 5. Все из перечисленного представляется существенным 6. Ничего из перечисленного не представляется существенным 7. Затрудняюсь ответить 		

**Концепция развития института международной ответственности
государств, международных организаций и индивидов
за преступления против мира и безопасности**

1. Общие положения
2. Цели и задачи Концепции
3. Теоретико-правовые основы института международной ответственности государств, международных организаций и индивидов за преступления против мира и безопасности
4. Правовые проблемы института международной ответственности государств, международных организаций и индивидов за преступления против мира и безопасности
5. Наиболее проблемные направления развития института международной ответственности государств, международных организаций и индивидов за преступления против мира и безопасности

Концепция развития института международной ответственности государств, международных организаций и индивидов за преступления против мира и безопасности (далее - Концепция) представляет собой совокупность научно обоснованных взглядов и представлений о международной ответственности государств, международных организаций и индивидов за преступления против мира и безопасности как об особом институциональном правовом явлении. Правовую основу концептуальной разработки составляют нормы и обычаи современного международного права, а также существующая прецедентная практика в области международной ответственности.

1. Общие положения

1.1. Настоящая Концепция содержит совокупность теоретических положений в области международной ответственности государств, международных организаций и индивидов за преступления против мира и безопасности.

1.2. Концепция определяет правовые механизмы международного сотрудничества в области международной ответственности государств, международных организаций и индивидов за преступления против мира и безопасности, а также содержит конкретные меры организационно-правового характера по решению проблем правового обеспечения данного вида международного сотрудничества.

2. Цели и задачи Концепции

2.1. Целями настоящей Концепции являются:

- анализ существующей ситуации в области привлечения государств, международных организаций и индивидов к международной ответственности за преступления против мира и безопасности (с учетом теоретических международно-правовых аспектов и сложившейся практики);

- выработка рекомендаций по дальнейшему совершенствованию международно-правовых норм, регламентирующих вопросы международной ответственности за преступления против мира и безопасности;

- определение круга проблемных вопросов правового характера в сфере международного сотрудничества в области международной ответственности и выработка путей их решения;

- обеспечение взаимодействия между государствами и национальными международно-правовыми школами с целью выработки единого понимания и применения международно-правовых норм в области международной ответственности за преступления против мира и безопасности

2.2. Основными задачами Концепции являются:

- выработка алгоритма привлечения государств, международных организаций и индивидов к международной ответственности за преступления против мира и безопасности (с учетом ситуаций множественности субъектов ответственности);

- на основе прецедентной практики, выявление наиболее часто реализуемых форм международной ответственности организаций, их основания и условия, а также ключевые препятствия для развития института международной ответственности международных организаций;

- введение в научный оборот термина, который позволил бы объединить в одну категорию понятия «международные преступления государств», «международные преступления индивидов» и «военно-силовые злоупотребления международных организаций»;

- установление ключевых характеристик международных преступлений, совершаемых государствами и индивидами, в качестве оснований международной ответственности;

- анализ текущего статуса и особенностей Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 года и Проекта статей об ответственности международных организаций 2011 года;

- демонстрация правовых коллизий, возникающих в результате привлечения государствами частных военных и охранных предприятий к осуществлению военно-силовых операций, при котором государство фактически делегирует в частные руки часть функций, связанных с применением военной силы;

- установка способов, которые отдельные государства используют для того, чтобы избежать реализации международной ответственности;

- определение соотношения санкций и контрмер с формами международной ответственности государств;

- оценка перспектив дальнейшего развития института международной ответственности государств, международных организаций и индивидов за преступления против мира и безопасности.

3. Теоретико-правовые основы института международной ответственности государств, международных организаций и индивидов за преступления против мира и безопасности

Ввиду большой важности, придаваемой Российской Федерацией международному праву и законности, представляется необходимым продолжение и усиление доктринальной разработки вопросов, связанных с международно-правовой ответственностью, в особенности с ответственностью за преступления против мира и безопасности.

Все основополагающие документы по тематике международной ответственности – Римский статут международного уголовного суда 1998 г., Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г., а также Проект статей об ответственности международных организаций 2011 г., содержат упоминание о том, что различные виды международной ответственности не препятствуют и не противоречат друг другу. Кроме того, ответственность государств, международных организаций и индивидов устанавливается различными органами международного

правосудия, что также снимает вопрос о дублировании правовых функций. При этом, за одно и то же действие, например, за геноцид, может наступать как международная ответственность индивидов, так и государств.

3.1. Вопросы, связанные с международной ответственностью, рассматриваются в различных отраслях права. Например, вопросы ответственности индивида рассматриваются в рамках международного уголовного права, а вопросы, связанные с ответственностью государств и международных организаций, являются предметом права международной ответственности. Однако необходимо отметить, что данное деление является весьма условным. В силу того, что кодификация вопросов, связанных с международной ответственностью, завершилась относительно недавно, подобную классификацию вряд ли можно считать окончательно устоявшейся. Анализ правового механизма реализации международной ответственности разными субъектами актуализирует необходимость выделения данных вопросов в единый блок в рамках права международной ответственности.

Международная ответственность за международные преступления, совершаемые государствами, международными организациями и индивидами, как особый институт права международной безопасности, обладает рядом особых признаков: это специфическая сфера, связанная с весьма значимыми общественными отношениями, опирающаяся на значительный объем нормативного материала и обладающая колоссальной международной значимостью, в том числе связанной с потенциальной возможностью ограничения случаев силовых злоупотреблений.

Возможность рассмотрения международных преступлений индивида в рамках органа международного правосудия, действующего на основании норм международного, а не национального права, свидетельствует о том, что в рамках проблематики, рассматриваемой в диссертации, индивид будет выступать объектом международной ответственности, что не противоречит межгосударственной природе международного права. Если индивиды совершают преступные действия в качестве должностных лиц, их ответственность вменяется самому государству.

3.2. Основными субъектами выделяемого института международно-правовой ответственности в рамках права международной безопасности являются государства, международные организации и индивиды. В последние годы встает вопрос об ответственности частных военных и охранных предприятий, нанимаемых государствами для реализации различных задач, связанных с применением вооруженной силы, однако данное направление пока не получило значительного доктринального развития ввиду отсутствия достаточной нормативной базы, регулирующей деятельность подобных структур. Кроме того, все возрастающее значение приобретает правовое регулирование ситуаций, связанных со множественностью потенциальных субъектов международных правонарушений, когда за преступления геноцида несет ответственность как государство, так и индивид, а за преступление агрессии – как государство, так и международная организация.

Определенные правовые сложности связаны с идентичными названиями противоправных деяний, которые совершаются различными субъектами. Любое применение силы, включая агрессию, геноцид, апартеид и экоцид, может организовываться государством и исполняться индивидами, что предполагает международную ответственность как государств, так и индивидов. Например, апартеид может быть противоправной политикой государства, и при этом индивиды, осуществляющие ее, будут также совершать преступление апартеида, подсудное п. j) ст. 7 Римского статута Международного уголовного суда. Вопросы международной ответственности за преступление агрессии, совершенное государством, будут рассматриваться в Международном суде ООН, а преступление агрессии, совершаемое индивидом – в Международном уголовном суде, и так далее. Характеристика индивида как объекта международной ответственности совершенно не противоречит межгосударственной

сущности международного права, поскольку каждое конкретное государство самостоятельно решает, становится или не становится участником Статута Международного уголовного суда. Если же речь идет о создании международного трибунала, данный вопрос также решается на уровне государств, а не на уровне индивидов, поскольку уставы международных трибуналов являются межгосударственными соглашениями.

Тематика международной ответственности за преступления против мира и безопасности сегодня включает шесть основных направлений:

- международная ответственность государств;
- международная ответственность международных организаций;
- международная ответственность индивида;
- международная ответственность частных военных и охранных предприятий;
- международная ответственность народов и наций, борющихся за самоопределение, а также международная ответственность повстанческих групп;
- вопросы совместной ответственности и распределения ответственности между указанными субъектами ответственности.

3.3. Правонарушения государств делятся на две категории по степени тяжести содеянного - «деликты» и «международные преступления». Логика подобного разделения достаточно очевидна – нарушение торговых обязательств, с одной стороны, и проведение политики геноцида, с другой стороны, представляют собой одинаково противоправные явления, однако второе действие имеет значительно большую общественную опасность.

«Международные преступления государств» представляют собой международно-противоправные деяния, возникающие в результате нарушения государством нормы, имеющей характер *jus cogens*. Термин «международные преступления государств»/*state crimes* активно используется в доктрине, однако в тексте Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния термин заменен на достаточно громоздкую конструкцию «серьезные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права». Данная формулировка способствует обходу государствами международной ответственности, поскольку различия между «обычными» и «серьезными» нарушениями международных обязательств не определяются ни в одном международно-правовом документе.

Правовые категории - «международные преступления государств» [агрессия, геноцид, апартеид, экоцид, государственный терроризм], «международные преступления индивидов» [агрессия, геноцид, военные преступления, преступления против человечности], «военно-силовые злоупотребления международных организаций» - можно обозначить термином «преступления против мира и безопасности».

4. Правовые проблемы института международной ответственности государств, международных организаций и индивидов за преступления против мира и безопасности

4.1. Опыт реализации международной ответственности свидетельствует о том, что международную ответственность могут нести различные субъекты – и индивиды, и государства, и международные организации, причем ответственность одних не уменьшает ответственности других.

В случае совершения международно-противоправного деяния международной организацией, согласно Проекту статей об ответственности международных организаций 2011 г., ответственность могут нести как сама международная организация, так и ее государства-члены. К сожалению, нередки случаи, когда государства пытаются переложить ответственность на организацию, а та, в свою очередь, либо апеллирует к своему иммунитету, либо же пользуется отсутствием соответствующих органов международного правосудия, способных призвать ее к ответственности, что является фундаментальной проблемой.

Принципиально важным моментом является определение круга внутригосударственных субъектов, которые могут нести личную ответственность за действия от имени государства на международной арене. Из-за неразрывной связи государства, его органов и должностных лиц, можно констатировать, что периодически субъект правонарушения и субъект ответственности не совпадают, что и составляет специфику права международной ответственности государств. Кроме того, согласно ст.10 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, поведение повстанческого движения, которое становится новым правительством государства, также должно рассматриваться как деяние данного государства по международному праву.

Во-вторых, важным моментом, находящимся на пересечении сфер действия права международной ответственности и международного уголовного права является определение тех форматов ответственности, в которых будет реализовываться ответственность индивида и субъекта международного права. Ответственность, как определенные неблагоприятные для нарушителя последствия, в случае ее реализации человеком и государством, имеют принципиально разную природу. Ответственность индивидов криминализована, а ответственность государства связана с определенными политическими ограничениями и материальной компенсацией пострадавшей стороне.

Имплементация международной ответственности государств связана с двумя ключевыми вопросами, а именно, с нормативными фактическими и процессуальными основаниями ответственности и с компетенцией органа, определяющего конкретные формы реализации ответственности. Представляется необходимым следовать единой классификации видов международной ответственности государств, предложенной Комиссией международного права (реституция, компенсация и сатисфакция). Практика реализации таких форм международной ответственности, как запрет на собственные вооруженные силы или демилитаризация, которые можно отнести к «чрезвычайной сатисфакции», ставит вопрос о временных рамках подобных запретов.

Существует несколько вариантов того, кем и как может быть установлена ответственность государства, совершившего преступление против мира и безопасности, а именно: потерпевшим государством; органом международного правосудия; двухсторонней или многосторонней комиссией, состоящей из представителей потерпевшего государства и государства-правонарушителя; форма международной ответственности может быть определена в двустороннем договоре, заключенном между потерпевшим государством и государством-правонарушителем; ответственность может по собственной инициативе устанавливать само государство-правонарушитель; в резолюциях Совета Безопасности ООН могут устанавливаться факты международного правонарушения и определяться основания ответственности. В целом, можно констатировать отсутствие единого отработанного механизма того, кто и как определяет вопросы, связанные с определением ответственности государства-правонарушителя.

5. Наиболее проблемные направления развития института международной ответственности государств, международных организаций и индивидов за преступления против мира и безопасности

5.1. Беспрецедентная активизация международного терроризма остро ставит вопрос об изменении содержания категорий «права на самооборону» и «дел, по существу входящих во внутреннюю компетенцию государства». Кроме того, целенаправленная практика поддержки оппозиции и радикальных групп в различных государствах, организация «цветных революций», «арабских весен» и государственных переворотов по всему миру позволяет говорить о необходимости установления международной ответственности за осуществление подобной деятельности, которую можно обозначить категорией «государственный терроризм».

5.2. В последнее время, существенно возросла актуальность разработки вопросов международной ответственности государств за исторические события, связанные с применением силы – геноцид армян в Османской империи, колониализм, атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, война во Вьетнаме и прочее. Прежде всего, речь идет о вопросе признания вины государствами и квалификации данных событий. В частности, набирает обороты практика добровольных реституции культурных ценностей бывшим колониям со стороны экс-метрополий, а также материальные притязания со стороны бывших советских республик в адрес Российской Федерации.

5.3. Военные операции НАТО в Югославии, Афганистане, Ираке, Ливии и Сирии, а также приближение инфраструктуры НАТО к российским границам, остро ставят вопрос о необходимости развития тематики ответственности международных организаций за превышение мандата на применение вооруженной силы, особенно в отсутствие судебного органа, который может устанавливать ответственность международных организаций.

5.4. Одной из проблем, препятствующих четкому определению оснований международной ответственности государств, является то, что статья 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года не указывает конкретного содержания категории «императивной нормы», из-за чего ее трактуют достаточно вольно, в зависимости от национальных интересов конкретных государств. В результате, такое основание международной ответственности государств, как «серьезное нарушение обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права», не имеет конкретного правового содержания и зависит от доктринальных трактовок.

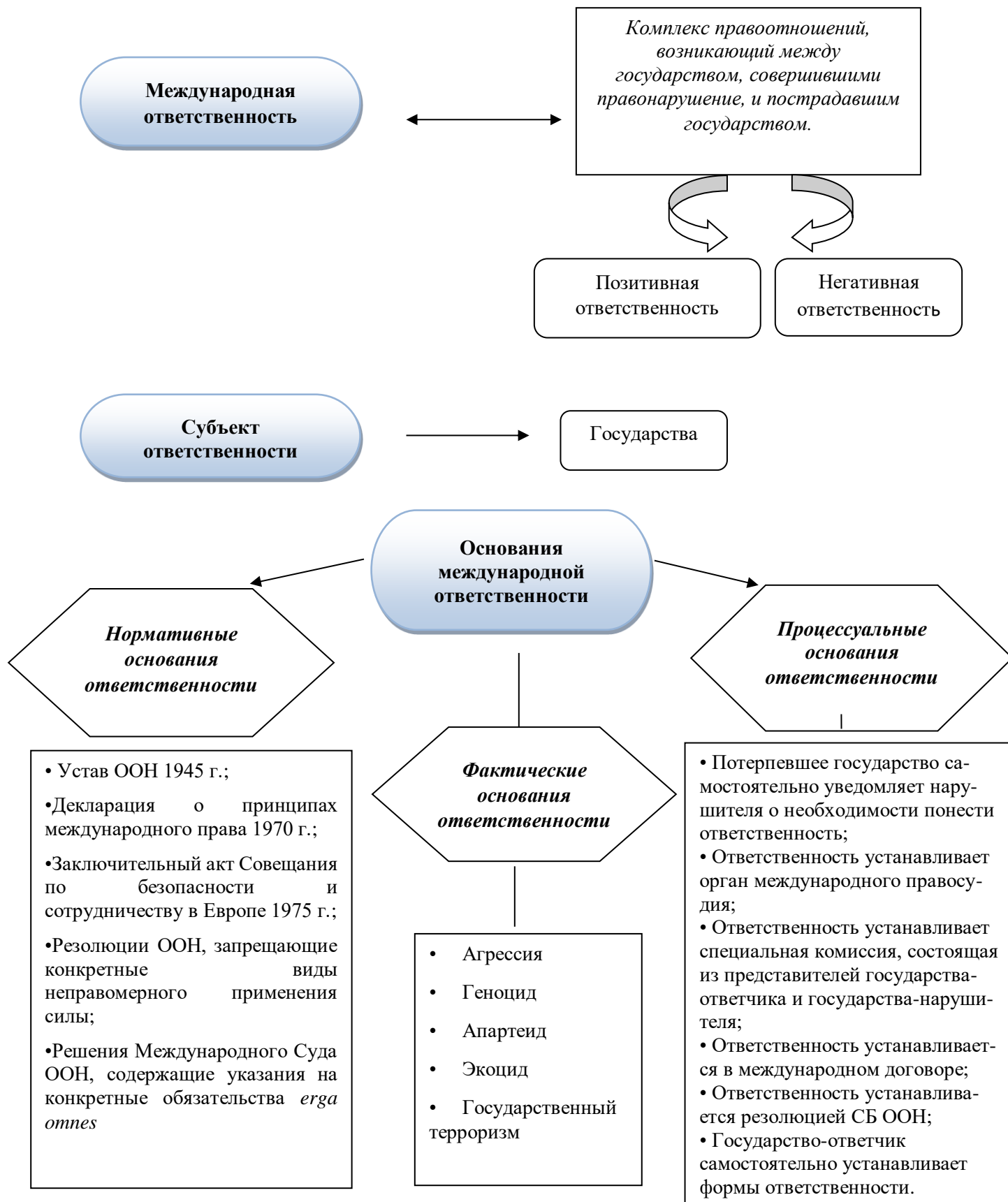
Кроме того, ситуацию усугубляет выстраивание специальной иерархии императивных норм, активно используемые западной доктриной международного права и основанные на приоритете уважения прав человека, что привело к появлению и распространению доктрин «гуманитарной интервенции», «ответственности за защиту», концепции «несостоявшихся государств», а также концепции «справедливой войны». При этом, одной из ключевых стала разработка концепций, которая бы смогла сделать внешнее вмешательство во внутренние дела суверенных государств максимально легитимным в глазах международного сообщества. Исключение действий, начатых на основании данных концепций, из оснований международной ответственности, неизбежно приведет к возврату к силовому императиву в международном праве и к военному произволу отдельных государств, не ограниченных договорными рамками.

5.5. Платежи *ex gratia* как альтернативной, неправовой формы материального возмещения, активно применяемая западными государствами, тормозят развитие традиционных форм международной ответственности, поскольку после получения платежей *ex gratia* получатели отказываются от дальнейших усилий по привлечению нарушителей к международной ответственности. Платежи *ex gratia* нельзя отнести к такой форме реализации международной ответственности, как компенсация, поскольку граждане пострадавшего государства, равно как и само государство, в случае согласия принять платежи *ex gratia*, не имеют никаких рычагов влияния на размеры подобных выплат, и вынуждены довольствоваться тем, что им предлагает государство-нарушитель.

5.6. Ключевой проблемой международной ответственности является вопрос об имплементации. Создание международных трибуналов на базе ООН крайне затруднено ввиду того, что государства, обладающие правом вето, блокируют принятие резолюции об учреждении трибунала, если это не соответствует их национальным интересам. В результате, ввиду невозможности коллективных усилий на глобальном уровне, государства начинают решать задачи, связанные с ответственностью, на региональном и национальном уровне, что не способствует прогрессивному развитию международного права.

5.7. Беспрецедентная интенсивность использования санкций в последнее время, особенно против Российской Федерации, позволяет поставить вопрос о неправомерности подобных действий и несоответствие их пониманию санкций согласно Уставу ООН, а также позволяет говорить о таком противоправном явлении, как «экономическая агрессия».

Реализация международной ответственности государств

**Перечень обязательств государств *erga omnes*
(на основании решений Международного суда ООН)¹⁰³³**

- обязательство не совершать актов агрессии (*Case Concerning the Barcelona Traction, Light and Power Company, LTD (Belgium v. Spain)*. 1970);
- обязательство не проводить политику геноцида (*Case Concerning the Barcelona Traction, Light and Power Company, LTD (Belgium v. Spain)*. 1970; *Case Concerning Armed Activities on the territory of Congo (Congo vs. Rwanda)*, 2006;
- обязательство защищать граждан от расовой дискриминации (*Case Concerning the Barcelona Traction, Light and Power Company, LTD (Belgium v. Spain)*, 1970);
- обязательство защищать международное сообщество от ядерной угрозы (*The Nuclear Tests Case (New Zealand v. France)*, 1974);
- обязательство уведомлять международное сообщество о прокладке мин одним государством в гавани и внутренние воды другого государства (*Case Concerning Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*. 1986;
- обязательство не препятствовать праву народов на самоопределение (*Case Concerning East Timor (Portugal vs. Australia)*.1995.

¹⁰³³ Решения приводятся в хронологическом порядке.

**Концепция соотношения понятия «преступление государства»,
норм *jus cogens* и обязательств *erga omnes***

(предложение Г. Гайя, 1984 г.)

